O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA’LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI

TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI

XII

RESPUBLIKA ILMIY-AMALIY KONFERENSIYASI

XORIJIY SHARQ MAMLAKATLARIDAGI TARIXIY JARAYONLAR VA ULARNI O‘RGANISHNING DOLZARB MUAMMOLARI

mavzuidagi XII Respublika ilmiy-amaliy konferensiya materiallari to‘plami

23-may, 2026-yil

Toshkent – 2026

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA’LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI

TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI

XORIJIY SHARQ MAMLAKATLARIDAGI TARIXIY JARAYONLAR VA ULARNI O‘RGANISHNING DOLZARB MUAMMOLARI

mavzuidagi XII Respublika ilmiy-amaliy konferensiya materiallari to‘plami

23-may, 2026-yil

Toshkent – 2026

Ushbu to‘plamga O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirining 2026-yil 16-yanvardagi “2026-yilda xalqaro va respublika miqyosida o‘tkaziladigan ilmiy va ilmiy-texnik tadbirlar rejasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi 11-sonli buyrug‘ida ko‘rsatilgan chora-tadbirlar ijrosini amalga oshirish maqsadida Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti “Sharq mamalakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi tomonidan 2026-yil 23-may kuni “Xorijiy Sharq mamlakatlaridagi tarixiy jarayonlar va ularni o‘rganishning dolzarb muammolari” mavzusida o‘tkazilgan XII Respublika ilmiy-amaliy konferensiya materiallari kiritilgan.

Mas’ul muharrir:

tarix fanlari doktori, professor **N.E. Karimova**

tarix fanlari doktori, dotsent **U.A. Abdullayev**

Taqrizchilar:

Tarix fanlari doktori, professor **S.B. Shodmanova**

tarix fanlari nomzodi, dotsent **A.X. Xudayberdiyev**

© Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, 2026

(E)ISSN: 2181-1784
6 (7), May 23, 2026
www.oriens.uz

SO‘ZBOSHI O‘RNIDA

Bugungi globallashuv va xalqaro munosabatlar tizimida yuz berayotgan chuqur siyosiy, iqtisodiy, ijtimoiy va madaniy transformatsiyalar Sharq mamlakatlarining tarixiy taraqqiyot jarayonlarini chuqur va kompleks tadqiq etishni taqozo etmoqda. Zero, Sharq mamlakatlari tarixi nafaqat alohida davlatlar va xalqlarning siyosiy hamda ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanish bosqichlarini, balki jahon sivilizatsiyasi taraqqiyotiga ta’sir ko‘rsatgan murakkab tarixiy jarayonlar, davlatchilik an’analari, diplomatik munosabatlar, madaniy aloqalar va mintaqaviy integratsiya jarayonlarini ham qamrab oladi. Shu nuqtai nazardan, xorijiy Sharq mamlakatlarining tarixiy tajribasini yangi manbalar, zamonaviy metodologik yondashuvlar va tarixshunoslik yutuqlari asosida o‘rganish bugungi kun sharqshunosligining muhim ilmiy vazifalaridan biri hisoblanadi.

Mazkur dolzarb masalalarni ilmiy jihatdan muhokama qilish maqsadida tashkil etilgan “Xorijiy Sharq mamlakatlaridagi tarixiy jarayonlar va ularni o‘rganishning dolzarb muammolari” mavzuidagi XII an’anaviy ilmiy-amaliy konferensiya Sharq mamlakatlari tarixini o‘rganishning zamonaviy holati, mavjud ilmiy muammolar, manbalarni tahlil qilish usullari hamda tarixiy jarayonlarning mintaqaviy va global ahamiyatini muhokama qilish uchun muhim ilmiy muloqot maydoni bo‘ldi. Konferensiya doirasida turli davr va mintaqalarga oid tarixiy jarayonlar, siyosiy va ijtimoiy institutlar evolyutsiyasi, tashqi siyosat va xalqaro munosabatlar, iqtisodiy hamda energetik omillar, milliy va diniy identiklik, migratsiya, gender munosabatlari, diplomatik aloqalar va madaniy hamkorlik kabi keng qamrovli masalalar ilmiy tahlil qilindi.

Konferensiya materiallarida, avvalo, Sharq mamlakatlari tarixini o‘rganishning manbashunoslik va tarixshunoslik masalalariga alohida e’tibor qaratilgan. Xitoy yozma manbalarida Amir Temur imperiyasi bilan Xitoy o‘rtasidagi savdo-elchilik munosabatlarining aks etishi, Temuriylar va Min sulolasi o‘rtasidagi diplomatik aloqalar, “Boburnoma”ning O‘rta Osiyo va Hindiston tarixini o‘rganishdagi ahamiyati, Xitoy sayyohlarining Markaziy Osiyo haqidagi ma’lumotlari, shuningdek, turk tarixshunosligida Saljuqiylar davri tarixining tadqiq etilishi kabi masalalar ushbu yo‘nalishning muhim jihatlarini tashkil etadi. Shu bilan birga, A.A. Semyonovning Pomir va uning aholisini o‘rganishga qo‘shgan hissasi, o‘zbek sharqshunoslari tadqiqotlarida arab davlatlari ijtimoiy-siyosiy tarixining yoritilishi ham Sharq tarixini tadqiq etishda ilmiy maktablar va alohida tadqiqotchilar merosining o‘rnini ochib beradi. Bu masalalar tarixiy manbalarni

tanqidiy tahlil qilish, ularning ilmiy axborot imkoniyatlarini aniqlash va tarixiy voqelikni turli manbalar asosida qayta tiklashning ahamiyatini ko‘rsatadi.

Konferensiyada Sharq mamlakatlarida davlatchilik, siyosiy institutlar va modernizatsiya jarayonlari ham keng muhokama qilingan. Usmoniylar imperiyasida matbuot tizimining shakllanishi va transformatsiyasi, Eron siyosiy tizimida teokratik hokimiyatning institutsionallashuvi, Xitoy davlat boshqaruvi tizimining modernizatsiyasi, Xitoy Xalq Respublikasida bozor islohotlarining evolyusiyasi, Eronda konstitutsiyaviy harakatlar va partiyaviy faoliyat, Pokistonda siyosiy institutlar o‘rtasidagi kurashda konstitutsiyaviy to‘ntarishlarning roli kabi masalalar davlat va jamiyat munosabatlarining tarixiy rivojlanish xususiyatlarini ochib berishga xizmat qiladi. Shuningdek, Xitoyning zamonaviy tashqi siyosat xususiyatlari, uning davlat boshqaruvi va strategik tafakkuri evolyusiyasiga bag‘ishlangan tadqiqotlar mamlakatning zamonaviy taraqqiyot modelini tarixiy jarayonlar bilan uzviy bog‘liq holda tahlil qilish imkonini beradi.

Materiallarda Sharq mamlakatlarining tashqi siyosati, diplomatiyasi va xalqaro munosabatlariga bag‘ishlangan tadqiqotlar salmoqli o‘rin egallaydi. Jumladan, XX asr oxiri – XXI asr boshlarida Eron tashqi siyosatining xususiyatlari va tamoyillari, Tolibon tashqi siyosatining evolyusiyasi, Qatarning mustaqil tashqi siyosati va uning Fors ko‘rfazi mintaqaviy integratsiyasiga ta’siri, Turkiya tashqi siyosatining “Arab bahori”dan keyingi transformatsiyasi, Qatar tashqi siyosatida tinchlik konsepsiyasining shakllanishi hamda Yamanning xalqaro mavqei o‘zgarishida tashqi omilning roli kabi masalalar zamonaviy xalqaro munosabatlarning murakkab xususiyatlarini yoritadi. Bunday tadqiqotlar Sharq davlatlarining tashqi siyosiy strategiyalari shakllanishida milliy manfaatlar, mintaqaviy xavfsizlik, geosiyosiy raqobat va tashqi omillarning o‘zaro ta’sirini anglash uchun muhim nazariy va amaliy ahamiyatga ega.

Shu bilan birga, konferensiyada Yaqin Sharq va Osiyo mintaqalarida xavfsizlik, mojarolar va geosiyosiy jarayonlarga alohida e’tibor qaratilgan. XX asrda Yaqin Sharqdagi konfliktogen jarayonlarda neft omilining o‘rni, Saudiya Arabistoni va Eron munosabatlarida diniy-siyosiy omilning ahamiyati, Xitoyning Markaziy Osiyoga nisbatan strategik qarashlari hamda Xitoyning Vetnam tashqi siyosati va xavfsizlik tafakkuridagi o‘rni kabi masalalar mintaqaviy jarayonlarning global siyosiy tizim bilan o‘zaro bog‘liqligini ko‘rsatadi. Ushbu yo‘nalishdagi tadqiqotlar zamonaviy xalqaro munosabatlarda xavfsizlik tushunchasining kengayib borayotgani, iqtisodiy va energetik manfaatlarning siyosiy jarayonlarga ta’siri hamda mintaqaviy kuchlar o‘rtasidagi munosabatlarning transformatsiyasini anglash nuqtai nazaridan muhimdir.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (7), May 23, 2026
www.oriens.uz

Konferensiya materiallarida milliy, hududiy, diniy va ijtimoiy identiklik masalalari ham muhim o‘rin tutgan. Eron Islom Respublikasi misolida milliy identiklikning xalqaro munosabatlar tizimidagi roli, arab davlatlarida hududiy identiklik muammolari, Hind jamiyatida gender tengsizligini shakllantiruvchi an’anaviy urf-odatlar va diniy marosimlar, Pokistonda sunniy-shia munosabatlarining siyosiylashuvi hamda «Marifatli mo‘tadillik» siyosati davrida xotin-qizlarga munosabat kabi tadqiqotlar Sharq jamiyatlarida ijtimoiy munosabatlar va identiklikning shakllanish mexanizmlarini turli nuqtai nazarlardan yoritadi. Bu masalalar siyosiy institutlar bilan bir qatorda madaniy, diniy va ijtimoiy omillarni ham tarixiy taraqqiyotning muhim determinantlari sifatida o‘rganish zarurligini ko‘rsatadi.

Alohida tadqiqotlarda Sharq mamlakatlarining iqtisodiy taraqqiyoti, energetika siyosati, migratsiya va ijtimoiy o‘zgarishlar masalalari tahlil etilgan. Xitoyning energetika tarixi va siyosati, Hindistonda Narasimxa Rao islohotlari davrida migratsiya jarayonlarining yangi bosqichga ko‘tarilishi, Marokashda fransuz protektorati davrida migratsiya tarixi, Rossiya imperiyasi va Sharq mamlakatlari o‘rtasidagi savdo aloqalarining davriy matbuotda yoritilishi kabi tadqiqotlar iqtisodiy munosabatlar va migratsiya jarayonlarining siyosiy hamda ijtimoiy taraqqiyotga ta’sirini ochib beradi.

Konferensiya doirasida Sharq mamlakatlarining madaniy-ma’rifiy va gumanitar taraqqiyotiga oid masalalar ham o‘rganilgan. Yapon mustamlakasi davrida nashr etilgan xotin-qizlar jurnallari tarixi, Koreya Respublikasi ommaviy diplomatiyasini amalga oshirishda madaniy-ta’lim markazlarining roli, Hindistonlik shifokorlar va tibbiy xizmat xodimlarining Birinchi jahon urushidagi ishtiroki, shuningdek, musulmon shahridagi huquqiy institutlar tarixi kabi mavzular Sharq jamiyatlarining madaniy, huquqiy va ijtimoiy taraqqiyotini kompleks o‘rganish uchun muhim ilmiy yo‘nalishlarni belgilab beradi.

Sharq mamlakatlari tarixini O‘zbekiston tarixi bilan bog‘liq holda o‘rganish konferensiya materiallarining yana bir muhim yo‘nalishini tashkil etadi. O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi tarixiy-madaniy aloqalar, Turkiya–O‘zbekiston strategik sherikligining geosiyosiy va geoiqtisodiy omillari, Amir Temur davridagi Xitoy bilan diplomatik munosabatlar kabi masalalar mamlakatimizning Sharq davlatlari bilan ko‘p asrlik tarixiy va zamonaviy aloqalarini tadqiq etishning muhimligini ko‘rsatadi.

Konferensiya materiallarida qadimgi va o‘rta asrlar tarixiga oid siyosiy-diplomatik hamda harbiy jarayonlar ham munosib o‘rin egallagan. Tibet va Xitoy o‘rtasidagi VII–IX asrlardagi diplomatik va harbiy qarama-qarshiliklar, Uch

(E)ISSN: 2181-1784
6 (7), May 23, 2026
www.oriens.uz

podshohlik davridagi siyosiy boshqaruv tizimi, G‘aznaviylar davlatining harbiy-siyosiy strategiyasi, Turkiyada milliy davlat shakllanishida harbiy-siyosiy meros va armiyaning roli, shuningdek, Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasida Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachining harbiy-siyosiy strategiyasiga bag‘ishlangan tadqiqotlar Sharq davlatchiligi tarixida harbiy va siyosiy institutlarning o‘rnini anglashga xizmat qiladi.

Umuman olganda, konferensiya materiallarida qamrab olingan ilmiy tadqiqotlar Sharq mamlakatlari tarixini xronologik, mintaqaviy va muammoviy yondashuvlar uyg‘unligi asosida o‘rganish zarurligini namoyon etadi. Turli davrlarga mansub tarixiy voqea va jarayonlarning zamonaviy siyosiy, iqtisodiy va ijtimoiy transformatsiyalar bilan bog‘liq holda tahlil qilinishi tarixiy tadqiqotlarning ilmiy-metodologik imkoniyatlarini yanada kengaytiradi. Ayniqsa, tarixiy manbalarni tanqidiy tahlil qilish, milliy tarixshunoslik va xorijiy ilmiy maktablar yondashuvlarini qiyosiy o‘rganish, tarixiy jarayonlarni mintaqaviy va global kontekstda tadqiq etish zamonaviy sharqshunoslikning muhim vazifalaridan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda.

Mazkur ilmiy to‘plamga kiritilgan maqolalar Sharq mamlakatlarining tarixiy taraqqiyoti, siyosiy va ijtimoiy institutlari, davlatchilik an’analari, tashqi siyosati va diplomatik aloqalari, iqtisodiy hamda madaniy jarayonlari, milliy va diniy identikligi, xavfsizlik muammolari va O‘zbekiston bilan tarixiy-zamonaviy munosabatlariga oid dolzarb masalalarni qamrab oladi. Ularda ilmiy manbalarni yangi nuqtai nazardan talqin qilish, tarixiy jarayonlarni qiyosiy tahlil etish va zamonaviy nazariy yondashuvlar asosida qayta baholashga intilish kuzatiladi.

Shu ma’noda, “Xorijiy Sharq mamlakatlaridagi tarixiy jarayonlar va ularni o‘rganishning dolzarb muammolari” nomli XII an’anaviy ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari to‘plami Sharq tarixi va zamonaviy taraqqiyotiga oid ilmiy izlanishlarni umumlashtirish, tadqiqotchilar o‘rtasida ilmiy muloqotni rivojlantirish, yangi ilmiy yondashuv va konsepsiyalarni muhokama qilish, shuningdek, xorijiy Sharq mamlakatlari tarixini o‘rganishning istiqbolli yo‘nalishlarini belgilashga xizmat qiluvchi muhim ilmiy manba sifatida ahamiyat kasb etadi. To‘plamdagi tadqiqotlar nafaqat tarix, balki siyosatshunoslik, xalqaro munosabatlar, sharqshunoslik, iqtisodiyot, ijtimoiy fanlar va gumanitar tadqiqotlarning turli yo‘nalishlari uchun ham ilmiy qiziqish uyg‘otishi tabiiy.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

USMONIYLAR IMPERIYASIDA MATBUOT TIZIMI: SHAKLLANISH, RIVOJLANISH VA TRANSFORMATSIYA (1831-1923)

Sanobar Shodmanova
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, “Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi professori, t.f.d.
sanobarshodmanova@gmail.com

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Usmoniylar imperiyasida matbuot tizimining shakllanishi, rivojlanishi va transformatsiyasi 1831–1923-yillar oralig‘ida tarixiy jarayonlar bilan uzviy bog‘liqlikda tahlil qilinadi. Tadqiqotda dastlabki rasmiy va xususiy nashrlarning paydo bo‘lishi, Tanzimot islohotlari davrida matbuotning ijtimoiy vazifalari, Abdulhamid II davridagi senzura siyosati, Yosh turklar harakati bilan bog‘liq siyosiy matbuotning faollashuvi hamda matbuotning modernizatsiya, milliy ong, ayollar masalasi va jamoatchilik fikri shakllanishidagi o‘rni yoritiladi. Maqolada Usmoniylar matbuotining rasmiy axborot vositasidan siyosiy-ijtimoiy diskurs maydoniga aylanish jarayoni ilmiy asosda ko‘rib chiqiladi.

Asosiy so‘z va tushunchalar: *Usmoniylar imperiyasi, matbuot, davriy nashrlar, Tanzimot, Taqvim-i vaqoyi, Jeride-yi havodis, Terjüman-i ahvol, Tasvir-i Efkar, Abdulhamid II, senzura, Yosh turklar, modernizatsiya, jamoatchilik fikri, siyosiy diskurs, ayollar masalasi.*

KIRISH

Usmoniylar imperiyasida matbuotning paydo bo‘lishi XIX asr boshlarida amalga oshirilgan modernizatsiya jarayonlari bilan uzviy bog‘liqdir. Ayniqsa, Tanzimot islohotlari davrida davlat boshqaruvi, ta’lim va axborot tarqatish tizimida tub o‘zgarishlar yuz berib, matbuotning shakllanishi uchun zarur sharoitlar yaratildi.

Turkiyaning geografik joylashuvi davlat taraqqiyotining o‘ziga xos yo‘lini ko‘p jihatdan belgilab bergan. Usmoniylar imperiyasi davridan boshlab mamlakat Yevropa va Osiyoni bog‘lab turgan, shuningdek, Qora dengiz, Egey dengizi va O‘rta Yer dengiziga chiqish imkoniyatiga ega bo‘lgan. Qulay iqtisodiy-geografik holat nafaqat madaniy sintezga, balki Sharq an’analari va G‘arb taraqqiyotining uyg‘unlashuviga ham xizmat qildi.

“Nizom-i jadid” va Tanzimot islohotlari davrida Turkiya taraqqiyotida yuz bergan siljishlar kitob chop etishning kengayishiga sabab bo‘lib, davriy matbuotning paydo bo‘lishiga ham olib keldi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR

Usmoniylar imperiyasida matbuot tizimining shakllanishi va rivojlanishini o‘rganish masalasi turkshunoslik, matbuot tarixi va modernizatsiya jarayonlari tarixshunosligida muhim o‘rin tutadi. Mavzuga oid tadqiqotlarda dastlabki bosmaxona va davriy nashrlar tarixi, Tanzimot davridagi axborot siyosati, xususiy matbuotning yuzaga kelishi, senzura mexanizmlari hamda XX asr boshidagi siyosiy matbuot faoliyati alohida ilmiy muammo sifatida ko‘rib chiqilgan. Ushbu maqolada mavjud ilmiy adabiyotlar, tarixiy davriy nashrlar haqidagi ma’lumotlar va mavzuga oid tadqiqotlar asosida Usmoniylar matbuotining institutsional taraqqiyoti tahlil qilindi.

Tadqiqotda tarixiy-xronologik, qiyosiy-tahliliy va tizimli yondashuvlardan foydalanildi. Tarixiy-xronologik metod orqali matbuot tizimining 1831–1923-yillardagi bosqichma-bosqich rivojlanishi ko‘rsatildi. Qiyosiy-tahliliy yondashuv yordamida rasmiy, xususiy, adabiy-ma’rifiy va muxolif matbuot yo‘nalishlarining o‘ziga xos xususiyatlari o‘zaro solishtirildi. Tizimli yondashuv esa matbuotni davlat islohotlari, senzura siyosati, ziyolilar qatlamining shakllanishi va jamoatchilik fikri evolyutsiyasi bilan bog‘liq holda tahlil qilish imkonini berdi.

NATIJALAR

Birinchi turk gazetasi Ibrohim Mutafarriqa bosmaxonasi ish boshlaganidan yuz yil o‘tgach paydo bo‘ldi. Turkiyada esa bundan ancha avval xorijiy gazetalar nashr qilina boshlangan edi.

1794-yilda Fransiya Respublikasi hukumati Istanbuldagi o‘z elchixonasi huzurida Turkiyada yashovchi fransuzlar va boshqa yevropaliklar uchun mo‘ljallangan “Yangiliklar byulleteni” (“Bulletin de Nouvelle”)ni nashr etish haqida qaror qabul qildi. 1796-yilda uning o‘rnini “Fransuz Konstantinopol gazetasi” (“Gazette Française de Constantinople”) egalladi. Uning maqsadi Yevropadagi voqealar haqida xabar berish bo‘lib, turk ishlariga daxldor emas edi. Biroq Napoleonning Misrga qo‘shin tushirgani haqidagi xabarlar Istanbulga yetib kelgach, gazeta yopildi va keyingi yigirma yildan ortiq vaqt davomida gazeta chiqarishga yangi urinishlar ham amalga oshirilmadi.

Misrdagi fransuz okkupatsion kuchlari tomonidan nashr etilgan gazetalar – “Courrier d’Egypte”, “Décade Egyptienne”, “Journal officiel” – 1798-yil oktabr oyida paydo bo‘lib, fransuzlar ketgach yo‘qolgan edi. Shu yilning o‘zida arab tilida “Havadis ul-yavmiya” gazetasini chiqarishga urinish qilingan. Boshqa

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ma’lumotlarga ko‘ra, u “Ut-Tanbeh” deb atalgan. Ammo u ham xuddi shu sabab bilan muvaffaqiyatsiz yakunlangan[1].

Dastlab turk gazetachiligining asosiy markazi Smirna – hozirgi Izmir shahri bo‘ldi. Savdo markazi bo‘lgan bu shaharning nisbatan kosmopolit va siyosatdan chetroq muhiti ilk nashrlarning paydo bo‘lishiga imkon yaratdi. Shunday gazetalardan birinchisi “Smirna xabarchisi” (“Smyrnéen”) deb atalgan bo‘lib, Sharl Trikon tomonidan tashkil etildi va 1824-yil yanvar oyidan chiqa boshladi. Uning Porta siyosatiga qarshi keskin fikrlari, ayniqsa, grek siyosati masalasidagi chiqishlari shikoyatlarga sabab bo‘ldi va natijada Izmirdagi fransuz konsuli bu gazetaning nashrini to‘xtatdi.

Biroq 1824-yil oktabrida u yana “Sharq kuzatuvchisi” (“Le Spectateur Oriental”) nomi bilan, “Tijorat, siyosiy va adabiy gazeta” (“Journal commercial, politique et littéraire”) degan qo‘shimcha sarlavha ostida qayta nashr qilina boshladi. Bu nashr London yangiliklari yoki Smirna portidagi savdo harakati haqida ma’lumot berib, o‘quvchilarni o‘z nuqtayi nazari bilan jalb qilgan. Gazeta Gretsiyadagi milliy-ozodlik harakatini qo‘llab-quvvatlamaganligi sababli Angliya va Rossiyaning keskin noroziligiga uchradi. Natijada 1826-yil davomida gazetaning nashri bir necha marta to‘xtatildi, uning egalari esa almashtirildi.

1827-yilda gazetani nashr etish ishlarini Izmir va butun Levant savdo doiralarida katta shuhrat qozongan Aleksandr Blak o‘z zimmasiga oldi. “Le Spectateur Oriental” gazetasining chiqishini to‘xtatish maqsadida Izmirdagi fransuz konsuli Kastanye uning tahririyati va bosmaxonasini haqiqiy vayronaga aylantirdi. Biroq bu keskin chora ham Blakni to‘xtata olmadi. Blak 1828-yil yanvar oyidayoq yangi fransuz gazetasi – “Courrier de Smyrne”ni nashr eta boshladi. Ushbu gazeta 1830-yilgacha muntazam chiqib turdi[2].

Bu voqeadan so‘ng Porta o‘z gazetasini tashkil etish zarurligi haqida xulosa chiqardi va shu maqsadda Mahmud II 1830-yilda Blakni Istanbulga taklif qildi. 1831-yilda Blak tomonidan tashkil etilgan birinchi usmonli gazetasi – fransuz tilidagi “Moniteur Ottoman” chiqa boshladi[3]. Hukumat organi sifatida bu gazeta ikki qismdan – rasmiy va yarim rasmiy bo‘limlardan iborat edi. 1836-yilgacha bu gazetaning amaldagi rahbari Aleksandr Blak bo‘lib qoldi.

XIX asrda Izmirdagi fransuz matbuoti Usmoniylar imperiyasiga yevropacha liberalizm g‘oyalarining kirib kelishini tezlashtirdi. Bu esa mamlakatning ko‘p

[1] Желтяков А.Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ “Низам-и Джедид” до конституции 1876 г. / Тюркологический сборник. 1970. – М.: Наука, 1970. – С.248-249.
[2] Турк газетачилиги // Yash Turkistan. – 1932. – № 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37; 1933. – № 42, 43,44, 47, 48, 49.
[3] Желтяков А.Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ “Низам-и Джедид” до конституции 1876 г. / Тюркологический сборник. 1970. – М.: Наука, 1970. – С.250.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

millatli aholisi orasida milliy mustaqillik uchun harakatlarning kuchayishiga olib keldi. Natijada islohotlarga ehtiyoj paydo bo‘ldi. Rasman barcha aholi teng huquqlarga ega deb e’lon qilindi, fuqarolik jamiyatini yaratishga qaratilgan choralar ko‘rildi, ammo konservativ yo‘nalishdan to‘liq voz kechish va modernizatsiyaga o‘tish amalga oshmadi.

Usmoniylar imperiyasida birinchi matbuot organini tashkil etish g‘oyasi Yevropa madaniyatini qo‘llab-quvvatlagan sulton Mahmud II ga tegishli edi. XIX asrning birinchi yarmida amalga oshirilgan islohotlar aholi orasida ko‘plab savollarni keltirib chiqardi. Davlat mafkurasi asosan tarixiy g‘alabalarga tayangani uchun “Taqvim-i vaqoyi” (“Voqealar taqvimi”) nomli birinchi gazetani chiqarish vazifasi imperiyaning bosh tarixchisi Esad afandiga topshirildi. Gazeta asosan sulton farmonlari va qarorlarini bosib, mamlakatdagi jarayonlarni aholiga tushuntirib berardi.

Besh ming nusxada bosilgan “Taqvim-i vaqoyi” gazetasining birinchi soni barcha vazirlarga, poytaxtning harbiy va fuqarolik amaldorlariga, ulamolarga, shahar va qishloq zodagonlariga, shuningdek, xorijiy davlatlar elchixonalari va konsulliklariga tarqatildi. Unda dunyoviy xronikaga oid materiallar – Mahmud II ning Chanoqqal’aga safari va Usqudorda yangi qo‘shinlar paradini qabul qilishi, sulton boshchiligidagi tantanali marosim, Mehdiya shahzodasidagi o‘quv ishlari va hokazolar – Istanbuldagi navbatdagi yong‘in haqidagi xabarlar, viloyatlardagi ayrim voqealar – Albaniyadagi qo‘zg‘olon, Bag‘dod voliysi Dovud poshoning hibsga olinishi va boshqalar – shuningdek, ayrim xorijiy xabarlar e’lon qilingan edi[4]. Gazetaga bo‘lgan qiziqish 1832-yilda yanada ortdi, chunki uni arman, grek, arab va fors tillarida ham nashr qilish haqida qaror qabul qilindi. Bu tillardagi nashrlar “Taqvim-i vaqoyi”ning turkcha sonlarining to‘g‘ridan-to‘g‘ri tarjimasi emas edi.

Mazkur gazeta faoliyati davomida qator muammolarga duch kelgan. Asosiy muammolardan biri kadrlar masalasi bilan bog‘liq bo‘lib, gazeta xodimlari madrasa bitiruvchilari va xojalardan iborat edi. Gazetada birorta ham professional jurnalist yo‘q edi. Gazetaning yana bir katta kamchiligi uning nihoyatda nomuntazam chiqishi edi. Ba’zan u har hafta chiqar, ba’zan oyiga bir marta, hatto undan ham kam nashr etilar edi. Quyidagi raqamlar bunga misol bo‘la oladi: 1832-yilda 24 ta son, 1833-yilda 18 ta, 1834-yilda 27 ta, 1835-yilda 18 ta, 1836-yilda 17 ta, 1837-yilda 15 ta, 1842-yilda 12 ta, 1847-yilda 46 ta son – rekord daraja, 1858 va 1859-yillarda esa atigi 8 tadan son chiqqan. 1860-yildan boshlab gazeta butunlay inqirozga yuz tutdi va 1878-yilda 2119-sonidan so‘ng yopildi. 1890-yilda yana qaytadan nashr etilib, 13 oy chiqqandan so‘ng yana to‘xtatildi. 1908-yilda yana

[4] Ertuğ H. R. Basın ve yayın hareketleri. – Istanbul: Yenilik basımevi, 1970. – S.132–148.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

takror matbuot dunyosida paydo bo‘ldi va Turkiya Jumhuriyati hukumati vujudga kelgan vaqtgacha chiqib turdi. Mazkur gazetaning jami 4608 ta soni chop etilgan[5].

Gazetaning ommalashishiga uning tili ham to‘sqinlik qildi. Unda ishlagan madrasa bitiruvchilari arab va forscha so‘z hamda iboralarga to‘la, uzun, zerikarli va og‘ir jumlalar bilan yozishgan. Bu uslub oddiy turk o‘quvchisi uchun mutlaqo tushunarsiz edi.

“Jeride-yi havodis” (“Yangiliklar xabarchisi”) gazetasining birinchi soni 1840-yil 1-avgustda chiqdi. Cherchill Istanbuldagi inglizcha “Morning Herald” gazetasining muxbirlaridan biri bo‘lgani uchun ma’lum darajada jurnalistik tajribaga ega edi, ammo dastlab ishlar yaxshi ketmadi. 1843-yilga kelib, atigi 150 nafar obunachisi qolgan va moliyaviy inqiroz yoqasiga kelib qolgan paytda turk hukumati unga oyiga 2500 qurush miqdorida subsidiya berishga qaror qildi. Shu vaqtdan boshlab “Jeride-yi havodis” yarim rasmiy xususiyat kasb etdi. Gazetada hukumat va boshqa, ayniqsa, tijorat xabarlari hamda e’lonlarga tobora ko‘proq o‘rin berila boshlandi. Cherchill Qrim urushi voqealarini yoritish orqali katta e’tibor qozondi.

1851-yilga kelib, Konstantinopolda turli tillarda nashr etiladigan 13 ta davriy nashr mavjud edi: shundan 2 tasi turk tilida, 4 tasi fransuz tilida, 4 tasi italyan tilida, 1 tasi yunon tilida, 1 tasi arman tilida va 1 tasi bolgar tilida chiqarilar edi. Butun Usmoniylar imperiyasi bo‘ylab esa taxminan 31 ta jurnal faoliyat yuritgan. Nashr etilayotgan gazetalar soni bo‘yicha birinchi o‘rinni Smirna shahri egallagan bo‘lib, bu yerda fransuz tilidagi 5 ta nashr chop etilgan[6].

1860–1876-yillar Usmoniylar imperiyasida milliy matbuot tizimining shakllanishi va jadal rivojlanishi davri sifatida ahamiyat kasb etadi. Ayniqsa, Istanbulda turk tilidagi davriy nashrlar sonining keskin ortishi matbuotning jamiyat hayotidagi o‘rni mustahkamlanayotganini ko‘rsatadi. 1860–1861-yillardayoq Istanbulda turk tilidagi ikki yangi gazeta nashr etila boshlagan bo‘lsa, keyingi o‘n besh yil mobaynida davriy nashrlar soni muttasil o‘sib bordi. 1862–1866-yillarda 12 ta yangi nashr – 4 ta gazeta va 8 ta jurnal – paydo bo‘lgan bo‘lsa, 1867–1871-yillarda bu ko‘rsatkich 28 taga yetgan. 1872–1876-yillarga kelib esa yangi tashkil etilgan nashrlar soni 52 tagacha oshgan. Umumiy hisobda, 1862–1876-yillar oralig‘ida Istanbulda 92 ta turk davriy nashri – 52 ta gazeta va 40 ta jurnal tashkil etilgan[7].

[5] Турк газетачилиги // Yash Turkistan. – 1932. – №30. – Б.21.
[6] Зульпукарова Э.М. – Г. История развития периодической печати в Турции в XIX – начале XX в. по страницам газеты «Стамбульские новости» // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – №4. – С.99-108.
[7] Турк газетачилиги // Yash Turkistan. – 1932. – № 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37; 1933. – № 42, 43,44, 47, 48, 49.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Mazkur raqamlar Usmoniylar jamiyatida axborot maydonining kengayib borayotganini hamda matbuotga bo‘lgan ehtiyoj ortib borayotganini anglatadi. Ayniqsa, har besh yillik davrda yangi nashrlar sonining deyarli ikki baravarga oshib borishi matbuot sohasining institutsionallashuv jarayonini ko‘rsatadi. Bu holat bir necha omillar bilan izohlanadi. Birinchidan, Tanzimot islohotlari natijasida davlat boshqaruvi, ta’lim va ma’muriy tizimda amalga oshirilgan o‘zgarishlar jamiyatda yangicha fikrlovchi ziyolilar qatlamini shakllantirdi. Ikkinchidan, bosmaxona texnologiyalarining kengayishi va tarjima faoliyatining rivojlanishi matbuotning ommalashuviga turtki berdi. Uchinchidan, Yevropa matbuoti ta’sirida jamoatchilik fikrini shakllantirish va siyosiy-ijtimoiy masalalarni muhokama qilish ehtiyoji kuchaydi.

Xususiy va mustaqil matbuotning shakllanishi. Birinchi xususiy turk gazetasi “Terjüman-i ahvol” (“Voqealar tarjimoni”) bo‘lib, u 1860-yil 21-oktabrdan chiqa boshladi. Uni Turkiyaning ko‘zga ko‘ringan jamoat va madaniyat arbobi, “yangi usmoniylar” harakati ishtirokchisi Agah afandi (1832-1885) tashkil etgan. Shu sababli uni “turk jurnalistikasining oqsoqoli” deb ham atashadi. Unda mashhur yozuvchi Ziyo posho (1825-1880), adabiyot tarixi va tilshunoslik bo‘yicha olim Ahmed Vefiq posho (1823-1891), keyinchalik mashhur jurnalist bo‘lgan Mustafo Refiq bey (1912-yilda vafot etgan) faol ishtirok etdilar. Biroq gazetaning eng katta mashhurlik qozonishiga turk adabiyoti va publitsistikasining yirik namoyandasi Ibrohim Shinosiy (1826-1871) nomi sabab bo‘ldi. U gazetaning dastlabki 25 sonini chiqarishda deyarli asosiy rol o‘ynagan. “Terjüman-i ahvol” 1866-yil 11-martgacha chiqib turdi.

Keyinchalik Ibrohim Shinosiy (1826-1871) va boshqa ziyolilar tomonidan “Tasvir-i Efkar” kabi gazetalar nashr qilinib, ular jamoatchilik fikrini shakllantirishda muhim rol o‘ynadi. Bu davr matbuoti tanqidiy fikr, islohot g‘oyalari va milliy uyg‘onish g‘oyalarini targ‘ib qildi.

“Tasvir-i Efkar” gazetasi 1862-yil 27-iyundan chiqa boshladi. Akademik V. A. Gordlevskiy uni quyidagicha tavsiflaydi: “Adabiyot va siyosat nuqtayi nazaridan bu eng muhim usmonli gazetalaridan biri edi. Shinosiy afandi gazetada amalga oshirgan asosiy tamoyil shu ediki, u Sharqni G‘arb madaniyati bilan tanishtirar ekan, yangi fikrlarni ifoda etishga yaroqli til yaratishni istardi... Gazeta orqali jamiyat yengil adabiy shaklda bayon etilgan yangi g‘oyalar bilan tanishdi; ilgari faqat poeziyaga mahliyo bo‘lgan kishilar endi siyosatning jamoat hayotidagi ahamiyatini anglab yetdilar, hukumat bilan xalq o‘rtasidagi tafovutni tushunib oldilar”[8].

[8] Гордлевский В. А. Очерки по новой османской литературе. Избранные сочинения, II том. – М., 1961. – С.354.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Gazeta haftasiga ikki marta chiqar, uning adadi ba’zan 20 ming nusxadan oshib ketar edi. Uni yangi shakllanayotgan ziyolilar qatlami va o‘quvchi yoshlar qiziqib mutolaa qilardi. Hukumat gazetaning ilg‘or g‘oyalar markaziga aylanganini ko‘rgach, unga qarshi ta’qiblarni boshladi. 1864-yil iyunida Shinosiy xorijga muhojir bo‘lishga majbur bo‘ldi.

“Tasvir-i Efkar”ning yangi muharriri Namiq Kamol (1840-1888) – XIX asrning yirik turk shoiri, yozuvchisi va publitsisti, 1865-yilda tashkil etilgan “Yangi usmoniylar” jamiyatining mashhur g‘oyaviy rahbari va tashkilotchisi edi. Ushbu gazeta sahifalarida yosh Namiq Kamol Turkiyaning siyosiy mustaqilligini himoya qildi. 1866-yil yozida hukumat buyrug‘i bilan gazeta yopildi.

1870-yillarga kelib matbuot nafaqat axborot tarqatuvchi vosita, balki ijtimoiy va siyosiy diskursni shakllantiruvchi muhim institutga aylandi. Gazeta va jurnallarda davlat islohotlari, konstitutsiyaviy tuzum, ta’lim, milliy o‘zlik va modernizatsiya masalalari muhokama qilindi. Shu bilan birga, jurnallar sonining ayniqsa 1872–1876-yillarda keskin ko‘payishi jamiyatda adabiy, ilmiy va ma’rifiy mavzularga qiziqish ortib borganini ko‘rsatadi. Demak, mazkur davrda Usmoniylar matbuoti faqat son jihatidan emas, balki mazmun va funksiya jihatidan ham taraqqiy etgan.

1860-yillarda bir qator jurnallar ham paydo bo‘ldi. Ular ichida eng ahamiyatlisi Usmoniy ilmiy jamiyatining organi bo‘lgan “Majmua-yi funun” (“Fanlar jurnali”) edi. Uning birinchi soni 1862-yil iyulida chiqdi. Jurnal muharriri mashhur turk olimi-ensiklopedisti Mehmed Tohir Munif posho (1830-1910) bo‘lgan. Unda fizika, kimyo, falsafa, psixologiya va sotsiologiya, tarix va geografiya bo‘yicha ilmiy-ommabop maqolalar chop etilar edi.

1864–1865-yillardagi vabo epidemiyasi vaqtida jurnal nashri to‘xtab qoldi, ammo 1866-yilda qayta tiklandi. Biroq u uzoq davom etmadi. 1862-yilda birinchi turk illustratsiyali jurnali – “Mirat” (“Ko‘zgu”) – hamda Yozuv ixlosmandlari jamiyatining organi bo‘lgan “Majmua-yi iber-i intiboh” (“Ibrat va uyg‘onish jurnali”) ham paydo bo‘ldi. “Mirat” jurnalining uchta soni chiqqan[9].

1876-yilga kelib Istanbulda faqat turk tilining o‘zida 13 ta gazeta va jurnal nashr etilayotgani Usmoniy matbuotining milliy xarakter kasb eta boshlaganini anglatadi. Bu jarayon keyinchalik Birinchi Konstitutsiya davri va Yosh turklar harakati faoliyati davrida siyosiy matbuotning yanada faollashishi uchun muhim zamin yaratdi. Shunday qilib, 1860–1876-yillarda Istanbulda davriy matbuotning

[9] Желтяков А.Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ “Низам-и Джедид” до конституции 1876 г. / Тюркологический сборник. 1970. – М.: Наука, 1970. – С.257.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

tez sur’atlarda rivojlanishi Usmoniylar imperiyasida modern jamoatchilik fikri va intellektual muhit shakllanishining muhim ko‘rsatkichlaridan biri hisoblanadi.

Matbuotning rivojlanishi va senzura tizimi (1876-1908). 1876-yilda Konstitutsiya qabul qilinib, parlament faoliyati yo‘lga qo‘yilgan bo‘lsa-da, 1878-yildan boshlab Abdulhamid II hokimiyati davrida Usmoniylar imperiyasida matbuot ustidan qattiq nazorat o‘rnatildi. Konstitutsiyaning o‘n ikkinchi moddasi “qonun doirasida matbuot erkinligi”ni e’lon qilgan edi. “Hayal” gazetasi bu konstitutsiyaviy qoidani tasvirlash uchun zanjirband qilingan inson rasmini bosdi. Buning uchun uning noshiri Teodor Kasab uch yil qamoq jazosiga hukm qilindi.

1877-yil yanvarda yangi matbuot qonunini tayyorlash komissiyasi tuzildi. 1877-yil may oyining oxirida komissiya parlamentga matbuot to‘g‘risidagi qonun loyihasini taqdim qildi. Majlisning har ikki palatasi tomonidan ovozga qo‘yilib qabul qilingan yangi matbuot qonuni esa sulton tomonidan tasdiqlanmadi va amalga kirmadi. Natijada sulton va hukumat Konstitutsiyaning 113-moddasiga, shuningdek, avvalgi matbuot qonunlari va qarorlariga tayanib, nashriyotlar, matbuot organlari va jurnalistlarni ham sud tartibida, ham politsiya-ma’muriy usullar orqali ta’qib qilish uchun cheklanmagan imkoniyatlarni saqlab qoldi.

Davlat senzura tizimini kuchaytirib, gazeta va jurnallarning siyosiy masalalarni erkin muhokama qilishiga cheklovlar qo‘ydi. Ayniqsa, davlat siyosati, sulton hokimiyati yoki boshqaruv tizimini tanqid qiluvchi materiallar taqiqlandi. Natijada ko‘plab jurnalistlar, yozuvchilar va ziyolilar mamlakatni tark etishga majbur bo‘ldi. Muxolifat matbuoti esa asosan xorijda – Parij, Jeneva va Qohira kabi shaharlarda faoliyat yurita boshladi. Shu bilan birga, yashirin va norasmiy nashrlar ham paydo bo‘lib, ular orqali muxolifat kayfiyati va islohotchilik g‘oyalari tarqatildi. Bu davrda Usmoniylar matbuoti ikki asosiy yo‘nalishda rivojlandi: biri davlat nazorati ostidagi rasmiy matbuot bo‘lsa, ikkinchisi emigratsiyadagi muxolifat matbuoti edi.

Senzura kuchli bo‘lishiga qaramasdan, adabiy, ilmiy va ma’rifiy yo‘nalishdagi matbuot rivojlanishda davom etdi. Xususan, “Servet-i Fünun” jurnali adabiyot, fan va madaniyat mavzularini keng yoritib, yangi adabiy uslublar va g‘arbona madaniy qarashlarni targ‘ib qildi. Shuningdek, “İkdam” gazetasi ma’rifiy va ijtimoiy mavzularga e’tibor qaratib, jamiyatda zamonaviy fikrlash muhitini shakllantirishga xizmat qildi. Bu nashrlar orqali Yevropa madaniyati, ilm-fan va ijtimoiy islohotlarga oid g‘oyalar Usmoniy jamiyatiga kirib kelib, yangi intellektual muhitning shakllanishiga ta’sir ko‘rsatdi.

XIX asrning 70-yillaridagi eng yirik gazetalar “Tarjuman-i haqiqat” (“Haqiqat tarjimoni”), “Istibdatta Sabah” (“Absolyutizm tongi”) va “Ikdam” (“Matonat”, “Qat’iyat”) gazetalari hisoblangan.

“Tarjuman-i haqiqat” sulton Abdulhamid II hukmronligi davridagi eng muhim gazetalardan biri edi. Gazeta 1878-yildan Istanbulda nashr etila boshlangan bo‘lib, boshqa usmoniy gazetalaridan farqli ravishda o‘z sahifalarida hokimiyat bilan ochiq bahs-munozaraga kirishmagan [10]. Gazeta huzurida haftalik adabiy ilova ham chiqarilgan bo‘lib, unda usmoniy va xorijiy mualliflarning turli asarlaridan parchalar, shuningdek, bolalar uchun mo‘ljallangan materiallar chop etilgan.

Gazeta asoschisi va muharriri Ahmad Midhat afandi (1844-1912) ziyoli va yozuvchi bo‘lib, uning ijodiy merosi qariyb 200 ta asarni o‘z ichiga oladi. Sermahsul ijodiy faoliyati tufayli zamondoshlari uni “yuz ot kuchiga ega yozuv mashinasi” deb atashgan.

“Istibdatta Sabah” gazetasi 1875–1923-yillarda nashr qilingan. 1891-yilda uning kundalik adadi 12 000 nusxani tashkil etgan. 1920-yilda gazeta nomi “Peyami Sabah” (“Tong xabarlari”) deb o‘zgartirilgan. Gazetaning egalari va asoschilari Mihran afandi hamda Shamsiddin Somiy bo‘lgan.

“Ikdam” (“Matonat”) yoki arabcha variantida “Iqdam” – rotativ bosma dastgohida chop etilgan birinchi usmoniy kundalik gazeta bo‘lib, 1894-yilda tashkil etilgan. Gazeta nashrlari ochiq muxolifona ruhda bo‘lmaganiga qaramay, hokimiyat tomonidan bir necha bor yopib qo‘yilgan. Gazetaning egasi va birinchi muharriri Ahmad Javdat (Oran) o‘zining matbuot sohasidagi g‘ayrati va qat’iyati tufayli zamondoshlari tomonidan “ikdamchi” (“matonatli inson”) deb atalgan.

1908-yilga kelib gazetaning kundalik tiraji 40 000 nusxaga yetgan. 1910-yil 14-martdan gazeta “Yangi Ikdam” (“Yangi matonat”), 1912-yil 26-fevraldan “Iktiham” (“Hujum”, “Shiddatli bosim”) deb atalgan, shu yilning 10-avgustida esa avvalgi nomi qayta tiklangan. Birinchi usmoniy kundalik gazeta hukumatning rasmiy tadbirlari va targ‘ibot kampaniyalarini yoritib borgan hamda 1928-yilgacha, ya’ni Turkiyada lotin alifbosiga o‘tish davriga qadar nashr etilgan[11].

Usmoniylar imperiyasida xususiy gazetalar bilan bir qatorda davlat gazetalari ham chop etilgan. Masalan, “Jerida-i Bahriye” (“Dengiz gazetasi”). Ushbu gazeta Dengiz vazirligi tomonidan 1889-yil 25-iyundan 1922-yilgacha oyiga ikki marta nashr qilingan. Gazetaning tahrir hay’atida Dengiz vazirligi xodimlari faoliyat yuritgan.

“Jerida-i Bahriye” sahifalarida usmoniy dengizchiligi tarixi, harbiy-dengiz kuchlari, kemalar turlari, dengiz janglari, Dengiz vazirligi kadrlari, dengiz aloqalari

[10] Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование периодической печати в Османской империи (XVIII–XIX вв.) // Вестник КазГУКИ. – 2016. – №2. – С.67-70.
[11] Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование периодической печати в Османской империи (XVIII–XIX вв.) // Вестник КазГУКИ. – 2016. – №2. – С.67-70.

va xalqaro savdo haqida ko‘plab ma’lumotlar, shuningdek, statistik ko‘rsatkichlar e’lon qilingan.

XX asr boshlariga kelib Yosh turklar harakati faoliyati kuchayib, siyosiy matbuot Usmoniylar imperiyasi ijtimoiy-siyosiy hayotida muhim o‘rin egallay boshladi. Yosh turklar o‘z matbuoti orqali mamlakatda konstitutsiyaviy tuzumni qayta tiklash, parlament faoliyatini qayta yo‘lga qo‘yish va keng ko‘lamli siyosiy islohotlarni amalga oshirish g‘oyalarini targ‘ib qildilar. Ular matbuotni jamiyatni siyosiy jihatdan uyg‘otish va hokimiyatga nisbatan muxolif fikrlarni tarqatishning asosiy vositalaridan biri sifatida ko‘rdilar. Gazeta va jurnallarda erkinlik, qonun ustuvorligi, millat taqdiri va davlatni modernizatsiya qilish masalalari keng muhokama qilindi.

1908-yildagi Yosh turklar inqilobidan so‘ng mamlakatda senzura siyosati ma’lum darajada yumshadi va matbuot erkinligi nisbatan kengaydi. Natijada yangi gazeta va jurnallar soni keskin oshdi, siyosiy partiyalar va turli g‘oyaviy guruhlar o‘z nashr organlariga ega bo‘ldilar. Matbuot jamoatchilik fikrini shakllantiruvchi muhim ijtimoiy maydonga aylanib, turli siyosiy va ijtimoiy qarashlarning ochiq muhokama qilinishiga sharoit yaratdi. Shu davrda jamiyatdagi dolzarb muammolar – ta’lim tizimi, xotin-qizlar masalasi, milliy o‘zlik, davlat boshqaruvi va modernizatsiya jarayonlari matbuotning asosiy mavzulariga aylandi.

MUNOZARALAR

Bu davr matbuoti, avvalo, kuchli siyosiylashuvi bilan ajralib turdi. Gazeta va jurnallar nafaqat axborot tarqatish, balki siyosiy kurash olib borish vositasi sifatida ham xizmat qildi. Shu bilan birga, matbuotda ijtimoiy muammolarni muhokama qilish an’anasi kuchayib, jamiyatni isloh qilish g‘oyalari keng tarqaldi. Matbuot sahifalarida islomchilik, usmoniychilik, turkchilik va g‘arbparvarlik kabi turli mafkuraviy yo‘nalishlar o‘rtasida qizg‘in bahs-munozaralar olib borildi. Bu esa Usmoniy jamiyatida yangi siyosiy va intellektual muhit shakllanishiga xizmat qildi. Ayni paytda jurnalistika alohida kasb sifatida shakllanib, professional jurnalistlar va muharrirlar qatlami yuzaga keldi. Natijada XX asr boshlaridagi Usmoniy matbuoti mamlakatdagi siyosiy, ijtimoiy va madaniy o‘zgarishlarning asosiy harakatlantiruvchi kuchlaridan biriga aylandi.

Usmoniylar imperiyasining Birinchi jahon urushidagi mag‘lubiyati Mustafo Kamol Otaturk boshchiligida milliy-inqilobiy harakatning kuchayishiga olib keldi. Keyinchalik u Turkiya Respublikasining birinchi prezidentiga aylandi. 1920-yilda “turklar otasi” g‘alabalar haqida xabar tarqatish uchun “Anadolu Ajansı” axborot agentligini tashkil etdi. Bu agentlik hozirgacha Turkiyaning asosiy axborot agentligi hisoblanadi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Usmoniylar matbuoti XIX asr ikkinchi yarmida jamiyatdagi siyosiy va ijtimoiy fikrlarni shakllantiruvchi muhim institutga aylandi. Matbuot orqali islohot g‘oyalari tarqatildi, davlat va jamiyat o‘rtasidagi muloqot kuchaydi. Shuningdek, ta’lim va ma’rifat targ‘ib qilindi, yangi ijtimoiy qatlam – ziyolilar tabaqasi shakllandi.

Shu bilan birga, matbuot doimo davlat nazorati ostida bo‘lib, senzura tizimi orqali cheklab turilgan. Ayniqsa, siyosiy tanqidlar ko‘pincha taqiqlangan yoki qattiq nazorat qilingan.

XIX asr oxiri – XX asr boshlarida Usmoniylar imperiyasida matbuot ijtimoiy va siyosiy diskurs shakllanishining asosiy maydonlaridan biriga aylandi. Bu davrda gazeta va jurnallar nafaqat axborot tarqatish vositasi, balki turli siyosiy va mafkuraviy g‘oyalarni targ‘ib qiluvchi muhim intellektual minbar vazifasini ham bajardi. Matbuot sahifalarida usmoniychilik, islomchilik, turkchilik va g‘arbparvarlik kabi turli g‘oyaviy yo‘nalishlar keng muhokama qilindi.

Usmoniychilik tarafdorlari imperiya hududidagi barcha millat va din vakillarini yagona usmoniylik g‘oyasi atrofida birlashtirishga chaqirgan bo‘lsalar, islomchilik tarafdorlari musulmon jamiyati birligi va islom qadriyatlarini mustahkamlashni asosiy maqsad sifatida ilgari surdilar. Shu bilan birga, turkizm g‘oyasi turk milliy o‘zligini anglash va milliy davlatchilikni rivojlantirish masalalarini kun tartibiga olib chiqdi. G‘arbparvar ziyolilar esa Yevropa davlatlaridagi siyosiy va madaniy taraqqiyotni namuna sifatida ko‘rib, mamlakatni modernizatsiya qilish, ta’lim tizimini yangilash va zamonaviy davlat boshqaruvini shakllantirish g‘oyalarini targ‘ib qildilar.

Matbuot orqali modernizatsiya, ta’lim, millat, davlatchilik va jamiyat taraqqiyoti bilan bog‘liq dolzarb masalalar keng muhokama qilindi. Ayniqsa, Yosh turklar harakati bilan bog‘liq nashrlar siyosiy diskursning shakllanishida muhim rol o‘ynadi. Ularning gazeta va jurnallari orqali konstitutsiyaviy tuzum, parlament faoliyati, erkinlik va siyosiy islohotlar g‘oyalari omma orasida keng tarqatildi. 1908-yildagi Yosh turklar inqilobidan keyin matbuot erkinligi nisbatan kengayib, ko‘plab yangi gazeta va jurnallar nashr etila boshlandi. Bu esa matbuotni jamoatchilik fikrini ochiq ifoda etuvchi asosiy ijtimoiy platformaga aylantirdi.

Usmoniylar matbuotida xotin-qizlar masalasi ham muhim mavzulardan biri sifatida namoyon bo‘ldi. XIX asr oxiriga kelib gazeta va jurnallarda ayollar ta’limi, oilaviy munosabatlar, ayollarning jamiyatdagi o‘rni va ijtimoiy faolligi haqida bahs-munozaralar kuchaydi. Bu jarayon Usmoniy jamiyatida gender diskursi shakllanishining dastlabki bosqichlaridan biri bo‘lib xizmat qildi. Matbuot sahifalarida ayollarning savodxonligi, qizlar maktablari, tarbiya masalalari va ayollarning ijtimoiy hayotdagi ishtiroki haqidagi fikrlar keng yoritildi. Natijada

mazkur bahslar keyinchalik Turkiya jamiyatida gender munosabatlarining o‘zgarishi, ayollar huquqlari va ijtimoiy mavqeining yuksalishiga muayyan ta’sir ko‘rsatdi.

XULOSA

Usmoniylar imperiyasida matbuotning paydo bo‘lishi davlat islohotlari va modernizatsiya jarayonlarining muhim natijasi bo‘ldi. Dastlab rasmiy axborot vositasi sifatida yuzaga kelgan matbuot keyinchalik jamiyat fikrini shakllantiruvchi va islohotlarni ilgari surishda muhim rol o‘ynovchi institutga aylandi. Senzura sharoitiga qaramay, matbuot modernizatsiya jarayonlarining ajralmas qismi bo‘lib xizmat qildi.

Bu jarayon keyingi davrda Turkiya Respublikasida zamonaviy ommaviy axborot vositalarining rivojlanishiga zamin yaratdi. XIX asr oxiri – XX asr boshlaridagi Usmoniylar imperiyasi matbuoti ushbu soha tarixidagi eng faol, ziddiyatli va mazmunan boy bosqichlardan biri hisoblanadi. Bu davrda matbuot nafaqat axborot vositasi, balki siyosiy kurash, islohotchilik g‘oyalari va jamoatchilik fikrini shakllantirish maydoniga aylandi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Ertuğ H. R. Basın ve yayın hareketleri. – Istanbul: Yenilik basımevi, 1970. – S.132–148.
2. Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование периодической печати в Османской империи (XVIII–XIX вв.) // Вестник КазГУКИ. – 2016. – №2. – С.67-70.
3. Гордлевский В. А. Очерки по новой османской литературе. Избранные сочинения, II том. – М., 1961. – С.354.
4. Желтяков А.Д. История турецкого книгопечатания и периодики от реформ “Низам-и Джедид” до конституции 1876 г. / Тюркологический сборник. 1970. – М.: Наука, 1970. – С. 349.
5. Зульпукарова Э.М. – Г. История развития периодической печати в Турции в XIX – начале XX в. по страницам газеты «Стамбульские новости» // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – №4. – С.99-108.
6. Турк газетачилиги // Yash Turkistan. – 1932. – № 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37; 1933. – № 42, 43,44, 47, 48, 49.
7. Турк газетачилиги // Yash Turkistan. – 1932. – №30. – Б.21.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

«BOBURNOMA» – O‘RTA OSIYO VA HINDISTON TARIXINI O‘RGANISHDA MUHIM MANBA

Doniyorov A.X.
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti,
Toshkent, O‘zbekiston Respublikasi

Annotatsiya. *Maqolada Zahiriddin Muhammad Bobur (1483–1530) qalamiga mansub «Boburnoma» asarining manbashunoslik qimmati va uning O‘rta Osiyo hamda Hindiston tarixini o‘rganishdagi o‘rni tahlil etiladi. Asarning matniy tarixi, asosiy tarjimalari, hamda g‘arb va sharq tarixshunosligida o‘rganilishi tahlil qilinadi. «Boburnoma» XV asr oxiri – XVI asr boshlaridagi Markaziy Osiyo, Afg‘oniston va Hindistondagi ijtimoiy-siyosiy, madaniy va etnografik jarayonlarning eng muhim manbalaridan biri sifatida ko‘rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *Bobur, «Boburnoma», manbashunoslik, tarixshunoslik, Temuriylar, Boburiylar, O‘rta Osiyo, Hindiston, chig‘atoy tili, Mug‘al imperiyasi.*

«БАБУР-НАМЕ» – ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

Дониёров А.Х.
Ташкентский государственный университет востоковедения,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. *В статье анализируется источниковедческая ценность сочинения «Бабур-наме», принадлежащего перу Захир ад-Дина Мухаммада Бабура (1483–1530), и его значение для изучения истории Средней Азии и Индии. Рассматриваются текстовая история произведения, основные переводы, а также его изучение в западной и восточной историографии. «Бабур-наме» характеризуется как один из важнейших источников по социально-политическим, культурным и этнографическим процессам Центральной Азии, Афганистана и Индии конца XV – начала XVI в.*

Ключевые слова: *Бабур, «Бабур-наме», источниковедение, историография, Тимуриды, Бабуриды, Средняя Азия, Индия, чагатайский язык, империя Великих Моголов.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

O‘rta asrlar O‘rta Osiyo va Hindiston tarixini o‘rganishda yozma yodgorliklar muhim ahamiyat kasb etadi. Bu manbalar orasida o‘z qimmati, ko‘lami va batafsilligi jihatidan alohida o‘rin tutuvchi asarlardan biri – Zahiriddin Muhammad Bobur qalamiga mansub «Boburnoma»dir. Mualif tomonidan chig‘atoy turkiy tilida bitilgan ushbu o‘zbek mumtoz nasrining noyob namunasi nafaqat adabiy yodgorlik, balki o‘z davrining eng to‘liq va eng ishonchli tarixiy hujjati sifatida ham e‘tirof etilgan.

Ushbu maqolaning maqsadi – «Boburnoma»ning manbashunoslik qimmatini ko‘rsatish, asarning O‘rta Osiyo va Hindiston tarixiy jarayonlarini yoritishdagi o‘rni, hamda jahon va o‘zbek tarixshunosligida o‘rganilishining asosiy yo‘nalishlarini ochib berishdan iborat. Tadqiqot Bobur asarining matniy tarixi, asosiy tarjimalari va zamonaviy ilmiy doiradagi qabul qilinish darajasiga oid masalalarni qamrab oladi.

1. Bobur shaxsi va «Boburnoma» asarining yaratilish tarixi

Zahiriddin Muhammad Bobur (1483 yil 14 fevral, Andijon – 1530 yil 26 dekabr, Agra) Temuriylar sulolasining oxirgi yirik namoyandalaridan biri va Hindistondagi Boburiylar (Mug‘allar) imperiyasining asoschisi sifatida tarixda mashhur. Otasi tomonidan Amir Temurning beshinchi avlodi, onasi tomonidan Chingizxonga borib taqaluvchi nasl sohibi bo‘lgan Bobur Farg‘ona viloyati hokimi Umarshayx Mirzoning o‘g‘li edi. U 12 yoshida otasidan keyin Andijon taxtiga o‘tirdi va shu paytdan boshlab Movarounnahr siyosiy hayotining markaziy figuralaridan biriga aylandi.

Bobur o‘z hayoti davomida bir necha marta Samarqand taxtini qo‘lga kiritdi va qaytadan yo‘qotdi. Muhammad Shayboniyxon boshchiligidagi ko‘chmanchi o‘zbeklar bilan kechgan kurashda mag‘lubiyatga uchragan Bobur 1504 yilda Kobulni egallab, u yerda yangi davlat asoslari qo‘ydi. 1526 yilda Panipat jangida Hindiston sultoni Ibrohim Lo‘diyni mag‘lub etib, Boburiylar imperiyasiga asos soldi va Hindistondagi Boburiylar sulolasining birinchi podshohi sifatida tarixga kirdi [1].

«Boburnoma» asari mualifning o‘z hayoti, davlat ishlari va atrofidagi voqealar yuzasidan yozgan tarjimai holdir. Asar 1494–1529 yillar oralig‘idagi voqealarni qamrab olib, uch yirik bo‘limga – Farg‘ona davri, Kobul davri va Hindiston davriga – ajratilgan. Bobur asarda nafaqat o‘z hayotini bayon qilibgina qolmasdan, balki davrning siyosiy voqealari, urush va sulhlari, mahalliy aholining urf-odatlari, hayvonot va o‘simliklar dunyosi, geografik shart-sharoitlari haqida ham keng

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

tafsilotlar bergan. Aynan shu o‘ziga xoslik asarni dunyo adabiyoti va tarixshunosligida unutilmas yodgorlik darajasiga ko‘taradi.

2. «Boburnoma» matniy tarixi va asosiy nashrlari

«Boburnoma»ning asl matni chig‘atoy turkiy tilida – ya‘ni eski o‘zbek adabiy tilida – yozilgan. Asar to‘liq holda muallifning o‘z qo‘lyozmasida saqlanib qolmagan; bizgacha yetib kelgan nusxalar XVI–XVII asrlarga oid. Eng eski va eng to‘liq deb hisoblanadigan qo‘lyozmalardan biri – Haydarobod nusxasi bo‘lib, u Bobur vafotidan ko‘p o‘tmay ko‘chirilganligi taxmin qilinadi va asarning matniy tahlilida tayanch nusxa sifatida e‘tirof etilgan [2].

Asar yaratilganidan keyingi yillardayoq uning kengroq doiraga ma‘lum bo‘lishi zaruriyati paydo bo‘ldi. Boburning nabirasi Akbar (1556–1605) hukmronligi davrida saroy adabiyotchisi Abdurahim Xoni xonon tomonidan «Boburnoma» fors tiliga tarjima qilindi (1589 yil). Bu tarjima ulkan ahamiyatga ega bo‘ldi: u nafaqat asarning fors tilida so‘zlashuvchi keng o‘quvchilar ommasiga yetib borishini ta‘minladi, balki keyinchalik yevropalik tarjimonlar ham aynan fors variantiga murojaat qilishlariga zamin yaratdi.

«Boburnoma»ning Yevropa ilmiy doirasiga kirib kelishi XIX asrning birinchi yarmidan boshlanadi. 1826 yilda Londonda Jon Leyden va Vilyam Erskinning ingliz tilidagi tarjimasi nashrdan chiqdi va bu asarning g‘arbda keng tanilishida muhim qadam bo‘ldi [3]. Biroq haqiqiy ilmiy taraqqiyot Annetta Beveridj xonimning 1922 yilda London shahrida chop etilgan tarjimasidan keyin sodir bo‘ldi. Beveridj asl chig‘atoy matnidan tarjima qilib, batafsil sharhlar va ilmiy izohlar bilan ta‘minlanagn nashrini yaratdi; bu tarjima yarim asrdan ko‘proq vaqt mobaynida g‘arb sharqshunosligi uchun asosiy ish quroli bo‘lib xizmat qildi [4].

XX asrning ikkinchi yarmida «Boburnoma»ning yangi ilmiy tarjimalari yaratildi. M.A. Salye tomonidan amalga oshirilgan rus tilidagi tarjima (1958, Toshkent) sovet sharqshunosligida ushbu manbaning ommalashishida muhim rol o‘ynadi [5]. 1996 yilda Vashington va Oksford nashriyotlari hamkorligida amerikalik sharqshunos Vilir M. Tekston tomonidan tayyorlangan to‘liq inglizcha tarjima e‘lon qilindi; ushbu nashr zamonaviy g‘arb sharqshunosligida me‘yoriy hisoblanadi [6]. O‘zbekistonda esa Porso Shamsiyev tomonidan tayyorlangan ilmiy-tanqidiy matn keng tarqaldi va mahalliy bobur shunoslik fanining poydevoriga aylandi [7].

3. «Boburnoma» O‘rta Osiyo tarixining manbasi sifatida

«Boburnoma»ning O‘rta Osiyo tarixini o‘rganishdagi qimmati birinchi navbatda XV asr oxiri – XVI asr boshlaridagi siyosiy jarayonlarning batafsil

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

bayoniga bog‘liq. Bobur Temuriylar davlatining oxirgi kunlariga, sulola ichidagi taxt uchun kurashga, ko‘chmanchi o‘zbeklarning Movarounnahrga kirib kelishi va Shayboniylar davlatining shakllanish jarayoniga bevosita guvoh va ishtirokchi sifatida tarixiy ahamiyatga ega ma‘lumotlarni qoldirgan. Uning bayoni boshqa hech bir manbada uchramaydigan shaxsiy kuzatishlar va saroy ichki hayotiga oid tafsilotlarga boy.

Asarning Farg‘ona bo‘limida muallif tug‘ilib o‘sgan vodiyning geografiyasi, shaharlari, ekinzorlari, suv tarmoqlari va aholisining mashg‘ulotlari haqida batafsil ma‘lumotlar beradi. Andijon, Marg‘ilon, Xo‘jand, O‘sh, Ahsi singari shaharlarning ta‘rifi shahrshunoslik va tarixiy topografiya uchun bebaho ahamiyatga ega. Samarqand va Buxoroning ushbu davrdagi siyosiy va madaniy holati haqidagi tafsilotlar esa Temuriylar imperiyasining oxirgi yillariga oid eng to‘liq tasvirni ifodalaydi.

Manbashunoslik nuqtai nazaridan «Boburnoma»ning yana bir muhim jihati – davrning ko‘plab tarixiy shaxslari haqida muallifning shaxsiy tasavvurlarini berishidir. Bobur o‘z davrining hukmdorlari, davlat arboblari, olimlari, shoirlari haqida ochiq, ba‘zan tanqidiy mulohazalarni bildirgan. Bunday tavsiflar Alisher Navoiy, Sulton Husayn Bayqaro, Muhammad Shayboniyxon, Shohbek va boshqa shaxslarning shaxsiyati hamda faoliyatini chuqurroq tushunishga imkon yaratadi. Bobur tomonidan keltirilgan ushbu kuzatishlar boshqa zamondosh manbalardagi rasmiy tavsiflardan tubdan farq qiladi va ularni samarali to‘ldirib turadi.

Bundan tashqari, «Boburnoma» Markaziy Osiyo etnografiyasi va madaniyati tarixi uchun ham qimmatli ma‘lumotlar manbasidir. Mahalliy bayramlar, marosimlar, taomlar, kiyim-bosh, ovchilik, ot poygalari, devon yig‘inlari va boshqa hayot lavhalari batafsil tasvirlangan. S. Deylning ko‘rsatishicha, «Boburnoma»ni boshqa tarixiy yodgorliklardan ajratib turuvchi xususiyat – muallifning shaxsiyligi va o‘z davrini sub‘ektiv, biroq nihoyatda samimiy va hayotiy tarzda aks ettira olishidir [8].

4. «Boburnoma» Hindiston tarixining manbasi sifatida

«Boburnoma»ning Hindistonga bag‘ishlangan qismi – XVI asr boshlaridagi Shimoliy Hindiston ijtimoiy, siyosiy va madaniy hayotiga oid eng to‘liq va batafsil manbalardan biri. Bobur 1526 yilda Panipat jangida g‘olib chiqib, Dehli sultonligini ag‘dargandan so‘ng yangi tashkil topgan davlatning birinchi yillari haqida bevosita guvoh sifatida bayon qoldirgan. Uning Hindiston haqidagi bayoni nafaqat siyosiy voqealarni, balki yangi yer va xalq bilan tanishuv jarayonini ham aks ettiradi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Mualif Hindiston tabiati, iqlimi, daryolari, hayvonot va o‘simliklar dunyosi, dehqonchilik mahsulotlari haqida batafsil ma‘lumotlar bergan. Uning fil, bahmurka, mayda jondorlar, manga, banan singari aholi uchun yangi narsalarni tasvirlashda o‘tkir kuzatuvchanligi va aniq tafsil bera olish mahorati alohida e‘tirof etilgan. Tabiatshunoslik tarixi mutaxassislari Boburning tabiat tasvirlarini Yevropa tabiatshunosligigacha bo‘lgan davrning eng aniq va tizimli kuzatishlaridan biri sifatida e‘tirof etadilar [4].

Bobur hindistonliklarning urf-odatlari, kasta tuzilishi, diniy e‘tiqodlari, savdo-sotiq tartiblari, qishloq xo‘jaligi tizimi haqida ham qimmatli kuzatishlar qoldirgan. Bu ma‘lumotlar XVI asrning birinchi choragidagi Hindiston jamiyati haqida – ya‘ni Mug‘al imperiyasi keng quloch yoyishidan oldingi davrda – noyob hujjatdir. Boburning hindlarga bo‘lgan munosabati ham ilmiy diqqatga molik: u o‘zgani tanqid qilishdan tortinmagan, biroq shu bilan birga mahalliy hayotning yutuqlarini ham obyektiv qabul qilgan.

Ayni paytda Hindiston bo‘limi siyosiy harbiy nuqtai nazardan ham g‘oyat muhim. Bobur Dehli sultonligini qulashi sabablari, Lodiylar sulolasi ichidagi nizolar, Rojput knyazliklarining mavqei, Panipat va Xanva singari hal qiluvchi janglarning batafsil tasvirini bergan. Bu ma‘lumotlar Hindiston o‘rta asrlar tarixining bevosita ishtirokchi tomonidan yozilgan eng to‘liq guvohnomasidir va shu sababli har qanday tadqiqot uchun zarur asosiy manba hisoblanadi.

5. «Boburnoma» jahon va o‘zbek tarixshunosligida

«Boburnoma»ning ilmiy-akademik o‘rganilishi XIX asrdan boshlanib, XX asrda kuchli rivojlandi. G‘arb sharqshunosligida bobur shunoslikning haqiqiy poydevorini Annetta Beveridj qo‘ygan; uning sharhli tarjimasi keyingi avlod tadqiqotchilari uchun ham ma‘lumotnoma, ham metodologik namuna bo‘lib xizmat qildi [4]. Tekstonning 1996 yilgi tarjimasi esa zamonaviy o‘quvchi uchun matnni ochib berdi va asarni keng akademik jamiyatga qaytadan taqdim etdi [6].

Bobur tarjimai holiga oid eng yirik zamonaviy ilmiy ish – amerikalik sharqshunos Stiven F. Deylning «Sakkiz jannat bog‘i: Bobur va Markaziy Osiyo, Afg‘oniston hamda Hindistondagi imperiya madaniyati (1483–1530)» monografiyasi (Brill nashriyoti, 2004). Deyl bu asarida «Boburnoma»ni nafaqat tarixiy hujjat, balki o‘z davrining madaniy-intellektual landshaftining oynasi sifatida ko‘rib chiqgan; muallif Bobur shaxsiyatini Temuriy madaniy an‘anasining vorisi sifatida tushuntirgan [8]. Bu ish bobur shunoslikni metodologik jihatdan yangi bosqichga olib chiqdi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

O‘zbek tarixshunosligida ham bobur shunoslik mustahkam an‘anaga ega. Porso Shamsiyevning ilmiy-tanqidiy matn nashri, M.A. Sallening ruscha tarjimasiga yozilgan ilmiy izohlar va keyinchalik o‘zbek olimlarining ko‘plab tadqiqotlari mahalliy bobur shunoslikning mustahkam ilmiy bazasini yaratgan [5; 7]. Mustaqillik davrida bu yo‘nalishdagi tadqiqotlar yangi sur‘at oldi: arxiv hujjatlari, qiyosiy tahlil va xorijiy ilmiy maktablar bilan hamkorlik o‘zbek bobur shunoslik fanining yangi bosqichini belgilab berdi.

Hozirgi paytda «Boburnoma»ning o‘rganilishida bir necha istiqbolli yo‘nalishlar shakllanmoqda. Birinchidan, manbaning matniy tahlilini chuqurlashtirish – turli qo‘lyozma nusxalarini qiyosiy o‘rganish va matn tarixi muammolarini hal qilish. Ikkinchidan, asarni boshqa zamondosh manbalar – fors, arab, hindcha yodgorliklar bilan qiyoslab o‘rganish. Uchinchidan, raqamli sharqshunoslik vositalaridan foydalanib, asar matnini ilmiy bazaga aylantirish va keng tadqiqotchilar doirasi uchun ochiq qilish. Bu yo‘nalishlar bobur shunoslik fanining kelajakdagi rivojlanishini belgilab beradi.

XULOSA

«Boburnoma» o‘z manbashunoslik qimmati, ko‘lami va sifatining boyligi jihatidan o‘rta asrlar Sharq tarixiy adabiyotining eng noyob namunalaridan biri hisoblanadi. Asar XV asr oxiri – XVI asr boshlaridagi O‘rta Osiyo va Hindiston tarixini o‘rganishda kunchaqaiqgan emas, balki kuchayib boruvchi ahamiyatga ega. U Markaziy Osiyo va Hindistonni o‘z ichiga oluvchi kengroq tarixiy maydonni yagona madaniy-tarixiy fazo sifatida ko‘rish imkonini beradi – bu zamonaviy ilmiy yondashuv uchun ayniqsa muhim.

Ushbu asarni o‘rganish o‘zbek tarixiy fanining muhim vazifalaridan biri bo‘lib qolmoqda. Bobur o‘z davrining tarixiy guvohi sifatida nafaqat o‘tmishdagi voqealarni qayd etgan, balki o‘zbek xalqining madaniy-intellektual merosini boyitgan ulkan ijodkor sifatida ham namoyon bo‘ladi. «Boburnoma»ni har bir yangi avlod tadqiqotchisi o‘z davri ilmiy metodologiyasi nuqtai nazaridan qayta o‘qib chiqishi, undagi yangi qatlamlarni ochib berishi va o‘zbek hamda jahon sharqshunosligi xazinasiga yangi hissalar qo‘shishi mumkin.

FOYDALANILGAN MANBALAR VA ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Babur, Zahir al-Din Muhammad. The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor / Translated, edited, and annotated by W.M. Thackston. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 554 p.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

2. Dale, Stephen F. The Garden of the Eight Paradises: Bābur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530) / S.F. Dale. – Leiden; Boston: Brill, 2004. – 552 p.

3. Leyden, J.; Erskine, W. Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, Emperor of Hindustan / Trans. by J. Leyden and W. Erskine. – London: Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1826. – 432 p.

4. Beveridge, Annette S. The Bābur-nāma in English (Memoirs of Bābur) / Translated from the original Turki Text of Zahīru‘d-dīn Muhammad Bābur Pādshāh Ghāzī by A.S. Beveridge. – London: Luzac & Co., 1922. – 2 vols.

5. Бабур, Захир-ад-Дин Мухаммад. Бабур-наме. Записки Бабура / Перевод М.А. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 530 с.

6. Thackston, Wheeler M. (ed., trans.). The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor. – Washington, D.C.: Smithsonian Institution; New York: Oxford University Press, 1996.

7. Bobur Z.M. Boburnoma / Nashrga tayyorlovchi P. Shamsiyev. – Toshkent: Yulduzcha, 1989.

8. Dale, Stephen F. The Poetry and Autobiography of the Bābur-nāma // The Journal of Asian Studies. – 1996. – Vol. 55, No. 3. – P. 635–664.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

СВЕДЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О ТОРГОВО-ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЯХ КИТАЯ И ИМПЕРИИ АМИРА ТЕМУРА В XV-XVI ВВ.

Н. Каримова
доктор исторических наук, профессор,ТГУВ

Аннотация. *Статья, основанная на данных китайских письменных источников, рассказывает о торговых и посольских отношениях между потомками Амира Темура и императорами династии Мин. После смерти Амира Темура отношения между империями были восстановлены. Среди подарков, отправленных из Самарканда и Герата, фигурируют лошади, местные изделия, нефрит и дикие животные. Император Юнлэ активно поощрял расширение торговли и пытался увеличить число посольств, прибывающих в Китай. После его смерти Китай отказался от своей ранней экспансионистской политики из-за её дороговизны и неэффективности. Дорогостоящие экспедиции, такие как морские миссии знаменитого адмирала Чжэн Хэ, также были прекращены. Но торгово-посольские связи продолжались вплоть до конца 16 в.*

Ключевые слова: *потомки Амира Темура, императора Юнлэ, китайские источники, «Мин шилу», «Мин ши», торговые и дипломатические отношения, Китай, династия Мин, Халиль Султан, Шахрух, Улугбек, Центральная Азия, Самарканд, Герат.*

INFORMATION FROM CHINESE WRITTEN SOURCES ABOUT TRADE AND AMBASSADORIAL RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE EMPIRE OF AMIR TEMUR IN THE 15TH-16TH CENTURIES

Abstract. *This article, based on Chinese written sources, examines trade and ambassadorial relations between the descendants of Amir Temur and the emperors of the Ming Dynasty. After Amir Temur's death, relations between the empires were restored. Gifts sent from Samarkand and Herat included horses, local crafts, jade, and wild animals. The Yongle Emperor actively encouraged the expansion of trade and attempted to increase the number of embassies sent to China. After his death, China abandoned its earlier expansionist policy due to its high cost and ineffectiveness. Costly expeditions, such as the naval missions of the famous admiral Zheng He, were also discontinued. However, trade and ambassadorial ties continued until the late 16th century.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Keywords: *the descendants of Amir Temur, Emperor Yongle, Chinese sources, Ming shilu, Ming shi, trade and diplomatic relations, China, Ming dynasty, Khalil Sultan, Shahrukh, Ulugh Beg, Central Asia, Samarkand, Herat.*

XV-XVI ASRLARDA XITOY VA AMIR TEMUR IMPERIYASI O'RTASIDAGI SAVDO VA ELCHILIK ALOQALARI HAQIDA XITOY YOZMA MANBALARIDAN OLINGAN MA'LUMOTLAR.

Annotatsıya. *Xitoy yozma manbalariga asoslangan ushbu maqolada Amir Temur avlodlari va Ming sulolasi imperatorlari o'rtasidagi savdo va elchilik munosabatlari o'rganiladi. Amir Temur vafotidan keyin imperiyalar o'rtasidagi munosabatlar tiklandi. Samarqand va Hirotdan yuborilgan sovg'alar orasida otlar, mahalliy hunarmandchilik, nefrit va yovvoyi hayvonlar bor edi. Yongle imperatori savdoni kengaytirishni faol ravishda rag'batlantirdi va Xitoyga yuboriladigan elchixonalar sonini ko'paytirishga harakat qildi. Uning vafotidan keyin Xitoy yuqori xarajatlar va samarasizligi sababli avvalgi ekspansionistik siyosatidan voz kechdi. Mashhur admiral Chjen Xening dengiz missiyalari kabi qimmat ekspeditsiyalar ham to'xtatildi. Biroq, savdo va elchilik aloqalari XVI asrning oxirlarigacha davom etdi.*

Kalit so'zlar: *Amir Temur avlodlari, imperator Yongle, Xitoy manbalari, Ming shilu, Ming shi, savdo va diplomatik aloqalar, Xitoy, Ming sulolasi, Xalil Sulton, Shohruh, Ulug'bek, O'rta Osiyo, Samarqand, Hirot.*

ВВЕДЕНИЕ

Ценность китайских письменных источников при изучении истории Центральной Азии общепризнанна. Они содержат богатый фактический материал по истории взаимоотношений потомков Амира Темура и Китая. Изучение и введение в научный оборот сведений многих малодоступных для нас китайских источников необходимо для более полного понимания исторического прошлого Центральноазиатского региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы опирались на научные подходы, разработанными ведущими отечественными и зарубежными востоковедами для выявления и критического изучения оригинальных письменных сочинений. Методы критического отбора и систематизации, применяемых при исследовании китайских письменных источников, позволили выявить наиболее ценные исторические сочинения, содержащие оригинальные

сведения по истории взаимоотношений Китая и империи Амира Темура в XV-XVI вв.

Одним из таких основных источников по истории Центральной Азии в период правления в Китае династии Мин (1368-1644) является династийная хроника «Мин ши» («История [династии] Мин»)[12]. Сведения по странам Центральной Азии содержатся в последней главе источника. В процессе изучения династийной истории выяснилось, что они представляют собой отчет известного дипломата того времени Чэнь Чэна (陈诚)[13] о поездке в Самарканд и Герат, которое он совершил в 1414-1415 гг. Интересный факт, что сведения частного сочинения было включено в официальную династийную хронику, в виду особой важности представленных сведений[14].

Еще один ценный для исследователей политической истории империи Мин и ее внешней политики источник – «Мин шилу» (明实录, «Правдивые записи [правления императоров] Мин»), который представляет собой подробную (иногда подневную) хронику событий, на которые, так или иначе, реагировал императорский двор и административные органы. Хроника составлялась отдельно для времени царствования каждого императора. В данный источник вошли доклады чиновников о положении в отдельных областях и странах за пределами минского Китая, послания и письма местных правителей, записи об их деятельности и реакции минского двора на различные события в регионах.

Ценность указанного источника состоит в том, что он создавался на основе ежедневных записей, которые велись при минском дворе обо всех событиях политической и придворной жизни, а также в том, что он предназначался для довольно узкого круга читателей, поэтому «Мин шилу» излагает события более откровенно, чем публиковавшиеся официальные истории.

Сравнительно полный комплект «Правдивых записей» об императорах династии Мин сохранился до наших дней. Он включает в себя тринадцать сочинений общим объемом около 3000 *цзюаней* (глав). Для исследователей

[12] Ming shi. (明史, История династии Мин) // Ershi sishi (二十四史). – Шанхай (上海), 1958. Т.3. Гл. 332. – 3975 (8620) с.

[13] Чэнь Чэн (陈诚) – известный китайский дипломат и путешественник. Подр.см.: Каримова Н. Китайские письменные источники по истории взаимоотношений государств Центральной Азии и минского Китая. – Ташкент: Akademnashr, 2024. – С.115-142.

[14] Chen Cheng. Xiyu xingchengji. (陈城. 西域行程记. Записки о путешествии в Западные страны) // Ming chaoben. Guoli Beiping tushuguan shanben congshu (明朝本. 国立北平图书馆山本丛书). – Beijing, 1936. – 47 с.; Chen Cheng. Xiyu fanguozhi. (陈城. 西域藩国志. Описание Западных стран) // Ming chaoben. Guoli Beiping tushuguan shanben congshu (明朝本. 国立北平图书馆山本丛书). – Beijing, 1936. – 27 с.

истории Центральной Азии периода династии Мин «Мин шилу», с одной стороны, представляют особую ценность обилием сведений по исследуемым вопросам, с другой стороны, сложность работы с сочинением представляет собой огромный объем источника. В свое время сложность изучения сведений «Мин шилу» заключалась в труднодоступности самого источника, т.к. в наших архивах его не было.

В этой связи, особое значение имеет сборник извлечений «Мин шилу лэйцзуань. Шэвай шиляо цзюань», который представляет собой выборку материалов по отношениям Китая с зарубежными странами.

Исследуемый нами сборник «Мин шилу лэйцзуань. Шэвай шиляо цзюань» (明实录类纂. 涉外史料卷. Компиляция разделов «Мин шилу». Главы исторических материалов по внешним связям)[15] представляет собой подборку извлечений из «Мин шилу» (明实录) по зарубежным странам, с которыми минский Китай поддерживал отношения.

Многие события истории взаимоотношений империи Амира Темура и Китая были отражены в воспоминаниях современников. Отметим менее известное исследователям сочинение «Шуюй чжоузцзылу» (殊域周咨録)[16], созданное в период Мин чиновником, ведавшим делами приезжих Курьерского департамента *Синжэньсы* (行人司), правым цензором *юцзишичжун* (右給事中) Янь Цунцзянем (嚴從簡). Сочинение «Шуюй чжоузцзылу» нам интересно, прежде всего, сведениями о взаимоотношениях империи Амира Темура и Минского Китая.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В то время, как император Китая Чжу Ди [17] проводил экспансионистскую политику почти по всем границам своей империи, на западе эта политика основывалась почти исключительно на политических, а не военных соображениях.

Как можно косвенно заключить из соответствующих разделов минских летописей, китайское правительство было достаточно хорошо осведомлено о сложной динамике власти в первые годы после смерти Амира Темура, в

[15] «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷. Материалы «Правдивых записей [династии] Мин» по разделам). – Wuhan: Wuhan chubanshe, 1991. – 1255 с.
[16] Yang Congjian. Shuyu zhouzilu (嚴從簡. 殊域周咨録. Всесторонние записи о чужеземных странах). – Beijing: Zhonghua shuju, 1974. – 754 с.
[17] Чжу Ди (朱棣) – третий император династии Мин с 1402 г. по 1424 г., девиз правления – Юнлэ (永樂). Чжу Ди называют вторым основателем династии. Храмовое имя – Чэн-цзу (成祖), посмертное имя – Вэнь-хуанди (文皇帝), буквально «культурный император».

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

противном случае, посланники Халиль Султана не были бы официально приняты императором.

Интенсификация дипломатических отношений с Центральной Азией в первые годы династии Юнлэ также была обусловлена эскалацией напряженности в отношениях с монголами. Учитывая проблемы на северных границах Минской империи, тесное сотрудничество с западными соседями, безусловно, было желательным.

25 июля 1407 года китайский посол Фу Ань (傅安)[18] наконец вернулся в Китай после тринадцатилетнего отсутствия. Халиль Султан освободил его и отправил домой, послав в качестве его спутника, посла Худайда (忽歹達). Фу Ань сообщил о смерти Темура и о престолонаследии его внуком Халиль Султаном.

При китайском дворе эта дипломатическая инициатива Халиль Султана, очевидно, была приветствована, несмотря на три задержанных Амиром Темуром посольства, последнее из которых, возможно, даже было казнено. Посол Темуридов Худайда был щедро вознагражден за дары, состоявшие из местной продукции. Чиновник Бай Аэрцзиньтай (白阿兒沂台) вместе с другими посланниками был назначен сопровождать Худайда обратно в Самарканд. Бай Аэрцзиньтай должен был «выразить» соболезнования о смерти Темура, передать императорское послание Халиль Султану, преподнести ему подарки, а также отправить подарки его соплеменникам в соответствии с их рангами.

«Мин Тайцзу шилу, 明太祖实录» («Правдивые записи [правления императора] Мин Тайцзу») отмечают, что в 5-й год правления императора Юнлэ (永樂) (1407) цензор военных дел (*бинкэ цзишичжун,* 兵科給事中) Фу Ань (傅安), Го Цзи (郭驥) и другие возвратились из Самарканда (撒馬兒罕). Фу Ань в 28-й год правления Хунъу (1396) был отправлен послом в Западные страны (*Сиюй*, 西域) и был задержан в Самарканде на 13 лет. «Действительно, слышно их главарь Хали (哈裏) вступил на престол, поэтому отправил посла Худайда (虎歹達) и других сопроводить Аня и других домой, к тому же [послал] дань (дары) – местные товары. Пожаловали Худайде и другим бумажные деньги (*чао,* 钞), а также золотые монеты (金錢), тюль (*шало,* 紗羅) каждому по 10 [для] лица и подкладки [одежды]»[19].

[18] Подробнее о Фу Ане см.: Каримова Н. Китайские письменные источники ... – С. 104-115.
[19] «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1066.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Фу Аню и другим цензорам Отдела церемоний (*Либу*, 禮科) пожалованы платье на подкладке из узорчатой шелковой ткани. Ань и другие сообщили: «Темуэр Фума[20] [прежней династии] Юань скончался, Хали (Халиль) стал преемником, является внуком Темура»[21].

Сразу же [последовал] приказ отправить командира (*чжихуэй,* 指揮) Байаэрцзиньтая (白阿兒沂台) и других для поминания Темура, также пожаловать Халилю (Хали) письмо с императорской печатью, серебряные деньги (*иньби,* 銀幣), также пожаловали его подчиненным с отличием (по рангам). Это отмечает «Тайцзун шилу» в главе 68.[22]

Тот же источник, в главе 78 пишет, что летом 6-го года правления императора Юнлэ (永樂) (1408), главарь (頭目) Самарканда Шахэй Нуэрдин (沙黑奴兒丁) и другие поднесли лошадей, попрощались и вернулись домой. Послали цензора (*цзишичжун,* 給事中) Фу Аня (傅安) сопроводить в обратный путь, пожаловали их правителю Хали (Халиль-султану, 哈裏) цветной шелк (*цайби*, 彩幣) 14 [тюков] (*бяоли*, лицо и подкладка платья), также пожаловали главарям Хале (Герата, 哈烈) и других мест подарки с отличием по рангам.[23]

С этим посольством Фу Ань отправился во второе путешествие в Центральную Азию. Имя темуридского вождя Шахэй Нуэрдин (沙黑奴兒丁) имеет особое значение, поскольку оно соответствует имени видного военного деятеля, полководца и доверенного темуридского эмира Шейха Нур ад-Дина (Нур ад-Дин-бек). Возможно ли, что именно этот эмир возглавлял посольство?

Посольство Бай Аэрсиньтая, вероятно, достигло только Самарканда, поскольку внутренняя ситуация в империи Темуридов делала дальнейшие поездки в Герат, крайне затруднительными. В источниках династии Мин об этом также ничего не говорится.

Однако, вышеупомянутое посольство во главе с Фу Анем сумело это сделать. Оно было отправлено к Халиль Султану с четырнадцатью тюками цветного шелка в качестве подарка, а также в Герат и другие, неназванные места. Напряженность между Темуридами к этому времени уже была известна китайскому правительству, и одной из задач Фу Аня, вероятно, было выяснить расстановку сил в Центральной Азии.

[20] Фума (附馬) – императорский зять, зять Чингисхана.
[21] «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С. 1066.
[22] Там же.
[23] Там же. – С.1067.

В 7-й год правления Юнлэ (永樂) (1409) цензор (*цзишичжун,* 給事中) Фу Ань и другие возвратились из Герата (Хале, 哈烈) и Самарканда[24].

Последующие китайские посольства до 1426-1427 гг. достаточно хорошо задокументированы в темуридских источниках, например в «Зубдат ат-таварих» (Сливки летописей) Хафиз-и Абру. Прибытие Фу Аня, а также некоторых последующих китайских посольств, также отражены в хронике.

В 4-м месяце 1409 года дервиш (*хуэйхуэй сэнжэнь,* 回回僧人, буквально «мусульманский монах»), по имени Махэйма Делимиши (馬黑麻迭里迷失), посланный из Самарканда и других мест, с сопровождающими привезли лошадей в качестве дани и были вознаграждены бумажными деньгами (*чаоби,* 鈔幣) с разницей по рангам, сообщает «Тайцзун шилу» (太宗实录) в главе 90.[25]

Это, безусловно, не было официальным посольством, поскольку всего три с половиной месяца спустя Фу Ань вернулся в Китай из Герата. Скорее всего, это посольство положило начало целой серии посольств, которые, будучи полуофициальными, на самом деле, представляли собой торговые караваны. Со временем они сыграли важную роль в двусторонних отношениях. Китайцы эти посольства позже критиковали, особенно чиновники Министерства ритуалов, но никогда не запрещали и пропускали их в Китай.

Следует отметить ещё два момента: во-первых, посольство, безусловно, было очень желанным гостем из-за лошадей, которых оно привезло в качестве дани. Император Чжу Ди (Юнлэ, 永樂) вооружался против восточных монголов в конце 1409 года и для военной кампании срочно требовались хорошие лошади. Посольства, предлагавшие лошадей в качестве дани, приветствовались на протяжении всей династии Мин. Легитимности таких посольств практически не уделялось внимания.

Во-вторых, после восшествия Шахруха на престол чиновники династии Мин часто добавляли к имени посла Темуридов слово «мусульманин» (*хуэйхуэй*). В конце концов, все, кто прибывал ко двору из империи Темуридов, были мусульманами. Почему же им присваивался именно этот титул? Возможно, это были исламские религиозные учёные. Титул «посол» (*шичэнь*) относился к официальным посланникам. Китайских посланников неизменно называли *ши* (使), иероглиф *чэнь* (臣), помимо

[24] «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С. 1067.
[25] Там же.

значения *министр, сановник, чиновник*, также может означать *подданный, верный слуга*.

Но почему именно мусульманские сановники возглавляли так много подобных миссий? При Чжу Юаньчжане, первом императоре династии Мин, буддийский монах Цзун Лэ был отправлен в Западные регионы, в частности в Непал и северную Индию, для сбора буддийских писаний. Его путешествие, вероятно, также служило для изучения этих территорий. Однако, позже китайцы не привлекли к таким миссиям буддийских монахов. Тем не менее, известные руководители или участники морских экспедиций, такие как адмирал Чжэн Хэ и переводчик Ма Хуань, были мусульманами, хотя, безусловно, не религиозными деятелями.

Насколько указывают источники, китайское правительство редко отправляло мусульман в Центральную Азию. Мотивация правителей Темуридов, поручавших эти миссии большому числу мусульманских религиозных деятелей, должна была быть обусловлена другими причинами. Возможно, что духовенство использовало свое относительно большое влияние при религиозном Шахрухе, чтобы получить эти прибыльные поручения. Вряд ли они хотели продвигать миссионерскую деятельность в Китае посредством таких поездок.

Поэтому скорее всего, китайские чиновники, во многих случаях использовали *хуэйхуэй* (мусульман) просто как титул, чтобы отличать этих посланников от официальных послов *шичэнь*. Поэтому, зачастую, невозможно определить, являлся ли человек, обозначенный как *хуэйхуэй*, священнослужителем или простым посланником.

В августе 1409 года было отмечено возвращение Фу Аня из Герата и Самарканда. Герат и другие места отправили чиновника (*чэнь*) Малая (馬賽) в качестве посла вместе с Фу Анем: «Герат (Хале, 哈烈) и другие места отправили посла Малая (麽賚) и других, [вместе с ними] послы из Хочжоу (火州) и всех проходящих мест прислали дань (дары), лошадей 550 голов, [в ответ] им пожаловали (*чао,* 钞) каждому с разницей по рангам. Снова отправили Аня и других сопроводить Малая и других домой, пожаловали их главарям парчовый шелк с тканным узором (*цзиньци,* 錦綺) и цветной шелк (*цайби,* 彩幣)»[26].

Посланники, вероятно, покинули Герат в феврале 1409 года. К этому времени напряженность между Шахрухом и Халиль Султаном уже

[26] Taizong shilu (太宗实录), *juan* (卷) 93. См.: «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1067.

значительно возросла. По этим причинам китайская делегация, безусловно, столкнулась с трудностями на обратном пути. Однако, вполне вероятно, что китайские делегации пользовались иммунитетом, позволявшим им вернуться более безопасным северным маршрутом. В династийных хрониках Мин также отмечается, что после возвращения Фу Аня посольства с дарами из Самарканда прибывали регулярно с интервалом от одного до трех лет.

Посольство от 14 марта 1410 года имело иной характер, поскольку оно было направлено непосредственно Шахалу Бадуэром (紗 哈魯把都兒) из Хале (Герат, 哈烈), то есть Шахрухом Бахадуром из Герата. К посольству из Герата присоединились посланники из Андухуэя (Андуй, на северо-западе Афганистана, 俺都進). Его возглавлял эмир (*моуму*) Миэр Цзила (迷兒即剩), и оно привезло различные местные товары в качестве даров. Эта запись дополнена описанием родословной Шахруха и Халиль Султана, а также их борьбы за преемственность Темура[27].

Бай Аэрцзиньтай, уже побывавший в Самарканде в 1407 году, 14 марта 1410 года получил новое поручение отправиться в Герат с посольством Темуридов под командованием Миэр Цзилы для доставки писем и цветного шелка. Бай Аэрцзиньтай прибыл в Герат 22 апреля 1412 года. Миссия Бая Аэрцзинтая в Герате была важной. Император Чжу Ди передал Бай Аэрцзиньтаю три письма Шахруху, каждое из которых было написано на трех языках: персидском, уйгурском и китайском.

В китайском письме прямо говорится о просьбе Чжу Ди к Шахруху заключить мир со своим племянником Халиль Султаном, а в персидском – лишь косвенно. Письмо Чжу Ди, естественно, вызвало некоторую путаницу при дворе Темуридов, поскольку Халил Султан умер год назад, а споры с ним были урегулированы ранее.

Бай Аэрсиньтай и его сопровождающие, вероятно, недолго оставались в Герате. Прибытие в Пекин зафиксировано на 23 июля 1413 года в «Правдивых записях»[28], а обратный путь снова занял относительно много времени – год.

Посланники покинули Герат, когда их дела были улажены, а их просьбы успешно удовлетворены. Темуридский посланник Шэйх Мухаммад Бахши был назначен их сопровождающим. Мухаммад Бахши также упоминается в «Правдивых записях» династии Мин, когда для посланника из Герата и других был устроен банкет. Хотя упоминается только его личное имя,

[27] Taizong shilu (太宗实录). Juan 97. См.: «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1067.
[28] Taizong shilu (太宗实录). Juan 140. См.: «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1068.

Мухаммад (Махама), это почти наверняка один и тот же человек, поскольку Мухаммад Бахши был лидером темуридской делегации. В качестве дани были привезены западные лошади, лев и леопард [29]. Мухаммад Бахши также получил послание для китайского императора. Оно было написано на двух языках: персидском и арабском, которые несколько отличались по содержанию.

М.Россаби[30] предполагает, что посланники Темуридов либо вообще не доставляли уничижительные письма, либо, в сотрудничестве с китайскими переводчиками, опускали чрезмерно уничижительные отрывки при чтении их вслух. Во всяком случае, в китайских документах не зафиксирована доставка каких-либо писем. Поэтому такой ход действий Мухаммада Бахши вполне вероятен. Посланники или торговцы, выдававшие себя за посланников, не чурались манипуляций, как показывает предполагаемое письмо Темура Чжу Юаньчжану. Однако, китайский посол Бай Аэрсиньтай доставил послание, данное ему для Шахруха.

В любом случае, отношения не были разорваны и обмен посольствами продолжался. Чжу Ди принял темуридского посла в зале для аудиенций (*юдянь* 御殿) и в знак благосклонности их награда была даже увеличена. Посланник из Герата (Махаммад Бахши, представлявший Шахруха) возглавлял делегацию на этой аудиенции[31]. Дополнительным свидетельством важности, которую придавало посольству, является присвоение почетных званий нескольким его сопровождающим.

В начале 1420-х годов отношения между империей Темуридов и династией Мин достигли своего апогея. Дипломатические и социальные связи были прочно установлены, и знание политической, военной и экономической обстановки друг друга, безусловно, было намного шире, чем это следует из данных письменных источниках.

После смерти императора Чжу Ди его сын и преемник, Чжу Гаочи (朱高熾)[32], провел масштабную перестройку внешней политики. Сеть дипломатических и торговых связей, созданная при Чжу Ди с большими затратами и усилиями и простиравшаяся от западной части Индийского океана и Ирана до соседних с Китаем стран, по-видимому, должна была быть распущена и заменена более изоляционистской позицией. Однако, короткое

[29] Там же.
[30] Rossabi M. Two Ming envoys to Inner Asia // Tong Pao. 1976. Vol. 62. №1–5. – P.17.
[31] Ming shi. (明史, История династии Мин)… T.3. Гл. 332. – C.8610.
[32] Чжу Гаочи (朱高熾), девиз правления Хунси (洪熙), храмовое имя – Жэнь-цзун (仁宗), годы правления 1424-1425.

правление этого императора временно помешало полной реализации этой новой политики. Важной характеристикой новой китайской внешней политики была приостановка императором морских экспедиций адмирала Чжэн Хэ.

Со стороны Темуридов отправка посольств или караванов в Китай стала неотъемлемой частью их взаимодействия с другими странами. Во время правления следующего императора Мин Чжу Чжаньцзи (朱瞻基)[33], которое длилось менее десяти лет (он умер в начале 1435 года), в Китай прибыло 30 посольств Темуридов. Хотя большинство из этих посольств были неофициальными и их следовало бы назвать торговыми.

Последующие посольства Темуридов, в основном, прибывали, из Самарканда, который, таким образом, сохранял свое положение отправной точки для торговых караванов в Китай. Улугбек оставался правителем Самарканда вплоть до 1449 года. Великолепие двора Улугбека было широко известно и торговля с Китаем, вероятно, обеспечивала значительную часть необходимых для него товаров.

Активная внешняя политика Китая в отношении Центральной Азии – за исключением соседних оазисов Таримской котловины, Хами и Турфана, и, конечно же, монголов, подошла к концу в эпоху Сюаньдэ. После этого политика Китая стала более пассивной. Посольства из Самарканда и других городов, которые все больше приобретали коммерческий характер, принимались в соответствии с китайской системой дани, иногда даже отвергались, однако, влияние Китая на Центральную Азию с этого времени начинало угасать.

В 1433 году евнух Ли Гуй (李貴) был отправлен в Герат в третий раз с посольством. Ли Гуй привез императорский указ (*чи,* 敕) для Шахруха и цветные шелковые изделия в качестве подарков. Миссия Ли Гуя стала последней попыткой Китая установить контакт с Темуридами на следующие два с половиной десятилетия.

В этот период был зафиксирован первый документально подтвержденный случай торговли людьми при Темуридах. Согласно императорскому указу, изданному командующему (*цзунбингуань*, 總兵官) провинции Ганьсу, заместителю военного комиссара Лю Гуану (劉廣), 24 сентября 1434 года, Лю было приказано запретить контрабанду китайцев за границу и покупку детей для вывоза из страны. В качестве виновников

[33] Чжу Чжаньцзи (朱瞻基) – девиз правления Сюаньдэ (宣德), храмовое имя – Сюань-цзун (宣宗), годы правления – 1425-1435.

названы самаркандцы и другие иностранцы. Поскольку самаркандское посольство во главе с Далахань Ису (打剌罕亦速), вероятно, покинули Китай в первой половине года, возможно, этот указ касался именно его деятельности.

«Сюаньцзун шилу» (宣宗实录) в главе 112 сообщает, что в 9-й год правления Сюаньдэ (宣德) (1433) «Самарканд отправил мусульман, запретить брать с собой китайцев (中國人), а также покупать китайских подростков и вывозить за границу [Китая]»[34].

Если до 1434 года в летописях династии Мин эпохи Сюаньдэ ежегодно фиксировалось как минимум одно, а обычно несколько, посольств из империи Темуридов, то после неожиданной смерти императора Чжу Чжаньцзи в 1435 году их число впервые уменьшилось.

Начиная с 1430-х годов Самарканду был присвоен суффикс *димянь* (地面). *Димянь*, на самом деле, следует переводить как *территория*, но здесь это, вероятно, означает небольшое вассальное государство. Термин *димянь* часто встречается в китайских текстах с этого времени в связи с городами Темуридов и добавляет явно уничижительный оттенок. По мере того, как Китай терял влияние и престиж в западных территориях, использование уничижительных выражений, таких как *димянь*, возрастало.

Интересно, что с того времени Герат (Хале, 哈烈) стал называться только Хэйлоу (黑婁). А в «Правдивых записях» есть раздел, посвященный и (Хале, 哈烈) и Хэйлоу (黑婁). Согласно записям, последнее посольство из Хале прибыло в Китай в 1438 году. В действительности, однако Герат (Хэйлоу, 黑婁) отправлял послов в Пекин еще почти столетие.[35]

1440-е годы знаменуют собой важный переломный момент в китайско-темуридских отношениях: ранее, отчасти, политические мотивы все больше уступали место коммерческим интересам.

13 июля 1445 года посольство из Самарканда во главе с послом Боянь Дабаши (伯顏答把失), отправленное правителем Улугбеком Гураганом (Улубо Кулайгань, 兀魯伯苦剌幹), было принято при дворе. В хрониках также указано, что в качестве дани (даров) были привезены лошади, верблюды, леопард с золотым узором, нефритовые камни и другие предметы. Был устроен банкет, послы получили одежду из цветного шелка, платья с драконьим узором, бумажные деньги и тафту.

[34] «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1075.
[35] Там же.

Первые три посольства Самарканда в период правления Чэнхуа (成化)[36], по-видимому, следовали традиции своих предшественников. Темуриды отправляли свои посольства, в которых в той или иной степени преобладали коммерческие интересы, а китайский двор принимал их в рамках своей даннической системы.

Среди товаров, преподносимых Амиром Темуром и его преемниками, значительную часть составляли лошади, бывшие обязательным требованием китайских императоров, верблюды, товары местного изготовления, но следующую строчку занимали нефрит и дикие животные, среди которых первое место отводилось львам.

Ян Цуньцзянь в своем сочинении «Шуюй цзоуцзылу» отметил , что «в 22-й год (1487 г.), посланник иноземцев *и* (夷) Палувань (怕陆湾) и другие привезли в дар львов (*ши,* 獅), «[они] вновь собирались по морю возвратиться на родину. Говорят, жаждали направиться в *Маньлацзя* (Малакка, 滿剌加)[37], [чтобы] побыстрее купить львов [для] даров»[38].

В императорском запретном городе Гугуне (故宫) был огромный парк, в котором содержались сотни львов, леопардов и других диких животных. Чиновники Министерства ритуалов жаловались на ненужные дары, бюджетные издержки и другие вопросы.

Правительство Минов выражало беспокойство по поводу дороговизны содержания «бесполезных», с точки зрения чиновников, животных: «…редкостные птицы и удивительные животные нельзя [завозить], следует [довести до сведения] иноземцев (*вайи,* 外夷)». Изо всех сил препятствовать!»[39]

13 марта 1484 года, после того, как посланники пробыли в Пекине почти год, послам и их сопровождающим дополнительно выдали серебра, чтобы убедить их уехать. Ответственные чиновники хотели избавиться от самарканцев и поэтому были готовы преподнести им еще больше подарков. Но Палувань продолжал сетовать на трудности в пути[40].

Шесть месяцев спустя Палювань и его спутники всё ещё находились в Пекине. И, в конце концов, они запросили разрешение покинуть Китай морским путем, обычно недоступным для посольств из Центральной Азии,

[36] Чэнхуа (成化) – девиз правления императора Мин Сяньцзуна (明憲宗), личное имя – Чжу Цзяньшэня (朱見深). Годы жизни – 1447-1487 гг., годы правления – 1464-1487 гг.
[37] *Манцзяла-го* (滿剌加國) – Малакка во время династии Мин, также *Малюцзя* (马六甲).
[38] Yang Congjian. Shuyu zhouzilu (嚴從簡. 殊域周咨録). – С.485.
[39] Там же.
[40] Xianzong shilu. Juan 249. См.: «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1081.

поскольку сухопутный путь был заблокирован. В конце концов, разрешение было получено, видимо китайские власти явно были заинтересованы только в том, чтобы избавиться от них, и дипломатические принципы были просто проигнорированы.

В «Правдивых записях [правления императоров] Мин» (明实录) последние записи о посольствах из Самарканда завершаются 1581 годом. Источник отмечает, что в 9-й год правления Ваньли (萬歷)[41] (1581), главы из пяти мест – Турфана (土魯番), Самарканда (撒馬兒罕), Тяньфан (Арабское государство, 天方), Луми (Османская империя, 魯迷), Хами (Кумул, 哈密), каждый отдельно отправил людей поднести лошадей, местные товары, «наградили в соответствии с традициями»[42].

В сочинении «Шуюй чжоуцзылу» сведения о Самарканде заканчиваются 11-м годом правления императора Цзяцин (1521-1567): «В 11-й г. (1532 г.) Палата церемоний… отвергла подношение даров (*гун*) чужеземцев [из Самарканда]… Начальник контрольного приказа (*дуюйши,* 都御史) Тан Лун (唐龍) вел переговоры, следует ли их пропускать до столицы»[43]. Это было уже время, когда империя Мин постепенно ограничивала отношения с иностранными государствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на сложности, отношения династии Мин и Самарканда не прерывались, а после смерти Амира Темура его потомки стали активно развивать торгово-посольские связи с Китаем, вплоть до его изоляции от внешнего мира, что отражено в китайских письменных источниках.

Многие современные историки отмечают значение китайских источников, сведения которых, хоть и являются фрагментарными, но являются достоверными, если говорить об этом с определенной долей осторожности. Значение и достоверность перечисленных выше источников весьма неравноценны. При сопоставлении их выявляются разночтения, а иногда ошибочная датировка тех или иных событий. Тем не менее, при должном критическом отношении к источникам и внимательном сличении данных в них можно почерпнуть богатый и разнообразный материал по изучаемому вопросу.

[41] Ваньли (萬曆) – девиз правления императора Мин Шэньцзуна (神宗), личное имя – Чжу Ицзюнь (朱翊鈞). Годы жизни – 1563-1620 гг., годы правления – 1572-1620 гг.
[42] Шицзун шилу, глава 409. См.: «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷). – С.1087.
[43] Yang Congjian. Shuyu zhouzilu (嚴從簡. 殊域周咨録). – С.491.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Chen Cheng. Xiyu fanguozhi. (陈城. 西域藩国志. Описание Западных стран) // Ming chaoben. Guoli Beiping tushuguan shanben congshu (明朝本. 国立北平图书馆山本丛书). – Beijing, 1936. – 27 c.
2. Chen Cheng. Xiyu xingchengji. (陈城. 西域行程记. Записки о путешествии в Западные страны) // Ming chaoben. Guoli Beiping tushuguan shanben congshu (明朝本. 国立北平图书馆山本丛书). – Beijing, 1936. – 47 c.
3. Ming shi. (明史, История династии Мин) // Ershi sishi (二十四史). – Шанхай (上海), 1958. Т.3. Гл. 332. – 3975 (8620) с.
4. «Ming shilu» leijuan (明实录类纂 涉外史料卷. Материалы «Правдивых записей [династии] Мин» по разделам). – Wuhan: Wuhan chubanshe, 1991. – 1255 с.
5. Rossabi M. Two Ming envoys to Inner Asia // Tong Pao. 1976. Vol. 62. №1–5. – P. 1–34.
6. Yang Congjian. Shuyu zhouzilu (嚴從簡. 殊域周咨録. Всесторонние записи о чужеземных странах). – Beijing: Zhonghua shuju, 1974. – 754 с.
7. Каримова Н. Китайские письменные источники по истории взаимоотношений государств Центральной Азии и минского Китая. – Ташкент: Akademnashr, 2024. – 304 с.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ХХР НИНГ ЭНЕРГЕТИКА ТАРИХИ ВА СИЁСАТИ

Ш.И.Шазаманов
Ренессанс таълим университети
ижтимоий – сиёсий фанлар кафедраси профиссори,
сиёсий фанлар доктори (DSc), проф.,
Л.О.Сабиров
Тошкент кимё-технология институти
таянч докторанти

“Хитой ривожланаётган мамлакатлардан биринчилардан бўлиб “иқлим ўзгаришига қарши курашишнинг миллий дастурини” ишлаб чиқиб амалга тадбиқ этмоқда. Бу мамлакат охирги йилларда катта ҳажмларда энергия истеъмол қувватини ва захарли моддаларнинг атмосферага чиқарилиш миқдорини камайтириб келмоқда, бундан ташқари янги энергия қувватлари ва энергия манбаларини ўрганиш ишларини амалга ошириб келмоқда”[44].

“Жаҳон саноати, барча ижтимоий инфраструктура ва глобал энергия тармоқлари углеводород хом ашёси билан биринчи навбатда – нефть билан боғликдир..... бундан шуни тахмин қилиш мумкинки, ҳисоб китобларга кўра 21 асрнинг ўрталарида бугунги цивилизация энергия етишмовчилиги сабаб муаммолар билан юзма – юз келиши эҳтимоли ҳам йўқ эмас. Бу кўпроқ углеводородлар масаласи билан боғликдир. Шундай экан, Америка Қўшма Штатлари ҳозирдан ўта муҳим энергия манбаларини ўз назорати остига олишга интилмоқда, бу борада жаҳон ҳамжамиятини маълум маънода қийинчиликлар билан юзма - юз келаётганлигини ҳисобга олсак энергия масаласини ҳал этиш анчайин жиддий эканлигини сезиш қийин эмас ”[45]. ХХР мисолида қарайдиган бўлсак, “ 2030 йилга келиб бутун ХХРнинг жаҳон миқёсидаги кўмир истеъмоли 50% гача кўтарилади, ҳозирда эса бу кўрсаткич 40%ни ташкил қилмоқда”[46]. “2030 йилга келиб ҳам ХХР кўмир қазиб олиш бўйича етакчилардан бўлиб қолаверади, унинг қазиб олиш улуши 48% ташкил қилади, жаҳондаги улуши эса (2006 йил 40%), ХХР бу даврда ўзининг улиш миқдорини икки баорбар кўтаради...”[47].

[44] «Мирное развитие Китая» №11.2011. Б.11.
[45] Неклесса А.И. Глобальный град: творение и разрушение. // Восток №1. 2003. Б.148.
[46] Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.9.
[47] Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.9.

Қора металургия – ХХР саноат ишлаб чиқаришининг асосий манбаларидан бири ҳисобланди. Бу ерда у сиёсий санаотлаштиришнинг анъанвий услуби сифатида кўриб чиқилмоқда. ХХРдаги қора металлургия ўзига хос йирик саноат комлексини акс эттиради, ўз ичига қазиб олиш, тўйнилган руда, чўян, пўлат, маҳсулотни қайта ишлаш ва ишлатиш, кокс, ферросплав, метиз ишлаб чиқариш саноатини белгилаб беради. Қора металлургияни ишлаб чиқариш ҳажми бўйича Хитой биринчи ўринни эгаллаб келмоқда. Хитойнинг 2007 йилдаги ишлаб чиқариш миқдори 489 млн. тоннани ташкил қилди. Қора металлургия ишлаб чиқаришнинг ўсиши темир руда импортини ўсишига сабаб бўлди. 2003 йил Хитой Японияни қувиб ўтиб жаҳондаги энг катта импорт давлатга айланди. 2000 йил Хитойнинг пўлат қуювчи компаниялари 69,97 млн. темир рудасини импорт қилди, 2004 йилда – 208 млн. т; 2005 йилда -275 млн.т.; 2006 йилда темир рудасининг импорт миқдори 326,3 млн.т.; 2007 йилда эса - 383 млн.тоннага етди[48]. (Масалан, ўтган 1997 йил ХХРда 101,2 млн.тонна пўлат қуйилган, бу кўрсаткич Японияда - 99, АҚШда - 95 млн. тонна қайд этган. Хусусан, ХХРда ўша қайд этилган йилда 1397 млн. тонна кўмир қазиб чиқарилди, 157,3 млн. тонна нефть (Саудия Арабистонида - 400, Россияда - 301 млн.т.) ва 1081,3 млрд.кВт.с.1 электр энергия, 491,2 млн. т. цемент, 28,9 млн. т. кимиёвий моддалар (АҚШда 25,6 млн.тонна), 35 млн. дона телевизор (АҚШда 13,9, Японияда 9 млн.) ишлаб чиқарилди. Жамиятнинг ялпи маҳсулот ишлаб чиқаришдаги саноат улуши 1952 йил 17,6%, 1997 йилга келиб 42,5%га етганлиги[49] қайд этилади.).

Хитой катта миқдордаги темир руда ресурсларига эга. 2006 йилдаги берилган маълумотига кўра, руда захиралари 22.09 млрд. тоннани ташкил қилади[50]. Улардан 2,5% қайта ишланяпти. Темир руда конларининг умумий миқдори эса 55%ни ташкил қилади. Тоғларда ихтисослашган катта ҳажмдаги крохоналарнинг миқдори кам (улар қазиб олинаётган руданинг фақат 60%ни қайта ишламоқда). Руда конларининг учдан бир қисмини бошқа конлар ташкил қилади, уларнинг таркибини гематит, сидерит ва лимонитларни ташкил қилади ва ишлаш жараёни катта меҳнатни талаб қилади. “Геологик қидирувларнинг асосий мақсади – қўшимча равишда 5 млрд.т. темир руда захираларини топишга қаратилган. Хитойда охирги йилларда 763 млн.т. захиралар топилди, истиқболли захираларнинг умумий миқдори 2 млрд.т ташкил қилади. 2006 йилда Хитой кўмир экспорт қилувчидан (34 млн. т.)

[48]Коледникова Н. Черная металлургии КНР// Проблемы Дальнего Востока. №1,2009. Б.61
[49]Чжунго тунцзи няньцзянь, Пекин, 1998. 472 б.
[50] Ўша ерда. Б. 61

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

импорт қилувчи давлатга айланди (88 млн. т.)..... Хитойда (Ички Муғилистонда) кўмир қазиб чиқишни қайта кўриб чиқмоқда, ички истеъмолга талабнинг ошиши муносабати билан Вьетнам ҳам Хитойга кўмир импорт миқдорини камайтирди” [51] . ХХРда 1980 йиллардан ялпи ички маҳсулот ўрта ҳисобда 9%ни ташкил қилган. 1953-78 йилларда жами ишлаб чиқарилган маҳсулотнинг ўртача даражаси 6,1% бўлган бўлса, 1979-98 йилларга келиб бу кўрсаткич 9,7%ни ташкил қилган, ушбу кўрсаткич бугун ҳам ўзгармай қолмоқда. ХХР саноат маҳсулотлари ишлаб – чиқариш бўйича ривожланган давлатлар қаторида бормоқда.

Бугунги саъй-ҳаракатлар яқин йилларгача чет эл технологиясига йўналтирилган ва улар инвестициялари орқали экспорт рағбатини оширишга қаратилган эди. Бундай ҳаракатлар эса, иқтисодий ривожланиш бўйича, ХХРни дунёда етакчи ўринга чиқишига замин ҳозирламоқда. ХХР давлат маслаҳатчиси Вэнь Цзябао таклифи билан, РФ бош вазири (Россиянинг амалдаги давлат раҳабари) Владимир Путин 2009 йил 12 октябрда Пекинга 3 кунлик ташрифи чоғида Хитой – Россия инвестицион энергетик компаниясини Гонконгда рўйхатга ўтказиш ишлари якунига етди. Ҳозирда бу компания (RusEnergy igvestment Group) номи билан фаолият юртимоқда. Ушбу компания Россиянинг ЁАЖ «Сунтарнефтгаз»нинг (Якутск) 51 % акциясини сотиб олди, ушбу комания Шарқий Сибирдаги Жанубий – Березовский ва Чередейский участкаларида ўз рухсатномаларига эга, у ерда табиий газ захираларининг умумий миқдори 60 млрд. кубометрни ташкил қилади. Ўша йилнинг июлида имзоланган табиий газ соҳасидаги меморандум икки мамлакатнинг истиқболини белгиловчи биринчи лойхаси бўлди. Охирги икки йилда компания конларни ўзлаштириш учун 300 млрд. АҚШ долларни тикмоқда. Бу участкалардаги табий газни Хитойга, Японияга, Жанубий Кореяга, Сингапурга экспорт қилиш мўлжалламоқда. Имзоланган шартнома Хитой Рассия муносабатларидаги янги энергетика моделини яратишга хизмат қилмоқда ва унинг ривожланиши учун истиқболли асос бўлиб хизмат қилмоқда. 13 октябрнинг ўзидаёқ Газпром ва Хитой миллий нефтигаз корпорацияси Россиядан Хитойга газ етказиб бериш соҳасидаги шартларни ичига олган асосий шартномани имзолади, етказиб берилувчи газнинг умумий миқдори тахминан йилига 70 млрд. кубометрни ташкил қилади. Хитой Россиядан бундай ҳажмдаги табиий газни импорт қилмаган эди. Апрелда ҳукуматлараро нефть соҳасидаги битим имзоланган эди, июлда эса табиий газ соҳасидаги меморандум имзоланган эди. Нефтқувурларини

[51] . Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.10.

ўтказиш лойҳаси ҳам мувофаққиятли равишда амалга оширилмоқда. «Ўтган асрнинг 90 йиллардан ҳозиргача бўлган давр ичида Хитой – Россия муносабатлари уч даврга бўлинади: дўстона мамлакатлар, конструктив шериклик муносабатлари, ўзаро стратегик ва шериклик алоқалари. Хитой Академияси ижтимоий фанлар қошидаги хитой чегара районларини тарихи ва географиясини ўрганиш марказининг ўрин босари Син Гуанчэн фикрича, ушбу уч давр Хитой – Россия муносабатларининг кейинги ривожланиши учун мустаҳкам асос бўлди. … Энергетика соҳасидаги ҳамкорлик Хитой–Россия муносабатларининг сифат кўрсаткичларига таъсир қилди. Унга асосан Хитой – Россия стратегик муносабатлари даражасини кўтарди».[52]

В. В. Путин Хитойдаги ташрифи даврида Хитой – Россия корхоналари ўртасида (транспорт, инфратузилма, қурилиш, маҳсулотни қайта ишлаш бўйича) келишув шартномалари имзоланди, уларнинг умумий миқдори 4 млрд. долларни ташкил қилди. Маълумотларга кўра, нефть ва бошқа энергетик маҳсулотларнинг ярмидан кўпи, Россиядан Хитойга экспорт қилинмоқда, металлар ва механизмлар умумий миқдори 5% ва 4,4%ни ташкил қилади. Фудань университети ижтимоий иқтсод факультети доценти Сунь Линьнинг фикрича, «кейинги давр Хитой – Россия савдо муносабатлари давридир. Россия фундаментал фанлар соҳасида етакчилик қилмоқда, Хитой эса илмий тажрибаларни сингдириш соҳасида мувоффақиятга эришди, ушбу устунликка эга бўлган икки томон ҳам бир - бирини тўлдириб туриши мумкин».

Давлат дастурига асосан янги энергетика турлари ва энергетика манбаларини ўзлаштиришга фаол ҳаракат қилмоқда, 2006 йил Хитойнинг Гуандун ядеро – энергетика корпорацияси (ХГЯЭК) ҳаво орқали электр энергияни ишлаб чиқаришни фаол равишда йўлга қуймоқда. Қурилаётган дастгоҳларнинг умумий қуввати 1,5 млн. кВт.ни ташкил қилади. Бундан ташқари корпарация умумхитой аҳамиятига эга бўлган 2та катта ҳаво орқали электрогенератор базасини қуриб берди, ҳаво электрогенераторининг умумий қуввати 1 миллион ёки 10 млн. кВтга тенг.

2008 йилда ҳаводан электроэнергия олиш бўйича корпарация мамлакат бўйича 5 ўринни олди. ХГЯЭК тендерга қатнашиб йилига 10 минг кВт геолиэлектро энергия ишлаб чиқариш қувватига эга бўлган объект қурилишини ютиб олди. Объект Ганьсу вилоятининг Дуньхуан шаҳри ҳудудида қурилади. Ҳозирги пайтда корпарация Энергетикани Бошқариш Давлат Қўмитасига Дуньхуанда умумий қуввти 50 минг кВт.га тенг бўлган

[52] Ван Фан. Новый прорыв в экономическом сотрудничестве // Китай № 11(49), 2009 Б.10 – 11.

янги қуёш электро энергия объектини қуриш учун ариза берди; бундан ташқари, мамлакат бўйлаб умумий қуввати 2 млн. кВтга тенг бўлган бошқа объектлар ҳам қуриш режалаштирилмоқда. ХГЯЭК раҳбарияти 2009 йилдан янги стратегик мақсадларни ўз олдига қўйди, унинг асосида жаҳонда сифатли ва экологик тоза электр қувватини яратиш мақсад қилиб қўйилди. 2015 йилда бориб корпорация электроагрегатларнинг умумий қувватини 2008 йилга нисбатан уч ёки тўрт баробар кўтармоқчи; 2020 – 2025 йилларда 50га яқин корхоналар мамлакатнинг энг катта корхоналарига киради, уларнинг барчаси ҳукуматнинг марказий бошқарувида бўлади. Ҳозирги пайтда корпорация олдиндан электро энергия олувчи базани қуришга фаол ҳаракат қилмоқда, ҳаво электроагрегатларнинг умумий қуввати тахминан 10 млн. кВтга етказиш мўлжалланмоқда, ҳамда денгиз ҳаво кучи ёрдамида электро энергия олиш ҳам ўзлаштирилмоқда. Режага кўра, 2020 йилга келиб ҳаво электрогенераторнинг умумий қуввати бўйича мамлакатда етакчи ўринни эгаллайди. Бундан ташқари гелиоэнергетика соҳасини ўрганиш ва ривожлантириш учун фаол равишда рағбатлантирилмоқда, корпорация қуёш электро энергиясини ўзлаштириш стратегик мақсадини ишлаб чиқди ва 2020 йилга келиб ушбу соҳада мамлакатда биринчиликни олишга интилмоқда[53]. “Газ етказиб берувчилардан Европа ва Россиядан фарқли равишда газ импорти йилига ўсиб боради. 2020 йил Европа мамлакатларининг газга бўлган эҳтиёжи 70% га ортади ва йилига 515 млрд. кубометр газ миқдорини ташкил қилади”[54]. Табиий газда ишлайдиган электростанциялар сонинг ўсиши ҳамда Европа мамлакатлари ички ресурсларининг йилдан йилга қисқаришидир. 2000 – 2007 йил оралиғида ЕИ мамалкатларининг газ энергетикасидан фойдаланиш қуввати 32 % ошди, у тахминан йилига 141,1 дан 182,7 млрд. кубометрни ташкил қилди[55].

Лойиҳалаштирилаётган «Набукко» магистрал газ қувурлар линиясининг узунлиги тахминан 3,3 минг. км.ни ташкил қилади, бу қувурлар Туркманистон, Ўзбекистон ва Озорбайжон орқали ЕИ мамлакатларига асосан Австрия ва Германияга узатилади. Бу лойҳанинг умумий қуввати йилига 26 – 32 млрд. кубометр газни ташкил қилади. Қурилиш 2013 йилда якунланиши режалаштирилмоқда[56].

[53] Тан Тао, Се Чжихуа. Новый виток развития КГЯЭК// Китай № 11(49) 2009. Б.10 – 41.
[54] Данные предоставлены консалтинговой компанией A,T.R Kearney (Германия) (Deutsche Welle // http: / www.dw – wold.de / dw/aricle/0,, 3948241,00 html).
[55] Ўша ерда.
[56] Риа новости (www/rian.ru/ gas- spravki / 20090115/159289936. html).

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Газ қувурларини ўтказишдаги шерикчиликка Австрия, Венгрия, Туркия, Болгария ва Руминия компаниялари иштрок этмоқда. Европа лойҳаларида, МДҲ ҳудудидаги лойиҳаларига қаратилган, бунга асосан Қозоғистон, Россия, Ўзбекистон энергетика соҳасидаги ҳамкорлиги 2009 йил биринчи чорагидан бошлаб нархлашнинг бозор шаклига ўтилди: Марказий Осиё мамлакатларидан олинадиган газ нархи Россия учун 1 тоннаси 340 долларга тушади. Шундай бўлса–да, Россия Ўзбекистондан газ экспорт қилувчи ягона мамлакат бўлиб қолмоқда.

2003 йил имзоланган Россия – Туркманистон ҳамкорлик шартномаси 25 йилга мўлжалланган. Шартнома доирасида «Газпром экспорт» (асосий ҳажмнинг 100% ОАЖ «Газпром») ва «Туркменнефтегаз» ГТКси туркман газини олди – сотди шартномасини сотиб олди[57].

Туркман газини етказиб бериш Марказий Осиё газ қувурлар магистрал транзит - йўли орқали амалга оширилади унинг маркази, Ўзбекистон, Қозоғистон ва Россия орқали ўтади. Ҳукуматлараро келишувга асосан «Газпром» туркман газини Россия ва Украинага етказиб беришни ўз зиммасига олади. Охирги йилларда мамлакат учта катта газқувурлар линиясини қуришига қатнашиш учун ариза берди – Каспийолди, Транскаспий ва Хитойдаги қувурларнинг қурилишидир[58].

Ўтган100 йил ичида ривожланаётган мамлакатлар катта ҳажмда табиий ресурслар, айниқса энергия ресурсларини сарфлади. Унинг оқибатида кетма–кет саноатлашиш якунланди. ”Хитой энг йирик ривожланаётган мамлакатдир. Шундай экан, иқтсодиёт ва қашоқликка қарши кураш узоқ вақт давомида ҳукумат ва давлат раҳбарларининг асосий муаммоси бўлиб келмоқда”[59]. ХХР энергия ресурслари табиатини қуйдагича изоҳлаш мумкин: Хитой қазиб олинадиган улкан энергия манбаига эгадир, жумладан улардан катта қисмини тош кўмир ташкил қилади. 2006 йил охирида кўмир захирасининг умумий миқдори 1 трлн. 34,5 млрд. тоннани ташкил қилди, топилган ва қайта ишлашга мўлжалланган захиранинг миқдори жаҳон бўйича 13%ни ташкил қилади, ушбу кўрсаткичлар билан Хитой учинчи ўринда туради. Топилган газ ва нефть захиралари унчалик ҳам бой эмас, аммо қазиб олинадиган энергия захираларнинг топиш имкониятлари жуда юқори ҳисобланади. Гидро энергия захирасининг электро энергия ишлаб чиқариш умумий қуввати тахминий ҳисобларга кўра соатига 6,19 трлн. кВтга етди, иқтсодий мақсадларни

[57] http: // bia – news.ru/news / 73342
[58] Портягина И.И. Газовая внешняя политика России в условиях глобального экономического кризиса и мирополитический статус России.// Вестник Московского университета №3/ 2009. Б. 43 -44.
[59] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики/ Пресс – канцелария Госсовета КНР. Б. 1.

кўзлаган йиллик электр қувватини ишлаб чиқариш қуввати соатига тахминан 1,76 трлн. кВтни ташкил қилди, бу эса дунё бўйича гидро энергия захирасининг 12%га тенг бўлиб биринчи ўринни эгаллайди. “Хитой энергия истеъмол қилиш бўйича 2015 йилдан бошлаб биринчи ўрнига чиқади, ҳозирда мамлакатда энергия истеъмоли 3 баробар кўпайган..... аммо, мамлакатда газ ҳисобидан электр энергия ишлаб чиқариш 2030 йилга бориб 3%ни ташкил қилади, 2006 йилда бу кўрсаткич 1%ни ташкил қилган эди”[60].

“Хитой 2008 йилга қадар АЭС қуриш ва қуввати бўйича 17%, Тайванда (8,5%) ташкил қилган ва биринчи ўринни эгаллаб келган. Биоёқилғи ҳисобидан олинадиган энергиянинг улуши 2030 йилга 5%дан ошмайди, бу ёқилғига бўлган энг катта талаб АҚШ, ЕИ, Хитой ва Бразилияда кутилмоқда”[61].

Дунёда иқлимнинг ўзгариши, аҳоли сонини ўсиши, иқтсодий тараққиётнинг ривожланиши, жумладан биринчи галда - кўмирдан фойдаланиш ҳажмини кенгайиши яқин истиқболда жиддий муаммолардан бўлиб қолмоқда. Масалан, “охирги юз йилликда ҳаво ҳарорати 6°С га кўтарилган, натижада дунёда кескин ўзгаришлар содир бўлади.... ҳозирдан ўзгаришлар бошланган. XX аср ўрталарига келиб Тоджикистон тоғлардаги музликларнинг 3 қисмини йўқотиб бўлди, Қирғизистон эса охирги 40 йил ичида минглаб км. доимий тоғ музликларини эритиб юборди»[62]**.** «2006 – 2030 йил энергетика билан боғлиқ бўлган иссиқлик газининг чиқити (CO_2), 45%га кўтарилади Улар асосан ¾ Хитой, Хиндистон ва Яқин Шарқ мамлакатлар ҳисобига туғри келади»[63]. Халқаро ташкилот олдида турган яна бир жиддий муоммлардан, - бу «энергетик қашшоқлик» билан курашиш. Ёқилғи ҳисобидан ва доимий манбага эга бўлган таъминот ривожланган мамлакатларда 2,4 млрд. кишини ташкил қилса 1,6млрд. киши ҳозирги кунда электро энергиядан фойдалана олмайди[64].

- *Ўртача ахоли жон бошига энергия ресурсларининг истеъмол қувватининг энг паст кўрсаткичи.*

Хитойда энергия ресурсларига бой бўлиб, аммо географик жойлашувига кўра нотекис жойлашган. Кўмир асосан Шимолий ва Шимолий Ғарбий Хитойда жойлашган; гидроэнергия ресурслари – Хитойнинг

[60] Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки // Проблемы дальнего Востока .№.6 2009. Б.10.
[61] Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки. // Проблемы Дальнего Востока №.6 2009. Б.11.
[62] Council of the European Union. Climate Change and International Security. Brussels,3.03.2008, p.6.
[63] Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки // Проблемы Дальнего Востока .№.6 2009. Б.13.
[64] G – 8, 2006. Глобальная энергетическая безопасность. Санкт – Петербург, 16 июля 2008,б.11.

Жанубий Ғарбида жойлашган, нефть ва табий газ конлари эса асосан мамлакатнинг шарқий, марказий ва ғарбий ҳудудлари ҳамда денгиз акваторияларида жойлашган. Аммо, энергиянинг фаол истеъмол қилувчилари Хитойнинг иқтсодий ривожланган Жанубий – Шарқий ҳудудлари ҳисобланади. Энергия захираларининг географик жойлашуви истеъмолчиларнинг географик жойлашувидан кескин фарқ қилади. Шу сабабли – нефть ва кўмирни Шимолдан Жанубга ва электр энергияни Ғарбдан Жанубга ўтказиш бўйича эътиборли ишларни амлга оширлмоқда.

–*Энергия ресурсларни ишлаб чиқиш бўйича катта муаммолар.* Бошқа мамлакатдаги аҳволдан фарқли равишда Хитойда кўмир конлари геологик қийин бўлган жойларда жойлашган. Кўмир асосан шахталар орқали қазиб олинади, энг кам қисмигина очиқ жойлардан олинади. Нефть ва газ конлари геологик жиҳатдан чуқур ва ноқулай жойлашган, уларни топиш ва қайта ишлаш техналогия учун оғир хисобланади. Ўзлаштирилмаган сув энергияларининг катта қисми мамлакатнинг жануби – ғарбидаги баланд тоғлар ва чуқур ғорларда жойлашган, ташиладиган жойдан узоқдалиги, ўзлаштирилиш қийинчиликлари ва таннархни қимматлашувига сабабчи бўлади[65].

Хитойда даставвал сиёсий ислоҳотлар амалга оширилди сўнгра эса мамлакатнинг энергетика саноатини эркинлик асосида ривожланиш суръати тезлаштирилди, бундай ёндошув халқ хужалигини барқарор мувофаққиятли ривожланишига муносиб ҳиссасини қўшди ва қуйдагиларда акс ини топди:

–*Энергия таъминоти сезиларли яхшиланди*. Қуввати 10 млн. тоннага етадиган кўмир шахталари қурилди. 2006 йилда бирламчи энергия манбаларини қазиб олиниши 2,21 млрд. тоннани ташкил қилди. Кўмир эквиленти бўйича (Дунёда 2 – ўринни кўрсатади); жумладан кўмир қазиб олиниши 2,37 млрд. т (дунёда 1 – ўрин.). Нефть қазиб олувчи конлар ташкил қилинди, уларга “Дацин”, “Шэнли”, “Ляохэ” ва “Тарим”ни келтириб ўтишимиз мумкин. 2006 йил 185 млн. т нефть қазиб олинди (дунёда 5 – ўрин.). Табиий газни қазиш ўсиб бормоқда: 1980 йилда 14,3 млрд. кубометрни ташкил қилган бўлса 2006 йилда 58, 6 млрд. кубометргача ўсган. Юқори суръатлар билан энергетика соҳаси ҳам ўсишда давом этмоқда: электрогенераторларнинг умумий қуввати 622 млн. кВтга етди, электр ишлаб чиқариш эса – соатига 2,87 трлн. кВт (иккала кўрсаткич ҳам дунёда 2 – ўринни таъминлайди)[66].

[65] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. б. 3- 4.
[66] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. б. 5 .

–*Энергияни тежаш масалалари*. 1980 – 2006 йиллар оралиғида халқ хўжалигининг ўртача йиллик ўсиш кўрсаткичи 9,8%, электроэнергия истеъмолининг ўртача йиллик кўрсаткичи эса 5,6%ни ташкил қилди. Нархларни ўзгартирмаган ҳолда, энергия истеъмолини ЯИД нисбатан 10 минг юангача қисқартирлди. Кўмир эквиленти 1980 йилда 3,39 тоннани ташкил қилган бўлса, 2006 йилга келиб 1,21 тоннагача қисқартирилди, бундан ташқари энергия истеъмоли ўртача миқдорда 3,9%га қисқариб бормоқда[67]. Қайта ишлаш ва унумли фойдаланиш умумий кўрсаткич миқдори 33 %ни ташкил қилди, бу нарса 1980 йилга нисбатан 8%га кўтарилгандир. Маҳсулот ишлаб чиқариш учун энергия харажатлари ҳам камайди, жумладан, буларга, пўлат, цимент, синтетик аммиак маҳсулотларини ишлаб чиқариш учун кетадиган энергия сарфларини кўрсатиб ўтиш мумкин. Бундан ташқари кўмирни электроэнергияни ишлаб чиқариш учун сарф миқдори халқаро даражада камайтилиб келинмоқда.

–*Истеъмол тизими.* Энергия истеъмол ҳажми бўйича Хитой дунёда иккинчи ўринни банд қилди. 2006 йил ҳисобидан бирламчи энергия ресурсларининг харажаат ҳажми кўмир эквиленти бўйича 2,46 млрд. тоннани ташкил қилди. Хитой энергия истеъмолини яхшилашга эътибор қаратмоқда. “....энергия истеъмоли соҳасининг яхшиланиш соҳасида сезиларли ўзгаришлар юз бермоқда: кўмирдан электроэнергияни ишлаб чиқариш 49,6%ни эмас, балки 20,7%ни ташкил қилган; маиший истеъмол соҳасида эса товар ва экологик энергиянинг тозалигига катта эътибор қаратилди” [68]. Россиялик тадқиқотчи Ю. В. Попов (ИВ РАН) “Австралиянинг Шарқий Осиё мамлакатлари билан алоқаларини ўрганар экан, унингча, Австралия Хитой учун нефть, кўмир, темир рудаси ва қишлоқ хўжалик маҳсулотларини етказиб берувчи анъанавий давлат бўлиб қолмоқда. Хитойнинг Австралия билан экспорт имкониятларини кенгайиши молиявий муносабатларни яхшилаш учун асос бўлади”[69].

–*Илмий – техник даражанинг кутарилиши*[70].

–*Бозордаги иқлимни секин асталик билан яхшиланиши.*

Энергия ишлаб чиқарувчи корхоналар қайта янгилаш соҳасида ютуқларга эришди, уларга асосан замонавий тартиблар ўрнатилди. Кўмир саноатида ишлаб чиқариш ва айлантириш соҳасида бозор муносабатларига мослаша бошлади. Маъмурий электроэнергия соҳасида органлар ишлаб чиқарувчи

[67] Ўша ерда 6 бет.
[68] Ўша ерда б. 7..
[69] «Научная жизнь»// Восток №1. 2003. Б.162-163.
[70] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. Б. 8..

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

корхоналарига бўлинди, электростанциялардан эса – электро таъминот тармоғи ажралди; уларни бошқариш ва назорат қилиш учун қўмиталар тузилди. Нефтигаз соҳасидаги қуйи ва юқори тармоғларида интеграция ишлари амалга оширилди, натижада ички ва ташқи бозорларда ўзгаришлар сезилди. Аммо барқарор, иқтисодий тизим, тоза ва хавфсиз энергия таъминоти тармоғи соҳасида жиддий муаммолар мавжуд, улар қуйдагиларда намоён бўлади.

- *Энергия ресурсларни камлиги ва паст энергетик барқрорлик***.**
- *Энергия истеъмолининг асосий қисми кўмир улушига тўғри келади, бу эса атроф муҳит учун оғир вазиятни вужудга келтиради.*
- *Бозор муносабатларининг номутаносиблиги ва фавқулотда ҳолдаги механизмнинг шакиланмаганлиги*[71]**.**

Энергия манбаларини ривожлантиришдаги мақсад ва стртегияси. Хитой энергия манбаларининг кенг тараққиётини “иқтсодий, тоза ва хавфсиз ривожланиш” принципига амал қилади, ислоҳотлар ёрдамида муаммоларни ҳал қилишга ҳаракат қилмоқда. Хитойдаги энергия манбалар стртегияси қуйдагилар билан изоҳланмоқда.

- *Иқтсодий шароитда кўмир етказиб бериш.*
- *Ўз имкониятларига таяниш.*
- *Турли хилдаги энергияларни ривожлантириш.*
- *Илмий техника ютуқларидан фойдаланиш.*
- *Атроф муҳит муҳофазаси.*
- *Манфаатли халқаро алоқаларни ривожлантириш.*

Умумхитой коммунистик партиянинг 17 – съездида Хитой олдига қуйдаги вазифалар қўйилди: таьминот услубларини яхшилаш ва шакиллантиришни тезлаштириш; ишлаб чиқариш тизимини фаоллаштириш; унумдорликни ошириш; энергияни тежаш ва атроф муҳит мухофазаси. 2020 йилга бориб ЯИМ ҳажмини 2000 йилга нисбатан тўрт бараварга кўпайтириш. “ХХРнинг қишлоқ хўжалиги ва ижтимоий ривожланишнинг 11 – беш йиллик режасининг асосида” шу нарса аниқ кўрсатилганки, 2010 йил ЯИМги энергияга харажати тахминан 2005 йилга нисбатан 20 %га, умумий зарарли чиқитларни ташқарига чиқарилиши эса – на 10%[72] камайган.

Энергетика ресурсларини босқичма - босқич амалга ошириш

ХХ асрнинг 80 йилларидан бошлаб Хитойда режали ва тартибли равишда энергияни тежаш қилиш ишлари амалда йўлга қўйилган. Буларни

[71] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. б. 10-11.
[72] Ўша ерда. 12 -15 бетлар.

ҳаётга татбиқ қилиш туфайли “ўзлаштириш ва тежаш масаласига катта эътибор берилмоқда” XX асрнинг охирида мамлакат энергия сарфини икки баробар камайтириб тежаш ҳажмини тўрт баробарга кўпайтирди. Бундан ташқари “ХХР давлат маслаҳат кенгаши томонидан энергияни тежаш ишларини кучайтириш туғрисидаги қарори” қабул қилинди. Хитой ҳукумати доимо энергия тежашни макробошқарув ва макроназоратнинг асоси сифатида қарайди, ҳамда иқтсодиётни шакллантириш ва бошқаришда фаол ва барқарор асос сифтида қараб келган. “Энергияни тежашнинг қисқа ва узоқ муддатли дастури” ишлаб чиқилди. Иқтисодиёт ҳукумат бошқаруви асосида амалга оширилади ва бозор муносабатларига асосланади, бунда асосий эътибор корхона ва барча аҳоли эътиборини жалб қилишга қартилгандир.

Энергия ресурсларини тежаш учун қуйдаги ишларни амалга оширмоқда:

–Махсулот тизимини бошқармоқда. ХХР тараққиёт тизимига ўзгаришлар қилмоқда, ишлаб чиқариш ва саноат тармоқларини янгиламоқда, бунда “ кам харажат, чегараланган чиқитлар ва юқори самарадорлик”ка эътибор бермоқда.

– *Ишлаб чиқаришда энергия тежашни кучайтириш.* ХХР саноати асосий энергия истеъмолчиси. Мамлакатда қуйдаги ҳаракат дастури амалга оширилмоқда “Мингта корхона - энергияни тежаш учун”, бунда асосий эътибор саноатга қаратилган бўлади, улар ҳар йили кўмир эквиваленти асосида 10 минг тонна кўмир сарф қилади.

–Энергияни тежаш соҳасидаги лойихалар.

“Яшил” (экологик тоза) ёритиш лойиҳаси амалга оширилмоқда, юқори самарадор электр асбоблари ишлатилиши кенгаймоқда. Қишлоқдаги оилаларда, ўтин ва кўмирни тежашга ёрдам берадиган тизим сингдирилмоқда, энергия қувватини тежашга ихтсослашган уйлар қурилмоқда.

–Энергияни тежаш ишларини тезлаштириш.

–Жамиятни энергияни тежашга чақириш[73].

ХХР энергия маҳсулотларини ўзлаштиришнинг кенг имкониятига эга. “Кўмир захирасининг фақатгина 13% ўзлаштирилган. Қазиб олиш имконияти эса умумий захиранинг 40%ни ташкил қилади. Гидроэнергетика ресурсларининг атиги 20% ўзлаштирилган. Нефть захирасининг 33%

[73] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. Б. 16 -22.

аниқланган. Табиий газ захирасининг 14% аниқланган”[74]. Хитой энергия таъминотини яхшилаш мақсадида қуйдаги чораларни кўрмоқда:

- *Кўмир саноатини режали ривожлантириш.*
- *Электр энергетика соҳасини ривожлантириш.*
- *Нефть ва газни ўзлаштиришни тезлаштириш.* ”Нефть ва газ конларини топиш ва ўзлаштириш шаклланмоқда, уларга Бохай қирғоғи, Сунляо адирлиги, Тарим водийси атрофи, Эрдос ва бошқаларни киритиш мумкин”[75].

–Энергия манбаларни тикланишини ривожлантириш. Мамлакатда “энергияни қайта тиклаш манбалари” ҳақидаги қонун тасдиқланган бўлиб,унинг асосида қайта тикланадиган энергияга асосланган ишлаб чиқарувчилар учун енгилликлар яратилди, масалан, уларнинг навбатсиз электр энергияга уланиш, тўлиқ равишда электр энергия манбаларини кўтарилган нархда сотиб олиш (истеъмолчилар орасида тартиб асосида тақсимланади). “Тикланадиган энергия манбаларини ривожлантириш дастури” нашр қилинган, унда 2010 йилгача тикланадиган энергия ресурсларига катта эътибор қаратилди, 2020 йилга келиб – истеъмол 15 %га тушиши кўзда тутилади. Тикланадиган энергия манбаларини давлат бошчилигида рағбатлантириш орқали аҳоли оммасига сингдириш тарғибот ишлари йўлга қўйилган.....”[76].

III – Хулоса

Юқорида кўриб чиқилган Хитой Халқ Республикаси энергетика сиёсатининг таҳлили ўзоқ муддатли режа асосида амалга ошираётганлигини кўрсатмоқда. Улар қуйидагиларда ифодасини топмоқда: Хитой Энергетика соҳасини ривожлантиришда географик шарт – шароит, вазиятларни ҳисобга олади.

Ўтган ислоҳтлар даври ХХРни нафақат ички ресурслар, балки ташқи ресурслар ҳисобида ривожлантиришга эхтиёжи ўсиб бораётганлигини кўрсатмоқда. Ички энергетикага бўлган талаб ошар экан ХХР бу масалада ҳам қўшни давлатларга нисбатан босимни кучайтиришда давом этади. 2001да ташкил этилган ШҲТ, 2013 йилда ишлаб чиқилган “бир макон-бир йўл” мегалойиҳаси ва б.ш.қ. ХХРнинг ички талабларини қондиришга қаратилган стратегик дастурлар ҳисобланади.

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР РЎЙХАТИ

[74] Ўша ерда 23 бет.
[75] Ўша ерда 26 бет
[76] Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. Б.28.

1. 1 Мирное развитие Китая №11.2011. Б.11.
2. 2 Неклесса А.И. Глобальный град: творение и разрушение. // Восток №1. 2003. Б.148.
3. Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.9
4. Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.9.
5. Коледникова Н. Черная металлургии КНР// Проблемы Дальнего Востока. №1,2009. Б.61
6. Чжунго тунцзи няньцзянь, Пекин, 1998. 472 б.
7. Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки.№.6 2009. Б.10.
8. 8.Ван Фан. Новый прорыв в экономическом сотрудничестве // Китай № 11(49), 2009 Б.10 – 11.
9. 9.Тан Тао, Се Чжихуа. Новый виток развития КГЯЭК// Китай № 11(49) 2009. Б.10 – 41.
10. Данные предоставлены консалтинговой компанией A,T.R Kearney (Германия) (Deutsche Welle // http: / www.dw – wold.de
11. Риа новости (www/rian.ru/ gas- spravki / 20090115/159289936. html).
12. http: // bia – news.ru/news / 73342
13. Портягина И.И. Газовая внешняя политика России в условиях глобального экономического кризиса и мирополитический статус России.// Вестник Московского университета №3/ 2009. Б. 43 -44.
14. Ситуация и политика Китая в сфере энергетики/ Пресс – канцелария Госсовета КНР. Б.
15. Мировая энергетика в 2030 –м и роль, которую будут играть в ней страны Азии и Африки // Проблемы дальнего Востока .№.6 2009. Б.10.
16. Council of the European Union. Climate Change and International Security. Brussels,3.03.2008.
17. G – 8, 2006. Глобальная энергетическая безопасность. Санкт – Петербург, 2008.
18. Ситуация и политика Китая в сфере энергетики / Пресс – канцелярия Госсовета КНР. Пекин.2007. б. 3- 4.
19. «Научная жизнь»// Восток №1. 2003. Б.162-163.
20. Томберг И. Р. Формирование энергетической политики КНР в начале XXI века: внутренние ресурсы и мирохозяйственные перспективы.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук -2017. 317.с.

21. Кучук З. Ф. Энергетическая политика Китая в Центральной Азии и роль Казахстана//https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-kazahstana

22. Шорохов В. Освоение западных районов КНР// Белорусский журнал международного права и международных отношений 2001 — № 1. https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-1/2001-1-shorohov

23. Энергетические стратегии Китая и их реализация https://burneft.ru/archive/issues/detail.php?ELEMENT_ID=62819

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

RAQAMLI KAPITALIZM TURLARI VA AQSH–XITOY RAQOBATI: RAQOBATLASHUVCHI TEXNOLOGIK MAKONLARNING SHAKLLANISHI

Sadibaqosev Habibullo Shodiboy o‘g‘li
Siyosiy fanlar doktori (DSc), professor v.b.
e-mail: h.sadibaqosev@iiau.uz
+998998846033

Annotatsiya: *Mazkur maqolada AQSh va Xitoyning turli raqamli kapitalizm modellaridan tashqari, ikki alohida raqamli texnologik makon shakllanayotgani ilgari suriladi. Dastlab ushbu raqamli kapitalizm turlari tahlil qilinadi, keyin esa AQShning Xitoy raqamli kompaniyalariga qarshi sanksiyalar qo‘llashda institutsional farqlardan qanday foydalangani ko‘rib chiqiladi. Yakuniy bosqichda AQSh va Xitoy boshchiligidagi raqamli texnologik makonlarning shakllanishi, ayniqsa 5G tarmoq uskunalari misolida tahlil etiladi.*

Kalit so‘zlar: *AQSh, Xitoy, texnologiya, deglobalizatsiya, ajralish (decoupling), Huawei.*

2018-yilda Donald Tramp ma’muriyati Xitoyga qarshi savdo urushini boshladi. Ushbu siyosat import bojlarini oshirish, investitsiyalarni cheklash va Xitoy kompaniyalariga nisbatan sanksiyalar qo‘llashni o‘z ichiga oldi. Keyinchalik Bayden ma’muriyati ham ushbu choralarni saqlab qoldi. Mazkur siyosatlarning asosiy nishoni Xitoyning jadal rivojlanayotgan yuqori texnologiyalar sanoati bo‘ldi. Shundan buyon ko‘plab olimlar AQSh–Xitoy texnologik qarama-qarshiligining rivojlanishini o‘rganib kelmoqdalar.

Ushbu bahs-munozaralarda birinchi yo‘nalish xavfsizlik masalalariga qaratilgan. Xalqaro munosabatlar va xavfsizlik tadqiqotchilarining fikricha, Xitoyning AQShdagi texnologik investitsiyalari milliy xavfsizlikka tahdid tug‘dirishi mumkin. Ularning umumiy qarashiga ko‘ra, Xitoy partiya-davlati mamlakatdagi texnologik kompaniyalar faoliyatiga sezilarli ta’sir ko‘rsatadi va ushbu kompaniyalarning AQShdagi filiallari sezgir ma’lumotlarga kirish imkoniyatiga ega bo‘lishi mumkin. Bundan tashqari, Xitoyga tegishli yoki Xitoy tomonidan boshqariladigan raqamli tarmoqlar global raqamli infratuzilmaning

muhim elementlarini nazorat qilish orqali AQSh manfaatlariga qarshi foydalanilishi mumkinligi haqida xavotirlar mavjud[77].

Ikkinchi yo‘nalish esa texnologiya sohasidagi iqtisodiy raqobatga e’tibor qaratadi. Bu yondashuv Xitoy va AQSh kompaniyalari o‘rtasidagi ustunlik uchun kurashni global iqtisodiyotning eng daromadli sektorlarini nazorat qilish uchun olib borilayotgan kurash sifatida talqin qiladi. Raqamli kompaniyalar ulkan foyda olish bilan birga global qiymat zanjirlarini ham nazorat qiladilar. Shu sababli AQSh–Xitoy texnologik qarama-qarshiligi nafaqat iqtisodiy, balki strategik ahamiyatga ham ega. Bu jarayon ko‘pincha “texnologik millatchilik” (techno-nationalism) tushunchasi bilan izohlanadi. Chunki AQShda texnologik poygada ortda qolish, global qiymat zanjirlari ustidan nazoratni yo‘qotish va Xitoy texnologiyalariga qaram bo‘lib qolish xavfi haqida tashvishlar kuchaygan.

Ba’zi tadqiqotchilar iqtisodiy va xavfsizlik omillarini birgalikda ko‘rib chiqib, AQSh–Xitoy raqobatida “iqtisodiyot–xavfsizlik bog‘liqligi”ning muhim rol o‘ynashini ta’kidlaydilar[78]. Biroq mavjud tadqiqotlarning faqat kichik qismi Xitoy va AQShning turli siyosiy-iqtisodiy tizimlari ushbu texnologik qarama-qarshilikning shakllanishiga qanday ta’sir ko‘rsatganini konseptual darajada tahlil qiladi.

Xitoyning global yuqori texnologiyalar sohasida yetakchi davlat sifatida shakllanishi va buning AQShning texnologik ustunligiga ta’siri XXI asrda yaqqol namoyon bo‘la boshladi. Muallifning ta’kidlashicha, Alphabet, Amazon va Microsoft kabi Amerika kompaniyalari dunyoning katta qismini AQSh boshchiligidagi raqamli kapitalizm tizimiga integratsiya qilgan bo‘lsa, Xitoy o‘ziga xos davlat tomonidan boshqariladigan raqamli kapitalizm modelini yaratdi. “Buyuk Xitoy xavfsizlik devori” himoyasi ostida Alibaba, Tencent va Huawei kabi kompaniyalar xalqaro miqyosdagi innovatsion korporatsiyalarga aylandi.

AQSh va Xitoyning ikki xil raqamli kapitalizm modeli ajralib turadi. AQSh modeli liberal va xalqaro yo‘naltirilgan bo‘lib, bozor mexanizmlariga, xususiy mulkka va global integratsiyaga tayanadi. Xitoy modeli esa davlat tomonidan boshqariladi, milliy xavfsizlik manfaatlariga asoslanadi hamda davlat va xususiy sektor o‘rtasidagi yaqin hamkorlik bilan tavsiflanadi. Xitoyda ma’lumotlar (data) strategik resurs sifatida qaraladi va davlat ularni boshqarishda faol ishtirok etadi.

[77] Arnold S (2024) Africa’s roads to digital development: paving the way for Chinese structural power in the ICT sector? *Review of International Political Economy* 31(4): 1154.
[78] Campion AS (2020) From CNOOC to Huawei: securitization, the China threat, and critical infrastructure. *Asian Journal of Political Science* 28(1): 61.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

2018-yildan boshlab AQSh Xitoyning texnologik yuksalishiga javoban import tariflari, investitsiya cheklovlari va texnologik sanksiyalarni joriy etdi[79]. Huawei, ZTE va TikTok kabi kompaniyalar AQSh tomonidan milliy xavfsizlikka tahdid sifatida baholandi. Shu tariqa AQSh Xitoy raqamli kapitalizmining institutsional xususiyatlaridan foydalanib, Xitoy kompaniyalariga nisbatan iqtisodiy bosim siyosatini amalga oshirdi.

Mazkur qarama-qarshilik natijasida AQSh va Xitoy boshchiligida ikkita alohida, ammo qisman kesishuvchi raqamli texnologik makon shakllanmoqda. Ayniqsa 5G texnologiyalari, telekommunikatsiya infratuzilmasi, sun’iy intellekt va raqamli platformalar sohasida ushbu jarayon yaqqol namoyon bo‘lmoqda. Huawei kompaniyasiga qarshi joriy etilgan cheklovlar ushbu tendensiyaning eng yorqin misollaridan biridir.

Yuqoridagi fikrlardan kelib chiqqan holda, fikrlarimizni umumiy xulosa qilsak, AQSh va Xitoy o‘rtasidagi texnologik raqobat global iqtisodiyotda deglobalizatsiya va qayta globalizatsiya jarayonlarini bir vaqtda kuchaytirmoqda. Natijada dunyoda texnologik jihatdan raqobatlashuvchi yangi iqtisodiy makonlar shakllanib, xalqaro siyosiy-iqtisodiy tizimning kelajakdagi rivojlanishiga sezilarli ta’sir ko‘rsatishi mumkin.

[79] Farrell H, Newman AL (2019) Weaponized interdependence: how global economic networks shape state coercion. *International Security* 44(1): 47.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

МИСР ТАШҚИ СИЁСАТИ УСТУВОР ЙЎНАЛИШЛАРИ ШАКЛЛАНИШИДА ТАРИХИЙ ОМИЛЛАРНИНГ ЎРНИ

Ходжаев Лутфиддин Насруллаевич,
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ҳузуридаги Дипломатик академиянинг Халқаро муаммоларнинг амалий таҳлили кафедраси мудири. l.khodjaev@uwed.uz

Аннотация: *Мақолада муаллиф Миср ташқи сиёсати шаклланиши ва унинг устувор йўналишларини белгиловчи тарихий омиллар мажмуаси ёритилади. Мазкур омилларда мамлакатнинг географик жойлашуви хусусиятлари ва унинг тарихий ривожланишининг аҳамияти кўрсатилади.*

Миср ташқи сиёсатига унинг мустамлакачилик ўтмиши ҳамда дунёнинг етакчи давлатлари, хусусан, Усмонийлар империяси, Британия, АҚШ ва собиқ Совет Иттифоқи билан муносабатлар ривожи ўз даврида катта таъсир кўрсатган. Сувайш канали қурилган пайтдан бошлаб, иншоот Мисрнинг халқаро майдондаги муҳим мавқеини кўрсатувчи асосий омиллардан бирига айланган.

Шунингдек, Миср ташқи сиёсий устувор йўналишлари орасида Нил дарёси сув ресурсларини тақсимлаш масаласида мавжуд статус-квони сақлаб қолиш муҳим ўрин тутади. Улкан тарихий, бетакрор, бой мерос ва қулай географик мавқе республикага халқаро туризм соҳасида етакчи ўринларни эгаллаш имконини берди.

“Араб баҳори” жараёнларидан кейин Миср президенти Абдулфаттоҳ ас-Сисий мамлакат миллий мафаатларидан келиб чиқиб, “Янги Республика”ни бунёд этиш шиори остида стратегик мувозанат тамойилига асосланган кўп қиррали, очиқ, прагматик ташқи сиёсатни амалга оширмоқда.

Калит сўзлар: *устувор йўналишлар, Сувайш канали, сув ресурслари, статус-кво, географик мавқе, миллий манфаатлар, стратегик мувозанат, тамойил, “Араб баҳори”, “Янги Республика”.*

Миср Араб Республикасининг қадимий тарихий мероси ва жуда қулай географик жойлашуви уни цивилизациялар ва қитъалар учрашган нуқтага айлантирган.

XX аср ўрталаридаёқ тадқиқотчилар Яқин ва Ўрта Шарқ минтақасида Мисрнинг ролига алоҳида аҳамият берганлар. Француз сиёсий-иқтисодчиси

Шарль Исавининг таъкидлашича, “Мисрга оид масалаларни фақат Яқин Шарқнинг тегишли муаммолари билан ўзаро боғлиқ ҳолда кўриб чиқиш мумкин. Миср Ғарбда Марокашдан тортиб Шарқда Эронгача, айрим жиҳатларда эса ҳатто Покистонгача чўзилган ёйнинг тамал тошидир. Бу ҳудуднинг бир қисмида содир бўлган ҳар қандай воқеа унинг бошқа барча қисмларида ҳам акс этади” [1].

Ушбу ҳолат кўп жиҳатдан мамлакатнинг Африка ва Осиё қитъалари туташган, халқаро савдо йўллари кесишган нуқтада жойлашган қулай геосиёсий ва ҳарбий-стратегик ўрни билан изоҳланади.

Мисрнинг геосиёсий афзалликлари орасида унинг Африка ва Осиё қитъаларини боғлаб турувчи Синай ярим ороли устидан назоратини ҳам алоҳида таъкидлаш зарур[2]. Ушбу омиллар мажмуаси дунёнинг етакчи давлатлари томонидан Мисрга бўлган алоҳида эътиборни жалб этган.

XIX асрнинг иккинчи ярмида мамлакат Британия мустамлакасига айланиши оқибатида турклар ўрнига келган инглизлар Мисрда Европа намунасидаги сиёсий тизимнинг шаклланишига кўмаклашдилар.

Миср миллий иқтисодиётида Ғарб капитали улушининг ортиши ва унинг ҳудудида замонавий саноат ишлаб чиқариш корхоналарининг ташкил этилиши маҳаллий аҳолидан малакали бошқарув кадрларини жалб этишни талаб қилди. Дунёвий таълим олган, инглиз ёки француз тилларини билган маҳаллий бошқарувчилар, хусусан, ҳарбийлар миллий-озодлик ҳаракатининг етакчи кучига ва янги сиёсий элитанинг бир қисмига айландилар [3].

Ташқи омилнинг Мисрнинг ташқи ва ички сиёсатига таъсири икки асрдан ортиқ вақт давомида доимий тусга эга бўлган. Бир таъсир маркази ўрнига бошқаси келади. Иккинчи жаҳон урушидан кейин Буюк Британия ўрнини собиқ СССР, Президент Жамол Абдунносир вафотидан сўнг Анвар Садат ва қисман Ҳусни Муборак даврида Совет Иттифоқи ўрнини АҚШ ва унинг иттифоқчиларидан иборат бошқа кучлар эгаллаган.

Мисрнинг стратегик географик ўрни унинг ҳудудида энг йирик транспорт артерияси – Сувайш канали барпо этилиши билан янада мустаҳкамланди. Иккинчи Жаҳон уруши арафасида нефтдан асосий ёқилғи тури сифатида оммавий фойдаланиш бошлангани билан Сувайш канали стратегик аҳамияти кескин даражада ортди.

Сувайш канали миллийлаштирилиши Мисрнинг ва Президент Жамол Абдунносирнинг нуфузини кескин оширди ва у араб миллийлигини илгари суришда етакчи сифатида тан олинди.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Бугунги кунда Сувайш канали ҳудуди тўлиқ Миср армияси назорати остида бўлиб, мавжуд статус-квони сақлаб қолиш мамлакат ташқи сиёсатининг устувор йўналишларидан бири ҳисобланади. Ушбу йўналиш муҳим қисмига сув ресурсларини ҳимоя қилиш, Қизил денгиз ва Сувайш каналида кемалар қатнови хавфсизлигини таъминлаш ҳам киради.

Ташқи сиёсий йўл шаклланишида муҳим сув артерияси-Нил дарёси доимо катта аҳамият касб этган. Қадим замонлардан бугунги кунгача Нил қишлоқ хўжалиги эҳтиёжлари ва инсон ҳаёт фаолияти жараёнлари учун асосий чучук сув манбаи бўлиб келмоқда. Нил электр энергиясининг ҳам асосий манбаларидан бири ҳисобланади. Асвон тўғони ичида қуввати 2,1 миллион киловаттга тенг гидроэлектр станция 1970 йилда ишга туширилган бўлиб, ушбу иншоот бир қатор йирик аҳоли пунктлари ва саноат иншоотларини электр энергияси билан таъминлаш имконини берди.

Нил сувларидан фойдаланиш 2010 йилга қадар халқаро келишувлар билан тартибга солинган эди, жумладан, 1929 ва 1959 йилларда Миср ва Судан ўртасида тузилган битимга кўра, мисрликлар Нилнинг 55,5 миллиард куб метр ва суданликлар эса 18,5 млрд. куб метр ҳажмида сув ресурсларидан фойдаланиш ҳуқуқига эга.

Маълумки, 2010 йилда Уганда, Эфиопия, Танзания, Кения, Руанда Нил ҳавзасида ҳамкорлик қилиш тўғрисида Энтеббе доиравий битимини (“Нил дарёси ҳавзаси ташаббуси”) имзоладилар. Кейинчалик ушбу шартномага Бурунди ва Жанубий Судан ҳам қўшилди, Миср ва Судан томонидан эса рад этилди. “Нил дарёси ҳавзаси ташаббуси” мустамлакачилик даври тизимидан дарё сув ресурсларидан оқилона ва адолатли фойдаланиш тамойилларига ўтиш ва қирғоқ бўйи давлатларига бошқа мамлакатлар вето ҳуқуқисиз гидроэнергетика ва қишлоқ хўжалиги лойиҳаларини амалга ошириш имконини беришга қаратилган.

Шунингдек, Мисрнинг собиқ президентлари Ҳ.Муборак, М.Мурси ва ҳозирги раҳбари А.ас-Сисий Эфиопиянинг Кўк Нилда қуввати 5250 мегаваттга тенг, Африкадаги энг йирик иншоотга айланиши керак бўлган «Уйғониш- буюк тўғони» ва ГЭС қурилиши лойиҳасини мамлакат миллий хавфсизлигига асосий таҳдидлардан бири деб ҳисобладилар. Натижада ушбу иншоот қурилишининг 2013 йилда расман бошланиши Қоҳира-Аддис-Аббеба ўртасида муносабатларнинг кескинлашувига олиб келди [4].

2025 йил сентябрда мазкур лойиҳа Эфиопия томонидан ишга туширилгандан сўнг, Миср тўғонни Эфиопия учун мажбурий ҳуқуқий келишувсиз ишлатишни халқаро ҳуқуққа зид деб ҳисоблайди ҳамда ўзининг

дипломатик ҳаракатларини қурғоқчилик пайтларида тўғонни тўлдириш ва ишлатиш қоидаларини тартибга солувчи шартнома ишлаб чиқиш учун халқаро ҳамжамият ва БМТ Хавфсизлик Кенгаши эътиборини жалб қилишга йўналтирмоқда [5].

Миср ташқи сиёсатининг устувор йўналишларини белгилашга таъсир кўрсатган муҳим омиллар қаторига мамлакатнинг кўп асрлик тарихий меросини киритиш лозим. Яқин Шарқни Мисрсиз тасаввур этиб бўлмайди, чунки Миср араб дунёси, Африка, Осиё ва Ўрта Ер денгизи минтақасига хос сиёсий ва маданий қадриятларни ўзида мужассам этган цивилизация марказига айланган.

Демографик омиллар. Миср фуқаролари бошқа кўпгина мамлакатларда учрамайдиган ҳолат - маданий ва ижтимоий жиҳатдан бир хиллик билан ажралиб туради. Миср тарихида диний, мазҳабий ёки конфессионал бўлинишлар кузатилмаган.

Мисрнинг “юмшоқ куч” салоҳияти Миср ташқи сиёсатини илгари суришда энг муҳим воситалардан бири ҳисобланади. Бу борада Ал-Азҳар диний мажмуаси, Миср черкови, мактаблар, университетлар, маданий ва оммавий ахборот муассасаларини мисол қилиш мумкин. Ушбу институтлар араб ва Африка мамлакатларида маърифий фаолият юритиш орқали Мисрнинг таъсир доирасини кенгайтиради.

Миср аҳолисининг катта қисми араб мамлакатларига, айниқса, нефтга бой давлатларга меҳнат муҳожири сифатида борган. Бу ҳолат Мисрнинг маданий таъсир кучини намоён этди, чунки ушбу омил мамлакатлар фуқароларини ўқитиш ва ривожлантиришда муҳим роль ўйнади.

Шу билан бирга, хорижда ишлаётган мисрликларнинг пул ўтказмалари, айниқса Форс кўрфази нефть ишлаб чиқарувчи монархияларидан келадиган маблағлар ($29 млрд.), иқтисодий жиҳатдан ҳам катта аҳамият касб этди [6]. Аҳолининг сони (108 млн.дан зиёд) мамлакатнинг ҳарбий, иқтисодий ва маданий қудратнинг шаклланишига ҳам хизмат қилади [7].

Туризм сектори Миср иқтисодиётида нефть ва нефть маҳсулотлари экспортидан кейин иккинчи ўринни эгаллайди. 2010 йилдан 2025 йилгача туризм соҳасининг мамлакат ЯИМ умумий ҳажмидаги улуши 11,5 фоиздан 22,4 фоизгача ошди ва бу Миср иқтисодиётига $18 млрд.дан ортиқ (хорижий саёҳлар сони 19 млн.) даромад келтирди. Ҳозирги кунда Туризм соҳасида мамлакатнинг иқтисодий фаол аҳолисининг тахминан 18 фоизи ишлайди, норасмий маълумотларга кўра эса бу кўрсаткич 25 фоизга етади [8].

Мисрнинг “Нигоҳ-2030” стратегиясига мувофиқ, мамлакатнинг туризм секторидан йиллик даромадини 2030 йилгача $40 млрд.га етказиш режалаштирилган[9].

Миср ташқи сиёсати учун туризм йўналишда устувор вазифа - минтақавий ва глобал даражада рақобат кучайиб бораётган шароитда Мисрнинг туристик имижи ва нуфузини юқори даражада шакллантириш ҳамда сақлаб қолишдан иборат.

Миср катта иқтисодий имкониятлар салоҳиятига ҳам эга эканини таъкидлаш лозим. Миср ҳудуди нефть, турли минераллар ва нодир металлар конларига бой. Ўрта Ер денгизи шарқий қисмида сўнгги йилларда аниқланган йирик газ конлари эса мамлакат иқтисодий тараққиётига катта ҳисса қўшиши кутилмоқда.

Расман 2014 йил июнь ойида ҳокимият тепасига келган Миср президенти Абдулфаттоҳ ас-Сисийнинг янги ташқи сиёсий доктринаси «стратегик мувозанат» концепциясига асосланади. Унинг асосий мақсади мамлакат суверенитетни таъминлаш, битта глобал гегемонга қаттиқ боғланишдан воз кечиш ва Мисрни Яқин Шарқдаги барқарорликнинг асосий таянчига айлантиришдир [10]. Қоҳира АҚШ, Россия, Хитой ва Европа давлатлари ўртасида стратегик мувозанат сақлаган ҳолда кўп векторли ташқи сиёсат юритмоқда. Бу Мисрга замонавий қурол-яроғ олиш, инвестициялар жалб қилиш ва геосиёсий масалаларни ҳал этишда тўлиқ ҳаракат эркинлигини сақлаш имконини беради.

Шунингдек, ушбу доктрина «Миср ҳаммадан устун» тамойилига асосланган бўлиб, миллий манфаатлар глобал ва минтақавий ўйинчилар манфаатларидан устун ҳисобланади[11]. Миср миллийлиги ташқи сиёсатда ички ишларга аралашувга қарши туриш ва ҳамкорларни танлашда ҳаракат эркинлигини сақлаб қолишни англатади.

2014 йилда қабул қилинган ташқи сиёсат концепциясига мувофиқ, Қоҳира ташқи сиёсати устувор йўналишлари қуйидаги доира/ векторлардан иборат.

1. Араб йўналиши. Миср ўз миллий хавфсизлиги, аввало, араб олами хавфсизлигига боғлиқ, деб ҳисоблайди. Қоҳира араб мамлкатлари ҳамжиҳатлигини мустаҳкамлашни ўз ташқи сиёсатининг устувор вазифалари сифатида билади [12].

Кўрфазидаги араб давлатлари орасида Саудия Арабистони, Бирлашган Араб Амирликлари билан муносабатларда ас-Сисий ўзаро хавфсизлик ва иқтисодий алоқаларга урғу беради. Миср можароларни дипломатик йўл билан

ҳал қилиш тарафдори бўлиб, ўз ҳудудидан ташқарида тўғридан-тўғри ҳарбий амалиётларда иштирок этмайди. Шу билан бирга Фаластин-Исроил муаммосини ҳал этишда асосий воситачи мақомини сақлаб қолади. Қоҳиранинг ушбу ёндашуви Яқин Шарқдаги бошқа минтақавий кучлар (Покистон ва Туркия), билан биргаликда АҚШ-Исроил тандемида Эрон билан юзага келган қуролли низоларни ҳал этишда ҳам намоён бўлмоқда.

2. Африка давлатлари билан ҳамкорликни ривожлантириш. Миср Африка қитъаси давлатлари, айниқса Нил дарёси ҳавзасида жойлашган қўшни мамлакатлар билан савдо-иқтисодий, инвестициявий ва маданий соҳалардаги муносабатларни мустаҳкамлашга интилмоқда. Ушбу минтақани Миср ўзининг стратегик чуқурлиги сифатида баҳолайди.

3. Ислом олами давлатлари билан ҳамкорлик. Бу йўналиш ислом олами муаммоларини ҳал этиш нуқтаи назаридан, исломдаги мўътадиллик ва бағрикенглик каби қадриятларни тарғиб қилиш, шунингдек, “Ал-Азҳар” диний мажмуаси мўътадил ва бағрикенгликнинг маркази сифатида динлараро мулоқотни ҳар томонлама қўллаб-қувватлашни ўз ичига олади.

4. Осиё йўналиши.

Миср Осиёнинг етакчи давлатлари (Жануби-Шарқий, Жануби-Ғарбий ва Марказий Осиё) билан муносабатларни мустаҳкамлашга алоҳида аҳамият беради ва ушбу мамлакатларни ҳозирги давр цивилизациясининг асосий шериклари сифатида кўради.

5. Европа йўналиши. Мисрнинг Европа Иттифоқи билан шерикчилиги Қоҳиранинг барқарор иқтисодий ва ижтимоий ривожланиши, яхши бошқарув, қонун устуворлиги, инсон ҳуқуқлари, миграция, хавфсизлик, терроризмга қарши кураш ва ташқи сиёсат соҳасидаги ҳамкорликни ўз ичига олади ҳамда минтақавий ва халқаро масалалар бўйича маслаҳатлашувларни кучайтиришни назарда тутади[13].

5. Буюк ва йирик давлатлар билан муносабатлар. Миср халқаро муносабатларида мувозанатга эришишни муҳим тамойил сифатида кўради. Шу мақсадда у АҚШ, Россия Федерацияси ва Хитой каби глобал шериклар ва йирик давлатлар билан алоқаларини ривожлантириб, очиқликни кенгайтириш, ҳамкорликни чуқурлаштиришга интилади. Қоҳира янги шериклар мавжуд шерикларга муқобил эмас, балки Миср ва бошқа давлатлар ўртасида ҳамкорлик учун янги уфқларни очиш имконияти, деб ҳисоблайди.

6. Глобал Жануб.

XX асрнинг сўнгги ўн йиллиги ва XXI аср биринчи чорагида халқаро муносабатлар тизимида глобал Жануб давлатларининг институционал

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

фаоллиги сезиларли даражада ошди. Кўпқутблилик тенденцияси, глобал бошқарув институтларини ислоҳ қилиш талаблари ва ривожланаётган иқтисодиётларнинг ўсиши янги сиёсий платформаларнинг кучайишига олиб келмоқда [14].

Миср Африка, Яқин Шарқ ва Евроосиёни боғловчи геостратегик давлат сифатида ушбу жараёнларда фаол иштирок этмоқда. Қоҳира ташқи сиёсати минтақавий етакчиликни таъминлаш ва халқаро тизимда мустақил позицияни мустаҳкамлашга қаратилган.

Унинг Қўшилмаслик ҳаракати (ҚҲ), Африка иттифоқи (АИ), Араб давлатлари лигаси (АДЛ), Ислом ҳамкорлик ташкилоти (ИҲТ), Шанхай ҳамкорлик ташкилоти (ШҲТ), Евроосиё иқтисодий иттифоқи (ЕИИ), БРИКС каби муҳим халқаро ва минтақавий бирлашмалардаги иштироки Қоҳиранинг кўпқутбли жаҳон тартибини мустаҳкамлаш ва ривожланаётган давлатлар манфаатларини ҳимоя қилишга интилишини акс эттиради. Қоҳиранинг мазкур тузилмалардаги иштироки унинг ташқи сиёсат концепцияси-стратегик автономия, иқтисодий диверсификация ва глобал бошқарувда адолатли вакиллик тамойиллари билан боғлиқ[15]. Ушбу ёндашув Миср ташқи сиёсатининг асосий мақсадларидан бири-БМТ Хавфсизлик Кенгаши ва халқаро молиявий институтларда ривожланаётган давлатлар вакиллигини ошириш ғоясига мос келади.

Шунингдек, Мисрнинг глобал Жануб ташкилотларида иштирок этиши мақсадлари кўпқутбли халқаро тизимни қўллаб-қувватлаш, иқтисодий диверсификация ва альтернатив молиявий ресурсларга кириш, минтақавий хавфсизлик, терроризм ва диний экстремизмга қарши курашни кучайтириш, ташқи сиёсий мувозанатни сақлаш, Африка ва ислом оламида лидерлик позициясини мустаҳкамлаш билан изоҳланади[16] .

Миср ташқи сиёсати унинг миллий манфаатларидан келиб чиққан ҳолда шаклланади. Бу манфаатлар миллий хавфсизлик доирасида стратегик мувозанатни таъминлаш, ташқи таҳдид-хуружларнинг олдини олиш орқали минтақавий барқарорлик ва осойишталикни мустаҳкамлаш, икки томонлама муносабатларда турли соҳаларда ўзаро манфаатли ҳамкорликни қўллаб-қувватлаш ҳамда халқаро ташкилотларда глобал муаммолар (терроризм, диний экстстремизм, уюшган жиноятчилик, киберхавфсизлик, иқлим ўзгариши, атроф-муҳит ва экология ҳимояси)нинг ечимига қаратилган ташаббускор дипломатик фаолликни оширишга қаратилган.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР РЎЙХАТИ:

1. Isavi Sh. Yegipet v seredine XX veka (Ekonomicheskiy obzor). Moskva, Izdatelstvo inostrannoy literaturi, 1958.

2- مصطفى علوي، الشرق الأوسط ودور مصر الإقليمي، أعمال المؤتمر السنوي العاشر للبحوث السياسية، جامعة القاهرة 1996. ص330.

3. Axmedov V.M. Nekotorie osobennosti formirovaniya i evolutsii politicheskix sistem arabskix stran Blijnego Vostoka. http://www.iimes.ru/?p=8468.

4. Giorgio Musso. Troubled Waters: Egypt’s African Policy from the Islamists to the Mi- litary // Mediterranean Paper Series. Africa and the Mediterranean. Evolving Security Dynamics after the Arab Uprisings. February 2014. P. 28–29.

5 - خمس نقاط تشرح خيارات مصر بعد افتتاح سد النهضة. https://www.aljazeera.net/politics/2025/9/9/5

6. https://ar.tradingeconomics.com/egypt/imports

7. https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2025/08/18/egypt-hits-its-final-one-million-population-milestone-at-slowest-pace-in-years

8 - عبد المنعم المشاط، **القدرات المصرية المؤهلة للدور الإقليمي**، مرجع سابق. ص 69

9 - https://asharqbusiness.com/economics/1288115 إنفوغراف: قفزة بإيرادات مصر السياحية في 2025

10. https://sis.gov.eg/en/media-center/news/foreign-ministry-issues-white-paper-on-strategic-balance-in-egyptian-foreign-policy/.

11. Dentice G. Shifting Priorities: The Evolution of Egypt's Foreign Policy // ISPI, 24 September 2020.

12- محمد سلمان طابع، **دوائر السياسة الخارجية (الأولويات والتوجهات المصرية)**، العالم اليوم، 12 مايو 2022. متاح على الرابط التتالي https://bitly.ws/3gRJp

13. Egypt's foreign policy within a challenging regional context. European Parliamentary Research Service. Author: Branislav Stanicek.Members' Research Service PE 698.062 – October 2021

14 - محمد سلمان طابع، **دوائر السياسة الخارجية (الأولويات والتوجهات المصرية)**، العالم اليوم، 12 مايو 2022. متاح على الرابط التتالي https://bitly.ws/3gRJp

15. Amitav Acharya, *The End of American World Order (Cambridge: Polity Press, 2014), 57–76.*

16 - مصر تبرز إسهامها في العلاقات السياسية بدورة الجنوب العالمي، صدى البلد، 2024/10/4 https://www.elbalad.news/6342799

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

НЕФТЬ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XX ВЕКЕ

Азимов Комил Сарварович
Ташкентский государственный университет Востоковедения
доцент, к.и.н. кафедры «История и антропология стран Востока»
k.azimov@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль нефтяного фактора в формировании конфликтности на Ближнем Востоке в XX веке. Анализируется влияние нефтяных ресурсов на международные отношения, региональные конфликты и внешнюю политику государств региона. Особое внимание уделяется борьбе мировых держав за контроль над нефтяными месторождениями и транспортными путями. Делается вывод о том, что нефть стала одним из ключевых факторов политической нестабильности и международного соперничества на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: *Ближний Восток, нефть, международные отношения, конфликты, энергетические ресурсы, геополитика, ОПЕК, нефтяной кризис.*

ABSTRACT

The article examines the role of oil as a factor of conflict in the Middle East during the twentieth century. It analyzes the influence of oil resources on international relations, regional conflicts, and the foreign policies of Middle Eastern states. Particular attention is paid to the struggle of world powers for control over oil fields and transportation routes. The study concludes that oil became one of the key factors of political instability and geopolitical rivalry in the region.

Keywords: *Middle East, oil, international relations, conflicts, energy resources, geopolitics, OPEC, oil crisis.*

ВВЕДЕНИЕ

В XX веке Ближний Восток превратился в один из ключевых регионов мировой политики. Главной причиной возрастания его международного значения стали огромные запасы нефти, сосредоточенные в странах Персидского залива и Месопотамии. Развитие мировой промышленности, рост потребления энергоресурсов и зависимость ведущих держав от поставок

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

нефти сделали Ближний Восток объектом постоянного геополитического соперничества.

Нефть не только способствовала экономическому развитию ряда государств региона, но и стала причиной многочисленных конфликтов, внешнего вмешательства и политической нестабильности. Борьба за контроль над нефтяными ресурсами и транспортными коммуникациями оказала значительное влияние на международные отношения в XX веке.

Цель данной статьи — проанализировать роль нефти как фактора конфликтности на Ближнем Востоке и выявить её влияние на региональные и международные процессы.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниковую базу исследования составляют труды российских и зарубежных авторов, посвящённые истории Ближнего Востока, мировой энергетической политике и международным конфликтам XX века.

Особое значение имеют работы Д. Ергина [1], посвящённые истории мировой нефтяной промышленности и геополитике энергоресурсов. Исследования Е.М. Примакова [2] и В.В. Наумкина [3] позволяют рассмотреть влияние нефтяного фактора на политические процессы на Ближнем Востоке.

Для анализа международных конфликтов использовались работы А.М. Васильева [4], а также исследования, посвящённые деятельности ОПЕК и нефтяным кризисам 1970-х гг. [5]. Важное значение имеют труды по международным отношениям и геополитике региона [6;7].

Методологическая база исследования основывается на использовании исторического, системного и сравнительно-политического подходов. Исторический подход позволил проследить эволюцию роли нефтяного фактора в международных отношениях на Ближнем Востоке в XX веке. Системный подход применялся для анализа взаимосвязи между нефтяными ресурсами, внешним вмешательством и региональными конфликтами. Сравнительно-политический метод использовался при изучении различных конфликтов и кризисов, связанных с борьбой за контроль над нефтяными ресурсами региона.

ОБСУЖДЕНИЕ

Открытие крупных нефтяных месторождений в начале XX века кардинально изменило геополитическое значение Ближнего Востока. Если

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ранее регион рассматривался мировыми державами преимущественно как важный транспортный и военно-стратегический узел, то с развитием нефтедобычи он превратился в один из ключевых центров мировой экономики. Быстрый рост промышленности, развитие автомобильного транспорта и военно-морского флота сделали нефть важнейшим стратегическим ресурсом XX века.

Особую заинтересованность в ближневосточной нефти проявляли Великобритания и США. Уже после Первой мировой войны британское руководство стремилось установить контроль над территориями бывшей Османской империи, обладавшими значительными запасами нефти. Важнейшее значение имели Ирак и Иран, где действовали британские нефтяные компании. Нефтяной фактор стал одним из ключевых элементов колониальной политики европейских держав в регионе.

В первой половине XX века добыча нефти на Ближнем Востоке находилась под контролем западных корпораций. Наиболее влиятельными были Anglo-Iranian Oil Company, Standard Oil и другие крупные компании США и Великобритании. Заключённые концессионные соглашения обеспечивали иностранным компаниям огромные прибыли, тогда как нефтедобывающие государства получали сравнительно ограниченные доходы. Это способствовало росту антизападных настроений и формированию националистических движений.

Одним из первых крупных конфликтов, напрямую связанных с нефтью, стал иранский кризис начала 1950-х годов. В 1951 году премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык объявил о национализации Anglo-Iranian Oil Company, что стало серьёзным вызовом интересам Великобритании и США. Национализация вызвала экономическое давление со стороны западных государств и привела к международному кризису. В 1953 году при поддержке американских и британских спецслужб был организован государственный переворот, в результате которого Мосаддык был отстранён от власти. Данный кризис стал одним из первых примеров прямого вмешательства внешних держав в дела ближневосточного государства ради сохранения контроля над нефтяными ресурсами.

Во второй половине XX века нефть окончательно превратилась в инструмент международной политики. Особое значение имело создание Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК) в 1960 году. Государства Ближнего Востока стремились установить контроль над собственными природными ресурсами и ограничить влияние западных нефтяных

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

корпораций. Создание ОПЕК стало важным этапом в укреплении экономической самостоятельности нефтедобывающих стран.

Переломным моментом в мировой энергетической политике стал нефтяной кризис 1973 года. После арабо-израильской войны арабские государства — члены ОПЕК объявили нефтяное эмбарго против стран, поддержавших Израиль. Резкое сокращение поставок нефти привело к мировому энергетическому кризису, многократному росту цен и экономическим потрясениям в западных странах. Нефтяное эмбарго продемонстрировало, что нефть может использоваться не только как экономический ресурс, но и как мощное средство политического давления.

Нефтяной фактор также играл важную роль в межгосударственных конфликтах на Ближнем Востоке. Одним из наиболее масштабных конфликтов стала ирано-иракская война 1980–1988 гг. Причины войны носили комплексный характер, однако важное место занимало соперничество за контроль над нефтеносными районами и стратегически важным районом Шатт-эль-Араб. Во время войны обе стороны стремились нанести ущерб нефтяной инфраструктуре противника. Так называемая «танкерная война» в Персидском заливе создала угрозу международному судоходству и поставкам нефти на мировые рынки.

Не менее важным событием стал кризис 1990–1991 гг., связанный с вторжением Ирака в Кувейт. Экономические трудности Ирака после ирано-иракской войны, а также стремление установить контроль над кувейтскими нефтяными месторождениями стали одними из основных причин агрессии. Захват Кувейта позволил бы Ираку контролировать значительную часть мировых запасов нефти и существенно усилить своё влияние в регионе. Реакция международного сообщества, включая военную операцию США и их союзников, была обусловлена не только защитой суверенитета Кувейта, но и необходимостью обеспечить стабильность мирового нефтяного рынка.

Следует отметить, что нефтяной фактор способствовал не только межгосударственным конфликтам, но и внутренней нестабильности в странах региона. Огромные доходы от экспорта нефти нередко приводили к усилению авторитарных режимов, росту коррупции и зависимости экономики от сырьевого сектора. В ряде государств нефтяные ресурсы становились объектом борьбы между политическими элитами и различными группировками.

Кроме того, зависимость ведущих мировых держав от ближневосточной нефти обусловила постоянное внешнее вмешательство в дела региона. США,

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Великобритания и другие государства стремились сохранить контроль над нефтяными поставками и обеспечить безопасность транспортировки энергоресурсов через Персидский залив. Это способствовало милитаризации региона и усилению международной напряжённости.

Таким образом, нефть в XX веке стала одним из главных факторов конфликтности на Ближнем Востоке. Она превратилась не только в основу экономического развития региона, но и в источник международного соперничества, политической нестабильности и вооружённых конфликтов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования были получены следующие результаты.

1. Установлено, что открытие крупных нефтяных месторождений превратило Ближний Восток в один из ключевых регионов мировой политики XX века.
2. Выявлено, что нефтяной фактор способствовал усилению вмешательства мировых держав во внутренние дела государств региона.
3. Доказано, что борьба за контроль над нефтяными ресурсами стала одной из причин ряда международных конфликтов, включая кризис в Иране 1953 года, ирано-иракскую войну и войну в Персидском заливе.
4. Установлено, что нефть превратилась в инструмент политического давления и геополитического влияния, особенно после нефтяного кризиса 1973 года.
5. Выявлено, что зависимость мировой экономики от ближневосточной нефти способствовала сохранению высокой конфликтности региона на протяжении всего XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что нефть в XX веке стала одним из ключевых факторов конфликтности на Ближнем Востоке и оказала определяющее влияние на политическое, экономическое и военно-стратегическое развитие региона. Огромные запасы углеводородов превратили Ближний Восток в объект постоянного внимания ведущих мировых держав, заинтересованных в контроле над добычей, транспортировкой и распределением энергетических ресурсов.

Анализ исторических процессов показал, что нефтяной фактор существенно повлиял на характер международных отношений в регионе. Борьба за доступ к нефтяным месторождениям способствовала усилению

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

внешнего вмешательства со стороны западных государств, прежде всего Великобритании и США. Нефтяные интересы неоднократно становились причиной политического давления, вмешательства во внутренние дела государств региона и поддержки тех или иных политических режимов.

Установлено, что нефть играла важную роль в возникновении и развитии ряда крупнейших конфликтов XX века на Ближнем Востоке. Иранский кризис 1953 года, арабо-израильское противостояние, ирано-иракская война, а также война в Персидском заливе были тесно связаны с борьбой за контроль над нефтяными ресурсами и стратегическими транспортными путями. Нефть постепенно превратилась не только в экономический ресурс, но и в инструмент международного политического давления.

Особое значение имел нефтяной кризис 1973 года, который продемонстрировал способность нефтедобывающих государств использовать энергоресурсы как средство воздействия на мировую политику. Создание ОПЕК и координация нефтяной политики арабских стран способствовали росту их влияния в международных отношениях и изменению баланса сил в мировой экономике.

Вместе с тем нефтяное богатство не обеспечило региону устойчивого политического развития. Напротив, высокая зависимость экономики ближневосточных государств от экспорта нефти нередко становилась причиной внутренней нестабильности, усиления авторитарных тенденций и обострения социально-политических противоречий. Нефтяные доходы часто использовались для милитаризации государств и финансирования регионального соперничества.

Кроме того, стратегическое значение ближневосточной нефти обусловило долговременное военное присутствие внешних держав в регионе и способствовало сохранению высокой международной напряжённости. Контроль над Персидским заливом и основными нефтетранспортными маршрутами стал важнейшим элементом глобальной геополитики XX века.

Таким образом, нефть стала не только основой экономического значения Ближнего Востока, но и одним из главных источников его конфликтности. В XX веке энергетический фактор оказал решающее влияние на формирование системы международных отношений в регионе, а многие противоречия, возникшие в этот период, продолжают сохранять актуальность и в современных условиях. Исследование показывает, что проблема взаимосвязи природных ресурсов и международных конфликтов остаётся одной из центральных тем мировой политики и требует дальнейшего научного анализа.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 944 с.
2. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. – М.: Российская газета, 2006. – 384 с.
3. Наумкин В.В. Ближний Восток: долгий путь к миру и согласию / В.В. Наумкин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 520 с.
4. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. XX век / А.М. Васильев. – М.: Классика Плюс, 1999. – 672 с.
5. Саидян Ф.И. Международные отношения на Ближнем Востоке / Ф.И. Саидян. – М.: Международные отношения, 2002. – 368 с.
6. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. – New York: Simon & Schuster, 2008. – 960 p.
7. Kissinger H. Diplomacy. – New York: Simon & Schuster, 1994. – 912 p.
8. OPEC Annual Statistical Bulletin 2020. – Vienna: OPEC Secretariat, 2020. – 102 p.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2014. – 640 с.
10. Коротаев А.В., Исаев Л.М. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ближний Восток и Северная Африка / А.В. Коротаев, Л.М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 312 с.
11. Алиев А.А. Нефтяной фактор в мировой политике XX века // Восток (Oriens). – 2015. – № 4. – С. 55–67.
12. Малышева Д.Б. Энергетическая политика и конфликты на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 73–81.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЙЕМЕНА В НАЧАЛЕ XXI вв.

Худайбердиев Азиз Хелямович,
Ташкентский государственный Университет востоковедения,
доцент кафедры истории и антропологии стран Востока.

АННОТАЦИЯ

Йеменский конфликт с 2014 года стал одним из самых сложных геополитических кризисов на Ближнем Востоке. Интересы Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), первоначально объединенных в рамках Арабской коалиции против движения Ансар Алла (хуситов), постепенно стали расходиться. Саудовская Аравия отдавала приоритет сохранению территориального единства слабого Йемена и защите своих границ, в то время как ОАЭ все больше поддерживали сепаратистские силы, в частности Южный переходный совет (ЮПС).

В данной статье рассматривается эволюция политики Саудовской Аравии и ОАЭ в Йемене, с акцентом на рост сепаратизма в Южном Йемене. В статье утверждается, что расхождение во взглядах между Эр-Риядом и Абу-Даби превратило Йемен из опосредованного конфликта против хуситов в более широкую региональную конкуренцию за влияние в Красном море и на юге Аравийского полуострова. В статье используются последние отчеты международных организаций, аналитических центров, агентства Reuters, Al Jazeera, Санаанского центра и других аналитических источников.

Ключевые слова: *«Южный Переходный Совет» (Ал-маджлис ал-Интикали ал-Джануби) Аидарус Аз-Зубейди, Аль- Каида на Аравийском полуострове (АКАП). Баб-эль-Мандебский, международно-признанное правительство, Ансар Алла, партия «Ислах»*

ВВЕДЕНИЕ

Йеменский конфликт начался как внутренний политический кризис после «арабской весны» и отставки президента Али Абдуллы Салеха. Однако конфликт резко обострился после того, как движение хуситов Ансар Алла захватило Сану в 2014 году и вынудило международно-признанное правительство бежать. В марте 2015 года Саудовская Аравия сформировала военную коалицию, в которую вошли ОАЭ, для восстановления правительства президента Абдраббу Мансура Хади.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Хотя Саудовская Аравия и ОАЭ первоначально разделяли военные и политические цели, со временем их стратегические приоритеты разошлись. Саудовская Аравия рассматривала Йемен в первую очередь с точки зрения национальной безопасности и стабильности границ, в то время как ОАЭ делали упор на укрепление своего влияния на морских магистралях и контроль над стратегическими портами на юге Красного моря.

Создание в 2017 г. Южного переходного совета (ЮПС), активно поддерживаемого ОАЭ, значительно ослабило единство коалиции.

При финансовой и военной поддержке ОАЭ, ЮПС стремился к восстановлению бывшего государства Южный Йемен, существовавшего до объединения Йемена в 1990 году.

В отличие от Саудовской Аравии, стратегия ОАЭ в Йемене была сосредоточена на морской безопасности и стратегическом влиянии на порты и судоходные пути Красного моря. Абу-Даби рассматривает Южный Йемен как критически важный регион для контроля торговых путей, связывающих Аденский залив, пролив Баб-эль-Мандеб и Красное море.

МЕТОДЫ

При подготовке данной статьи были использованы аналитические статьи, материалы исследовательских центров, международных организаций о проблемах урегулирования конфликта в Йемене. Использовались методы анализа и синтеза, а также сравнительно-исторический метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Саудовская Аравия возглавила Арабскую коалицию против Ансар Алла, начиная с 2015 года, и провела масштабные военные операции против хуситов. Однако затяжная война привела к серьезным гуманитарным последствиям и не смогла ликвидировать власть хуситов. Основной целью Саудовской Аравии в Йемене было предотвращение появления враждебного политического образования вдоль ее южной границы. Эр-Рияд рассматривал движение хуситов, поддерживающее связи с Ираном, как прямую угрозу национальной безопасности Саудовской Аравии.

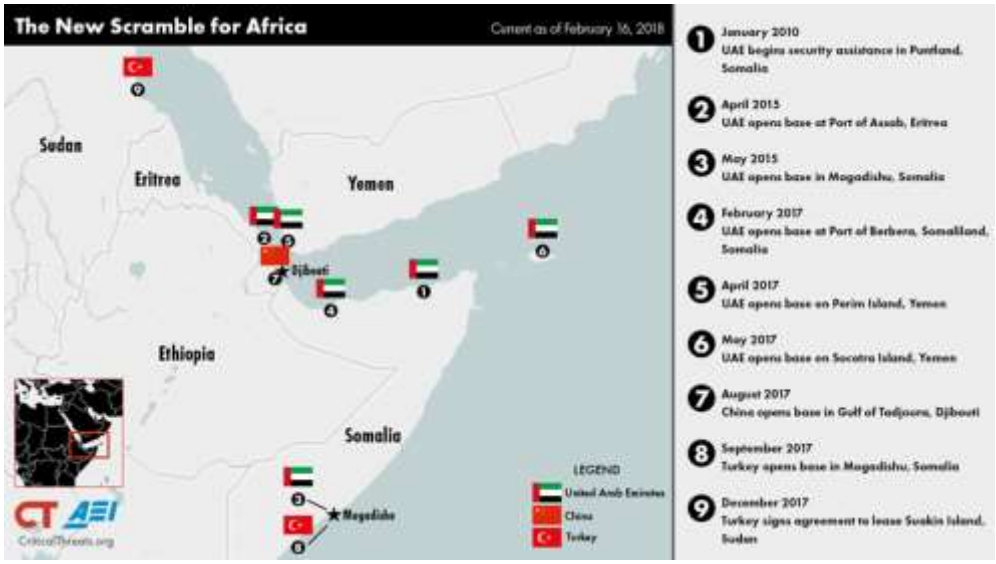
Следовательно, политика Саудовской Аравии была сосредоточена на восстановлении международно-признанного правительства Йемена, ограничении влияния Ирана в Йемене, предотвращении фрагментации Йемена и обеспечении безопасности приграничных районов Саудовской Аравии и морских путей в Красном море. Согласно данным Совета по международным отношениям, после 2022 года Саудовская Аравия постепенно перешла от

военной эскалации к дипломатическому взаимодействию с хуситами, особенно после саудовско-иранского сближения при посредничестве Китая. [2]

Саудовская Аравия традиционно поддерживала единое йеменское государство. Эр-Рияд опасался, что распад Йемена создаст долгосрочную нестабильность и потенциально усилит ополчения местных племен и иностранных военизированных группировок, таких, как Аль- Каида на Аравийском полуострове вблизи саудовских границ. Это объясняет противодействие Саудовской Аравии сепаратистским амбициям поддерживаемого ОАЭ Южного переходного совета. Эр-Рияд рассматривал южный сепаратизм как угрозу региональной стабильности и саудовскому влиянию в Йемене.

Особенность политики ОАЭ заключалась в установлении своего влияния в стратегических точках не только Аравийского полуострова (Аден, Мукалла, остров Сокотра, остров Перим) , но и на Африканском Роге.

С 2015 года Объединенные Арабские Эмираты расширили свое стратегическое и экономическое присутствие в Эритрее, включая создание военной базы в Ассабе. В 2017 году ОАЭ также начали строительство военной базы в Бербере, расположенной в самопровозглашенном, но не признанном на международном уровне государстве Сомалиленд. [1]

ОАЭ поддерживали местные ополчения, обученные вне формальной структуры йеменского государства.

Важным компонентом политики ОАЭ было противодействие исламистским группам, в частности йеменской партии «Ислах», которую Абу-Даби связывал с «Братьями-мусульманами». Вследствие этого ОАЭ поддерживали светские и сепаратистские группы на юге страны в качестве

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

противовеса фракциям, связанным с «Ислахом» и поддерживаемым Саудовской Аравией.

3 декабря 2025 г силы ЮПС, захватили военные объекты, правительственные здания и нефтяные объекты в центральной и северной части Хадрамаута, которые контролировались местными племенами и военными структурами, поддерживаемые Саудовской Аравией. В течение нескольких дней ЮПС захватили большую часть Хадрамаута, и продвинулись далее в провинцию в аль-Махра, граничащую с султанатом Оман. В результате этой кампании, которую ЮПС назвал «Многообещающее будущее», все провинции Южного Йемена, входившие до объединения Йемена в 1990 г в состав НДРЙ, оказались под контролем ЮПС. Обоснованием для захвата Хадрамаута и Аль-Махры для ЮПС послужили заявления о необходимости борьбы против коррупции, контрабанды, терроризма и экстремистских группировок - «Исламское государства» и «Аль-Каида на Аравийском полуострове» [3]

ЮПС планировал в течение 2х лет, то есть до 2028 года, провести референдум о независимости Южного Йемена. «Мы объявляем о начале переходного периода, который продлится два года, и Совет призывает международное сообщество содействовать диалогу между заинтересованными сторонами на Юге и Севере», — заявил президент Южного переходного совета Айдурус Аль-Зубайди в телевизионном обращении. Однако он предупредил, что группа «немедленно» объявит о независимости, если диалог не состоится или если Южный Йемен снова подвергнется нападению.[9]

Но, йеменские провинции Хадрамаут и Аль-Махра имеют большое геостратегическое значение для Саудовской Аравии, поскольку через эти провинции возможно провести нефтепровод из Саудовской Аравии к Аравийскому морю, минуя Персидский залив и Ормузский пролив. Это стало особенно актуальным во время блокады Ормузского пролива Ираном

Министерство иностранных дел Саудовской Аравии 25 декабря 2025 опубликовало заявление, в котором подтвердила необходимость достижения безопасности и стабильности в Хадрамауте и Аль-Махре, и потребовала до 29 декабря вывести силы ЮПС из этих двух провинций, поскольку эти действия не были согласованы с международно-признанным правительством Йемена. [5]

Следует отметить, что население этих провинций не поддержало ЮПС, т.к. опасалось возрождения репрессивной политики бывшего Южного Йемена. Саудовская Аравия, напротив, поддерживала племена Хадрамаута и

Аль-Махры. Еще в 2017 Мухаммед бин Салман – бывший в то время министром обороны пытался восстановить отношения Саудовской Аравии с йеменскими племенами, и особенно с шейхами восточных племен. Заверяя их, он сказал: «Мы всегда с вами, на каждом шагу, до последнего дня нашей жизни, как мы были в прошлом и будем в будущем » [6] Таким образом, восточные регионы Йемена являются важными для Саудовской Аравии как с геостратегической точки зрения, так и с политической , поскольку многие местные племена выступают против хуситов.

Глава Президентского руководящего президентского совета (ПРС) Йемена Рашад аль-Алими, осудил захват восточных провинций Йемена и призвал Саудовскую Аравию оказать военную помощь, чтобы вернуть эти провинции под контроль признанных мировым сообществом властей. 29 декабря ОАЭ под давлением Саудовской Аравии были вынуждены объявить что выводят всех своих военнослужащих из Йемена после соответствующего требования йеменских властей и призыва Саудовской Аравии.

30 декабря коалиция под руководством Саудовской Аравии нанесла авиаудар, который нарушил военную логистику ЮПС и ограничил возможности ОАЭ поддерживать эскалацию. Целью авиаудара были два судна, прибывшие в Йемен из ОАЭ. Официальный представитель Коалиции по восстановлению законности в Йемене генерал майор Турки аль-Малки заявил : «В субботу и воскресенье (27-28 декабря 2025 г.) два судна прибыли в порт Мукалла из порта Фуджейра, не получив никаких разрешений от Объединенного командования коалиционных сил. Экипаж судов отключил устройства слежения и выгрузил большое количество оружия и боевой техники в поддержку сил Южного переходного совета в провинциях Хадрамаут и Аль-Махра на востоке Йемена. Эти действия считаются вопиющим нарушением принципа умиротворения и усилий по достижению мирного урегулирования, а также противоречат резолюции СБ ООН 2216 (2015)». [7]

За ударом последовало публичное обвинение Эр-Рияда в том, что ОАЭ оказывали давление на ЮПС с целью проведения операций вблизи саудовских границ. В течение нескольких часов после действий Саудовской Аравии Рашад аль-Алими отменил соглашение об обороне Йемена с ОАЭ, потребовал вывода войск ОАЭ из Йемена и объявил чрезвычайное положение сроком на 90 дней. Действия ЮПС были квалифицированы как восстание против государства. При поддержке Саудовской Аравии йеменские

правительственные войска восстановили контроль над Хадрамаутом и Аль-Махрой в течение 36 часов. [7]

ЮПС провел свою первую крупную конфронтацию без воздушного прикрытия ОАЭ потерпел поражение. Это поражение разрушило иллюзию, что власть в Адене или на территориях, связанных с Аденом, означает и доминирование на всех территориях Южного Йемена.

К 2-3 января ОАЭ вывели основные силы из Йемена, и глава ЮПС Айдарус аз-Зубайди, бежал в Абу-Даби.

9 января 2026 Южный переходный совет (ЮПС) Йемена официально объявил о своем роспуске и прекращении деятельности всех своих структур. "Мы объявляем о роспуске Южного переходного совета, всех его основных и вспомогательных органов и учреждений, а также о закрытии всех его офисов как внутри страны, так и за рубежом. Мы также заявляем о намерении добиваться справедливой цели Юга посредством подготовки к проведению всеобщей конференции южных сил под эгидой Королевства Саудовская Аравия” [10]

В январе 2026 года агентство Reuters сообщило, что Эр-Рияд пообещал выделить около 500 миллионов долларов на проекты реконструкции и развития в Южном Йемене после ликвидации Южного переходного совета (ЮПС). Reuters также отмечало, что Эр-Рияд стремился укрепить влияние в южном Йемене после отхода ОАЭ, стабилизировать подконтрольные территории, усилить позиции международно-признанного правительства Йемена и предотвратить дальнейшую фрагментацию страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События конца 2025– начала 2026 годов показали, что соперничество между Саудовской Аравией и ОАЭ в отношении Йемена становится все более

заметным, особенно в отношении сепаратистских устремлений Южного Йемена. После многих лет дорогостоящего военного вмешательства Саудовская Аравия начала больше полагалась на экономическую помощь и дипломатию.

Саудовская Аравия восприняла поддерживаемое ОАЭ наступление СТС как попытку навязать раздел Йемена вопреки стратегическим интересам Саудовской Аравии.

Экономическое соперничество между Саудовской Аравией и ОАЭ переросло в прямую геополитическую конкуренцию внутри Йемена.

Но, сепаратистские настроения на юге все еще остаются сильными, особенно в Адене и некоторых районах южного Йемена. ОАЭ продолжают сохранять влияние через местные сети безопасности и морские партнерства.

Саудовская Аравия и ОАЭ вступили в конфликт в Йемене как близкие союзники, но постепенно превратились в стратегических конкурентов. Саудовская Аравия отдавала приоритет территориальному единству Йемена и безопасности его границ, в то время как ОАЭ стремились к морскому влиянию и поддерживали сепаратистские группировки на юге страны.

Усиление Южного переходного совета превратило конфликт из простой антихуситской интервенции в борьбу за будущую политическую структуру Йемена.

Хотя поддерживаемым Саудовской Аравией силам удалось сдержать наступление Южного переходного совета, сепаратистские устремления по-прежнему глубоко укоренены в Южном Йемене. Поэтому будущее Йемена, вероятно, будет зависеть не только от переговоров с хуситами, но и от решения вопроса о южной идентичности, автономии и региональном влиянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berouk Mesfin, Could Emirati activism in the Horn make the situation worse?? Institute for security studies. https://issafrica.org/iss-today/could-emirati-activism-in-the-horn-make-the-situation-worse?utm_source=chatgpt.com
2. Conflict in Yemen and the Red Sea Council on Foreign Relations – Global Conflict Tracker: Yemen https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/war-yemen?utm_source=chatgpt.com
3. Yemen in 2025/26: Changing balance of power in the south. Research Briefing. 31 March, 2026. https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10427/

4. UAE-Backed Forces Expand Control in Southern Yemen. December 8, 2025. https://thesoufancenter.org/intelbrief-2025-december-8/?utm_source=chatgpt.com
5. Government Welcomes Saudi Statement on Hadramout and Mahra Developments. https://sabanew.net/story/en/139874?utm_source=chatgpt.com
6. Adel Dashela. Saudi Arabia’s Eastward Turn: Shifting Relations with Yemeni Tribes. https://sanaacenter.org/the-yemen-review/jan-mar-2024/22287?utm_source=chatgpt.com
7. Joint Forces Command of the Coalition to Restore Legitimacy in Yemen: Limited Airstrike Targeted Foreign Military Support in the Port of Mukalla. Saudi Press Agency www.spa.gov.sa/en/N2478179
8. https://rtvi.com/news/koalicziya-vo-glave-s-saudovskoj-araviej-udarila-po-portu-jemena-chto-izvestno/?utm_source=chatgpt.com
9. Yemen’s separatist STC calls for independence vote as fighting intensifies | News | Al Jazeera
10. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26112833
11. Saudi Arabia pledges $500 million Yemen development after UAE withdrawal . Reuters January 15, 2026. https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-pledges-500-million-yemen-development-after-uae-withdrawal-2026-01-15/?utm_source=chatgpt.com

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ГОРОДА

Турсунова С.М.

Перед тем, как приступить к анализу любого из конкретных правовых институтов, управлявших традиционными исламскими городами, необходимо рассмотреть, хотя бы кратко, некоторые из основных особенностей социального характера анализируемых городов и юридические принципы, на которых были основаны их образ жизни и административная система. Только при этом условии могут быть полностью поняты правовые и административные институты исламских обществ будь то городских или аграрных.

Социальный и юридический характер исламских городов

Рассматриваемые как социальные объекты, традиционные исламские города несомненно характеризовались, помимо прочего, наличием среди их обитателей сильного и хорошо развитого чувства единства и социальной сплоченности.

Однако, тот факт, что это чувство общности, юридически выражаясь, не приобретало форму муниципальной автономии и местного самоуправления, как это было в европейских городах, как в древности, так и в средние века, дал почву в определенных кругах для жарких споров и немалой путаницы. Так, введенные в заблуждение или собственным слепым европоцентризмом, или некритическим принятием так называемых бесценностных социологических моделей и обобщений Макса Вебера, некоторые авторы и комментаторы доказывали, что городские центры в мусульманских странах далекие от того, чтобы называться городами в истинном значении этого слова были немногим более, чем просто агломерации разрозненных групп и личностей.

Все это весьма удивительно, так как полученный нами богатый и разнообразный объем исторических свидетельств из раз- личных частей мусульманского мира за многие века ясно показывает, что исламские города возможно, за исключением ранних стадий их развития представляли собой интегрированные сообщества с исключительно сильным чувством единства и социальной сплоченности.

Как отмечал Г. Э. фон Грюнебаум: Шариат не признает никаких исключений, никаких привилегий, которые могли бы выделить одну часть

(или один класс) общины верующих или могли бы освободить её от уплаты налогов и пожертвований[80].

Он же далее отмечает: «Мусульманский город, с самого начала повсюду будучи центром политической власти, в отличие от греческого города не обладал политической автономией; он контролировал прилегающете сельские р-ны эти районы «принадлежали» государству, средоточением власти которого лицам, или его обитателям был город, по но не городу, самостоятельностью. частным не обладавшему юридической Этим мусульманский город отличался от городов средневековой вороны, создававшихся волею правителей, которые шили в сельской местности и имевших точный зафиксированный статус в пределах независимой территории».[81]

В сущности, именно из-за - интеграции мусульманских обществ на базе ислама, альтернативные формы расовые, территориальные или муниципальные были или отвергнуты, или обойдены до своего времени.

Отсутствие муниципальной автономии и местного самоуправления по европейскому образцу, однако, не помешало (и не могло помешать) процветанию городов по всему мусульманскому миру от Испании до Индии и далее являвшихся центрами не только исламской, но и мировой культуры и торговли.

Поскольку исламские города были организованы на иных принципах, чем муниципальная автономия и местное самоуправление, характерных для их европейских аналогов, оказалось, что правовые и административные институты исламских городов не обладали, и не могли обладать, представительным характером, как у европейских муниципалитетов. Лица, наделенные ответственностью за функционирование этих институтов, также не могли обладать атрибутами представителей народа или выразителей его воли, возможно, за исключением тех случаев, когда низвергалась государственная власть: например, во время безвластия между двумя режимами, и то, только до тех пор, пока не появлялся новый "правитель".

За исключением подобных обстоятельств, те, кто руководил правовыми и административными институтами исламских городов, были, напротив, представителями правителя, калифа или султана. От него они и получали свой

[80] Г.Эрон Грюнебаум. Классический ислам. Очерк истории. М., 1986, стр. 94.

[81] Этот аспект, впервые освещенный Ибн Халдуном, рассмотрен Штерном и др., но совершенно не относится к теме. Слово "правитель" взято в кавычки потому, что строго говоря, власть и юриспруденция по исламскому учению принадлежит только Богу. CM. S.M. SteRN "The Constitution of the Islamic city", in book "The Islamic City A Colloquium ed. by A Hourani and S.M. Stern, Oxford, 1970 pp. 25-5

пост будь то прямо или косвенно. И именно от его имени и под его контролем (или под контролем его чиновников) они управляли городом и исполняли другие связанные с этим функции.

Подчеркивая их непредставительский характер и то обстоятельство, что они назначались правительством, тем не менее, важно не забывать, что те, кому была доверена работа в правовых и административных институтах исламских городов, не являлись ни в каком смысле личными представителями или слугами правителя. Дело в том, что правитель, его назначенца и все другие члены мусульманской общины были в равной степени и без всякого исключения послушны одной и той же системе законов шариата.

Поскольку законы шариата были, главным образом, основаны на исламе, все официальные должности от верховного правителя до скромного служащего в торговле или в полиции - традиционно рассматривались как религиозные институты.[82]

Это представляет собой взгляд на право и религию, требующий четкого определения. Короче говоря, дело в том, что в исламе материальные и духовные аспекты жизни рассматриваются как единый комплекс, континуум, а не как набор отдельных сущностей или образов существования. Соответственно, исламская система законов шариата была разработана как всеохватывающий массив указаний, который как касается регулирования всех аспектов частной и общественной жизни в ее земных формах, так и предлагает моральное и духовное руководство для личности в целях ее наставления и последующего спасения в ином мире.

Именно по этой причине наряду с тем фактом, что в исламе никогда не было ни духовенства, ни священных таинств – об исламе иногда отзывались (что, пожалуй, парадоксально) как о светской религии.

Что касается правовых институтов, практический характер ислама ясно виден из того факта, что- мусульманские правоведы в течение столетий полностью и официально признавали адат (местное традиционное право) в качестве законного источника законодательства, наряду с другими классическими принципами, в соответствии с которыми были выработаны законы шариата. В мусульманской Испании и Марокко, в частности, юристы маликитской школы пошли еще дальше. Они стали считать, что при определенных обстоятельствах традиционным обычаям людей не только в

[82] Классические труды юристов включая аль-Маварди Ибн Таймийю согласны по этому вопросу. См. также Ибн Халдун. "The Muqaddimah", trans. by F. Rosenthal, I, New York 1967, Ibn Khaldün pp-448-465.

Медине, но и в Кордове ив Фесе (amal ahl Qurtubah Wa - amal ahl Fas) может быть отдано предпочтение даже перед определенными типами хадисов.

Как и следовало ожидать, все эти свойства универсальности и гибкости были отражены в характере и функциях различных методов и институтов, выработанных мусульманскими общинами для управления своими делами как в городах (где праведная жизнь, предписываемая шариатом, могла обеспечиваться наилучшим образом), так и повсюду в исламском мире, (dar al-Islam).

Официальные институты

Главными институтами, занятыми интерпретацией и исполнением законов в традиционных мусульманских городах (управляемых халифом или султаном), были: а) Al-Wali al-'Amil (губернатор провинции), в подчинении которого обычно находились al-Shurtah (полиция); б) Al-Qadi (судья), которому содействовало бюро утвержденных свидетелей или нотариусов (Shubiüd unu Üdül); в) Al-Muhtasib или Şahib al-Suq (ответственный за надзор за рынками и общественной моралью), которому помогали руководители различных профессиональных ведомств ('arif Unu 'amins) larif городских кварталов (harat); г) в дополнение к этому, были главы общин, находящихся под покровительством (al-Dhimmiyyuин), то есть, иудеи и христиане, которые, в соответствии с предписаниями шариата, пользовались своего рода автономным статусом в городах исламского мира и поэтому составляли особую категорию в плане их управления.[83] По этой причине мы рассмотрим здесь первые три основные института.

Как и следовало ожидать, разнообразие местных традиций и условий, имевшееся в различных частях мусульманского мира, наряду с разницей в возникавших в этих частях время от времени событиях, отразилось на стиле и практической деятельности каждого из рассматриваемых институтов.

Al-Wali или Al-'Amil

Основной обязанностью лица, назначенного на этот пост, было соблюдение закона и порядка по всей провинции или кругу (Wilayah или

[83] По этому вопросу см., например, Encyclopaedia 2nd ed. 1965 L 227 et seq. of Islam . В своей работе о Дамаске при мамлюках Nicola Ziadeh приводит интересные отрывки из соглашения, в соответствии с которым назначался в то время Batraq христиан-мельхитов (еретики, поклонники Мельхиседека примеч. дерер.): "по выбору общины, следуя христианским обрядам, как руководитель их дел. Он правил по предоставленным ему законом ... управлял общиной с милосердием... разрешал их споры по своим законам о наследовании и браке... Под его юрисдикцией находились все приходы, церкви и монастыри. Иудеи и христиане других направлений пользовались аналогичным положением. Контраст по сравнению с положением иудейского и мусульманского меньшинств в Европе, даже до инквизиции, а равно как и после нее, поучителен.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

'amalah). В этом качестве он мог часто нести ответственность за крупный город, возможно, одновременно с рядом небольших городов и деревень.

Как руководитель города, Walt вместе с членами лично гарнизоном и Shurtah (полицией) часто лично инспектировал городские стены и кварталы по ночам и присматривал, чтобы правонарушители и злоумышленники задерживались.

Под руководством Wali Shurtah выполняла свои классические функции полиции расследования и профилактики преступности. Для способствования этому Shurtah предпринимала такие меры, как оснащение улиц фонарями и выставление стражников и ночных сторожей в различных городских кварталах. В нормальных обстоятельствах городской гарнизон стремился к той же цели при помощи барабанного боя ночью: во-первых, для отсчета времени через регулярные интервалы, а во-вторых, для обеспечения того, чтобы стражники и ночные сторожа не спали. Помимо постоянной защиты города и его населения, наиболее важной ролью Wali как защитника было эскортирование ежегодных караванов паломников, когда они следовали через территорию провинции на своем пути к Священным местам.

В дополнение к своей работе по соблюдению закона и порядка, Wali также осуществляет юридические функции, связанные с уголовными преступлениями. Так, он несет ответственность за исполнение таких приговоров, как тюремное заключение. В случаях убийства применение коллективных наказаний не было редкостью. Так, в Дамаске, например, жители городского квартала, в котором было осуществлено убийство, но которые круговой порукой укрывали преступника, обязывались выплатить выкуп за убийство плюс колик коллективный штраф.

Другая в принципе юридическая функция, часто выполнявшаяся Walt (или даже самим калибром "султаном), была связана с судами Mazalim (буквально, по жалобам о нанесении оскорблений). Они представляли собой вид высшего административного суда, специализированного на расследовании и урегулировании жалоб на могущественных и влиятельных лиц, обвиняемых в использовании своего привилегированного положения в неправомерных целях или в актах несправедливости по отношению к беззащитным по сравнению с ними жертвам.

Кроме того, Wali нес чисто административные функции, такие как сбор налогов, а также назначение и смещение кади и других должностных лиц администрации города и провинции.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Al-Qadi (кади)

Как уже отмечалось, Qadi (или судья) ни в коей мере не являлся единственной юридической инстанцией в мусульманском городе или общине. Например, уголовное право, как мы уже отмечали, обычно вершилось Wali Shurtah, в то время как Mazalim (или суды по административному праву) находились в ведении или ля этих мест. Wali Muhtasib или верховного правите- • К как мы покажем здесь, также выполнял определенные юридические функции, в то время как противоречивые случаи, которые не удавалось разрешить на основании законов, которые существовали в любую взятую эпоху, обычно передавались на рассмотрение муфтия, который нередко приходил к выводу решить дело на основании знаменитого юридического принципа al-darürat, tubihu e-mahzürat (т.е. необходимость снимает запреты). Это означает, что юридические функции кади ограничивались разбором личных дел (таких, как споры по вопросам брака и вопросам наследования) и гражданских дел, включающих в себя, например, нарушения договорных обязательств.

Как профессиональный судья, кади был обязан добиваться абсолютного равенства сторон, а также тщательно изыскивать и рассматривать имеющиеся свидетельские показания перед тем, как приступить к вынесению решения. Стиль, в котором кади исполняли свои обязанности, в значительной степени направлялся и вдохновлялся мудрыми и благородными принципами, содержащимися в известном письме, которое калий Умар послал Абу Мусе аль-Ашари, когда тот был назначен кади в Куфе. В связи с характером и важностью этого письма, некоторые отрывки из него не будут излишними в нашей работе. Помимо прочего, письмо предписывало судьям следующее:

- Разберись в распоряжениях, сделанных до тебя, так как бесполезно рассматривать заявления, не имеющие юридической силы.

- Считай всех лиц равными в ходе суда и уделяй им равное внимание, чтобы знатные люди не ждали от тебя необъективности, а простой народ не терял надежды на справедливость при твоем суждении.

- Истец должен предоставить доказательства; от ответчика может быть потребована клятва.

- Соглашение сторон допустимо среди мусульман, но не всякое соглашение, посредством которого могло бы быть разрешено что-либо запрещенное, или запрещено нечто разрешенное.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

- Если ты вынес вчера решение, а сегодня, обдумав дело еще раз, пришел к иному, правильному мнению, не чувствуй себя связанным своим первым решением, ибо справедливость превыше всего, и лучше признать ошибку, чем проявлять неуместное упорство.

- Думай и находи собственное мнение по вопросам, ставящим тебя в тупик, по которым нет ссылок ни в Коране, ни в Сунне. Изучи аналогичные случаи и оцени ситуацию по аналогии с этими аналогичными случаями.

В дополнение к своим чисто религиозным функциям, кади также нес ответственность за благотворительные фонды и имущество (вакуфы) и за надзор над широким диапазоном общественных служб, ради которых и были образованы вакуфы. Это означает, что судья распоряжался значительной долей того, что сегодня назвали бы муниципальным бюджетом, а также был ответственен за различные больницы, училища и общественные бани. Что касается Феса, кади там часто играл важную роль в университете при мечети Каравийин, которую можно сравнить с ролью ректора в современных университетах европейского образца.

Кроме того, как подчеркивал Ибн Халдун, на городского судью при необходимости возлагались такие обязанности, как надзор за имуществом больных, сирот, банкротов и лишенный правоспособности лиц, находящихся под стражей; контроль за исполнением завещаний и завещанной в благотворительных целях недвижимостью, а также за вступлением в брак женщин, достигших брачного возраста и не имеющих попечителей.

Так как некоторые из благотворителей, учредивших вакуфы, были любителями птиц и пожелали, чтобы были созданы специальные фонды для лечения больных и раненых птиц, и без того прибавившиеся муниципальные обязанности кади, были распространены еще дальше и включили в себя, помимо оказания социальных услуг людям, и удовлетворение нужд некоторых представителей царства животных.

Как можно было ожидать, число и общем возложенных на кади социальных и юридических обязанностей потребовали привлечения помощников и вспомогательного персонала. Некоторые из них собирали налоги и проверяли расчеты. Другие были специалистами, помогавшими в различных службах, за которые судья нес ответственность как управляющий вакуфами.

В том, что касается чисто юридических функций, кади помогали Shuhüd (или свидетели). Первоначально почти любой человек мог быть привлечен и признан как Shahid (или свидетель). Поскольку свидетелями должны быть

лица, обладающие личной честностью (т.е. Udül), неудивительно, что со временем выработался процесс их отбора. Это выразилось в появлении Shuhüd или Udül, не только в качестве груш проверенных свидетелей, но и в качестве официального органа нотариусов, которые помимо регистрации и заверки документов также разрешали мелкие дела независимо от кади.

Al-Muhtasib (Мухтасиб)

Общепризнанно, что теоретической или идеологической основой этого института или обязанности возложенной на всех мусульман содействовать добру и сражаться со злом, т.е. исполнять al-amr bi'l-ma'ruf wa-'l-nahy 'an al-munkar.

В свое время - особенно начиная с эпохи Аббасидов - этот общий принцип, продемонстрированный на практике Пророком и его преемниками самыми разными способами и в самых разных ситуациях, в конце концов, нашел свое отражение в учреждении официального поста al-Muhtasib. Это название появилось в обиходе около 700 года. [84]

Говоря в целом. функция мухтасиба (которую можно для удобства перевести как Надзиратель за рынками и общественной моралью) заключалась в содействии применению мусульманских этических норм в повседневной жизни исламских общин особенно, в отношении коммерческих и социальных отношений в торговых местах. Именно по этой причине данный пост особенно на первых порах его эволюции иногда именовался Sahib al-Süq (т.е. управляющий рынком), точно так же, как шеф полиции именовался Şahib al-Shurtah

В своей классической и окончательно выработанной форме должность мухтасиба была важным муниципальным постом с признанным и общепринятым кругом различных функций. Главными среди них были надзор за системой мер и весов, ставящий целью предотвращение жульнических сделок и нечестных операций в местах торговли. Примером, который можно до сего дня наблюдать в Кайсарийя в Фесе, служит мраморный прилавок, на котором размечена стандартная мера длины, чтобы покупатели и продавцы, например, тканей, могли проверить себя в случае сомнений или спора.[85]

Связанной с этим функцией мухтасиба было разрешение споров, например, между грузчиками и работодателями. Чтобы облегчить эту работу, мухтасиб в данном отношении был признан компетентным судьей в случаях,

[84] Г. Э. фон Грюнебаум Ца.соч., стр. 95.
[85] Старейшая из инструкций составленных для мухтасибов датируется IX в. (Грюнебаум, Ук. соч. стр. 95).

не требующих привлечения свидетелей, как например, при выплате задержанных долгов, которые, в принципе, не являлись предметом спора между сторонами. Более того, мухтасиб, в отличие от кади, мог для избежания или урегулирования споров осуществлять вмешательство по своей собственной инициативе, даже если не поступило официальных жалоб ни от одной из непосредственно заинтересованных сторон.

Как защитник и наставник благопристойных норм поведения в общественной жизни, мухтасиб нес ответственность за обеспечение того, чтобы практика в таких профессиях, как медицина, фармацевтика и преподавание осуществлялась на надлежащем уровне квалификации, а несправедливая или неэтичная практика не допускалась. Он присматривал за тем, чтобы к учащимся или подмастерьям не относились дурно, или не эксплуатировали их учителя или хозяева. Он предотвращал случаи перегрузки и плохого обращения с животными. По его приказу аварийные здания, а также здания, расположение которых давало возможность их жителям нарушать неприкосновенность личной жизни соседей, подлежали сносу или такой перестройке, чтобы они более не представляли опасности или беспокойства для соседей и прохожих. Он также следил за чистотой в общественных банях и за тем, чтобы банщики соблюдали правила благопристойного поведения. Он обеспечивал поддержание чистоты в мечетях, их снабжение достаточными количеством воды и надлежащее освещение ночью. В Медине, где водоснабжение представляло собой сложную систему отвода и распределения воды из wadi и многочисленных городских источников, мухтасиб нес ответственность за обеспечение чистоты воды и справедливости ее распределения между различными кварталами города и его обитателями.

При оттоманском владычестве особенно, начиная с времени правления Баязита II функции мухтасиба были включены в Känün-hämehs, с помощью которых осуществлялось руководство администрацией провинций. В соответствии с этими законами, функции мухтасиба в Оттоманской империи были расширены и включили в себя сбор самых разнообразных налогов и пошлин. С другой стороны Сафавиды хотя они также демонстрировали большое желание урегулировать ihtisab и с этой целью учредили пост Muhtasib al-Mamalik (т.е. главный мухтасиб королевства) не пытались расширить и без того обширные функции мухтасиба.

В связи с множеством и разнообразием своих обязанностей мухтасиб, естественно, нуждался в помощи разветвленной сети помощников и вспомогательного персонала. Среди них были 'arif или 'amin (т.е. главы или

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

начальники) различных профессий и ремесел города. Кроме этого, ему помогали arif городских кварталов (haras) и, разумеется Shurtah и кади, с которыми он координировал свою работу.

Учитывая характер его обязанностей, естественно, что от мухтасиба требовался добрый характер, авторитет и знания, хотя он "в рабочем порядке", законов шариата. Однако, не меньшую важность имел тот факт, что от него требовалось доскональное знание обычаев и традиций городских жителей и населения тех деревень и сельских местностей, откуда народ приезжал на рынки и в мечети города.

Имелось в виду, что в своем старании контролировать и направлять общественное поведение в направлении наивысших возможных образцов мухтасиб должен действовать с благоразумием и тактичностью. А отношении этого вопроса литература по hisbah - включая исторические отчеты и официальные трактаты юристов единодушна.

Помимо силы своего примера, дружеского наставления и совета, мухтасиб мог вынести нарушителям предупреждение или выговор, а также подвергнуть их телесным наказаниям или иным формам унижения (ta'zir). Более того, он обладал полномочиями конфисковать товары у мошенников или распорядиться об их уничтожении. В крайних случаях он мог лишить нарушителей прав заниматься в городе своим ремеслом или торговлей.

Заключительные примечания

В свете произведенного выше обзора становится ясно, что организация и функции правовых институтов в традиционных мусульманских городах, хотя, вполне естественно, они отличались друг от друга, а иногда значительно, в зависимости от времени и места, отражали непрестанную заботу мусульманских общин, где бы то ни было, о том, чтобы жизнь проходила в соответствии с шариатом, подчиняясь как системе законов, так и моральному кодексу. До тех пор, пока эти институты, вместе взятые, были в состоянии способствовать ведению праведной жизни на земле в качестве прелюдии к спасению в последующем мире, мусульманские общины и ученые, как это может показаться, не проявляли большого интереса к тому, чтобы эти институты или их функции были организованы в соответствии с принципами или требованиями какой-либо абстрактной системы, как бы привлекательно это ни выглядело. Как мы убедились, имело место существенная институциональная и функциональная координация и взаимоувязка, которую в некотором роде можно сравнить со скоплением и пересечением зданий и

улиц в традиционных больших и малых городах по всему мусульманскому миру.

Точно так же, как в материальном плане влияние современного европейского образа жизни на мусульманские города повредило или, в лучшем случае, обошло стороной традиционный стиль в строительстве и архитектуре, так и социальная структура, и правовые институты этих городов были преобразованы или вытеснены европейскими концепциями и институтами меньшей степенью несовместимости и деструктивности.

Итак, в то время как мухтасибы почти полностью исчезли за исключением Саудовской Аравии и Марокко, где они еще существуют, хотя и с гораздо более узкими полномочиями роль и функции кади, как, по существу, и самой системы законов шариата, на которой традиционно основывались все институты и общественные нормы, были аналогичным образом существенно преобразованы или обойдены.

Таким образом, очевидно, что сохранение и обновление исламских городов, если уж такая цель ставится, должно быть всеохватывающим процессом полной перестройки и возрождения.

Города и в настоящее время являются главными очагами движений политического и социального протеста на Ближнем Востоке. Однако эти выступления и по форме, и по сути весьма отличаются от тех, которые происходили в традиционном исламском обществе. Такие отличия связаны с существенными переменами в структуре власти (вместо средневекового абсолютизма и теократии ныне существует нац. государство), во всем укладе жизни, связанном с индустриализацией, урбанизацией, крупно масштабными миграционными процессами, глубоким разделением труда, наконец, с утверждением новых форм общественно-политической деятельности. Вместе с тем в ряде случаев еще не изжито наследие племенных, этнических, религиозных традиций. Применительно к Исламу это наследие характеризуется значительными расхождениями между тем, что должно быть в идеале, и реальным положением дел. Тема «возврата к истокам», как мы уже отмечали выше, находила отречение в трудах и деятельности многих мусульманских реформаторов. Иногда, главным образом в «периферийных районах», поднимались на щит трибализм и его традиции. С ними, по мнению Сами Зубейда , были связаны такие «протомодернистские движения», как махдизм в Судане, ваххабизм в Аравии.[86]

[86] SAMI ZUBAIDA. The city and its "other" in Islamic political ideas and movements.-Econ. a. society, Henley on Thames, 1985, vol. 14, N 3, p. 313-330 P. 319

Отголоски ранне исламского прошлого дают себя знать в мусульманских выступлениях в современном Египте. Это проявляется. в идеализации "священной истории", с которой увязывается концепция хиджры. Современная трактовка этих событий включает в себя отмежевание "истинных мусульман" от "неверия", подготовку сил и борьбу за торжество "истинной веры". Причем борьба ассоциируется с джихадом. Испытав на себе несомненное воздействие событий в Иране (1979), отдельные египетские мусульманские группировки отказываются от прежнего мессианского утопизма и авангардистского изоляционизма в пользу "популистской политической агитации и организации", отмеченных большим, чем раньше, реализмом.[87]

ЛИТЕРАТУРА

1. For example, the Damascus domestic broadcasting service of 6 June 1950 (as reported in the Foreign Broadcast Information Serzice Bulletin, Washington) reports President Asad's meeting with a delegation of "sloma. Asad is reported as saying: The state takes care of religion and calls for adhering to it. Being religious is totally different from killing innocent people and following Zionist and imperialist plans'. At the end of the meeting 'the 'ulama stressed their full support against all conspiracies'.
2. According to information reported in the Egyptian Muslim Brotherhood magazine, al-Da'wa (Cairo), August 1979, p. 10. as reported and translated by the Joint Publications Research Service of the US Government.
3. Adeed Dawisha, Syria and the Lebanese Crisis (London, Macmillan, 1980), p. 60.
4. Nikolaos van Dam, The Struggle for Poarer in Syria (New York, St Martin's Press, 1979), pp. 61-3; Hanna Batatu, 'Some Observations on the Social Roots of Syria's Ruling Military Group and the Causes for its Dominance', The Middle East Journal, 35 (1981), 331-44.
5. Batatu, 'Some Observations', p. 331. In a study of the attitudes of Syrian Ba'th Party members, I linnebusch finds a significant Islamic commitment, particularly among lower-class party members. It is wrong, therefore, to conclude that the essentially secularist Ba'th regime is isolated from Syrian society in general, a majority of which exhibits certain non-secular attitudes; 'instead the contradiction has penetrated into the regime'. He also finds mitigating trends in that secularism appears to be increasing with increasing education, and because a substantial pro

[87] Ibid., p 327.

portion of his respondents indicate only 'some' role for Islam in the state. Raymond A. Hinnebusch, 'Political Recruitment and Socialization in Syria', International Journal of Middle East Studies, 11 (1980), 143-74, esp. 155-6.

6. See also Michael C. Hudson, 'Islam and Political Development', in John L... Esposito (ed.), Islam and Development: Religion and Sociopolitical Change (Syracuse, Syracuse University Press, 1980), pp. 1-24.

7. On this point generally, see Ted Robert Gurr, Why Men Rebel (Princeton, Princeton University Press, 1970), ch. 8.

8. Patrick Seale, The Struggle for Syria (London, Oxford University Press, 1965), passim and pp. 180-1. The Muslim Brotherhood... did not succeed in using this Islamic approach as a political instrument for rallying the youth of the country in a highly-disciplined, paramilitary mass movement. Its influence was widespread, but diffuse and politically ineffective' (p. 180).

9. On this process, see van Dam, The Struggle for Power in Syria, esp. ch. 3; also Itamar Rabinovich, Syria Under the Ba'th, 1963-66 (Jerusalem, Israel Universities Press, 1972).

10. On the history of the issue of religion and state in Syrian constitutions, see George Jabbour, 'Safhat min al-tatawwur al-dusturi l'il-qatr al-'arabi al-suri hatta thawrat aditar'' ('Pages from the Constitutional Development in the Syrian Arab Region until the March Revolution'), pp. 13-33 in al-Dustur al-jadid (Damascus, Syrian Writers' Federation, n.d. [1974]), pp. 25-6, 31-2. See also Abbas Kelidar, Religion and State in Syria', Asian Affairs, 61 (1974), 16-22.

11. Abstracts from the English edition of al-Nazeer (Al-Nadhir), no. 22 (31 August a50), pp. 1-2. The rest of the pamphlet contains news about mujahidin attacks and massive repression by the regime.

12. The Higher Command of the Islamic Revolution in Syria, 'Declaration and Program the Islamic Revolution in Syria', Damascus, 9 Nov, 1980. Signed by Sa'aid Hawa,

13. Ali Baianoni, and Adnan Saaduddeen. pp. 8, 11, and 12. Declaration and Program', pp. 12-59.

14. Quoted by Helena Cobban in The Christian Science Monitor, to Dec. 1979. Interest- ingly, the Ikhwan in November 1980 presented a political programme in consider able detail in the Declaration cited in note 17 above, but it did not lead to a resurgence of opposition in general.

15. The Christian Science Monitor, 7 Nov, 1950.

16. See Stanley Reed, "Little Brother and the Brotherhood", The Nation (16 May 1951), ГР. 502 6.

17. Faris Glubh, "Assad Manages to Hold On', Manages to 1 Hold On', Middle East International (13 Feb. 1981). PP. 12-13-
18. Gurr, If y Meri Rebel, pp. 240-1.
19. "A Message of Imam Al Sadr the Martyr, to Iraqi People', statement, in Arabic and English, issued by the Islamic Revival Movement (POB 5789, Washington, DC 20014. n.d.).
20. Hanna Batatu, "Iraq's Underground Shi'i Movements: Characteristics, Causes, and Prospects. The Middle East Journal, 35 (Autumn 1981), 573-94. esp. 383. The Iraqi data on persons employed in the 'religious services' also include persons such as servants in mosques who are not authoritative men of religion, so Iraq's population per clergyman figure is probably even higher.
21. It is ironic but not surprising that the intensity of the ideological conflict in these two neighbouring countries does not deter the secular regime in the one from sup- porting the religious opposition in the other; similarly, the religious opposition in the one is conspicuously mute about the sins of the secular regime in the other.
22. See, e.g., Islamic Revival, March-April 1951, p. 7.
23. See Muhammad Baqir As-Sadr, Contemporary Man and the Sucial Problem (translated by Yasin T.. Al-Jibouri, Tehran, Tehran, 1980), csp. pp. 165-74; and the Islamic Da'wa (Call) Party, "The Form of Islamic Government and Wilayat al-Faqeeh' (Bethesda, Md., The Islamic Revival Movement, 1981).
24. Dr Abu Ali, 'Misconceptions about Iraqi Muslims: An Iraqi Corrects The New Yov't Times', Islamic Revival, October 1981, pp. 11-13.
25. "The Form of Islamic Government and Wilayat al-Faqeeh', p. 6.
26. Abu Ali, "Misconceptions about Iraqi Muslims', p. 13.
27. As reported in The New York Times, 17 Dec. 1951. 33. Batatu, Iraq's Underground Shi'i Movements, p. 578.
28. Jonathan C. Randal, 'Iraqi Opposition Groups Organize, Arçue and Hope in Damascus', The Washington Post, 18 Feb, 1981; and Edward Cody, 'Kurds Join Other Rebels in Effort to Overthrow Iraqi Rulers', The Washington Post, 7 Jan. 1982.
29. Abu Ali, "Misconceptions about Iraqi Muslims', p. 12.
30. For an interesting study of the growth and penetration of Ba'th and state institutions in Syria, see Raymond A. Hinnebusch, 'Party and Peasant in Syria', Cairo Papers in Social Science, vol. 3, monographs (Cairo, The American University in Cairo, November 1979).

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ERON SIYOSIY TIZIMI EVOLYUTSIYASIDA TEOKRATIK HOKIMIYATNING INSTITUTSIONALLASHUVI

Xodjimuratova Dilshoda Sunnatillayevna
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti boshqarma boshlig‘i,
Tarix fanlari doktori (DSc)

Annotatsiya. *Maqolada Eron siyosiy tizimi evolyutsiyasida teokratik hokimiyatning shakllanishi va institutsionallashuvi jarayonlari siyosiy-huquqiy hamda tarixiy nuqtayi nazardan tahlil qilingan. Shuningdek, islom inqilobidan keyin mamlakatda shakllangan davlat boshqaruv modelining nazariy asoslari, diniy-siyosiy institutlarning hokimiyat tizimidagi o‘rni va vakolatlari hamda “Veloyate faqih” konsepsiyasining davlat boshqaruvidagi ahamiyati ochib berilgan.*

Kalit so‘zlar: *Eron, siyosiy tizim, teokratik hokimiyat, institutsionallashuv, Eron islom inqilobi, “Veloyate faqih”, diniy-siyosiy institutlar, davlat boshqaruvi, siyosiy legitimlik, ruhoniylar elitasi.*

Аннотация. *В статье процессы формирования и институционализации теократической власти в эволюции политической системы Иран анализируются с политико-правовой и исторической точек зрения. Кроме того, раскрываются теоретические основы модели государственного управления, сформировавшейся после Исламская революция в Иране, место и полномочия религиозно-политических институтов в системе власти, а также значение концепции «Велаят-е факих» в государственном управлении.*

Ключевые слова: *Иран, политическая система, теократическая власть, институционализация, Исламская революция в Иране, «Велаят-е факих», религиозно-политические институты, государственное управление, политическая легитимность, духовная элита.*

Abstract. *This article analyzes the processes of the formation and institutionalization of theocratic authority in the evolution of the political system of Iran from political-legal and historical perspectives. The study also examines the theoretical foundations of the system of governance established after the Iranian Islamic Revolution, the role and powers of religious-political institutions within the structure of state authority, and the significance of the concept of “Velayat-e Faqih” in public administration.*

Keywords: *Iran, political system, theocratic authority, institutionalization, Iranian Islamic Revolution, “Velayat-e Faqih”, religious-political institutions, public administration, political legitimacy, clerical elite.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Eron davlat boshqaruv tizimi jahon tarixida muhim o‘rin tutgan ijtimoiy-siyosiy hamda harbiy jarayonlar ta’sirida evolyutsion rivojlanishi va siyosiy transformatsiyasining o‘ziga xosligi bilan ajralib turadi. Eronning o‘ziga xos teokratik boshqaruv modeli tashqi siyosat orqali “eksport” qilinishi mintaqaviy xavfsizlik nuqtayi nazaridan muhim ahamiyat kasb etadi. Eronga nisbatan yetakchi G‘arb davlatlari tomonidan sanksiyalar joriy etilgan sharoitda rasmiy Tehron mamlakat siyosiy tizimini shakllantirib, o‘ziga xos shaklda rivojlantirib borayotgani tadqiqot mavzusining dolzarbligini namoyon etadi.

Eron Islom Respublikasi siyosiy modelining o‘ziga xosligi ushbu mamlakat davlat boshqaruvi tizimida diniy va dunyoviy institutlarning o‘zaro uyg‘unlashgan faoliyatini ilmiy o‘rganishning dolzarbligini oshirmoqda. Eron boshqaruv tizimini ilmiy tahlil qilish teokratik davlatlarning hozirgi rivojlanishi innovatsion tus olayotganligi bilan ahamiyatga molik.

Diniy va dunyoviy tuzilmalarning institutsional o‘zaro ta’sirini tadqiq etish Eron davlat boshqaruvining o‘ziga xos modelini ko‘rish imkonini beradi. 1979-yilgi islom inqilobidan keyin Eron siyosiy tizimining transformatsiyasi natijasida davlat boshqaruvining teokratik va dunyoviy unsurlarining sinteziga asoslangan mexanizmi vujudga keldi. Eron davlat qurilishi tajribasini nazariy jihatdan anglash uchun siyosiy taraqqiyotning muqobil modellarini tushunish talab etiladi.

Xususan, dunyoviy institutlarni har tomonlama tahlil qilish Erondagi barqarorlikni ta’minlash mexanizmlarini aniqlashga imkon beradi. Institutsional o‘zaro munosabatlarni, xususan, dunyoviy hokimiyat idoralarining o‘zaro munosabatlarini tadqiq etish ham muayyan ilmiy yangilik bo‘lmoqda. Eron modelini o‘rganish ruhoniyatning davlat boshqaruvi tizimiga ta’siri usullarini ko‘rsatib beradi. Eron siyosiy tizimining institutsional tuzilishini o‘rganish hokimiyatning legitimligini ta’minlash mexanizmlarini ochib beradi.

Eronda 1979-yilda amalga oshirilgan islom inqilobi davlatning tuzilishini tubdan o‘zgartirib yubordi. Buning natijasida mamlakatda o‘ziga xos teokratik boshqaruv tizimi o‘rnatildi. Boshqa musulmon davlatlari boshqaruvning dunyoviy prinsiplarini islom aqidalari bilan uyg‘unlashtirishga uringan bo‘lsa-da, aynan Eronda teokratik boshqaruv modeli muvaffaqiyatli amalga oshirildi.

Islom inqilobidan keyingi davrda yangi e’lon qilingan Eron Islom Respublikasida davlat hokimiyatining tuzilishi borasida qizg‘in bahs-munozaralar bo‘ldi. Eron Islom Respublikasi legitimligini 1979-yil 1-aprelda o‘tkazilgan umumxalq referendumi tasdiqlagan[88]. Vaziyatning o‘ziga xosligi shundaki Oliy

[88] کارکرد ولایت فقیه در نظام جمهوری اسلامی: نظام سازی، طرح و تثبیت ولایت فقیه. موسسه فرهنگی هنری قدر ولایت 1398.– ص. 720.

rahbarning davlat boshqaruvidagi yetakchiligi shia mazhabi diniy-siyosiy doktrinasi orqali legitimlashtirilgan.

Hozirda tashqi siyosat va xalqaro munosabatlar tarixini o‘rganishda davlat tuzilishining asoslarini belgilovchi diniy-siyosiy tushunchalarni o‘rganish alohida o‘rin tutadi. Ular orasida Ruhulloh Xumayniy tomonidan ishlab chiqilgan va Eron Islom Respublikasi siyosiy tizimida mujassam bo‘lgan “Veloyate faqih”[89] (faqih boshqaruvi) konsepsiyasi hozirgi dunyoda boshqaruvning teokratik modelini amalda tatbiq etishning o‘ziga xos namunasidir.

Yangi davlat tizimining konstitutsiyaviy rasmiylashtirilishi 1979-yil dekabr oyida Eron Islom Respublikasining Konstitutsiyasi qabul qilinishi bilan yakunlandi. Hokimiyatni legitimlashtirishning markaziy elmenti sifatida “Veloyate faqih” konsepsiyasi belgilandi. Bu konsepsiyaga ko‘ra, davlatdagi oliy hokimiyat eng obro‘li faqihga tegishli bo‘lishi kerak, chunki bu zamonaviy boshqaruv shakllari va shia siyosiy an’analarining uyg‘unlashtirilishini ta’minlaydi.

Joriy etilayotgan “veloyate faqih” tamoyilining asosiy institutsional yangiligi Eron davlat iyerarxiyasida oliy vakolatlarga ega bo‘lgan Oliy rahbar lavozimining ta’sis etilishi bo‘ldi. Ushbu institutni konstitutsiyada ifodalash jarayonidagi asosiy munozaralar teokratik boshqaruv tamoyilining legitimligi emas, balki Oliy rahbarning hokimiyat vakolatlarini belgilash borasida kechdi.

Ushbu konsepsiyani o‘rganishning ilmiy yangiligi va dolzarbligi uning ko‘p qirraliligi bilan bog‘liq. Bir tomondan, “veloyate faqih” XX asr oxiridagi an’anaviy shia teologiyasi elementlarini zamonaviy boshqaruv shakllari bilan uzviy bog‘langan o‘ziga xos siyosiy-huquqiy ta’limotdir. Boshqa tomondan, bu konsepsiya XXI asrda ham Eron ichida va tashqarisida qizg‘in bahs-munozaralar mavzui bo‘lib qolmoqdaki, bu hol ruhoniyatning davlat boshqaruvidagi roli turlicha talqin etilishi bilan bog‘liq. Shuningdek, ushbu konsepsiyaning genezisi, evolyutsiyasi va transformatsiyasini o‘rganish Eronning bugungi siyosiy tizimiga xos xususiyatlarni va qaror qabul qilish mexanizmlarini chuqur tahlil qilish imkonini beradi.

“Veloyate faqih” konsepsiyasi an’anaviy islom tamoyillari bilan davlat boshqaruvining zamonaviy konsepsiyalarini o‘zida birlashtirgan murakkab siyosiy-huquqiy ta’limotdir. Unda Oliy rahbar (faqih)ning oliy hokimiyat sohibi ekanligi haqidagi ta’limot nazariy jihatdan asoslab berilgan[90]. Ushbu konsepsiyaning asosiy

[89] روح‌الله خمینی .ولایت فقیه. حکومت اسلامی موسسه تنظیم و نشر آثار امام خمینی (ره).1383 – . ص.184.

[9090] قانون اساسی جمهوری اسلامی ایران.
(Eron Islom Respublikasi Konstitutsiyasi, 107-modda). [Elektron manba]. URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution. (murojaat sanasi: 30.01.2025).

elementlari diniy hokimiyatning legitimligi; ijtimoiy adolat ustuvorligi; sinfiy tabaqalanishga rad etilishi; qonun oldida barchaning tengligi; davlat boshqaruvi islom aqidalariga asoslanishi.

Oliy rahbarning konstitutsiyaviy mustahkamlangan vakolatlari keng qamrovli ekanligi bilan ifodalanadi. Bunda diniy yetakchining funksiyalari hokimiyatning barcha tarmoqlariga (qonun chiqaruvchi, ijro etuvchi va sud) ta’sir qiluvchi vakolatlari bilan birlashgan. Teokratik tizim samarali ishlashini ta’minlash uchun keng qamrovli institutsional tuzilma, jumladan, Ekspertlar kengashi (مجلس خبرگان), Konstitutsiyani qo‘riqlash kengashi (yoki Kuzatuv kengashi) (شورای نگهبان قانون اساسی), Maqsadga muvofiqlik kengashi (مجمع تشخیص مصلحت نظام) kabi asosiy idoralar tashkil etildi. Bu tizim zamonaviy davlatchilikning rasmiy atributlarini saqlab qolgan holda boshqaruvning teokratik tamoyilini ta’minlaydi.

Ekspertlar kengashi Eron davlat boshqaruvi tizimida o‘ziga xos mavqega ega. Oliy rahbarni saylash, faoliyatini nazorat qilish va lavozimidan chetlashtirish vakolatiga ega bo‘lgan yagona davlat organi hisoblanadi. Tashkiliy jihatdan bu organ mamlakat Oliy rahbarining faoliyatini nazorat qiluvchi kollegial tuzilma sifatida faoliyat yuritadi.

Ekspertlar kengashi bir va ko‘p mandatli saylov okruglari bo‘yicha umumiy va to‘g‘ridan-to‘g‘ri saylovlar o‘tkazish orqali tashkil etiladi. Tarixan belgilangan sakkiz yillik vakolat muddati o‘n yilga uzaytirilgach, bu hol saylov siklida ham o‘z aksini topdi: 1982, 1990, 1998, 2006, 2014-yillardagi saylovlardan so‘ng 2024-yil 1-martda o‘tkazildi.

Kengashning kadrlar tarkibi xususiyati shundaki, unda ruhoniyat elitasi vakillarining nufuzi ustunlik qiladi. Liberal doiralarning namoyandalar safini ruhoniyat vakillaridan bo‘lmagan nomzodlar bilan kengaytirishga urinishlar tizimli ravishda Kuzatuv kengashi tomonidan muntazam ravishda to‘sqinlik qilinmoqda. 2024-yilda o‘tkazilgan oxirgi saylovlar statistikasi nomzodlarni tanlash jarayonini yaqqol namoyon etadi. Jumladan, 88 ta o‘rin uchun ro‘yxatga olingan 510 nomzoddan faqatgina 144 nafari Kuzatuv kengashi tomonidan ma‘qullangan[91].

So‘nggi yillarda Ekspertlar kengashining ilgari juda maxfiy bo‘lgan faoliyatida shaffoflik elementlari kuchayib borayotgani kuzatilmoqda. Kengash kotibiyati qoshida faoliyat yuritayotgan Islom tafakkuri va islom hokimiyatini o‘rganish markazi “Habregon” jurnalini nashr etib, o‘zining axborot platformasi orqali Oliy rahbar, hukumat va parlament (Majlis) bilan muntazam hamkorlik qiladi.

[91] ایج نهایی ششمین دوره مجلس خبرگان رهبری+جدول آرا .
(Ekspertlar kengashiga oltinchi saylovlarining yakuniy natijalari + ovoz berish jadvali) [Elektron manba] URL:https://www.isna.ir/news/1402121208085. (murojaat sanasi: 12.04.2024).

2024-yilda bo‘lib o‘tgan Ekspertlar kengashiga saylovda konservativ siyosiy spektrning ustunligi namoyon bo‘ldi.

Ekspertlar kengashi Eron davlat boshqaruvi tizimidagi o‘ziga xos institutsional hodisa bo‘lib, ikki xil ahamiyatga egaligi bilan ajralib turadi. Bir tomondan, bu organ mamlakat Oliy rahbarini saylash va faoliyatini nazorat qilish, shu jumladan, amaldagi oliy rahbar Ali Xomanaiy vafotidan keyin uning o‘rniga tayinlanadigan shaxsni aniqlash masalalarida mutlaq vakolatlarga ega. Boshqa tomondan, ushbu jiddiy shart-sharoitlarda uning siyosiy jarayonlarga ta’siri nisbatan cheklangan.

Ekspertlar kengashining kelib chiqishi hozirgi Eron siyosiy tizimi uchun asos bo‘lgan “veloyate faqih” ta’limoti bilan uzviy bog‘liq. Aslida, bu organ Eron Konstitutsiyasini yaratish uchun tashkil etilgan, ammo institutsional rivojlanish jarayonida u o‘ziga xos vakolatlarga ega bo‘ldi. Kengashning o‘ziga xos jihati bo‘lgan faqat ruhoniylardan tashkil topganligi Eron davlatchiligining teokratik mohiyatini o‘zida aks ettiradi.

Ekspertlar kengashi ixtisoslashgan saylov hay’ati bo‘lib, uning asosiy vazifasi ikkita muhim funksiyaga jamlangan: amaldagi Oliy rahbarning faoliyatini nazorat qilish hamda ushbu lavozimga boshqa nomzodni tayinlash zarurati tug‘ilganida oliy diniy hokimiyatning vorisiyligini ta’minlash[92].

Xulosa o‘rnida qayd etish joizki, “Veloyate faqih” konsepsiyasi an’anaviy shia doktrinasi zamonaviy teokratik boshqaruv modeliga transformatsiyasini o‘zida namoyon etadi. Bunda respublika davlat boshqaruv institutlari ruhoniyat bilan uyg‘unlashuvi qayd etiladi. Uning Eron siyosiy tizimidagi institutsionallashuvi diniy-huquqiy konsepsiya zamonaviy davlat boshqaruvi talablariga moslashtirilayotganini ko‘rish mumkin.

Ruhulloh Xumayniy yetakchiligidagi Rahbar instituti Ali Xomanaiy davrida davlat teokratik modeli siyosiy voqelikka pragmatik moslashib, Oliy rahbarning diniy malakasiga qo‘yiladigan talablar susaygani, siyosiy-ma’muriy vakolatlarining kuchaygani bilan xarakterlanadi. Eron siyosiy tizimida hokimiyatning ikki teologik (yashirin imom konsepsiyasi) va siyosiy (umumxalq saylovlari) legitimlikka ega. Bunda diniy legitimlik konstitutsiyaviy-huquqiy normalardan ustunligi kuzatiladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. کارکرد ولایت فقیه در نظام جمهوری اسلامی: نظام سازی، طرح و تثبیت ولایت فقیه. موسسه فرهنگی هنری قدر ولایت 1398.– ص. 720.

[92] Shevlin N. Velayat-e faqih in the constitution of Iran: The implementation of theocracy // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law, 1998. Vol. 1, no 2, – P. 359.

2. روح‌الله خمینی .ولایت فقیه. حکومت اسلامی موسسه تنظیم و نشر آثار امام خمینی (ره).1383 – . ص.184.

3. قانون اساسی جمهوری اسلامی ایران.
(Eron Islom Respublikasi Konstitutsiyasi, 107-modda). [Elektron manba]. URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution. (murojaat sanasi: 30.01.2025).

4. ایج نهایی ششمین دوره مجلس خبرگان رهبری+جدول آرا .
(Ekspertlar kengashiga oltinchi saylovlarining yakuniy natijalari + ovoz berish jadvali) [Elektron manba] URL:https://www.isna.ir/news/1402121208085. (murojaat sanasi: 12.04.2024).

5. Shevlin N. Velayat-e faqih in the constitution of Iran: The implementation of theocracy // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law, 1998. Vol. 1, no 2, – P. 359.

6. Farhi F. The Assembly of Experts // Iran Today: An Encyclopedia of Life in the Islamic Republic, 2014. № 2, – P. 50.

7. Ghiabi M. The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond // Middle Eastern Studies, Vol. 55, 5, 2019, – P. 837-853.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ТУРКИЯДА САЛЖУҚИЙЛАР ДАВРИ ТАРИХИГА ОИД ТАДҚИҚОТЛАР (1920-1970 йиллар)

Qodirov Zikrilloxon Musaxonovich

Аннотация

Туркияда Салжуқийлар тарихига оид тадқиқотлар Республика даврининг илк йилларида бошланган. Бу маънода биринчи иш сифатида 1925-йилда Меҳмет Шарафиддин томонидан нашр этилган “Салжуқийлар даврида мазҳаблар” номли мақолани қабул қилиш мумкин. Биринчи кенг қамровли тадқиқот эса Мукримин Халил Йинанч томонидан 1944-йилда “Туркия тарихи: Салжуқийлар даври I – Анадолининг фатҳи” номи билан нашр этилган асар ҳисобланади. Шу даврда Меҳмет Алтай Кўймен 1946-йилда ўзининг илк нашрини амалга оширган.

Кейинги босқичда Иброҳим Кафесоғлу 1950-йилларда кетма-кет бир китоб (“Султон Маликшоҳ даврида Буюк Салжуқийлар империяси”) ва икки мақола нашр қилган. У Усмон Турон билан келишмовчиликларга дуч келган бўлса-да, Кафесоғлунинг “Ислом энциклопедияси”да чоп этилган “Салжуқийлар” мақоласи ҳам ушбу соҳада катта аҳамиятга эга ҳисобланади.

Буюк Салжуқийлар тарихи бўйича энг кенг қамровли тадқиқот, шу билан бирга илк фундаментал иш сифатида Усмон Туроннинг 1965-йилда нашр этилган “Салжуқийлар тарихи ва турк-ислом маданияти” асари ҳисобланади. У мазмун ва методология жиҳатидан энг муҳим ишлардан бири бўлиб, ҳозиргача ҳам бу соҳанинг асосий манбаларидан бири сифатида қабул қилинади.

1960-йилларда Али Севим тадқиқотларини бошлаб, 2013-йилда вафотига қадар кўплаб асарлар яратган. 1970-йиллардан бошлаб эса Эрдоған Мерчил ва Жўшкун Алптекиннинг ишлари нашр этила бошлаган. Ҳозирги кундаги Салжуқийлар тарихи бўйича тадқиқотлар эса юқорида зикр этилган олимларнинг шогирдлари ва уларнинг шогирдлари орқали давом эттирилмоқда.

Таянч сўзлар: *Салжуқийлар, Салжуқийлар тадқиқотлари, Усмон Турон, Йинанч, Кўймен.*

Туркияда Салжуқийлар тарихи тадқиқотлари Республика даврининг илк йилларида бошланган. Бу соҳадаги дастлабки тадқиқот сифатида Меҳмет

Шарафиддин (Ялткая) [93] томонидан ёзилган “Салжуқийлар даврида мазҳаблар”[94] номли мақолани қабул қилиш мумкин. Илк тадқиқотдан кейин анча узоқ муддат давом этган танаффус кузатилган ва бу даврни якунлаган шахс М. Фуад Кўпрюлю бўлган. Салжуқийлар тарихи соҳасида Республикагача ҳам асарлари мавжуд бўлган Кўпрюлюнинг “Анатолия Салжуқийлари тарихининг маҳаллий манбалари” [95] номли мақоласи уни тўғридан-тўғри бу соҳага йўналтирмаган бўлса-да, унинг шогирди Усмон Туронни Салжуқийлар тарихи бўйича тадқиқот олиб боришга ундаган.

Илк даврларда кўпроқ мақола шаклида олиб борилган ишлар кейинчалик кенг кўламли асарларга айланган ва Мукримин Халил Йинанч[96] 1944-йилда “Туркия тарихи: Салжуқийлар даври I – Анатолиянинг фатҳи” [97] номли китобини нашр этган. Йинанчнинг ушбу асари ҳам биринчи бўлгани, ҳам сиёсий тарих билан бир қаторда Салжуқийларнинг Анатолиядаги фаолияти ҳақида берган маълумотлари сабабли катта бир бўшлиқни тўлдирган. Бу қадар муҳим бошланиш қилгани ва китоб номига “I” белгисини қўйганига қарамасдан, Йинанчнинг кейинги ишлари орасида Салжуқийлар тарихи, афсуски, жуда катта ҳажмга ета олмаган. Шунга қарамай, юқорида зикр этилган асари ҳанузгача тадқиқотчилар мурожаат қиладиган муҳим манбалардан бири бўлиб қолмоқда.

Мавзу бўйича олиб борилган тадқиқотлар нашр йиллари асосида кўриб чиқилганда, Мукримин Халил Йинанчдан кейин Меҳмет Алтай Кўйменнинг[98] ишлари бошлангани кўринади. Кўймен Фуад Кўпрюлю раҳбарлигида Муҳаммад ибн Иброҳимнинг “Тарих-и Салжуқиён-и Кирмон” номли диссертацияси билан 1943-йилда докторлик унвонини олган. Унинг Салжуқийлар тарихи бўйича илк нашри докторлик диссертациясининг қисқача баёни ҳисобланган “Кирмон Салжуқийлари тарихи” [99] номли мақоладир. Бу ишини “Буюк Салжуқийлар империясида ўғузлар қўзғолони (1153)”[100] ва “Нумизматик маълумотларга кўра Буюк Салжуқийлар султони

[93] Қаранг. İsmail Kara, “Yaltkaya, Mehmet Şerefettin”, Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi (DİA), XLIII.
[94] Mehmed Şerefeddîn (Yaltkaya), “Selçukîler Devrinde Mezâhib”, İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası, sayı: 1, (1925).
[95] Mehmed Fuad Köprülü, “Anadolu Selçukluları Tarihinin Yerli Kaynakları”, Belleten, sayı: 27, (1943).
[96] Қаранг. Fahameddin Başar, “Yinanç, Mükrimin Halil”, DİA, XLIII.
[97] Mükrimin Halil Yinanç, Türkiye Tarihi Selçuklular Devri I Anadolu’nun Fethi, İstanbul 1944.
[98] Қаранг. Feda Şamil Arık, “Köymen, Mehmet Altay”, DİA, XXVI.
[99] Mehmet Altay Köymen, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, sayı: 2, (1943).
[100] Mehmet Altay Köymen, “Büyük Selçuklu İmparatorluğunda Oğuz İsyanı (1153)”, Ankara Ünv., D. T. C. F. D., sayı: 1, (1947).

Санжар билан Ироқ Салжуқийлар давлати ҳукмдори Маҳмуд ўртасидаги вассаллик муносабатлари”[101] номли мақолалар давом эттирган.

“Атабату’л-катаба” нашр этилгандан сўнг ёзган “Буюк Салжуқийлар империяси даврига оид иншолар тўпламлари, Атабату’л-катабанинг нашри муносабати билан”[102] номли мақоласи ҳам унинг муҳим ишлари қаторига киради. Бу мақолалар кейинчалик амалга ошириладиган тадқиқотлар учун муҳим асос бўлган ва Меҳмет Алтай Кўймен Салжуқийлар тарихшунослигининг муҳим устунларидан бири ҳисобланади. Шу билан бирга, Меҳмет Алтай Кўйменни алоҳида ўрингa қўйишимизга сабаблардан бири унинг ёзган китобларидир. Унинг Салжуқийлар давлатининг ташкил топиши, Тўғрул Бек, Султон Алп Арслон ва Санжар даврларини ёритган асарлари ҳанузгача соҳа тадқиқотчилари учун биринчи мурожаат манбалари қаторида туради.[103]

1950-йилларда Салжуқийлар тарихи соҳасида Истанбул ва Анқара ўртасидаги рақобатнинг асослари ҳам қўйилган. Жумладан, Иброҳим Кафесоғлунинг[104] Мукримин Халил Йинанч раҳбарлигида тайёрлаган Султон Маликшоҳ монографияси бу соҳага янги бир тадқиқотчининг қўшилганини англатар эди. Бу диссертация кейинчалик “Буюк Салжуқийлар империясида Султон Маликшоҳ даври”[105] номи билан нашр этилади ва юқорида тилга олинган рақобатнинг муҳим далилларидан бирига айланади.

Кафесоғлунинг Салжуқийлар тарихшунослиги учун муҳим бўлган ушбу ишидан сўнг нашр этган икки мақоласи ҳам ҳануз аҳамиятини сақлаб қолган. Булар “Шарқий Анатолияга илк Салжуқий юриши (1015–1021) ва унинг тарихий аҳамияти”[106] ҳамда “Салжуқнинг ўғиллари ва набиралари”[107] номли тадқиқотлардир. Иброҳим Кафесоғлунинг яна бир муҳим иши эса юқорида айтилган рақобатга сабаб бўлган “Салжуқийлар” номли мақола бўлиб, у

[101] Mehmet Altay Köymen, “Meskûkâta Göre Büyük Selçuklu İmparatoru Sancar’la Irak Selçuklu Devleti Hükümdarı Mahmud’un Vasallık Münasebetleri”, 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Togan’a Armağan (Symbolae In Honorem Z. V. Togan), İstanbul 1950-1955.
[102] “Büyük Selçuklu İmparatorluğu Devrine Âit Münşeat Mecmuaları, Atebetü’l-Ketebe’nin Neşri Münasebetiyle”, Ankara Ünv. D. T. C. F. D., sayı: 4, (1951).
[103] Mehmet Altay Köymen, sonraki yıllarda bu dönem hakkında Selçuklu Devri Türk Tarihi (Ankara 1963), Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi, II. İkinci İmparatorluk Devri (Ankara 1954), üç fasikül halinde Alp Arslan ve Zamanı (Ankara 1972, 1983, 1992), Tuğrul Bey ve Zamanı (Ankara 1976) ve Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi, c. I, Kuruluş Devri (Ankara 1989) adlı çalışmaları yapmış, Tuğrul Bey ve Zamanı haricinde hepsi Türk Tarih Kurumu tarafından farklı yıllarda tekrar tekrar basılmıştır.
[104] Қаранг. Abdülkadir Donuk, “Kafesoğlu, Halil İbrahim”, DİA, XXIV.
[105] İbrahim Kafesoğlu, Sultan Melikşah Devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu, İstanbul 1953.
[106] İbrahim Kafesoğlu, “Doğu Anadolu’ya İlk Selçuklu Akını (1015-1021) ve Tarihî Ehemmiyeti”, Fuad Köprülü Armağanı, İstanbul 1953.
[107] İbrahim Kafesoğlu, “Selçuk’un Oğulları ve Torunları”, İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası, sayı: 13, (1958).

“Ислом энциклопедияси”да нашр этилган. Маликшоҳ ҳақидаги ишидан кейин Меҳмет Алтай Кўйменнинг[108] танқидлари, шунингдек, ушбу мақола нашридан кейин Усмон Турон томонидан ёзилган[109] икки алоҳида танқид мавжуд. Бу танқидлар ва уларга Кафесоғлунинг жавоблари Истанбул–Анқара рақобатининг энг юқори нуқтаси сифатида баҳоланиши мумкин. Эҳтимол, айнан шу рақобат сабабли Иброҳим Кафесоғлунинг Салжуқийлар тарихи бўйича тадқиқотлардан воз кечиб, Умумий турк тарихи соҳасига ўтиши бу йўналиш учун катта йўқотиш бўлган.

Турк тарихшунослигининг энг йирик шахсларидан бири бўлган Меҳмет Фуад Кўпрюлю[110] Салжуқийлар соҳасида чуқур тадқиқотлар олиб бормаган. Республика давридан олдин ёзган бир ишидан кейин у “Анатолия Салжуқийлари тарихининг маҳаллий манбалари”[111] номли мақоласи билан Салжуқийлар тарихига ҳисса қўшган. Ушбу мақоласида Туркия Салжуқийлари ҳақида умумий манба таҳлилини амалга ошириб, бошқа тадқиқотчилар учун ҳам йўл очган. Бу соҳадаги энг катта ҳиссаси эса Усмон Турон [112] каби тадқиқотчини Салжуқийлар тарихи йўналишига йўналтирганидир.

Усмон Туроннинг мавзуимизга оид илк муҳим асари “Туркия Салжуқийлар давлати ҳақидаги расмий ҳужжатлар”[113] номли тадқиқотидир. Шу билан бирга ҳам Анқара мактаби вакили Усмон Турон, ҳам Салжуқийлар тарихи нуқтаи назаридан 1965-йил муҳим бурилиш нуқтаси ҳисобланади. Чунки айнан шу йилда Буюк Салжуқийлар ҳақида илк мустақил китоб нашр этилган. Аслида, “Салжуқийлар тарихи ва турк-ислом маданияти”[114] номли бу китоб “Ислом энциклопедияси”даги “Салжуқийлар” қисми сифатида тайёрланган ва топширилган.

Бироқ ушбу асар таҳрир ҳайъати томонидан жуда узун деб топилган, ҳозирги ҳолатида нашр этиб бўлмаслиги ва қисқартирилиши талаб қилинган. Усмон Турон эса бу талабни рад этган. Шу сабабли бу қисмни ёзиш Иброҳим Кафесоғлуга топширилган. Кейинчалик Усмон Туроннинг “Бу қисм биздан олиниб қайта ёзилган” деган танқидлари Иброҳим Кафесоғлу билан ўртасида кескин баҳс ва зиддиятларга сабаб бўлган.

[108] Mehmet Altay Köymen, “Selçuklu Devri Türk Araştırmaları, I: Büyük Selçuklu İmparatoru Melikşah Devrine Dair Bir Eser Münasebetiyle”, Belleten, sayı: 68, (1953).
[109] Osman Turan, “Selçuklular Hakkında Yeni Bir Neşir Münasebetiyle”, Belleten, sayı: 116, (1965).
[110] Қаранг. Ömer Faruk Akün, “Mehmet Fuad Köprülü”, DİA, XXVIII.
[111] Mehmed Fuad Köprülü, “Anadolu Selçukluları Tarihinin Yerli Kaynakları”, Belleten, sayı: 27, (1943).
[112] Қаранг. Salim Koca, “Turan, Osman”, DİA, XLI.
[113] Osman Turan, Türkiye Selçuklu Devleti Hakkındaki Resmî Vesikalar, Ankara 1958.
[114] Osman Turan, Selçuklular Tarihi ve Türk-İslâm Medeniyeti, Ankara 1965.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Усмон Турон кейинчалик Малазгирт ғалабасининг 900 йиллиги муносабати билан “Салжуқийлар даврида Туркия”[115] номли асарини нашр этган. Бу асар ҳозирги кунгача Туркия Салжуқийлар тарихи бўйича нашр этилган энг кенг қамровли тадқиқот сифатида ўз аҳамиятини сақлаб келмоқда.

Шу йилнинг ўзида у “Салжуқийлар ва исломият”[116] номли, тўққиз хил мавзу ҳақида маълумот берувчи асардан сўнг, Буюк Салжуқийлар доирасида Анатолиянинг турклашув жараёнини бошлаган бейликлар ҳақида “Шарқий Анатолия турк давлатлари тарихи”[117] номли жуда қимматли бир тадқиқотни ҳам ёзган. Ушбу ишлари орқали Усмон Турон Салжуқийлар тарихи тадқиқотларига чуқур таъсир кўрсатган ва ҳануз муҳим тадқиқотчи сифатида ўз аҳамиятини сақлаб қолмоқда.

Деярли шу даврларда Салжуқийлар тарихи бўйича тадқиқотларга киришган яна бир муҳим олим Али Севим [118] бўлган. 1958-йилда “Ортиқўғиллари тарихи” номли диссертацияси билан докторлик унвонини олган Али Севим, бу даврда тўғридан-тўғри ёки билвосита Салжуқийлар билан боғлиқ тадқиқотлар олиб борган. “Султон Маликшоҳ даврида Аҳса ва Баҳрайн карматийларига қарши Салжуқийлар юриши” [119] ҳамда “Жимри воқеаси ҳақида бир неча изоҳ”[120] номли мақолалари илк босқич учун муҳим ҳисобланади.

1964-йилда “Сурияниng Салжуқийлар томонидан фатҳ этилиши” номли иши билан доцент унвонини олган Али Севимнинг ушбу тадқиқоти кейинчалик “Сурия Салжуқийлари”[121] номи билан нашр этилган.[122] Унинг тегишли асарлари ҳозиргача соҳадаги тадқиқотчилар учун муҳим ва ажралмас манбалар бўлиб қолмоқда.

Олдинги қайдда кўплаб асарларини келтирганимиз Али Севимнинг Салжуқийлар тарихи соҳасига энг катта ҳиссаси манбаларни нашр этиш ва таржима қилиш соҳасида бўлган. Али Севим Сибт Ибнул-Жавзийнинг

[115] Osman Turan, Selçuklular Zamanında Türkiye, İstanbul 1971.
[116] Osman Turan, Selçuklular ve İslâmiyet, İstanbul 1971.
[117] Osman Turan, Doğu Anadolu Türk Devletleri Tarihi, İstanbul 1973.
[118] Қаранг. İlhan Erdem, “Sevim, Ali”, DİA, Ek II.
[119] Ali Sevim, “Sultan Melikşah Devrinde Ahsa ve Bahreyn Karmatîlerine Karşı Selçuklu Seferi”, Belleten, sayı: 94, (1960).
[120] Ali Sevim, “Cimri Olayı Hakkında Birkaç Not”, Belleten, sayı: 97, (1961).
[121] Ali Sevim, Suriye Selçukluları I-II, Ankara 1965-1985/Suriye ve Filistin Selçukluları Tarihi, TTKY, Ankara 1983.
[122] Али Севим томонидан ёзилган бошқа асарлар эса қуйидагилардан иборат: Malazgirt Meydan Savaşı, Ankara 1971; Genel Çizgileriyle Selçuklu-Ermeni İlişkileri, Ankara 1983; Anadolu’nun Fethi Selçuklular Dönemi, Başlangıçtan 1086 Sonuna Kadar, Ankara 1988; Yaşar Yücel ile birlikte Türkiye Tarihi I-IV, Ankara 1989-1992, 1995); Ünlü Selçuklu Komutanları: Afşin, Atsız, Artuk ve Aksungur, Ankara 1990; Anadolu Fatihi Kutalmışoğlu Süleymanşah, Ankara 1990; Erdoğan Merçil ile birlikte Selçuklu Devletleri Tarihi: Siyaset, Teşkilât ve Kültür, Ankara 1995.

“Миръату’з-замон фи тарихил-аъйан” асарини нашр қилган, кейинчалик турли даврларда ушбу асардан Салжуқийларга оид қисмларни таржима қилиб мақолалар кўринишида эълон қилган. Бу мақолалар кейинчалик бир жойга тўпланиб қайта нашр этилган, энг охирида эса Туркия Тарих Қурими (ТТК) томонидан китоб шаклида чоп этилган.[123]

Ибнул-Жавзийнинг “ал-Мунтазам фи тарихил-мулук вал-умам” номли асаридан ҳам худди шу тарзда таржималар қилган Али Севимнинг ишлари энг охирида ТТК томонидан китоб ҳолатида нашр этилган.[124]

Али Севимнинг бошқа таржималари қуйидагилардан иборат: Ибнул-Адимнинг “Буғйат ат-талаб фи тарихи Ҳалаб: Салжуқийлар билан боғлиқ биографиялар”, Анқара 1976; “Буғйат ат-талаб фи тарихи Ҳалаб, биографиялар орқали Салжуқийлар тарихи (танловлар)”, таржима, изоҳ ва тушунтиришлар Али Севим, TTKY, Анқара 1982; Фаруқ Сумер билан биргаликда “Ислом манбаларига кўра Малазгирт жангги”, Анқара 1971; “Азимий тарихи (Салжуқийлар даврига оид қисмлар: ҳижрий 430–538)”, матн, таржима, изоҳ ва тушунтиришлар А. Севим, TTKY, Анқара 1988; ҳамда Ибнул-Адимнинг “Зубдатул-Ҳалаб мин тарихи Ҳалаб” асаридан танловлар, таржима ва баҳолаш Али Севим, TTKY, Анқара 2014.

Али Севимнинг Салжуқийлар тарихи соҳасига қўшган ҳиссаси жуда юқори даражада амалга ошгани кўринади.

Али Севим билан бир йилда Анатолия Салжуқий султонларидан Ғиёсуддин Кейхусрав II ва унинг даври[125] номли докторлик диссертациясини тамомлаган Нежат Каймаз ҳам Анқара мактабининг яна бир вакили сифатида бу соҳага кириб келган. Салжуқийлар тарихи бўйича унинг илк мақоласи 1964- йилда нашр этилган. Каймазнинг докторлик диссертацияси эса фақат 2009- йилда чоп этилган, доцентлик иши сифатида ёзилган “Парвона Муинуддин Сулаймон”[126] номли асари эса 1970-йилда нашр қилинган. Унинг яна бир муҳим асари 1964-йилда мақола сифатида эълон қилинган “Анатолия Салжуқийларининг инқирозида маъмурий механизмнинг роли” [127] номли тадқиқотидир. У Усмон Турондан кейин Туркия Салжуқийлар тарихи соҳасига кирган илк шахслардан бири ҳисобланади. Шу билан бирга,

[123] Sıbt İbnü’l-Cevzî, Mirâtü’z-zamân fî tarihi’l-ayân’da Selçuklular, çev. Ali Sevim, TTKY, Ankara 2011. Энг тартибли ва мукаммал иш бўлгани сабабли фақат шу нашр тилга олинди.
[124] İbnü’l-Cevzî, el-Muntazam fî tarihi’l-mülûk ve’l-ümem, Seçme, tercüme ve değerlendirme Ali Sevim, TTKY, Ankara 2014
[125] Nejat Kaymaz, Anadolu Selçuklu Sultanlarından II. Gıyasü'd-din Keyhüsrev ve Devri, TTKY, Ankara 2009.
[126] Nejat Kaymaz, Pervane Muinü’d-din Süleyman, Ankara 1970.
[127] Nejat Kaymaz, Anadolu Selçuklularının İnhitatında İdari Mekanizmasının Rolü, TTKY, Ankara 2011; Tarih Araştırmaları Dergisi, sayı: 2, (1964).

Салжуқийлар тарихи ишларини кейинчалик тўхтатиб, у кўпроқ яқин давр тарихи бўйича асарлар ёзишга ўтган.

Умуман олганда, Анқара марказли равишда давом этган Салжуқийлар тарихи тадқиқотларига 1959-йилда Истанбул университетида докторлик диссертациясини тамомлаган Мухаррам Камол Ўзергин [128] ҳам қўшилган. Ўзергиннинг “Анатолия Салжуқийлари даврида Анатолия йўллари” номли диссертацияси тарихий-география соҳасидаги илк кенг қамровли ишлардан бири ҳисобланади. Бироқ кейинчалик у Салжуқийлар тарихидан узоқ мавзуларга йўналгани учун бу соҳадаги ишлари чекланган қолган.

Унинг диссертацияси нашр этилмаган, лекин “Анатолия Салжуқий карвонсаройлари” [129] ва “Салжуқий санъаткори наққош Абдулмўъмин ал-Хойий ҳақида”[130] номли мақолалари мавжуд. Ўзергиннинг айниқса ҳозиргача тўлиқ ўрганилмаган тарихий-география соҳасида иш олиб бориш имконияти бўла туриб бошқа йўналишларга ўтиб кетиши Салжуқийлар тарихшунослиги учун катта йўқотиш бўлган.

Яна шу даврларда мавзуимиз бўйича нашр қила бошлаган яна бир Анқара вакили Айдин Танери эди. Жуда кенг тадқиқот майдонида асарлар яратган Танерининг илк муҳим мақоласи “Мусомарату’л-Ахборнинг Туркия Салжуқийлар давлати тузилиши нуқтаи назаридан аҳамияти”[131] номини олади.

Бироқ унинг Салжуқийлар тарихига энг катта ҳиссаси эҳтимол “Буюк Салжуқийлар империясида вазирлик”[132] номли тадқиқоти бўлган. Аслида бу китоб ҳажмида бўлиши мумкин бўлган даражада кенг (111 саҳифа) ишдир. Ҳам мазмун, ҳам ҳажм жиҳатидан вазирлик мавзуси бўйича илк мурожаат манбалари қаторида ҳануз ўз аҳамиятини сақлаб келмоқда. Муаллифнинг яна бир асари “Туркия Салжуқийларининг маданий ҳаёти”[133] номли китобидир. Бироқ бу асар етарлича эътибор қозонмаган.

Мухаррам Камол Ўзергиндан кейин Истанбул университети доирасидаги иккинчи Салжуқийлар тарихи тадқиқотчиси Фикрет Ишилтан раҳбарлигида 1969-йилда “Аҳмад ибн Маҳмуднинг Салжуқнома асарининг манбаларини аниқлаш” номли диссертациясини ҳимоя қилган Эрдоған Мерчил бўлган. У Салжуқийлар тарихи соҳасида ишини давом эттиришни истагани учун

[128] Қаранг. Selçuk Mülayim, “Özergin, Muammer Kemal”, DİA, Ek II.
[129] Muammer Kemal Özergin, “Anadolu Selçuklu Kervansarayları”, Tarih Dergisi, sayı: 20, (1965).
[130] Muammer Kemal Özergin, “Selçuklu Sanatçısı Nakkaş Abdülmü’min el-Hoyî Hakkında”, Belleten, sayı: 134, (1970).
[131] Aydın Taneri, “Müsâmeretü’l-Ahbâr’ın Türkiye Selçukluları Devlet Teşkilatı Bakımından Değeri”, Tarih Araştırmaları Dergisi, sayı: 6-7, (1966).
[132] Aydın Taneri, “Büyük Selçuklu İmparatorluğu’nda Vezirlik”, Tarih Araştırmaları Dergisi, sayı: 8-9, (1970).
[133] Aydın Taneri, Türkiye Selçukluları Kültür Hayatı, Konya 1977.

доцентлик диссертацияси сифатида ҳам Салжуқийлар билан боғлиқ мавзуни танлаган, аммо бу соҳага оид икки муҳим устоздан (Меҳмет Алтай Кўймен, Усмон Турон) ҳадиксирагани сабабли кам ўрганилган Салғурийлар ва Ғазнавийлар соҳаларига йўналган.

Шу билан бирга у Салжуқийлар ҳақида мақолалар нашр қилишни ҳам давом эттирган. Унинг мақолалари одатда жуда кам ўрганилган, ҳатто умуман ўрганилиши режалаштирилмаган кенг соҳалар ва мавзуларга бағишланган.[134] Салжуқийлар йўналишига қайта қайтишига сабаб бўлган илк китобий асари 1980-йилда нашр этилган “Кирмон Салжуқийлари” номли ишидир. Бу санадан кейин у кўплаб асарлар ва мақолалар орқали Салжуқийлар тадқиқотларига катта ҳисса қўшган.[135] Ҳатто Турк-Ислом ўрта асрлари соҳасида олиб бориладиган ҳар қандай тадқиқотда унинг асарларига дуч келмаслик деярли мумкин эмас.

1971-йилда Заки Валиди Тўғон раҳбарлигида тайёрланган “XI асргача бўлган турк тарихида шаҳар” номли докторлик диссертациясини якунлаган Тунжер Байкара кейинги даврларда сиёсий мавзуларни[136] ҳам ўз ичига олган ҳолда, ўз тадқиқотларининг аксариятида Салжуқийлар ва бейликлар даври Анадолусидаги шаҳар тузилиши, шаҳар маданияти ва иқтисодиётини ўрганган.[137] Бундан ташқари, унинг тарихий-географияга оид ишлари[138] ҳам мавжуд. Умуман олганда, Байкара томонидан тақдим этилган асарлар турлича йўналишга мансуб бўлиб кўринса-да, у кўриб чиқилган мавзулар нуқтайи

[134] Турли журналларда чоп этилган Салжуқийларга оид мақолалар кейинчалик китоб шаклига келтирилган. Уларнинг янада қулай фойдаланиш мумкинлиги сабабли бу ерда фақат шу асар тилга олинди. Шунингдек, ушбу ишда мақолалар илк бор қайси журналларда нашр этилгани ҳақида ҳам маълумот топиш мумкин. “Anonim Bir Selçukname”; “Selçuklular Dönemi İle İlgili Türkiye’deki Kaynak ve Araştırmalar”; “Fars Meliki Selçuk-Şah’ın Hayatı ve Paraları”; Fars’taki Selçuklu Hâkimi Resultegin’in Bir Altın Sikkesi”; “Emir Savtegin”; “Türkiye Selçukluları Devrinde Türkçenin Resmi Dil Olmasını Kim Kabul Etti?”; “Selçuklular ve Türkçe”; “Selçuklular’da Rüşvet”; “Na’l-Baha ve Kullanılışına Dair Bazı Örnekler”, bkz. Selçuklular Makaleler, İstanbul 2011.

[135] Эрдоған Мерчилнинг бевосита Салжуқийлар тарихи ҳақида қаламга олган бошқа асарлари қуйидагилардан иборат: Ahmed b. Mahmûd, Selçuk-Nâme, I-II, haz. E. Merçil, İstanbul 1977; Kirman Selçukluları, İstanbul 1980; Müslüman-Türk Devletleri Tarihi, Ankara 1993; Ali Sevim ile birlikte Selçuklu Devletleri Tarihi, Ankara 1995; Türkiye Selçukluları’nda Meslekler, Ankara 2000; Büyük Selçuklu Devleti, Siyasi Tarih, Ankara 2005; Selçuklular’da Hükümdarlık Alâmetleri, Ankara 2007; Selçuklular’da Saraylar ve Saray Teşkilâtı, İstanbul 2011; Selçuklular Zamanında Dîvân Teşkilâtı (Merkez ve Eyalet Dîvânları), İstanbul 2015.

[136] I. Gıyaseddin Keyhusrev (1164 - 1211), Ankara 1997; “Konya ve Payitaht Oluşu”, Selçuklu Araştırmaları Dergisi, sayı: 5, (2016).

[137] Anadolu’nun Selçuklular Devrindeki İktisadi Sosyal Tarihi, İzmir 1990; Türkiye Selçuklularının Sosyal ve Ekonomik Tarihi, İstanbul 2004; “Selçuklu Kervansarayları Üzerine Notlar”, Tarih İncelemeleri Dergisi, sayı: 13/1, (1998).

[138] Selçuklular ve Beylikler Çağında Denizli, İstanbul 2007; “Honaz Şehri ve Selçuklu Devrindeki Önemi”, İslam Tetkikleri Dergisi, sayı: 7/3-4, (1979); “Yassıçemen Nerededir?”, Selçuklu Medeniyeti Araştırmaları Dergisi, sayı: 2, (2017).

назаридан соҳа учун муҳим ҳисса қўшган тадқиқотчилардан бири сифатида эътиборга лойиқдир.

Шунингдек, фаолият йўналиши ва ёзган асарлари жиҳатидан бошқачароқ ҳисобланиши мумкин бўлган яна бир тадқиқотчи Микоил Байрамдир. Микоил Байрам 1975-йилда “Шайх Насируддин Маҳмуд ал-Ҳойи (Аҳи Эвран)нинг ҳаёти, муҳити ва асарлари” мавзусидаги диссертацияси билан докторлик даражасини олган. У Салжуқийлар тарихидан ташқари ҳам асарлар ёзган бўлса-да, айниқса Салжуқийлар даври Туркиясининг ижтимоий, иқтисодий ва диний тузилиши ҳақида кўплаб мақолалар ва китоблар яратган. У Аҳилик (касб-ҳунар ташкилоти) бўйича тадқиқотлари билан алоҳида эътибор қозонган. [139] Бундан ташқари, Мавлоно Жалолиддин Румий ҳақидаги қарашлари ва унинг билан боғлиқ баҳолари кенг қизиқиш уйғотган, айрим доираларда эса танқидга ҳам учраган. Танлаган мавзулари жиҳатидан ўзига хосликка эга бўлган Микоил Байрамнинг Салжуқий тадқиқотларига ҳам катта ҳисса қўшгани кўринади.

1970-йилларга келганда бу соҳага янги тадқиқотчи сифатида Жўшкун Алптекин қўшилди. У 1972-йилда Лондон Университетида Салжуқийлар даврига оид бир мавзу бўйича, “The Reign of Zangi (521–541/1127–1146)” номли диссертацияси билан докторлик даражасини олди. 1978-йилда эса “Дамашқ Отабеклиги (Бурийлар)” номли тадқиқоти билан доцент унвонини қўлга киритди. Алптекин ўз соҳаси билан бир қаторда бевосита Салжуқийлар тарихи бўйича ҳам тадқиқотлар олиб борган. Унинг “Салжуқий тангалари” номли мақоласи ҳар бир тадқиқотчи учун муҳим манба сифатида алоҳида аҳамият касб этади.[140]

---

[139] Ahi Evren ve Ahi Teşkilatının Kuruluşu, Konya 1980; Fatma Bacı ve Bacıyan-ı Rum, Konya 1990; Şeyh Evhadü’d-Din Hamid el-Kirmani ve Evhadiyye Hareketi, Konya 2000; Tarihin Işığında Nasreddin Hoca ve Ahi Evren, Konya 2001; Türkiye Selçukluları Üzerine Araştırmalar, Konya 2003; Şeyh Evhadü’d-Din Hamid el-Kirmani’nin Menakıb-Namesi, Konya 2005; Sosyal ve Siyasi Boyutlarıyla Ahi Evren-Mevlana Mücadelesi, Konya 2005; Selçuklular Zamanında Konya’da Dini ve Fikri Hareketler, Konya 2007; Sadru‘d-Din-i Konevi (Hayatı, Çevresi ve Eserleri), Konya 2012; Hace Nasirü’d-din-i Tusi’nin İntihalciliği ve Ahi Evren Hace Nasirü’d-din ile İlgisi, Konya 2016; “Selçuklular Zamanında Anadolu’da Bazı Yöreler Arasındaki Farklı Kültürel Yapılanma ve Siyasî Boyutları”, Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi, sayı: 1, (1994); “Türkiye Selçukluları Döneminde Bilimsel Ortam ve Ahiliğin Doğuşuna Etkisi”, Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi, sayı: 10, (2001); “Türkiye Selçukluları Tarihi Hakkında Yeni Bir Kaynak”, Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi, sayı: 12, (2002); “Selçuklular Zamanında Danişmend İlinde İlmî ve Fikrî Faaliyetler”, Selçuklu Medeniyeti Araştırmaları Dergisi, sayı: 2, (2017); “Türkiye Selçuklularında Köy Teşkilâtı”, Selçuklu Araştırmaları Dergisi, sayı: 6, (2017).

[140] “Selçuklu Paraları”, Selçuklu Araştırmaları Dergisi, sayı: 3, (1971); “Zengî’nin Urfa’yı Fethi”, Atatürk Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Araştırma Dergisi, sayı: 24, (1986); “Selçuklu Devleti Askeri Teşkilatının Eyyûbî Devleti Askeri Teşkilatına Etkisi”, Belleten, sayı: 209, (1990); “Selçuklular Zamanında Harput”, Tarih İçinde Harput, Elazığ, 1992; “Selçuklular’da İnsânî Değerler ve Hukuk”, Türklerde İnsanî Değerler ve İnsan Hakları: Başlangıçtan Osmanlı Dönemine Kadar, İstanbul 1992; “Türkiye Selçukluları’nın Kestirdikleri Paralardan İlk Örnekler”, Hakkı Dursun Yıldız Armağanı, Ankara 1995.

Бундан ташқари, унинг Салжуқий тарихшунослигига қўшган энг муҳим ҳиссаларидан бири – етиштирган шогирдларидир. Қуйида улар ҳақида маълумот бериладиган бу тадқиқотчилар ҳозир ҳам соҳа бўйича илмий ишлар олиб бориш ва талаба тайёрлашни давом эттирмоқдалар. Афсуски, у энг самарали даврида вафот этгани сабабли унинг илмий фаолияти чекланган бўлиб қолган.

1978-йилда докторлик диссертациясини якунлаган яна бир тадқиқотчи Абдулхолиқ Меҳмет Чайдир. У “17 сентабр 1176 Майафариқин/Карамикбели ғалабаси”[141] номли диссертацияси билан Салжуқийлар тарихи бўйича илмий фаолиятини бошлаган. Кейинчалик эса “Султон Қилич Арслан II ва унинг даври”[142] номли асарини ёзган. Бироқ бу икки муҳим ишдан сўнг сиёсат ва яқин давр тадқиқотларига йўналганлиги сабабли унинг Салжуқийлар тарихи бўйича ишлари камайиб кетган.

Туркияда Салжуқийлар тарихи тадқиқотларининг шаклланиши ва ривожланиш босқичларини кенг қамровда таҳлил қилиш натижасида қуйидаги хулосаларни чиқариш мумкин:

Аввало, Салжуқийлар тарихи бўйича илмий изланишлар Республика даврининг дастлабки йилларида бошланган бўлса-да, илк босқичда улар асосан мақолалар шаклида ва чекланган доирада олиб борилган. Кейинчалик бу соҳадаги тадқиқотлар аста-секин кенгайиб, фундаментал асарлар яратилишига олиб келган.

Иккинчидан, Меҳмет Фуад Кўпрюлю, Меҳмет Алтай Кўймен, Усмон Турон, Иброҳим Кафесоғлу каби йирик олимлар Салжуқийлар тарихшунослигининг илмий асосларини яратиб берган. Улар нафақат мустақил тадқиқотлар олиб борган, балки кейинги авлод тадқиқотчиларининг шаклланишига ҳам катта таъсир кўрсатган.

Учинчидан, Анқара ва Истанбул илмий мактаблари ўртасидаги рақобат Салжуқийлар тарихи тадқиқотларининг ривожланишида муҳим омил бўлган. Бу рақобат янги ғоялар, танқидий ёндашувлар ва илмий изланишларнинг чуқурлашишига туртки берган.

Тўртинчидан, 1960–1990-йиллардан бошлаб соҳада тадқиқотчилар сони сезиларли даражада ошган ва мавзулар ҳам кенгайган. Сиёсий тарих билан бир қаторда ижтимоий, иқтисодий, маданий ва диний масалалар ҳам тадқиқот объектига айланган. Манбаларни нашр қилиш ва таржима қилиш ишлари ҳам жадаллашган.

[141] Anadolu’nun Türkleşmesinde Dönüm Noktası: Sultan II. Kılıç Arslan ve Karamıkbeli (Myriokefalon) Zaferi (17 Eylül 1176), Ankara 1984.
[142] II. Kılıç Arslan, Ankara 1987.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Бешинчидан, янги авлод тадқиқотчилари (айниқса 1980–2000-йиллардан кейин) турли йўналишларда – тарихий география, шаҳаршунослик, иқтисодий ҳаёт, диний институтлар, ҳатто тангашунослик каби соҳаларда изланишлар олиб бориб, Салжуқийлар тарихи тадқиқотларини янада бойитган.

Хулоса қилиб айтганда, Туркияда Салжуқийлар тарихи тадқиқотлари босқичма-босқич ривожланган бўлиб, илк даврдаги чекланган ишлардан тортиб, бугунги кунда кўп қиррали ва мукаммал илмий йўналишга айланган. Бу жараёнда йирик олимлар мероси, илмий мактаблар рақобати ва манбашунослик ишлари ҳал қилувчи аҳамият касб этган.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

“TOLIBON” TASHQI SIYOSATINING EVOLYUTSIYASIDA VORISIYLIK VA TRANSFORMATSION O‘ZGARISHLAR

Fayzullayev Aziz Husan o‘g‘li
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi katta o‘qituvchisi,
Tarix fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
E-mail: fayzullayevazizbek162@gmail.com
Tel: (90)118-80-50

Annotatsiya. *Maqolada “Tolibon” harakatining 1994-2001-yillardagi birinchi va 2021-yildan boshlangan ikkinchi davrlardagi tashqi siyosati qiyosiy tahlil qilinadi. Tadqiqot harakatning birinchi davrdagi izolatsionizm doktrinasidan ikkinchi davrdagi “selektiv pragmatizm” yondashuviga o‘tishi va shu transformatsiyaning mintaqaviy hamda global geosiyosiy o‘zgarishlar bilan o‘zaro bog‘liqligini ko‘rib chiqadi. O‘zbekiston bilan munosabatlar alohida e’tibor markazida bo‘lib, ular “Tolibon”ning Markaziy Osiyo siyosatidagi o‘zgarishlarni eng aniq tarzda namoyon etadi.*

Kalit so‘zlar: *“Tolibon”, tashqi siyosat, Afg‘oniston, Islom Amirligi, O‘zbekiston, Markaziy Osiyo, diplomatik tan olish, selektiv pragmatizm, Doha jarayoni, Qush-Tepa kanali, Trans-Afg‘on temir yo‘li, Tehrik-i “Tolibon” Pokiston, Termiz dialogi.*

KIRISH

Afg‘oniston tarixida “Tolibon” harakati hokimiyatga ikki marta keldi: 1996-yildan 2001-yilgacha birinchi davr va 2021-yil 15-avgustdan boshlangan ikkinchi davr. Bu ikki bosqich o‘rtasidagi yigirma yillik tarixiy oraliq nafaqat Afg‘onistonning ichki siyosiy manzarasini, balki butun jahon geosiyosiy tartibini ham tubdan o‘zgartirdi. Sovuq urush davri tugagandan keyingi bir qutbli dunyoning yemirilishi, AQShning Afg‘onistonga qo‘shin kiritishi, Xitoyning global yuksalishi va Rossiyaning tashqi siyosatida Yevroosiyo siyosatining qayta ko‘rib chiqilishi – bularning hammasi “Tolibon”ning ikkinchi bor hokimiyatga kelishi sodir bo‘lgan strukturaviy kontekstni shakllantirdi. Bu strukturaviy o‘zgarish doirasida “Tolibon” tashqi siyosatining qanday evolyutsiyaga uchragani nafaqat akademik qiziqish, balki amaliy strategik dolzarbligi kuchli bo‘lgan masala. Toshkent shu masalada Markaziy Osiyo davlatlari orasida eng faol va ayni paytda eng prinsipial “real siyosat” (realpolitik) yondashuvini namoyish qilayotgan poytaxt sifatida,

Afg‘oniston bilan munosabatlarni mafkuraviy yo‘l-yo‘rig‘idan emas, balki obyektiv strategik manfaatlardan kelib chiqib rivojlantirmoqda.

Rasmiy Toshkentning ushbu yondashuvi O‘zbekiston va Afg‘onistonni bog‘lab turgan 137 kilometrli umumiy chegara, Amudaryo havzasidagi suv resurslari taqsimoti, ikki marta quruqlikka mahkum (double-landlocked) davlat sifatida Toshkentning Hind okeani portlariga chiqish istagi, yangi chaqiriqlar fonida xavfsizlik va madaniy, lisoniy hamda diniy yaqinlik natijasida shakllangan. Shu bois “Tolibon” tashqi siyosatining evolyutsiyasi O‘zbekistonning milliy xavfsizligi va iqtisodiy istiqbollari uchun bevosita ahamiyatga ega bo‘lib qoladi.

Adabiyotlar tahlili va tadqiqot metodologiyasi

“Tolibon” tashqi siyosati bo‘yicha akademik adabiyotlar 1990-yillarning oxirida shakllangan, 2001-yildan keyin sezilarli ravishda kengaygan va 2021-yildan boshlab yangi bosqichga kirgan. So‘nggi yillardagi izlanishlar “Tolibon” 2.0 ni o‘zining ichki dinamikasi, tashqi-siyosiy strategiyasi va mintaqaviy oqibatlari nuqtai nazaridan tahlil qiladi. Jumladan Antonio Giustozzi 2019-yildagi “Urushdagi “Tolibon”: 2001–2018” nomli monografiyasidan keyin Birlashgan Qirollik Xizmatlari Instituti (Royal United Services Institute - RUSI) tarkibida “Tolibon”ning ISHID Xuroson bilan munosabatlari va harakatning ichki tarmoqlari haqida bir qator analitik ishlarni nashr etdi.

Tomas Ruttig (Afghanistan Analysts Network asoschilaridan biri) 2021-yildan keyin “Tolibon” ichidagi siyosiy guruhlarni, hukumat tarkibini va kunlik boshqaruvni mukammal tarzda hujjatlashtirmoqda. Uning va hammuallif olimlar tahlillari “Tolibon” 2.0 ni “monolit harakat” sifatida emas, balki turli ichki guruhlarning murakkab dinamikasi sifatida tushunishga yordam beradi. Amerikalik yosh tadqiqotchi Anand Gopalning “Tiriklar orasida yaxshi odam yo‘q: Amerika, “Tolibon” va urush afg‘onlar nigohi orqali” (No Good Men Among the Living – 2014) hamda 2022-2024 yillardagi The New Yorker maqolalari “Tolibon” ijtimoiy-tarixiy fenomenining ichki tomondan tushunchasini taqdim etadi.

Rus tilidagi akademik adabiyotda V. Ya. Belokrenitskiy Pokiston-Afg‘oniston munosabatlari bo‘yicha ko‘p yillik tadqiqotchi sifatida 2021-yildan keyingi “Tolibon” hukumatining ichki dinamikasi va mintaqaviy oqibatlarini Rossiya geopolitik nuqtai nazaridan tahlil qilmoqda. Markaziy Osiyo nuqtai nazaridan qaraganda, qozog‘istonlik tarixchi S. M. Akimbekovning ishlari, ayniqsa uning fundamental “Afg‘oniston tarixi” monografiyasi – mintaqa pozitsiyasidan tarixiy chuqurlikka ega tahlillar berishi bilan katta ahamiyatga ega. Tojikistonlik Sh.Sh.Rizoyon va M.F.G‘iyosov kabi olimlar esa bevosita “Tolibon”ning hokimiyatga qaytishi va uning Markaziy Osiyodagi xavfsizlik va barqarorlikka

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ta’siri haqida batafsil yozgan. O‘zbeksitonlik olimlardan Suhrob Bo‘ronov 2026-yilda “Tolibon”: Markaziy Osiyoda mintaqaviy xavsizlik istiqboli” nomli fundamental monografiyasi bilan O‘zbekistonda afg‘onshunoslikning tarkibiy yo‘nalishi sifatida “Tolibon”shunoslik”ni yangi bosqichga olib chiqdi deyishimiz mumkin. Unda mazkur harakatning tarixiy asoslari, uning hokimiyatga kelishida ichki va tashqi omillarning o‘rni chuqur tahlil qilingan[143].

Mazkur maqolada, “Tolibon 1.0” va “Tolibon 2.0” ning turli parametrlar bo‘yicha qiyoslanishi orqali tizimli qiyosiy tahlil, “Tolibon” tashqi siyosati shakllanishining bosqichma-bosqich kuzatilishi orqali muammoviy-xronologik tahlil va O‘zbekiston-Afg‘oniston munosabatlari hamda 2025-yilgi Pokiston-Afg‘oniston harbiy to‘qnashuvi misolida kompleks va fanlararo yondashuv kabi tadqiqot usullaridan foydalanilgan.

Asosiy qism

“Tolibon” harakati 1994-yil sentabrida Pokistonning Balujiston viloyatidagi Kvetta atrofidagi pushtun lagerlarida paydo bo‘ldi va Pokiston ichki ishlar vazirligi hamda harbiy razvedka (Inter-Services Intelligence - ISI) ning bevosita madadi ostida tezda kengaydi. 1996-yil sentabrida Kobul egallandi, 1998-yilda Mozori Sharif va shimoliy viloyatlar qo‘lga olindi, 2001-yilga kelib harakat Afg‘oniston hududining 90 foiziga yaqinini nazorat qildi. Ushbu tezkor g‘alabalarga qaramay “Tolibon” Islom Amirligini Pokiston, Saudiya Arabistoni va Birlashgan Arab Amirliklari rasman tan oldi xolos. Ushbu o‘rinda paradoksal holat Afg‘onistonning katta qismini boshqaruvchi rejim BMTdagi Afg‘oniston o‘rnini hech qachon qo‘lga kiritaolmadi va xalqaro maydonda “Tolibon” to‘liq izolyatsiya holatida qoldi[144].

Birinchi davrning tashqi siyosatini “izolatsionizm” sifatida belgilash standart bo‘lib qolgan, lekin bu xulosa harakatning ichki mantig‘ini to‘liq tushuntirmaydi. Aslida “Tolibon”ning birinchi davridagi xalqaro yakkalanishi ularning ichki

[143] Giustozzi A. The Taliban at War: 2001–2018. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 304 p. shuningdek qarang: Royal United Services Institute. Dr Antonio Giustozzi: research profile. URL: https://www.rusi.org/people/giustozzi; Afghanistan Analysts Network. Thematic dossiers and Taliban-era reports (2021–2025). URL: https://www.afghanistan-analysts.org/en/category/political-landscape/ (murojaat sanasi: 12.05.2026); shuningdek qarang: Ruttig T. The Taliban's Government Three Years On: An Initial Assessment. – Kabul: AAN, August 2024; Afghanistan Analysts Network. Thematic dossiers and Taliban-era reports (2021–2025). URL: https://www.afghanistan-analysts.org/en/category/political-landscape/ (murojaat sanasi: 12.05.2026); Gopal A. The Other Afghan Women // The New Yorker. – 13 September 2021. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2021/09/13/the-other-afghan-women; Belokrenitskiy V. Ya. Yujnaya Aziya: politiko-geograficheskoe izmerenie. – Moskva: IV RAN, 2022. – 256 s. Mualifning akademik profili va nashrlari ro'yxati: https://www.ivran.ru/research-team/belokrenitskiy-vyacheslav-yakovlevich; Акимбеков С.М. История Афганистана. – Алмати: Институт мировой экономики и политики при Фонде первого Призедента Республики Казахстан, 2015. – 832 с.; Ризоён Ш., Ш. Гиёсов М. Ф. Афганистан до и после возвращения Талибан. Монография. – Душанбе: Дониш, 2023. – 509 с.; Bo‘ronov S. Tolibon: Markaziy Osiyoda mintaqaviy xavsizlik istiqboli. – T.: Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, 2026. – 372 b.

[144] United Nations Security Council Resolution 1267 (1999) and subsequent resolutions on Afghanistan and the Taliban. – New York: UN, 1999–2025. https://unscr.com/en/resolutions/doc/1267/

siyosatidagi ba’zi omillardan kelib chiqdi va ularni alohida ko‘rib chiqish kerak. Bir tomondan *mafkuraviy manba* sifatida Pokiston shimoli-g‘arbiy hududidagi Deobandiy madrasalarining qattiq talqindagi diniy ta’limotlari va pushtun qabilaviy madaniyatining Pushtunvaliy kodeksidagi tashqi olamdan ehtiyot bo‘lishga moyilligi bo‘lsa, boshqa tomondan toliblarning ichki siyosatidagi ayollarga oliy ta’limni taqiqlashi, “aybdorlarga” o‘rta asrlarga xos turli xil tana azoblarining qo‘llanishi, sport, televideniye va musiqa kabi zamonaviy hayotning ajralmas qismlaridan chetlanishi o‘z-o‘zidan xalqaro hamjamiyatdan begonalashtirish instinktini keltirib chiqargan edi[145].

Bu ikki manba bir-birini kuchaytirib, mafkuraviy qattiqlik amaliyotda harakatga ko‘paroq xalqaro yakkalashtirishni keltirib chiqargan, yakkalashish esa o‘z navbatida rejim ichidagi Mulla Umar boshliq ortodoksal qanotning pozitsiyasini mustahkamlagan. Mashhur olim Stiv Kollning yozishicha, “Tolibon” birinchi davrida tashqi siyosat amalda ikki diplomatik kanal orqali olib borilgan. Birinchisi, Pokiston razvedkasi (ISI) orqali umumiy strategik koordinatsiya va ikkinchisi, Saudiya Arabistonining diniy-xayriya tarmoqlari orqali moliyaviy va mafkuraviy ta’minot yordamida. AQSh va boshqa G‘arb davlatlar bilan to‘g‘ridan-to‘g‘ri aloqalar deyarli yo‘q edi va asosan UNOCAL kompaniyasining trans-afg‘on gaz quvuri loyihasi atrofida amalga oshirildi (1996-1998)[146].

Markaziy Osiyo davlatlari orasida “Tolibon” 1.0 bilan qaysidir darajada amaliy aloqada bo‘lgan yagona davlat Turkmaniston edi va u ham asosan trans-afg‘on gaz tarmog‘i loyihasi bo‘lmish TAPIning strategik manfaatlari sababli edi. Turkman gazini Janubiy Osiyo mintaqasiga o‘tkazish Turkmaniston uchun ulkan bozorga darcha ochishi va kelajakdagi barqaror daromad manbayi uchun “Tolibon” bilan yaqin hamkorlik zarur edi[147]. 1990-yillarda O‘zbekiston, Tojikiston va boshqa qo‘shni davlatlar esa bevosita yoki bilvosita “Shimoliy Ittifoqni” (Shimoliy Alyans) qo‘llab-quvvatladilar va “Tolibon”ni mintaqaviy xavfsizlik uchun jiddiy xavf manbai sifatida idrok qildilar. Eron bilan munosabatlar 1998-yil avgustda Mozori Sharifda “Tolibon” kuchlari tomonidan sakkiz nafar eronlik diplomat va bir jurnalistning o‘ldirilishidan keyin chuqur inqirozga uchradi va hatto urush xavfini keltirib chiqardi[148].

[145] Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 121,153.

[146] Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. – New York: Penguin, 2004. – P. 267.

[147] Bo‘ronov S. Tolibon: Markaziy Osiyoda mintaqaviy xavsizlik istiqboli. – T.: Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, 2026. – B. 121.

[148] Kaur E. Evolution of Taliban's Foreign Policy: A Comparative Analysis of Taliban 1.0 & Taliban 2.0 // Mantraya Occasional Paper. – 2024. № 10. // URL: https://miss.org.in/evolution-of-talibans-foreign-policy-a-comparative-analysis-of-taliban-1-0-taliban-2-0/

1999-2001 yillarda “Tolibon” ichki dinamikasida bir necha tarkibiy inqiroz nuqtalari yuz berdi. 2001-yil mart oyida Bomiyon vodiysidagi VI–VII asrlarga oid Budda haykallarining portlatib yuborilishi nafaqat “Tolibon”ning xalqaro reputatsiyasini yo‘q qildi, balki hatto Islom dunyosida ham keng qoralashga uchradi. Misr, Saudiya Arabistoni, Pokiston va Eronning bosh muftiylari “Tolibon” harakatini bu qadamidan voz kechishga chaqirdilar. Vanda Felbab-Brownning ta’kidlashicha, bu hodisa “Tolibon” birinchi davri tashqi siyosatining “noaniqlik fenomeni”ni eng yorqin tarzda namoyon qildi. Harakat o‘zining diniy-mafkuraviy o‘zagi tomonidan yo‘naltirilgan qarorlarni qabul qilar, lekin bu qarorlarning xalqaro oqibatlarini hisobga olishga qodir emas edi. Shu yilning 11-sentabrida Amerikada terror hujumlari yuz berdi va Afg‘oniston AQSh boshchiligidagi koalitsiyaning harbiy operatsiyasi obektiga aylandi. “Tolibon” birinchi davri shu tariqa o‘zining izolatsionizmi va xalqaro hamjamiyatga e’tibor bermasligi tufayli halokat bilan tugadi.

2021-yil 15-avgustda Kobulning qulashi va “Tolibon”ning hokimiyatga ikkinchi marta kelishi bilan harakat tashqi siyosatida tarkibiy o‘zgarish boshlandi. Bu o‘zgarishlarni “selektiv pragmatizm” deb nomlashimiz mumkin. Bunda yaqqol ko‘zga tashlanadigan omil shundaki, ichki mafkuraviy o‘zak deyarli o‘zgarmagan holda “Tolibon”ning ikkinchi ma’muriyati tashqi siyosatda amaliyotchi va moslashuvchan yondashuvni qo‘llaydi [149] . Bu transformatsiyaning ko‘lami ko‘rsatkichlardan ham yaqqol ko‘rinadi. Vivekananda International Foundationning 2025-yil fevral hisobotiga ko‘ra, 2024-yil oxiriga kelib “Tolibon” hukumati nazorati ostida butun dunyoda 39 ta afg‘on elchixonasi va konsulxonasi faoliyat yuritmoqda va “Tolibon” vakillari o‘ndan ortiq mamlakatlar tomonidan de-fakto qabul qilingan [150] . 2024-yil iyul holatiga ko‘ra, 19 ta davlat Kobulda diplomatik vakolatxonaga ega edi. Ular qatoriga Pokiston, Qatar, Xitoy, Rossiya, Hindiston, Eron va barcha Markaziy Osiyo davlatlari kiradi. Ushbu davlatlarning 12 tasi elchi tayinlagan bo‘lsa-da, ayrimlari, masalan Tojikiston, hali elchi tayinlamagan va avvalgi Afg‘oniston hukumati davridagi vakolatxonalarni saqlab qolgan. Qozog‘iston, Qirg‘iziston va Rossiya kabi davlatlar “Tolibon”ni taqiqlangan terroristik tashkilotlar ro‘yxatidan ham chiqargan.

“Tolibon”ning hozirgi tashqi siyosatidagi ushbu muhim burilish bir nechta strukturaviy omillar tomonidan keltirilgan. Ichki jihatdan Afg‘onistonning chuqur

[149] Mantraya Institute for Strategic Studies. Evolution of Taliban's Foreign Policy: A Comparative Analysis of Taliban 1.0 & Taliban 2.0. – October 2024. URL: https://mantraya.org/analysis-evolution-of-talibans-foreign-policy/

[150] Vivekananda International Foundation. Op. cit. (Afghanistan in 2024); UK Parliament Research Briefing CBP-10215. Mills C. The international diplomatic engagement with Taliban. – London: House of Commons Library, 18 March 2025. PDF: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10215/CBP-10215.pdf

iqtisodiy va gumanitar inqirozi xorijiy kapital, savdo va texnik yordamni hayotiy zaruratga aylantirdi. 2021-yilning avgustidan keyin “Tolibon” hukumati 7 milliard dollardan ortiq mamlakat valyuta zaxiralari xorijda muzlatilgan holda turibdi. “Tolibon” hukumati bu pullar Afg‘oniston xalqiga tegishli ekanligini ta’kidlagan holda ularni qaytarishni da’vo qilib keladi. BMT tahliliga ko‘ra mamlakat aholisining qariyb 95 foizi to‘yib ovqatlanmaslik chegarasiga tushib qoldi[151]. Tashqi jihatdan – bir qutbli tartibning yemirilishi, Xitoy va Rossiyaning yuksalishi, AQShning Afg‘onistondan chiqishi va xalqaro tinchlikni qurish paradigmasining inqirozi “Tolibon” uchun yangi diplomatik makonni ochib berdi. Mintaqaviy jihatdan Markaziy Osiyo davlatlari, ayniqsa O‘zbekiston, real siyosat doktrinasi asosida pragmatik aloqalarni rivojlantirib, “Tolibon”ni qisman izolyatsiyadan chiqarishga yordam berdi.

2024–2025-yillardagi xalqaro tan olinish dinamikasi alohida tahlilga loyiqdir. 2025-yil 3-iyulda Rossiya “Tolibon” hukumatini Afg‘oniston qonuniy hukumati sifatida rasmiy tan olgan birinchi davlat bo‘ldi. Bu qadam to‘rt yillik bosqichli yaqinlashuv natijasi edi: 2024-yil iyulda prezident V. Putin “Tolibon”ni “terrorizmga qarshi kurashda ittifoqdoshlar” deb atagan, 2025-yil aprelda Rossiya Oliy Sudi “Tolibon”ni terrorchi tashkilotlar ro‘yxatidan chiqargan edi. Tashqi ishlar vaziri S. Lavrovning bayonotiga ko‘ra, “Kobuldagi yangi hokimiyat – bu reallik” va Rossiya “mafkuralashtirilgan emas, balki pragmatik siyosat” ni qabul qiladi[152]. Xitoy 2024-yil yanvarda “Tolibon” tayinlagan elchi Bilol Karimiyning ishonch yorliqlarini qabul qildi, biroq tashqi ishlar vazirligi shu zahoti bayonot e’lon qilib, bu qadam hukumatni rasman tan olishni anglatmasligini ta’kidladi. Bu “rasmiy tan olmaslik bilan amaliy tan olish” formulasi 2025-yil oxiriga kelib qator davlatlar tomonidan qabul qilingan universal andoza bo‘ldi.

BAA 2024-yil avgustda “Tolibon” tayinlagan elchini qabul qildi, prezident Muhammad bin Zayed 2024-yil iyul va 2025-yil yanvarda “Tolibon” yuqori darajadagi vakillari, jumladan ichki ishlar vaziri Sirojiddin Haqqoniy bilan uchrashuvlar o‘tkazdi. 2025-yil yanvarda BAA va Afg‘oniston o‘rtasida diplomatik vakolatxonalarni Bosh Konsullik darajasiga ko‘tarish to‘g‘risida kelishuv imzolandi. Saudiya Arabistoni 2024-yil dekabrda Kobuldagi elchixonasining konsullik xizmatlarini qayta tikladi. Markaziy Osiyo yo‘nalishida O‘zbekiston, Qozog‘iston, Turkmaniston “Tolibon” bilan iqtisodiy va diplomatik aloqalarni faol

[151] UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). Afghanistan Humanitarian Needs Overview 2024–2025. URL: https://www.unocha.org/publications/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-overview-2024 Shuningdek qarang: World Bank. Afghanistan Development Update 2024. URL: https://www.worldbank.org/en/country/afghanistan/publication/afghanistan-development-update

[152] Al Jazeera. Russia recognises the Taliban: Which other countries may follow? – 4 July 2025. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/7/4/russia-recognises-the-taliban-which-other-countries-may-follow

rivojlantirmoqda. Hindiston ham 2024-yildan boshlab “Tolibon” bilan rasmiy aloqalar o‘rnatdi. Bu Pokiston uchun strategik tushkunlik signali bo‘ldi va qaysidir ma’noda 2025-yilgi to‘qnashuvlarning ham sababiga aylandi.

“Tolibon” harakatining birinchi va ikkinchi boshqaruv davri tashqi siyosatining transformatsiya O‘zbekiston bilan munosabatlarda yaqqol namoyon bo‘ladi. Birinchi davrda (1996–2001) Toshkent va “Tolibon” o‘rtasidagi munosabatlar deyarli to‘liq antagonistik xarakterga ega edi. O‘zbekiston “Shimoliy Ittifoq” (Shimoliy Alyans)ning faol qo‘llab-quvvatlovchilaridan biri bo‘lib, etnik o‘zbeklarning generali Abdurashid Do‘stum boshchiligidagi “Junbesh-e Milliy” partiyasi orqali harbiy-siyosiy ta’sir o‘tkazdi[153]. Bu pozitsiyaning shakllanishida bir nechta omillar muhim rol o‘ynagan bo‘lib, ularga “Tolibon”ning Markaziy Osiyodagi etnik o‘zbeklarga nisbatan dushmanlik munosabati va shimoliy hududlardagi mahalliy aholini bostirish siyosati, O‘zbekiston Islom Harakati (O‘IH) deb nomlangan terror tashkilotining Afg‘oniston hududida joylashishi va “Tolibon” tomonidan himoya qilinishi hamda harakatning Markaziy Osiyo davlatlari uchun mafkuraviy va xavfsizlik nuqtai nazaridan xavf sifatida idrok etilishi[154] kabilarni keltirish mumkin. Bu davrda ikki davlat o‘rtasida diplomatik aloqalar mavjud emas edi, bugungi Do‘stlik ko‘prigi joylashgan Termiz-Hayraton chegara o‘tish nuqtasi amalda yopiq edi. Faqatgina cheklangan miqdorda gumanitar yordam BMT vositachiligida o‘tkazib turilgan.

2021-yildan boshlab O‘zbekiston tashqi siyosatida Afg‘oniston yo‘nalishida tubdan yangi yondashuv shakllandi. Toshkent rasmiy ravishda “Tolibon” hukumatini tan olmagan bo‘lsa-da, Markaziy Osiyo davlatlari orasida eng faol va izchil pragmatik aloqalarni rivojlantirgan davlatga aylandi. Bu yondashuvning falsafiy asosini o‘zbek diplomatik korpusi “real siyosat” (realpolitik) tamoyili sifatida shakllantirdi. Bu yondashuvning strategik asoslari quyidagilarni o‘z ichiga oladi: 137 kilometrli umumiy chegaraning xavfsizligini ta’minlash zaruriyati; dengizga chiqishda dunyodagi eng muammoli joylashuv davlati sifatida O‘zbekistonning Hind okeani portlariga yo‘l izlashi; Termizni Markaziy va Janubiy Osiyoning savdo-tranzit chorrahasiga aylantirish istagi; Afg‘onistondagi etnik o‘zbeklar (umumiy aholining 8–10 foizi) bilan madaniy va lingvistik aloqalarni saqlash[155].

[153] Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. – New Hawen, London: Yale Nota Bene, Yale University Press, 2001. ¬– P. 71,72.

[154] Kavukcu N. Radikal Dini Hareketlerin Orta Asya'daki Yansimasi: Özbekistan Örneği // Dsjournal. – 2021. – Cilt 2, Sayi 1. – S. 92–106. Turk tilida. URL: https://dergipark.org.tr/tr/pub/dsjournal/issue/61823

[155] Kabir R. Uzbekistan's Strategic Hedging: Navigating the Geopolitical Costs of Afghanistan's Qush Tepa Canal // Eurasiatique. – 26 March 2025. URL: https://eurasiatique.ca/uzbekistans-strategic-hedging-navigating-the-geopolitical-costs-of-afghainstans-qush-tepa-canal/

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Iqtisodiy ko‘rsatkichlar Toshkentning yondashuvi natijalarini eng yorqin tarzda namoyish etadi. 2021-yilda O‘zbekiston-Afg‘oniston savdo aylanmasi 653 million AQSh dollarini tashkil etdi. 2023-yilda bu ko‘rsatkich 866 million dollarga, 2024-yilda 1,1 milliard dollarga, 2025-yilda esa 1,7 milliard dollarga yetdi. Tomonlar yaqin yillarda savdo hajmini 5 milliard dollargacha oshirish maqsadini qo‘ydilar[156]. 2024-yil avgustda O‘zbekiston Bosh vaziri Abdulla Aripov Kobulga tashrif buyurdi – bu “Tolibon” hokimiyatga qaytgandan beri xorijiy davlatdan eng yuqori darajadagi rasmiy tashrif edi va tashrif chog‘ida 2,5 milliard dollarlik savdo va investitsiya kelishuvlari imzolandi. 2025-yil fevralda esa “Tolibon” delegatsiyasi Vazirlar Mahkamasi raisi o‘rinbosari, Iqtisodiy ishlar bo‘yicha o‘rinbosar Mulla Abdul Ghani Baradar boshchiligida Toshkentga tashrif buyurdi[157].

Ikki davlat o‘rtasidagi munosabatlarning strategik kelajagi bir qator infratuzilma loyihalari, ayniqsa Trans-afg‘on temir yo‘li bilan bog‘liq. Loyihaning Sharqiy yo‘nalishi (Kobul Koridori): Termiz - Nayibobod - Mozori Sharif – Log‘ar - Xarlachi (Pokiston). Loyiha 650 kilometr uzunlikka ega, taxminiy qiymati 4,8-6 milliard AQSh dollari va Markaziy Osiyoni Pokiston portlari va Hind okeani orqali jahon dengiz savdo yo‘llariga ulashga qaratilgan[158]. 2025-yil 17-iyulda Kobulda O‘zbekiston, Afg‘oniston va Pokiston transport va infratuzilma vazirlari uch tomonlama doiraviy kelishuvni imzoladilar. Loyiha tugagandan keyin Pokistondan O‘zbekistongacha bo‘lgan tranzit vaqti 35 kundan 4 kungacha qisqaradi va yillik tovar oqimi 300 ming tonnadan dastlab 3 million tonnaga, 2035–2040-yillarga kelib 15–20 million tonnaga yetishi kutilmoqda.

Loyihaning geosiyosiy ahamiyati alohida tahlilga loyiqdir. “Tolibon” hukumati 2023-yilda o‘z hududidagi loyihaning qismi uchun rus 1520 mm standardidagi temir yo‘l izini tanladi, bu Markaziy Osiyo (Rossiya, Qozog‘iston, O‘zbekiston) tarmoqlari bilan integratsiyani bevosita ta’minlaydi va Xitoy yoki Eron standartlari (1435 mm) bilan integratsiyani cheklaydi. Bu texnik qaror amalda strategik yo‘nalishni belgilab beradi. Afg‘oniston Rossiya-Markaziy Osiyo logistika hududiga rasmiy ravishda integratsiyalanmoqda[159]. 2025-yil 8-aprelda Rossiya Transport vazirligi O‘zbekiston bilan loyihaning amaliy amalga oshirilishi bo‘yicha

[156] Afghanistan International. Taliban-Uzbekistan Trade Tops $1.7 Billion In 2025. – 30 January 2026. URL: https://www.afintl.com/en/202601307599; Afghanistan International. Taliban, Uzbekistan Aim to Raise Trade To $5 Billion Over the Coming Years. – 26 February 2026. URL: https://www.afintl.com/en/202602267600

[157] The Diplomat. Trans-Afghan Railway: Will Uzbekistan Develop the Kandahar Route? – 17 April 2025. URL: https://thediplomat.com/2025/04/trans-afghan-railway-will-uzbekistan-develop-the-kandahar-route/

[158] Special Eurasia. The Uzbekistan–Afghanistan–Pakistan Railway Agreement. – 23 July 2025. Op. cit.; Special Eurasia. Afghanistan and the Kabul Corridor: Risk Assessment. – 6 June 2025. URL: https://www.specialeurasia.com/2025/06/06/afghanistan-kabul-corridor/

[159] Geopolitical Monitor. Trans-Afghan Railway: Central Asia's Gateway to Global Trade. – 24 June 2025. URL: https://www.geopoliticalmonitor.com/trans-afghan-railway-central-asias-gateway-to-global-trade/

kelishuv imzoladi va Russian Railways (РЖД) loyihaning moliyaviy konsorsiyumiga qo‘shildi[160]. 2025-yil mayda Qozog‘iston ham loyihaga 500 million AQSh dollar investitsiya qo‘shish istagini bildirdi va Markaziy-Janubiy Osiyo temir yo‘li doirasidagi memorandum imzolandi.

Toshkentning innovatsion yondashuvining yangi bosqichi – 2025-yil mayda boshlangan Termiz dialogi formati edi. “Markaziy va Janubiy Osiyo o‘rtasidagi bog‘lanishni mustahkamlash” mavzusida Termizda o‘tkazilgan birinchi forumda “Tolibon” tashqi ishlar vaziri o‘rinbosari Muhammad Naim Vardak ham ishtirok etdi. Bu format O‘zbekistonni butun mintaqada Afg‘oniston-xalqaro hamjamiyat muloqoti uchun yetakchi platforma sifatida pozitsiyalashga qaratilgan [161] . Toshkentning geografiyasi, iqtisodiy qiziqishlari va prinsipial betaraflik pozitsiyasi shu rolni ushlash uchun samarali kombinatsiya hosil qiladi.

Pragmatik transformatsiyasiga qaramay, “Tolibon” hozirgi tashqi siyosati bir qator tarkibiy kamchiliklarni saqlab qolmoqda. Bu kamchiliklar nafaqat texnik xato yoki vaqtinchalik muammolar emas, balki harakatning ichki mafkuraviy o‘zagi va tashkilotchilik tuzilmasidan kelib chiqadigan strukturaviy hodisalardir. Birinchi va eng katta kamchilik – ayollar va qizlar masalasidagi qat’iylikning saqlanishi. 2022-yil dekabrida boshlanib, 2023-yilda chuqurlashgan oliy ta’lim taqiqlari, ko‘pchilik ish sohalariga kirishning cheklanishi va xorijga sayohatni mahram qarindosh hamrohligida sharti bilan bog‘lash “Tolibon” 2.0 ning xalqaro reputatsiyasini buzuvchi asosiy omillaridir. BMTning Afg‘onistondagi inson huquqlari bo‘yicha maxsus ma’ruzachisi Richard Bennett 2025-yilgi hisobotida bu siyosatni “gender apartheid” konseptual ramkasi orqali baholadi va Xalqaro jinoyat sudida bu masala bo‘yicha jinoiy javobgarlik qo‘zg‘atish imkoniyatini qayd etdi[162]. Hatto Rossiya, Xitoy, BAA, O‘zbekiston, Qozog‘iston kabi “Tolibon” bilan pragmatik tashqi siyosat yuritayotgan davlatlar ham ushbu masala bo‘yicha ochiq tanqidiy bayonotlar berishgan.

Ikkinchi tizimli kamchilik – transmilliy terrorchilik tarmoqlariga nisbatan ikkilamchi siyosat. “Tolibon” rasmiy ravishda Afg‘oniston hududidan boshqa

[160] TASS. Россия и Узбекистан подписали соглашение о реализации Транс-Афганской железной дороги. – 8 April 2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/19850525;

[161] News Central Asia (nCa). Termez Dialogue 2025: Fostering Connectivity Between Central and South Asia. – 22 May 2025. URL: https://www.newscentralasia.net/2025/05/22/termez-dialogue-2025/; Journal NEO. Uzbekistan's approach to Afghanistan, policies, and prospects. – 23 May 2025. URL: https://journal-neo.su/ (murojaat sanasi: 12.05.2026).

[162] UN Human Rights Council. Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Afghanistan, Richard Bennett. UN doc. A/HRC/58/82. – February 2025. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/country-reports/ahrc5882-report-special-rapporteur-situation-human-rights-afghanistan; International Criminal Court. Statement of the Prosecutor of the International Criminal Court, Karim A. A. Khan KC, on the situation in Afghanistan. – 23 January 2025. URL: https://www.icc-cpi.int/news/statement-prosecutor-icc-situation-afghanistan-january-2025

davlatlarga qarshi terrorchilik faoliyati uchun foydalanishga yo‘l qo‘ymasligini ta’kidlaydi. Biroq BMTning “Tolibon”-Al-Qoida sanksiyalar monitoring jamoasining 36-hisobotida (2025) “Tolibon” rejimining TTP (Tehrik-i “Tolibon” Pokiston) va Al-Qoida bilan amaliyotda davom etayotgan aloqalari aniq qayd etildi[163]. SIGAR 66-choraklik hisoboti (2025-yil yanvar) ma’lumotlariga ko‘ra, Afg‘oniston hududida 6000–6500 ta TTP jangchisi va o‘nlab Al-Qoida yetakchilari faol holatda[164]. 2022-yil iyul oyida Al-Qoida yetakchisi Ayman al-Zavohiriyning Kobul markazidagi Sherpur tumanida joylashgan villada Amerikaga tegishli dron zarbasi natijasida o‘ldirilishi 2020-yil Doha kelishuvida “Tolibon” tomonidan berilgan kafolatlarning amaliy qiymatini chuqur shubha ostiga qo‘ydi.

Uchinchi tizimli kamchilik – boshqaruvning inklyuzivlik yetishmasligi. “Tolibon” hukumati amalda harakatning ichki guruhi – asosan janubiy Afg‘onistondan kelgan pushtun-Deobandi mullalarning monopoliyasi ostida ish ko‘rmoqda. Boshqa etnik guruhlar (tojik, o‘zbek, hazora, turkman), ayollar va siyosiy muxoliflar amalda hokimiyat tarkibidan butunlay chetlatilgan. Robert Lansing Institute tahliliga ko‘ra, 2022-yildan beri Haybatullo Ohunzoda o‘zining qaror qabul qilish hokimiyatini kuchaytirib, asosiy lavozimlarni janubiy “Tolibon” yetakchilariga ajratib bermoqda[165]. Xalqaro hamjamiyat, jumladan Markaziy Osiyo davlatlari, Rossiya va Xitoy, “Tolibon” bilan barcha aloqalarda “inklyuziv hukumat” talabini ilgari surmoqda. Qolaversa bu masala diplomatik tan olinish uchun asosiy shartlardan biri sifatida belgilanadi.

O‘tkazilgan tahlil natijalariga asoslanib, “Tolibon” hukumati uchun, shuningdek mintaqaviy va xalqaro aktorlar uchun bir qator *strategik tavsiyalar*ni shakllantirish mumkin. “Tolibon” nuqtai nazaridan xalqaro tan olinishga erishish va mintaqaviy izolyatsiyadan to‘liq chiqish uchun bir qator tarkibiy o‘zgarishlar zarur:

Birinchi navbatda, ayollar siyosatida bosqichma-bosqich yumshatish kerak. Tibbiyot va boshlang‘ich pedagogika kabi muhim sohalarda oliy ta’limni “texnik zaruriyat” sifatida tiklash birinchi qadam bo‘lishi mumkin va bu harakat ichki mafkuraviy qattiqligidan to‘liq voz kechmasdan amalga oshirilishi mumkin.

Ikkinchidan, TTP va boshqa transmilliy terrorchilik tashkilotlariga nisbatan haqiqiy operatsion cheklov siyosatini amalga oshirish – hatto Pokistonga ekstradisiya qilmasdan ham, ularning operatsion harakatlarini, qurol-aslaha

[163] UN Security Council. 36th report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2734 (2024) concerning ISIS (Da'esh), Al-Qaida and the Taliban. UN doc. S/2025/[XXX]. – 2025. URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1988/work-and-mandate/monitoring-team-reports

[164] Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR). Quarterly Report to the United States Congress, 30 January 2025 (66th report). URL: https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2025-01-30qr.pdf

[165] Robert Lansing Institute. Analysis of the Taliban Regime's resilience in 2024–2025. Op. cit.; Freedom House. Afghanistan: Freedom in the World 2024 Country Report. URL: https://freedomhouse.org/country/afghanistan/freedom-world/2024

tarmog‘ini va moliyalashtirish kanallarini cheklashning iloji bor[166]. Ushbu omil “Tolibon”ning tarixiy “strategic sherigi” bo‘lmish Pokiston bilan ham aloqalarni ancha ijobiy tomonga o‘zgarishiga turtki bo‘lardi.

Uchinchidan, boshqaruvning inklyuzivligini bosqichma-bosqich oshirish – to‘satdan Loya Jirga chaqirib hukumat tarkibini o‘zgartirishni emas, balki vazirliklarning o‘rta darajalarida boshqa etnik guruhlar va texnik mutaxassislarni jalb qilishni anglatadi.

To‘rtinchidan, qo‘shni davlatlar bilan suv masalalarida ko‘p tomonlama formatga o‘tish – Qush-Tepa kanali xususida Amudaryo havzasi davlatlari (O‘zbekiston, Turkmaniston, Tojikiston) bilan rasmiy konsultatsiya jarayonini boshlash va texnik standartlar bo‘yicha kelishuvga erishish bu yo‘nalishdagi muhim ishonch chizig‘idir.

Beshinchidan, Markaziy Osiyo davlatlari “Tolibon” bilan munosabatlarda umumiy mintaqaviy yondashuvni shakllantirishi maqsadga muvofiq: Termiz dialogi formatini institutsionallashtirish, “5+1” (Markaziy Osiyo besh davlat + Afg‘oniston) ko‘p tomonlama platformasini yaratish va umumiy talablarni shakllantirish individual diplomatik ta’sirning sinergetik ko‘paytirilishini ta’minlaydi.

Oltinchidan, O‘zbekiston o‘zining “Tolibon” va xalqaro hamjamiyat o‘rtasidagi muloqot uchun mediator markaz roliga investitsiya qilishni davom ettirishi maqsadga muvofiq. Bu strategiya Qatarning “Doha modeli” ni takrorlash emas, balki Markaziy Osiyo kontekstida o‘ziga xos formatni shakllantirishni anglatadi. Toshkentning geografik yaqinligi, iqtisodiy qiziqishlari va prinsipial pragmatik pozitsiyasi shu rolga muvofiqdir.

Yettinchidan, iqtisodiy hamkorlikni siyosiy o‘zgarishlarni rag‘batlantiruvchi vosita sifatida ishlatish kerak – Trans-Afg‘on temir yo‘li, CASA-1000 va boshqa loyihalarning rivojlanish darajasi “Tolibon”ning xalqaro normalarga rioya qilishi bilan bog‘lanishi mumkin. Bu “shartli hamkorlik” yondashuvi ham iqtisodiy maqsadlarga, ham siyosiy ta’sir ko‘rsatishga xizmat qiladi[167].

Sakkizinchidan, xalqaro hamjamiyatning “barchasi yoki hech narsa” binar yondashuvidan voz kechish maqsadga muvofiq. Hozirgi paytda asosiy g‘arbiy aktorlar to‘liq tan olinish va to‘liq sanksiyalar o‘rtasida turibdi va bu binar tanlov samarasiz. “Yumshoq vositalar” – texnik darajadagi diplomatlarning maqomini

[166] Chatham House. What the West can do now in Taliban-ruled Afghanistan. – February 2025. URL: https://www.chathamhouse.org/2025/02/what-west-can-do-now-taliban-ruled-afghanistan; IISS. Armed Conflict Survey: Towards the reintegration of Afghanistan into the international community. – December 2024. URL: https://www.iiss.org/publications/armed-conflict-survey/

[167] Felbab-Brown V., Sajjad T. Op. cit. (Brookings, January 2025); shuningdek qarang: Foreign Affairs. America Can't Isolate the Taliban: Why Regional Powers Are Reopening Ties With Afghanistan. – March 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/afghanistan/america-cant-isolate-taliban

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ko‘tarish, gumanitar yordam yo‘nalishlarini kengaytirish, mintaqaviy konferensiyalarda ishtirok va sanksiyalardan tanlangan chiqarishlar – “Tolibon”dan minimal bo‘lsa ham yon berishlarni olish uchun samarali bo‘lishi mumkin.

To‘qqizinchidan, afg‘on jamiyatining barcha qatlamlari, jumladan ayollar va etnik ozchiliklar bilan to‘g‘ridan-to‘g‘ri aloqalarni saqlash – “Tolibon” bilan diplomatik aloqalar afg‘on xalqi bilan aloqalarning o‘rnini bosa olmaydi. O‘ninchidan, Pokiston-Afg‘oniston inqirozini hal qilishda regional formatda ishlash zarur – Qatar va Turkiya vositachiligi 2025-yilda muayyan yutuqlarga erishgan bo‘lsa-da, chuqurroq hal qilish uchun Xitoy va Markaziy Osiyo davlatlarining ham keng ishtiroki talab etiladi.

Xulosa

“Tolibon” harakatining 1996–2001 va 2021-yildan beri davom etayotgan ikkinchi hokimiyat davrlarining qiyosiy tahlili shuni ko‘rsatadiki, harakat tashqi siyosatida mafkuraviy vorisiylik va strategik transformatsiya paradoksal birikmasi mavjud. Ichki mafkuraviy o‘zak shariat qonunining qattiq talqini, ayollar siyosati va Deobandiy diniy yo‘nalishi birinchi davrdan ikkinchi davrga deyarli o‘zgarmagan holda o‘tdi; biroq tashqi siyosat amaliyoti tubdan o‘zgardi deyishimiz mumkin. 1996–2001-yillardagi tanlangan izolatsionizmdan 2021-yildan beri davom etayotgan “selektiv pragmatizm” yondashuviga o‘tilishida ba’zi omillar muhim turtki vazifasini o‘tadi. Masalan, Afg‘onistonning chuqur iqtisodiy va gumanitar inqirozi xorijiy resurslarni hayotiy zaruratga aylantirdi, bir qutbli xalqaro tartibning yemirilishi, AQShning Afg‘onistondan chekinishi va xalqaro tinchlikni qurish paradigmasining inqirozi “Tolibon” uchun yangi diplomatik makonni ochib berdi, shuningdek, Markaziy Osiyo davlatlari va Eron, Pokiston, BAA, Qatar kabi muhim mintaqaviy kuchlar real siyosat doktrinasi asosida pragmatik aloqalarni rivojlantirib, “Tolibon”ni qisman izolyatsiyadan chiqardi. O‘zbekiston-Afg‘oniston munosabatlari bu transformatsiyaning eng yorqin namunasidir va uning chuqur strategik ahamiyatga ega bo‘lganligi bois alohida e’tiborga loyiqdir.

Yana bir muhim xulosa shundaki, “Tolibon” tashqi siyosatining keyingi rivoji harakatning ichki dinamikasiga, ya’ni Haybatullo Ohunzodaning so‘zsiz irodasidagi Qandahor mafkuraviy yadrosi va Kobuldagi Haqqoniy, Muttaqiy va Barodar kabi pragmatik qanot o‘rtasidagi muvozanatga bog‘liq. Mintaqaviy va xalqaro aktorlar uchun samarali strategiya bu pragmatik qanotni mustahkamlashga yordam beradigan rag‘batlantirishlarni yaratish, biroq mafkuraviy qattiqlikning siyosiy oqibatlarini qabul qilmaslikdir.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Akram M., Mohamad D., Arshad-Ayaz A. How was the Taliban 2.0 in Afghanistan seen in Pakistan? // Asian Journal of Comparative Politics. – 2024. – Vol. 9, No. 2. – P. 313–332.
2. Felbab-Brown V., Sajjad T. Afghanistan in 2024: Taliban’s Continued Diplomatic Quest // Brookings Order from Chaos. – January 2025.
3. Giustozzi A. The Taliban at War: 2001–2018. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 304 p.
4. Gopal A. The Other Afghan Women // The New Yorker. – 13 September 2021.
5. Hanson-DeFusco J. et al. The association of diminished quality of life of Afghan adults’ psychosocial wellbeing, in the era of the Taliban 2.0 government // PLOS Mental Health. – 2025. – Vol. 2, No. 1. DOI: 10.1371/journal.pmen.0000118.
6. Schmeidl S., Karokhail M. The Role of Non-State Actors in Community-Based Policing: An Exploration of the Arbakai (Tribal Police) in South-Eastern Afghanistan // Contemporary Security Policy. – 2009. – Vol. 30, No. 2. – P. 318–342.
7. Ruttig T. The Taliban’s Government Three Years On: An Initial Assessment. – Kabul: Afghanistan Analysts Network, August 2024.
8. UN Security Council. 36th report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. – 2025.
9. UN Human Rights Council. Report of the Special Rapporteur Richard Bennett. UN doc. A/HRC/58/82. – February 2025.
10. SIGAR. Quarterly Report to the United States Congress, 30 January 2025 (66th report).
11. International Criminal Court. Statement of the Prosecutor on the situation in Afghanistan. – 23 January 2025.
12. Freedom House. Afghanistan: Freedom in the World 2024 Country Report.
13. Chatham House. What the West can do now in Taliban-ruled Afghanistan. – February 2025.
14. International Crisis Group. Afghanistan country reports. – 2022–2025.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

UCH QIROLLIK DAVRIDA SIYOSIY BOSHQARUV TIZIMI

Nodira Nazarqulova,
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti,
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi
katta o‘qituvchisi, PhD.
osiyouzturk@gmail.com

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Uch podsholik davrida (Koguryo, Pekche va Silla) shakllangan siyosiy boshqaruv tizimi hamda ijtimoiy-iqtisodiy tuzilma tahlil qilinadi. Tadqiqotda har uchala davlatda aristokratik sulolalarning hukmron mavqei, markazlashgan boshqaruv tizimining shakllanishi va mansab-daraja tizimlarining o‘ziga xos xususiyatlari yoritilgan. Ayniqsa, Silladagi “suyak-daraja” (kolpum) tizimi, Pekchedagi rangli kiyimlarga asoslangan mansab tizimi hamda Koguryodagi ko‘p bosqichli lavozimlar iyerarxiyasi chuqur tahlil qilinadi. Shuningdek, kengashsimon boshqaruv institutlari – Hvabek, Chongsa-am va aristokratik kengashlarning siyosiy qarorlar qabul qilishdagi o‘rni ochib beriladi. Maqolada Uch podsholik davlatlarining ko‘p markazli tuzilmadan markazlashgan byurokratik tizimga o‘tish jarayoni ham ilmiy asosda ko‘rib chiqiladi.

Asosiy so‘z va tushunchalar: *Uch podsholik, Koguryo, Pekche, Silla, siyosiy boshqaruv, aristokratiya, ijtimoiy iyerarxiya, suyak-daraja tizimi, kolpum, mansab darajalari, byurokratiya, markazlashuv, zodagonlar kengashi, Hvabek, Chongsa-am, davlat tuzilmasi, ma’muriy boshqaruv.*

KIRISH

Uzoq davom etgan taraqqiyot jarayonlari va katta sinovlardan so‘ng, Uch Podsholikning barchasi markazlashgan aristokratik davlatlarni barpo etdi. Har uchala jamiyatda ham hokimiyat qirollik poytaxtida yashovchilar qo‘lida jamlandi. Ular orasida esa ayniqsa aristokratik sulolalar – xususan, podsholar va qirolichalar nasllari – qat’iy iyerarxik ijtimoiy maqom tizimlari orqali berilgan alohida imtiyozlar tufayli siyosiy va iqtisodiy sohalarda, shuningdek madaniy maydonda ham yetakchi o‘rinni egallaganga o‘xshaydi. Demak, Uch Podsholik davri juda kam sonli aristokratik nasllar o‘z jamiyatlari ustidan hukmron mavqelarini mustahkamlab olgan davr bo‘lgan.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR

Uch podsholik davrida Koreya yarimorolida shakllangan siyosiy boshqaruv tizimlarini o‘rganish masalasi tarixshunoslikda muhim o‘rin tutadi. Mazkur mavzu bo‘yicha olib borilgan tadqiqotlar asosan davlat boshqaruvi, ijtimoiy iyerarxiya va aristokratik tizimlarning shakllanish jarayonlariga bag‘ishlangan. Xususan, Koguryo, Pekche va Silla davlatlarining siyosiy tuzilmalari hamda ijtimoiy qatlamlashuv tizimlari bo‘yicha bir qator ilmiy ishlarda qiyosiy tahlillar amalga oshirilgan. Bu tadqiqotlarda Uch podsholik davlatlarining ko‘p markazli tuzilmalardan markazlashgan davlat boshqaruvi tizimiga o‘tish jarayoni asosiy ilmiy muammo sifatida ko‘rib chiqiladi.

Mazkur tadqiqotda tarixiy-tahliliy yondashuv asosiy metod sifatida qo‘llanildi. Shuningdek, solishtirma tarixiy metod yordamida Koguryo, Pekche va Silla davlatlarining siyosiy boshqaruv tizimlari o‘zaro qiyosiy asosda tahlil qilindi. Tizimli yondashuv orqali mansab darajalari tizimi, ijtimoiy iyerarxiya va davlat boshqaruvi institutlari o‘zaro bog‘liqlikda o‘rganildi. Yozma manbalarni tahlil qilish va interpretatsiya qilish usullari orqali mavjud tarixiy ma’lumotlar ilmiy jihatdan qayta ko‘rib chiqildi va umumlashtirildi.

NATIJALAR

Koguryoning ijtimoiy maqom tizimi haqida aniq ma’lumotlar juda kam saqlanib qolgan, biroq u yerda bosh vazir – *tedero* tayinlanadigan alohida aristokratik qatlam mavjud bo‘lganga o‘xshaydi va ayni shu qatlamning o‘zi ushbu eng oliy mansabga tayinlanadigan shaxslarni tanlash vakolatiga ega bo‘lgan.[168] Shubhasiz, bu yuqori aristokratiya qirollik sulolalari va Koguryo podsholari o‘z qirolichalarini oladigan nasllar atrofida shakllangan edi. Buni shundan bilish mumkinki, Kyeru urug‘iga mansub qirollik Ko xonadonidan tashqari, eng sharafli unvonlardan biri bo‘lgan *kochuga*ni faqat sobiq qirollik Sono urug‘i vakillari hamda qirollik konsortlarini bergan Yonna (Chollo) urug‘iga mansub Myongnim xonadoni vakillari taqa olgan.[169] Zodagon qatlamning ana shu eng yuqori qatlamidan pastroqda yana bir necha ijtimoiy tabaqalar bo‘lgan va ko‘rinishicha, turli maqom guruhlari o‘rtasida nikoh erkin tuzilmagan.

Pekcheda esa, Sa, Yon, Hyop, Xe, Chin, Kuk, Mok va Pek degan sakkizta mashhur sulola bo‘lgan. Asosiy davlat lavozimlari, aftidan, qirollik Puyo xonadoni hamda Pekche qirolichalari chiqadigan Chin va Xe sulolalari tomonidan deyarli to‘liq egallab olingan, poytaxtdan tashqaridagi muhim hududlardagi bosh ma’muriy

[168] Lee Ki-Baek. A New History of Korea (Koreyaning yangi tarixi). – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1984. – p. 50.
[169] Holcombe Ch. A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century (Sharqiy Osiyo tarixi: sivilizatsiya boshlanishidan XXI asrgacha). – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – p. 66.

mansablar esa (masalan, 22 ta tamno okrugi) faqat qirollik xonadoni a’zolariga topshirilgan.[170] Demak, bundan Pekche jamiyatida ham podsholar va qirolichalar sulolalari eng ustun mavqeni egallagan, degan xulosaga kelish mumkin. Bundan tashqari, *Chongsa-am* kengashi kabi Pekche siyosiy institutlarida faqat aniq belgilangan va cheklangan aristokratik sulolalar guruhi qatnasha olgan, deb hisoblanadi. Mazkur kengashning vazifasi, ehtimol, amaldorlar boshlig‘i bo‘ladigan bosh vazirni saylashdan iborat bo‘lgan. Pekchedagi amaldorlarni uch toifaga bo‘lingan o‘n olti darajaga ajratgan “rangli kiyimlar” tizimi, xuddi Silladagi shunga o‘xshash tizim kabi, ehtimol, ijtimoiy maqom tuzilishi bilan juda yaqin bog‘liq bo‘lgan.

Silladagi “suyak-daraja” (*kolpum*) tizimi Uch Podsholik davridagi zodagon jamiyatning amaldagi tuzilishini eng ravshan ko‘rsatib beradigan institutdir. Bu tizimga ko‘ra, shaxsning suyak-darajasi, ya’ni irsiy qon nasabiga mos ravishda unga turli alohida imtiyozlar berilishi yoki berilmasligi belgilangan; bu imtiyozlar siyosiy lavozimlarga ko‘tarilish imkoniyatidan tortib, kundalik turmushning turli jihatlarigacha bo‘lgan sohalarni qamrab olgan. Kolpumning o‘zida ikki pog‘ona mavjud edi: “muqaddas suyak” (*songgol*) va “chin suyak” (*chingol*). Bundan tashqari, “bosh-daraja”ning ham olti pog‘onasi bor edi: “oltinchi bosh-daraja”dan “birinchi bosh-daraja”gacha. Muqaddas suyak maqomi Kim qirollik xonadoni ichida qirol bo‘lish huquqiga ega bo‘lgan shaxslarga tegishli edi, biroq keyinchalik, Silla birlashuvi arafasida, bu yuqori suyak-daraja yo‘qolib ketdi.[171] Chin suyak darajasidagilar ham Kim qirollik xonadoniga mansub bo‘lgan, ammo dastlab ular taxtga o‘tirish huquqiga ega emas edilar; ammo “muqaddas suyak” darajasi yo‘qolgach, taxtni aynan “chin suyak” maqomidagilar egallay boshladilar. “Chin suyak” darajasiga, shuningdek, Sillaning ilk davrlarida qirollik sulolasi bo‘lgan va keyinchalik qirollik konsortlari chiqadigan Pak urug‘i, shuningdek, Pon Kaya davlati qirollik xonadonidan kelib chiqqan “yangi Kim urug‘i” ham kirgan.[172] Bir xil Kim qirollik xonadoni ichida “muqaddas suyak” va “chin suyak” darajalari nega ajratilgani to‘liq ravshan emas, biroq, aftidan, bu ajratish ona tomondan nasab asosida amalga oshirilgan.[173]

Oltinchi, beshinchi va to‘rtinchi bosh-darajalar umumiy zodagonlar qatlamini tashkil qilgan bo‘lib, ulardan oltinchi bosh-daraja (yana *tungnan* deb ham atalgan, bu atama chalkash tarzda “katta qiyinchilik bilan erishilgan” deb izohlanadi) “chin

[170] Kim Busik. Samguk Sagi (History of the Three Kingdoms / Uch podsholik tarixi). – Seul, 1154.
[171] Holcombe Ch. A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century (Sharqiy Osiyo tarixi: sivilizatsiya boshlanishidan XXI asrgacha). – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – p. 75.
[172] Kim Busik. Samguk Sagi (History of the Three Kingdoms / Uch podsholik tarixi). – Seul, 1154.
[173] Lee Ki-Baek. A New History of Korea (Koreyaning yangi tarixi). – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1984. – p. 61.

suyak” maqomidan keyingi o‘rinda turgan. Uchinchi, ikkinchi va birinchi bosh-darajalar esa, agar ular rasman mavjud bo‘lgan bo‘lsa[174], ehtimol “oddiy kishilar” (pyongin) yoki “xalq ommasi” (peksong), ya’ni imtiyozlardan mahrum umumiy aholini bildirgan degan tahminlar beriladi.

Yuqorida ko‘rsatib o‘tilganidek, turli suyak-darajalari o‘z egalari uchun siyosiy va ijtimoiy imtiyozlardan foydalanishda turlicha imkoniyat yaratgan. Buning eng muhim tomoni – mansab darajalari va davlat lavozimlarini taqsimlash masalasidir. Masalan, “chin suyak” maqomiga ega bo‘lganlar eng yuqori amaldorlik darajasigacha – ya’ni *ibolchan* yoki *kakkan* martabasigacha ko‘tarila olgan bo‘lsa, oltinchi bosh-daraja egalari oltinchi mansab darajasi – *achan*dan yuqoriga ko‘tarila olmagan, beshinchi bosh-daraja egalari o‘ninchi mansab darajasi – *tenama* bilan, to‘rtinchi bosh-daraja egalari esa o‘n ikkinchi mansab darajasi – *tesa* bilan cheklangan. Tabiiyki, bu cheklovlar davlat lavozimlariga tayinlanishda ham aks etgan. Masalan, *yong* – ya’ni vazirlik yoki idoraning boshlig‘i lavozimini faqat beshinchi mansab darajasi (*teachan*) yoki undan yuqori martabaga ega bo‘lganlar egallashi mumkin edi; shuning uchun bunday vazirlik darajasidagi lavozimlarni faqat “chin suyak” maqomidagilar egallagan. Xuddi shuningdek, *kyong*, ya’ni vazir o‘rinbosari lavozimi oltinchi (*achan*)dan o‘n birinchi (*nama*)gacha bo‘lgan mansab darajasiga ega shaxslar tomonidan egallanishi mumkin edi; shu bois bu lavozimni oltinchi yoki beshinchi bosh-daraja egalari egallashi mumkin bo‘lgan, ammo ular uchun bu eng yuqori erishish mumkin bo‘lgan mansab edi.[175] Vazirliklardagi undan quyi lavozimlar – *tesa*, *saji*, *kilsa*, *teoji*ni esa to‘rtinchi bosh-daraja egalari ham, shuningdek, undan yuqori bosh- va suyak-darajalarga mansub kishilar ham egallashi mumkin edi. Harbiy sohada esa Silla qo‘shinidagi eng yuqori qo‘mondonlik vakolatlarini bajaruvchi generallar birinchi mansab darajasi – *ibolchan*dan to‘qqizinchi mansab darajasi (*kuppolchan*)gacha bo‘lgan lavozimlarni egallagan bo‘lsalar-da, bunday muhim tayinlovlarni faqat “chin suyak” maqomiga ega bo‘lganlargina olishi qat’iy belgilab qo‘yilgan edi.

Shunday qilib, shaxsning siyosiy mansabga ko‘tarilishi uning suyak-daraja tizimidagi maqomi bilan uzviy ravishda bog‘liq bo‘lgan. Buning o‘zi bilan cheklanmasdan, suyak-daraja tizimi Silla qirolligi fuqarosining qanday uyda yashashi mumkinligini ham belgilab bergan. Masalan, “chin suyak” maqomidagi kishining uyi uzunligi yoki eni jihatidan 24 fut[176]dan oshmasligi kerak edi; oltinchi

[174] Uch qirollik davriga oid yozma manbalarning sanoqli ekanligi tufayli nafaqat Pekche qirolligi, balki Uch qirollik, shuningdek, Puy ova Kaya konfederatsiyalarida mavjud bo’lgan mansab darajalari haqida aniq ma’lumot olish ilmiy-akademik jihatdan qiyin hisoblanadi.

[175] Holcombe Ch. A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century (Sharqiy Osiyo tarixi: sivilizatsiya boshlanishidan XXI asrgacha). – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – p. 87.

[176] 1 fut – 30,48 santimetrga teng. Shundan 24 fut = 7,3152 metrga teng bo‘ladi.

bosh-daraja egasiniki 21 fut, beshinchi bosh-daraja egasiniki 18 fut, to‘rtinchi bosh-daraja yoki oddiy xalq vakiliniki esa 15 fut bilan cheklangan edi. Bundan tashqari, suyak-darajaga asoslangan dabdaba va sarf-xarajatni cheklovchi qoidalar amaldorlar kiyimining rangini, arava va ot anjomlarini, shuningdek, turli uy-ro‘zg‘or buyumlarini ham tartibga solgan. Aytish joizki, Silla kabi qat’iy iyerarxik jamiyatda ustun hokimiyat aynan eng yuqori irsiy ijtimoiy maqomga ega bo‘lganlar, ya’ni “chin suyak” darajasidagilar qo‘lida bo‘lgan. “Chin suyak” maqomining asosiy negizi qirollik sulolasi hamda qirolichalar sulolasidan iborat bo‘lganligi sababli, Silla qirolligi jamiyati aynan shu ikki nasliy guruh tomonidan boshqarilgan, deb aytish mumkin. Kalmun vang degan sharafli unvon – bu Silladagi Koguryodagi *kochuga* unvonining muqobili bo‘lib – faqat qirollik va qirollik konsortlari oilalari a’zolariga berilgani ham Silla jamiyatining ana shu asosiy xususiyatini aks ettiradi.

Siyosiy tuzilma

Uch Podsholikning barchasi dastlabki ko‘p markazli siyosiy tizimlardan qirollik markaziga tayangan yagonalashgan byurokratik tuzilmalarga qarab rivojlandi.

Koguryo qirolligida 12 mansab darajasi[177]

1. tedero	2. thedehyong	3. ulchol	4.thedesaja
5. chovidu-tehyong	6. tesaja	7. tehyong	8. suvisaja
9. sosaja	10. sohyong	11. chehyong	12. solnin

Masalan, Koguryo qirolligida zodagon amaldorlari o‘n ikki darajaga bo‘lingan bo‘lib, ularning eng yuqorisi taedaero edi; bu atama ayni paytda bosh vazirni ham anglatgan. Koguryo tizimida ayniqsa diqqatga sazovor jihat – bir necha *hyong* (“aka”, “katta”) darajalarining mavjudligidir: *tedehyong*, *chovidu-tehyong*, *tehyong*, *sohyong* va *chehyong*. Bu o‘rinda *hyong* atamasi “yoshi ulug‘”, “katta” ma’nosini bildiradi va taxmin qilinishicha, Koguryo markazlashgan aristokratik davlatga aylanib borish jarayonida avvallari qabila yoki urug‘ boshliqlari bo‘lgan shaxslarga ularning ilgarigi mavqeiga mos *hyong* darajalari berilib, shu tariqa ular yangi ijtimoiy-siyosiy tuzilishga qo‘shib yuborilgan. Shuningdek, Koguryoning bir qator mansab darajalariga *saja* atamasi qo‘shib ishlatilgani ham e’tiborga loyiqdir: *tedesaja*, *tesaja*, *suvisaja* va *sosaja*. Qabila yoki urug‘ boshliqlari bilan bog‘liq bo‘lgan *hyong* darajalaridan farqli o‘laroq, *saja* darajasi egalari, ko‘rinishicha, o‘zlari xizmat qilgan qudratli qirollik va zodagon xonadonlarning amaliy boshqaruv

[177] Lee Ki-Baek. A New History of Korea (Koreyaning yangi tarixi). – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1984. – 412 p. Har uchala qirollik: Koguryo, Silla va Pekche qirolliklaridagi siyosiy tuzum haqidagi ma’lumot yig’ilgan jadvallar Li Gi Bek tomonidan berilgan ma’lumotlar asosida tayyorlangan.

ishlarini yuritgan kishilar orasidan yetishib chiqqan.[178] Demak, aynan shunday yo‘llar bilan Koguryoning oldingi ko‘p markazli siyosiy tuzilishi yagona mansab darajalari tizimiga aylantirilgan.

Pekche qirolligida 16 mansab darajasi

1. chvapyong					siyohrang kiyim
2. talsol	3. unsol	4. toksol	5. hansol	6. nasol	
7. changdok	8. sidok	9. kodok	10. kyedok	11. taedok	qirmizi kiyim
12. mundok	13. mudok	14. chvagun	15. chinmu	16. kugu	ko‘k kiyim

Silla qirolligida 17 mansab darajasi

1. ibolchan	2. ichokchan	3. chapchan	4. phajinchan	siyohrang kiyim
	5. teachan			
6. achan	7. ilgilchan	8. sachan	9. kuppolchan	qirmizi kiyim
10. tenama	11. nama			ko‘k kiyim
12. tesa(ji)	13. saji	14. kilsa	15. teo(ji)	sariq kiyim
	16. sue(ji)	17. chovi		

Pekchening uch pog‘onali mansab tizimida yuqori qatlamni *chvapyong* va turli *sol* darajalari, o‘rta qatlamni bir necha *tok* darajalari, eng quyi qatlamni esa *mundok* va undan past mansablar tashkil etgan. Bu uch qatlam yana amaldorlar kiyimining rangi bilan ham bir-biridan ajratilgan: yuqori qatlam uchun siyohrang (binafsha), o‘rta qatlam uchun qizil, quyi qatlam uchun esa ko‘k rang belgilangan edi.[179] Silladagi kabi, Pekchedagi tizim ham, ehtimol, mansab darajasi bilan ijtimoiy maqom o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlikni aks ettiradi. Har holda, Pekchedagi bunday yagonalashgan mansab tizimi aynan markazlashgan aristokratik davlat shakllanishi bilan bir paytda joriy etilgan bo‘lsa kerak. Sillaning mansab tizimiga nazar tashlaganda esa, avvalgi davrlardagi qabila boshliqlarini eslatuvchi *chvan* (ba’zan *kari* shaklida ham uchraydi) va *chi* kabi atamalar darhol ko‘zga tashlanadi.[180] Koguryo va Pekchedagi kabi, bu ham Sillaning o‘tmishdagi turli unsurlarini birlashtirgan yagona siyosiy tuzilma yaratilganini bildiradi.

Uch Podsholik davridagi davlat boshqaruvi tuzilishiga kelsak, Koguryo bo‘yicha deyarli hech qanday aniq yozma ma’lumot saqlanmagan. Pekchega doir

[178] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War (Ko‘p qutbli Osiyoda Tan Xitoyi: diplomatiya va urush tarixi). – Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2013. – p. 201.
[179] Kim Busik. Samguk Sagi (History of the Three Kingdoms / Uch podsholik tarixi). – Seul, 1154.
[180] National Folk Museum of Korea. Encyclopedia of Korean Culture (Koreya madaniyati ensiklopediyasi). – Seoul, 2014. – p. 320.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

esa ma’lumki, uning poytaxti hali Xansonda turgan paytda (Pekche poytaxti 475-yilda hozirgi Kvangju yaqinidagi Xansondan hozirgi Gongjudagi Ungjinga ko‘chirilgan) olti nafar *chvapyong*, ya’ni vazir bo‘lgan va ular qirollik kotibiyati ishlari, moliya boshqaruvi, marosim va diniy tantanalar, saroy va poytaxt xavfsizligi, jazo ishlari hamda viloyatlardagi harbiy kuchlarni boshqarishga mas’ul bo‘lgan ma’muriy bo‘limlarga boshchilik qilganlar.[181] Pekche qirolligining so‘nggi bir asr va chorak davrida, ya’ni poytaxt Sabida (hozirgi Puyo) bo‘lgan kezda, ancha murakkab davlat boshqaruv tizimi ishlab chiqildi. U yigirma ikki bo‘limdan iborat bo‘lib, ulardan o‘n ikkitasi saroy ichidagi ishlar, o‘ntasi esa hukumatning umumiy boshqaruv ishlari bilan shug‘ullangan. Sillada esa markaziy boshqaruv idoralari muayyan vaqt davomida bosqichma-bosqich tashkil etilib, ularga harbiy ishlar, amaldorlar faoliyatini nazorat qilish, qirollik kotibiyati va moliya ishlari kabi vazifalar funksional yo‘nalishlarga ko‘ra taqsimlab berilgan.[182]

MUNOZARALAR

Uch Podsholikning har biridagi siyosiy jarayonning eng muhim xususiyati – siyosiy qarorlar qabul qilishda kengashsimon organlar o‘ynagan roldir. Koguryoda bosh vazirning yuqori zodagonlar kengashi tomonidan saylangani, shuningdek, beshinchi mansab darajasi (chovidu-tehyong) va undan yuqori martabadagilar muhim davlat masalalarini muhokama qilish va hal etish uchun yig‘ilganlari, yuqori zodagon amaldorlardan iborat shunday bir kengash mavjud bo‘lganini ko‘rsatadi. Xuddi shuningdek, Pekchedagi bosh vazirni ovoz berish tartibi orqali saylagan deb hisoblanadigan *chongsa-am* instituti ham bu davlatdagi kengashli boshqaruv tabiatini ma’lum darajada anglatadi. Ammo bu hodisaning eng ravshan namunasi Silladagi Hvabek instituti – ya’ni Zodagonlar kengashidir. Hvabek “favqulodda birinchi daraja”ga ega bo‘lgan yagona zodagon – *sangdedung* boshchiligidagi kengash bo‘lib, uning tarkibi “favqulodda ikkinchi daraja”ga ega bo‘lgan *tedung*lardan iborat edi; ularning barchasi, ehtimol, chin suyak nasliga mansub bo‘lgan. Bu kengashning vazifasi taxt vorisligi va urush e’lon qilish kabi davlatning eng muhim masalalari bo‘yicha qaror chiqarishdan iborat edi; Buddaviylikni rasman qabul qilish haqidagi dastlabki qaror ham aynan Hvabek kengashi tomonidan qabul qilingan. Hvabek qarorlarida bir ovozdan ma’qullash tamoyili amal qilgan.[183] Ayniqsa, muhim masalalar bo‘yicha yig‘ilishlar esa, alohida diniy ahamiyatga ega joylarda o‘tkazilgan – poytaxt Kyongjuning sharqiy chekkasidagi Chongsong tog‘i,

[181] Lee Injae, Miller O., Park J., Yi Hyun-hae. Korean History in Maps (Koreya tarixi xaritalarda). – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – pp. 104-105.
[182] Lee Ki-Baek. A New History of Korea (Koreyaning yangi tarixi). – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1984. – p. 70.
[183] McBride R.D. II. The Three Kingdoms of Korea: Lost Civilizations (Koreyaning uch podsholigi: yo‘qolgan sivilizatsiyalar). – Chicago: University of Chicago Press, 2020. – pp. 89-90.

janubdagi Uji tog‘i, g‘arbdagi Pijon maydoni va shimoldagi Kumgang tog‘ida.[184] Yuqori aristokratiyaning korporativ yig‘inlari sifatidagi ana shu kengash institutlarining mavjudligi va vazifalari Uch qirollikdagi siyosiy jarayonlarga o‘ziga xos xususiyat bag‘ishlagan.[185]

Uch qirollikning har birida markaziy hukumat hokimiyati qishloq hududlariga ham yoyilgan bo‘lib, bu hududlar asta-sekin ma’muriy birliklarga bo‘linib borgan. Ilgari qabila jamoalari o‘z hududiy huquqlarini da’vo qilgan joylarda qal’alar qurildi va ular mahalliy boshqaruv markazlariga aylantirildi. Keyinchalik bu mahalliy ma’muriy birliklar xitoycha *kun*, ya’ni okrug deb atala boshlandi. Koguryoda bunday okrug hokimi *choryogunji* (yoki *tosa*), Pekcheda kunjang, Sillada esa *kuntesu* deb atalgan, biroq amalda bu hokimlarning barchasiga umumiy tarzda *songju* – ya’ni “qal’a hokimi” yoki “qo‘rg‘on egasi” degan nom qo‘llangan. Keyinchalik bir necha okruglar birlashtirilib, viloyat tusidagi yirik ma’muriy birliklar hosil qilingan. Koguryoda bular beshta *pu*dan (shimoliy, sharqiy, janubiy, g‘arbiy va ichki), Pekcheda beshta *pang*dan (markaziy, shimoliy, sharqiy, janubiy va g‘arbiy), Sillada esa bir necha *chu*dan (masalan, yuqori, quyi va yangi) iborat bo‘lgan.[186] Ularning hokimlari mos ravishda Koguryoda *yoksal* (mahalliy so‘zning transkripsiyasi), Pekcheda *pangnyong* (“viloyat hokimi”), Sillada esa *kunju* (“harbiy qo‘mondon”) deb atalgan. Shuningdek, hukmron zodagon qatlam yashagan Uch qirollik poytaxtlarida ham alohida ma’muriy bo‘linmalar tashkil etilgan: Koguryo va Pekcheda beshta *pu* (“okrug”), Sillada esa oltita *pu* mavjud bo‘lgan. Har uchala holatda ham poytaxt aholisi viloyatlarda yashovchi kishilarga nisbatan yuqoriroq mavqega ega bo‘lgan.

XULOSA

Uch podsholik davrida Koreya yarimorolida shakllangan siyosiy boshqaruv tizimi markazlashgan aristokratik davlat modelining rivojlangan namunasi sifatida namoyon bo‘ladi. Koguryo, Pekche va Silla davlatlarida siyosiy hokimiyat asosan irsiy zodagon sulolalar qo‘lida jamlangan bo‘lib, ijtimoiy iyerarxiya va mansab darajalari tizimi orqali qat’iy tartibga solingan.

Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, har uchala davlatda boshqaruv tizimi dastlabki ko‘p markazli tuzilmalardan asta-sekin markazlashgan byurokratik apparatga aylangan. Bu jarayon ayniqsa mansab darajalari tizimining shakllanishi va

[184] Kim Jin Woong. A History of Korea: From “Land of the Morning Calm” to States in Conflict (Koreya tarixi: “Tong sokinligi mamlakati”dan zamonaviy davlatlargacha). – Bloomington: Indiana University Press, 2012. – p. 85.
[185] Farris W.W. State Formation in Korea: Historical and Archaeological Perspectives (Koreyada davlat shakllanishi: tarixiy va arxeologik yondashuvlar) // Korean Studies. – 2000. – P. 1–30.
[186] Lee Injae, Miller O., Park J., Yi Hyun-hae. Korean History in Maps (Koreya tarixi xaritalarda). – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – p. 120.

rivojlanishida yaqqol namoyon bo‘ladi. Koguryoda turli kelib chiqishga ega bo‘lgan elita qatlamlari yagona siyosiy tizimga integratsiya qilingan bo‘lsa, Pekcheda mansab tizimi ijtimoiy maqom va tashqi belgilar (masalan, kiyim ranglari) orqali ifodalangan. Sillada esa suyak-daraja (kolpum) tizimi ijtimoiy va siyosiy hayotni qat’iy belgilab beruvchi asosiy institutga aylangan.

Shuningdek, Uch podsholik davlatlarida kengashsimon boshqaruv institutlarining mavjudligi siyosiy qarorlar qabul qilish jarayonida aristokratik elitaning kollektiv ishtirokini ta’minlaganini ko‘rsatadi. Ayniqsa, Silladagi Hvabek kengashi davlat boshqaruvida muhim o‘rin tutgan va strategik qarorlar qabul qilishda hal qiluvchi rol o‘ynagan.

Umuman olganda, Uch podsholik davridagi siyosiy tizimlar nafaqat markazlashuv jarayonining muhim bosqichini aks ettiradi, balki Sharqiy Osiyoda davlat boshqaruvi va ijtimoiy tuzilmaning tarixiy evolyutsiyasini tushunishda ham muhim ilmiy ahamiyatga ega hisoblanadi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

Kitoblar

1. Kim Busik. Samguk Sagi (History of the Three Kingdoms / Uch podsholik tarixi). – Seul, 1154.
2. Lee Ki-Baek. A New History of Korea (Koreyaning yangi tarixi). – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1984. – 412 p.
3. Kim Jin Woong. A History of Korea: From “Land of the Morning Calm” to States in Conflict (Koreya tarixi: “Tong sokinligi mamlakati”dan zamonaviy davlatlargacha). – Bloomington: Indiana University Press, 2012. – 672 p.
4. Holcombe Ch. A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century (Sharqiy Osiyo tarixi: sivilizatsiya boshlanishidan XXI asrgacha). – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 456 p.
5. Lee Injae, Miller O., Park J., Yi Hyun-hae. Korean History in Maps (Koreya tarixi xaritalarda). – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 280 p.
6. McBride R.D. II. The Three Kingdoms of Korea: Lost Civilizations (Koreyaning uch podsholigi: yo‘qolgan sivilizatsiyalar). – Chicago: University of Chicago Press, 2020. – 312 p.
7. Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War (Ko‘p qutbli Osiyoda Tan Xitoyi: diplomatiya va urush tarixi). – Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2013. – 360 p.
8. National Folk Museum of Korea. Encyclopedia of Korean Culture (Koreya madaniyati ensiklopediyasi). – Seoul, 2014. – 520 p.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Jurnallar

9. Farris W.W. State Formation in Korea: Historical and Archaeological Perspectives (Koreyada davlat shakllanishi: tarixiy va arxeologik yondashuvlar) // Korean Studies. – 2000. – P. 1–30.
10. Gelabert P. va boshqalar. Paleogenomic Data from the Korean Three Kingdoms Period (Koreyaning uch podsholik davriga oid paleogenomik ma’lumotlar) // Current Biology. – 2022. – Vol. 32, № 18. – P. 1–10.
11. Koudela P., Yoo J. The Role of Korea in Cultural Transmission between China and Japan during the Three Kingdoms Period (Uch podsholik davrida Koreyaning Xitoy va Yaponiya o‘rtasidagi madaniy almashuvdagi roli) // Prague Papers on International Relations. – 2014. – P. 45–60.
12. Barnes G.L. State Formation in Korea and Japan (Koreya va Yaponiyada davlat shakllanishi) // Asian Perspectives. – 2001. – Vol. 40, № 2. – P. 123–156.
13. Pai Hyung Il. Culture Contact and State Formation in Korea (Koreyada madaniy aloqalar va davlat shakllanishi) // Journal of Asian Studies. – 2000. – Vol. 59, № 3. – P. 567–592.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XITOY SAYYOHLARINING MARKAZIY OSIYO TARIXIGA OID MA’LUMOTLARI
(qadimgi va o‘rta asrlar)

Xubbaliyeva Maxpurat Xamzayevna
TDSHU, Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi kafedrasi katta o‘qituvchisi, PhD

Annotatsiya. *Mazkur maqolada Markaziy Osiyo va Xitoy o‘rtasidagi tarixiy aloqalarning shakllanishi va rivojlanishida xitoy manbalarining o‘rni tahlil qilinadi. Qadimgi davrlardan boshlab Xitoy elchilari va sayyohlarining Markaziy Osiyoga qilgan safarlari, xususan Xan sulolasi davrida Chjan Chyanning g‘arbiy hududlarga yuborilishi ikki mintaqa o‘rtasidagi siyosiy, iqtisodiy va madaniy aloqalarning yo‘lga qo‘yilishiga asos bo‘lgani yoritiladi. Shuningdek, “Shi ji”, “Han shu”, “Hou Han shu” kabi tarixiy manbalar hamda budda rohiblari Fa Syan va Shyuan Zangning sayohatnomalari tahlil qilinib, ularning Markaziy Osiyo tarixini o‘rganishdagi ahamiyati ochib beriladi. Maqolada ushbu manbalarning geografik, etnografik va madaniy ma’lumotlarni yetkazishdagi o‘rni hamda zamonaviy tadqiqotlar uchun manbashunoslik asos sifatidagi ahamiyati asoslab beriladi.*

Kalit so‘zlar: *Markaziy Osiyo, Xitoy, tarixiy manbalar, sayohatnomalar, Chjan Chyan, Fa Syan, Shyuan Zang, Du Huan, “Shi ji”, “Han shu”, “Hou Han shu”, Buyuk Ipak yo‘li, buddizm, madaniy aloqalar, diplomatik munosabatlar, manbashunoslik.*

KIRISH

Bugungi kunda Markaziy Osiyo va Xitoy o‘rtasidagi munosabatlarning barqaror rivojlanishi natijasida ikki davlat aloqalari tarixiga oid manbalar va sayohatnomalar olimlar tomonidan keng tadqiq qilinmoqda. So‘nggi yillarda bevosita xitoy manbalarini o‘rganishga doir ilmiy ishlar ko‘lami kengayib bormoqda. Markaziy Osiyo va Xitoy munosabatlariga bag‘ishlangan tarixiy, siyosiy, madaniy mazmundagi yirik tadqiqotlar olib borilmoqda. Bu manbalar nafaqat Xitoyning ijtimoiy, siyosiy, iqtisodiy va madaniy hayoti balki, Markaziy Osiyo tarixiga oid boy ma’lumotlar beradi. Ular orqali Xitoy sivilizatsiyasining shakllanishi, rivojlanishi va boshqa xalqlar bilan aloqalari haqida bilib olish mumkin. Shuningdek, turkiy xalqlar tarixini o‘rganishda xitoy manbalari qimmatli ahamiyatga ega. Markaziy Osiyo tarixini arablar iste’losigacha bo‘lgan davri tarixiga oid manbalar Xitoyda saqlanib kelmoqda. Shuningdek, Markaziy Osiyo

tarixini aks ettirishda xitoylik sayyohlarning safarnomalari muhim ahamiyat kasb etadi.

Metodlar. Ushbu mavzuni yoritishda sohaning yetakchi olimlari A.Xodjayev “История формирования западных границ Китая”, “Buyuk ipak yo‘li: munosabatlar va taqdirlar”, A.Xodjayev va N.Karimovaning “Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования)” (Markaziy Osiyo davlatchilik tarixiga oid ma’lumotlar (tarjimalar va tadqiqotlar))[187], A.Xodjayev, Sh. Qo‘ldoshev va F.Jumaniyazovaning “Markaziy Osiyo davlatchilik tarixiga oid ma’lumotlar (xitoy manbalari asosida)”, nomli monografiya asarlaridan unumli foydalanildi. Metodologik jihatdan asarlar to‘plamining mazmuni va unda keltirilgan ma’lumotlar tahlili, tarixiylik, voqealarning tadrijiy berilishi usullaridan foydalanildi.

Natijalar. Qadimgi davrdan Markaziy Osiyoga Xitoydan elchilar, sayyohlar tashrif buyurgan. Xan sulolasi davrida imperator U-Di tomonidan Chjan Chyan g‘arbiy mintaqalarga jo‘natiladi, shundan boshlab Xitoy va qadimgi Markaziy Osiyo davlatlari to‘g‘ridan-to‘g‘ri siyosiy, iqtisodiy, savdo aloqalari yo‘lga qo‘yiladi va madaniy almashinuvlar bo‘lib o‘tadi. Ushbu jarayonlar qadimgi Xitoy manbalari “Syunnu biografiyasi” (匈奴列传 xiōngnú lièzhuàn), “Dovon haqida hikoyalar” (大宛列传 dàyuān lièzhuàn), Chjan Chyanning “Tarixiy yilnomalar” (史记 shǐjì), “Chjan Chyan biografiyasi” (张骞传 zhāng qiān chuán), “G‘arbiy hududlar haqida hikoyalar” (西域传 xīyù chuán), Ban Gu (班固 bān gù) ning “Xan sulolasi tarixi” asarlari, shuningdek, Tang davridagi budda rohibi Shyun Zang (玄奘 xuánzàng) ning “Buyuk Tang davri sayohatnomasi” (大唐西域记 dàtáng xīyùjì), Min sulolasi davridagi sayohatchi Chen Cheng (陈诚 chén chéng) ning “G‘arbiy yerlarga sayohat”[188] kabi Markaziy Osiyo haqidagi qadimgi Xitoy manbalari asosan geografik sharoitlar, mahalliy urf-odatlar va diniy madaniyatni tasvirlashga qaratilgan. Ushbu qadimiy Xitoy manbalari qadimgi Markaziy Osiyoni, shuningdek, Xitoy va Markaziy Osiyo o‘rtasidagi munosabatlar tarixini o‘rganishda zamonaviy Xitoy va xorijiy olimlar uchun muhim tarixiy asos yaratdi.

[187] А.Ходжаев, Н.Каримова. Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). – Т.:Фан, 2018. – 182 с.
[188] Тянь Е. Изучение Центральной Азии в Китае: история, современное состояние, основные исследовательские центры // Международные отношения, – 2019– №1. – С.28

Yana bir muhim manba V asrda tarixchi Fan Ye (范曄 fàn yè) (398-445) tomonidan tuzilgan “Hou Xan Shu” – “Kechki Xan sulolasi tarixi” (后汉书 hòuhànshū) asarida Markaziy Osiyo xalqlari o‘rtasidagi ilk elchilik aloqalari, shuningdek xitoylik sarkarda Ban Chaoning milodiy 94-96 yillarda Sharqiy Turkistonga yurishi, sayohatchi In Ganning 97-yili Ansi (Parfiya) ga borgani haqida ma’lumot berilgan[189].

O‘rta asrlarda Markaziy Osiyoga sayyohlarning tashrif buyurishi buddizm dini bilan bog‘liq. Milodiy IV asrdan boshlab Xitoyda buddizm gullab-yashnay boshladi. Bu din Hindistondan kirib kelgan bo‘lib, I asrdayoq mamlakatda tarqala boshlagan edi. Buddizm Xitoy madaniyatining rivojiga ulkan ta’sir ko‘rsatdi. Uning tarqalishi bilan Xitoy va Hindiston o‘rtasidagi diniy va madaniy aloqalar ham kengaydi. Xitoydan Hindistonga buddizm ziyoratchi rohiblari yo‘l oldilar. Ular Markaziy Osiyo sahrolari va tog‘li dovonlari orqali muqaddas joylarga safar qilganlar. Ushbu diniy maqsadlarda uzoq yurishlarni amalga oshirgan sayyohlar orasida yuksak madaniyatli, keng ilmiy qiziqishlarga ega bo‘lgan, Markaziy Osiyo va Hindistonni o‘rganishga katta hissa qo‘shgan shaxslar ham bo‘lgan. Ular orasida tarixiy va geografik adabiyotda chuqur iz qoldirgan eng mashhurlari Fa Syan va Shyuan Zangdir. Xitoyshunos olim A.Xodjayevning “Buyuk ipak yo‘li: munosabatlar va taqdirlar” nomli monografiyasi[190] da o‘zbek tarixshunosligida noma’lum bo‘lgan O‘zbekiston-Xitoy aloqalari, Buyuk Ipak yo‘li tarixiga oid olimning Xitoyga ilmiy ekspeditsiyasi davomida to‘plagan ma’lumotlari, Xitoydagi Markaziy Osiyoliklar, Markaziy Osiyoga kelgan xitoylik rohiblar haqidagi ma’lumotlar joy olgan. Buddizm rohibi Fa Syan haqida biografik ma’lumotlar kam. U Shensi viloyatida tug‘ilgan bo‘lib, bolaligini buddaviy monastirda o‘tkazgan. Voyaga yetgach, rohiblik kasbini tanlagan va budda ibodatxonalarini ziyorat qilish, muqaddas kitoblar qo‘lyozmalarini qo‘lga kiritish va bu kitoblar yozilgan tillarni o‘rganish maqsadida Hindistonga yo‘l oladi.

Fa Syan sayohati qariyb 15 yil davom etdi. 399-yilda u boshqa bir nechta ziyoratchilar bilan birga tug‘ilib o‘sgan Syan (Chan’an) shahridan Loess tog‘i orqali shimoli-g‘arbga, so‘ngra Shimoli-g‘arbiy Xitoyning qumli sahrolari janubiy chekkasi bo‘ylab yo‘lga chiqqan. Fa Syan (法顯 fǎxiǎn)[191] Hindistonga safari

[189] Гусаков В. В. Письменные китайские источники об античной Средней Азии // Общество и государство в Китае. – 2012. – №1. – С.280

[190] А.Хўжаев. Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. – Т.:Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2007. 280 б.

[191] Fa Syan (法顯) tahminan milodiy 337-422 yillarda yashagan budda monaxi, tarjimon, sayohatchi.

to‘g‘risida “Buddizm davlatlari haqida qaydlar” (佛国记 fó guó jì-Fo guo ji)[192] nomli sayohatnomasida Hindistonga qilgan sayohatining batafsil tavsifini o‘z ichiga olgan bo‘lib, Markaziy va Janubiy Osiyo xalqlari madaniyati, xalqaro munosabatlar haqida qimmatli ma’lumotlarni taqdim etadi. U faqatgina voqealarni bayon qilish bilan cheklanmay, har bir holatda ma’lumot manbasini ham ko‘rsatadi.

Budda rohibi Shyuan Zangga tegishli “Buyuk Tang sayohatnomasi” (大唐西域言己 dàtáng xīyù yán jǐ)[193] nomli asar muallifning Hindistonga milodiy 629-645 yillarda safaridan so‘ng tuzilgan bo‘lib, unda buddizmning muqaddas joylariga tashrif buyurishi, buddaviylikka tegishli matnlarni olishi bilan bog‘liq ko‘plab ma’lumotlar berilgan. Asar o‘n ikki qism (bob) dan iborat bo‘lib, unda Markaziy Osiyodagi shahar va davlatlar, undagi xalqlar xususan so‘g‘diylar haqida ma’lumotlar berilgan.

Tang davrida Markaziy Osiyoga kelgan yana bir sayyoh Du Huan 753-yilda Talas jangida asir olinadi. Markaziy va G‘arbiy Osiyo hamda O‘rta dengiz bo‘yidagi turli hududlarda 12 yil sarson bo‘lib, 762-763-yillar savdogarlar kemasiga o‘tirib, Guangjouga qaytib boradi. U o‘zining barcha ko‘rib-eshitganlarini o‘z safarnomasida yozib jamladi. Afsuski, mazkur kitob tarqalib ketgan. Quvonarlisi shundaki, “Keng qamrovli ensiklopediya” (《通典》[194], Tōng diǎn) sining bir bo‘limida saqlanib qolgan.

Xitoy va chet elda ko‘plab tarixchilar “Sayohatnoma” ni o‘rganib tekshirishgan. Xitoyda Ding Chyen “Sayohatnomaning geografik tadqiqoti” (《经行记地理考证》, Jīng xíng jì dìlǐ kǎozhèng),[195] Vang Guovey (王国维, Wáng Guówéi) “Qadimiy sayohatnoma tekshirilgan jamlanmasi” (《古行记校录》, Gǔ xíng jì jiào lù) da “Sayohatnoma” tekshirilib, izoh berilgan. Ozodlikdan avval Djang Yichun (张一纯, Zhāng Yīchún) “Du Huan sayohatnomasiga izohlar” (《杜环经行记笺记》, Dù Huán Jīngxíngjì jiān jì) asarini yozib, u yerda ko‘p izohlar qoldirdi va ma’lumotlarning aniqliligini tekshirib, ko‘plab tadqiqotchilarning ishlarini

[192] Fa-hsien. The Travels of Fa-hsien (399-414) or Record of the Buddhistic Kingdoms. Re-transl. by H. A. Giles. – L., 1956. – 116 p.

[193] Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юйцзи) / Сюань-цзан ; введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой ; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 463 с.

[194] “Tongdyan” Xitoy tarixidagi Tang Duyou tomonidan yozilgan birinchi to'liq siyosiy kitobdir. U Chjenyuan hukmronligining 17-yilida (801-yil) Tang sulolasi imperatori Dezong tomonidan tuzilgan va o‘ttiz yildan ortiq davom etgan. Bu kitob Huang Yu (Sariq imperator va Yu oilasi) davridan Tyanbao oxirigacha, Tan sulolasi imperatori Syuantszun hukmronligigacha bo'lgan qonun va qoidalarning evolyutsiyasini alohida batafsil bayon qilib beradi. Ushbu kitob “O‘n havola” ro‘yxatiga kiritilgan.

[195] 丁謙. 叢書集成三編: 浙江圖書館叢書. 藝文印書館, 1971.

jamladi. Mazkur kitobdagi “Sayohatnoma” tarixchi Djang Yichunning tekshiruvi va izohlariga asoslangan. Shuningdek, sayohatnomada biz quyidagi davlatlarni o‘rganishimiz mumkin.

Farg‘ona (So‘g‘d bekligi)[196] Talasdan 500 km janubda, sharqda tog‘lar bor, Shule mamlakati bilan 1000 km dan ortiq masofa bor, g‘arbda 500 km dan uzoqda Shosh mamlakati bor. Ko‘plab shaharlari va bir necha o‘n minglab askarlari bor. Tang sulolasi Syuanzong hukmronligi davrida milodiy 752-yili Malika He I ushbu mamlakatga turmush qurish uchun yuborilgan[197]. Vodiyda yovvoyi kalamushlar juda ko‘p. Bu yerda uzum, amalaka[198], xurmo, shaftoli va nok yetishtirish qulay. Bu yerdan O‘rta dengizigacha barcha aholi loydan ko‘tarilgan uylarda yashagan, qo‘y terisidan tikilgan matolarni kiyishgan, erkak va ayollarning barchasi etik kiyishadi, ayollari pardoz qilishmaydi, faqatgina qoshga ko‘k-qora suyuqlik surishadi.

Qang‘ davlati (康国, Kāng Guó, hozirgi O‘zbekiston Samarqand shimoliy hududi) Mi davlati (米国, Mǐguó, hozirgi Samarqand hududidagi Panjakent shahri yoki Maymurg‘ bo‘lishi mumkin) ning janubi-sharqida 150 km dan ortiq masofada joylashgan bo‘lib, yana bir nomi Samodyen (萨末鞬, Sà mò jiān), yeri unumdor, xalqi boy, mamlakat hududi kichik. Zardushtiy (祆, xiān) nomli Xudoga ibodat qiladigan joy, ko‘plab davlat ishlari bilan shug‘ullanuvchilar asosan shu yerdan chiqqan.

Du Huan sayohatnomasida Markaziy Osiyodagi shaharlarning geografik joylashuvi va shahar aholisi haqida ma’lumotlar keltiriladi. Sayohatnomaning

[196] 拔汗那国 (Bá hàn nà guó) – Farg‘ona (So‘g‘d bekligi). “Vey sulolasi tarixi” (《魏书》, Wèi shū) da “Poluona” (破洛那, Pò luò nà), “Suy sulolasi tarixi” (《隋书》, Suí shū) da “Pohan” (钹汗, Pō hàn), “G‘arbga sayohat” da esa “Peihan” (怖捍, Pèi hàn) deb nomlanib, poytaxti Farg‘onada joylashgan.

[197] 大唐天宝十年，嫁和义公主于此国。Tang sulolasi Syuan Zong hukmronligi davrida milodiy 752-yili Malika He I ushbu mamlakatga turmush qurish uchun yuborilgan. “Yangi Tang tarixi: G‘arbiy shaharlar haqida” (《新唐书•西城传》): “Tang sulolasi Syuan Dzong hukmronligi davrida milodiy 744-yili Farg‘ona (So‘g‘d bekligi) nomi “Ning yuan” (宁远, Níngyuǎn) ga o‘zgartirildi. Tang imperatori mamlakat qiroliga ona tomon familiyasi “Dou” (窦, Dòu) ni sazovor qildi hamda unga imperator oilasidan bo‘lgan Malika He I ni turmushga berdi”. “Tang sulolasining institutsional tarixi” (《唐会要》, Táng huì yào), “Bitiklar bo‘limining o‘rnaklari” (《册府元龟》, Cè fǔ yuán guī), “Boshqaruvga yordam beruvchi keng qamrovli o‘rnaklar” (《资治通鉴》, Zīzhì Tōngjiàn)” kabi asarlarda ushbu hodisa Tang sulolasi Syuan Zong hukmronligi davrida milodiy 744-yili sodir bo‘lgan deb qayd etilgan. Bu yerda esa “Tang sulolasi Syuan Zong hukmronligi davrida milodiy 752-yili” deb berilgan bo‘lib, xatolikka yo‘l qo‘yilgan bo‘lishi mumkin.

[198] 菴罗果 (Ān luō guǒ) – Amalaki deb nomlanuvchi meva. Li Shidjenning “Tibbiy moddalar jamlanmasi” (《本草纲目, Běncǎo gāngmù) asarining 33-jildida: “Amalaki keng tarqalgan nomi “Syanggay” (香盖, Xiāng gài)” bo‘lib, mevalar ichida eng yaxshi turi hisoblanadi. U g‘arbda o‘sib, olmani eslatuvchi meva turidir”.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

qimmatli ekanligi shundaki, unda voqealarning aniq bayon qilinishi va shu davr siyosiy, ijtimoiy, madaniy tarixini aniq ifodalaydi:

Birinchidan, Tang qo‘shinlari orasida qog‘oz ishlab chiqaruvchi ishchilar ko‘p edi. Shuning uchun arablar Samodyen (hozirgi Samarqand, O‘zbekiston) qog‘oz ishlab chiqaruvchi zavod qurishadi. O‘shandan boshlab Xitoyning qog‘oz ishlab chiqarish texnologiyasi Markaziy Osiyoga kirib keldi, keyinchalik Arabistondan Yevropa va butun dunyoga tarqaldi. Jahon sivilizatsiyasining tarqalishi qog‘oz ishlab chiqarishning hissasi tufayli jadal ravishda sodir bo‘ldi. Xitoyning qog‘oz ishlab chiqarish texnologiyasining g‘arbga tarqalishi Talas jangining kutilmagan va g‘ayrioddiy natijasi haqida ma’lumotlarni ko‘ramiz;

Ikkinchidan, Du Huandan butun sayohati davomida sharq va g‘arbga sayohatdagi ikki asosiy transport chizig‘i, ya’ni dengiz va quruqlikda sayohat qilishni boshdan kechirdi, bu esa oson emas. U nafaqat G‘arbiy Osiyodagi arablar poytaxtiga tashrif buyurgan Tang sulolasining birinchi vakili, balki Misr, Sudan, Efiopiya va boshqa Afrika mamlakatlariga tashrif buyurgan birinchi xitoylik ham edi. Uning g‘ayrioddiy sarguzasht tajribasi uni Xitoy kashfiyotlari tarixida chinakam ajoyib sarguzashtchi va tadqiqotchiga aylantirdi;

Munozara. Qadimda Chjan Chyanning Markaziy Osiyoga tashrifidan so‘ng, Xan sulolasi hukmdoriga G‘arbiy o‘lkalar haqida ko‘plab ma’lumotlar ma’lum bo‘ladi. Miloddan avvalgi II asrning so‘nggi o‘ttiz yilligida Xan sulolasi birinchi marta Markaziy Osiyo davlatlari bilan aloqalar o‘rnatdi. II asrning oxirgi o‘n yilligida boy va qudratli Xan sulolasi bu aloqalarga juda katta ahamiyat kasb etdi. Sima Chyanning yozishicha, imperator chet el elchilarini tantanali qabul qilib, ularni hashamatli sovg‘alar bilan taqdirlaydi, shu orqali o‘z boyligini namoyon etadi va ko‘plab o‘z elchilarini yuboradi. O‘z nufuzini mustahkamlash uchun Xan sulolasi hukmdori U-di hatto olis Davanga qarshi urush uyushtiradi va buning uchun ulkan mablag‘ sarflaydi.

Shyuan Zang sayohatini aks ettiruvchi “Da Tang Si yuy ji” ya’ni “Buyuk Tang sayohatnomasi” da Markaziy Osiyo shaharlariga tashrifi va sayohat marshruti aniq tasvirlanadi. Hindistonga safari davomida hozirgi Qozog‘iston, Qirg‘iziston, O‘zbekiston va Afg‘oniston kabi davlatlardan o‘tadi. Shyuan Zang sayohatnomasida nafaqat shaharlar joylashuvi va aholisi, balki Markaziy Osiyodagi buddizm diniga e’tiqod qiluvchi hududlar haqida ma’lumotlarni ko‘rishimiz mumkin. Shyuan Zang Markaziy Osiyodagi shaharlarning nomlarini va ketma ketligini ham keltirib o‘tadi. Shuningdek, budda rohibi Shyuan Zangning G‘arb mamlakatlari haqidagi ma’lumotlari Tang sulolasi hukmdoriga topshirilgan maxfiy hujjat hisoblanadi. Safarnomadan o‘rin olgan Markaziy Osiyodagi davlatlar nomlari

va geografik joylashuvi haqidagi ma’lumotlaridan “Tang sulolasining eski tarixi” va “Sin sulolasining yangi tarixi” nomli sulola tarixini yozishda foydalaniladi.

Du Huan ham Shyuan Zang kabi shaharlarning geografik joylashuvi haqida ma’lumot beradi. Sayohatnomada Suyob shahri, Bedel dovoni, Qang‘ davlati, Marv shahri, Shan mamlakati, Vizantiya imperiyasi, Mag‘rib shahri, Shidzi mamlakati kabi shaharlarning nomini xitoy tilida keltiriladi. Shuningdek, “Du Huan sayohatnomasi” da “Talas jangi” tafsilotlari ayniqsa qimmatli hisoblanadi. Ushbu safarnomada islom va xristianlik keng tarzda tanishtirilgan va shu bilan birga dinlararo almashinuvni yanada tadqiq qilishimizga yordam beradi. Ma’lum bir darajada, Islomning batafsil tanitilishi uning Xitoyda rivojlanishiga turtki bo‘ldi. Du Huan o‘zining sayohatnomasida bilgan ta’limotlarini yozadi va bu Islom haqidagi ta’limotlarni to‘g‘ri tushunishda muhim ahamiyat kasb etadi. Bu esa Xitoydagi eng qadimgi yozma manba hisoblanadi. Uni “Islom qonunining Sharqqa tarqalishining birinchi ovozi” deb ataladi.

QO‘LLANILGAN MANBALAR RO‘YXATI:

1. Хўжаев А.Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. – Т.:Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2007.
2. 西域行程记．西域番国志. (Xīyù xíngchéng jì. xīyù fān guózhì). G‘arbiy o‘lkaga sayohat. G‘arbiy viloyatlar xronikasi. Pekin, 1991.
3. Fa-hsien. The Travels of Fa-hsien (399-414) or Record of the Buddhistic Kingdoms. Re-transl. by H. A. Giles. – L., 1956.
4. Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юйцзи) / Сюань-цзан ; введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой ; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 2012.
5. Тянь Е. Изучение Центральной Азии в Китае: история, современное состояние, основные исследовательские центры // Международные отношения, – 2019– №1.
6. Ходжаев А., Н.Каримова. Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). – Т.:Фан, 2018.
7. Гусаков В. В. Письменные китайские источники об античной Средней Азии // Общество и государство в Китае. – 2012. – №1.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

А.А. СЕМЁНОВНИНГ ПОМИР ВА УНИНГ АҲОЛИСИНИ ЎРГАНИШГА ҚЎШГАН ҲИССАСИ.

Кенжаева Наргиза Соатмуминовна,
Чирчиқ давлат педагогика университети тузилмасидаги Қатағон қурбонлари хотираси музейи директори, тарих фанлари бўйича фалсафа доктори, доцент, kenjaeva82@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Мазкур мақола XX аср бошидаги рус шарқшуноси А.А. Семеновнинг Помир ва Помиролди аҳолиси маънавий маданиятини тадқиқ этишга қўшган ҳиссасини таҳлил қилишга бағишланган. Ишда минтақанинг тарихий изоляцияси туфайли узоқ вақт давомида ташқи тадқиқотчилар учун номаълум бўлиб келган ўзига хос диний оқим – Помир исмоилийлигининг илмий кашф этилиш жараёни кўриб чиқилади. А.А. Семёнов тадқиқотлари исломгача бўлган эътиқодлар қолдиқлари ва жонларнинг кўчиб юриши ҳақидаги тасаввурларни ўзида сақлаб қолган ҳамда Носир Хусравнинг ортодоксал матнларига зид келувчи “халқчил” исмоилийликнинг ўзига хос хусусиятларини очиб бериш имконини берди. Шунингдек, мақолада помирликларнинг турмуш тарзи ва урф-одатларини империя илмий билими ва ўша даврда оммабоп бўлган антропологик назариялар призмаси орқали тасвирлаган.

Калит сўзлар: *Помир, маънавий маданият, Помир исмоилийлиги, рус шарқшунос, А.А. Семёнов, этнография, диний эътиқодлар, тарихшунослик, Носир Хусрав, исломшунослик.*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу вклада российского востоковеда начала XX века А.А. Семенова в исследование духовной культуры населения Памира и Припамирья. В работе рассматривается процесс научного открытия памирского исмаилизма — уникального религиозного течения, которое в силу исторической изоляции региона долгое время оставалось неизвестным для внешних исследователей. Труды А.А. Семенова позволили выявить специфические черты «народного» исмаилизма, сохранившего в себе пережитки доисламских верований, представления о переселении душ и во многом противоречившего ортодоксальным текстам Насира Хосрова. В статье также анализируется то, как уклад жизни и обычаи памирцев

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

описывались сквозь призму имперского научного знания и популярных в тот период антропологических теорий.

Ключевые слова: *Памир, духовная культура, памирский исмаилизм, российский востоковед, А.А. Семенов, этнография, религиозные верования, историография, Насир Хосров, исламоведение.*

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the contribution of the early 20th-century Russian Orientalist A.A. Semenov to the study of the spiritual culture of the population of the Pamir and Cis-Pamir regions. The paper examines the process of the scientific discovery of Pamir Ismailiism — a unique religious movement that, due to the historical isolation of the region, long remained unknown to external researchers. The works of A.A. Semenov allowed for the identification of the specific features of «folk» Ismailiism, which preserved remnants of pre-islamic beliefs, concepts of the transmigration of souls, and in many ways contradicted the orthodox texts of Nasir Khusraw. The article also analyzes how the way of life and customs of the Pamir peoples were described through the prism of imperial scientific knowledge and the anthropological theories popular during that period.

Keywords: *Pamir, spiritual culture, Pamir Ismailiism, Russian Orientalist, A.A. Semenov, ethnography, religious beliefs, historiography, Nasir Khusraw, Islamic studies.*

КИРИШ

Россия империяси Марказий Осиёда ўз ҳукмронлигини ўрнатганидан кейин, Помир ҳудуди географик, этнографик жиҳатдан ҳам мутлақо ўрганилмаган ўлка эди. Помир аҳолисини этнографик жиҳатдан ўрганиш масаласига тўхталадиган бўлсак, мазкур ҳудудларни этнографик ўрганиш борасидаги илк қадамлар йирик географик кашфиётлар билан бир вақтга тўғри келди. Бу ўрганишлар мутахассис этнографлар томонидан эмас, балки географлар, ботаниклар, зоологлар ёки ҳукумат томонидан янги қўшиб олинган ўлкага юборилган зобитлар ва амалдорлар томонидан амалга оширилди. Ушбу олимларнинг ишларидаги географик маълумотлар эпизодик характерга эга бўлиб, минтақа бўйича тарқоқ маълумотлардан иборат эди. XX аср бошларига келиб, А.А. Бобринский, А.А. Семёнов, А.Е. Снесарев ва бошқа илмий ходимлар томонидан махсус тўпланган этнографик дала материаллари асосида помирликлар ва уларнинг ижтимоий ҳаёти ҳақидаги илк тадқиқотлар пайдо бўла бошлади.

Маълумки, ҳар қандай халқ маънавий маданиятининг муҳим таркибий қисми унинг диний тасаввурлари ва эътиқодларидир. Бу борада Помир аҳолисининг диний қарашлари сезиларли даражада ўзига хослиги билан ажралиб турарди, чунки Марказий Осиёнинг қолган қисмида суннийлик устувор бўлган бир пайтда, бу ерда исломнинг исмоилийлик таълимоти кенг тарқалган эди.

АДАБИЁТЛАР ТАҲЛИЛИ ВА МЕТОДЛАР

А.А. Семёновнинг тадқиқотлари ва фаолияти бир қатор нашрларда, жумладан, Б.А. Литвинский ва Н.М. Акрамов [7], Б.В. Лунин [8] ишларида, шунингдек, яқинда чоп этилган унга бағишланган махсус мақолалар тўпламида [3] кўриб чиқилган. Шунингдек, В.В. Бартольд [2], Г.Н. Чабров [25; 26], А.И. Кормилицин [5] ва бошқаларнинг ишларини таъкидлаб ўтиш жоиз.

Асосий воқеаларни таҳлил қилиш жараёнида биз тарихий тадқиқот усулларининг бир қанча методларидан фойдаландик, улар ушбу муаммони чуқур ўрганишга ва асосли хулосалар чиқаришга ёрдам берди. Тарихий-қиёсий методдан фойдаланиш нафақат Помир ва унинг аҳолисини ўрганиш жараёнини, балки бу тадқиқотларнинг замирида ётган омилларни ҳам батафсил ёритиш имконини берди.

Тарихий-тизимли метод – тизимли ёндашув тамойиллари амалга ошириладиган тарихий тадқиқотларнинг асосий методларидан биридир. Ушбу метод ўтмишдаги объектлар ва ҳодисаларни яхлит тарихий тизим сифатида ўрганишга йўналтирилган бўлиб, уларнинг тузилиши ва функциялари, ички ва ташқи алоқалари, шунингдек, динамик ўзгаришлари (генезиси) таҳлил қилинди. Дедуктив метод орқали муаммонинг қўйилиши, маълумотлар йиғиш, гипотезани шакллантириш, уни текшириш, натижаларни ўрганиш ва хулосаларга келиш жараёнлари амалга оширилди.

МУҲОКАМА

Узоқ вақт давомида Помир ва унга туташ минтақалар хусусида шунингдек, мазкур минтақада истиқомат қилиб келган исмоилийлар жамоаси ҳақида деярли ҳеч нарса маълум эмас эди. Бунинг сабаби шундаки, бу ерда яшовчи исмоилийлар “бегоналар киришини истамаган ҳолда, тарихий жиҳатдан бошқа исмоилий жамоаларидан ажралган ҳолда яшаганлар” [4, С. 210.].

Исмоилийлар жамоасини ўрганиш ишларини рус шарқшунос олими – Александр Александрович Семёнов (1873–1958) бўлиб, кўплаб янги ва қизиқарли маълумотларни беради.

А.А. Семёнов 1900 йилда Лазарев шарқ тиллари институтини биринчи даражали диплом билан (“учта шарқ тилини биладиган ориенталист”) тамомлади. Академик И.Ю. Крачковскийнинг таъкидлашича, 1900 йилги битирувчилар орасида “Ўрта Осиё тарихининг йирик билимдони, эроншунос, исмоилийлар тарихи бўйича биринчи мутахассис А.А. Семёновни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозим...” [6, С. 170.].

А.А. Семёнов талабалик йилларидаёқ Ўрта Осиё халқлари тарихи, тиллари ва турмуш тарзини ўрганишга катта қизиқиш билдирган. Масалан, у 1898 йилда Москва университети қошидаги Табиатшунослик, антропология ва этнография жамияти томонидан ташкил этилган Ўрта Осиё экспедициясида иштирок этди. А.А. Бобринский раҳбарлигидаги мазкур экспедиция Зарафшон ва Ванж юқори оқимида антропологик, зоологик ва метеорологик тадқиқотларни олиб борди. Ўрта Осиёга бир неча бор саёҳат ва экспедицияларини уюштирган А.А. Семенов, “тилшунослик ва этнографияга оид фундаментал асарларини яратди ва бу ишлари учун Москва университети қошидаги Табиатшунослик, антропология ва этнография ҳаваскорлар жамиятининг олтин медали билан тақдирланди” [8, С. 299.].

Ўша давр адабиётларида Ўрта Осиёнинг тоғли ҳудудлари, айниқса Зарафшоннинг юқори қисми, Қоратегин, Дарвоз ва Помир тарихи жуда кам ёритилган эди. 1903 йилда А.А. Семёнов томонидан “Зарафшон тоғлари, Қоратегин ва Дарвоз этнографик очерки” ёзилди. Ушбу асар ҳозирги Тожикистоннинг тоғли ҳудудлари аҳолиси тарихи ва этнографиясини ёритишда муҳим роль ўйнади. Унда минтақа аҳолисининг турмуш тарзи, машғулотлари, ҳунармандчилиги ва диний эътиқодлари батафсил ёритилган бўлиб, шунингдек, халқ ижодиёти ёдгорликларига оид материаллар ҳам ўрин олган.

1912 йилда А.А. Семёнов “Ислом олами” журналида “Шуғнон исмоилийларининг диний эътиқодларига доир” номли мақоласи эълон қилинди [10]. Ушбу тадқиқот ишда муаллиф А.А. Бобринский тўплаган маълумотлардан фарқ қилувчи кўплаб қизиқарли тафсилотларни келтиради. Хусусан, А.А. Семёнов исмоилийлар жамоаси нафақат Афғонистон ва Ҳиндистонда, балки Қашқар ва Тибетда ҳам мавжуд деган хулосага келди. Муаллиф исмоилийларнинг эътиқоди асосларини ва илк бор уларнинг баъзи маросимларини баён қилиб беради. Шуни таъкидлаш жоизки, А.А. Семёнов дала тадқиқотлари ва оғзаки тўплаган маълумотларини бевосита исмоилий руҳонийларидан олмаганлиги боис, мақолада расмий “китобий” талқин эмас,

балки биринчи навбатда “халқчил исмоилийлик” ўз аксини топганлигини муаллифнинг ўзи ҳам алоҳида таъкидлайди [10, С. 523.].

А.А. Семёнов Помир исмоилийлари таълимотининг турли жиҳатларига тўхталар экан, атрофимиздаги олам қандай яратилган ва унинг асоси нимадан иборат эканлиги каби масалаларга тўхталиб ўтади [10, С. 534-542.].

Шунингдек, муаллиф руҳонийлар институти ва уларнинг оддий исмоилийлар ҳаётидаги мақоми, шунингдек, Помир аҳолиси ўртасида кенг тарқалган демонологик тасаввурлар ҳақида қатор қизиқарли маълумотларни келтиради. Бу маълумотлар Помир исмоилийлари орасида исломгача бўлган эътиқодларнинг қолдиқлари сақланиб қолганлигини яққол намойиш этади.

1915 йилда А.А. Семёновнинг Помир исмоилийлари орасида машҳур бўлган икки йирик мусулмон мутафаккири – Жалолиддин Румий ва Баҳоуддин Нақшбандга бағишланган иккита мақоласи эълон қилинди [12]. Муаллиф ушбу шахслар таржимаи ҳолининг умуммусулмон дунёсида қабул қилинган анъанавий вариантларидан тубдан фарқ қилувчи маҳаллий (помирча) талқинларини тақдим этади. Мазкур тадқиқотлар исмоилийлик ва тасаввуф ўртасидаги узвий алоқадорликни ўрганишда муҳим ва қимматли манба ҳисобланади.

1915–1916 йилларда А.А. Семёнов Шуғнонда бўлган вақтида қўлёзма манбаларни тўплашда катта фаоллик кўрсатди. Натижада диний ва дунёвий мазмундаги насрий ҳамда шеърий асарлардан иборат ноёб исмоилий қўлёзмаларининг жуда қимматли тўпламини йиғди. Шарқшунос олим А.В. Станишевский (Азиз Ниалло) таъкидлаганидек, А.А. Семёнов “бу соҳада тинимсиз изланишлар олиб борган ва катта меҳнат қилган” [19, С. 228.]. Мазкур ажойиб тўплам билан 1916 йилда В.В. Бартольд томонидан атрофлича ўрганилган бўлса [1, С. 1239.], 1918 йилда А.А. Семёнов уни Осиё музейи фондига топширган [20]. Ушбу манбаларнинг тўққизтаси муаллиф томонидан тавсифланган ва илмий муомалага киритилган [11].

1917 йилдан кейин ҳам А.А. Семёнов исмоилийликни тадқиқ этиш соҳасидаги ишларини давом эттирди. 1923 йилдан 1926 йилгача бўлган даврда у Бадахшон ва Помирда исмоилийлик тарқалишининг асосчиси ҳисобланган буюк тожик-форс шоири ва машҳур исмоилий арбоби Носир Хусравнинг “Важҳи дин” (“Имон юзи”) асарининг алоҳида боблари таржимаси ва баёнини ўз ичига олган қатор тадқиқотларни эълон қилди [16; 17; 13; 15].

1926 йилда унинг “Помир исмоилийлиги догматикасига доир” номли иши нашр этилди. Унда Носир Хусравнинг “Важҳи дин” асари XI бобининг таржимаси ва унга А.А. Семёнов томонидан ёзилган сўзбоши ўрин олган.

А.А. Семёновнинг қайд этишича, “Важҳи дин” китоби Помир ва Ўрта Осиё исмоилийлари орасида энг оммабоп бўлиб, уни пирлар ва уларнинг ноиблари қўлланма сифатида мутолаа қиладилар. Кўпинча ушбу китобнинг “Ла илаҳа иллаллоҳ шаҳодатининг ифодаси ҳақида” деб номланган ўн биринчи боби исмоилийлик ақидаларини ўз ичига олганлиги боис, алоҳида аҳамият касб этади. Муаллифнинг таъкидлашича, ушбу боб моҳиятига кўра ислом билан умумийликка эга бўлмаган исмоилийлик ўзининг диний ва сиёсий идеалларини мусулмончиликнинг ташқи қобиғи остида қанчалик усталик билан яширганига ёрқин мисол бўла олади. А.А. Семёновнинг фикрича, исмоилийлик асосчилари халқ қалбини ўз дини орқали забт этишдек мураккаб муаммони моҳирона ҳал қилганлар, аммо бунда динни давр имомига чексиз итоат этишни талаб қиладиган бошқа маънода талқин этганлар [15, С. 4.]. Шу сабабли исмоилийлик таълимотида, “кимки ўз даври имомини танимай вафот этса, у жаҳолият даврида (яъни исломдан олдинги даврда) вафот этган ҳисобланади; худди шунингдек, кимки имом олдидаги мажбуриятларини бажармай вафот этса ҳам, у жаҳолият давридагидек вафот этган ҳисобланади” деган ақида марказий ўрин тутади [9, С. 167.]. Шарқий исмоилийлик таълимотининг ғоявий раҳнамоси XI асрда имом ноиби унвонига эга бўлган, аммо амалда Қазвин яқинидаги Аламут қалъасида қудратли султон бўлган Ҳасан Саббоҳ эди. Ушбу таълимотнинг яна бир йирик намоёндаси машҳур шоир, файласуф ва илоҳиётчи Носир Хусрав бўлган. Унинг Юмғондаги мазори асрлар давомида нафақат Тожикистон ва Афғонистондан, балки Ҳиндистон, Эрон ва Хитойдан ҳам зиёратчиларнинг муқаддас қадамжоси ҳисобланади [16, С. 4.].

А.А. Семёнов таржимага асос қилиб олинган қўлёзмалар ҳақида қисқача маълумот берганидан сўнг, “Имон чеҳраси” (“Важҳи дин”) китобининг XI боби тўлиқ таржимасини беради.

У “Шарқий исмоилийликда Қуръонга қараш” номли асарида ислом динининг энг муҳим манбаси бўлган Қуръонга муносабати ва унинг таълимоти маъноларини талқин қилиш масаласини таҳлил қилади. Зеро, исмоилийлик таълимотига кўра, ҳарф ва сўзларнинг бирикиши тимсоллар ва жисмларнинг бирикишига зид қўйилади; алоҳида ҳарфлар сўз бирикмаларига нисбатан, худди алоҳида элементлар жисмлар бирикмасига нисбат берилганидек қаралади ва оламдаги ҳар бир ҳарфга, жонларда у ёки бу хусусият тарқалгани каби, ўзининг зиддияти, махсус хусусияти ва таъсири мос келади [9, С. 170.]. Бундай мулоҳазалар исмоилийларнинг “Имон чеҳраси” китобининг XI бобида берилган.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Муаллиф исмоилийларнинг ушбу таълимотини кўрсатиб ўтар экан, бу қарашлар “анъанавий мусулмончиликнинг қотиб қолган шаклларидан шу қадар узоқ ва мослашувчанки, улар давр ва шароит талабларига қараб осонгина ўзгариши мумкин”лигини қайд этади[13, С. 60.]. Бундан сўнг муаллиф Носир Хусравнинг юқорида тилга олинган асаридан “Қуръон ҳақида, унга оид далиллар ва унинг ботиний маъноси талқини ҳақида”ги IX боб таржимасини келтиради. Унда моддий олам мавжудлигининг мустаҳкамлиги “ақл далиллари” билан исботланган.

Оламдаги энг мукаммал мавжудот инсондир, “оламнинг намоён бўлувчи ибтидоси эса Яхлиб борлиқ руҳидир яъни Куллий жондир – кейинроқ пайдо бўлган инсон жонлари унинг зарралари ҳисобланади” [13, С. 62-63.]. Инсониятнинг нажоти Қуръонда, оламнинг нажоти эса инсониятдадир, демак, оламнинг мавжудлик барқарорлиги ва нажоти Худонинг каломи бўлган Қуръондадир, деган хулоса қилинади. Аммо илоҳий амрлар Қуръонда икки турда ифодаланган: амалларни бажариш ва уларнинг ботиний маъносини англаш. Бундан келиб чиқадики, Қуръонни фақат унинг таълимотига мувофиқ иш тутадиган ва ўз амалларининг маъносини англайдиган кишигина тўлиқ англаб етган бўлади [13, С. 65.]. Кейинроқ Носир Хусрав Қуръондаги алоҳида ҳарф ва сўзларнинг маъносини очиб беради ва уларнинг “ҳақиқий маъноси”ни талқин қилади.

Бошқа иккита асарида – “Носир Хусрав маънавий ва моддий олам ҳақида” ҳамда “Помир исмоилийлари ва Носир Хусрав таълимотида жоннинг кўчиб юриши ҳақидаги қарама-қаршиликлар”да А.А. Семёнов Помир исмоилийлари таълимоти ва унинг Носир Хусрав асарларида қайд этилган исмоилийлик таълимотидан фарқи ҳақида қизиқарли маълумотларни келтиради. Хусусан, ортодоксал исмоилийликдан фарқли ўлароқ, Помир исмоилийлари таълимотида жонларнинг кўчиб юриши (танадан танага ўтиши) ҳақидаги тасаввурлар мавжуд бўлиб, бу Носир Хусрав таълимотига мутлақо зиддир [17, С. 110-116.].

А.А. Семёнов яна иккита исмоилий таълимотига оид асарларнинг таржимасини нашр эттирган. Булар “Алининг илоҳий сифатларига бағишланган исмоилий қасидаси” ва “Илоҳийлаштирилган Алига бағишланган исмоилий мадҳияси” бўлиб, ушбу иккала асар ҳам битта қўлёзмада мажмуасидан ўрин олган. “Мадҳия” муаллифи “Фидоий” адабий тахаллуси билан ижод қилган замонавий исмоилий олими ҳисобланади. Форс тилида ёзилган “Исмоилийлик тарихи” асарининг муаллифи бўлган ушбу

шахс Оғахон III нинг илмий-диний доирасига мансуб бўлган. Унинг тўлиқ исми Муҳаммад ибн Зайн ал Обидин Хуросонийдир.

“Мадҳия” Хоки Хуросоний қаламига мансуб “Қасида”дан ғоявий ва мазмун жиҳатидан сезиларли даражада фарқ қилади. Диний-жамоавий адабиёт намунаси бўлган “Қасида”да Али деб аталувчи илоҳнинг ердаги барча зуҳурлари кетма-кетлиги баён этилибгина қолмай, балки уларда мужассамланган илоҳ Алининг ташувчилари сифатида барча исмоилий имомлари ҳам санаб ўтилган. Шундай қилиб, “Қасида”да исмоилийликнинг дин сифатидаги ўзига хос қисқача баёни ўз аксини топган. [14, С. 52.].

“Мадҳия”га эса муаллиф биринчи навбатда исмоилий издошлари учун Алига бўлган муҳаббат, унга эътиқод ва чексиз садоқат келтирадиган маънавий ва моддий манфаатларни тасвирлайди. Асарнинг асосий қисмида Алининг болалиги тасвирланган бўлиб, унда азалий билимга эга бўлган, хусусиятлари икки мангу тирик пайғамбар – Хизр ва Илёснинг ҳайратланарли сифатларидан устун бўлган барча ерда ҳозиру нозир гўдакнинг қудрати тасвирланади. Илоҳийлаштирилган инсон сифатида намоён бўлувчи Алининг бу хусусиятларини А.А. Семёнов гностикларнинг демиурги, Александрия фалсафа мактабининг логоси ва христианликдаги “худонинг ўғли” сифатлари билан қиёслайди. Исмоилийлик таълимотига кўра, инсоният тарихининг ҳозирги даври Али сиймосида мужассамланган илоҳий мазмун даври, аниқроғи Алининг бир-бирининг ўрнини эгалловчи раҳнамо-имомларда доимий мужассамланиши давридир [14, С. 53-54.].

А.А. Семёновнинг исмоилийлик муаммосига бағишланган сўнгги йирик тадқиқоти Носир Хусравнинг “Рўшноинома” (“Нур китоби”) асарининг шу пайтгача номаълум бўлган Шуғнон исмоилийлари таҳririни нашр этишдир. Ушбу нашр А.А. Семёновнинг фанга қўшган салмоқли ҳиссасидир, чунки унгача маълум бўлган “Рўшноинома”нинг бешта рўйхати у келтирган матндан жуда катта фарқ қилади [18].

Шундай қилиб, Помир исмоилийлигини ўрганиш рус исломшунослигининг энг ёрқин саҳифаларидан бирини ташкил этади, айниқса А.А. Семёновнинг ишлари исмоилийликни тадқиқ этишга беқиёс ҳисса қўшди ҳамда уни ўрганишни сифат жиҳатидан янги илмий босқичга кўтарди. Шу боис А.А. Семёнов асарларини ўрганиш ва улардан фойдаланиш нафақат Помир исмоилийлигини, балки ушбу ҳодисани яхлит ҳолда тадқиқ этишда улкан ёрдам бериши мумкин. Уларнинг ишлари бугунги кунда ҳам тарихчилар, файласуфлар ва диншунослар учун мазкур муаммо бўйича қимматли манба бўлиб хизмат қилмоқда.

АДАБИЁТЛАР РЎЙХАТИ:

1. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 г. // Известия Российской АН. 1916.
2. Бартольд В.В. Александр Александрович Семенов (Жизнеописание). // Изв. РАН. Сер. 6. 1918, № 14.
3. Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию академика А.А. Семенова (Душанбе, 13 декабря 2014г.). Душанбе, 2014.
4. Дафтари Ф. Краткая история исма'илизма. Традиции мусульманской общины. М., 2004. С. 210.
5. Кормилицин А.И. Некоторые данные о трудах А. А. Семенова по выявлению и исследованию восточных рукописей. // Востоковедение. (Труды ТашГУ. Вып. 456.). Т., 1973.
6. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. - Л., 1950.
7. Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (Научно биографический очерк). М., 1971.
8. Лунин Б. В. Семенов А. А. // Советская археология. 1959, № 2.
9. Мухаммад ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. Введение, перевод и комментарии С. П. Прозорова. М., 1984. С., 167.
10. Семенов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов. // Мир Ислама. 1912, № 4. С. 534-542.
11. Семенов А. А. Описание исмаилитских рукописей собранных А.А. Семеновым. // Изв. Российской АН, сер. 4, т. XII, 1918.
12. Семенов А. А. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Беха-уд-дине. // ЗВОРАО. т. XXII, 1915.
13. Семенов А.А. Взгляд на коран в восточном исмаилизме. // Иран. т. I. М., 1926.
14. Семенов А.А. Исмаилитский панегирик обожествленному Алию. Иран. Т. III. М., 1929.
15. Семенов А.А. К догматике памирского исмаилизма. Т., 1926.
16. Семенов А.А. Насыри-Хосров о мире духовном и материальном. // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь проф. А.Е. Шмидта. Т., 1923.
17. Семенов А.А. Противоречия в учении о переселении душ у памирских исмаилитов и Насыр-и-Хосрова // Бюллетень САГУ. 1925, № 9.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

18. Семенов А.А. Шугнанско-исмаилитская редакция «Книги света» Насир-и-Хосрова // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН. т. V. Л., 1930.
19. Станиневский А. В. Выступление. Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте, 4 – 11 июня 1957 г. Т., 1958. С. 228.
20. Тихонов Д. И. Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. // Ученые Записки Института Востоковедения. т. VI. М. – Л., 1953.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

UDK:94.5.

BIRLASHGAN MILLATLAR TASHKILOTINING HABITAT DASTURI VA UNDA O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI SHAHARLARI ISHTIROKI

Bayqabilov Xusnudin Mardanovich
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi
mustaqil izlanuvchisi,
dotsent, geografiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
e-mail: xusnudinbayqabilov@gmail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0094-6013

Annotatsiya: *Mazkur maqolada Birlashgan Millatlar Tashkilotining Habitat dasturi (UN-Habitat)ning asosiy maqsadlari, global shaharsozlik siyosatidagi o‘rni va xususan O‘zbekiston Respublikasi shaharlari ushbu dasturda ishtirokining yo‘nalishlari tahlil qilinadi. Tadqiqotda UN-Habitatning barqaror shaharlarni rivojlantirish konsepsiyasi, “Yangi shahar kun tartibi” (New Urban Agenda) tamoyillari hamda O‘zbekistonning Toshkent shahri va boshqa yirik shaharlar misolida urbanizatsiya jarayonlarini boshqarishdagi ilg‘or amaliyotlari ilmiy asosda yoritilgan.*

Kalitso‘zlar: *UN-Habitat, Yangi shahar kun tartibi, urbanizatsiya, barqaror rivojlanish, aqlli shaharlar, O‘zbekiston shaharlari, shaharsozlik siyosati, ekologik barqarorlik.*

Аннотация: *В данной статье анализируются цели и приоритеты программы ООН по населенным пунктам (UN-Habitat), ее роль в глобальной градостроительной политике, а также направления участия городов Республики Узбекистан в этой инициативе. В исследовании раскрываются концепция устойчивого развития городов, принципы «Новой городской повестки» и передовой опыт управления урбанизацией на примере города Ташкента и других крупных городов страны.*

Ключевые слова: *UN-Habitat, Новая городская повестка, урбанизация, устойчивое развитие, умные города, города Узбекистана, градостроительная политика, экологическая устойчивость.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Abstract: *This article examines the main objectives and priorities of the United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat), its role in global urban development policy, and the participation of cities of the Republic of Uzbekistan within this framework. The study highlights the concept of sustainable urban development, the principles of the New Urban Agenda, and the best practices of managing urbanization in Uzbekistan, particularly in Tashkent and other major cities.*

Keywords:*UN-Habitat, New Urban Agenda, urbanization, sustainable development, smart cities, cities of Uzbekistan, urban policy, ecological sustainability.*

KIRISH (ВВЕДЕНИЕ / INTRODUSTION). BMTning aholi punktlari bo‘yicha dasturi (BMTning Habitat dasturi) hamda Ozarbayjon davlat shaharsozlik va arxitektura qo‘mitasi hamkorligida o‘tkaziladigan ushbu forum “Barcha uchun uy-joy: xavfsiz va barqaror shaharlar hamda jamoalar” mavzusida tashkil etiladi. Nufuzli forum uchun tanlangan ushbu mavzu BMT-Habitatning 2026-2029-yillarga mo‘ljallangan Strategik rejasi ustuvor yo‘nalishlari asosida tanlanib, global uy-joy inqirozini hal etishda muhim ahamiyatga ega. Ta’kidlash lozimki, so‘nggi yillarda butun dunyoda uy-joy qurilishi va urbanizatsiya sohasiga katta e’tibor berilmoqda. Bu borada BMT tomonidan “Shahar-qishloq bir tizim” konsepsiyasi ishlab chiqilgan. Unga ko‘ra, shahar alohida ma’muriy hudud emas, balki atrofdagi hududlar bilan yagona transport, iqtisodiy, oziq-ovqat va ekologik tizimni tashkil etadi. Urbanizatsiya sohasida ishlarni samarali va tizimli amalga oshrish maqsadida Prezident farmoni bilan, O‘zbekiston Urbanizatsiya va uy-joy bozorini barqaror rivojlantirish milliy qo‘mitasi tashkil etildi. Ushbu davlat idorasiga urbanizatsiya jarayonlari, uy-joy qurilishi, renovatsiya va ipoteka sohasida davlat siyosatini amalga oshirish, shuningdek, ushbu yo‘nlalishdagi dasturlarni muvofiqlashtirish va rivojlantirish bo‘yicha ko‘plab vazifalar yuklatildi. Shtab-kvartirasi Nayrobi shahrida (Keniyaning poytaxt shahri) joylashgan BMT-Habitat aholi punktlari bo‘yicha maxsus dastur hisoblanadi. Ushbu dastur barqaror shahar rivojlanishini qo‘llab-quvvatlash, urbanizatsiya sohasidagi global kun tartibini shakllantirish va mazkur yo‘nalishda BMT faoliyatini muvofiqlashtirishni ta’minlashga qaratilgan. 2001-yilda ta’sis etilgan Butunjahon urbanizatsiya forumi (WUF) BMTning shahar rivojlanishi masalalari bo‘yicha eng yirik global konferensiyasi hisoblanadi. Forum Habitat tomonidan urbanizatsiya va uning jamiyat, iqtisodiyot hamda iqlim o‘zgarishiga ta’sirini muhokama qilish maqsadida o‘tkaziladi. BMT Bosh Assambleyasining 71/256-sonli rezolyutsiyasiga muvofiq, Butunjahon urbanizatsiya

forumi “Yangi shaharlar rivojlanish dasturi” amalga oshirilishini baholash bo‘yicha asosiy platformalardan biri sifatida belgilangan.

MUHOKAMA (ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION). BMT prognoz hisob-kitoblariga ko‘ra, jahonda shahar aholisining ulushi 2018-yildagi 55,3 foiz o‘rniga, 2030-yilga borib 60,4 foizga etadi. Shahar aholisining nisbatan yuqori o‘sish sur’atlari rivojlanayotgan mamlakatlarda ham kuzatiladi. Mazkur mamlakatlarda bu jarayon asosan qishloq aholisining shaharlarga ko‘chishi va shahar aholisi tabiiy o‘sishi bilan bog‘liq.

Mustaqillik yillarida O‘zbekistonda shaharlar rivojlanishi bo‘yicha muayyan ishlar amalga oshirildi. Shahar aholisining salmog‘i 1991-yildagi 40,3 foiz o‘rniga 2018-yilga kelib 50,6 foizga o‘sdi. Bunday o‘sish sur’atlariga asosan ma’muriy o‘zgarishlar, ya’ni 2009-yilda mingga yaqin qishloq aholi punktlarining shahar posyolkalariga aylantirilishi va 2018-yilda qabul qilingan “Obod qishloq” dasturlari hisobiga qisman erishildi hamda bu natijani ulkanlashtirish ustida tez-tez ish olib borilmoqda.

O‘zbekiston Respublikasi BMTning Habitat dasturida o‘z ishtirokiga ega. Mustaqillik yillaridagi mamlakatning urbanizatsiyalashuvini jadallashtirish, aholi yashash sharoitlarini yaxshilash va taraqqiyotni olg‘a siljitishda qator ishlar qilinib, shu bilan birga Xalqaro tashkilotlar bilan hamkorlik ishlari ham yo‘lga qo‘yildi. BMT-Habitatning 2001-yil Istanbulda o‘tkazilgan II xalqaro konferensiyasida O‘zbekiston delegatsiyasi ham ishtirok etdi.

Habitat dasturining rasmiy saytida O‘zbekistonga oid ma’lumotlar 2015 - yildagi holatida keltirilgan. Unga ko‘ra mamlakatimizning yaxshilangan ichimlik suvi manbalaridan foydalanadigan shahar va qishloq aholisi 2015-yil ma’lumotlariga ko‘ra 98.5% ni tashkil etgan. Bundan tashqari, yaxshilangan sanitariya-texnik vositalaridan foydalanadigan shahar va qishloq aholisi 2015-yil ma’lumotlariga ko‘ra 100% ni tashkil etgan.

O‘zbekistonning shaharlashuv jarayonlari yildan-yilga o‘sib borayotgani quvonarli hol va bu jarayon 2017-2021-yillar oralig‘ida yanada katta sur’atlarda davom etdi. 1995-yilda mamlakatning shaharda yashovchi aholisi 8.822 ming kishini, 2005-yilda 9.522 ming kishini va 2015-yilga kelib 10.804 ming kishini tashkil etdi. Urbanizatsiya darajasi ham shunga mos tarzda: 1995-yilda – 38.4%; 2005-yilda – 36.7%; 2015-yilda – 36.4% ga etdi. Shaharlashuv koeffitsienti 2014-yilda 0.29 daraja sifatida belgilangan.

2001-yil Istanbuldagi Habitat II dasturiga muvofiq unda O‘zbekistonning o‘ziga xos yo‘li va mamlakatda olib borilayotgan ishlar jadalligiga e’tibor qaratilib

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

o‘tilgan. O‘sha vaqtdagi mamlakat rahbari I.A.Karimovning yuritayotgan siyosati va Taraqqiyotning besh modeli Habitat rasmiy saytida alohida ta’kidlab o‘tilgan.

Barqaror rivojlanishni ta’minlashning yangi omili sifatida mavjud nomutanosibliklar va tizimli muammolarni bartaraf etish, urbanizatsiya jarayonlarini faollashtirish maqsadida O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev o‘zining 2018-yil 28-dekabrdagi Oliy Majlisga murojaatnomasida mamlakatimizda urbanizatsiya darajasini 2030-yilgacha 60 foizga yetkazish vazifasini strategik maqsad sifatida belgilab berdilar. Ushbu vazifani bajarish uchun mamlakatda davlat tomonidan urbanizatsiyani maqsadli tartibga solish va shaharlarni kompleks rivojlantirish bo‘yicha asosiy yo‘nalishlar va kompleks chora-tadbirlarni ko‘zda tutuvchi O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Urbanizatsiya jarayonlarini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Farmoni qabul qilindi.

2019-yilning 14-aprelida O‘zbekiston iqtisodiyot va sanoat vazirligida “Urbanizatsiya konsepsiyasi 2030 va Barqaror taraqqiyotning milliy maqsadlari” mavzusiga bag‘ishlangan davra suhbati bo‘lib o‘tdi. Bu suhbatning asosini Prezident Shavkat Mirziyoyevning O‘zbekistonda shaharlashuv jarayonlarini jadallashtirishda olib borilayotgan islohotlar tashkil etgan.

Urbanizatsiya sohasida xalqaro tajribani chuqur o‘rganish hamda urbanizatsiya siyosatini barqaror taraqqiyotning milliy maqsadlari bilan uyg‘unlashtirish bugungi kunda o‘ta muhimligini hisobga olib, Iqtisodiyot va sanoat vazirligi tomonidan Birlashgan millatlar tashkilotining Taraqqiyot dasturi bilan hamkorlikda BMTning O‘zbekistondagi ekspertlar missiyasi ham tashkil etildi. Birlashgan millatlar tashkiloti Taraqqiyot dasturining O‘zbekistondagi doimiy vakili Matilda Dimovska, Urbanizatsiya agentligining direktori Jasur Aripov hamda Prognozlashtirish va makroiqtisodiy tadqiqotlar instituti direktori o‘rinbosari Tursun Ahmedovlar ishlab chiqilayotgan Konsepsiya borasida o‘z fikrlarini bildirgandilar.

Davra suhbatida shuningdek, missiya ishtirokchilaridan: BMTning aholi punktlari bo‘yicha Dasturining mintaqalararo maslahatchisi Katey Sheyfer, Shaharlar iqtisodiyoti instituti shahar xo‘jaligi departamentining turar joy qurilishi sektori boshlig‘I Irina Gentsler, Sankt-Peterburg davlat universiteti atrof-muhit xavfsizligi va hududlarning barqaror taraqqiyoti kafedrasi mudiri Nikolay Bobilev hamda Moskva shahridagi BMT-Xabitatning Loyihalarni muvofiqlashtirish byurosi rahbari Tatyana Xabarovalar so‘zga chiqib, shahar rivojlanishining turli sohalarida, ya’ni uy-joy xo‘jaligi, kommunal xo‘jalik, transport va yo‘llar, ekologiya va boshqa muhim yo‘nalishdarda jahon tajribasi bilan o‘rtoqlashdilar.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

O‘zbekiston Respublikasida 2030-yilgacha Urbanizatsiyani rivojlantirish Konsepsiyasini ishlab chiqilishi uchun yaqinda tashkil etilgan. Iqtisodiyot va sanoat vazirligi huzuridagi Urbanizatsiya agentligiga texnik yordam va salohiyatni rivojlantirishni qo‘llab-quvvatlash maqsadida Shahar ekologiya infratuzilmasi jamg‘armasi hisobidan 150 mln AQSH dollari miqdoridagi beg‘araz yordamni ajratilishi Osiyo taraqqiyot banki (OTB) tomonidan tasdiqlandi.

O‘zbekiston Prezidenti Sh.Mirziyoyev Butunjahon urbanizatsiya forumi 13-sessiyasining Yetakchilar sammitida nutq so‘zlab, “Aqlli va xavfsiz shaharlar alyansi”ni tuzishni taklif qildi. Shunigdek, urbanizatsiya, uy-joy masalalari va barqaror shaharlarni rivojlantirishga oid qator tashabbuslarni ilgari surdi. Qayd etilishicha, XXI asr ortalariga borib yer sayyorasining qariyb 70%i shaharlarda yashaydi. Shu bilan birga, dunyoda qariyb 3 milliard inson birlamchi yashash sharoitlaridan mahrum bo‘lib, ularning bir milliarddan ortig‘i norasmiy turar joylarda istiqomat qilmoqda, 300 milliondan ziyod esa boshpanasiz qolmoqda. Prezident urbanizatsiya jarayonlari global barqarorlik va xavfsizlikka bevosita ta’sir qilayotganini ta’kidladi. Yaqin 15 yil ichida O‘zbekiston aholisi 38 milliondan 50 million nafarga, urbanizatsiya darajasi esa 51%dan 65%ga yetishi kutilmoqda. Shu munosabat bilan so‘nggi o‘n yilda mamlakatda qurilayotgan uy-joylarning yillik soni 10 barobar oshib, 2025-yilda 238 ming xonadonga yetgani qayd etildi. 2030-yilgacha bu ko‘rsatkichni yana 1,5 barobar oshirish rejalashtirlgan. Shuningdek, O‘zbekistonda arzon uy-joy dasturlariga har yili qariyb 2 milliard dollar byudjet mablag‘lari yo‘naltirilmoqda. 2024-yilda norasmiy turar joylar muammosini hal qilish bo‘yicha alohida qonun qabul qilinib, 100 mingga yaqin uy-joyga hujjatlar rasmiylashtirib berilgan. Prezident eskirgan uy-joylarni renovatsiya qilish doirasida qayta quriladigan xonadonlar ulushini 15 foizdan 60 foizga yetkazish rejalashtirilganini ham ma’lum qildi. Shuningdek, Urbanizatsiya milliy qo‘mitasi tashkil etilgani, “Yashil makon” va “Toza havo” dasturlari doirasida shaharlardagi yashillik darajasini 2030-yilgacha 30 foizga yetkazish maqsad qilingani bildirildi. Nutqda ikki million aholiga mo‘ljallangan “Yangi Toshkent” megaloyihasi alohida tilga olindi. Loyiha “yashil”, “aqlli”, “xavfsiz” tamoyillari asosida ishlab chiqilgani ta’kidlandi. Qayd etilishicha, loyihaning birinchi bosqichidayoq qiymati 25 milliard dollardan ortiq investitsiya loyihalari boshlangan “Yangi Toshkent” konsepsiyasi forum doirasidagi “Urban Expo” ko‘rgazmasida ham namoyish etilmoqda. Prezident “Yangi O‘zbekiston” massivlari mamlakatning barcha hududlarida qurilayotganini bildirib, hozirgacha 61 ta shunday massiv bunyod etilgani, 2030-yilgacha ularning soni 100 taga yetkazilishini ma’lum qildi. Ozbekiston Prezidenti forumda bir qator tashabbuslarni ham ilgari surdi, davlatlarni “mutanosib

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

urbanizatsiya” tamoyilini keng joriy etishga chaqirdi. Shuningdek, shahar boshqaruvida sun’iy intellect va raqamli transformatsiya imkoniyatlaridan teng foydalanishni ta’minlash maqsadida xalqaro “Aqlli va xavfsiz shahar alyansi”ni tashkil etishni taklif qildi. Bundan tashqari, “yashil shaharlar”ni rivojlantirish boyicha umumiy tamoyil va standartlarni ishlab chiqish hamda BMT-Habitatning “Yashil shahar” xalqaro mukofotini ta’sis etishni taklif etdi. Shavkat Mirziyoyev Butunjahon forumining 15-sessiyasini 2030-yilda “Yangi Toshkent” shahrida o‘tkazish va uning bosh mavzusini “Shaharlarning barqaror rivojlanishida mahalla institutining o‘rni” deb nomlash tashabbusini ham ilgari surdi. Mazkur sohadagi raqamlarga nazar tashlaydigan bolsak, so‘nggi to‘qqiz yilda O‘zbekistonda qariyb 10 mingta yangi qurilish korxonasi ish boshladi. Aylanmasi 1 trillion so‘mdan oshgan 20 ta, 100 milliard so‘mdan yuqori ko‘rsatkichga chiqqan 365 ta yirik kompaniya shakllandi. Loyiha tashkilotlari soni 2 mingdan oshib, ularning 650 dan ziyodi xalqaro sertifikat oldi. Shu davrda qurilish sohasida ruxsat berish bosqichlari 3 karra, muddatlar 4 karra qisqartirildi. 420 ta shaharsozlik norma va qoidalari birlashtirilib, eskilari bekor qilindi va 140 ta yangi norma va qoida tasdiqlandi. Natijada o‘tgan yillar mobaynida 210 million kvadrat metr bino-inshoot, 647 ming xonadonli 15 mingdan ortiq ko‘p qavatli uy-joy barpo etildi. Qurilish ishlarining hajmi 2016-yildagi 30 trillion so‘mdan o‘tgan yili 314 trillion so‘mga yetdi. Bugungi kunda O‘zbekiston aholisining urbanizatsiya darajasi 51 foizga yetgan, qariyb 20 million nafar aholi shaharlarda yashamoqda. Ushbu ko‘rsatkichlar O‘zbekistonda urbanizatsiya jarayonlari jadal sur’atlarda rivojlanib borayotgani va shaharsozlik sohasidagi islohotlar xalqaro tendensiyalar bilan uyg‘unlashib borayotganini ko‘rsatadi. Bundy sharoitda shahar infratuzilmasini barqaror rivojlantirish, aholi punktlarini zamonaviy talablar asosida shakllantirish hamda ekologik va ijtimoiy muvozanatni ta’minlash masalalari dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. Shu jihatdan, O‘zbekiston amalga oshirilayotgan urbanizatsiya siyosatini jahon tajribasi bilan uyg‘unlashtirish va xalqaro hamkorlikni kengaytirish muhim yo‘nalishlaridan biri hisoblanadi.

XULOSA (ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION). Xulosa qilib aytganda, *poytaxt shaharlar konsepsiyasini serqirra va poytaxtshunoslikning asosiy hujjati sifatida anglash va tushunish, bu boradagi ma’muriy federal qonunchilikda ushbu konseptual hujjatda o‘z aksini topgan quyidagi tamoyillarga alohida ahamiyat qaratish maqsadga muvofiq. Mazkur yo‘nalishdagi ishlarimiz Jahon banki va boshqa xalqaro tashkilotlar ishtirokida ishlab chiqilgan “Urbanizatsiya – 2040” konsepsiyasi loyihasi bilan uyg‘unlikda amalga oshiriladi.*

Xulosa sifatida qayd etish lozimki, mutlaqo yangi uy-joy siyosatini amalga oshirish asosida urbanizatsiya jarayonlarini faollashtirish, bunda aholi punktlarining muhandislik, transport va ijtimoiy infratuzilmalar bilan ta’minlanganligiga e’tibor qaratish;

jismoniy va yuridik shaxslar uchun turar joy va noturar joy bino va inshootlar ostidagi yer uchastkalariga egalik qilish huquqini amalga oshirishni kafolatlash, yer uchastkalarini fuqarolik muomalasiga kiritish uchun shart-sharoitlar yaratish;

migratsiya jarayonlarini ma’muriy tartibga solish tizimini takomillashtirish yo‘li bilan aholining qishloq joylardan shaharlarga erkin harakatlanishi uchun shart-sharoitlar yaratish; aglomeratsiyalarning afzalliklaridan foydalanishni nazarda tutgan holda o‘rta shaharlarni, shu jumladan, tuman markazlarini boshqarishda ilg‘or xalqaro tajribani keng joriy etish; yo‘ldosh-shaharlar tarmog‘ini kengaytirish kabilarni ta’kidlash lozim.

ADABIYOT VA MANBALAR RO‘YXATI (ИСПОЛЬЗОВАННАЯЛИТРАТУРА/REFERENCES):

1. Модели в географии / Под ред. П.Хаггета и Дж. Чорли. . – М.: Прогресс, 1971.
2. Кадиров М.А. Шаҳарлар географияси. Samarqand: Zarafshon, 2019. – 192 b. – B.14.
3. Eshtemirov J. Zamonaviy shahar: tarix va tadqiq. Tafakkur. 2/2024., – B.87.
4. Ўзбекистан Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга мурожаати // Халқ сўзи. 2020йил 30декабрь.
5. Мирзиёев Ш.М Халкчил ислоҳотлар халкимиз манфаатларига хизмат килади. 7-жилд. – Т.: “O‘zbekiston”, 2023. – 408 б.
6. Қурбонов П.Р. Жанубий Ўзбекистонда урбанизация жараёнлари. –Т: “MUMTOZ SO‘Z”, 2019. –178 б.
7. Iqtisodiy rivojlanish sohasida davlat siyosati tizimini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 2019-yil 10-yanvardagi 5621-sonli Prezident Farmoni
8. 2018-yil 10-yanvarda “Urbanizatsiya jarayonlarini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 5623-sonli Prezident Farmoni
9. Тожиева З.Н. Ўзбекистон аҳолиси: ўсиши ва жойланиши. Тошкент: 2010. Б. 21.

Elektron resurslar:

https://mineconomy.uz/uz/info/2512

https://habitat3.org/the-new-urban-agenda/preparatory-process/national-participation/uzbekistan/

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

UN-Habitat World Cities Report 2016
https://habitat3.org/the-new-urban-agenda/preparatory-process/national-participation/uzbekistan/
https://habitat3.org/wp-content/uploads/Istanbul5-NR-2001Uzbekistan.pdf
https://www.lex.uz/docs/4154818
https://mineconomy.uz/uz/info/2623
https://mineconomy.uz/uz/info/2610

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

DAVRIY MATBUOTDA ROSSIYA IMPERIYASI VA SHARQ MAMLAKATLARI SAVDO ALOQALARINING YORITILISHI

Egamberdiyev Abduvahob Abdurasul o‘g‘li
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Tarix fanlari bo‘yicha falsafa doktori
abduvahob2017@mail.ru

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada XIX asr oxiri — XX asr boshlarida Rossiya imperiyasining Qashg‘ar, Mongoliya, G‘arbiy Xitoy va Eron bilan savdo-iqtisodiy aloqalari tarixiy manbalar asosida tahlil qilingan. Tadqiqotda “Turkestanskiy kurer”, “Russkie vedomosti”, “Vestnik finansov”, “Novoe vremya” gazetalari hamda konsullik hisobotlari materiallari asosida Rossiyaning Sharq mamlakatlari bilan savdo siyosati, eksport-import tarkibi, karvon yo‘llari va transport infratuzilmasi o‘rganilgan. Xususan, Chuysk va Buxtarma traktlarining Mongoliya savdosidagi o‘rni, Qashg‘ar bozorining iqtisodiy xususiyatlari, kerosin savdosidagi logistika muammolari hamda Eronning G‘ilon provinsiyasi orqali olib borilgan savdo aloqalari yoritilgan. Shuningdek, barter savdosi, choy va kumush muomalasi, mahalliy hunarmandchilik mahsulotlarining rivojlanishi hamda xalqaro iqtisodiy raqobat masalalari tahlil qilingan. Tadqiqot natijalari Rossiya imperiyasining Sharqdagi iqtisodiy va geosiyosiy ta’sirini kuchaytirishda savdo aloqalari muhim o‘rin tutganligini ko‘rsatadi.

Kalit so‘zlar: *Rossiya imperiyasi, Qashg‘ar, Mongoliya, Eron, savdo aloqalari, karvon yo‘llari, eksport-import, G‘ilon, kerosin savdosi, Kyaxta savdosi.*

ABSTRACT

This article analyzes the trade and economic relations of the Russian Empire with Kashgar, Mongolia, Western China, and Iran in the late nineteenth and early twentieth centuries on the basis of historical sources. The study examines Russia’s trade policy with Eastern countries, the structure of exports and imports, caravan routes, and transport infrastructure through materials published in the newspapers Turkestanskiy Kurer, Russkie Vedomosti, Vestnik Finansov, and Novoe Vremya, as well as consular reports. Particular attention is paid to the role of the Chuysk and Bukhtarma routes in Mongolian trade, the economic characteristics of the Kashgar market, logistical problems in the kerosene trade, and commercial relations conducted through the Gilan province of Iran. The article also discusses barter trade, the circulation of tea and silver, the development of local handicraft production, and issues of international economic competition. The findings demonstrate that trade relations played a significant role in strengthening the economic and geopolitical influence of the Russian Empire in the East.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Keywords: *Russian Empire, Kashgar, Mongolia, Iran, trade relations, caravan routes, export-import, Gilan, kerosene trade, Kyakhta trade.*

KIRISH

XIX asrning ikkinchi yarmi va XX asr boshlarida Rossiya imperiyasining Markaziy Osiyo, G‘arbiy Xitoy, Mongoliya hamda Eron bilan iqtisodiy va savdo aloqalari sezilarli darajada kengaydi. Bu jarayon Rossiyaning geosiyosiy manfaatlari, transport kommunikatsiyalarining rivojlanishi va mintaqaviy bozorlarga kirib borish siyosati bilan chambarchas bog‘liq edi. Ayniqsa, Qashg‘ar, G‘arbiy Mongoliya va Eronning shimoliy hududlari Rossiya tashqi savdosining muhim yo‘nalishlariga aylandi.

Mazkur tadqiqotda XIX asr oxiri – XX asr boshlarida rus matbuoti va konsullik materiallarida yoritilgan savdo aloqalari tahlil qilinadi. Tadqiqotning asosiy мақсади Rossiya imperiyasining Qashg‘ar, Mongoliya va Eron bilan savdo munosabatlari, transport yo‘llari, eksport-import tarkibi hamda iqtisodiy siyosatini tarixiy manbalar asosida o‘rganishdan iborat.

TADQIQOT METODOLOGIYASI

Tadqiqot tarixiy-komparativ, tahliliy va manbashunoslik usullariga asoslandi. Asosiy manbalar sifatida XIX asr oxiri va XX asr boshlarida chop etilgan “Turkestanskiy kurer”, “Russkie vedomosti”, “Vestnik finansov”, “Novoe vremya” gazetalari hamda “Sbornik konsulskix doneseniy” materiallari o‘rganildi. Shuningdek, podpolkovnik Pevsov, M.A. Xludov va boshqa sayohatchilar hamda savdo vakillarining kuzatuvlari tahlil qilindi.

Tadqiqot davomida savdo statistikasi, eksport-import hajmi, transport infratuzilmasi, karvon yo‘llari va mintaqaviy iqtisodiy vaziyatga oid ma’lumotlar qiyosiy ravishda o‘rganildi.

NATIJALAR

Tahlillar XIX asrning ikkinchi yarmi va XX asr boshlarida Rossiya imperiyasining Mongoliya, Qashg‘ar, G‘arbiy Xitoy va Eron bilan olib borgan savdo aloqalari sezilarli darajada kengayganligini ko‘rsatadi. Savdo munosabatlari asosan transport yo‘llari, karvon savdosi, xomashyo ayirboshlash va strategik hududlarda iqtisodiy ta’sirni kuchaytirish orqali rivojlangan.

Podpolkovnik Pevsovning 1878-1879 yillardagi Mongoliya va Ichki Xitoyga qilgan safari davomida G‘arbiy Sibirdan Mongoliyaga olib boruvchi ikki asosiy savdo yo‘li – Chuysk va Buxtarma traktlari batafsil tasvirlangan. Ushbu yo‘llar Rossiyaning Mongoliya bilan savdo aloqalarida muhim transport arteriyalari bo‘lib xizmat qilgan. Ayniqsa, Chuysk trakti asosiy savdo yuklari harakatlanadigan yo‘l sifatida ajralib turgan. Muallif

yo‘lning tabiiy-geografik sharoiti, transport qatnovining murakkabligi, tog‘li hududlar, karvonlarning harakati va tashish xizmatlari narxlariga alohida e’tibor qaratgan[199].

Mongoliyada rus savdogarlari har yili taxminan 380-400 ming rubl miqdorida savdo amalga oshirgan. Savdo markazlari sifatida Kobdo va Ulyasutay shaharlari muhim o‘rin egallagan bo‘lib, rus savdogarlari bu yerda do‘konlarga ega bo‘lgan va uluslarga maxsus sotuvchilar yuborgan. Rossiyadan Mongoliyaga asosan temir, mis, baxmal matolar, poyabzal, teri mahsulotlari va boshqa sanoat tovarlari olib kirilgan. Evaziga esa qo‘y, tuya, jun, sug‘ur terisi va boshqa xomashyolar barter asosida olingan.

Rus savdogarlari tomonidan kumush sotib olish hajmi 1870-yillarning oxiriga kelib kamaygan bo‘lib, ular yiliga 7800-10000 rubl miqdorida kumush xarid qilgan. Ayniqsa, Kobdo va Ulyasutay hududlarida dunganlar qo‘zg‘oloni davrida Xitoy askarlari ko‘p bo‘lgan paytda kumush savdosi faolroq bo‘lgan. Mongollar orasida esa kumush kam uchragan va uning sifati ham past bo‘lgan. Mahalliy aholi mahsulotlarini asosan xitoyliklardan choy, mato va boshqa tovarlarga almashtirgan.

Rossiya savdogarlari Mongoliyada o‘z mahsulotlarini chorva mollari – yirik shoxli qoramol, ot va qo‘ylar hamda sug‘ur terisiga ayirboshlagan. Jumladan, 1877 yilda 400 ming dona sug‘ur terisi Rossiyaga olib chiqilgan. Biroq 1877-1878 yillarda Irbit yarmarkasida sug‘ur terisi narxining keskin tushib ketishi savdogarlarning zarar ko‘rishiga sabab bo‘lgan.

Muallif rus mahsulotlarining bozordagi raqobatbardoshligini ham tahlil qiladi. Ayniqsa, manufaktura mahsulotlari savdosida rus tovarlari Xitoy va Angliya mahsulotlari bilan to‘liq raqobatlasha olmaganligi qayd etiladi.

“Turkestanskiy kurer” gazetasida chop etilgan “Qashg‘ar va Eron bilan savdo aloqalarimiz”[200] maqolasida Rossiya Tashqi ishlar vazirligi tomonidan 1908 yilda nashr etilgan “Sbornik konsulskix doneseniy” ma’lumotlari asosida Qashg‘ar va Eron bilan savdo aloqalari yoritilgan. Unda Rossiyaning Qashg‘ar bilan savdosida eksport-import muvozanati deyarli bir xil saqlangan bo‘lsa-da, eksport hajmi xomashyo va mahalliy sanoat mahsulotlari hisobiga oshgani, import esa qisqargani qayd etiladi.

Qashg‘ardan Rossiyaga paxta, jun, charm buyumlari, to‘qimachilik mahsulotlari, quritilgan mevalar, yong‘oq va boshqa qishloq xo‘jaligi mahsulotlari olib chiqilgan. Jumladan, 1904 yilda 500 ming rubl miqdorida jun mahsulotlari sotib olingan bo‘lsa, 1906 yilga kelib bu ko‘rsatkich 800 ming rublga yetgan. Paxta mahsulotlari savdosi esa aksincha kamaygan: 1904 yilda 2300 rubl miqdorida paxta mahsulotlari xarid qilingan bo‘lsa, 1906 yilda bu ko‘rsatkich 1800 rublni tashkil etgan. Bu holat Qashg‘arda paxtachilikning qisqarishi bilan izohlangan.

[199] Наша торговля в Западном Китае. Из отчета подполковника генерального штаба Певцова о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878—1879 годах // Восточное обозрение. – 1884. - №4.
[200] Илд. Наша торговля с Кашгаром и Персией // Туркестанский курьер. – 1909. - №2.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Rossiyadan Qashg‘arga asosan tekstil mahsulotlari, metall buyumlar, shakar va kerosin olib kirilgan. Moskva va Lodza to‘qimachilik fabrikalarida ishlab chiqarilgan paxta matolari 1904 yilda 1 million 960 ming rubl, 1905 yilda 2 million rubl va 1906 yilda 1 million 447 ming rubl miqdorida sotilgan[201]. Keyinchalik bu mahsulotlar savdosining kamayishi Qashg‘arda mahalliy hunarmandchilik va to‘qimachilik mahsulotlari ishlab chiqarishining rivojlanishi bilan bog‘langan.

Shuningdek, Samarqand, Buxoro va Xo‘jand hunarmandlari tomonidan ishlab chiqarilgan ipak matolar Qashg‘arda muvaffaqiyatli sotilgan va Hindistondan olib kelingan mahsulotlarga raqobatchi bo‘la olgan.

Eron bilan savdo aloqalarida G‘ilon provinsiyasi alohida o‘rin tutgan. 1906-1907 yillarda G‘ilon bojxonasi orqali 14 million 117 ming rubl miqdorida mahsulot olib kirilgan bo‘lib, uning 96 foizi Rossiyaga tegishli bo‘lgan. Shu davrda eksport hajmi ham 14 million rublni tashkil etgan. Eksport tarkibida g‘alla, ipak, paxta, mayiz, charm va turli mevalar muhim o‘rin egallagan[202].

Rossiya kompaniyalari Eronda sanoat va xomashyo yetishtirish sohasida ham faoliyat yuritgan. Jumladan, 1900 yildan boshlab kanop va jut yetishtirish yo‘lga qo‘yilib, undan mustahkam va suvda chirimaydigan arqonlar ishlab chiqarilgan.

Sankt-Peterburgdagi Kashg‘ar elchisining 1873 yil 11 iyulda Rossiyaga kelishi va 23 iyul kuni Rossiya imperatori huzurida qabul qilinishi ikki tomonlama diplomatik va savdo aloqalarining rivojlanayotganligini ko‘rsatadi. Maqolalarda Qashg‘ar bozorining Toshkent, Buxoro va Qo‘qon bozorlariga nisbatan kichikligi aholi qashshoqligi va eksport mahsulotlarining kamligi bilan izohlanadi[203].

Qashg‘arning asosiy eksport mahsulotlari ipak, sarnak[204], mashrup, darai[205], gilam, qo‘y terisi, qimmatbaho toshlar, oltin va kumush bo‘lgan. Import mahsulotlari sifatida esa qand, choy, matolar va Rossiya sanoat mahsulotlari alohida qayd etilgan.

Maqolalarda transport yo‘llari va karvon savdosi haqida ham batafsil ma’lumot beriladi. Savdo aloqalarining asosiy muammolari sifatida mahalliy aholining past to‘lov qobiliyati, almashuv savdosining ustunligi va transport infratuzilmasining rivojlanmaganligi ko‘rsatilgan.

Qashg‘ar bozorida ingliz manufaktura mahsulotlari kam uchragan bo‘lsa-da, Tibet, Kashmir va Hindistondan choy, bo‘yoq, doka va turli dorilar afg‘on savdogarlari hamda Makkadan qaytayotgan hojilar orqali olib kelingan. Afg‘on savdogarlari esa Qashg‘ardan oltin, kumush, ipak, qimmatbaho toshlar va nasha olib ketgan.

[201] Илд. Наша торговля с Кашгаром и Персией // Туркестанский курьер. – 1909. - №2.
[202] O‘sha manba.
[203] O‘sha manba.
[204] Sarnak – ipak iplar chuvagandan so‘ng ortgan qoldiq.
[205] Darai – yarim ipak mato.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Yettishaharning boshqa bozorlariga nisbatan Qashg‘ar bozori yaxshi rivojlangan bo‘lib, Xo‘ton, Yorkent, Oqsuv, Uchturfon va Ko‘naturfondan mahsulotlar aynan shu bozorga olib kelingan.

M.A. Xludov[206]ning 1868 yilgi safar taassurotlarida Verniydan Isiqko‘l havzasi va Qashg‘arga olib boruvchi yo‘llarning nihoyatda murakkabligi tasvirlangan[207]. Qalin qor, muzli dovonlar, oziq-ovqat tanqisligi, tuyalar uchun og‘ir sharoit, yo‘lboshchilarning yo‘qolib qolishi va dashtdagi yong‘in xavfi karvonlar faoliyatiga jiddiy xavf tug‘dirgan. Shuningdek, Qashg‘ar chegaralaridagi siyosiy keskinlik tufayli qirg‘iz qo‘riqchilari bilan bog‘liq muammolar yuzaga kelgan[208].

“Vestnik finansov” va “Torgovo-promыshlennaya gazeta” nashrlarida Rossiya kerosini savdosidagi logistika muammolari tanqid qilingan. Kerosinning 5 pudlik idishlarda tashilishi uning isrof bo‘lishi, ifloslanishi va narxining tushib ketishiga sabab bo‘lgan. Shu bois Xitoy tajribasi asosida 1 pudlik idishlardan foydalanish taklif etilgan.

T.Morozovning Qashg‘arga uyushtirgan savdo ekspeditsiyasi haqidagi ma’lumotlar Yoqubbek ma’muriyatining rus savdogarlariga nisbatan ijobiy munosabatda bo‘lganligini ko‘rsatadi[209]. Qashg‘ar ma’muriyati rus karvonlariga bepul turar joy, oziq-ovqat va xavfsizlik ta’minlab bergan hamda ehtimoliy moliyaviy zararlarni qoplash choralarini ko‘rgan.

“Novoe vremya” gazetasidagi “G‘arbiy Xitoy chegarasidan” maqolasida Rossiya va G‘arbiy Xitoy o‘rtasidagi savdo aloqalari tahlil qilingan. Muallif Kyaxta orqali choy savdosining kamayishi va dengiz savdosining ortishi bilan savdo tizimi o‘zgarganligini ta’kidlaydi. 1883 yilda Kyaxta orqali 350 ming pud bayxa choyi va 563 ming pud taxtachoy olib o‘tilgan bo‘lib, buning uchun 14-15 million rubl to‘langan. Ushbu mablag‘ning faqat oltidan bir qismi Rossiya mahsulotlari bilan qoplangan, qolgan qismi esa kumush va oltin hisobiga to‘langan[210].

Dunganlar qo‘zg‘oloniga qadar G‘ulja va Chuguchak butun qozoq cho‘llarini choy bilan ta’minlagan. 1884 yilda G‘arbiy Xitoyga Rossiya sanoat mahsulotlari va chorvachilik mahsulotlari olib kirilgan, Xitoydan esa paxta matolari, idish-tovoq va boshqa tovarlar olib chiqilgan.

Kyaxtalik savdogarlar Yettisuvga 37 ming pud choy olib kelgan va bu savdo hajmi 1,5 million rublni tashkil etgan. Choy Verniy orqali Turkiston o‘lkasiga tarqatilgan. Rossiyadan olib kirilgan kumush Xitoy provinsiyalarida ish haqi to‘lash vositasi sifatida

[206] Mixail Aleksandrovich Xludov (1843 — 31 maya 1885) — rus harbiysi, tadbirkor, homiy. Fabrikant-millioner Aleksey Xludovning uchinchi o‘g‘li. O‘rta Osiyoni bosib olish harbiy harakatlari ishtirokchisi. “Russkie vedomosti” gazetasida Turkiston haqida bir nechta maqolasi chop etilgan.
[207] От Верного До Кашгара. (Из путевых записок М. А. Хлудова) // Русские ведомости. – 1870. - №5, 193, 194.
[208] O‘sha manba.
[209] Русский торговый караван в Кашгаре // Туркестанский сборник. Том 72. – С.141-142.
[210] А.П. С западно китайской границы // Новое время. – 1885. – №263.

ishlatilgan. Xitoydagi moliyaviy inqiroz esa chegara hududlarida iqtisodiy beqarorlikni yuzaga keltirgan[211].

1884 yilda Rossiya choyi G‘uljaga Jarkent orqali 80 ming rubl miqdorida olib kirilgan. Biroq Xitoy hukumati mahalliy ishlab chiqaruvchilarni himoya qilish maqsadida ayrim savdo cheklovlarini joriy qilgan.

MUHOKAMA

Tahlil qilingan tarixiy manbalar Rossiya imperiyasining XIX asr oxiri va XX asr boshlarida Sharq mamlakatlari bilan iqtisodiy aloqalarni kuchaytirishga qaratilgan uzoq muddatli strategik siyosatini aks ettiradi. Rossiya uchun Qashg‘ar, Mongoliya, G‘arbiy Xitoy va Eron nafaqat savdo bozorlari, balki geosiyosiy jihatdan muhim hududlar hisoblangan. Shu sababli savdo aloqalari transport tizimi, diplomatik munosabatlar, chegara xavfsizligi va mintaqaviy siyosiy jarayonlar bilan uzviy bog‘liq holda rivojlangan.

Podpolkovnik Pevsovning Mongoliya va Ichki Xitoy bo‘yicha kuzatuvlari Rossiya savdosining asosiy muammolaridan biri transport infratuzilmasining sust rivojlanganligi bo‘lganligini ko‘rsatadi[212]. Chuysk va Buxtarma traktlari Rossiyaning Mongoliya bilan savdo aloqalarida muhim rol o‘ynagan bo‘lsa-da, tabiiy-geografik sharoitlar savdo samaradorligini pasaytirgan. Tog‘li hududlar, mavsumiy qiyinchiliklar, uzoq masofalar va yuk tashish xarajatlarining yuqoriligi Rossiya savdogarlarining iqtisodiy faoliyatiga sezilarli ta’sir ko‘rsatgan. Shu bilan birga, maqolalarda yo‘llarni yaxshilash, transport xizmatlarini rivojlantirish va savdo logistikasini modernizatsiya qilish zarurati alohida ta’kidlangan. Bu holat Rossiya imperiyasi Sharq bilan savdo aloqalarini kengaytirish uchun infratuzilmaviy masalalarga ham katta e’tibor qaratganligini ko‘rsatadi.

Mongoliyadagi savdo tizimi ko‘proq barter almashinuviga asoslanganligi bilan ajralib turgan. Bu hududda pul muomalasining zaifligi va kumushning yetishmasligi savdo munosabatlarining o‘ziga xos shakllanishiga sabab bo‘lgan. Mahalliy aholi o‘z mahsulotlarini xitoyliklardan choy, mato va boshqa iste’mol tovarlariga almashtirgan bo‘lsa, rus savdogarlari chorva mollari, jun va sug‘ur terisini asosiy ayirboshlash vositasi sifatida qabul qilgan. Ayniqsa, sug‘ur terisi savdosining keng ko‘lamda rivojlanganligi Rossiya sanoatining xomashyo bazasiga bo‘lgan ehtiyojini ko‘rsatadi. 1877 yilda 400 ming dona sug‘ur terisi olib ketilganligi bu savdoning naqadar yirik hajmga ega bo‘lganini tasdiqlaydi[213].

Biroq Irbit yarmarkasida sug‘ur terisi narxining tushib ketishi Rossiya savdogarlarining xalqaro bozor kon’yunkturasiga qaramligini ko‘rsatadi. Bu holat Sharq

[211] O‘sha manba.
[212] Наша торговля в Западном Китае. Из отчета подполковника генерального штаба Певцова о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878—1879 годах // Восточное обозрение. – 1884. - №4.
[213] O‘sha manba.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

bilan olib borilgan savdo aloqalari katta foyda keltirgan bo‘lsa-da, uning iqtisodiy xavf va tavakkalchiliklardan xoli bo‘lmaganligini ko‘rsatadi.

Manbalarda rus mahsulotlarining raqobatbardoshligi masalasi ham muhim o‘rin egallaydi. Ayniqsa, manufaktura mahsulotlari savdosida Rossiya mahsulotlari Xitoy va Angliya tovarlari bilan to‘liq raqobatlasha olmaganligi qayd etiladi. Bu Rossiya sanoati mahsulotlarining sifat, narx yoki assortiment jihatidan xalqaro bozordagi ayrim kamchiliklarini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, Rossiya metall buyumlari, teri mahsulotlari va ayrim tekstil tovarlari Mongoliya hamda Qashg‘ar bozorlarida barqaror talabga ega bo‘lgan.

Qashg‘ar bilan savdo aloqalari Rossiya imperiyasining Sharqiy Turkistondagi iqtisodiy ta’sirini kuchaytirishga qaratilgan siyosatining muhim qismi bo‘lgan. Qashg‘arning geografik joylashuvi uni Markaziy Osiyo, Hindiston, Tibet va Xitoyni bog‘lovchi muhim savdo markaziga aylantirgan. Shu sababli Rossiya savdogarlari bu hududni strategik iqtisodiy hudud sifatida ko‘rgan.

Biroq maqolalarda Qashg‘ar bozori Toshkent, Buxoro yoki Qo‘qon bozorlariga nisbatan ancha kichik bo‘lganligi qayd etiladi. Bu holat aholi qashshoqligi, ishlab chiqarish hajmining cheklanganligi va eksport mahsulotlarining kamligi bilan izohlanadi. Mahalliy aholining to‘lov qobiliyatining pastligi savdo hajmiga bevosita ta’sir qilgan. Shu sababli Qashg‘arda almashuv savdosi uzoq vaqt davomida ustun bo‘lib qolgan.

Qashg‘ar eksportida ipak, gilam, qo‘y terisi, qimmatbaho toshlar, oltin va kumush kabi mahsulotlarning mavjudligi hududning hunarmandchilik va tabiiy resurslarga boy bo‘lganligini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, eksport hajmining nisbatan kichikligi Qashg‘ar iqtisodiyotining cheklangan ichki imkoniyatlarga ega bo‘lganligini ko‘rsatadi[214].

Rossiyadan olib kirilgan tekstil mahsulotlari, shakar, metall buyumlar va kerosin uzoq vaqt davomida Qashg‘ar bozorida muhim o‘rin egallagan. Biroq keyinchalik mahalliy hunarmandchilikning rivojlanishi Rossiya mahsulotlari savdosiga ta’sir ko‘rsatgan. Ayniqsa, Samarqand, Buxoro va Xo‘jand ipak matolarining Hindiston mahsulotlari bilan muvaffaqiyatli raqobatlasha olgani mintaqaviy ishlab chiqarish markazlarining iqtisodiy ahamiyati yuqori bo‘lganligini ko‘rsatadi[215].

Qashg‘ar bozorida ingliz manufaktura mahsulotlarining kam uchrashi Rossiya uchun ma’lum iqtisodiy ustunlik yaratgan. Biroq Hindiston, Tibet va Kashmir orqali kirib kelayotgan mahsulotlar savdo raqobatining murakkabligini ko‘rsatadi. Afg‘on savdogarlari va hojilar tomonidan olib kelingan choy, doka, dorilar va boshqa mahsulotlar Qashg‘arning xalqaro tranzit savdo markazi sifatidagi rolini kuchaytirgan.

[214] И.П. Несколько слов о настоящем положении торговли в Кашгаре // Русский мир. – 1872. - №193.
[215] O‘sha manba.

M.A. Xludovning safar xotiralari Sharq bilan savdo aloqalarining faqat iqtisodiy emas, balki katta jismoniy va siyosiy xavf bilan bog‘liq bo‘lganligini ko‘rsatadi. Yo‘llardagi qalin qor, muzli ko‘llar, dovonlar, oziq-ovqat tanqisligi va tuyalar uchun og‘ir sharoit karvon savdosining naqadar murakkab bo‘lganligini tasdiqlaydi. Bundan tashqari, qirg‘iz qo‘riqchilari va mahalliy hokimiyat bilan bog‘liq ehtiyotkor munosabatlar Qashg‘ar chegaralaridagi siyosiy keskinlikni aks ettiradi[216].

Rossiya kerosini savdosi bilan bog‘liq logistika muammolari ham manbalarda keng yoritilgan. Kerosinning 5 pudlik katta idishlarda tashilishi uning isrof bo‘lishi va ifloslanishiga sabab bo‘lgan. Natijada mahsulotning bozordagi narxi tushib ketgan va savdogarlar zarar ko‘rgan. Bu holat Rossiya savdo tizimida texnik va logistika masalalariga yetarli darajada e’tibor qaratilmaganligini ko‘rsatadi. Xitoy tajribasi asosida 1 pudlik idishlardan foydalanish taklifining ilgari surilishi esa mahalliy bozor ehtiyojlariga moslashish zarurati mavjud bo‘lganligini ko‘rsatadi.

T.Morozov ekspeditsiyasi haqidagi ma’lumotlar Rossiya savdogarlari va Yoqubbek ma’muriyati o‘rtasidagi hamkorlik aloqalarini ko‘rsatadi. Qashg‘ar ma’muriyatining rus karvonlariga bepul turar joy, oziq-ovqat va xavfsizlik bilan yordam berishi savdo aloqalarini rivojlantirishdan mahalliy hukmdorlar ham manfaatdor bo‘lganligini anglatadi. Bu Rossiyaning iqtisodiy ta’siri ayrim hollarda diplomatik vositalar orqali mustahkamlanganligini ko‘rsatadi[217].

Eron bilan savdo aloqalari Rossiya imperiyasining janubiy yo‘nalishdagi iqtisodiy strategiyasida muhim o‘rin tutgan. Ayniqsa, G‘ilon provinsiyasi orqali amalga oshirilgan savdo Rossiyaning Eron iqtisodiyotidagi ta’sirini kuchaytirgan. G‘ilon bojxonasi orqali olib kirilgan mahsulotlarning 96 foizi Rossiyaga tegishli bo‘lganligi Rossiya kapitalining mintaqadagi ustun mavqeini ko‘rsatadi.

Rossiya kompaniyalarining Eronda kanop va jut yetishtirish bilan shug‘ullanishi imperiyaning faqat tayyor mahsulot eksporti bilan cheklanmaganligini ko‘rsatadi. Rossiya iqtisodiy siyosati xomashyo bazasini nazorat qilish va qayta ishlash jarayonlarini ham qamrab olgan. Bu esa Rossiyaning Eron iqtisodiyotiga chuqurroq kirib borishga intilganligini anglatadi[218].

Umuman olganda, tahlil qilingan gazeta maqolalari, konsullik hisobotlari va sayohat xotiralari Rossiya imperiyasining Sharq mamlakatlari bilan savdo aloqalari murakkab iqtisodiy, siyosiy va logistika tizimiga ega bo‘lganligini ko‘rsatadi. Ushbu aloqalar orqali Rossiya yangi bozorlarga kirishga, xomashyo resurslarini qo‘lga kiritishga va mintaqadagi geosiyosiy ta’sirini kuchaytirishga intilgan.

[216] От Верного До Кашгара. (Из путевых записок М. А. Хлудова) // Русские ведомости. – 1870. - №5, 193, 194.
[217] Русский торговый караван в Кашгаре // Туркестанский сборник. Том 72. – С.141-142.
[218] Илд. Наша торговля с Кашгаром и Персией // Туркестанский курьер. – 1909. - №2.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XULOSA

XIX asrning ikkinchi yarmi va XX asr boshlarida Rossiya imperiyasining Qashg‘ar, Mongoliya, G‘arbiy Xitoy hamda Eron bilan savdo aloqalari imperiyaning Sharqdagi iqtisodiy va siyosiy ta’sirini kuchaytirishda muhim vositalardan biri bo‘lib xizmat qilgan. Tadqiqot natijalari Rossiyaning ushbu hududlarda savdo aloqalarini kengaytirish orqali yangi bozorlarga chiqishga, xomashyo bazasini mustahkamlashga va mintaqaviy iqtisodiy ustunlikni qo‘lga kiritishga intilganligini ko‘rsatadi.

Mongoliya bilan savdo aloqalarida Chuysk va Buxtarma traktlari muhim strategik transport yo‘llari bo‘lib xizmat qilgan. Kobdo va Ulyasutay kabi markazlarda rus savdogarlarining doimiy savdo faoliyati Rossiyaning hududdagi iqtisodiy ta’siri mustahkamlanganligini ko‘rsatadi. Rossiyadan sanoat mahsulotlari olib kirilib, evaziga jun, chorva mollari, sug‘ur terisi va boshqa xomashyolar barter usulida olingan. Bu holat Mongoliya iqtisodiyotida natural xo‘jalik va almashuv savdosi ustun bo‘lganligini tasdiqlaydi.

Qashg‘ar bilan savdo aloqalari Rossiyaning Sharqiy Turkistondagi iqtisodiy siyosatida muhim o‘rin tutgan. Rossiyadan tekstil mahsulotlari, metall buyumlar, shakar va kerosin eksport qilingan bo‘lsa, Qashg‘ardan jun, paxta, charm buyumlari, ipak, quritilgan mevalar va boshqa xomashyolar olib chiqilgan. Qashg‘arda mahalliy hunarmandchilikning rivojlanishi Rossiya tekstil mahsulotlariga bo‘lgan talabning pasayishiga olib kelgan bo‘lsa-da, Rossiya mahsulotlari uzoq vaqt davomida bozorda muhim mavqeni saqlab qolgan.

Tadqiqot davomida karvon yo‘llari va transport tizimining savdo aloqalaridagi hal qiluvchi ahamiyati aniqlandi. Tog‘li hududlar, muzli dovonlar, qalin qor, oziq-ovqat tanqisligi va siyosiy xavfsizlik bilan bog‘liq muammolar savdo ekspeditsiyalarining asosiy to‘siqlaridan biri bo‘lgan. Shuningdek, logistika tizimidagi kamchiliklar, jumladan, kerosin tashishdagi noqulay idishlardan foydalanish savdo samaradorligiga salbiy ta’sir ko‘rsatgan.

Eron bilan savdo aloqalarida G‘ilon provinsiyasi Rossiya uchun muhim iqtisodiy markaz vazifasini bajargan. Rossiya kompaniyalarining xomashyo yetishtirish va qayta ishlash faoliyatida qatnashishi Rossiya iqtisodiy ekspansiyasining yanada chuqurlashganligini ko‘rsatadi. G‘ilon orqali amalga oshirilgan savdo hajmining yuqoriligi Rossiyaning Eron bozoridagi iqtisodiy ustunligini tasdiqlaydi.

Rossiya va G‘arbiy Xitoy o‘rtasidagi choy savdosi, ayniqsa Kyaxta orqali olib borilgan savdo, xalqaro iqtisodiy aloqalarning muhim tarkibiy qismi bo‘lgan. Kumush va oltinning asosiy to‘lov vositasi sifatida ishlatilishi mintaqadagi moliyaviy tizimning o‘ziga xos xususiyatlarini namoyon etadi. Shu bilan birga, dunganlar qo‘zg‘oloni, Xitoydagi

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

moliyaviy inqiroz va mahalliy siyosiy beqarorlik savdo aloqalarining rivojlanishiga sezilarli ta’sir ko‘rsatgan.

Tahlil qilingan gazeta maqolalari, konsullik materiallari va sayohat xotiralari Rossiya imperiyasining Sharq mamlakatlari bilan iqtisodiy munosabatlarini o‘rganishda muhim tarixiy manba hisoblanadi. Ushbu manbalar savdo hajmi, transport yo‘llari, eksport-import tarkibi, mahalliy bozorlarning xususiyatlari va xalqaro iqtisodiy raqobat haqida qimmatli ma’lumotlarni o‘zida mujassamlashtirgan.

Shunday qilib, Rossiya imperiyasining Qashg‘ar, Mongoliya, G‘arbiy Xitoy va Eron bilan savdo aloqalari nafaqat iqtisodiy, balki siyosiy va strategik ahamiyatga ham ega bo‘lib, imperiyaning Sharqdagi geoiqtisodiy siyosatini shakllantirishda muhim rol o‘ynagan.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. А.П. С западно китайской границы // Новое время. – 1885. – №263.
2. И.П. Несколько слов о настоящем положении торговли в Кашгаре // Русский мир. – 1872. - №193.
3. Илд. Наша торговля с Кашгаром и Персией // Туркестанский курьер. – 1909. - №2.
4. Наша торговля в Западном Китае. Из отчета подполковника генерального штаба Певцова о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878-1879 годах // Восточное обозрение. – 1884. - №4.
5. От Верного До Кашгара. (Из путевых записок М. А. Хлудова) // Русские ведомости. – 1870. - № 5, 193, 194.
6. Русский торговый караван в Кашгаре // Туркестанский сборник. Том 72. – С.141-142.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ERON TASHQI SIYOSATI XUSUSIYATLARI VA TAMOYILLARI (XX ASR OXIRI VA XXI ASR BOSHLARIDA)

Qalandarov O‘lmas Faxriddin o‘g‘li
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi stajyor o‘qituvchisi
Email: *olmas.qalandarov24@gmail.com*

Annotatsiya: *Mazkur maqolada XX asr oxiri va XXI asr boshlarida Eron tashqi siyosatining shakllanishi, asosiy xususiyatlari va tamoyillari tahlil qilinadi. Unda 1979-yilgi Islom inqilobidan keyin Eron tashqi siyosatida islomiy mafkura, shialik identikligi, mustaqillik, adolat va yirik davlatlar hukmronligini rad etish g‘oyalari ustuvor ahamiyat kasb etgani yoritiladi. Shuningdek, Eron tashqi siyosatida mafkuraviy yondashuvlar bilan bir qatorda geosiyosiy manfaatlar va pragmatik omillar ham muhim o‘rin tutishi asoslab beriladi.*

Kalit so‘zlar: *Eron tashqi siyosati, Islom inqilobi, konstruktivizm, realizm, islomiy identiklik, shialik, “Na Sharq, na G‘arb”, geosiyosat, milliy manfaat, pragmatizm.*

ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Каландаров Улмас Фахриддин угли
стажёр-преподаватель кафедры «Истории стран востока и антропологии»
Email: olmas.qalandarov24@gmail.com

Аннотация: *В данной статье анализируются формирование, основные особенности и принципы внешней политики Ирана в конце XX — начале XXI века. Освещается, что после Исламской революции 1979 года во внешней политике Ирана приоритетное значение приобрели исламская идеология, шиитская идентичность, независимость, справедливость и идеи отрицания господства великих держав. Также обосновывается, что наряду с идеологическими подходами важное место во внешней политике Ирана занимают геополитические интересы и прагматические факторы.*

Ключевые слова: *внешняя политика Ирана, Исламская революция, конструктивизм, реализм, исламская идентичность, шиизм, «Ни Восток, ни Запад», геополитика, национальный интерес, прагматизм.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

FEATURES AND PRINCIPLES OF IRAN’S FOREIGN POLICY IN THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES

Qalandarov O‘lmas Fakhriddin ugli
Teacher, Department of
History of eastern countries and Anthropology
Email: *olmas.qalandarov24@gmail.com*

Abstract: *This article analyzes the formation, main features, and principles of Iran’s foreign policy in the late 20th and early 21st centuries. It highlights that after the Islamic Revolution of 1979, Islamic ideology, Shiite identity, independence, justice, and the rejection of great-power domination became key priorities in Iran’s foreign policy. The article also argues that, along with ideological approaches, geopolitical interests and pragmatic factors play an important role in Iran’s foreign policy.*

Keywords: *Iran’s foreign policy, Islamic Revolution, constructivism, realism, Islamic identity, Shiism, “Neither East nor West”, pragmatism.*

1979-yildagi islom inqilobidan keyin Eron tashqi siyosatida ichki omillar, ayniqsa, mafkuraviy maqsadlar hal qiluvchi ahamiyat kasb eta boshladi va ular tashqi omillarga nisbatan ustuvor o‘rin egalladi. Shu bilan birga, xalqaro tizimning xususiyatlari va mamlakatning geografik joylashuvi Eron tashqi siyosiy yo‘nalishlariga muayyan ta’sir ko‘rsatdi. Eron tashqi siyosati ichki islohotlarning muvaffaqiyatli kechishi, barqaror rivojlanish va milliy siyosiy maqsadlarga erishish uchun qulay xalqaro muhit yaratishga qaratildi.

Eron tashqi siyosati shakllanishida xalqaro munosabatlar nazariyalari, ayniqsa siyosiy realizm paradigmasi muhim asos sifatida namoyon bo‘ldi. Realistik yondashuvga ko‘ra, xalqaro tizim markazlashmagan muhit bo‘lib, unda davlatlar milliy manfaatlarini ta’minlashga intiladi. Hukumatning asosiy vazifasi esa axloqiy me’yorlarga emas, balki davlat manfaatlariga xizmat qilishdir. Shu bois mamlakatlarning xatti-harakatlari, avvalo, milliy manfaatlar orqali izohlanadi.

Biroq tadqiqotchilar ta’kidlashicha, faqatgina realizm nazariyasi Eron Islom Respublikasi tashqi siyosati mohiyatini to‘liq qamrab ololmaydi. Chunki Eron milliy manfaatlari faqat moddiy farovonlik bilan cheklanmay, balki nomoddiy va mafkuraviy qadriyatlarni ham o‘z ichiga oladi. Shu bois Eron tashqi siyosiy xatti-harakatlari ko‘p hollarda iqtisodiy manfaatlar yoki pragmatik hisob-kitoblar bilan emas, balki islom mafkurasi va g‘oyaviy maqsadlar bilan belgilangan. Xususan, yadro dastur atrofidagi inqiroz va G‘arb mamlakatlari bosimi kuchaygan bir paytda,

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

sobiq prezident M.Ahmadinajodning Isroil mavjudligiga qarshi keskin nutqlari Eron tashqi siyosatida mafkuraviy omilining ustuvorligini yaqqol namoyon etdi[1].

Iqtisodiy liberalizm nazariyasi iqtisodiyot va siyosatning o‘zaro ta’siriga asoslangan siyosiy-iqtisodiy yondashuv sifatida talqin qilinadi. Mazkur maktab tarafdorlari fikriga ko‘ra, ichki liberal iqtisodiy tizim va xalqaro miqyosdagi iqtisodiy hamkorlik farovon tashqi siyosat yuritishga olib keladi. Chunki zamonaviy davlatlarning tashqi xatti-harakatlarini belgilaydigan asosiy omil iqtisodiy muvaffaqiyat hisoblanadi[2]. Oxirgi o‘n yilliklarda Eron tashqi siyosatida iqtisodiy rivojlanish va farovonlik masalalari ustuvor yo‘nalish sifatida shakllanmagan. Ushbu davrda liberal qanot vakillarining Eron isteblishmentida nisbatan kuchayishiga qaramay, G‘arb mamlakatlari bilan kelishmovchiliklarni bartaraf etish yoki jahon iqtisodiyotiga integratsiya jarayoni tashqi siyosat maqsadlari sifatida belgilanmadi. Shu bois, iqtisodiy mulohazalar Eron tashqi siyosatining iyerarxiyasida asosiy determinant sifatida namoyon bo‘lmagan.

Shu bilan birga, neorealizm yoki liberalizm kabi ratsionallik nazariyalari Eronning tashqi siyosiy xatti-harakatlarini qisman izohlaydi. Bunda mamlakat tashqi siyosatini to‘liq anglash uchun hokimiyat tuzilmasining ijtimoiy-madaniy asoslarini ham hisobga olish zarur. Tashqi siyosatni faqat moddiy manfaatlar doirasida tahlil qilish yetarli bo‘lmay, madaniy va mafkuraviy maqsadlar ham tashqi siyosiy qarorlarni shakllantiruvchi muhim omil vazifasini o‘taydi.

Shu nuqtayi nazardan, konstruktivizm nazariyasi Eron tashqi siyosatini izohlashda nisbatan samaraliroq paradigma sifatida namoyon bo‘ladi. Chunki mazkur yondashuv tashqi siyosatda g‘oyalar, e’tiqodlar va me’yorlarning rolini alohida urg‘u bilan tahlil qiladi. Shuning uchun ham tadqiqotda Eron tashqi siyosatining mohiyatini anglashda konstruktivistik paradigma asosiy nazariy poydevor sifatida tanlangan[3].

Konstruktivizm nazariyasi nuqtayi nazaridan, tashqi siyosatni anglash uchun davlat aktorining ruhiy muhitini, ya’ni uning qadriyatlari va e’tiqodlarini tushunish hal qiluvchi ahamiyatga ega. Shu jihatdan Eron Islom Respublikasining tashqi siyosiy xatti-harakatlarini tahlil qilishda mamlakatning identikligi va milliy madaniyatining ta’siriga e’tibor qaratmoq zarur. Eron tashqi siyosiy identikligining asosiy manbalari islom dini, xususan, shialik mamlakatning tarixiy tajribasi va madaniy merosi, shuningdek, uning geostrategik joylashuvi bilan belgilanadi[4]. Ushbu omillar Eronning xalqaro munosabatlardagi dolzarb masalalar bo‘yicha mavqei va strategik maqsadlarini shakllantiruvchi muhim komponentlar hisoblanadi.

1979-yilgi islom inqilobidan so‘ng Eron rahbariyatining diniy ritorikasi va islomiy qadriyatlarga tayanish xususiyati milliy manfaatlarni belgilashda moddiy

omillardan ko‘ra ustun ahamiyat kasb etdi. Eronda diniy hokimiyatning institutsional ustuvorligi tabiiy ravishda tashqi siyosat yo‘nalishlarini ham belgilab berdi. Bu holat mamlakat Konstitutsiyasida mustahkamlangan bo‘lib, Eron siyosiy tizimining eng muhim tamoyili bo‘lgan “islomiy identiklik” tashqi siyosiy manfaatlar va maqsadlarning asosiy mezoni sifatida belgilangan[5]. Shuning uchun ham Eron milliy manfaatlarini aniqlashda iqtisodiy va moddiy manfaatlardan ko‘ra islomiy qadriyatlarni ustuvor mezon sifatida qabul qiladi. Eronda diniy omilning tashqi siyosatga ta’siri quyidagi yo‘nalishlarda namoyon bo‘ladi:

- Eron tashqi siyosatda xalqaro munosabatlardagi umum e’tirof etilgan nazariyalardan ko‘ra islom inqilobi mafkurasiga ustuvorlik qaratadi. Uning tashqi siyosat vektori geografik muhit bilan cheklanmaydi[6], balki islom birligi va adolat g‘oyalarini ilgari suradi. Xalqaro tizim ham teokratik nuqtayi nazardan davlatlar manfaatlari emas, balki “zolimlar va mazlumlar” o‘rtasidagi mafkuraviy qarama-qarshilik sifatida talqin qilingan.

- Shialik Eron tashqi siyosiy identikligining markaziy elementi sifatida belgilanib, geografik chegaralarga bog‘liq bo‘lmagan universal me’yor sifatida ilgari suriladi[7].

Adolat g‘oyasi islom madaniyatining eng muhim qadriyatlaridan biri sifatida Eron tashqi siyosatining maqsadlaridan biriga aylandi. Bu holat dunyodagi turli mazlum xalqlarni qo‘llab-quvvatlash va ozodlik harakatlariga siyosiy-diplomatik yordam berishda yaqqol namoyon bo‘ladi. Eron tashqi siyosatini shakllantirishda musulmonlar ustidan g‘ayridinlarning hukmronligini rad etish tamoyilida ko‘rinadi. Shu bois musulmonlar mustaqilligiga tahdid solishi mumkin bo‘lgan har qanday shartnoma yoki xalqaro kelishuv Eron rahbarlari tomonidan haqiqiy emas, deb baholanadi.

Mazkur tamoyil amalda BMT Xavfsizlik Kengashi va Xalqaro atom energetikasi agentligining ayrim qarorlarini qabul qilmaslikda hamda AQSHning bosimiga bo‘ysunmaslikda o‘z aksini topgan. Xususan, Eronning O‘rta Sharq tinchlik rejalariga, shuningdek, AQSHning Iroq va Afg‘onistonni ishg‘ol qilishiga qarshi pozitsiyasi aynan shu diniy qoida asosida izohlanadi. Bunday yondashuv Eron hukumati uchun musulmon bo‘lmagan kuchlarning musulmonlar ustidan hukmronligini qabul qilmaslikning siyosiy ifodasi hisoblanadi.

Siyosatshunos va tarixchi Shirin Xanterning ta’kidlashicha, Eron rahbarlari XX asr oxiridan boshlab mamlakatni Yaqin Sharq mintaqasidagi maqomini yuqoriga ko‘tarishga harakat qilib kelgan. Amerikalik ekspert Devid Fillips fikriga ko‘ra, milliy g‘urur eronliklar uchun ustuvor ahamiyat kasb etadi va Eron o‘zini mintaqaviy kuch sifatida e’tirof etilishini talab qiladi. Jefri Kamp esa, agar AQSH

Eronga hurmat bilan munosabatda bo‘lsa, mamlakat rahbarlari radikal tashqi siyosatini qayta ko‘rib chiqishi ehtimolini bildirgan. Bu tabiiy qadr-qimmat ehtiyoji va ambitsiyasi 2025-yilgacha bo‘lgan milliy rivojlanish istiqbollari hujjatlarida ham aks etgan bo‘lib, unda Eron iqtisodiyot, fan va texnika sohasida mintaqada yetakchi, islomiy va inqilobiy o‘zlikka ega, xalqaro munosabatlarda konstruktiv siyosat olib boradigan rivojlangan davlat sifatida tasvirlangan. Eron tashqi siyosatining yirik davlatlarga nisbatan shubha va ishonchsizlik bilan yo‘g‘rilgani sabablaridan biri bo‘lib, Grem Fuller uni “fors ksenofobiyasi” deb ataydi. Moddiy va ma’naviy yuksalish hamda inqirozlar davrlari taqqoslanganda, eronliklarning tashqi siyosatdagi muayyan xatti-harakatlari aynan tarixiy xotira ta’sirida shakllanganini ko‘rish mumkin. Eronning G‘arbga nisbatan dushmanligi va mustaqillikka intilishi ham ushbu tarixiy tajribadan kelib chiqqanligi qayd etiladi[8].

XX asr ikkinchi yarmidan keyin shakllangan “uchinchi dunyoga intilish” g‘oyasi ham Erondagi ruhoniyat fikrlarida muhim o‘rin tutgan. Bu g‘oya imperializm va gegemonlikka qarshi yo‘naltirilgan bo‘lib, mavjud xalqaro siyosiy-iqtisodiy tizimga muxolifat ifodasidir. Shu ma’noda, “uchinchi dunyo” konsepsiyasi rivojlanayotgan mamlakatlar manfaatlarini himoya qilish va ularning xalqaro tizimda munosib o‘ringa ega bo‘lishini ta’minlashga qaratilgan. Eron siyosiy elitasi uchun bu g‘oya mavjud tartibni isloh qilish va o‘zgartirish orqali yangi, adolatli xalqaro tizim yaratishning mafkuraviy poydevori hisoblanadi.

Eronning “uchinchi dunyo”ga intilish diskursi uchun barcha zarur omillar mavjud. Birinchidan, mamlakat xalqaro iqtisodiy tizimning chekkasida joylashganligi bois o‘zini global iqtisodiy markazdan chetlatilgan davlat sifatida his etadi. Ikkinchidan, Eron hech qachon rasmiy mustamlaka maqomida bo‘lmagan bo‘lsa-da, Rossiya imperiyasi, Buyuk Britaniya va Amerika Qo‘shma Shtatlari kabi yirik davlatlar ta’siri ostida qolgan. Shu jihatdan, u mustamlakachilik tajribasiga ega davlatlar bilan qator umumiyliklarga ega[9]. Uchinchidan, Eron xalqaro munosabatlarda doimo revizionistik ruhda harakat qilib kelgan. Qadimgi Eron sivilizatsiyasining buyuk madaniy va siyosiy merosi haqidagi xotiralar eronliklarda hozirgi xalqaro tizimdagi mavqeyidan qoniqmaslik hissini kuchaytirib, “uchinchi dunyo” diskursini milliy identiklikning boshqa elementlari bilan uyg‘unlashtirgan. Natijada, mazkur g‘oya mamlakat tashqi siyosatining muhim mafkuraviy tayanchiga aylangan.

Geosiyosat Eronning ichki, mintaqaviy va xalqaro siyosiy hayotiga bevosita ta’sir ko‘rsatgan. Amerikalik olim Nikolas Spaykman ta’kidlaganidek, har qanday davlat tashqi siyosatini uning geografiyasidan ajratgan holda tahlil qilish mumkin emas. Shu nuqtayi nazardan Eronning o‘ziga xos geosiyosiy joylashuvi uning tashqi

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

siyosiy strategiyasini belgilaydigan asosiy omil hisoblanadi. Eron dunyoning uch yirik qismi – Osiyo, Yevropa va Afrika tutashgan nuqtasida joylashgan bo‘lib, tarixan Sharq va G‘arb manfaatlari kesishgan hudud sifatida global siyosiy jarayonlarda doimo diqqat markazida bo‘lgan. Shu bois G.Fuller Eronni “dunyoning markazi” sifatida ta’riflaydi.

Eronning geosiyosatidagi doimiy determinantlardan biri uning keng hududiy maydoni hisoblanadi. Siyosiy realizm nazariyasida hududiy hajm milliy qudratning muhim elementlaridan biri sifatida baholanadi va tashqi siyosat yo‘nalishlariga samarali ta’sir ko‘rsatadi. 1 648 195 km² maydonga ega Eron dunyodagi yirik davlatlardan biri sifatida mintaqada siyosiy aktor maqomini ta’minlab kelmoqda. Geografik makon va demografik salohiyat mamlakatning mintaqaviy kuch sifatida ta’sirini mustahkamlasa, global darajada ham Eronning strategik nufuzini kuchaytiradi[10]. Shu bilan birga, Eronning geostrategik mavqei mintaqa mamlakatlarini uning kuchayishiga qarshi muvozanat siyosatini ishlab chiqishga undagan. Mazkur siyosat jahon kuchlari bilan harbiy ittifoqlar va strategik sheriklik tuzish, transmintaqaviy aktorlarning mintaqaviy jarayonlarga aralashuvini qo‘llab-quvvatlash orqali amalga oshirilgan.

Eronning geosiyosiy o‘ziga xosligi tashqi siyosiy mohiyatining shakllanishida muhim rol o‘ynadi. Bu omillar Eron Islom Respublikasida milliy va mintaqaviy o‘zlikni anglash jarayoniga turtki berdi. Mazkur jarayon tabiiy ravishda AQSH, G‘arbga moyil arab davlatlari hamda Isroilga qarshi siyosiy pozitsiya bilan uyg‘unlashdi.

Eron Islom Respublikasi Konstitutsiyasi ham tashqi siyosat yo‘nalishlarida diniy ritorikaning ta’sirini yaqqol ifodalaydi. Xususan, 3-bobning 16-bandida mamlakat tashqi siyosati barcha musulmon xalqlar bilan birodarlik ittifoqini o‘rnatish va mazlumlarni qo‘llab-quvvatlash islomiy mezonlariga asoslanishi belgilab qo‘yilgan. Shuningdek, 11-modda musulmon dunyosi birligini ta’minlash vazifasini davlat siyosiy yo‘nalishining ustuvorligi sifatida qayd etadi. Konstitutsiyaning 152-moddasi esa Eron tashqi siyosatining asosiy prinsiplarini belgilab, har qanday hukmronlikni rad etish, mustaqillik va hududiy yaxlitlikni saqlash, musulmon xalqlar huquqlarini himoya qilish, gegemon davlatlar oldida majburiyat olmaslik hamda do‘stona munosabatlar o‘rnatishni nazarda tutadi[11].

Eron Konstitutsiyasida “hukmronlik” atamasi xalqaro munosabatlarda yirik davlatlarning Eronga ta’siri va ichki ishlariga aralashuvi ma’nosida qo‘llanadi. Ushbu tushuncha mamlakatning tarixiy tajribalari bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, eronliklarning yirik davlatlarga nisbatan ishonchsizligini ifodalaydi. Konstitutsiyada musulmonlar huquqlarini himoya qilish milliy manfaatlar doirasida faqat Eron

hududi bilan cheklanmay, balki butun musulmon dunyosidagi g‘ayridin kuchlarga qarshi birlashuv zaruratini ham nazarda tutadi.

Konstitutsiyaning 152-moddasida Eron tashqi siyosati prinsiplari belgilab[12], mamlakat ustidan yoki tomonidan har qanday hukmronlikka yo‘l qo‘ymaslik, mustaqillik va hududiy yaxlitlikni saqlash, barcha musulmonlarning huquqlarini himoya qilish hamda tinch munosabatlar o‘rnatish tamoyillari qayd etilgan.

Konstitutsiyaning 154-moddasi Eron tashqi siyosatining global yo‘nalishini belgilab, inson baxt-saodati, mustaqillik, erkinlik va adolat ustuvorligini barcha xalqlarning haqqi sifatida e’tirof etadi. Shu asosda Eron boshqa mamlakatlarning ichki ishlariga aralashmaslik tamoyiliga amal qilib, dunyodagi mazlumlarni qo‘llab-quvvatlashini bayon qiladi. Mazkur modda Eron tashqi siyosatining global miqyosdagi keskin va mafkuraviy yo‘nalishini shakllantirib, mamlakatni inqilobdan keyingi dastlabki yillarda ozodlik harakatlari va yirik davlatlarga qarshi kuchlarning siyosiy markaziga aylantirdi.

Eron tashqi siyosatini belgilagan asosiy tamoyillar Oliy rahbar R.Xumayniyning mashhur “Na Sharq, na G‘arb – faqat Islom” shiorida o‘z ifodasini topgan. Bu shior keyinchalik mamlakat tashqi siyosiy yo‘nalishining strategik mezoniga aylangan. “Na Sharq, na G‘arb” tamoyili qo‘shilmaslik harakati g‘oyalari hamda uchinchi dunyo davlatlari manfaatlariga tayanish konsepsiyasi ta’sirida shakllangan bo‘lib, Eronning tashqi siyosiy kursini ikki qutbli tizimdan mustaqil yo‘l tanlashga yo‘naltirdi. Shu asosda inqilobdan keyingi dastlabki yillarda Tehronning asosiy maqsadi AQSH va sobiq Sovet Ittifoqi kabi davlatlarga qaramlikdan voz kechish va ularning ta’siriga qarshi turishdan iborat bo‘ldi.

“Na Sharq, na G‘arb” siyosati doirasida amalga oshirilgan choralar qatorida AQSH bilan diplomatik aloqalarni uzish, Tehrondagi elchixonalarni yopish va sobiq Sovet Ittifoqi bilan 1921-yilgi shartnomaning Eron hududiy yaxlitligiga tahdid solgan 5 va 6-bandlarini bekor qilish muhim qadamlardan biri bo‘lgan. Shu orqali Eron har ikki qutbga nisbatan birdek salbiy munosabatda ekanligini, shuningdek, ichki siyosiy maydonda “Tude” kommunistik partiyasini tor-mor etish orqali namoyon etdi.

R.Ramzoniy ta’kidlaganidek, Eron Islom Respublikasining tashqi siyosatini tahlil qilishda aynan “Na Sharq, na G‘arb – faqat Islom” shiori asosiy metodologik nuqta hisoblanadi. Bu R.Xumayniyning siyosiy konsepsiyasini ifodalab, Eronning na sotsialistik, na kapitalistik modelga ergashishi mumkin emasligi va mustaqil yo‘l tanlashi zarurligini ko‘rsatdi[13]. Shuningdek, ushbu tamoyilning asosiy mohiyati chet el hukmronligini inkor etish va global kuch markazlaridan mustaqillikka intilishdan iborat bo‘ldi.

Shu bilan birga, “Na Sharq, na G‘arb” tamoyili faqat mudofaa strategiyasi emas, balki tajovuzkor maqsad, ya’ni dunyoda uchinchi, islomiy kuch markazini shakllantirish g‘oyasini ham qamrab oldi. Bu global maqsadning amaliy poydevori sifatida “Islom inqilobi eksport qilish” siyosati ishlab chiqildi va tashqi siyosiy doktrinaning tarkibiy qismiga aylandi.

Islom inqilobi g‘oyasini dunyoning turli mintaqalariga eksport qilish, musulmonlarni himoya qilish va ozodlik harakatlarini qo‘llab-quvvatlash siyosatini amalga oshirish Eron uchun salbiy oqibatlarga olib keldi. Bunday yondashuv xalqaro maydonda qudratli davlatlarda shubha uyg‘otdi, asosan avtoritar tuzumga ega islom mamlakatlari hukumatlarida esa chuqur tashvish tug‘dirdi. Natijada Eron xalqaro izolyatsiyaga yuz tutdi va unga qarshi tashqi bosim kuchaydi. Mazkur siyosatning eng jiddiy oqibatlaridan biri Saddam Husaynning Eronga harbiy tajovuz boshlashi bo‘ldi. Eron xalqaro sanksiyalar sharoitida mamlakat mintaqada o‘z g‘oyaviy maqsadlariga erisha olmadi, aksincha, xalqaro tizim oldida o‘zining zaif nuqtalarini namoyon etdi. Sakkiz yil davom etgan Eron–Iroq urushida nafaqat arab davlatlari, balki Sharq va G‘arbning ikki asosiy qudrati ham Iroqni qo‘llab-quvvatladi. Urushning eng muhim saboqlaridan biri shundaki, hukumat bir vaqtning o‘zida barcha jabhalarda samarali kurasha olmasligini angladi.

Bu tajriba Eronni muayyan darajada xalqaro tizim talablariga moslashishga undadi. Tashqi siyosatdagi asosiy o‘zgarishlar BMT Xavfsizlik Kengashining 598-sonli rezolyutsiyasini qabul qilish orqali Iroq bilan urushni tugatishi, 1990-yilda Iroqning Kuvaytni bosib olishiga nisbatan pozitsiyasi va yangi mustaqillikka erishgan Markaziy Osiyo hamda Kavkaz davlatlariga nisbatan pragmatik siyosat yuritishi bo‘ldi[14].

Konstruktivistik yondashuv nuqtayi nazaridan, Eron tashqi siyosatida xalqaro tizim normalari va ularning ustuvorligi muhim ahamiyatga ega bo‘ldi. Tehron o‘z mohiyati va xavfsizligini saqlash uchun xalqaro talablarni ma’lum darajada qabul qilgan holda, bir vaqtning o‘zida mazkur tizimni qonuniylikdan xoli, deb baholadi. Eron ichki siyosiy maydonda islomiy g‘oyalarning ustuvorligi haqidagi bahslar davom etsada, mamlakat tashqi siyosatining evolyutsiyasi xalqaro tizim va uning cheklovchi tuzilmalari ta’sirida amalga oshdi[15].

Keyingi davrlarda Eron o‘zining asosiy raqibi bo‘lgan AQSH va Isroilga qarshi strategik muvozanat yaratish maqsadida boshqa davlatlar bilan hamkorlik aloqalarini rivojlantirish zarurligini angladi. Bu jarayonga 1988-yilda Eron–Iroq urushi yakunlanishi va 1991-yilda Sovet Ittifoqining parchalanishi zamin yaratdi. Urushning tugashi Eron va SSSR o‘rtasidagi asosiy to‘siqni bartaraf etdi, shu bilan birga, sovet qo‘shinlarining Afg‘onistondan chiqarilishi ikki tomonlama

munosabatlarga ijobiy ta’sir ko‘rsatdi. 1989-yilda Eron parlamenti raisi Moskvaga qilgan tashrifi esa ikki mamlakat o‘rtasida yaqinlashishga intilishning ramzi bo‘lib xizmat qildi[16].

Sobiq Sovet Ittifoqi parchalanganidan keyin Eron tashqi siyosatida “Na G‘arb, na Sharq” shiori yangi mazmun kasb etdi. U endi global darajada AQSHning hukmronligi va bir tomonlama yondashuvini rad etishga qaratilgan siyosiy platforma sifatida shakllandi. Shu davrdan boshlab Eron tashqi siyosatida hal qiluvchi omil AQSH va Isroil bilan mavjud g‘oyaviy ziddiyat bo‘lib qoldi. Biroq Eron – Iroq urushi tajribasi Tehronga shundan iborat saboq berdiki, AQSH kabi davlatga qarshi kurashda kuchli hamkorlar qo‘llab-quvvatlovisiz harakat qilish samarasiz bo‘ladi. Shu bois yangi sharoitda Eron uchun strategik hamkor sifatida Rossiya namoyon bo‘ldi.

Eronning Markaziy Osiyo va Kavkaz davlatlariga nisbatan tashqi siyosati ham aynan shu ehtiyojdan kelib chiqib, mafkuraviy emas, balki pragmatik va ehtiyotkorona yo‘nalishda yuritildi. Brenda Shafferning ta’kidlashicha, Eron moddiy va nomoddiy manfaatlar to‘qnashuvida ko‘p hollarda moddiy manfaatlarni ustuvor qo‘ygan. Uning fikricha, Eronning Qorabog‘ mojarosi, Tojikiston va Chechenistondagi fuqarolar urushiga munosabati ham buni tasdiqlaydi, chunki Tehron bu masalalarda musulmonlar manfaatidan ko‘ra strategik va iqtisodiy mulohazalarni birinchi o‘ringa qo‘ydi[17].

“Sovuq urush”dan keyingi xalqaro tizimda AQSHning yagona qutb sifatida maydonga chiqishi Eronni Rossiya bilan ma’lum darajada strategik hamkorlik yo‘lini izlashga undadi. Tehron global tizimdagi yangi kuchlar muvozanatiga moslashish uchun bunday sheriklikka ehtiyoj sezdi. Eronning tashqi siyosatidagi tajribalar shuni ko‘rsatadiki, ushbu davlat doimiy ravishda realistik muhit talablari va mafkuraviy tamoyillar o‘rtasidagi muvozanat izlanishida bo‘lgan. Bir tomondan, tashqi siyosatda islomiy g‘oyalar va “rag‘batlantirish tizimi” asosiy mezon sifatida xizmat qilgan bo‘lsa, ikkinchi tomondan, xalqaro tizim tuzilmasi, geosiyosiy omillar, iqtisodiy va harbiy resurslar bu siyosatga pragmatik shakl berishni taqozo etgan. Shu bilan birga, Eron tashqi siyosatini faqat ratsional hisob-kitoblar asosida izohlash qiyin. Turli xalqaro o‘zgarishlar va ichki islohotlarga qaramay, Eronning tashqi siyosati tamoyillari va mohiyati oxirgi yillar nisbatan barqarorligicha qoldi[18].

So‘nggi yillar Eronda yangi siyosiy madaniyat va tartib shakllantirilgan bo‘lsa-da, hukumatning almashishi Eron tashqi siyosatining tamoyillariga tubdan ta’sir ko‘rsatmaydi. Tashqi siyosatda ritorika o‘zgarishi mumkin, ammo uning strategik mohiyati barqaror qoladi. So‘nggi yillar davomida xalqaro o‘zgarishlarga mos

ravishda Eronning ichki siyosiy doiralarida G‘arbni qayta talqin qilish tendensiyasi yuzaga keldi. Unga ko‘ra, milliy manfaatlarni ta’minlash uchun mafkuraviy elementlarni kamaytirish va G‘arb bilan pragmatik hamkorlik zarur, degan qarash kuchaydi[19]. Biroq bu yondashuv AQSH bilan munosabatlarni normallashtirishga olib kelmadi va strategik ittifoq yetishmasligi muammosini hal qila olmadi. Buning asosiy sababi Eronning Isroilga nisbatan keskin pozitsiyasi bo‘lib, bunday yondashuv razvedka, xavfsizlik va harbiy organlar hamda siyosiy elitaning muayyan qatlamlari uchun o‘zgarishga yo‘l qo‘ymaydi. Demak, AQSH bilan munosabatlar normallashishiga asosiy to‘siq Isroil masalasi bo‘lib qolmoqda.

Shu bilan birga, Falastin xalqini qo‘llab-quvvatlash Eron tashqi siyosatining eng ustuvor yo‘nalishlaridan biri sifatida saqlanmoqda. Mazlumlarni himoya qilish maqsadi mamlakat tashqi siyosiy paradigmasida markaziy o‘rin tutadi. Oxirgi yillarda “adolat” va “mustaqillik”ni himoya qilish mavzulari Eronning yadro dasturi bo‘yicha qat’iy pozitsiyasini ko‘rsatadi va uning kamroq moslashuvchan diplomatiyasini izohlaydi. Shu tariqa, Eron tashqi siyosatini belgilashda islomiy mafkura hal qiluvchi ahamiyatga ega bo‘lib, milliy manfaatlar kabi an’anaviy mezonlar ikkinchi darajali ahamiyat kasb etgan.

Yuqorida zikr etilganlardan kelib chiqib, xulosa qilish mumkinki, Eron tashqi siyosati o‘ziga xos ravishda g‘oyaviy va pragmatik elementlarni uyg‘unlashtirgan gibrid modelga tayanadi. Uning asosiy xususiyatlari islomiy mafkura va milliy manfaatlar o‘rtasidagi murakkab nisbatda namoyon bo‘ladi. Diniy qadriyatlar va shialik identikligi tashqi siyosiy qarorlar qabul qilishda muhim determinant sifatida namoyon bo‘lib, zolimlikka qarshi kurash, mazlumlarni himoya qilish va Falastin masalasi kabi ustuvor yo‘nalishlarni belgilab kelmoqda. Biroq xalqaro tizimning realistik muhiti, xavfsizlik tahdidlari va geopolitik shart-sharoitlar Eronni pragmatik yondashuvlarni ham qo‘llashga majbur etadi. Natijada, Eron tashqi siyosatining tamoyillari mustaqillikka intilish, yirik davlatlar hukmronligini rad etish, islomiy birodarlik va adolat g‘oyalarini himoya qilish hamda milliy xavfsizlik va strategik manfaatlarni ta’minlashga yo‘naltirilgan. Shu bois Eron tashqi siyosati tashqi muhitga moslashuvchan, ammo o‘z g‘oyaviy asoslariga sodiq qoluvchi barqaror tizim sifatida namoyon bo‘ladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. بقایی بازداشت درباره نژاد احمدی نامه URL: https://www.yjc.ir/fa/news/6161588/.

2. Шафии, Н., Заманийан, Р. Понятие внешней политики с точки зрения теорий (реализма, либерализма и конструктивизма)/ Н. Шафии, Р. Заманийан // Политико-экономические сведения. – Тегеран. – 2012. – № 9. – С.120 –125.

3. Франкель, Д. Международные отношения в переменчивом мире // Тегеран: Офис политических и международных исследований, 1991. – С.120.

4. Карами, Д. Внешняя политика с точки зрения социального развития/ Д. Карами // Стратегия [Тегеран]: журнал – 2005. – №21. – С.160–164.

5. Максуди, М., Араб, М. Рассмотрение позиции внешней политики в Конституции Ирана (сравнительное рассмотрение со странами: США, Францией, Индией, Турцией и Афганистаном) / Политический и международный подход. – Тегеран. – 2010. – №19. – С.85

6. Ибрахими, Ш. Деструктивное рассмотрение роли идеологии во внешней политике Ирана и ее связь с реализмом и идеализмом / Ш. Эбрахими // Внешние связи [Тегеран]: журнал. – 2010. – №4. – С.123.

7. Садеги, А. Генеалогия внешней политики Исламской Республики Иран: место сущности культуры и истории/ А. Садеги // Внешняя политика [Тегеран]: журнал. – 2009. – № 2. – С. 206–262.)

8. Дехгани, Д. Дискурс о справедливости во внешней политике Исламской Республики Иран/ Д. Дехгани //Политическое знание [Тегеран]: журнал. – 2010. – №1. – С.180.

9. Джафари Валдани, А. Внешние отношения Ирана после Исламской Революции /Тегеран: Издательство Авайенур – 2004. – С.25

10. Атаат, Дж. Геополитика и внешняя политика Ирана // Тегеран: Издательство Сафир.- 1996.- С.35.

11. قانون اساسی جمهوری اسلامی ایران. (Eron Islom Respublikasi Konstitutsiyasi, 152-modda). URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution. (murojaat sanasi: 05.02.2024).

12. قانون اساسی جمهوری اسلامی ایران. (Eron Islom Respublikasi Konstitutsiyasi, 152-modda). URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution.

13. Рамзани, Р.К. Аналитическая основа для рассмотрения внешней политики Исламской Республики Иран // 2008. – С.69

14. Хаджи Юсефи, А.М. Теория Волтса и внешняя политика Ирана: сравнительное изучение периода холодной войны и после холодной войны/ А.М. Хаджи Юсефи// Внешняя политика [Тегеран]: журнал. – 2003. – № 4. – С.1022.

15. Wendt, A. The Agent-Structure Problem in International Relation Theory // International Organization. – 1987. – Vol. 17. – № 9.–P. 337–338. URL: http://journals.cambridge.org/action/displayFulltext

16. Ramazani, R.K. Iran’s foreign policy: Both North and South / R.K. Ramazani // Middle East Journal. – 1992. – № 3 P. 46-47.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

17. Shaffer, B. The Islamic Republic of Iran: Is It Really? The Limits of Culture: Islam and Foreign Policy / B. Shaffer. – Cambridge (Massachusetts): The MIT Press, 2006. – P. 219–239.

18. Рамзани, Р.К.Аналитическая основа для рассмотрения внешней политики Исламской Республики Иран/– 1992. С.69.

19. Сари Алгалам, М. Внешняя политика Исламской Республики Иран: способности и возможности изменений // Международные отношения. – 2010. – №1. – С.28.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

HIND JAMIYATIDA GENDER NOMUTANOSIBLIKNI SHAKLLANTIRISHDA AN’ANAVIY URF-ODATLAR VA DINIY MAROSIMLARNING O‘RNI

Xayrullayeva Iroda Faxriddinovna
PhD, o‘qituvchi
Tel: (87)250-12-31
e-mail: fahriddinovnairoda96@gmail.com

ANNOTATSIYA

Hind jamiyati o‘zining qadimiy sivilizatsiyon ildizlari, murakkab ijtimoiy tuzilmalari va xilma-xil diniy an’analari bilan ajralib turadi. Biroq ushbu tarixiy-madaniy boylik bilan bir qatorda, gender tengsizligi masalasi ham uzoq asrlar davomida jamiyatning ajralmas muammolaridan biri bo‘lib kelmoqda. Gender tengsizligi nafaqat iqtisodiy va siyosiy omillar bilan, balki chuqur ildiz otgan an’anaviy urf-odatlar va diniy marosimlar bilan ham bevosita bog‘liqdir.

Mazkur maqolada hind jamiyatida mavjud bo‘lgan gender tengsizligining tarixiy, ijtimoiy va madaniy ildizlari chuqur tahlil qilinadi hamda ushbu nomutanosiblikning shakllanishiga bevosita ta’sir ko‘rsatgan an’anaviy urf-odatlar va diniy marosimlar qiyosiy yondashuv asosida o‘rganiladi. Tadqiqot jarayonida xotin-qizlarga nisbatan qo‘llanilgan majburiy ijtimoiy-amaliy tizimlar jumladan, patriarxal nazorat, sati, nikoh va bevalik bilan bog‘liq an’anaviy cheklovlar, ijtimoiy rolni tartibga soluvchi diniy urf-odatlar ilmiy manbalar asosida tahlil etiladi. Shu bilan birga, erkaklarga xos bo‘lgan diniy marosimlar masalan, asketizm, tanani qiynashga asoslangan ruhiy poklanish amaliyotlari va boshqa marosimlarning ko‘proq ixtiyoriy xarakterga ega ekanligi ham ochib beriladi.

Shuningdek, maqolada tarixiy davrlar kesimida mazkur urf-odat va marosimlarning transformatsiyasi, ularning zamonaviy hind jamiyatidagi ta’siri ham muhokama qilinadi. Ilmiy tahlil natijasida gender tengsizligini bartaraf etishda faqat huquqiy islohotlar emas, balki madaniy va diniy stereotiplarni qayta ko‘rib chiqish zarurligi xulosasi ilgari suriladi.

Kalit so‘zlar: *gender tengsizligi, hind jamiyati, patriarxat, diniy marosimlar, urf-odatlar, erta nikoh, sep, jauhar, saka, thaipusam, tapasya, brahmacharya, ixtiyoriylik, madaniy stereotiplar.*

Hindiston jamiyatida gender nomutanosiblik masalasi tarixiy jarayon, diniy qarash va ijtimoiy institutlarning o‘zaro murakkab ta’siri natijasida shakllangan ko‘p qatlamli fenomen hisoblanadi. Xususan, qadimgi diniy-falsafiy va normativ

manbalar jumladan, Manusmriti matnlarida erkak va xotin-qizlarning jamiyatdagi o‘rni qat’iy belgilab berilgan. Mazkur manbaning IX bob 3-oyatida ayol hayoti erkaklar (ota, er, o‘g‘il) himoyasi ostida kechishi quyidagicha ifodalangan: **बचपन में पिता उसकी रक्षा करता है, युवावस्था में पति उसकी रक्षा करता है, और वृद्धावस्था में पुत्र उसकी रक्षा करते हैं; स्त्री कभी भी स्वतंत्र रहने योग्य नहीं मानी जाती** (*Bolaligida uni otasi himoya qiladi, yoshlik davrida eri himoya qiladi, qarilik davrida esa o‘g‘li himoya qiladi, ayol hech qachon mustaqil yashay olmaydi*)[219]. Ushbu normativ qarashlar keyingi tarixiy davrlarda ham hind jamiyatining ijtimoiy ongi va amaliy institutlarida mustahkam o‘rnashib, gender rollarining an’anaviy patriarxal modelini shakllantirishga sezilarli ta’sir ko‘rsatgan.

Mazkur kontekstda gender tengsizligi nafaqat huquqiy, iqtisodiy, tengsizlik, shuningdek, ijtimoiy-madaniy tizim sifatida shakllanganligini ta’kidlash lozim. Ayniqsa, patriarxal tizimning ustuvorligi natijasida xotin-qizlarning ijtimoiy maqomi erkaklarga nisbatan ikkinchi darajaga tushib qolgan. Bu esa an’anaviy urf-odatlar va diniy marosimlar orqali legitimatsiya qilingan.

Hind jamiyatida mavjud bo‘lgan eng keskin bahsli marosimlardan yana biri sati[220] hisoblanadi. Ushbu marosimga ko‘ra, beva qolgan ayol erining jasadi bilan birga olovda yoqilishi kerak bo‘lgan. Sati marosimi tarixiy jihatdan diniy poklanish, oilaviy sha’n yoki ayolning eriga sadoqati sifatida talqin qilingan bo‘lsa-da, amaliyotda u ko‘pincha ijtimoiy bosim, majburlash yoki jismoniy zo‘ravonlik orqali amalga oshirilgan.

Mazkur marosim Britaniya mustamlakachiligi davri ya’ni 1829-yilda huquqiy tomonlama taqiqlangan bo‘lsa-da [221] , Shimoliy Hindistonning ayrim chekka hududlarida uzoq vaqt davomida saqlanib qolgan holatlar kuzatilgan. Mustaqillikdan keyingi davrda ham Hindiston hukumati sati va unga aloqador har qanday targ‘ibot va yordamni jinoyat sifatida belgiladi.

Shunga qaramay, zamonaviy hind jamiyatida beva ayollarga nisbatan ayrim an’anaviy ijtimoiy me’yorlar saqlanib qolgan. Ular ko‘pincha oq libos kiyishga belgilangan ijtimoiy odat sifatida rioya qiladi hamda rangli kiyimlar kiyish, to‘y, turli ko‘ngilochar marosimlarida faol ishtirok etish va qayta turmush qurishi tabu hisoblanadi. Ushbu holatlar qonuniy bo‘lmasa-da, ayrim hududlarda kuchli ijtimoiy bosim orqali saqlanib qolgan an’anaviy stereotiplarning davom etayotganini ko‘rsatadi. Ushbu masalalarda hukumat aholi dunyoqarashini o‘zgartirish

[219] The laws of Manu IX | Internet Sacred Text Archive https://share.google/5kX3dhm838dmgWyfh (17.02.2026).
[220] “Sati” so‘zi sanskrit tilidan olingan bo‘lib, asl ma’nosi “pok, sadoqatli ayol” degan tushunchani anglatadi. Dastlab bu atama ma’buda Sati (hinduizm dini)ga ham tegishli bo‘lgan.
[221] The Bengal Sati regulation, 1829. Act 17 of 1829. https://share.google/cCV4rqucDNLZ5itV7 (18.02.2026).

masalasida media, ommaviy axborot vositalari orqali xotin-qizlarning jamiyatda to‘laqonli shaxs ekanligini ko‘rsatish borasida qator chotra-tadbirlar olib bormoqda[222].

Shuningdek, jamiyatda gender nomutanosiblikni shakllantirgan muhim ijtimoiy institutlardan yana biri yosh bolalar nikohi hamda sep berish an’analaridir. Ushbu an’analar tarixiy ildizlari, diniy-normativ asoslari hamda ijtimoiy-iqtisodiy omillar bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, ularning evolutsiyasi hind jamiyatining patriarxal tuzilmasi bilan uzviy aloqada rivojlangan. Xususan, Manusmitri kabi normativ-huqiqiy manbalarda qizlarni erta turmushga berish ijtimoiy jihatdan maqbul va hatto zarur deb talqin etilgan. Ushbu qonun manbalarida ayolning asosiy vazifasi nikoh hamda onalik bilan bog‘langan bo‘lib, uning mustaqil ijtimoiy subyekt sifatidagi roli inkor etilgan. Natijada, yosh nikohlar qizlarni ijtimoiy nazorat ostida ushlab turish va ularning jinsiy hamda reproduktiv hayotini tartibga solish vositasiga aylangan.

Yosh nikohlarning keng tarqalishiga ta’sir etuvchi muhim omillardan yana biri hind jamiyatida to‘y marosimlarining nihoyatda katta moddiy xarajatlar talab etishi ko‘rsatiladi. Shu sababli, ayrim oilalar iqtisodiy bosimni kamaytirish maqsadida farzandlarini erta yoshda, ko‘pincha bir vaqtning o‘zida nikohlash orqali umumiy xarajatlarni qisqartirishga intiladilar. Mazkur holatni tarixiy manbalar ham tasdiqlaydi. Jumladan, Mahatma Gandi o‘zining “Mening hayotim” asarida to‘y marosimlarining yuqori xarajatlari tufayli o‘zi ham akalari bilan birgalikda yoshligida nikohlab qo‘yilganini qayd etadi[223]. Bu esa iqtisodiy omillarning yosh nikohlar shakllanishidagi muhim determinantlardan biri ekanligini ko‘rsatadi.

Sep berish an’anasining shakllanishi esa dastlab boshqa mazmunga ega bo‘lgan. Ilk davrlarda sep (stridhan) ayolga meros sifatida beriladigan mulk bo‘lib, u ayolning ma’lum darajada iqtisodiy himoyasini ta’minlagan. Biroq vaqt o‘tishi bilan ushbu jarayon o‘zining dastlabki funksiyasini yo‘qotib, kuyov tomoni tomonidan talab qilinadigan majburiy iqtisodiy to‘lov shakliga aylangan. Bu amaliyot ayniqsa o‘rta asrlar va mustamlakachilik davrida kuchayib, nikoh munosabatlarini iqtisodiy tranzaksiyaga aylantirgan. Zamonaviy davrda Hindistonda ushbu muammolarga qarshi kompleks choralar ko‘rilmoqda. Jumladan, yosh nikohlarni taqiqlovchi qonunlar, sep berishni cheklovchi normativ hujjatlar hamda ayollar ta’limini rivojlantirishga qaratilgan davlat dasturlari amalga oshirilmoqda. Shunga qaramay, an’anaviy qadriyatlarning chuqur ildiz otganligi

[222] Xayrullayeva I.F. Filmlarda hind xotin-qizlarining jamiyat va oilada tutgan o‘rni masalasining aks etishi (hind filmlari asosida). Magistrlik dissertatsiyasi/ I. Xayrullayeva – T.: TDShU, 2022. – B. 65.
[223] Gandi M.K. Mening hayotim (Rus tilidan Amir Fayzullo tarjimasi). – T.: O‘zbekiston, 2009. – B. 12-14.

sababli, bu muammolarni bartaraf etish uzoq muddatli ijtimoiy transformatsiyasini talab etadi.

Hindiston tarixi asosan Rajput an’analarida uchraydigan murakkab ijtimoiy-harbiy hodisalardan biri jauhar[224] hisoblanib, bu amaliyot urush va qamal sharoitida, qal’a yoki shaharni dushman tomonidan egallanishi muqarrar bo‘lgan vaziyatlarda xotin-qizlar tomonidan ommaviy ravishda o‘zlarini olovda yoqish holatlari tarixiy manbalarda qayd etilgan.

Jauhar odatda harbiy mag‘lubiyatning so‘nggi bosqichida, himoya imkoniyatlari to‘liq tugagan vaziyatlarda yuzaga kelgan. Tarixiy talqinlarga ko‘ra, bu holat dushman qo‘shinlari qal’aga kirib kelishi va xotin-qizlarning asirga olinishi ehtimoli yuqori bo‘lgan sharoitlarda “muqarrar tanlov” sifatida ko‘rsatilgan.

Ushbu amaliyot ikki asosiy tarkibiy element bilan birga amalga oshirilgan. Birinchisi, ayollarning ommaviy ravishda o‘zini olovga tashlashi bo‘lib, u jauhar deb atalgan. Ikkinchisi esa erkak jangchilarning so‘nggi, hal qiluvchi jangga kirishi va o‘limga ongli ravishda tayyor turishi bo‘lib, bu jarayon “saka” nomi bilan ifodalangan. Saka amaliyoti jangchilarning sha’n va harbiy sadoqat tushunchalari bilan bog‘liq holda talqin qilingan.

Jauhar va saka an’anasi asosan Rajput knyazliklari davrida Shimoliy va G‘arbiy Hindiston hududlarida keng tarqalgan. Ayniqsa, qal’a markazlari hamda strategik ahamiyatga ega hududlarda yuz bergan uzoq muddatli qamallar jarayonida bu hodisa haqidagi rivoyatlar ko‘proq uchraydi.

Ushbu marosimdan ko‘zlangan asosiy maqsad dushman qo‘liga tushmaslik, ya’ni asirlik va ehtimoliy tahqirlanishdan qochish orqali ijtimoiy sha’n va “izzat” tushunchasini saqlab qolish sifatida talqin qilingan. Zamonaviy tarixshunoslikda esa jauhar hodisasi ko‘pincha harbiy zo‘ravonlik, ijtimoiy bosim va patriarxal sha’n kodekslari bilan bog‘liq murakkab tarixiy fenomen sifatida tahlil qilinadi.

Hind jamiyatida erkaklar bilan ham bog‘liq diniy va an’anaviy amaliyotlar murakkab tarixiy-madaniy tizimga ega bo‘lib, ular nafaqat individual e’tiqod, balki ijtimoiy identifikatsiya va maqom shakllanishida ham muhim rol o‘ynaydi. Antropologik tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, Hindistondagi ko‘plab ritual amaliyotlar Veda davridan boshlab shakllanib, “tapas” (ruhiy intizom va o‘zini qiynash orqali poklanish), “dharma” (axloqiy burch) va “moksha” (ruhiy ozodlik) konsepsiyalari bilan uzviy bog‘liq holda rivojlangan. Shu nuqtayi nazardan, erkaklar uchun mo‘ljallangan ko‘plab marosimlar jismoniy sinov orqali ma’naviy yuksalishga erishish g‘oyasiga asoslanadi. Shuni e’tiborga olish zarur-ki, hind

[224] Jauhar atamasi sanskrit va hindiy an’analar bilan bog‘liq bo‘lib, u “olov orqali poklanish” ma’nosida talqin qilinadi. Biroq, tarixiy kontekstda bu atama majburiy ommaviy o‘z joniga qasd qilish shakli sifatida ishlatiladi.

jamiyatida erkaklar ayollardan farqli o‘laroq tanlash hamda o‘z xohish-irodalariga ko‘ra ushbu marosimlarni amalga oshiradilar.

Tapasya hindu falsafasida eng qadimiy ruhiy amaliyotlardan biri bo‘lib, Rigveda va Upanishad matnlarida ham uning turli shakllari tilga olinadi. Zamonaviy antropologik kuzatuvlarga ko‘ra, tapasya amaliyotida ishtirok etuvchi erkaklar uzoq muddatli meditatsiya, ochlik, uyqusizlik, ekstremal harorat sharoitlarida yashash yoki statik holatda (masalan, tik turish yoki bir pozitsiyada o‘tirish) qolish kabi og‘ir jismoniy sinovlardan o‘tadilar[225]. Bu jarayonlar orqali individ “ahamkara” (ego)ni yengib, ruhiy poklanishga erishiladi deb qaraladi. Ijtimoiy jihatdan esa bunday amaliyotlar ko‘pincha diniy obro‘ va hurmatni oshiruvchi omil sifatida xizmat qiladi.

Thaipusam marosimi esa Tamil hindu an’analarining eng yorqin ritual shakllaridan biri bo‘lib, asosan Lord Murugan (Skanda) sharafiga bag‘ishlanadi. Etnografik tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, ushbu marosim Janubiy Hindiston, Shri-Lanka hamda Malayziya diasporasi orasida keng tarqalgan. Ishtirokchilar “kavadi” deb ataluvchi bezakli va og‘ir konstruksiyalarni ko‘taradilar, tanalariga metall ilgak va ignalar o‘rnatadilar hamda ba’zan til yoki yanoqlarni teshish amaliyotini bajaradilar[226]. Bu harakatlar og‘riqni ilohiy sadoqatning ifodasi sifatida qabul qilishga asoslangan bo‘lib, insonning gunohlaridan poklanishi va ilohiy marhamatga erishishini ramziy tarzda ifodalaydi.

Brahmacharya hinduizmning to‘rt asosiy hayot bosqichlaridan (ashrama) biri sifatida qaraladi va u asosan ruhiy intizom hamda jinsiy tiyilish bilan tavsiflanadi. Veda an’anaga ko‘ra, brahmacharya davrida inson bilim olish, meditatsiya va o‘zini nazorat qilish orqali ichki energiyani jamlaydi[227]. Zamonaviy psixologik talqinlarda ushbu amaliyot o‘zini boshqarish (self-control) va kognitiv intizomni rivojlantiruvchi mexanizm sifatida ham ko‘rib chiqiladi.

Agni (olov) yurish marosimi esa Janubiy Hindiston, xususan Tamil Nadu va Karnataka shtatlarida saqlanib qolgan qadimiy ritual amaliyotlardan biridir. Etnografik ma’lumotlarga ko‘ra, bu marosimda ishtirokchilar 7–21 kun davomida qat’iy ro‘za, ibodat va ruhiy tayyorgarlikdan so‘ng muqaddas olov yoki qizdirilgan ko‘mir cho‘g‘i ustidan yalangoyoq yuradilar. Marosimda ayol va erkak qatnashishi mumkin bo‘lib, odatda ma’lum tayyorgarlik bosqichlari ya’ni, bir necha kun yoki

[225] Mathur P. What is Tapasya? – The Spiritual Bee https://share.google/umCwkU9nxCLgH89X6 (15.04.2026).
[226] Javier A.G. They do what: A cultural encyclopedia of extraordinary and exotic customs from around the world. – Elektron books, 2014. – P. 387.
[227] Lochtefeld J. Brahmacharya. The illustrated encyclopedia of Hinduism. Vol. 1, 2023. – P. 120.

haftalab och yurish, jismoniy va ruhiy tomonlama o‘zini tayyorlash ishlari amalga oshiriladi[228].

Gender nuqtayi nazaridan qaralganda, agni yurish marosimida erkaklar ko‘proq faol ishtirokchi sifatida namoyon bo‘ladi, ayollar esa ayrim hududlarda cheklangan yoki ikkilamchi rolni bajaradi. Bu holat marosimning ijtimoiy tuzilmasida erkaklarning jismoniy chidamlilik va ruhiy kuch timsoli sifatida talqin qilinishini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, ba’zi hududlarda ayollar ham ushbu marosimda qatnashib, e’tiqod va sadoqatni namoyon etish imkoniyatiga ega bo‘lib bormoqda, bu esa zamonaviy ijtimoiy o‘zgarishlarning aksidir.

Zamonaviy jamiyatda agni yurish marosimi o‘zining diniy va madaniy ahamiyatini saqlab qolgan holda, antropologik va psixologik jihatdan ham qiziqish uyg‘otmoqda. Tadqiqotchilar ushbu hodisani kollektiv e’tiqod, trans holati va psixofiziologik adaptatsiya nuqtai nazaridan tahlil qilmoqda. Ayrim ilmiy izohlar bu marosimni ishtirokchilarning kuchli ruhiy tayyorgarligi, og‘riqni sezish chegarasining vaqtincha pasayishi va qisqa vaqtli kontakt tufayli teri kuyishining oldini olish bilan izohlaydi.

Hindistondagi erkaklar bilan bog‘liq diniy amaliyotlar faqat individual e’tiqod emas, balki ijtimoiy legitimatsiya, diniy obro‘ va madaniy identitetni shakllantiruvchi murakkab tizim sifatida namoyon bo‘ladi. Ushbu ritual tizimlar antropologik jihatdan qaralganda, inson tanasi va ruhining o‘zaro munosabatini diniy-ma’naviy kontekstda ifodalovchi ijtimoiy mexanizm sifatida talqin qilinadi.

XULOSA

Qiyosiy tahlilga ko‘ra, xotin-qizlarga nisbatan qo‘llanilgan urf-odat vamarosimlar asosan cheklash, izolyatsiya va iqtisodiy qaramlikni kuchaytirishga xizmat qilgan bo‘lsa, erkaklarga oid amaliyotlar sinov, chidamlilik va ijtimoiy idealga moslashish funksiyasini bajargan, ya’ni, gender tizimi ikki turli yo‘nalishda ishlagan bo‘lib, ayollar uchun passivlik va nazorat, erkaklar uchun esa faollik va jismoniy-ruhiy sinov hisoblangan. Ushbu jarayonda shunisi ahamiyatga molik hisoblanib, aksariyat urf-odatlar xotin-qizlar uchun majburiyat hisoblansa, erkaklar uchun esa tanlov hisoblanadi.

Shu bilan birga, bu ikki yo‘nalish bir-birini to‘ldiruvchi mexanizm sifatida gender iyerarxiyasini mustahkamlab kelgan. Ayolning cheklanishi erkakning ijtimoiy ustunligini legitimlashtirgan bo‘lsa, erkakning og‘ir sinovlari uning “ijtimoiy yetakchi” rolini asoslagan. Natijada gender nomutanosiblik faqat bir jinsga nisbatan diskriminatsiya emas, balki butun ijtimoiy tizimning struktural xususiyati sifatida shakllangan.

[228] Pankratz L. Fire walking and the persistence of charalatans. – Elektron article, 1998. – P. 291-298.

FOYDALANILGAN MANBA VA ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. The laws of Manu IX | Internet Sacred Text Archive https://share.google/5kX3dhm838dmgWyfh (17.02.2026).
2. “Sati” so‘zi sanskrit tilidan olingan bo‘lib, asl ma’nosi “pok, sadoqatli ayol” degan tushunchani anglatadi. Dastlab bu atama ma’buda Sati (hinduizm dini) ga ham tegishli bo‘lgan.
3. The Bengal Sati regulation, 1829. Act 17 of 1829. https://share.google/cCV4rqucDNLZ5itV7 (18.02.2026).
4. Xayrullayeva I.F. Filmlarda hind xotin-qizlarining jamiyat va oilada tutgan o‘rni masalasining aks etishi (hind filmlari asosida). Magistrlik dissertatsiyasi/ I. Xayrullayeva – T.: TDShU, 2022. – 134 b.
5. Gandi M.K. Mening hayotim (Rus tilidan Amir Fayzullo tarjimasi). – T.: O‘zbekiston, 2009. – 256 b.
6. Jauhar atamasi sanskrit va hindiy an’analar bilan bog‘liq bo‘lib, u “olov orqali poklanish” ma’nosida talqin qilinadi. Biroq, tarixiy kontekstda bu atama majburiy ommaviy o‘z joniga qasd qilish shakli sifatida ishlatiladi.
7. Mathur P. What is Tapasya? – The Spiritual Bee https://share.google/umCwkU9nxCLgH89X6 (15.04.2026).
8. Javier A.G. They do what: A cultural encyclopedia of extraordinary and exotic customs from around the world. – Elektron books, 2014. – P. 387.
9. Xayrullayeva I.F. XX asr o‘rtalari – XXI asr boshlarida Hindistonda xotin-qizlar ta’limining mintaqaviy xususiyatlari. Dissertatsiya / I. Xayrullayeva. – T.: TDShU, 2025. – 176 b.
10. Lochtefeld J. Brahmacharya. The illustrated encyclopedia of Hinduism. Vol. 1, 2023. – P. 120.
11. Pankratz L. Fire walking and the persistence of charalatans. – Elektron article, 1998. – P. 291-298.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

THE ROLE OF CONSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN THE POLITICAL INSTITUTIONAL STRUGGLE IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF PAKISTAN

Mamatkulov Sirojiddin Khusan ugli
Tashkent state university of oriental studies
Senior lecturer
Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences
sirojiddinmamatqulov0@gmail.com

Abstract: *This article analyzes the formation, role, and significance of the phenomenon of "constitutional coups" in the context of inter-institutional political struggle during the early years of the independence of the Islamic Republic of Pakistan. The study examines the balance of power between civil government, the emerging military-bureaucratic elite, and the judicial system during the founding of statehood. It also reveals the weakness of early state institutions in the evolution of Pakistan's political system, the conflicts between the constituent assembly and the executive branch, and the early manifestations of manipulating constitutional norms to resolve crises, particularly the practice of unjustified dissolution of the government and parliament. The article provides a scientific assessment of the fundamental impact of "behind-the-scenes" games and legal decisions on the country's future political transformation during the period leading up to the first open military coup in 1958.*

Keywords: *Pakistan, political institutions, constitutional coup, governor-general, judiciary, military-bureaucratic elite, political crisis, soft coup, political transformation, Ghulam Muhammad, Constituent Assembly, A.K. Brohi, Muhammad Ali Bogra, bureaucracy, parliamentarism, power crisis.*

POKISTON ISLOM RESPUBLIKASIDAGI SIYOSIY INSTITUTLARARO KURASHDA KONSTITUTSIYAVIY TO‘NTARISHLARLAR ROLI

Mamatqulov Sirojiddin Xusan o‘g‘li
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti,
katta o‘qituvchi,
Tarix fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD).
sirojiddinmamatqulov0@gmail.com

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Annotatsiya: *Ushbu maqolada Pokiston Islom Respublikasi mustaqilligining dastlabki yillaridagi siyosiy institutlararo kurash sharoitida “konstitutsiyaviy to‘ntarishlar” fenomenining shakllanishi, o‘rni va ahamiyati tahlil qilinadi. Tadqiqotda davlatchilikning tamal toshini qo‘yish davridagi fuqarolik hukumati, shakllanayotgan harbiy-byurokratik elita va sud tizimi o‘rtasidagi hokimiyat balansi o‘rganilgan. Shuningdek, Pokiston siyosiy tizimi evolyutsiyasida dastlabki davlat institutlarining zaifligi, ta’sis majlisi va ijroiya hokimiyat o‘rtasidagi ziddiyatlar hamda inqirozlarni hal qilishda konstitutsiyaviy normalarni manipulyatsiya qilish, xususan hukumat va parlamentni asossiz tarqatish amaliyotining ilk ko‘rinishlarini ochib berilgan. Maqolada 1958-yilgi birinchi ochiq harbiy to‘ntarishgacha bo‘lgan davrdagi “parda orti” o‘yinlari va huquqiy qarorlarning mamlakat kelgusi siyosiy transformatsiyasiga ko‘rsatgan poydevorlik ta’siri ilmiy jihatdan baholangan.*

Kalit so‘zlar*: Pokiston, siyosiy institutlar, konstitutsiyaviy to‘ntarish, general-gubernator, sud hokimiyati, harbiy-byurokratik elita, siyosiy inqiroz, yumshoq to‘ntarish, siyosiy transformatsiya, G‘ulom Muhammad, Ta’sis Majlisi, A.K. Brohi, Muhammad Ali Bogra, byurokratiya, parlamentarizm, hokimiyat inqirozi.*

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПЕРЕВОРОТ В МЕЖПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПАКИСТАН.

Аннотация: *В данной статье анализируются становление, место и значение феномена "конституционных переворотов" в условиях межинституциональной борьбы в первые годы независимости Исламской Республики Пакистан. В исследовании исследуется баланс власти между гражданским правительством, формирующейся военно-бюрократической элитой и судебной системой в период закладки фундамента государственности. Также в эволюции политической системы Пакистана раскрыты слабость ранних государственных институтов, противоречия между учредительным собранием и исполнительной властью, а также первые проявления манипулирования конституционными нормами при разрешении кризисов, в частности, практики необоснованного роспуска правительства и парламента. В статье дается научная оценка фундаментального влияния "закулисных" игр и правовых решений на дальнейшую политическую трансформацию страны в период до первого открытого военного переворота 1958 года.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Ключевые слова: *Пакистан, политические институты, конституционный переворот, генерал-губернатор, судебная власть, военно-бюрократическая элита, политический кризис, мягкий переворот, политическая трансформация, Гулям Мухаммад, Учредительное собрание, А. К. Брохи, Мухаммад Али Богра, бюрократия, парламентаризм, кризис власти.*

INTRODUCTION

In modern Oriental studies and comparative political science, the issues of the formation of state power institutions and their transformation during periods of crisis remain one of the most relevant research areas. In particular, the political history of the Islamic Republic of Pakistan, which is considered the strategic and nuclear center of the South Asian region, and the dynamics of the inter-institutional struggle in the early years (1947-1958) when its foundations of statehood were laid, deserve special scientific attention. Today, in the world, traditional methods of direct overthrow of power using armed forces and tanks are increasingly being replaced by hidden mechanisms – "soft" or "constitutional coups" (constitutional/soft coups) – masked as legal institutions, the judicial system, and constitutional manipulations. The first decade of Pakistan's independence served as a laboratory for such white-collar political technologies based on legal manipulation. Studying the patterns of this period is important not only for understanding the evolution of Pakistan's political system but also for understanding the pathology of the formation of hybrid regimes in transitional societies during the post-colonial period.

RESEARCH METHODOLOGY

Based on the historical-comparative and chronological method, the historical period from 1947 to 1958, that is, until the establishment of the first open military dictatorship in the country under the leadership of Ayub Khan, was studied in chronological order. During this period, the stages of the seven-fold change of government and the victory of the executive power over the parliament were compared. Through historical-comparative analysis, it has been scientifically proven how the "soft/constitutional" overthrow carried out through secret, judicial, and legislative means in the early years and its consequences later became the strategic foundation for the institutionalization of the military regime in the country.

Based on neoinstitutional analysis, the study examined political institutions not merely as a set of formal laws, but as "rules of the game" that determine the behavior of the political elite. Within the framework of neo-institutionalist methodology, the manipulation of the provisions of the 1947 Act on the Governance

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

of India (the interim constitution of Pakistan) and the first constitution of 1956 was studied. In particular, the processes of the dissolution of the government of Khoja Nazimuddin in 1953 and the Constituent Assembly in 1954 by Governor-General Ghulam Muhammad were analyzed as a mechanism for using "institutional traps" and legal loopholes.

Based on the systemic-functional approach, the political system of Pakistan in the first decade was studied as an integrated and complex macrosystem. Using this approach, the functional functions and interactions of the main micro-elements within the system were analyzed: the civil government (parliament and cabinet), the executive branch (governor-general and later the presidential apparatus), the judicial system (Supreme Court), and the emerging military-bureaucratic elite. This method served to reveal how the functional imbalance between the elements of the system and the disruption of the institutional balance created the institutional basis for "constitutional coups."

RESULTS

The Muslim League was responsible for the decline of politics and society after Pakistan gained independence and had to be held accountable for failing to live up to the people's expectations. The level of disillusionment in the opposition increased, and the use of repressive laws inherited from the United Kingdom or adopted by Pakistan, including provisions prohibiting preventive detention and gatherings of more than five people, intensified.

Conflict between politicians and the military also escalated from the early years of Pakistan's independence. The armed forces also posed a threat to the Liaqat government, which was less hostile to India than some officers would have liked. In March 1951, Chief of the General Staff Major General Muhammad Akbar Khan, along with fourteen other officers, was arrested on charges of attempting a coup d'état. The authors of what became known as the Rawalpindi conspiracy were secretly tried, found guilty, and sentenced to imprisonment.

Nevertheless, during the reign of Liaqat Ali Khan, the "Goals" resolution was adopted in March 1949. This resolution served as a preamble for the country's main law – the constitutions – which were subsequently adopted and amended in 1956, 1962, and 1973. This law also plays an important role in the formation of Pakistan as an Islamic state and the Islamization of Pakistani society. After all, in this resolution it was established that ..."the sovereignty over the whole world belongs to Allah alone..." This subsequently led to the adoption of laws in Pakistan based on the Islamic religion.

In the same year, the "Talimati Islomiya" commission, consisting of scholars, was appointed to advise on issues arising from the decision of the "Goals" resolution. However, the Council's recommendations were often rejected because they were not practical .

The declaration also stipulated that ..."Muslims should have the opportunity to regulate their lives in the personal and collective spheres in accordance with the teachings and requirements of Islam specified in the Holy Quran and the Sunnah..." These rules laid the foundation not only for the Islamization of state administration but also for the Islamization of society.

Following the adoption of the resolution, the Constituent Assembly established a Special Committee to develop the core principles of the future constitution. This Committee submitted two reports in 1950 and 1952, but both of them caused serious objections in different parts of the country. In 1953, the "Bogra Formula," proposed by then-Prime Minister Muhammad Ali Baghra, was relatively well-received and adopted by the Constituent Assembly in October 1954. On 1 October 1954, the Boğra Constituent Assembly announced that it would complete the constitution by December, and this statement was repeated again on 23 October. However, unexpectedly, a day later, the Constituent Assembly was dissolved by the Governor-General.

Following M. A. Jinnah, he played an important role in the Indian Liberation Movement and was the Chief Minister of East Bengal until Jinnah's death. Nazimuddin assumed the post of Governor-General. In an effort to control internal political instability in the provinces, Liaqaat Ali Khan introduced the PRODA (Public and Representative Offices Disqualification Act) in January 1949. According to this law, lawsuits for the abuse of power by politicians could be initiated on behalf of the governor-general or the governor. Those found guilty could be suspended from public office for up to 10 years. This law became an effective tool in curbing the unrest and significantly influenced subsequent political processes[229].

On 16 October 1951, Liaqaat Ali Khan was assassinated during a public meeting in Rawalpindi. After Liaquat's death, the Governor-General Nazimuddin Malik was encouraged by Ghulam Muhammad and other influential figures to take the post of Prime Minister, resulting in Ghulam Muhammad becoming Governor-General. Subsequent events showed that Ghulam Muhammad played a decisive role in the country's political life. The Governor-General, who did not follow parliamentary traditions and procedures, attempted to overthrow Nazimuddin's

[229] ۱۴۲.کسانو احمد نصر . پبلیکیشنز کوشاں : آباد فیصل - . الی رحمت فام سیاہ اور مطلع میں پاکستان . ص - .۱۹۹۷ ،

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

government in 1953 due to the unrest in the Punjab. Following the imposition of martial law in Lahore, Ghulam Muhammad resigned, blaming the Nazimuddin government for food shortages, its inability to solve economic problems, and its inability to maintain public order.

Following this, Ghulam Mohammad appointed Mohammad Ali Baghra, who was serving as Pakistan's ambassador to the United States and was not even a member of the Constituent Assembly, as Prime Minister. Muhammad Ali Baghra lacked sufficient political experience and, as an outsider to the party's internal processes, lacked real control over the Muslim League and its parliamentary faction. At the same time, Malik Ghulam Muhammad effectively acquired the same broad powers as under Muhammad Ali Jinnah. Although the Constituent Assembly approved the new appointments made by the Governor-General, some of its members were dissatisfied with the resignation of the previous government. At the same time, there was growing dissatisfaction with the arbitrary use of powers by the Governor-General[230].

Former Prime Minister Kh. Nazimuddin also formed a strong opposition group within the Constituent Assembly in collaboration with Fazlul Rahman. As a result, the conflict between the Governor-General and the deputies of the Muslim League intensified. The Constituent Assembly proceeded to pass a law amending a number of articles of the India Administration Act 1935. The main purpose of these changes was to strengthen the sovereignty of the Constituent Assembly and strengthen control over the government.

On September 20, 1954, the bill was introduced by the Minister of Justice, A. K. Brohy, and was hastily adopted on September 21, while the Governor-General was abroad. Simultaneously, the Constituent Assembly passed another law, which had been under consideration since 1951 and provided for the repeal of the PRODA law. As a result, the Governor-General lost the primary means of pressure he had used against politicians.

In accordance with the new laws:

- the Governor-General was now obliged to appoint as Prime Minister only the person supported by the majority in the Constituent Assembly;
- he had to follow the advice of the ministers;
- Ministers could only be appointed from among members of parliament;

The government became collectively accountable to the Constituent Assembly.

[230] Abdulmuminov A. Pakistan’s Partition: Seartition: Search for National Identity. // Journal of Research at Minnesota State University. – Mankato, 2015. №15. – P. 14.

These changes were of great importance in terms of strengthening the parliamentary system[231].

But in the situation of the early 1950s, it was difficult to expect respect for the constitution from the military establishment. For this reason, despite the abolition of PRODA, Ghulam Mohammad did not want to accept the limitation of his powers. He was particularly concerned that the Constituent Assembly would adopt a final constitution on 25 December 1954, reducing the post of governor-general to a symbolic one. As a result, the Governor-General and his supporters perceived the actions of the Constituent Assembly as a political conspiracy against them and developed a plan to dissolve it.

This opportunity came with the defeat of the Muslim League in the East Bengal elections of 1954. This situation called into question the representative nature of the Constituent Assembly. Taking advantage of the opportunity, Ghulam Muhammad managed to dissolve the Constituent Assembly within a short period.

DISCUSSION

On 24 October 1954, he officially announced the dissolution of the Constituent Assembly. A new government was formed, in which the position of Minister of Defense was given to the current army commander Ayub Khan. This showed that the military supported this decision. In addition, censorship of the press was introduced, public assemblies were banned, and the building of the Constituent Assembly was closed by the police. Thus, the process of constitutional development in the history of Pakistan was abruptly halted.

The role of Islam in the governance of the country was accepted as the main ideology even during the time of politicians such as Khoja Nazimuddin, Muhammad Ali Baghra, and Chaudry Muhammad Ali, who served as Prime Ministers after Liaqat Ali Khan. The country's first constitution, adopted in 1956, also demonstrates the inability to imagine a country without Islam. In particular, its introductory part ..." In the name of God, the Merciful, the Merciful. The dominion over the whole world belongs to him. Pakistan declares that it will be a democratic state based on the principles of Islamic social justice..." can show the importance of Islam in the process of state formation[232].

Just as Islam was used as an ideological force against Pakistan's external threat, India, it was also used to solve internal problems, up to and including the unification of a divided nation. The most important task facing Pakistan's political and military elite was to unite the disintegrating state. Its foundation was the

[231] Lodhi M. Pakistan beyond the “Crisis State”. – Karachi: Columbia University Press, 2011. – P. 301.
[232] M.R. Kazımı. A Concıse Hıstory of Pakıstan. – Karachi: Oxford University Press, 2019. – P. 119.

systematic promotion of Islamic ideology, despite the secular principles of the state, which was acceptable to many.

In his autobiography, Ayub Khan describes in detail the need of nations for ideology, stating: "They will possess immense strength of unity and resistance. Such a society can be bent, but it cannot be destroyed... In our country, such an ideology is undoubtedly Islam. That's why we fought for Pakistan."[233]

Also, the implementation of this idea was reflected in the field of education. According to him, the history of Pakistan was now the peak reached by Muslims after the arrival of Islam in the subcontinent. This reinforced the Indian perception of hostility and intolerance toward Muslims, as reflected in Ayub Khan's personal biography.

CONCLUSION

The lack of a stable and balanced political system in the first decade of Pakistan's statehood, in particular, the pursuit of absolute supremacy of the executive over the legislature, as well as the ideological weakness of political parties and inter-factional conflicts within parliament, deepened the crisis of civilian governments and created a favorable institutional environment for "constitutional coups" in the country.

As practical proof of this, the unjustified dissolution of the government of Khoja Nazimuddin in 1953 and the Constituent Assembly in 1954 by Governor-General Ghulam Muhammad legitimized the first classic model of a "soft coup" carried out without the involvement of armed forces, purely through subjective interpretation and bureaucratic manipulations of the 1947 Act of Government of India. These chaotic parliamentary games and chronic government crises of the early years accelerated the institutionalization of the military-bureaucratic apparatus (establishment) as the only organized and stable force behind the scenes, and the tradition of covert overthrow until 1958 made the establishment of the first open military dictatorship, led by Ayub Khan, logical and inevitable, which determined the future of the country.

As a result, the practice of "constitutional coups" in 1947–1958 became the genetic code of Pakistan's political system, creating a unique systemic pathology that hindered the formation of strong democratic institutions and paved the way for the establishment of a hybrid regime model that still influences the country's governance today.

[233] Talbot I. Pakistan: a modern history. – New York: St. Martin’s Press, 1998. – P. 251.

REFERENCES:

1. Abdulmuminov A. Pakistan’s Partition: Seartition: Search for National Identity. // Journal of Research at Minnesota State University. – Mankato, 2015. №15. – P. 14.
2. Bright W. J., Tarihi Pakistan. – Lahore: Darulshaour Publications, 2015. – P. 243.
3. Lodhi M. Pakistan beyond the “Crisis State”. – Karachi: Columbia University Press, 2011. – P. 301.
4. M.R. Kazımı. A Concıse Hıstory of Pakıstan. – Karachi: Oxford University Press, 2019. – P. 119.
5. Musharraf P. A Plea for Enlightened Moderation. 01.06.2004. https://www.washingtonpost.com/wpdyn/articles/A5081-2004May31.html
6. Musharraf P. In the Line of Fire: A Memoir. – New York: Free Press, 2006. – P. 280.
7. Rafique M. A. Pakistan: History and Politics 1947-1971. – Karachi: Oxford University Press, 1991. – P. 229.
8. Talbot I. Pakistan: a modern history. – New York: St. Martin’s Press, 1998. – P. 251.
9. ںمیِ مطلع اور مسیا مفا حمتـر یلا . - فیصل دباآ : ںوشاک یشنزکـبلیپ ، ۱۹۹۷. - ص.۱٤۲ نصر حمدا سانوک . نـستاکـاپ .

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ЭВОЛЮЦИЯ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОТ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ

Акрамова Шоира Мухамедаминовна
Младший научный сотрудник ИВАН РУз

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция рыночных реформ в КНР с конца 1970-х годов по настоящее время. Исследованы ключевые этапы экономической трансформации: аграрные преобразования на основе системы семейного подряда, создание особых экономических зон, реформирование государственных предприятий, интеграция страны в мировую торговую систему после вступления в ВТО (2001), а также переход от экспортно-ориентированной модели к инновационному развитию. Наряду с достижениями рассматриваются структурные противоречия китайской модели: имущественное неравенство, экологические издержки, демографический кризис и нарастающее технологическое противостояние с США.*

Ключевые слова: *рыночные реформы, Китай, система семейного подряда, особые экономические зоны, государственные предприятия, ВТО, инновационное развитие, переходная экономика.*

Annotatsiya: *Ushbu maqolada XXRda 1970-yillarning oxiridan hozirgi kungacha bo'lgan bozor islohotlarining rivojlanishi ko'rib chiqiladi. Iqtisodiy o'zgarishlarning asosiy bosqichlari o'rganiladi: oilaviy ijarachilar tizimiga asoslangan qishloq xo'jaligi islohotlari, maxsus iqtisodiy hududlarni yaratish, davlat korxonalarini isloh qilish, JSTga qo'shilgandan keyin mamlakatning global savdo tizimiga integratsiyalashuvi (2001) va eksportga yo'naltirilgan modeldan innovatsion rivojlanishga o'tish. Ushbu yutuqlar bilan bir qatorda, maqolada Xitoy modelining tarkibiy qarama-qarshiliklari: boylik tengsizligi, ekologik xarajatlar, demografik inqiroz va Qo'shma Shtatlar bilan tobora ortib borayotgan texnologik qarama-qarshilik ko'rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *bozor islohotlari, Xitoy, oilaviy ijarachilar tizimi, maxsus iqtisodiy zonalar, davlat korxonalari, JST, innovatsion rivojlanish, o'tish iqtisodiyoti.*

Abstract. *This article examines the evolution of market reforms in China from the late 1970s to the present. Key stages of economic transformation are explored:*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

agrarian reforms based on the family tenant system, the creation of special economic zones, the reform of state-owned enterprises, the country's integration into the global trading system after joining the WTO (2001), and the transition from an export-oriented model to innovative development. Along with these achievements, the article examines the structural contradictions of the Chinese model: wealth inequality, environmental costs, demographic crisis, and growing technological confrontation with the United States.

Keywords: *market reforms, China, family tenant system, special economic zones, state-owned enterprises, WTO, innovative development, transition economy.*

ВВЕДЕНИЕ.

История экономических реформ в Китайской Народной Республике – одна из наиболее впечатляющих трансформаций в мировой истории. Менее чем за полвека страна прошла путь от закрытой плановой экономики, суровыми последствиями «Большого скачка» и «Культурной революции», до второй по величине экономики мира и глобального технологического лидера. Этот путь не был ни линейным, ни случайным: за ним стоят тщательно выверенные институциональные решения, прагматичная идеология и способность центральной власти учиться на собственных ошибках.

Понимание китайского опыта реформ представляет исключительную ценность для развивающихся экономик – в том числе постсоветских стран Центральной Азии, строящих собственные модели устойчивого роста.

Методы. Исследование построено на сравнительно-историческом анализе реформенных процессов в КНР за период 1978–2023 годов. Аналитическая рамка опирается на институциональную теорию экономических изменений и концепцию градуалистских реформ. Эмпирическую основу составляют макроэкономические данные Всемирного банка, МВФ и Национального бюро статистики КНР, а также работы ведущих исследователей китайской экономики [6; 7].

Для оценки результативности реформ применялись как количественные индикаторы (динамика ВВП на душу населения, доля в мировом экспорте, уровень бедности, коэффициент Джини), так и качественный анализ институциональных изменений. Хронология реформ разбита на четыре этапа: аграрный (1978–1984), индустриально-рыночный (1984–2001), глобально-интеграционный (2001–2015) и инновационный (с 2015 года).

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Результаты. К концу 1970-х годов Китайская Народная Республика находилась в состоянии глубокого структурного кризиса. Коллективизация сельского хозяйства в форме народных коммун, проводившаяся с конца 1950-х годов, фактически уничтожила материальные стимулы крестьян к труду. Промышленность функционировала по советской модели централизованного планирования, страдая от неэффективности, дефицита и технологического отставания.

Основные показатели того периода говорят сами за себя: ВВП на душу населения составлял около 200 долларов США, свыше 80% населения проживало в сельской местности и было занято в аграрном секторе, а доля Китая в мировом экспорте не превышала 1% [5]. Политическая нестабильность последних лет правления Мао Цзэдуна и его смерть в 1976 году открыли окно возможностей для нового курса.

Основа китайских реформ, инициированных Дэн Сяопином в декабре 1978 года на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва, строилась на принципах прагматизма. Знаменитая метафора Дэн Сяопина – *«неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей»* – стала фундаментом для изменения идеологических барьеров. Вместо слепого следования догмам, руководство страны внедрило метод «экспериментальных площадок»: любая реформа сначала тестировалась в масштабе одной деревни или города, и только в случае успеха масштабировалась на всю страну [1].

Первым и важнейшим шагом стала реформа сельского хозяйства. Она началась стихийно – в деревне Сяоган провинции Аньхой в 1978 году восемнадцать крестьян тайно подписали соглашение о разделе коммунальной земли между семьями. Риск был колоссальным: за подобное «капиталистическое отклонение» грозило суровое наказание. Однако рекордный урожай 1979 года убедил центральное руководство в потенциале инициативы. Центральное руководство быстро оценило потенциал инициативы. Система семейного подряда (*баоган даохо*) [234] была официально легализована и к 1983 году охватила более 90% китайских деревень. Суть реформы состояла в следующем: земля оставалась государственной собственностью, однако крестьянские семьи получали её в долгосрочную аренду, были обязаны сдавать государству фиксированный объём продукции, а всё произведённое сверх нормы могли продавать на рынке.

[234] Система семейного подряда (кит. 包干到户, *баоган даохо*) — это экономическая реформа в КНР, заменившая народные коммуны индивидуальным семейным производством.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Последствия оказались поразительными, за период с 1978 по 1984 год сельскохозяйственное производство выросло более чем на 40%. Реальные доходы крестьян увеличились вдвое. Параллельно с аграрными преобразованиями Китай приступил к созданию свободных экономических зон (СЭЗ). В 1980 году были учреждены четыре первые зоны – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь. Их концепция была революционной для социалистического государства: иностранные инвесторы получали налоговые льготы, упрощённые таможенные процедуры, право на репатриацию прибыли и относительную свободу от бюрократического вмешательства. Шэньчжэнь, рыбацкая деревушка у границы с Гонконгом, стал символом этой политики. За десять лет он превратился в миллионный промышленный мегаполис. Успех первых зон открыл путь к расширению: в 1984 году статус «открытых городов» получили 14 прибрежных центров, а в последующие годы принципы ОЭЗ распространились на всё побережье и крупные речные дельты [3].

Куда более сложным и болезненным оказался вопрос государственных предприятий (ГП). В отличие от сельского хозяйства, где реформа носила относительно безболезненный характер, промышленная реструктуризация затрагивала интересы миллионов рабочих, партийных чиновников и военно-промышленного комплекса.

В 1980-е годы была внедрена система «двойного ценообразования»: предприятия выполняли плановые задания по государственным ценам, а излишки продавали по рыночным. Эта модель, при всей её внутренней противоречивости, позволила постепенно наращивать рыночный сектор без немедленного краха планового. Однако она же породила колоссальную коррупцию и арбитраж, что стало одной из причин социальной напряжённости конца 1980-х годов. Радикальная реформа ГП последовала в 1990-е при Цзян Цзэмине и Чжу Жунцзи. Стратегия «держать крупных, отпускать мелких» (*чжуа да фан сяо*) предполагала сохранение государственного контроля над стратегическими отраслями при одновременной приватизации или закрытии нежизнеспособных малых предприятий. Только в 1997–2002 годах было сокращено около 30 миллионов рабочих мест в государственном секторе – беспрецедентная по масштабу перестройка рынка труда [2].

Присоединение Китая к Всемирной торговой организации в декабре 2001 года стало переломным моментом в его интеграции в мировую экономику. Страна приняла на себя жёсткие обязательства по либерализации торговли и инвестиционного режима, снизила таможенные пошлины и открыла ряд

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

секторов для иностранной конкуренции. В последующее десятилетие Китай стал «мировой фабрикой»: его доля в мировом экспорте выросла с 4% в 2001 году до более чем 12% к 2010 году [4]. Страна последовательно заняла лидирующие позиции в производстве электроники, текстиля, стали, химической продукции и бытовой техники. Ключевым механизмом роста стала интеграция в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Транснациональные корпорации переносили трудоёмкие производства в Китай, привлекая дешёвую и всё более квалифицированную рабочую силу, развитую инфраструктуру и эффективную логистику. Китайские партнёры, в свою очередь, накапливали технологические компетенции, управленческий опыт и капитал.

К середине 2010-х годов прежняя модель роста исчерпала себя. Рост заработных плат подрывал ценовую конкурентоспособность в трудоёмких отраслях. Экологические издержки индустриализации достигли критического уровня. В ответ Китай провозгласил курс на «инновационное развитие». Программа «Сделано в Китае – 2025» (2015) обозначила десять приоритетных отраслей: робототехника, авиакосмическая промышленность, биофармацевтика, новые материалы, электромобили и другие.

Параллельно Китай выстраивал собственную цифровую экосистему. Компании Alibaba, Tencent, Huawei превратились в глобальных игроков, конкурируя с американскими технологическими гигантами. Платёжные системы Alipay и WeChat Pay совершили революцию в финансовом секторе, обогнав западные аналоги по охвату и объёмам транзакций [6].

Инициатива «Один пояс – один путь» (с 2013 года) вынесла китайскую экономическую экспансию за пределы страны, создав разветвлённую сеть инфраструктурных проектов, торговых маршрутов и финансовых инструментов от Юго-Восточной Азии до Европы и Африки.

Обсуждение. Феномен китайских реформ не объясняется каким-либо единственным фактором. Выделяются несколько ключевых институциональных особенностей, отличавших китайскую модель от других переходных экономик.

1. Постепенность и экспериментализм. В отличие от «шоковой терапии», применённой в ряде постсоветских стран, Китай придерживался градуалистского подхода. Реформы тестировались в отдельных регионах или секторах, и лишь доказав свою эффективность, распространялись шире. Это снижало системные риски и позволяло корректировать курс.

2. Децентрализация и конкуренция регионов. Провинциальные и местные власти получили значительную экономическую автономию и были заинтересованы в привлечении инвестиций и росте ВРП. Конкуренция между регионами стимулировала инновации в регуляторной сфере и создание благоприятного делового климата.

3. Сохранение политической стабильности. Китайское руководство жёстко подавляло любые угрозы политической дестабилизации, концентрируя реформенную энергию исключительно в экономической сфере. Это позволило избежать хаоса, сопровождавшего переход многих других стран.

4. Управляемая открытость. Китай открывался для иностранных инвестиций и торговли поэтапно, сохраняя контроль над капитальными потоками и защищая стратегические отрасли. Юань оставался неконвертируемым на протяжении десятилетий, что ограждало финансовую систему от спекулятивных атак.

5. Инвестиции в человеческий капитал. Начиная с 1980-х годов Китай систематически наращивал государственные расходы на образование, посылал тысячи студентов на обучение за рубеж и создавал стимулы для возвращения диаспоры.

Китайское экономическое чудо имеет и оборотную сторону. Реформы породили устойчивые структурные проблемы, с которыми страна сталкивается по сей день. Имущественное неравенство резко возросло: коэффициент Джини[235] в Китае является одним из наиболее высоких среди крупных экономик мира, а разрыв между городом и деревней, прибрежными и внутренними регионами остаётся значительным. Экологический долг индустриализации – загрязнение воздуха, воды и почв – колоссален. Нарастание торгового и технологического противостояния с США, обозначившегося в конце 2010-х годов, поставило под вопрос устойчивость модели, основанной на доступе к западным технологиям и рынкам.

Выводы. Эволюция рыночных реформ в Китае представляет собой уникальный исторический эксперимент, не имеющий прямых аналогов. Страна доказала, что социалистическое государство способно на глубокую рыночную трансформацию без политической либерализации, а постепенность реформ может быть не менее эффективна, чем радикальный разрыв с прошлым. Вместе с тем китайский опыт не является универсальным рецептом. Его специфика – масштаб страны, историческая традиция сильного

[235] *Коэффициент Джини* — это статистический макроэкономический показатель, измеряющий степень неравенства распределения доходов или богатства в обществе.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

государства, особый геополитический контекст эпохи холодной войны и послевоенного глобализма – во многом предопределила траекторию успеха. Для стран, стоящих на пороге собственных экономических преобразований, главным уроком китайского пути остаётся, пожалуй, следующее: эффективные реформы требуют не слепого копирования чужих моделей, а способности адаптировать общие принципы к собственным институциональным реалиям, извлекать уроки из провалов и сохранять прагматизм перед лицом идеологических соблазнов.

Список использованной литературы:

1. Гельбрас В.Г. КНР после Дэн Сяопина: проблемы экономического развития // Восток. – 1995. – №6. – С.53-56.
2. Гельбрас В. КНР: социальные последствия "реформ и открытости" // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 8. – С.2-7.
3. Ли Теин. Теория и практика экономических реформ в КНР. /Отв. ред. Титаренко М.Л.; Институт Дальнего Востока РАН. – 2-е изд., доп. – М., 2002. – 131с.
4. Сунь Лэй. Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. №2. – С.20-33.
5. Chow G.C. China’s economic policy in the context of the Asian Financial Crisis // Pacific Economic Review. №5. 2000 (February). – P.97-108.
6. Naughton, B. The Chinese Economy: Adaptation and Growth // MIT Press, 2018. P. 55-60.
7. Lardy, N. R. The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China? // Peterson Institute for International Economics, 2019. 200 p.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С СИРИЕЙ)

Петросова Ольга Николаевна
Ташкентский государственный университет Востоковедения
старший преподаватель кафедры
«История и антропология стран Востока»
petrosovao@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается трансформация внешней политики Турции после событий «Арабской весны» на примере взаимоотношений с Сирией. Анализируются причины отказа Анкары от концепции «ноль проблем с соседями», влияние сирийского кризиса, курдского вопроса и региональных угроз на внешнеполитический курс Турции. Делается вывод о переходе Турции от политики «мягкой силы» к более активной и силовой модели регионального влияния.

Ключевые слова: *Турция, Сирия, «Арабская весна», внешняя политика, неоосманизм, Ближний Восток, курдский вопрос.*

ABSTRACT

The article examines the transformation of Turkey’s foreign policy after the Arab Spring through the example of Turkish-Syrian relations. The study analyzes the reasons behind Ankara’s abandonment of the “zero problems with neighbors” doctrine and the impact of the Syrian crisis, the Kurdish issue, and regional security challenges on Turkish foreign policy. It is concluded that Turkey shifted from a “soft power” strategy toward a more active and militarized regional policy.

Keywords: *Turkey, Syria, Arab Spring, foreign policy, neo-Ottomanism, Middle East, Kurdish issue.*

ВВЕДЕНИЕ

События «Арабской весны», начавшиеся в 2010–2011 гг., стали одним из ключевых факторов трансформации политической архитектуры Ближнего Востока. Массовые протесты, смена политических режимов и последовавшие вооружённые конфликты существенно изменили систему региональных международных отношений. Особое место в этих процессах заняла Турецкая

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Республика, которая стремилась использовать политическую нестабильность для укрепления собственных геополитических позиций.

До начала «Арабской весны» внешняя политика Турции базировалась на концепции «ноль проблем с соседями», разработанной министром иностранных дел Ахметом Давутоглу. Основой данной стратегии являлось развитие экономической интеграции, дипломатического сотрудничества и «мягкой силы» в отношениях с государствами Ближнего Востока [1]. Сирия рассматривалась Анкарой как один из ключевых партнеров в арабском мире. Между странами активно развивались торгово-экономические связи, действовал безвизовый режим, проводились совместные заседания правительств.

Однако начало гражданской войны в Сирии в 2011 году привело к резкому ухудшению двусторонних отношений и стало поворотным моментом в эволюции турецкой внешней политики. Турция перешла от политики регионального сотрудничества к стратегии прямого вмешательства, военного присутствия и силового давления. Целью данной статьи является анализ трансформации внешней политики Турции после «Арабской весны» на примере взаимоотношений с Сирией.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниковую базу исследования составляют труды российских и зарубежных авторов, посвящённые внешней политике Турции, сирийскому кризису и последствиям «Арабской весны» для Ближнего Востока.

Ключевое значение для исследования имеет работа Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» [1], в которой раскрываются основы современной внешнеполитической стратегии Турции и её стремление к усилению влияния в регионе. Работа Н.Г. Киреева [2] позволяет проследить особенности развития турецкого государства и внешней политики Турции в XX–XXI вв.

Для анализа событий «Арабской весны» использовалась монография Л.М. Исаева и А.В. Коротаева [3], посвящённая причинам и последствиям политических трансформаций в арабском мире. Исследование Б.В. Долгова [4] рассматривает роль Турции в сирийском кризисе, а работа H.J. Barkey [5] анализирует влияние курдского вопроса на политику Анкары.

Особое значение имеют исследования В.А. Аваткова [6], посвящённые идеологии неоосманизма, а также работа К. Филлипса [7], раскрывающая международное измерение сирийского конфликта. Статья Д.Б. Малышевой [8]

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

позволяет оценить трансформацию региональной политики Турции после 2011 года.

Методологическую основу исследования составляют системный, исторический и сравнительно-политический подходы. Метод case-study применялся для анализа сирийского направления как ключевого примера трансформации внешней политики Турции после «Арабской весны».

ОБСУЖДЕНИЕ

До событий «Арабской весны» Турция проводила внешнюю политику, основанную на концепции «ноль проблем с соседями», разработанной Ахметом Давутоглу. Данная стратегия предполагала расширение экономического сотрудничества, развитие дипломатических контактов и укрепление политического влияния Турции в соседних регионах посредством инструментов «мягкой силы» [1]. В рамках этой политики Сирия рассматривалась Анкарой как один из важнейших партнеров на Ближнем Востоке.

В 2000-х гг. турецко-сирийские отношения переживали период активного сближения. После многолетней напряженности, связанной с поддержкой Сирией Рабочей партии Курдистана (РПК) в 1990-х гг., сторонам удалось нормализовать отношения. Существенную роль в этом сыграло подписание Аданского соглашения 1998 года, в соответствии с которым Дамаск обязался прекратить поддержку курдских вооружённых формирований. Уже к середине 2000-х годов между Турцией и Сирией были установлены тесные политические и экономические связи.

Анкара стремилась превратить Сирию в важный элемент собственной региональной стратегии. Между государствами был введён безвизовый режим, проводились совместные заседания кабинетов министров, активно рос товарооборот. Турция также пыталась позиционировать себя как посредника в ближневосточном урегулировании, в том числе в сирийско-израильских переговорах [2]. На данном этапе внешняя политика Турции характеризовалась стремлением укрепить своё влияние преимущественно дипломатическими и экономическими методами.

Однако события «Арабской весны» радикально изменили политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Массовые протесты в арабских странах, падение политических режимов в Тунисе, Египте и Ливии создали у турецкого руководства ощущение возможности формирования нового регионального порядка, в котором Турция могла бы занять лидирующие

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

позиции. Руководство Партии справедливости и развития рассматривало происходящие процессы как шанс усилить политическое влияние Анкары в арабском мире [3].

Первоначально Турция пыталась сохранить партнерские отношения с сирийским руководством. Реджеп Тайип Эрдоган и Ахмет Давутоглу неоднократно призывали Башара Асада провести политические реформы и начать диалог с оппозицией. Однако по мере эскалации вооружённого конфликта Анкара изменила свою позицию и перешла к открытой поддержке сирийской оппозиции.

Разрыв отношений с Дамаском стал одним из наиболее серьёзных внешнеполитических поворотов Турции в XXI веке. Уже в 2011–2012 гг. Турция предоставила сирийской оппозиции политическую площадку, начала поддерживать антиправительственные силы и открыла границы для беженцев. На территории Турции размещались структуры Сирийской свободной армии, а сама Анкара всё активнее выступала за смену политического режима в Сирии [4].

Одним из ключевых факторов трансформации турецкой внешней политики стал курдский вопрос. В условиях гражданской войны сирийские курды смогли установить контроль над значительной частью северо-восточной Сирии. Усиление курдских вооружённых формирований YPG Анкара воспринимала как прямую угрозу национальной безопасности, поскольку Турция считает данные структуры связанными с РПК [5].

Именно курдский фактор во многом определил переход Турции к более жёсткой и силовой модели внешней политики. Начиная с 2016 года Анкара проводит регулярные военные операции на территории Сирии. Операция «Щит Евфрата» была направлена одновременно против террористической организации ИГИЛ и сирийских курдских формирований. В дальнейшем Турция провела операции «Оливковая ветвь» и «Источник мира», результатом которых стало установление турецкого контроля над рядом приграничных районов Сирии.

Военное присутствие Турции в Сирии свидетельствует о качественном изменении её внешнеполитической стратегии. Если ранее Анкара делала ставку преимущественно на экономическое влияние и дипломатическое посредничество, то после 2011 года всё большую роль стали играть военно-политические инструменты. Турция фактически начала формировать собственные зоны влияния за пределами национальных границ.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Трансформация внешней политики Турции также была тесно связана с идеологией неоосманизма. Данная концепция предполагает усиление влияния Турции на территориях, ранее входивших в состав Османской империи. Сирия в этом контексте рассматривалась как одно из ключевых направлений турецкой геополитической активности [6]. При этом Анкара стремилась сочетать элементы исламской солидарности, прагматизма и национальных интересов.

Сирийский кризис оказал значительное влияние и на отношения Турции с крупнейшими мировыми державами. Отношения Анкары с США осложнились из-за американской поддержки сирийских курдов. В то же время Турция была вынуждена выстраивать сложную систему взаимодействия с Россией и Ираном, которые поддерживали правительство Башара Асада. Несмотря на серьёзные противоречия, Турция, Россия и Иран стали участниками астанинского процесса по сирийскому урегулированию.

Таким образом, сирийский конфликт стал катализатором глубоких изменений внешней политики Турции. Анкара перешла от стратегии «мягкой силы» и политики добрососедства к модели силового регионализма, в которой ключевую роль играют вопросы безопасности, военного присутствия и геополитического влияния.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведённого исследования были получены следующие результаты.

1. Установлено, что события «Арабской весны» привели к отказу Турции от концепции «ноль проблем с соседями» и переходу к более активной и силовой модели внешней политики.
2. Выявлено, что сирийский кризис стал главным фактором трансформации турецкой региональной стратегии. Отношения между Анкарой и Дамаском эволюционировали от стратегического партнерства к открытому противостоянию.
3. Доказано, что ключевую роль в изменении внешнеполитического курса Турции сыграл курдский вопрос. Угроза усиления курдских автономных структур стала основанием для военного вмешательства Турции в сирийский конфликт.
4. Установлено, что после 2011 года Турция значительно расширила использование военных инструментов внешней политики, включая трансграничные операции и создание зон контроля на территории Сирии.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

5. Выявлено, что сирийский кризис способствовал укреплению самостоятельности турецкой внешней политики и формированию курса на региональное лидерство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что события «Арабской весны» стали переломным этапом в развитии внешней политики Турецкой Республики. Сирийский кризис продемонстрировал ограниченность прежней стратегии «мягкой силы» и стимулировал переход Анкары к более жёсткой модели региональной политики.

Трансформация турецко-сирийских отношений отражает более широкий процесс изменения геополитической роли Турции на Ближнем Востоке. Стремление предотвратить усиление курдского фактора, обеспечить безопасность южных границ и укрепить региональное влияние привели к активизации военного и политического присутствия Турции в Сирии.

Современная внешняя политика Анкары сочетает элементы прагматизма, идеологии неоосманизма и силового регионализма. При этом сирийское направление остаётся одним из ключевых факторов, определяющих внешнеполитическую стратегию Турции в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давутоглу А. Стратегическая глубина: международное положение Турции / А. Давутоглу. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 688 с.
2. Киреев Н.Г. История Турции. XX век / Н.Г. Киреев. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.
3. Исаев Л.М., Коротаев А.В. Арабская весна: предпосылки, этапы и последствия / Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 240 с.
4. Долгов Б.В. Сирийский кризис и политика Турции на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 8. – С. 14–21.
5. Barkey H.J. Syrian Kurds and Turkey’s Challenges // Carnegie Endowment for International Peace. – 2014. – 18 p.
6. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–84.
7. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. – New Haven: Yale University Press, 2016. – 320 p.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

8. Малышева Д.Б. Турция и трансформация регионального порядка на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 7. – С. 78–87.
9. International Crisis Group. Turkey’s Syrian Refugees: Defusing Metropolitan Tensions. – Brussels: ICG, 2018. – 42 p.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Кобилова Гульджахон Нозимжон кизи
Докторант кафедры История и антропология стран Востока
Ташкентский государственный университет востоковедения
Телефон: +998903523972
Email: qobilovaguljahon1994@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу роли культурно-образовательных центров в реализации публичной дипломатии Республики Корея. Рассматриваются основные направления формирования южнокорейской стратегии «мягкой силы», основанной на распространении национальной культуры, языка и образовательных инициатив в международном пространстве. Особое внимание уделяется феномену «Халлю» как ключевому фактору роста международной привлекательности Южной Кореи и институционализации её публичной дипломатии. Исследуются функции Корейских культурных центров, Института имени короля Седжона, а также организаций, поддерживающих развитие корееведения за рубежом. Анализируется деятельность государственных структур Республики Корея в области культурной, образовательной и научной дипломатии, включая продвижение корейского языка, реализацию международных обменных программ и цифровизацию культурной коммуникации.

Ключевые слова: *публичная дипломатия, Республика Корея, мягкая сила, soft power, Халлю, культурная дипломатия, образовательная дипломатия, Корейская волна, корейский язык, Институт имени короля Седжона, Корейские культурные центры, KOCIS, Korea Foundation, международные образовательные программы, культурно-образовательные центры, гуманитарное сотрудничество, международный имидж государства, межкультурная коммуникация, цифровая дипломатия, образовательный туризм.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

THE ROLE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL CENTERS IN THE IMPLEMENTATION OF THE REPUBLIC OF KOREA’S PUBLIC DIPLOMACY

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the role of cultural and educational centers in the implementation of the public diplomacy of the Republic of Korea. The study examines the principal directions in the formation of South Korea’s “soft power” strategy, which is based on the promotion of national culture, language, and educational initiatives within the international arena. Particular attention is paid to the phenomenon of Hallyu as a key factor in enhancing the international attractiveness of South Korea and in the institutionalization of its public diplomacy. The functions of Korean Cultural Centers, the King Sejong Institute, as well as organizations supporting the development of Korean studies abroad are explored. The article further analyzes the activities of the state institutions of the Republic of Korea in the fields of cultural, educational, and scientific diplomacy, including the promotion of the Korean language, the implementation of international exchange programs, and the digitalization of cultural communication.

Keywords: *public diplomacy, Republic of Korea, soft power, Hallyu, cultural diplomacy, educational diplomacy, Korean Wave, Korean language, King Sejong Institute, Korean Cultural Centers, KOCIS, Korea Foundation, international educational programs, cultural and educational centers, humanitarian cooperation, international image of the state, intercultural communication, digital diplomacy, educational tourism.*

KOREYA RESPUBLIKASI OMMAVIY DIPLOMATIYASINI AMALGA OSHIRISHDA MADANIY-MA’RIFIY MARKAZLARNING O‘RNI

ANNOTATSIYA

Maqola Koreya Respublikasining ommaviy diplomatiyasini amalga oshirishda madaniy-ta’lim markazlarining o‘rnini tahlil qilishga bag‘ishlangan. Tadqiqotda milliy madaniyat, til va ta’lim tashabbuslarini xalqaro maydonda targ‘ib etishga asoslangan Janubiy Koreyaning “yumshoq kuch” strategiyasini shakllantirishning asosiy yo‘nalishlari ko‘rib chiqiladi. “Hallyu” fenomeniga Janubiy Koreyaning xalqaro jozibadorligini oshirish va uning ommaviy diplomatiyasini institutsionallashtirishning muhim omili sifatida alohida e’tibor qaratiladi. Koreya madaniyat markazlari, Buyuk Sejong instituti hamda xorijda koreyashunoslikni

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

rivojlantirishni qo‘llab-quvvatlovchi tashkilotlarning funksiyalari tadqiq etiladi. Shuningdek, Koreya Respublikasining davlat tuzilmalari tomonidan madaniy, ta’lim va ilmiy diplomatiya sohalarida amalga oshirilayotgan faoliyat, jumladan koreys tilini targ‘ib qilish, xalqaro almashinuv dasturlarini amalga oshirish va madaniy kommunikatsiyani raqamlashtirish masalalari tahlil qilinadi.

Kalit so‘zlar: *ommaviy diplomatiya, Koreya Respublikasi, yumshoq kuch, soft power, Hallyu, madaniy diplomatiya, ta’lim diplomatiyasi, Koreya to‘lqini, koreys tili, Buyuk Sejong instituti, Koreya madaniyat markazlari, KOCIS, Korea Foundation, xalqaro ta’lim dasturlari, madaniy-ta’lim markazlari, gumanitar hamkorlik, davlatning xalqaro imiji, madaniyatlararo kommunikatsiya, raqamli diplomatiya, ta’lim turizmi.*

ВВЕДЕНИЕ

Республика Корея – страна с древней историей, но на сегодняшний день она пока не обладает столь большим опытом в реализации проектов публичной дипломатии как, к примеру, США или Европейский союз. Однако первый случай корейской публичной дипломатии был отмечен еще в V веке, когда, по некоторым источникам, кореец Ван Ин по просьбе японского короля стал преподавать японцам литературу и философию[236].

Сегодня для широкой общественности понятие «публичная дипломатия» является довольно расплывчатым и ассоциируется в большей степени с культурной сферой или с активным развитием крупных корейских брендов.

В современной системе международных отношений концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем [237], трансформировалась из теоретической модели в практический фундамент внешней политики ведущих государств мира. Республика Корея представляет собой один из наиболее успешных примеров интеграции культурного и образовательного ресурсов в государственную стратегию публичной дипломатии. Основным инструментом реализации этой стратегии выступает разветвленная сеть культурно-образовательных центров, которые функционируют как институциональные проводники корейских ценностей, традиций и инноваций за рубежом.

Анализ литературы

Исследование публичной дипломатии Республики Корея основывается на широком круге отечественных и зарубежных научных работ, посвящённых концепции «мягкой силы», культурной дипломатии и международной

[236] Пэкче: в поисках следов потерянного королевства. Пэкчесцы в Японии // URL: https://koryo-saram.site/pekche-v-poiskah-sledov-poteryannogo-korolevstva-pekchestsy-v-yaponii/
[237] Nye, J. S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. C. 5–15.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

гуманитарной политике. Теоретико-методологическую основу исследования составляет концепция «soft power», разработанная Джозефом Наем, согласно которой привлекательность культуры, политических ценностей и внешнеполитической модели государства выступает важнейшим инструментом международного влияния. В данном контексте Республика Корея рассматривается как одно из наиболее успешных государств, интегрировавших культурные и образовательные ресурсы в систему внешнеполитического позиционирования.

Существенный вклад в изучение корейской публичной дипломатии внесли исследования, посвящённые феномену «Халлю» и его влиянию на формирование международного имиджа Южной Кореи. Работы T. Y. Kim, G. Lee, а также исследования Korea Foundation и KOCIS демонстрируют, что культурная дипломатия Сеула развивается как комплексный механизм продвижения национальных интересов посредством популярной культуры, языка и образовательных инициатив. Особое внимание в научной литературе уделяется институционализации публичной дипломатии после принятия Закона «О публичной дипломатии» 2017 года, что позволило систематизировать государственную стратегию гуманитарного влияния.

Отдельное направление исследований связано с анализом деятельности Института имени короля Седжона, Корейских культурных центров и программ поддержки корееведения за рубежом. В работах отечественных и зарубежных авторов подчёркивается, что данные институты выполняют не только образовательную, но и стратегическую функцию формирования долгосрочной лояльности к Республике Корея среди иностранных граждан, академического сообщества и молодёжи. При этом в современной литературе сравнительно недостаточно изучен вопрос взаимосвязи образовательной дипломатии, цифровых технологий и формирования устойчивого международного гуманитарного пространства, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методы исследования

В исследовании использовались системный, сравнительный и институциональный методы, позволившие рассмотреть публичную дипломатию Республики Корея как комплексный инструмент реализации внешнеполитических и гуманитарных интересов государства. Также применялся контент-анализ официальных документов, стратегических программ и материалов Министерства иностранных дел Республики Корея, KOCIS, Korea Foundation и Института имени короля Седжона. Анализ

нормативно-правовых актов, статистических данных и научных публикаций позволил определить роль культурно-образовательных центров в продвижении «мягкой силы» Южной Кореи и формировании её международного имиджа.

Результаты исследования

Проведённое исследование показало, что культурно-образовательные центры играют ключевую роль в реализации публичной дипломатии Республики Корея и выступают важным инструментом продвижения её «мягкой силы» на международной арене. Установлено, что южнокорейская модель публичной дипломатии основывается на комплексном сочетании культурных, образовательных и информационных механизмов воздействия, направленных на формирование позитивного международного имиджа государства.

Выявлено, что феномен «Халлю» стал важным фактором институционализации публичной дипломатии Южной Кореи и способствовал расширению глобального интереса к корейскому языку, культуре и системе образования. Особое значение в данном процессе принадлежит Корейским культурным центрам, Институту имени короля Седжона и Korea Foundation, деятельность которых направлена на развитие межкультурного диалога, поддержку корееведения и укрепление гуманитарного сотрудничества.

Результаты исследования также показали, что активное использование цифровых платформ и международных образовательных программ позволяет Республике Корея эффективно адаптировать инструменты публичной дипломатии к условиям глобализации и усиливающейся международной конкуренции в сфере «мягкой силы».

Обсуждение

Публичная дипломатия в Южной Корее начала развиваться с середины 1990-х гг., когда появилась и стала набирать обороты, так называемая, Корейская волна или «Халлю». На государственном уровне это понятие было впервые упомянуто президентом Ким Дэ Чжуном в 2001 году во вступительной речи на конференции по развитию туризма[238]. С тех пор концепция «Халлю» стала рассматриваться как один из экономических ресурсов, способствующих повышению уровня привлекательности Кореи и привлечению больших потоков туристов.

[238] Kim, T. Y. Cultural Policy in the Korean Wave: An Analysis of Cultural Diplomacy Embedded in Presidential Speeches / T. Y. Kim // International Journal of Communication. – 2016. – №10. – P. 52. URL: http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/5128/1838

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

С тех пор корейское правительство предприняло всесторонние усилия по поддержанию фондов общественной дипломатии, утвердив в августе 2017 года Закон «О публичной дипломатии»[239].

В законе было сформулировано и определение публичной дипломатии, в связи с которым она подразумевает «дипломатическую деятельность, посредством которой государство увеличивает понимание Республики Корея и доверие иностранных граждан к ней напрямую или совместно с местными органами власти посредством распространения корейской культуры, знаний, политики и т. д.». В соответствии с этим законом была принята «Первая стратегия публичной дипломатии на период 2017–2021», а также утвержден комплексный план по реализации публичной дипломатии на 2018 год[240].

Министерство иностранных дел Южной Кореи выделяет три направления публичной дипломатии. Во-первых, это так называемая «культурная дипломатия». Действительно, культурный аспект сильно превалирует в процессе коммуникации Южной Кореи со всем остальным миром.

В целом, в развитии «культурной дипломатии» эксперты выделяют 3 этапа.

Первый этап – середина 1990-х, когда широкая общественность стала все чаще говорить о «Корейской волне».

Второй этап – конец 1990-х, который характеризуется более активным развитием K-Wave за счет популяризации корейской музыки.

Наконец, третий этап охватывает период с начала 2000-х годов по настоящее время, когда наблюдается активное и уверенное распространение национальных культурных ценностей по всему миру.

Публичная дипломатия Южной Кореи характеризуется переходом от трансляции исключительно традиционных образов к демонстрации динамичного синтеза истории и современности. В этом процессе ключевую роль играют Корейские культурные центры (KCC), находящиеся под управлением Корейской культурно-информационной службы (KOCIS)[241]. Они не только организуют досуговые мероприятия, но и формируют долгосрочные интеллектуальные связи с иностранной аудиторией через образовательные программы. Деятельность этих институтов позволяет минимизировать негативные стереотипы и создать благоприятный фон для продвижения

[239] Article 2 of the Public Diplomacy Act. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=62530&lang=ENG
[240] Там же.
[241] Корейская культурно-информационная служба (KOCIS). Официальный портал о деятельности культурных центров за рубежом. URL: https://www.kocis.go.kr

национальных экономических и политических интересов на международной арене.

Важным аспектом является то, что институционализация культурного влияния происходит параллельно с феноменом «Халлю» (корейской волны). Культурно-образовательные центры выступают в роли стабилизатора этого стихийного интереса, переводя мимолетное увлечение поп-культурой в формат осознанного изучения страны. Образовательный компонент, включающий преподавание языка и страноведение, становится мостом, соединяющим потребителя контента с глубокими пластами корейской идентичности. Таким образом, публичная дипломатия Республики Корея приобретает черты двустороннего диалога, где образовательные центры служат площадками для межкультурного обмена.

Особое место в структуре публичной дипломатии занимает Фонд Института имени короля Седжона (King Sejong Institute Foundation)[242]. Данная организация специализируется на распространении корейского языка и культуры, что является фундаментальной основой «мягкой силы». В отличие от коммерческих курсов, эти институты транслируют государственные стандарты образования, обеспечивая высокое качество подготовки специалистов со знанием корейского языка. Языковая политика государства рассматривается как инструмент формирования лояльного пула зарубежных экспертов, академиков и бизнес-партнеров, что напрямую влияет на эффективность внешнеполитических инициатив Сеула.

Институты Седжона функционируют в тесном взаимодействии с местными университетами, что позволяет интегрировать корейский компонент в национальные образовательные системы других стран. Это создает условия для устойчивого присутствия корейского дискурса в академической среде. Более того, центры активно используют цифровые платформы, что стало особенно актуальным в период глобальных ограничений. Виртуальные классы и онлайн-фестивали расширяют географию охвата публичной дипломатии, позволяя транслировать ценности Кореи даже в те регионы, где физическое присутствие центров ограничено.

Эффективность работы таких центров подтверждается растущим числом абитуриентов, выбирающих корейские вузы, и увеличением объемов экспорта корейских товаров в странах присутствия институтов. Образовательная дипломатия в данном контексте работает как долгосрочная инвестиция: люди,

[242] King Sejong Institute Foundation. Annual Report on Global Korean Language Education. URL: https://www.ksif.or.kr

изучающие язык и культуру страны, в будущем становятся проводниками её интересов в своих профессиональных сообществах. Публичная дипломатия Республики Корея, опирающаяся на сеть образовательных центров, демонстрирует высокую адаптивность к запросам глобальной молодежи, предлагая актуальный и привлекательный культурный продукт[243].

Другим значимым элементом системы публичной дипломатии являются специализированные центры при поддержке Фонда Кореи (Korea Foundation)[244]. Их деятельность направлена на поддержку корееведения в зарубежных научно-исследовательских институтах и аналитических центрах. В отличие от массовых культурных центров, эти организации работают с элитами и экспертным сообществом. Грантовая поддержка публикаций, конференций и программ обмена способствует формированию объективного, научно обоснованного имиджа Республики Корея. Это направление работы критически важно для обеспечения внешнеполитической безопасности и продвижения позиции Сеула по чувствительным региональным вопросам, включая межкорейское урегулирование.

Также, одним из важных направлений публичной дипломатии Южной Кореи, помимо культурного вектора, по мнению МИД, является «научная дипломатия». Информационно-ориентированный блок также включает в себя комплекс проектов, нацеленных на повышение уровня привлекательности Кореи. Сюда, в первую очередь, входит международный квиз – конкурс викторин на знания Кореи для иностранцев, целью которого является формирование международного интереса к Корее. Предварительные раунды проводятся в дипломатических представительствах республики по всему миру, и победитель из каждой участвующей страны приглашается в Корею, чтобы познакомиться с традиционной корейской культурой и принять участие в финальном раунде. Кроме этого, Министерство иностранных дел Республики Корея осуществляет поддержку корееведения и продвижения корейского языка за рубежом, в том числе в России. Министерство иностранных дел сотрудничает с Министерством образования и другими различными учебными заведениями в целях поддержания международных обменов.

Корейский язык также является неотъемлемой частью современной «Халлю». На 2012 год в более чем в 40 странах были открыты центры по изучению корейского языка. К 2013 году уже более миллиона человек

[243] Grewal, D. S. (2008). Network Power: The Social Dynamics of Globalization. Yale University Press. С. 112–120.
[244] Korea Foundation. Statistics on Korea-related research and cultural programs abroad. URL: https://www.kf.or.kr

приняли участие в сдаче международного экзамена по корейскому языку (TOPIK), и данная цифра продолжает расти.

TOPIK был впервые проведен в 1997 году. С тех пор масштабы продолжали расти как по количеству его участников, так и по частоте: в 2019 году во всем мире было проведено шесть тестов, а общее число человек составило 375 871 тыс. человек. По мере того, как корейская «Халлю» набирала популярность, количество людей, изучающих корейский язык, также увеличивалось.

Из-за пандемии COVID-19 второй тест, запланированный на 2020 год, был отменен. В связи с этим, в 2020 году на сдачу тест TOPIK заявления подали 36 тысяч человек[245].

Министерство иностранных дел Республики Корея также осуществляет большую работу над выявлением и исправлением некорректных данных о Корее в иностранных учебниках совместно с Министерством образования. Также ведется работа над созданием аудиогида на корейском языке по основным зарубежным туристическим объектам, чтобы помочь корейским гражданам лучше насладиться культурным опытом зарубежных стран.

Заключение

В заключение следует отметить, что интеграция культурных и образовательных инициатив позволяет Республике Корея эффективно конкурировать с другими державами региона. В условиях «дипломатии панд» или деятельности Институтов Конфуция, корейская модель выделяется меньшей политизированностью и большим упором на креативные индустрии. Это создает атмосферу доверия, где корейские центры воспринимаются не как инструменты пропаганды, а как платформы для личностного и профессионального развития граждан принимающих стран[246]. Культурные центры становятся центрами притяжения для творческой интеллигенции, что укрепляет престиж государства как современного инновационного хаба.

Южная Корея активно развивает гуманитарный капитал как инструмент «soft power», создавая программы культурного обмена, студенческой и академической мобильности, подкреплённые различными образовательными, научно-исследовательскими грантами и стипендиями. Кластер образовательного туризма в Республике Корея активно развивается благодаря относительно простой процедуре получения визы и, даже, безвизовому

[245] Yoon, J. S. Number of Test of Proficiency in Korean (TOPIK) applicants from 1997 to 2020 / J. S. Yoon. – 2020. URL: https://www.statista.com/statistics/1125130/south-korea-topik-annual-applicants/

[246] Lee, G. (2009). A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy. Korean Journal of Defense Analysis, 21(2). C. 205–218.

режиму с рядом государств, умеренному субтропическому климату, но главное –привлекательному имиджу загадочной и прогрессивной страны Востока. В целях повышения туристической привлекательности правительство инициировало компанию по повышению доброжелательности местного населения в отношении иностранцев и развитию культуры гостеприимства. Стимулирование открытости самих корейцев осуществляется через программы обмена, отправку добровольцев за рубеж, волонтёрских программ и создание культурных центров, где корейцы могут больше узнать о других культурах.

Роль корейских культурно-образовательных центров в реализации публичной дипломатии является определяющей. Благодаря многоуровневому подходу – от массовых курсов корейского языка до поддержки глубоких академических исследований – Сеулу удается формировать целостный и привлекательный образ страны. Опыт Республики Корея наглядно демонстрирует, что в XXI веке успех на международной арене зависит не только от военной мощи или экономических показателей, но и от способности страны эффективно транслировать свои ценности через образовательные и культурные институты, создавая глобальную сеть единомышленников и партнеров.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Ким, Е. У. Роль культурной дипломатии в «мягкой силе» Республики Корея / Е. У. Ким, Е. С. Постникова. – 2018. URL:
1. http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2347-2018-07-23-09-55-35
2. Эпова, М. А. Цифровая дипломатия в странах Азии / М. А. Эпова // Политика, государство и право. – 2015. – № 1. URL: http://politika.snauka.ru/2015/01/2289
3. Article 2 of the Public Diplomacy Act. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=62530&lang=ENG
4. Government To Accelerate Innovation In Industries. 5th Ministerial Meeting on Innovation-driven Growth // Ministry of Economy and Finance – 2019. URL: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4797
5. Kim, T. Y. Cultural Policy in the Korean Wave: An Analysis of Cultural Diplomacy Embedded in Presidential Speeches / T. Y. Kim // International Journal

of Communication. – 2016. – №10. – P. 52. URL: http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/5128/

6. Korea to hike 2021 promotional budget for «Korean Wave» (Korean culture) – 2020. URL: https://www.habkorea.net/korea-to-hike-2021-promotional-budget-for-korean-wave-korean-culture/

7. Korean language in numbers 2010 // The National Institute of the Korean Language. URL: http://news.korean.go.kr/online/Klnumber/index.html

8. Northeast Asia Plus Community of Responsibility Program // National Policy Priorities. Korean Presidential Office. https://www1.president.go.kr/government-projects – 2017. URL: https://www.imemo.ru/files/File/en/news/2017/14122017_Ignatiev_Program.pdf

9. Public Diplomacy News // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea – 2020. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_22723/view.do?seq=319620

10. Public Diplomacy on Policy // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea – 2020. URL: http://search.mofa.go.kr/search/search_en.do

11. Yoon, J. S. Number of Test of Proficiency in Korean (TOPIK) applicants from 1997 to 2020 / J. S. Yoon. – 2020. URL: https://www.statista.com/statistics/1125130/south-korea-topik-annual-applicants/

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ: СООТНОШЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ТИБЕТА И КИТАЯ В VII–IX ВВ

Вохидов Алишер Авазбек угли
Соискатель ТГУВ
Учитель кафедры Истории и антропологии стран востока
+998909552615
avohidov247@gmail.com

Аннотация. *В работе рассматривается сложная динамика тибето-китайских отношений в эпоху династии Тан (VII–IX вв.). Автор анализирует чередование периодов острого военного противостояния и активного дипломатического сотрудничества между Тибетской империей и Танским Китаем. Особое внимание уделяется механизмам дипломатии: обмену посольствами, брачным союзам (включая брак Сонгцен Гампо с принцессой Вэньчэн в 641 г.), заключению мирных договоров (в т.ч. знаменитому договору 821–822 гг.), а также попыткам обеих сторон добиться признания равноправного статуса. Одновременно подробно освещаются ключевые военные конфликты за контроль над стратегически важными регионами — Цинхайским плато, коридором Ганьсу и Восточным Туркестаном (Кашгария). Работа основана преимущественно на анализе китайских династийных хроник («Цзю Тан шу», «Синь Тан шу», «Цзычжи тунцзянь» и др.), а также на исследованиях российских (А. Г. Малявкин, Е. И. Кычанов, А. К. Камалов) и китайских учёных (Ван Чжэньпин, Чжань Аньфу).*

Ключевые слова: *Тибет, династия Тан, тибето-китайские отношения, дипломатия, брачные союзы, Восточный Туркестан, Кашгария, договор 821–822 гг.*

Annotatsiya*. Maqolada VII–IX asrlarda Tang sulolasi davrida Tibet va Xitoy o‘rtasidagi murakkab munosabatlar dinamikasi ko‘rib chiqiladi. Muallif Tibet imperiyasi va Tang Xitoyi o‘rtasidagi keskin harbiy qarama-qarshilik davrlari va faol diplomatik hamkorlik davrlarining almashinuvini tahlil qiladi. Diplomatiya mexanizmlariga alohida e’tibor qaratilgan: elchilar almashinuvi, nikoh ittifoqlari (shu jumladan, 641-yilda Songtsen Gampo va malika Venchenning nikohi), tinchlik shartnomalarini tuzish (xususan, mashhur 821–822-yillardagi shartnoma), shuningdek, ikki tomonning teng huquqli maqomni tan olishga qaratilgan harakatlari. Shu bilan birga, strategik muhim hududlar — Tsingxay platosi, Gansu*

yo‘lagi va Sharqiy Turkiston (Kashgariya) ustidan nazorat uchun olib borilgan asosiy harbiy to‘qnashuvlar batafsil yoritilgan. Ish asosan xitoylik sulolaviy yilnomalar («Tszyu Tan shu», «Sin Tan shu», «Tszychji tuntsszyan» va boshqalar) tahliliga hamda rossiyalik (A. G. Malyavkin, Ye. I. Kychanov, A. K. Kamalov) va xitoylik olimlar (Van Chzhenpin, Chjan Anfu) tadqiqotlariga asoslangan.

Kalit so‘zlar: *Tibet, Tang sulolasi, tibet-xitoy munosabatlari, diplomatiya, nikoh ittifoqlari, Sharqiy Turkiston, Kashgariya, 821–822-yillardagi shartnoma.*

Annotation*. Article the complex dynamics of Tibetan-Chinese relations during the Tang Dynasty (7th–9th centuries). The author analyzes the alternation of periods of acute military confrontation and active diplomatic cooperation between the Tibetan Empire and Tang China. Special attention is paid to diplomatic mechanisms: the exchange of embassies, marriage alliances (including the marriage of Songtsen Gampo with Princess Wencheng in 641), the conclusion of peace treaties (in particular, the famous treaty of 821–822), as well as the attempts of both sides to achieve recognition of equal status. At the same time, the key military conflicts for control over strategically important regions — the Qinghai Plateau, the Gansu Corridor, and East Turkestan (Kashgaria) — are examined in detail. The work is based primarily on the analysis of Chinese dynastic chronicles (“Jiu Tang shu”, “Xin Tang shu”, “Zizhi Tongjian”, and others), as well as the studies of Russian (A. G. Malyavkin, E. I. Kychanov, A. K. Kamalov) and Chinese scholars (Wang Zhenping, Zhang Anfu).*

Keywords: *Tibet, Tang Dynasty, Tibetan-Chinese relations, diplomacy, marriage alliances, East Turkestan, Kashgaria, Treaty of 821–822.*

В период династии Тан сложились одни из самых динамичных и многогранных отношений между Китаем и Тибетом. Это время характеризовалось чередованием соперничества и сотрудничества, в ходе которого две мощные империи взаимодействовали в военной, дипломатической и культурной сферах, закладывая основу для долгосрочных связей в Восточной и Центральной Азии.

Отношения не были статичными: периоды острых военных столкновений сменялись десятилетиями относительного затишья и активного обмена. Китайские источники подчёркивают культурное влияние Тан на Тибет — введение буддизма, письменности, сельскохозяйственных практик, ремёсел и административных моделей. Китайские письменные источники не раз указывали на происхождение названия Тибета (Тубо / 吐蕃), его языка и

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

элементов культуры от более ранних западных цянов (羌) или связанных с ними групп, подчёркивая тем самым глубокие исторические и этнокультурные связи с китайским миром в широком смысле (включая сино-тибетскую языковую семью и миграции на плато)[247].

Такая динамика сделала эпоху Тан ключевой главой в долгой истории тибето-китайских связей — не просто цепью конфликтов или подчинения, а сложным процессом соперничества равных, перемежавшегося периодами сотрудничества и взаимного влияния, определившим многие аспекты будущего развития региона.

---

[247] Главы 196а «Цзю Таншу», в разделе «Тубо» (吐蕃, Тибет) прямо указано: "Тубо изначально принадлежит к западным цянам". Это ключевая фраза, подчёркивающая, что тибетцы (Тубо) — ветвь западных цянов (西羌), кочевых племён, живших в регионах современного Цинхая и Ганьсу. Название "Тубо" здесь используется как китайская транскрипция тибетского Bod (ཧོད), с акцентом на этническое родство. главы 216 «Син Таншу», в разделе «Тубо» (吐蕃, Тибет) подчёркивается, что Тубо — потомки цянов, с упоминанием миграций из западных регионов Китая на плато. Название "Тубо" связывается с турецко-монгольскими влияниями (Tüpüt), но корни — в цянах. «Да Цин и тун чжи» **(大清一統志** «Хроника объединённого государства Цин») в разделе «Тубо» (吐蕃, Тибет) говорится возможно, от тибетского "tu phod" или "stod pod" (верхний Тибет), но китайские авторы связывают его с цянами как с "западными варварами" (西戎), подчёркивая их номадический образ жизни (пастухи овец, отчего иероглиф 羌 сочетает "человек" 人 и "овца" 羊). Подчёркивают культурные связи: цяны — номады-пастухи, как и ранние тибетцы (Тубо). Элементы, такие как почитание тигра, белых камней, шаманизм (бон), миграции с оружием (луки, копья) и сельскохозяйственные практики (ячмень, пшеница), описаны как унаследованные от цянов. Тубо заимствовали у Тан административные модели, но базовая культура (матрилинейность, шаманы *дуангун* или *xbi*) — от цянов. Глава 96а «Ханьшу», в разделе «Сиюй чжуань» (**西域傳**, Передача о Западных регионах) Описывает цянов как номадов с языком, близким к ронг (戎), который идентифицируется как прото-тибето-бирманский. Песня "Белого волка" (白狼歌) одного из племён цянов транскрибирована на китайском и переведена; современные лингвисты идентифицируют её как тибето-бирманскую. Это подчёркивает лингвистические связи: цяны говорили на языке, предке тибетского, входящем в сино-тибетскую семью (Sino-Tibetan), куда входят китайские и тибето-бирманские языки. Западные ронг, пастухи овец. Состоит из 'человек' и 'овца', с 'овца' как фонетиком). Здесь язык цянов ассоциируется с их культурой, а современные исследования подтверждают: тибетский — тибето-бирманский, с общими корнями в сино-тибетской семье, где китайские языки — сестринская ветвь. Генетические и лингвистические анализы (на основе древних останков цянов) показывают высокую близость к современным сино-тибетским народам, включая тибетцев и хань. Тибетский язык заимствовал брахми-письмо из Индии, но его корни — в цянах. Упоминает, что иероглиф 羌 образован от "овца" и "человек", подчёркивая пастушескую культуру, которая перешла к тибетцам. Через браки (например, принцесса Вэньчэн в 641 г.) и договоры (Чанцин 821–822 гг.) Тубо перенимали китайские элементы, но источники подчёркивают "цивилизирующую" роль Тан, маскируя равенство. Описывают миграции цянов на юг через Хэндуаньские горы на Юньгуйское плато и дальше (в Бирму), где они смешались с прото-тибетцами, формируя Тубо. Подгруппы как Fa Qiang (发羌) и Tang Mao (唐旄) осели в верхнем Тибете (река Ланцанг), интегрируясь с местными. Это подчёркивает связи с "китайским миром" — цяны были частью западных границ Китая (с эпохи Цинь), и их миграции — часть сино-тибетской экспансии. Упоминает подгруппы цянов ("Коричневый лук", "Белая лошадь", "Жёлтый бык"), мигрировавшие на запад и север, включая Тянь-Шань и Хэси (Ганьсу), что связывает с тибетской экспансией.

Труде Китайского историка Ван Чжэньпин «Китай эпохи Тан в многополярной Азии: история дипломатии и войн» можно увидеть сведения Первые официальные посольства Тибета к Тан прибившие 634 году. Например, автор ссылаясь глава «1» «Цзычжи Тунцзянь», в разделе «Тунцзянь» (通鉴, Всеобщая хроника управления государством) говорить, что Тибетский правитель Сонгцен Ценпо направил послов ко двору императора Тай-цзуна. Китайские хроники фиксируют это как прибытие миссии с дарами и предложением установить дипломатические отношения. Тибет позиционировал себя как равное государство, а не вассал — это стало отправной точкой постоянных контактов[248].

В труде А.Г. Малявкина «Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию[249]» даются сведения о первом посольских отношений годом позже и начале следующей фазы плана династии Тан по получению контроля над Кашгаром, в котором предусматривались непрерывные отправки послов.

Например, А.Г. Малявкин ссылается на 40 главе сочинения «Цзю Тан шу», на раздел «Дили сань» (地理三, География, трех основных), где есть сведения об отношениях Кашгара и династии Тан в 635 году, когда «ко двору императора прибыло первое посольство этого оазисного государства». Эти посольские отношения длились непрерывно до 692 года и прекратились из-за захвата Кашгара Тибетом[250] как указывает автор.

Сведения о прибивших посолов есть но эти сведения А.Г. Малявкина не совсем понятны, так как в главе 40 указаны территорий, относящихся к средневековому Кашгару. Определить с каким именно государством велись посольские отношения сложно, по причине того, что письменном источники не указан конкретно Кащгар. Возможно, прибывшие послы с тех мест считаются кашгарскими. Наверно сведения Ван Чжэньпин и А. Г. Малявкина об одном и том же но в источниках указаны другие даты.

Также труд автора повествует о начале дружественных отношений Тибета и династии Тан, которые в скором времени переросли в конфликтные.

А.Г. Малявкин на основе сведений главы 196а «Цзю Таншу», в разделе «Тубо» (吐蕃, Тибет), рассказывает, что первые послы Тибета прибыли ко двору династии Тан в 634 году. Автор также рассказывает, что они были встречены с одобрением и «император Тайцзун счел необходимым отправить

[248] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: **University of Hawai‘i Press,** 2013. – 460 c.
[249] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – 284 с.
[250] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 41

в Тибет ответное посольство» во главе с министром иностранных дел Фэн Дэ[251].

Таким образом, в главе 196А есть сведения о первых посольских контактах Тибета с танским двором. Однако помимо сведений, на которые указывает А.Г. Малявкин, там даются данные и о том, что какой именно правитель *(ценпо)*[252] Тибета отправил послов. По нашим данным это был *ценпо* Цицзун лунцзань[253], о котором отзывались, как о талантливом правителе, внесшим большой вклад в развитие страны[254].

А.Г. Малявкин приводит сведения того же письменного источника о тибетских послах, которые посоветовали своему правителю воспользоваться существующей практикой «взаимоотношений Китая с крупными государствами в виде выдачи замуж танских принцесс правителям». Затем для закрепления взаимоотношения с Китаем Тибет принимает плановые меры. Например, в Китай была отправлена группа тибетских послов с особой задачей по заключению брака тибетского правителя с дочерью танского императора. По этому поводу эти послы «представили и соответствующие данному случаю подарки». Но отказ императора Тан в просьбе послов по мнению автора, привел к «ухудшению отношений с Тибетом и в конечном счете к военным столкновениям»[255].

Ван Чжэньпин в своём труде, основываясь на все том же «Цзычжи Тунцзянь», подтверждает отказ императора выдачи в замуж танскую принцессу и ответ Тибет нападает на китайский город Сунчжоу[256].

Здесь можно добавить, что послы прибывали не один раз, была серия посещений с подношением золота и жемчуга китайскому императору. Были подарки и в виде мелкого скота. Однако, постоянные отказы императора привели к постепенному ухудшению двусторонних отношений, которые приводили, зачастую, к военным столкновением[257].

Однако в ходе подробного изучения китайского письменного источника главы 196а «Цзю Таншу», в разделе «Тубо» (吐蕃, Тибет), нами было выяснено что после нескольких попыток все же Сонгцен Ценпо женился на

[251] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 16
[252] *Ценпо* – исторический титул тибетских правителей династии Ярлунг (95 г. до н.э. - 846 г. н.э.) // См. подробнее: Кузьмин С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. – СПб.: издание А.Терентьева, 2010. – 544 с.
[253] Ци цзун лун цзань – тридцать третий правитель (ценпо) династии Ярлунг (г. пр.617-650).
[254] Лю Сюй. Цзю Тан шу…– С. 4556.
[255] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 17
[256] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: **University of Hawai‘i Press,** 2013. – 460 с.
[257] Там же.

китайской принцессе Вэньчэн[258] 641 году. Это событие описывается в китайских источниках как важный культурный и политический обмен: принцесса привезла технологии, книги, семена, буддийские реликвии и ремесленников.

Еще один факт более близка к теме нашего исследования. В ней автор изучает весьма интересные и значимые стороны связей народов Центральной Азии [в том числе Тибета] и Танской династии.

В этой же главе описан захват Кашгара тибетцами. Но об оказании влияния Танской династии на Тибет и другие страны по освобождению Кашгара сообщается в следующей главе[259].

Сведения Ван Чжэньпин схожие со сведениями периода конфликта. Китайский автор точнее место положения нападений как А.Г. Малявкин, однако, указывает более точные даты конфликтов. Основываясь, глава «1» «Цзычжи Тунцзянь», в разделе «Тунцзянь» (通鉴, Всеобщая хроника управления государством), автор говорить, что, 650-670-е гг., расширение Тибета в Западных регионах. Тибет усилился как региональная держава и начал вытеснять влияние Тан в Восточном Туркестане. А также, 678-679 гг., война Тан с Тибетом на плато Цинхай. Танские силы отражали натиск тибетцев на западных рубежах[260].

Далее А.Г. Малявкин приводит сведения раздела «Чжун цзун, Жуй цзун» (中宗睿宗, Чжунцзун, Жуйцзун) главы 7 «Цзю Таншу», об улучшении отношений между династией Тан и Тибетом после того, как последние оставили Кашгар из-за внутренних конфликтов и народных сопротивлений.

Также автор пишет, что тибетских послов начали встречать как подобает, и они вновь возобновили свои просьбы выдать танских принцесс в жены *цепо* Дусонг Мангпоже[261]. Автор утверждает, что на этот раз намерения Тибета были намного серьёзнее, так как их государство стало сильнее. А еще А.Г. Малявкин сообщает что в 703 году тибетские послы прибыли во дворец с подарками виде породистых лошадей с украшениями и попросили принцессу в жены для своего правителя. Но по сведениям раздела «Тубо» (吐蕃, Тибет), главы 196, в 706 году *цепо* умер, и император отправил послов обратно с соболезнованиями по поводу кончины *цепо* вместо обещанной принцессы.

[258] (文成公主)
[259] Там же.
[260] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: **University of Hawai‘i Press,** 2013. – 460 c.
[261] Дусонг Мангпоже – тридцать шестой правитель (*цепо*) династии Ярлунг (г. пр. 679-704).

Несмотря на это, «в 710 году бабушка нового ценпо отправляет главного министра Си-сюня» ко двору династии Тан и на этот раз ему удается вернуться с принцессой[262].

Примечательно, что в главе 7 тоже имеются сведения об отправке тибетского министра ко двору династии Тан. Однако там его имя значится как «Си дунжен». Возможно, это был другой министр, поскольку в главе 196 имя министра передается как «Си сюньжань»[263].

Следующие части описываются поражение Тибета в Кашгарии, попытки танской династии по захвату Кашгара и противостоянии Тибета танской династии в осуществлении планов по завоеванию Кашгара. Затем приведены сведения о попытках династии Тан и Тибета снова возобновить мирные взаимоотношения. Но условия, предложенные друг-другу, опять возвращают их к воспоминанию о прошлых конфликтах.

Например, в главе 5 письменного источника «Синь Тан шу» в разделе «Жуй цзун, Сюань цзун» (睿宗 玄宗, Жуйцзун, Сюаньцзун (имена императоров) есть сведения о возобновленных посольских связях Тибета и Китая. Указывая на них, А. Г. Малявкин сообщает, что «в 716-году тибетцы обратились с просьбой о мире». Через два года они добавили к своей просьбе признать равноправные отношения между двумя государствами. Автор полагает что, такое поведение послов Тибета было более чем достаточным основанием для недопуска их к столице. Такие просьбы продолжались до 726 года, когда послы уже прибывали ко двору во время новогодних празднований, но все они были безуспешными. Автор полагает, что не все посольские связи отражены в исторических анналах и менее значительные были просто упущены[264].

Следует отметить, что в этом главе есть сведения о прощении мира Тибета у танской династии. Однако там упущены данные, связанные с обрядами, проведенных в ходе переговоров. В эти обряды входили ритуал совместного жертвоприношения да бы избежать засухи, веселий разного рода и умышленные сокращения блюд[265].

В труде А.Г Малявкина также говорится о новом руководстве обоих сторон, которые начинают противопоставлять старые интересы Тибета и Китая. Эта борьба перерастает в конфликт, а вслед за ним и в войну. Следует отметить, что автор не дает четких ответов на вопрос кто же нарушил мирный

[262] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 106
[263] Лю Сюй. Цзю Тан шу…– С. 7632.
[264] Там же – С. 139
[265] Оуян Сю. Синь Тан шу… – С. 4599.

договор. Приводятся только причины противостояния сторон. Также упоминается усиление натиска тибетцев по случаю восстания Ань Лушаня[266].

Например, в 196 главе «Цзю Тан шу» в разделе «Тубо шан» (吐蕃上, Тибет, основной) есть сведения о причинах новых ухудшений отношении Тибета и династии Тан, которые передает А. Г. Малявкин. В них говорится, что со стороны Тибета были совершены нападения на Болюй, который якобы был в союзе с династией Тан. Китай совершил «ответную меру, и тогда виновником возобновления войны становится Тибет». Однако автор считает, что агрессия со стороны Тибета была объяснима, поскольку просьба о Болюй любой помощи, особенно, военной у Серединном государства рассматривалась Тибетом «как выражение покорности, вассальной зависимости» от Китая, и он не хотели граничить с еще одной угрозой[267]. Автор приводит сведения также из того же место «Цзю Тан шу» о еще одном примере нарушения мирного договора, который мы назвали «уговор белой собаки». Дело в том, что на границе с провинцией Хэси [принадлежавшим династии Тан] тибетцы стали возводить укрепления и когда Цуй Сии[268] стал главнокомандующем этого региона он отправил послов с просьбой ликвидировать возведённые оборонительные сооружения. Тибетцы отказались этого делать, объясняя это недоверием на дружественные намерение танского двора, после чего был заключен уговор с генералом Цуй Сии о ненападении и что бы закрепить его зарезали белую собаку. Однако вскоре чиновники, подделав приказ императора, донесли Цуй Сии указ о нападении на неподготовленных тибетцев и таким образом, хотели сорвать очередной мирный договор, за что через некоторое время были казнены[269].

Вышеупомянутые сведение из главы 196 очень четко переведены А.Г. Малявкиным. Однако этого нельзя сказать о позиции самого автора перевода относительно анализа этих событий, поскольку в самом *цзюане* не указаны причины или поводы[270].

Однако все-таки отношения были вновь подорваны и даже переросло в войну. Поскольку работе автора даны сведения об активных сражениях Тибета с танской династией, которые привели к взятию столицы Китая. Также

[266] Ань Лушань (703 – 757) – тюркско-согдийский генерал армии династии Тан. Подробнее см: Beckwith Ch.I. Empires of the silk road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present – Princeton, 2009. – С. 140.
[267] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 106
[268] Цуй Сии (годы неизвестны) – китайский военачальник, полководец армии династии Тан. Подробнее см: Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 106
[269] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 106
[270] Лю Сюй. Цзю Тан шу… – С. 5590.

указывается на усиление влияния на династию Тан государств Восточного Туркестана, пользуясь ослабленностью Серединного государство после восстания Ань Лушаня.

Например, главе 10 письменного источника в «Цзю Тан шу», в разделе «Су Цзун» (肃宗, Суцзун (император), даются сведения о прибытии тибетских послов ко двору династии Тан в 758 году. По этим сведениям, А.Г. Малявкин делает выводы, что у Тибета действительно было желание заключить мирный договор с Китаем. Однако несмотря на то, что состоялся целый комплекс церемоний от посещений храмов с жертвоприношениями животных до пышного банкета в честь послов ценпо сам «договор был мертворожденным» изначально как указывает автор. Причину таких осложнений и дальнейших активных военных действий Тибета, автор объясняет тем, что «требования ценпо для Сына Небо поднебесной были слишком неприемлемыми». Одним из этих требований было основать родственные связи, попросив руки танской принцессы Нин-го. Как сообщает А.Г. Малявкин, император поступил хитрее, выдав замуж принцессу за правителя уйгуров, послы которого тоже прибыли ко двору и предложили свою помощь против мятежников. В дальнейшие планы Серединного государство входили также и намерения настроить Уйгурский каганат против Тибета. Похоже даже в столь тяжелый момент своего правление император династии Тан не изменял себе и думал применить старую стратегию уничтожать «варваров» руками других «варваров»[271].

Несмотря, на то, что в главе 10 есть почти все данные, на которые указал А.Г. Малявкин, все же некоторые из них вызывают вопросы. К примеру, в указанном месте нет прямых сведений о согласии танского императора на брак уйгурского кагана с принцессой, не говоря уже об отсутствии самого имени Нинго, на который указывает А.Г. Малявкин. Можно добавить также, что в главе 10 есть сведения об обсуждении мира сторонами, и о том, что они договаривались о совместном устранении разбойников, которые мешали обоим взаимной торговле[272].

Ван Чжэньпин в своём труде, основываясь на все том же «Цзычжи Тунцзянь», подтверждает сложные и конфликтные отношения Тибета с Тан. К примеру, на основе анализа китайского источника автор указывает, что 750-754 гг. конфликты между Тан и Тибетом (вместе с другими соперничающими полисами) на западных и приграничных территориях

[271] Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – С. 106
[272] Лю Сюй. Цзю Тан шу… – С. 7745.

усилились**.** Это отражает многополярную динамику международных отношений эпохи Тан, когда Тибет успешно оспаривал влияние Китая не только в приграничье, но и в Средней Азии[273].

В качестве итого обзора этой книге А.Г. Малявкина и Ван Чжэньпин что данные труды по истории борьбы Тибета с Китаем очень информативены в плане взаимоотношений между этими народами, хотя большинство из них военного плана. Однако есть определенные обстоятельства, которые заставили нас не очень углубляться в обзор этой книги.

Во-первых, в данных книгах в основном, приведены сведения о противостоянии двух больших государств, которые страшились взаимных угроз, особенно когда кто-либо своей армией приближался к границе другого. Поэтому здесь взаимоотношения других народов с этими государствами мало изучены.

Во-вторых, кроме сведений о дипломатических взаимоотношениях сторон книга не изобилует сведениями о религии и о культуре народов. Хотя с уверенностью можно утверждать, что эти два фактора играли важную роль в оказании влияния на регионы, и этим помогали бороться с противниками.

Все же сочинение А.Г. Малявкина и Ван Чжэньпин достойны похвалы, так как автор полностью использовал китайские письменные источники и соответствующую литературу, чтобы отразить объективную картину исторических событий того времени.

Можно подвертит слова А. Г. Малявкина об уничтожении Тибета с помощью уйгуров сведениями из труда исследователя А. К. Камалов. Казахский учений основываясь на книге «The Uighur Empire (744-840) According to the T’ang Dynastic Histories» автором которого является Маккерас К. говорить, что император Дэ цзун[274] по совету Ли Ба[275] решил поручиться военной поддержкой Уйгуров и некоторых среднеазиатских народов против Тибета. А. К. Камалов считает то такой ход был сделан по двум причинам: формальный отказ Тибету по контролю западными землями и зашита от Уйгурского Каганата «фактический контролировавшим положение Восточного Туркестане»[276].

К сожалению, проверив странницы, указанные А. К. Камаловым, не обнаружилось вышеуказанные сведения.

[273] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: University of Hawai‘i **Press,** 2013. – 460 c.
[274] Дэ цзун – Двенадцатый император династии Тан (г. пр. 779-805).
[275] Ли Ба (722-789) – министр династии Тан.
[276] Камалов А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи. – Алматы: Мир, 2017. – С. 220

Труд Ван Чжэньпин «Китай эпохи Тан в многополярной Азии: история дипломатии и войн» продолжает и заканчивает историю с конфликтным взаимоотношении Тибета с Серединном государством. Основываясь на все те же письменные источники, он пишет, 821-822 гг., заключение «Договора Чанчинг[277]» и установление мирных отношений между Танской империей и Тибетским государством. На основе китайских источников фиксируется, что договор установил официальные границы влияния и режим мирных контактов, был подтверждён дипломатическими миссиями и стал основой для длительного периода относительно устойчивых отношений между двумя государствами в IX веке[278].

В работе другого китайского исследователя Чжань Аньфу – «Тан чао сиюй чжили сядэ вэньхуа жэньтун яньцзю (唐朝西域治理下的文化认同研究, Исследование культурной идентичности в период правления западных регионов династии Тан)»[279] исследуются вопросы о переселении народов Центральной Азии в Китай и об их дальнейшей ассимиляции. К примеру, он приводит сведения из главы 185 «Тун дянь» (раздел «Бяньфан сюй» (边防序, Пограничный порядок) и сообщает, что в эпоху династии Тан представителей «тюркских, тибетских и даже арабских» народов назначали на высокие чиновничьи должности в Серединном государстве[280].

Чжань Аньфу также сообщает, что в период правления династии Тан многие правители государств Центральной Азии отправляли своих детей для обучения конфуцианству в *Гоцзыцзянь* (Государственное училище). По данным «Чжэньгуань чжэняо» (贞观政要, Чжэньгуаньские сановники) в числе таких были правители Тибета, Турфана и др.[281]

Изучив вопрос взаимоотношений Китая с Тибетом, было изучено еще один труд «Материалах по истории уйгуров в IX-XII вв.» в нем автор сообщает о том, что уйгуры пользовались всеми благоприятными возможностями для расширения границ своих *аймаков*, не нарушая при этом

[277] Договор Чанчинг (Changqing, 长庆) – название мирного соглашения между Танской династией и Тибетом. Его название произошло от императорского девиза эпохи Чанчинг (長慶), который использовался в Китае для обозначения периода правления императора Сюаньцзуна в контексте дипломатии.
[278] Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: University of Hawai‘i Press, 2013. – 460 c.
[279] Чжань Аньфу. Танчао Сиюй чжили сядэ вэньхуа жэньтун яньцзю (唐朝西域治理下的文化认同研究 «Исследование культурной идентичности в период правления западных регионов династии Тан»). – Улумуци, 2010. – с. 27-31.
[280] Там же.
[281] Чжань Аньфу. Тан чао сиюй чжили сядэ вэньхуа жэньтун яньцзю (唐朝西域治理下的文化认同研究 «Исследование культурной идентичности в период правления западных регионов династии Тан») – Улумуци, 2010. – с. 28

дружественных отношений с Китаем. По этому поводу А. Г. Малявкин, ссылаясь на сведения раздела «Тубо» (吐蕃, Тибет) главу 74 того же источника «Синь Удай ши», сообщает о прибытии четырех уйгурских послов в 928-929 годах ко двору Поздняя Тан. Автор добавляет, что, поскольку «ко времени эпохи Удай тибетцы ослабли»[282], они предъявили свои права на часть территории Тибета и просили двор дать указания по этому поводу.

Действительно, в главе 74 сочинения есть сведения об упадке Тибета в этот период и о том, что, Срединное государство не смогло предотвратить разделение территорий Тибета, поскольку само переживало внутренние междоусобицы.

Е.И. Кычанов тоже оставил не маленький след в изучениях взаимоотношений Китая с Тибетом. В Своем труде «История Тангусткого государство» речь идет о возникновении в Принаньшанье уйгурско-ганьчжоуского княжества[283]. Здесь же есть сведения об уйгуро-тангутских войнах и о народах, соседях уйгурско-ганьчжоуского княжества с юго-восточной стороны[284]. Сведения об их взаимоотношениях встречаются в контексте данных о тибетском народе, где сказано, что последняя официальная встреча Тибета с представителями танского государства была в X в. [285].

К сожалению, эти данные также не имеют ссылок на какой-либо письменный источник.

В Заключений можно сказать, Контакты начались с дипломатических инициатив и быстро переросли в сложную систему взаимодействий. С одной стороны, империи стремились к миру через брачные союзы, обмен посольствами, передачу технологий, знаний и религиозных традиций. С другой — они вели упорную борьбу за влияние в стратегически важных зонах: на плато Цинхай (Коконор), в коридоре Ганьсу, в Таримском бассейне (Восточный Туркестан) и даже дальше на западе. Эти конфликты часто приобретали характер многополярной борьбы, где Тибет заключал временные альянсы с другими силами (например, с Наньчжао или тюркскими племенами), а Тан — с соседними государствами, чтобы сдерживать соперника. Тибет, в свою очередь, выступал как равный партнёр, способный

[282] Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. – Новосибирск, 1974. – С. 49.
[283] Уйгурско-ганьчжоуское княжество (870 – 1035) – государство уйгуров в Ганьчжоу. Подробнее см: Кычанов Е.И. История Тангусткого государство. – СПб, 2008. – С. 55. // В книге Толстова С.П. Народы Мира. – М.: Наука, 1965. – С. 655 считается что, потомки *сарыг юйгу* (желтые уйгуры) основали государство Ганьчжоу после распада Уйгурского каганата.
[284] Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 29.
[285] Там же. – С. 34.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

наносить серьёзные удары по китайским границам и даже временно менять баланс сил в регионе. Взаимное признание равенства особенно ярко проявилось в поздних договорах, когда обе стороны отказывались от языка вассалитета и фиксировали границы как равноправные державы. Этот период оставил глубокий след в истории обеих сторон. Для Тан он стал испытанием на прочность западных рубежей и источником культурного обогащения. Для Тибета — временем становления как крупной региональной силы, освоения новых знаний и укрепления собственной идентичности. В целом, танско-тибетские отношения VII–IX веков иллюстрируют классический пример взаимодействия двух империй в условиях геополитической конкуренции и взаимной выгоды от мира: от первых посольств и брачных альянсов до серий войн, временных оккупаций и, наконец, к устойчивым мирным соглашениям, которые обеспечили стабильность на границе почти до конца эпохи Тан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на английском языке

1. Beckwith Ch.I. Empires of the silk road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present – Princeton, 2009. – C. 140.
2. Wang Z. Tang China in Multi-Polar Asia: A History of Diplomacy and War. – Hawai: **University of Hawai‘i Press,** 2013. – 460 c.

Литература на русском языке

3. Камалов А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи. – Алматы: Мир, 2017. – С. 220
4. Кузьмин С.Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. – СПб.: издание А.Терентьева, 2010. – 544 с.
5. Кычанов Е.И. История Тангусткого государство. – СПб, 2008. – С. 55.
6. Лю Сюй. Цзю Тан шу. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. — Т. 16. — С. 4556. (на Китайском: 劉昫 等. 舊唐書. 北京：中華書局, 1975. 第 16 冊. 頁 4556.
7. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. – Новосибирск, 1974. – С. 49.
8. Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибиркс: Наука, 1992. – 284 с.
9. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 29.
10. Толстова С.П. Народы Мира. – М.: Наука, 1965. – С. 655.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

O‘ZBEKISTONDA ARABSHUNOSLIK MAKTABINING SHAKLLANISHI VA ARAB DAVLATLARI IJTIMOIY-SIYOSIY TARIXINI O‘RGANISHDAGI O‘RNI

Narimonov Diyorbek Maqsudovich
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi”
kafedrasi katta o‘qituvchi
ORCID: 0009-0003-7727-3496
diyorbekmaqsudovich93@gmail.com
Tel.: +998901759317

Annotatsiya*: Ushbu maqola o‘zbek sharqshunoslari tadqiqotlarida arab davlatlarining ijtimoiy-siyosiy tarixini yoritish masalalariga bag‘ishlangan. Unda O‘zbekistondagi sharqshunoslik maktabining arabshunoslik an’analari, ilmiy merosi va zamonaviy yondashuvlari atroflicha tahlil qilinadi. Maqolada o‘zbek olimlarining arab dunyosining ijtimoiy o‘zgarishlari, siyosiy tizimlari, davlatchilik tarixi va boshqa muhim jihatlarini o‘rganishdagi hissasi, ular tomonidan qo‘llanilgan metodologiyalar va erishilgan natijalar ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, mavjud tadqiqotlardagi dolzarb masalalar, ilmiy bahslar va kelajakdagi tadqiqot yo‘nalishlari yuzasidan xulosalar beriladi.*

Kalit so‘zlar*: o‘zbek sharqshunosligi, arab davlatlari, ijtimoiy-siyosiy tarix, arabshunoslik, tarixiy tahlil.*

Abstract. *This article focuses on the illumination of the socio-political history of Arab states in the research of Uzbek Orientalists. It thoroughly analyzes the traditions, scientific heritage, and contemporary approaches of the Oriental studies school in Uzbekistan, specifically concerning Arab studies. The article examines the contribution of Uzbek scholars to the study of social transformations, political systems, statehood history, and other crucial aspects of the Arab world, along with the methodologies they employed and the results achieved. Furthermore, it provides conclusions on current issues, scientific discussions, and future research directions within existing studies.*

Key words: *Uzbek Oriental studies, Arab states, Socio-political history, Arabistics, Historical analysis.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Аннотация. *Данная статья посвящена вопросам освещения социально-политической истории арабских государств в исследованиях узбекских востоковедов. В ней подробно анализируются традиции, научное наследие и современные подходы узбекской школы востоковедения, в частности, арабистики. В статье рассматривается вклад узбекских ученых в изучение социальных преобразований, политических систем, истории государственности и других важнейших аспектов арабского мира, а также применяемые ими методологии и достигнутые результаты. Кроме того, представлены выводы по актуальным вопросам, научным дискуссиям и направлениям будущих исследований в рамках существующих работ.*

Ключевые слова: *Узбекское востоковедение, арабские государства, социально-политическая история, арабистика, исторический анализ.*

KIRISH

1950-1970-yillar O‘zbekistonda arab davlatlari tarixi o‘rganilishida sifat jihatidan yangi bosqichni tashkil etadi. Agar 1920-1940-yillarda mazkur mavzu asosan ilmiy-publitsistik va ta’limiy xarakterda bo‘lgan bo‘lsa, ushbu davrda arab davlatlari tarixi akademik tadqiqot obyekti sifatida shakllana boshladi. Bu jarayon ilmiy muassasalar faoliyatining barqarorlashuvi, mutaxassis kadrlar tayyorlanishi va maxsus ilmiy nashrlarning paydo bo‘lishi bilan bog‘liq edi. Ushbu maqolaning maqsadi O‘zbekistonda ushbu davrda shakllangan arabshunoslik maktabining asosiy xususiyatlarini, tadqiqot yo‘nalishlarini, metodologik yondashuvlarini va erishilgan natijalarini tarixshunoslik nuqtayi nazaridan tahlil qilishdan iborat. Bu tahlil, shu bilan birga, akademik maktabning konseptual imkoniyatlari va mafkuraviy-metodologik cheklovlarini ham baholaydi.

Metodlar

Ushbu tadqiqotda, asosan, tarixshunoslik tahlili metodi qo‘llanilgan. Unda 1950-1970-yillarda O‘zbekistonda arab davlatlari tarixi bo‘yicha nashr etilgan monografiyalar, nomzodlik dissertatsiyalari va ilmiy maqolalar asosiy manba sifatida o‘rganilgan. Xususan, X.Niyazov, A.M.To‘rayev, R. Sh. Abduraxmonov, Y.Karimov, B. Yusupov, S. M. Hamidov, N. R. Abbasov, Sh. Qodirov, L. S. Mirzayev va E. S. Yuldashev kabi olimlarning ishlari tanqidiy o‘rganilgan. Tadqiqotda sovet davri arabshunosligining uslubiy va konseptual xususiyatlari aniqlangan va ularning arab dunyosi olimlarining tadqiqotlari bilan qiyoslangan. Bu qiyosiy tahlil orqali sovet maktabining yondashuvidagi o‘ziga xosliklar ochib berilgan. Shuningdek, ilmiy ishlab chiqarishning institutsional jihatlari, ya’ni ilmiy

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

muassasalar faoliyati, dissertatsiya tizimi, kadrlar tayyorlash ham tahlil obyekti bo‘lgan.

Muhokama va natijalar

Toshkentda 1918-yilda Turkiston Sharqshunoslik instituti tashkil etilgan bo‘lib, O‘rta Osiyo tarixida birinchi sharqshunoslik oliy o‘quv yurti sifatida qo‘shni mamlakatlar uchun ham sharqshunoslik fanining turli sohalari bo‘yicha malakali mutaxassislar yetishtirib bera boshladi. Mazkur bilim dargohida Turkiston va unga qo‘shni bo‘lgan xorijiy sharq mamlakatlarining tarixi, etnografiyasi, geografiyasi, o‘lkashunosligi, islom tarixi va musulmon qonunshunosligi kabi fanlar, sharq xalqlarining tillari va adabiyotlari o‘rgatilgan. Turkiston Sharqshunoslik instituti 1924-yilda fakultet sifatida O‘rta Osiyo davlat universitetiga qo‘shib yuborildi. 1944-yilda O‘rta Osiyo davlat universiteti (hozirgi O‘zbekistan Milliy universiteti) qoshida qaytadan sharq fakulteti ta’sis etildi. Fakultetda Yaqin va O‘rta Sharq xalqlari tarixi va iqtisodi, tili va adabiyoti o‘qitila boshlandi.

Arab davlatlarining ijtimoiy-siyosiy tarixi jahon tarixshunosligida muhim o‘rin tutadi. O‘zbekiston sharqshunoslik maktabi vakillari ushbu tarixni o‘rganishda o‘zining ilmiy an’analari va metodologik yondashuvlari bilan ajralib turadi. O‘zbek sharqshunoslari arab davlatlari tarixini o‘rganishda tarixiy manbalar tahlili, qiyosiy tahlil usullariga tayanadilar. Bu esa ularning ilmiy xulosalarini xalqaro darajada muhim qiladi.

1920-1940-yillarda mazkur mavzu ilmiy-publitsistik va ta’limiy xarakterda bo‘lgan bo‘lsa, 1950-1970-yillarda arab davlatlari tarixi akademik tadqiqot obyekti sifatida shakllana boshladi. Bu jarayon, avvalo, ilmiy muassasalar faoliyatining barqarorlashuvi, mutaxassis kadrlar tayyorlanishi va maxsus ilmiy nashrlarning paydo bo‘lishi bilan bog‘liq edi. Tarixshunoslik nuqtayi nazaridan, mazkur bosqichning eng muhim belgisi arab davlatlari tarixi bo‘yicha alohida mavzuli tadqiqotlarning paydo bo‘lishidir. 1950-yillardan boshlab O‘zbekistonda arab mamlakatlarining siyosiy va ijtimoiy-iqtisodiy taraqqiyotiga bag‘ishlangan monografiyalar va nomzodlik dissertatsiyalari himoya qilina boshlandi. Bu ishlar arab davlatlari tarixini umumiy Sharq tarixi doirasidan ajratib chiqarishga xizmat qildi. X.Niyazovning “Общественно-политическое развитие Сирии после Второй мировой войны”[4] asarini mazkur davrda chop etilgan ilk akademik tadqiqotlardan biri sifatida keltirish mumkin. Ushbu tadqiqotda Suriyaning zamonaviy tarixini davlat tuzilmalari, siyosiy partiyalar va ijtimoiy harakatlar faoliyati orqali tahlil qilinadi. Tarixshunoslik nuqtai nazardan, asar arab davlatlari tarixini xronologik va tematik jihatdan tizimlashtirishga qaratilgan bo‘lib, ilmiy metod sifatida siyosiy tarix ustuvor qo‘yilgan. Bu holatni arab tarixshunosligidagi

ayrim ishlar bilan qiyosiy ko‘rib chiqish mumkin. Xususan, Abd ar-Rahmon ar-Rofi’iy milliy harakatlar tarixini yoritishda siyosiy kurash va davlatchilik omillarini markaziy o‘ringa qo‘yadi. Biroq uning yondashuvida ichki milliy jarayonlar va mahalliy omillar nisbatan kengroq qamrab olinadi, bu esa sovet tadqiqotlarida kuzatiladigan biryoqlama siyosiylashtirishdan ma’lum darajada farq qiladi.

1960-yillarga kelib, arab davlatlari tarixini o‘rganishga bag‘ishlangan tadqiqotlar mavzu va uslub jihatdan kengaydi, desak mubolag‘a bo‘lmaydi. Darhaqiqat, A.M.To‘rayevning “Социальные преобразования в Египте (1952–1965 гг.)”[5] monografiyasida Misrdagi islohotlar ijtimoiy-iqtisodiy tahlil orqali yoritilgan. Muallif mazkur ishida tarixiy jarayonlarni sinfiy yondashuv asosida izohlab beradi. Shuningdek, davlat siyosatini jamiyat taraqqiyotining hal qiluvchi omili sifatida ko‘rilishi akademik arabshunoslikda iqtisodiy va ijtimoiy tarixning tadqiqot obyekti sifatida mustahkamlanishini ko‘rsatib beradi. Shu nuqtai nazardan qaralganda, Hasan al-Banno asarlarida jamiyat taraqqiyotida ijtimoiy va mafkuraviy harakatlar roliga katta e’tibor berilishi kuzatiladi. Unda siyosiy jarayonlar faqat davlat siyosati bilan emas, balki jamiyatning ichki ruhiy va diniy harakatlari bilan bog‘liq holda talqin qilinadi. Bu esa sovet tadqiqotlarida kam yoritilgan jihatlarni ko‘rsatadi[3].

O‘zbekistonda arab davlatlari tarixi bo‘yicha ilmiy maktab shakllanishida nomzodlik dissertatsiyalari alohida o‘rin tutgan. Ularda mavzular aniq hududiy va xronologik doirada ko‘rib chiqila boshlanadi. Jumladan, R.Sh.Abduraxmonovning “Jazoirda milliy-ozodlik harakati tarixi”[1] tadqiqotida Jazoir tarixi mustamlakachilikka qarshi kurash modeli asosida tahlil qilingan. Bu jarayonni arab mualliflari ishlari bilan qiyoslaganda, masalan, Abdulloh al-Usaymin asarida davlatchilik tarixi milliy taraqqiyotning ichki mantig‘i va tarixiy uzviylik asosida yoritilishi kuzatiladi. Bu yondashuv sovet tadqiqotlaridagi shakllangan sxemalarga nisbatan ko‘proq milliy tarixiy xususiyatlarni hisobga olishga intilganlikni namoyon qiladi.

1960-1970-yillarda chop etilgan ilmiy maqolalar to‘plamlari ham akademik muhit shakllanishida muhim rol o‘ynagan. Tarixshunoslik tahlil shuni ko‘rsatadiki, bu maqolalar ilmiy bahslarni emas, balki mavjud konsepsiyalarni mustahkamlash vazifasini bajargan[7]. Mazkur davr tadqiqotlarining yana bir xususiyati shundaki, manbalar bazasining nisbatan kengayishidir. Ayrim mualliflar rus tilidagi arxiv materiallari, rasmiy hujjatlar va xalqaro tashkilotlar materiallaridan foydalangan bo‘lsa-da, arab tilidagi manbalar bilan ishlash hali ham cheklanganligi akademik maktabning manbashunoslik imkoniyatlari to‘liq shakllanmaganini ko‘rsatib beradi.

Shuning bilan birgalikda, 1960-yillarda arab davlatlari tarixi bo‘yicha tadqiqotlarda iqtisodiy tarix alohida yo‘nalish sifatida ajralib chiqadi [6]. Jumladan, S. M. Hamidovning “Agrar munosabatlar va islohotlar Misrda” asarida tarixiy jarayonlar iqtisodiy kategoriyalar orqali tizimli tahlil qilingan. Bundan tashqari, tarixshunoslik jihatdan muhim bo‘lgan yana bir masala shundaki, mazkur davr tadqiqotlaridagi akademik muhitda ilmiy bahs madaniyati cheklangan[5]. Ya’ni, ilmiy izlanishlar oldingi tadqiqotlarni tanqidiy qayta ko‘rib chiqish emas, balki ularni tasdiqlash vazifasini bajargan. Bu holat ilmiy maktabning institutsional jihatdan mustahkamlangan, ammo konseptual jihatdan nisbatan yopiq bo‘lganini ko‘rsatadi.

Xulosa

Umuman olganda, mazkur davrda O‘zbekistonda arab davlatlari tarixi bo‘yicha kadrlar tayyorlash, dissertatsion tadqiqotlar tizimining yo‘lga qo‘yilishi, mavzular ixtisoslashuvi va ilmiy ishlab chiqarishning institutsional shakllanishi akademik maktabning asosiy belgilari sifatida vujudga kelgan. Bu jarayonlar arabshunoslikka bag‘ishlangan ilmiy tadqiqotlarning alohida yo‘nalish sifatida mustahkamlanishiga xizmat qilgan.

Tarixshunoslik nuqtai nazardan, 1950–1970-yillarda shakllangan akademik maktab keyingi davrda arabshunoslik tadqiqotlarining institutsional kengayishi uchun mustahkam asos yaratib bergan.

FOYDALAANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI:

1. Абдурахмонов Р. Ш. Жазойирда миллий-озодлик ҳаракати тарихи: тарих фанлари номзоди дисс. – Тошкент, 1969. – 183 б.
2. Каримов Ю. Ирокда ижтимоий-сиёсий ҳаракатлар (1945–1958 гг.): тарих фанлари номзоди дисс. – Тошкент, 1962. – 171 б.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 8–15 с.
4. Ниязов Х. Общественно-политическое развитие Сирии после Второй мировой войны. – Ташкент: Фан, 1958. – 176 с.
5. Тўраев А. М. Социальные преобразования в Египте (1952–1965 гг.). – Ташкент: Ўзбекистон, 1966. – 204 с.
6. Юлдашев Э. С. Новейшая история арабских стран. – Ташкент: Ўқитувчи, 1972. – 238 с.
7. Юсупов Б. Тунисда миллий давлатчиликнинг шаклланиши. – Тошкент: Фан, 1968. – 198 б.
8. Lewis, B. *The Middle East: A Brief History*. New York, 1995. .

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ISROIL TARIXNAVISLIGI: AFSONA VA HAQIQAT

To‘ychiboy Taylaqov
TDShU doktoranti
toyloqovta@gmail.com

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola 1948-yildan 2025-yilgacha bo‘lgan davrda Isroil tarixnavisligining tadrijiy rivojlanishini tahlil qiladi. Dastlabki o‘n yilliklarda Isroil tarixchilari yosh davlatning xalqaro va ichki legitimligini mustahkamlashga xizmat qiluvchi «asoschi qahramonlik» paradigmasiga tayangan. Biroq, 1980-yillarning oxiriga kelib, maxfiy davlat arxivlarining ochilishi va ijtimoiy-siyosiy o‘zgarishlar natijasida o‘tmishni tanqidiy o‘rganuvchi «Yangi tarixchilar» harakati yuzaga keldi. Ular Isroil davlatining tashkil topishi bilan bog‘liq bo‘lgan an’anaviy qarashlarni, xususan, Falastin qochqinlari masalasining kelib chiqishi va 1948-yilgi urushdagi kuchlar mutanosibligi haqidagi afsonalarni ilmiy dalillar asosida shubha ostiga oldilar. Maqolada jamoaviy xotira, tarixiy narrativlar va davlat qonuniyligi o‘rtasidagi murakkab aloqalar ko‘rib chiqilib, yagona madaniyatni maqsad qilgan gegemonik «eritish qozoni» mafkurasidan tarqoq va o‘zaro raqobatlashuvchi guruhlarga ega bo‘lgan «mozaik jamiyat»ga o‘tish jarayoni tadqiq etiladi. Ushbu tahlil shuni ko‘rsatadiki, Isroilda tarix faqat o‘tmishni o‘rganish vositasi emas, balki hozirgi siyosiy va madaniy kurashlarning markaziy maydoni hisoblanadi.

Kalit so‘zlar: *Isroil tarixnavisligi, Yangi tarixchilar, Etnokratiya, Jamoaviy xotira, Etnik siyosat, Mozaik jamiyat, Sionizm va post-sionizm, Falastin qochqinlari (Nakba)*

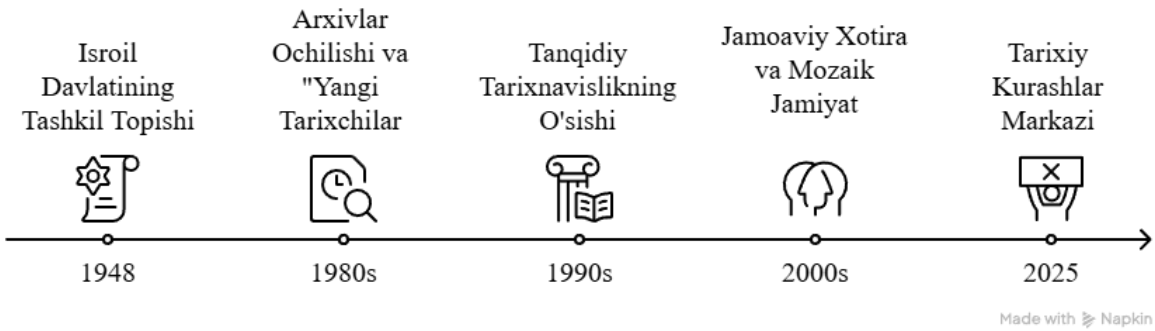
KIRISH

Zamonaviy Isroil davlatida tarix, jamoaviy xotira va davlat qonuniyligi o‘rtasidagi aloqadorlik o‘ta uzviy va hayotiy xususiyatga ega bo‘lib, o‘tmish talqini milliy o‘ziga xoslik hamda siyosiy barqarorlikning asosiy ustunlaridan biri bo‘lib xizmat qiladi. Isroil siyosiy va ijtimoiy tushunchasida tarix shunchaki o‘tib ketgan yillar davomidagi voqealar xronologiyasi emas, balki davlatning mintaqadagi yashash huquqini, uning hududiy da’volarini va harbiy harakatlarining axloqiy ustunligini tasdiqlovchi dalillar tizimidir [1]. Isroilliklar uchun o‘tmish hikoyalarini nazorat qilish — bu bevosita kelajakni va milliy ongni shakllantirish vositasidir. Ushbu maqola Isroil tarixnavisligining 1948-yildan 2025-yilgacha bo‘lgan davrdagi murakkab va ziddiyatli tadrijini ko‘rib chiqib, «asoschi qahramonlik» dostonlaridan qutblashgan «mozaik jamiyat»ga o‘tish evolyutsiyasini tahlil qiladi.

1948-yilda davlat tashkil topganidan so‘ng qariyb qirq yil davomida Isroil akademik doiralari va jamoatchilik ongida «Eski tarixchilar» deb ataluvchi avlodning narrativlari mutlaq hukmronlik qildi. Ushbu davr tarixchilari, asosan, sionistik harakatning, mustaqillik urushining va davlat byurokratiyasining faol ishtirokchilari bo‘lib, ular millat qurish jarayonining bevosita targ‘ibotchilari sifatida namoyon bo‘lishdi. Ularning asarlarida 1948-yilgi Arab-Isroil urushi kichik va himoyasiz yahudiy jamoasining bahaybat, monolit arab armiyalariga qarshi «David va Goliaf» sifatidagi mo‘jizaviy g‘alabasi tarzida tasvirlangan [2]. Bundan tashqari, ushbu an’anaviy yondashuv mamlakat ichki siyosatida Ashkenazi va Mizrahi yahudiylarini yagona Yevropacha-sionistik millatga aylantirishni ko‘zlovchi «eritish qozoni» mafkurasini qat’iy yoqlab chiqqan. Bu davrda tarixiy asarlar arab-falastinliklarning o‘z yerlaridan qochib ketishini asosan ularning o‘z ixtiyori yoki arab siyosiy yetakchilarining chaqiriqlari bilan bog‘lab, yosh Isroil davlati va uning qurolli kuchlarini har qanday axloqiy mas’uliyatdan xoli etuvchi «asoschi afsonalar»ni mustahkamlashga katta hissa qo‘shgan [3].

1980-yillarning oxiriga kelib Isroil tarixnavisligida keskin inqilobiy burilish yuz berdi. Davlat arxivlarining maxfiylik muddati (30 yillik qoida) tugashi va millionlab maxfiy harbiy hamda diplomatik hujjatlarning tadqiqotchilar uchun ochilishi natijasida akademik maydonga «Yangi tarixchilar» guruhi kirib keldi. Ular davlat tarixnavisligining muqaddaslashtirilgan aqidalarini qat’iy shubha ostiga oldilar va o‘tmishni ilmiy, tanqidiy yondashuv asosida demistifikatsiya qildilar.

Isroil Tarixnavisligining Rivojlanishi (1948-2025)

Arxiv hujjatlariga asoslangan holda, Falastin qochqinlari muammosi shunchaki tasodifiy jarayon emas, balki davlat muassasalari va harbiylari tomonidan qo‘llanilgan siqib chiqarish, quvg‘inlar va ba’zi joylarda rejalashtirilgan amaliyotlarning qurboni ekanligi isbotlandi [4]. Shuningdek, 1948-yilgi urushda

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Isroil harbiy kuchlari arab qo‘shinlaridan ham texnologik, ham kadrlar salohiyati jihatidan ustun bo‘lganligini ko‘rsatuvchi dalillar taqdim etildi [5].

«Yangi tarixchilar» tomonidan qilingan bu ilmiy xulosalar nafaqat o‘tmishni, balki bugungi Isroil jamiyatining o‘z-o‘zini anglashini ham tubdan o‘zgartirdi. Millatni sun’iy ravishda birlashtiruvchi «eritish qozoni» paradigmasining yemirilishi evaziga, jamiyatdagi tizimli ijtimoiy-etnik tengsizliklar hamda davlat siyosatining marginallashgan qatlamlarga (jumladan, falastinliklar va mizrahi yahudiylarga) nisbatan ta’siri bahs-munozara markaziga chiqdi. Natijada, an’anaviy yagona milliy qahramonlik narrativi o‘z o‘rnini ko‘p qutbli, qabila xotiralariga asoslangan va doimiy mafkuraviy urush holatida bo‘lgan «mozaik jamiyat»ga bo‘shatib berdi.

METODOLOGIYA

Ushbu tadqiqot 1948–2025 yillar davomida Isroil tarixnavisligida yuz bergan konseptual va paradigmatik o‘zgarishlarni tahlil qilish uchun o‘zaro integratsiyalashgan tarixiy va sotsiologik metodlarga tayanadi. Tadqiqotning asosiy usullaridan biri sifatida «qiyosiy tarixnavislik» yondashuvi qo‘llanildi. Bu usul turli akademik avlodlar – xususan, voqealarning bevosita ishtirokchilari bo‘lgan «Eski tarixchilar», tanqidiy yondashuvga ega «Yangi tarixchilar» hamda so‘nggi davrdagi post-sionist va neo-sionist tadqiqotchilar tomonidan ilgari surilgan tarixiy narrativlarni sinxron va diaxron jihatdan solishtirish imkonini beradi. Qiyosiy tahlil orqali bir xil tarixiy voqealarning (masalan, 1948-yilgi urush va uning demografik oqibatlari) turli ijtimoiy-siyosiy davrlarda qanday qilib o‘zaro ziddiyatli shakllarda tasvirlangani, shuningdek, davlatni qonuniylashtiruvchi an’anaviy atamalarning qanday qilib tanqidiy diskurs bilan almashgani tizimli ravishda o‘rganildi.

Tarixiy narrativlarning o‘zgarishini faqatgina yangi dalillarning topilishi bilan izohlab bo‘lmaydi; u jamiyatdagi ijtimoiy siljishlar bilan chambarchas bog‘liqdir. Shu bois, maqolaning nazariy asosi sifatida bilim sotsiologiyasidagi «Kuchli dastur» tanlandi. Isroil intellektual tarixida ushbu yondashuvni chuqur tatbiq etgan sotsiolog Uri Ram ta’kidlaganidek, tarixchilar o‘rtasidagi ichki akademik bahs-munozaralar shunchaki o‘tmish faktlari ustidagi ilmiy ixtiloflar emas, balki jamiyatda chuqur ildiz otgan madaniy, etnik va siyosiy ziddiyatlarning akademik maydondagi bevosita ifodasidir [3]. «Kuchli dastur» prizmasi orqali ushbu maqola Isroil tarixnavisligidagi burilishlarga faqatgina fan ichidagi taraqqiyot sifatida emas, balki ashkenazi elitasining gegemonligiga nisbatan kamsitilgan guruhlar (xususan, mizrahi yahudiylar va falastinliklar) tomonidan bildirilgan ijtimoiy-sinfiy va etnik e’tirozlarning xronologik in’ikosi sifatida qaraydi [6].

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Ushbu tarixnavislik va sotsiologik burilishning asosi hamda yangi tarixiy metodologiyalarning paydo bo‘lishi bevosita davlat arxivlari faoliyati bilan uzviy bog‘liq. 1980-yillarda Isroil arxivshunosligida «30 yillik qoida» faol tatbiq etila boshlanishi tadqiqotlar o‘zanini tubdan o‘zgartirib yubordi. Ushbu muddatning tugashi qoidasiga muvofiq, Isroil Davlat arxivi, Isroil Mudofaa kuchlari arxivi va Hagana arxivi kabi markaziy muassasalar mustaqil tadqiqotchilar uchun ochildi. Oldinlari o‘ta maxfiy sanalgan millionlab harbiy buyruqlar, diplomatik yozishmalar va hukumat majlislari bayonnomalarining maxfiylik maqomi bekor qilinishi empirik tarixiy tahlil uchun misli ko‘rilmagan manbalar bazasini yaratdi [4]. Aynan davlat hujjatlarining ochiqligi «Yangi tarixchilar» harakatiga eski xotiralar va rasmiy dostonlarga tayangan davlat afsonalarini ilmiy va hujjatli dalillar bilan rad etish hamda o‘tmishni obektiv arxiv manbalari asosida qayta yozish uchun zarur bo‘lgan amaliy va metodologik sharoitni yaratdi [5].

NATIJALAR

Asoschi sionistik narrativlar (1948–1980 yillar)

Tadqiqot tahlillari shuni ko‘rsatadiki, 1948-yilda Isroil davlati tashkil topganidan so‘ng qariyb o‘ttiz yil davomida hukmronlik qilgan tarixnavislik yosh davlatning xalqaro va ichki qonuniyligini mustahkamlashga qaratilgan qahramonlik paradigmasiga tayanib rivojlangan. Ushbu davrdagi o‘tmish talqini ko‘pincha jarayonlarning bevosita ishtirokchilari, xususan, David Ben-Gurion kabi siyosiy yetakchilar hamda Netanel Lorch kabi rasmiy harbiy tarixchilar tomonidan shakllantirilgan. Ularning asarlarida 1948-yilgi Arab-Isroil urushi yaxshi qurollangan va son jihatdan ustun bo‘lgan arab qo‘shinlariga qarshi matonatli kichik yahudiy armiyasining qozongan mo‘jizaviy g‘alabasi — «David va Goliaf» to‘qnashuvi sifatida gavdalantirilgan [2]. Shuningdek, ushbu dastlabki davr tarixnavisligining eng tayanch nuqtalaridan biri falastinlik arab qochqinlari muammosining kelib chiqishi masalasidir. An’anaviy sionistik narrativ yuz minglab falastinliklarning o‘z uylarini tark etishini «ixtiyoriy» qochish yoki arab siyosiy yetakchilarining o‘z armiyalariga yo‘l ochish maqsadida qilgan chaqiriqlari natijasi deb talqin etgan. Bu esa yosh Isroil davlatini va uning armiyasini «qurollarning axloqiy pokligi» g‘oyasi doirasida har qanday axloqiy va siyosiy javobgarlikdan xoli qilib, jamiyatda faqatgina «millat qurish» jarayonlariga e’tibor qaratish imkonini bergan [3].

Arxivlarning ochilishi va revizionist tanqidlar (1980–2000 yillar)

1980-yillarning oxiriga kelib, davlat arxivlarining maxfiylik muddatini belgilovchi «30 yillik qoida» o‘z nihoyasiga yetishi va millionlab maxfiy hujjatlarning deklassifikatsiya qilinishi Isroil tarixnavisligida misli ko‘rilmagan

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

inqilobiy burilish yasadi. Empirik arxiv hujjatlariga tayangan holda, o‘zlarini «Yangi tarixchilar» deb atagan akademik guruh Isroil davlatining asoschi afsonalarini ilmiy dalillar bilan parchab tashladilar. Xususan, Benni Morris Isroil Mudofaa Kuchlari arxivlariga tayanib, Falastin «Nakba»si shunchaki urushning tasodifiy yoki ixtiyoriy oqibati emasligini, aksincha, tizimli harbiy siqib chiqarish, qatliomlar va rejalashtirilgan quvg‘inlar natijasi ekanligini isbotlab berdi [4]. Ayni paytda, Avi Shlaym maxfiy diplomatik hujjatlar orqali sionistik yetakchilar va Iordaniya qiroli Abdulloh o‘rtasida Falastin hududini bo‘lib olish va mustaqil Falastin davlati tuzilishining oldini olishga qaratilgan «maxfiy kelishuv» bo‘lganligini fosh etdi [7]. Yana bir taniqli revizionist Ilan Pappe esa arxiv ma’lumotlari yordamida 1948-yilgi harbiy kuchlar nisbati haqidagi «David va Goliaf» afsonasini inkor etib, Isroil kuchlari aslida tarqoq arab qo‘shinlaridan ham harbiy, ham kadrlar salohiyati jihatidan ancha ustun bo‘lganligini ta’kidladi [5].

2000-yildan keyingi davr: Neo-sionizm va global tanqid

2000-yilda Kemp-Devid tinchlik sammitining barbod bo‘lishi va ikkinchi Intifadaning boshlanishi Isroil akademik hamda siyosiy muhitida keskin o‘zgarishlarga olib keldi. Ushbu davrda tarixnavislik sof empirik tortishuvlardan chiqib, chuqur mafkuraviy, sotsiologik va global miqyosdagi qutblanishni boshidan kechirdi. Oren Yiftaxel va Barux Kimmerling kabi olimlar an’anaviy demokratik paradigmalarni inkor etgan holda, Isroilni «etnokratiya» va «ko‘chmanchi-mustamlaka» davlati sifatida tasniflovchi yangi tanqidiy maktabga asos soldilar [8; 1]. Bu yondashuvga ko‘ra, Isroil davlat mexanizmi barcha fuqarolarga teng huquq berish o‘rniga, hududlar va resurslarni «yahudiylashtirish» siyosati orqali bir etnik guruhning ustunligini ta’minlashga xizmat qiladi.

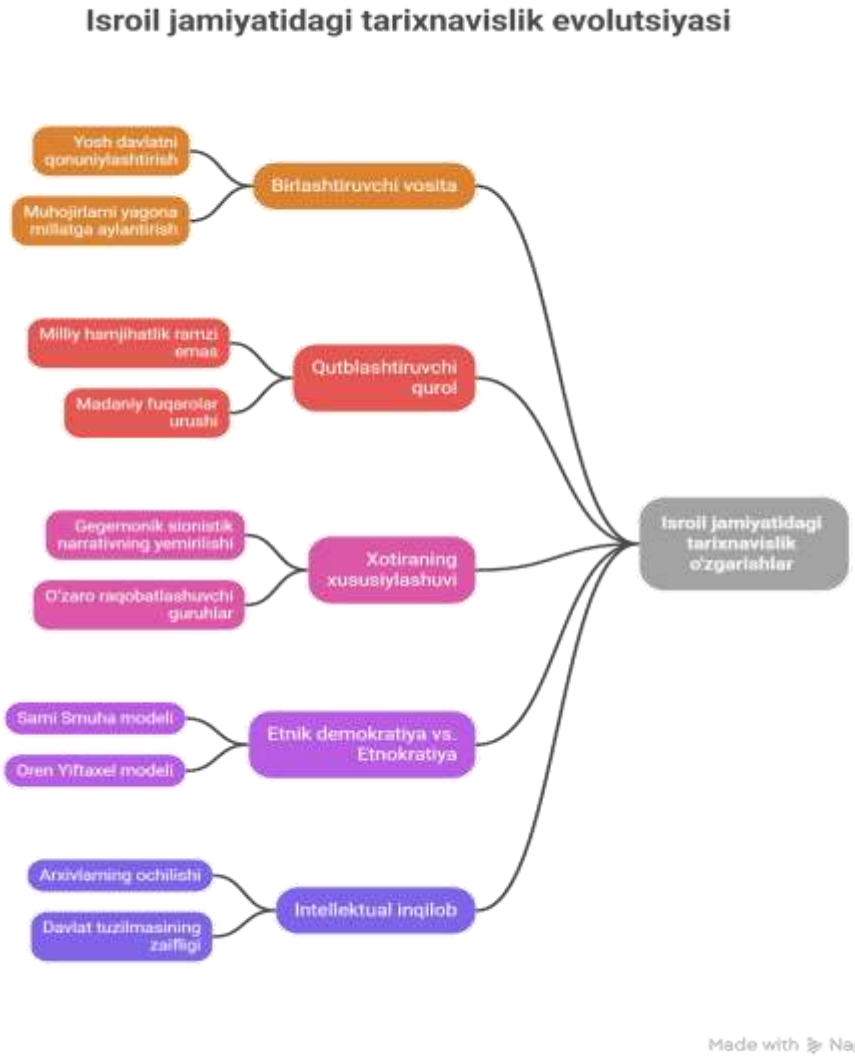
(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Shuningdek, gegemonik ashkenazi elitasining siyosatini tanqid qiluvchi mizrahi yahudiylarning intellektual harakati kuchaydi. Yehuda Shenxav va Ella Shohat kabi olimlar ashkenazi yevrosentrizmi mizrahilarni o‘z madaniyatidan ajratib, ularni «sionizmning ichki qurbonlari»ga aylantirganini ta’kidladilar [9]. Biroq, «Yangi tarixchilar» va tanqidiy sotsiologlarning bunday radikal yondashuvlariga javoban, akademik doiralarda kuchli neonatsionalistik reaksiya yuzaga keldi. Efraim Karsh va Yoram Xazoni kabi mualliflar «Yangi tarixchilar»ni tarixni qasddan soxtalashtirishda va davlatning mavjudlik huquqini xavf ostiga qo‘yishda ayblab, ommaviy xotirada dastlabki sionistik qahramonlik dostonlarini qayta tiklashga va revizionist ilmiy xulosalarni marginallashtirishga urindilar [10; 11]. Natijada, ushbu davr tarixnavisligi jamiyatning chuqur bo‘linishi va tarixiy haqiqat ustidagi tinimsiz madaniy urushlar maydoniga aylanib qoldi.

MUHOKAMA

Ushbu maqolada tahlil qilingan tarixnavislikdagi siljishlar shunchaki akademik doiralardagi nazariy bahslar bo‘lib qolmay, balki Isroil jamiyatining o‘z-o‘zini anglashidagi chuqur ijtimoiy-siyosiy o‘zgarishlarning bevosita in’ikosidir. Dastlabki davrda tarix yosh davlatni qonuniylashtiruvchi va dunyoning turli burchaklaridan kelgan muhojirlarni yagona millatga aylantiruvchi «birlashtiruvchi vosita» sifatida xizmat qilgan edi. Biroq bugungi kunga kelib u o‘zining birlashtiruvchi funksiyasini to‘liq yo‘qotdi va jamiyatni qutblashtiruvchi qurolga aylandi. Zamonaviy Isroilda tarix milliy hamjihatlik ramzi emas, balki davlatning etnik tarkibi, hududiy nazorati va hatto uning mintaqada mavjud bo‘lish huquqi ustida borayotgan qizg‘in «madaniy fuqarolar urushi» maydoniga aylangan [12].

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Bu jarayon sotsiologlar tomonidan jamiyatdagi «xotiraning xususiylashuvi» deb ataladi [13; 1]. Gegemonik sionistik narrativning yemirilishi natijasida Isroil jamiyati o‘zaro raqobatlashuvchi va har biri o‘zining mutlaq tarixiy haqiqatiga ega bo‘lgan alohida norasmiy «qabilalar»ga bo‘linib ketdi. Bugungi kunda dunyoviy ashkenazi elitasi, uzoq yillar marginallashgan Mizrahi yahudiylari, falastinliklar va dindor ultra-ortodoks guruhlari o‘rtasida o‘tmishni talqin qilish bo‘yicha hech qanday umumiy konsensus mavjud emas. Har bir guruh o‘zining hozirgi ijtimoiy, iqtisodiy va siyosiy da’volarini oqlash uchun avtonom tarixiy xotirasidan foydalanmoqda. Masalan, mizrahi jamoasi Isroil tarixini g‘urur manbai sifatida emas, balki davlatning dastlabki yillaridagi tizimli diskriminatsiya va ashkenazi yevrosentrizmining qurboni bo‘lganlik qismati orqali talqin etsa, arab fuqarolari 1948-yil voqealarini mustaqillik urushi sifatida emas, balki faqat fojia — «Nakba» sifatida xotirlaydilar [14].

Tarixnavislikdagi ushbu parchalanish va tafovutlar bevosita Isroil davlatining siyosiy tabiati borasidagi yirik akademik bahslar bilan, xususan, «etnik demokratiya» va «etnokratiya» modellari o‘rtasidagi diskurs bilan chambarchas bog‘langan. Sami Smuha tomonidan ilgari surilgan «etnik demokratiya» modeli Isroilni o‘zining ozchiliklariga (xususan, falastinliklarga) rasmiy fuqarolik huquqlarini beruvchi, ammo ochiqdan-ochiq yahudiy ko‘pchilikning ustunligi va madaniyatini saqlab qoluvchi qonuniy davlat sifatida tasniflaydi [15]. Biroq, «Yangi tarixchilar» fosh etgan arxiv dalillariga tayanuvchi tanqidiy maktab vakillari, jumladan Oren Yiftaxel, bu ta’rifni keskin inkor etib, davlatni «etnokratiya» deb atashni ilmiy jihatdan to‘g‘riroq deb hisoblaydilar. Etnokratik modelga ko‘ra, Isroilning tarixiy va siyosiy mexanizmi barcha fuqarolarning tengligiga emas, balki hududlarni tizimli ravishda «yahudiylashtirish», yerni eksapropriatsiya qilish va

hokimiyatni bitta dominant etno-millat foydasiga qat’iy taqsimlashga qaratilgan [8].

Arxivlarning ochilishi tufayli boshlangan intellektual inqilob tarix fanining chegaralaridan chiqib, davlat tuzilmasining qanchalik zaif va bo‘lingan ekanligini fosh etdi. Agar an’anaviy yondashuv o‘tmishni monolit va mukammal demokratik qiyofada ko‘rsatishga uringan bo‘lsa, bugungi kungi ko‘p qutbli tarixnavislik Isroilning o‘zini o‘zi anglashidagi hal qilib bo‘lmaydigan ziddiyatlarni, davom etayotgan mustamlaka oqibatlarini hamda chuqur ijtimoiy tengsizlikni ifoda etuvchi asosiy intellektual ko‘zguga aylangan. Ushbu madaniy to‘qnashuvlar Isroil tarixi har kuni Isroil ko‘chalarida, saylov uchastkalarida hamda qonunchilik organlarida qaytadan yozilayotganini tasdiqlaydi.

XULOSA

Ushbu maqolada keltirilgan tahlillar shuni ko‘rsatadiki, 1948-yildan 2025-yilgacha bo‘lgan davrda Isroil tarixnavisligi o‘zining asl vazifasi – yosh davlatni qonuniylashtirish va yagona millatni shakllantirishdan to‘xtab, o‘zaro raqobatlashuvchi narrativlar to‘qnashadigan o‘ta murakkab maydonga aylandi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Dastlabki yillarda siyosiy va akademik doiralarda hukmronlik qilgan «asoschi qahramonlik» va yagona «eritish qozoni» paradigmalari jamiyatning barcha qatlamlarini bitta umumiy sionistik mafkura ostida birlashtirishga xizmat qilgan edi. 1980-yillarda arxivlarning deklassifikatsiya qilinishi va «Yangi tarixchilar»ning ilmiy maydonga chiqishi natijasida bu monolit xotira parchalana boshladi.

Tarixiy obektivlikka qaratilgan bu intilish nafaqat 1948-yilgi urush va Falastin qochqinlari muammosining an’anaviy talqinini o‘zgartirdi, balki Isroil jamiyatining o‘zidagi chuqur ijtimoiy-etnik ziddiyatlarni ham ochib berdi. Ashkenazi gegemoniyasi, mizrahi yahudiylarning marginallashuvi va falastinlilarning tizimli ravishda istisno qilinishi kabi masalalar tarixiy muhokamalarning markaziga chiqdi. Natijada, yagona madaniyatli millat o‘rnini o‘tmishni turlicha talqin qiluvchi tarqoq guruhlardan iborat «mozaik jamiyat» egalladi.

Bugungi kunga kelib, Isroilda tarix faqatgina o‘tmishni aks ettiruvchi ko‘zgu emas, balki ijtimoiy qutblanish, etno-milliy populizm va davlat tuzilmasining tabiati ustidagi qizg‘in bahslarning siyosiy qurolidir. Isroil jamiyati endilikda umummilliy konsensusga emas, balki qismlarga bo‘lingan, bir-birini inkor etuvchi turli guruhlar xotiralariga tayanmoqda. Shu tariqa, Isroil tarixnavisligining evolyutsiyasi zamonaviy Isroilning nafaqat o‘tmishini, balki uning o‘ta nozik, parchalangan va ziddiyatli bugungi holatini tushunish uchun ham eng asosiy kalit bo‘lib xizmat qiladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Kimmerling B. The Invention and Decline of Israeliness: State, Society and the Military. – Berkeley : University of California Press, 2001. – 301 p.
2. Shapira A. Israel: A History. – Waltham : Brandeis University Press, 2012. – 520 p.
3. Ram U. Zionist Historiography and the Invention of Modern Jewish Nationhood: The Case of Ben Zion Dinur // History and Memory. – 1995. – Vol. 7, № 1. – P. 91–124.
4. Morris B. The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 380 p.
5. Pappé I. The Ethnic Cleansing of Palestine. – Oxford : Oneworld, 2006. – 313 p.
6. Ram U. The Future of the Past in Israel: A Sociology of Knowledge Approach // Making Israel / ed. by B. Morris. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2007. – P. 202–228.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

7. Shlaim A. Collusion Across the Jordan: King Abdullah, the Zionist Movement, and the Partition of Palestine. – Oxford : Clarendon, 1988. – 676 p.
8. Yiftachel O. Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2006. – 350 p.
9. Ottman E. T. A Question of Historiography: The «New Historians» of Israel // Ritsumeikan Annual Review of International Studies. – 2008. – Vol. 7. – P. 55–67.
10. Karsh E. Fabricating Israeli History: The «New Historians». – London : Frank Cass, 1997. – 210 p.
11. The Oxford Handbook of Israeli Politics and Society / ed. by R. Y. Hazan [et al.]. – New York : Oxford University Press, 2021. – 928 p.
12. Diner D. Cumulative Contingency: Historicizing Legitimacy in Israeli Discourse // History and Memory. – 1995. – Vol. 7, № 1. – P. 147–170.
13. Gelber Y. Nation and History: Israeli Historiography and Identity Between Zionism and Post-Zionism. – London : Vallentine Mitchell, 2011. – 280 p.
14. Gelber Y. The History of Zionist Historiography: From Apologetics to Denial // Making Israel / ed. by B. Morris. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2006. – P. 47–80.
15. Smooha S. The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // Nations and Nationalism. – 2002. – Vol. 8, № 4. – P. 475–503.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

TURKIYADA HARBIY-SIYOSIY MEROS VA MILLIY DAVLAT SHAKLLANISHIDA ARMIYANING ROLI

Fayzullayev Adham Aktam o‘g‘li
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi kafedrasi o‘qituvchisi
E-mail: fayzullayevadham38@gmail.com
Tel: (91) 954-52-36

Annotatsiya: *Mazkur maqolada Turkiya milliy davlatining shakllanish jarayonida harbiy-siyosiy merosning tutgan o‘rni hamda armiyaning siyosiy institut sifatidagi transformatsiyasi tahlil qilinadi. Tadqiqotda Usmonli imperiyasi davridan boshlab armiyaning jamiyatni modernizatsiya qiluvchi elita sifatida shakllanishi, “harbiy vasiylik” (askerî vesayet) tizimining vujudga kelishi va uning mafkuraviy asoslari yoritilgan. Shuningdek, 1919-1923-yillardagi Milliy ozodlik kurashi davrida Anqara hukumatining tashkil topishi, Sevr shartnomasining turk milliy ongiga ta’siri hamda Mustafo Kamol rahbarligidagi harbiy-siyosiy islohotlarning zamonaviy turk davlatchiligi shakllanishidagi ahamiyati tadqiq etiladi.*

Kalit so‘zlar: *Harbiy-siyosiy meros, milliy ozodlik harakati, Sevr sindromi, modernizatsiya, milliy davlat.*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРЦИИ И РОЛЬ АРМИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Файзуллаев Адҳам Актам ўғли
Ташкентский государственный университет востоковедения
Преподаватель Кафедры истории и антропологии стран Востока
E-mail: fayzullayevadham38@gmail.com
Tel: (91) 954-52-36

Аннотация: *В данной статье анализируется роль военно-политического наследия в процессе формирования турецкого национального государства, а также трансформация армии как политического института. В исследовании рассматривается процесс становления армии в качестве модернизирующей элиты общества начиная с периода Османской империи, формирование системы «военной опеки» (askerî vesayet) и её идеологические основы. Наряду с этим изучаются создание анкаринского правительства в*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

годы Национально-освободительной борьбы 1919-1923 годов, влияние Севрского договора на турецкое национальное сознание, а также значение военно-политических реформ под руководством Мустафы Кемаля в становлении современной турецкой государственности.

Ключевые слова: *военно-политическое наследие, национально-освободительное движение, Севрский синдром, модернизация, национальное государство.*

THE MILITARY-POLITICAL LEGACY OF TURKEY AND THE ROLE OF THE ARMY IN THE FORMATION OF THE NATION-STATE

Fayzullayev Adham Aktam ugli
Tashkent State University of Oriental Studies
Lecturer of the Department of History and Anthropology of Eastern Countries
E-mail: fayzullayevadham38@gmail.com
Tel: (91) 954-52-36

Abstract: *This article analyzes the role of the military-political legacy in the formation of the Turkish nation-state and examines the transformation of the army into a political institution. The study explores the emergence of the military as a modernizing elite since the Ottoman period, the formation of the system of “military guardianship” (askerî vesayet), and its ideological foundations. Furthermore, the article investigates the establishment of the Ankara government during the National Liberation Struggle of 1919-1923, the impact of the Treaty of Sèvres on Turkish national consciousness, and the significance of the military-political reforms led by Mustafo Kamol in the formation of modern Turkish statehood.*

Keywords: *military-political legacy, national liberation movement, Sèvres syndrome, modernization, nation-state.*

KIRISH (ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION)

Turkiya davlatchiligi tarixida harbiylar jamiyat va davlat hayotida alohida mavqega ega bo‘lgan institutlardan biri hisoblanib, nafaqat mudofaa tizimida balki davlat qurilishi va siyosiy modernizatsiyaning muhim subyekti sifatida shakllangan. Usmonli imperiyasining harbiy ekspansiya asosida vujudga kelgani hamda davlatni saqlab qolishga qaratilgan islohotlarning asosan armiya orqali amalga oshirilgani Turkiyada o‘ziga xos harbiy-siyosiy madaniyatning shakllanishiga zamin yaratdi.

Mazkur tarixiy meros natijasida harbiylar o‘zlarini “milliy manfaatlar posboni” va davlat asoslarining himoyachisi sifatida talqin qila boshladilar.

XX asr boshlarida imperiyaning siyosiy inqirozi va Birinchi jahon urushidan keyingi hududiy parchalanish xavfi sharoitida harbiy elita siyosiy jarayonlarda faol ishtirok eta boshladi. Otaturk rahbarligidagi milliy harakat armiya va xalq birligini ta’minlash orqali nafaqat mustaqillik uchun kurash olib bordi, balki teokratik monarxiyadan dunyoviy respublika tizimiga o‘tishning institutsional asoslarini ham shakllantirdi. Shu nuqtayi nazardan, mazkur maqolaning asosiy maqsadi Turkiyada armiyaning siyosiy jarayonlardagi o‘rnini tarixiy retrospektiv yondashuv asosida tahlil qilish hamda uning milliy davlat shakllanishidagi fundamental rolini yoritishdan iboratdir.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METOD (ЛИТЕРАТУРА И МЕТОД / LITERATURE REVIEW)

Turkiyada armiyaning siyosiy tizimdagi o‘rni, uning tarixiy shakllanishi va davlat boshqaruvidagi ta’siri masalasi turli tadqiqotchilar tomonidan keng o‘rganilgan. Xususan, Umit Cizre, Ahmet Kutay, Feroz Ahmad, Halil Akay kabi tadqiqotchilar ishlarida Turk armiyasining siyosiy avtonomiyasi, Kamolistik mafkura bilan bog‘liqligi va milliy davlat shakllanishidagi roli tahlil qilingan. Shuningdek, turk tadqiqotchilarining ishlarida Milliy ozodlik kurashi, TBMMning tashkil topishi va armiyaning siyosiy legitimatsiyadagi o‘rni keng yoritilgan.

Mazkur maqolada tarixiylik, tizimlilik va qiyosiy-tahliliy yondashuv metodlaridan foydalanildi. Tadqiqot davomida Usmonli imperiyasining so‘nggi davri, Milliy ozodlik harakati hamda Turkiya Respublikasining shakllanish bosqichiga oid ilmiy adabiyotlar va tarixiy manbalar tahlil qilindi. Shuningdek, armiyaning siyosiy institut sifatidagi transformatsiyasini yoritishda tarixiy retrospektiv hamda institutsional yondashuvlardan foydalanildi.

MUHOKAMA (ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION)

XVIII–XIX asrlarga kelib Usmonli imperiyasida davlat boshqaruvi zaiflashib, markaziy hokimiyat armiyaning ichki siyosatga aralashuvini nazorat qila olmay qoldi. Ayniqsa, Yanicharlar va ulamolar ittifoqi islohotlarga qarshilik ko‘rsatib, sultonga tahdid soluvchi siyosiy kuchga aylandi. Shu bois davlatni modernizatsiya qilishga qaratilgan islohotlar, avvalo, armiyadan boshlandi. Natijada G‘arb uslubidagi qurollanish, harbiy intizom va tashkiliy boshqaruv tamoyillari joriy etildi.

Nemis harbiy nazariyotchisi Colmar von der Goltz g‘oyalari, ayniqsa uning Das Volk in Waffen asari Usmonli harbiy elitasiga kuchli ta’sir ko‘rsatdi. Ushbu qarashlarga ko‘ra, armiya oddiy harbiy kuch emas, balki jamiyatni yo‘naltiruvchi va

davlatni modernizatsiya qiluvchi elita sifatida talqin qilindi. Bu mafkura Usmoniy Harbiy Akademiyalarida[1] keng yoyilib, harbiylar o‘zlarini vatan qutqaruvchilari sifatida anglashga undagan[2]. Ayni shu davrdan armiya o‘zini jamiyatni modernizatsiya qiluvchi kuch sifatida ko‘ra boshladi.

Ofitserlar maktablarida tahsil olgan yangi harbiy elita davlatni zamonaviylashtirish, milliy ongni shakllantirish va siyosiy inqirozlar vaqtida tartibni tiklashni o‘z vazifasi deb bildi. Shu bois, armiyaning siyosiy ta’siri tobora kuchayib bordi. Harbiylar asta-sekin siyosiy kuchlarning ustiga chiqib, o‘zlarini millat manfaatlarini ifodalovchi vosita sifatida ko‘rsatdilar[3].

Turk Qurolli Kuchlari tarixan aynan shu o‘z-o‘zini anglash asosida shakllandi. Ular o‘zlarini konstitutsiya va siyosiy rejimning posboni sifatida ko‘rib, siyosiy beqarorlik sharoitida demokratiya ustidan nazoratni o‘z zimmasiga olishga intildi. Armiya faqat mudofaa vazifasi bilan cheklanmay, ichki siyosat, konstitutsiyaviy tuzilma va ijtimoiy barqarorlikni ham muhim yo‘nalish sifatida ko‘rdi. Bu yondashuv keyinchalik Otaturk mafkurasi va Turkiya Respublikasi siyosiy modeli shakllanishida asosiy konseptual poydevorlardan biri bo‘lib xizmat qildi[4].

Usmonli imperiyasida jamiyat *askeri* (hukmron qatlam) va *reaya* (bo‘ysunuvchi aholi)ga bo‘lingan bo‘lib, harbiylar hukmron sinfning muhim qismini tashkil etgan. Armiya davlatning siyosiy va ma’muriy boshqaruv tizimida markaziy o‘rin egallagan. XIX asrga kelib harbiy islohotlar va g‘arbcha ta’lim ta’sirida ofitserlar o‘zlarini jamiyatni modernizatsiya qiluvchi elita sifatida ko‘ra boshladilar[5]. Usmonli siyosiy an’anasida harbiy qatlam davlat boshqaruvi bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, saroy soqchilari (kapıkulu) va sipohiylar markaziy hokimiyatning asosiy tayanch kuchlari sifatida faoliyat yuritgan[6].

Turkiya armiyasi siyosiy jarayonlarga aralashuvini aynan shu tarixiy o‘zlik orqali oqlab kelgan, ya’ni u o‘zini doim siyosatdan ustun turuvchi davlatning asosiy tayanchi sifatida talqin qilgan. Bu yondashuv harbiy mafkurani legitimlashtiruvchi doimiy asos vazifasini bajargan.

XIX asr islohotlar davrida armiya nafaqat islohot obyekti, balki uning faol subyekti sifatida ham namoyon bo‘ldi. 1826-yilda Sulton Mahmud II tomonidan Yanicharlar korpusining tugatilishi va o‘rniga Yevropa uslubidagi zamonaviy armiyaning shakllantirilishi ushbu jarayonning muhim nuqtalaridan biri bo‘ldi[7].

Nemis harbiy nazariyotchisi Goltz g‘oyalari ta’sirida Usmonli harbiy elitasida armiyani jamiyatni nafaqat himoya qiluvchi, balki unga mafkuraviy yo‘nalish beruvchi institut sifatida talqin qilish kuchaydi. Bu qarashlar ayniqsa 1908-yilgi Yosh turklar inqilobi davrida yaqqol namoyon bo‘ldi. Ittihod va Taraqqiy jamiyati

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

(Committee of Union and Progress) armiyani siyosiy safarbarlikning asosiy tayanchiga aylantirdi. Dastlab intellektual harakat sifatida shakllangan ushbu tashkilot 1907-yildan keyin yarim harbiy (paramilitar) tuzilma xususiyatini kasb etib, siyosiy bosim o‘tkazish vositasiga aylandi.

Shu bilan birga, ayrim yuqori martabali harbiylarning viloyatlarga bir vaqtning o‘zida ham qo‘mondon, ham fuqarolik gubernatori sifatida tayinlanishi armiyaning davlat boshqaruvidagi mavqeini yanada kuchaytirdi. Natijada Mustafo Kamol Otaturk davrigacha bo‘lgan tarixiy bosqichda armiya oddiy harbiy institut emas, balki siyosiy jarayonlarning faol ishtirokchisi va davlat tizimining muhim tayanchlaridan biri sifatida shakllandi.

NATIJALAR (РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS)

Mudros sulhidan so‘ng Suriyadan Istanbulga qaytgan Otaturk “Dushman qanday kelsa, shunday ketadi” mazmunidagi bayonotlari orqali mustamlakachilarga qarshi qat’iy pozitsiyasini namoyish etdi[8]. 1919-yil 15-mayda yunon qo‘shinlarining Izmirga kirib kelishi Turkiyada milliy qarshilik harakatining kuchayishiga turtki bo‘ldi. Ushbu voqeadan so‘ng G‘arbiy Anatoliyada Milliy ozodlik kuchlari (“Quvvai Milliye”) nomi bilan tanilgan milliy ozodlik guruhlari shakllana boshladi. Dastlab mahalliy partizan otryadlari sifatida faoliyat yuritgan bu tuzilmalar keyinchalik milliy kurashning asosiy tayanch kuchlaridan biriga aylandi. Ayrim usmonli zobitlari yashirin ravishda hududlarga o‘tib, mahalliy vatanparvar kuchlarni tashkil etish va birlashtirish bilan shug‘ullandilar. Natijada milliy ozodlik harakati avval G‘arbiy Anatoliyada shakllanib, keyinchalik Otaturk rahbarligida umumturk qarshilik harakatiga aylandi.

1919-yil 30-aprelda To‘qqizinchi armiya inspeksiyasi qo‘mondoni etib tayinlangan Otaturkning boshqaruv markazi Erzurumda joylashgan edi. Otaturk Samsunga yo‘l olishidan avval sulton Mehmed VI bilan uchrashdi. Samsun va Kavkaz hududlarida ingliz harbiy kuchlari mavjud bo‘lishiga qaramay, mintaqadagi siyosiy vaziyat murakkab edi. Ana shunday sharoitda u Anatoliyada milliy qarshilik harakatini tashkillashtirish jarayonini boshladi.

Otaturk 1919-yil 19-mayda Samsunga yetib kelgach, shakllanayotgan milliy qarshilik harakatining siyosiy va harbiy imkoniyatlarini baholadi. Shundan so‘ng mavjud qarshilik kuchlarini yagona markaz atrofida birlashtirish va milliy kurashni muvofiqlashtirish siyosatini olib bordi. U harbiy qismlar bilan aloqa o‘rnatib, ularni Antanta davlatlari cheklovlariga bo‘ysunmaslikka hamda milliy harakatni qo‘llab-quvvatlashga chaqirdi. Bu jarayon Istanbul va Anatoliyaning boshqa hududlarida ham norozilik kayfiyatining kuchayishiga sabab bo‘ldi[9].

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Milliy kurashning dastlabki bosqichida Rauf Orbay va Bekir Sami Kunduh kabi siyosiy va harbiy arboblar Otaturkning yaqin hamkorlari sifatida faoliyat yuritdilar. Xususan, Rauf Orbay Shimoliy-Sharqiy Anatoliyadagi cherkes jamoalari bilan aloqalarni mustahkamlash orqali mahalliy kuchlarni milliy harakat doirasida birlashtirishga xizmat qildi.

1920-yil boshlariga kelib Antanta davlatlarining Istanbul va Anatoliyadagi bosimi yanada kuchaydi. Fevral oyida yunon qo‘shinlarining Anatoliyaga joylashtirilishi va Britaniya O‘rta yer dengizi flotining Istanbulga kirib kelishi siyosiy vaziyatni keskinlashtirdi. Mart oyidan boshlab Istanbuldagi millatchi deputatlarning hibsga olinishi, Anqara bilan temir yo‘l aloqalarining uzilishi hamda ingliz va fransuz harbiy qismlarining qayta joylashtirilishi markaziy inqirozni yanada chuqurlashtirdi.

1920-yil 16-martda Istanbul telegrafisti Hamdi Bey Anqaraga ingliz qo‘shinlari tomonidan Istanbuldagi muhim davlat binolari va harbiy obyektlarning egallab olingani haqida xabar yubordi. Shundan so‘ng shaharda harbiy holat e’lon qilindi. 18-martda Deputatlar palatasi faoliyati to‘xtatildi, milliy harakat tarafdorlari hibsga olinib, bir qismi Malta oroliga surgun qilindi.

10-aprelda Shayxulislom Durrizoda Abdulloh milliy harakatga qarshi fatvo e’lon qildi. Bunga javoban Anqara muftiysi Rifat afandi qarshi fatvo chiqarib, xalifaning bosqinchi kuchlar nazoratida ekanini va milliy qarshilik harakati qonuniyligini ta’kidladi. Ushbu fatvoni yuzlab diniy ulamolar qo‘llab-quvvatladi. Shu davrda Istanbul harbiy sudi Otaturkni sirtdan o‘lim jazosiga hukm qildi. Natijada Istanbul hukumati va Anqara milliy harakati o‘rtasidagi qarama-qarshilik ochiq siyosiy va harbiy ziddiyat darajasiga ko‘tarildi[10].

1920-yil bahoriga kelib Usmonli imperiyasi chuqur siyosiy inqirozga yuz tutdi. 11-aprel kuni sulton parlamentni tarqatdi, Istanbulda harbiy sudlar, senzura va politsiya nazorati kuchaytirildi. 5-aprelda Solih poshsho iste’fosidan so‘ng Damad Farid boshchiligida yangi hukumat tuzilib, u milliy ozodlik harakatiga qarshi kurashni kuchaytirdi.

Istanbul parlamentining tarqatilishiga javoban Otaturk rahbarligidagi Vakillar qo‘mitasi Anqarada yangi parlament chaqirish tashabbusini ilgari surdi. Unda Istanbuldan qochib kelgan vatanparvar deputatlar va yangi saylangan vakillar ishtirok etdi. Bu jarayon Turkiya tarixida birinchi inqilobiy muvaqqat hokimiyat shakllanishiga zamin yaratdi. Ko‘plab harbiylar, jurnalistlar va amaldorlar, jumladan Ismat bey, yashirin ravishda Anqaraga o‘tdi. Urush sharoiti sabab ayrim hududlarda vakillar bevosita mahalliy hokimiyatlar tomonidan tayinlandi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Shu tariqa Anqara ozodlik harakatining siyosiy markaziga aylandi. 1920-yil 23-aprelda TBMM (Turkiya Buyuk Millat Majlisi) ochildi. Birinchi majlisda taxminan 115 deputat ishtirok etdi. Keyinchalik viloyatlardan saylangan vakillar va Istanbul ishg‘olidan so‘ng Anqaraga kelgan deputatlar hisobiga parlament tarkibi kengaydi. Saylov jarayoni urush sharoiti sabab tartibsiz kechib, ayrim hududlarda an’anaviy saylovlar, ayrim joylarda esa vakillarni bevosita tayinlash orqali amalga oshirildi[11].

1920-yil boshlariga kelib Usmonli imperiyasining siyosiy tizimi chuqur inqirozga yuz tutdi. Istanbuldagi markaziy hokimiyat Antanta davlatlari nazorati ostida zaiflashib bordi, milliy harakat esa Anqarada shakllanayotgan siyosiy markaz atrofida birlashdi. 16-martda Meclis-i Mebusanning bosib olinishi va deputatlarning surgun qilinishi Usmonli parlament tizimining amaliy faoliyatini tugatdi hamda siyosiy markazning Istanbuldan Anqaraga ko‘chishini tezlashtirdi.

1920-yil 24-aprelda Mustafo Kamol Otaturk TBMM raisi etib saylandi. Bu voqea milliy qarshilik harakatining siyosiy jihatdan markazlashgan tuzilmaga aylanganini ko‘rsatdi va davlat hokimiyatining yangi shakli uchun institutsional asos yaratdi. Keyingi bosqichda TBMM ijroiya hokimiyatini shakllantirib, Anqara hukumatini haqiqiy siyosiy markazga aylantirdi.

Shu jarayonda Istanbul hukumati Anqara rahbariyatiga nisbatan keskin qarshilik bildirib, sirtdan o‘lim hukmi chiqardi. TBMM esa xalqaro maydonda qo‘llab-quvvatlash izlab Sovet Rossiyasi bilan diplomatik aloqalarni yo‘lga qo‘ydi, bu esa yangi siyosiy tuzilmaning tashqi legitimatsiyasini kuchaytirdi.

Ichki siyosatda esa Otaturk boshchiligidagi “Mudafaa-i Hukuk” harakati markazlashgan boshqaruvni qo‘llab-quvvatlagan bo‘lsa, “Ikkinchi guruh” unga muxolif pozitsiyani egalladi. Bu qarama-qarshilik yangi davlat shakllanishining murakkab siyosiy jarayon ekanini ko‘rsatdi.

1920-yil iyuniga kelib TBMM sulton hukumatining qarorlarini bekor qilib, ichki qarshilik va qo‘zg‘olonlarga qarshi kurashni kuchaytirdi. Mahalliy qurolli guruhlar asosida muntazam harbiy bo‘linmalar tuzildi va ular ichki isyonlarni bostirishda muvaffaqiyatga erishdi[12].

Shu bilan birga Izmit yarim orolida joylashgan ingliz harbiy kuchlariga qarshi ham amaliyotlar olib borildi, biroq Antanta ustunligi sabab milliy kuchlar bu hududdan chekinishga majbur bo‘ldi. Janubiy frontda fransuz nazorati ostidagi hududlarda qarshilik harakati davom etib, Kuva-yi Milliye Marash va Urfa shaharlarini nazoratga oldi, Antepda esa shahar mudofaasi uzoq davom etdi. Shu davrda Adana va Mersin hududlarida ham milliy qarshilik faollashdi.

1920-yil 22-iyunda yunon qo‘shinlari butun front bo‘ylab keng ko‘lamli hujum boshladi. Britaniya tomonidan qo‘llab-quvvatlangan yunon armiyasi Izmir orqali Anatoliya ichkarisiga kirib bordi va Sharqiy Frakiyada Edirnani egalladi. Bu holat TBMM oldida muntazam milliy armiya shakllantirish zaruratini keskin kuchaytirdi hamda Anqaradagi milliy harakatning bosqichma-bosqich markazlashgan harbiy-siyosiy tuzilmaga aylanishiga olib keldi[13].

Ushbu murakkab harbiy-siyosiy sharoit natijasida 1920-yil 10-avgustda Sevr shartnomasi imzolandi. Shartnomaga ko‘ra, Istanbuldan tashqari deyarli butun Sharqiy Anatoliya Gretsiyaga berilishi, Turkiya esa Markaziy Anatoliyaning cheklangan hududlari bilan cheklanishi nazarda tutilgan edi. Shuningdek, davlatning qurolsizlantirilishi, moliyaviy tizimning Antanta nazoratiga o‘tkazilishi va harbiy kuchlarning keskin qisqartirilishi belgilandi. Bu holat Turkiya suverenitetini yo‘q qilishga qaratilgan siyosiy loyiha sifatida baholandi.

Sevr shartnomasi Turkiyaning mustaqil davlat sifatida mavjudligini amalda yo‘qqa chiqarish xavfini tug‘dirdi. Aynan shu tahdid milliy ongda chuqur tarixiy travma sifatida shakllanib, keyinchalik “Sevr sindromi” deb ataluvchi siyosiy-psixologik tushunchaning paydo bo‘lishiga asos bo‘ldi. Bu esa turk jamiyatida milliy qarshilik, suverenitetni himoya qilish va armiyaning davlatni saqlashdagi rolini yanada kuchaytirdi[14].

1923-yil 29-oktabrda respublika e’lon qilingach, davlat rahbari etib saylangan Mustafo Kamol Otaturk fransuz jurnalisti Moris Pernoga bergan intervyusida Turkiyaning yangi yo‘nalishini ifodalab, “bizning siyosatimiz, bizning an’analarimiz, bizning intilishlarimiz bilan Turkiya endi Yevropa davlati bo‘ldi” mazmunidagi fikrni bildiradi. Ushbu qarash yangi turk davlatida amalga oshirilgan siyosiy va ijtimoiy islohotlarning g‘arbona modernizatsiya hamda milliy davlat qurilishi tamoyillariga asoslanganini ko‘rsatadi.

Umuman olganda, 1920-1923-yillardagi milliy ozodlik kurashi va unga hamroh bo‘lgan siyosiy transformatsiyalar Turkiyada yangi davlat tizimining shakllanishida hal qiluvchi ahamiyat kasb etdi. Mazkur jarayonda armiya nafaqat harbiy kuch, balki milliy birlikni ta’minlash, siyosiy hokimiyatni markazlashtirish va davlat suverenitetini mustahkamlashda muhim institut sifatida namoyon bo‘ldi.

XULOSA (ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION)

Turkiya tarixiy taraqqiyoti tajribasi shuni ko‘rsatadiki, armiya mamlakat siyosiy tizimida nafaqat harbiy institut, balki davlat qurilishi va modernizatsiya jarayonlarining muhim subyekti sifatida shakllangan. Usmonli imperiyasining so‘nggi davridan boshlab armiyaning davlat boshqaruvi bilan chambarchas bog‘liq

holda rivojlanishi harbiy-siyosiy merosning shakllanishiga zamin yaratdi. Ayniqsa, XIX asrdagi harbiy islohotlar va g‘arbona modernizatsiya jarayonlari natijasida ofitserlar korpusi o‘zini jamiyatni modernizatsiya qiluvchi elita sifatida anglay boshladi.

XX asr boshlarida imperiyaning inqirozi va tashqi bosimlarning kuchayishi sharoitida harbiy elita milliy ozodlik harakatining asosiy tayanch kuchiga aylandi. Mustafo Kamol Otaturk rahbarligidagi Milliy kurash jarayonida armiyaning siyosiy va tashkiliy salohiyati yangi milliy davlatning shakllanishida hal qiluvchi ahamiyat kasb etdi. TBMMning tashkil topishi, Anqara hukumatining shakllanishi va muntazam milliy armiyaning yaratilishi Turkiyada yangi siyosiy tizimning institutsional asoslarini yuzaga keltirdi.

Shuningdek, Sevr shartnomasi va uning Turkiya suverenitetiga tahdid soluvchi mazmuni turk milliy ongida chuqur siyosiy-psixologik ta’sir qoldirdi. Keyinchalik “Sevr sindromi” sifatida talqin qilingan ushbu tarixiy xotira armiyaning o‘zini davlat mustaqilligi va milliy birlikning asosiy himoyachisi sifatida ko‘rishiga mafkuraviy asos bo‘lib xizmat qildi.

Natijada, Turkiya Respublikasining dastlabki bosqichida armiya davlatning siyosiy barqarorligi, dunyoviylik tamoyillari va milliy suverenitetni saqlashda muhim institut sifatida shakllandi. Bu esa keyingi davrlarda Turk armiyasining siyosiy jarayonlardagi ta’sirini tushunishda muhim tarixiy omil hisoblanadi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI (ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES)

1. Savaş G. “Osmanlı Devleti’nde Askerî Eğitim Alanındaki Gelişmeler (19. Yüzyıl)”, Harp Tarihi Dergisi, Sayı 7, Haziran 2023, – S. 121-123.
2. Kutay A. *Turkey: The Rise and Fall of the Influence of the Military in Politics* //Oxford Encyclopedia of the Military in Politics. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 2-3.
3. Sakallıoğlu Ü.C. “The Anatomy of the Turkish Military's Political Autonomy”, Comparative Politics, Vol. 29, No. 2, 1997, – P. 155.
4. Васильев А.Д. Армия в Турции // *История и современность*. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. – № 2. – С. 53.
5. Kutay A. *Civilian and Military Relations in Turkey: A Historical Survey* // CMI Working Paper. – Bergen: Chr. Michelsen Institute, 2016. – P. 7.
6. Akay H. *Askerî Darbeleri Mümkün Kılan Sebepler: Türkiye İncelemesi* // Pearson Journal of Social Sciences and Humanities. – İstanbul: Pearson Akademi, 2022. – Cilt 7, Sayı 21. – S. 68.

7. Ahmad F. *The Making of Modern Turkey*. – London–New York: Routledge, 1993. – P. 4–5.
8. Şahin M. Cumhuriyet’in Temelinin Atılması Yolunda Otaturk’ün Mondros Mütarekesi Sonrası Şişli Günleri//Otaturk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. – Erzurum: Otaturk Üniversitesi, 2015. – Sayı 55. – S. 218.
9. Saraçoğlu S. İngiliz siyasi ve askeri çevrelerinde Mustafa Kemal (Otaturk) algısı. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Tarih Anabilim Dalı, Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Bilim Dalı, 2022. – S. 5.
10. Aydinel S. “Türkiye Büyük Millet Meclisi”, Bütün Dünya jurnali, Başkent Üniversitesi Kültür Yayını, №192297, 2016/04, – S. 55.
11. Doğan A**.** Otaturk döneminde Kâzım Karabekir’in rolü. – İstanbul: İstanbul Topkapı Üniversitesi, Tarih Anabilim Dalı, 2022. – S. 31.
12. Geçikli R.M., Koçak D. “TBMM’nin Açılış Sürecinde Siyasi Yapılanma (Mart-Mayıs 1920)”, Otaturk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, 2022, – S. 116.
13. Ilić S. “Mustafa Kemal Otaturk and the Turkish War of Independence as Reflected in the Contemporary Press of the Kingdom of Yugoslavia 1919-1939”, – S. 2429.
14. Rakov D., Lindenstrauss G. “Lingering suspicions: From the Treaty of Sèvres to Turkey's reaction to the war in Gaza”, 2024, – P. 1-3.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА ГАЗНЕВИДОВ

Махмарайимов Гайрат Дилшод угли
Ташкентский государственный университет востоковедения.
Тел:90 722 33 03

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются особенности военно-политической стратегии государства Газневидов в X–XI веках. Исследование посвящено изучению структуры армии, принципов военной организации, стратегических методов ведения войны и политико-идеологических механизмов, использовавшихся правителями Газневидского государства. Особое внимание уделяется роли тюркской военной традиции, централизованной системе управления войском, мобильности кавалерии и экспедиционному характеру индийской политики султана Махмуда Газневи. Рассматривается использование психологических методов воздействия, религиозной легитимации и прагматических политических подходов в процессе расширения государства. В статье также анализируются сильные и слабые стороны Газневидской военно-политической модели, её адаптивность к различным географическим условиям и причины постепенного ослабления государства. Автор приходит к выводу, что Газневиды сформировали одну из наиболее эффективных моделей раннесредневековой тюркской военной государственности, основанной на сочетании военной силы, политического прагматизма и идеологической легитимации.

Ключевые слова: *Газневиды, Махмуд Газневи, военная стратегия, Хорасан, тюркская государственность, исламская легитимация, Индия, военная организация, кавалерия, психологическая война.*

FEATURES OF THE MILITARY-POLITICAL STRATEGY OF THE GHAZNAVID STATE

Makhmarayimov Gayrat Dilshod ugli
Tashkent state university of oriental studies.
phone:90 722 33 03

ABSTRACT

This article examines the main features of the military-political strategy of the Ghaznavid state in the 10th–11th centuries. The study focuses on the structure of

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

the army, principles of military organization, strategic methods of warfare, and political-ideological mechanisms employed by the rulers of the Ghaznavid Empire. Special attention is paid to the role of Turkic military traditions, the centralized command system, cavalry mobility, and the expeditionary nature of Sultan Mahmud of Ghazni’s Indian campaigns. The article also analyzes the use of psychological warfare, religious legitimization, and pragmatic political approaches in the expansion of the state. In addition, the strengths and weaknesses of the Ghaznavid military-political model, its adaptability to different geographical conditions, and the reasons for the gradual weakening of the state are discussed. The author concludes that the Ghaznavids created one of the most effective models of early medieval Turkic military statehood based on the combination of military power, political pragmatism, and ideological legitimization.

Keywords: *Ghaznavids, Mahmud of Ghazni, military strategy, Khorasan, Turkic statehood, Islamic legitimization, India, military organization, cavalry, psychological warfare.*

G‘AZNAVIYLAR DAVLATI HARBIY-SIYOSIY STRATEGIYASINING O‘ZIGA XOS XUSUSIYATLARI

Maxmarayimov G‘ayrat Dilshod o‘g‘li
Toshkent Davlat Sharqshunoslik Universiteti
Tel:90 722 33 03

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada X–XI asrlarda G‘aznaviylar davlatining harbiy-siyosiy strategiyasi va uning o‘ziga xos jihatlari tahlil qilinadi. Tadqiqotda qo‘shin tuzilishi, harbiy boshqaruv tizimi, urush olib borish usullari hamda G‘aznaviy hukmdorlari tomonidan qo‘llanilgan siyosiy va mafkuraviy mexanizmlar o‘rganiladi. Ayniqsa, turkiy harbiy an’analar, markazlashgan qo‘mondonlik tizimi, otliq qo‘shinlarning yuqori harakatchanligi va Mahmud G‘aznaviyning Hindistonga yurishlarining ekspeditsion xarakteriga alohida e’tibor qaratiladi. Maqolada psixologik ta’sir usullari, diniy legitimatsiya hamda pragmatik siyosiy yondashuvlarning davlat ekspansiyasidagi o‘rni ham tahlil etiladi. Shuningdek, G‘aznaviylarning harbiy-siyosiy tizimining kuchli va zaif tomonlari, turli geografik sharoitlarga moslashuvchanligi hamda davlatning asta-sekin zaiflashish sabablari yoritiladi. Tadqiqot natijasida G‘aznaviylar harbiy kuch, siyosiy pragmatizm va mafkuraviy legitimatsiyaga asoslangan ilk o‘rta asr turkiy harbiy davlatchiligining samarali modellaridan birini yaratganligi xulosasi ilgari suriladi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Kalit so‘zlar: *G‘aznaviylar, Mahmud G‘aznaviy, harbiy strategiya, Xuroson, turkiy davlatchilik, islomiy legitimatsiya, Hindiston yurishlari, harbiy tashkilot, otliq qo‘shin, psixologik urush.*

ВВЕДЕНИЕ

X–XI века в истории Центральной Азии и Хорасана характеризуются глубокими политическими трансформациями, усилением борьбы между региональными государствами и формированием новых военных элит. Именно в этих условиях возникло государство Газневидов, которое за сравнительно короткий период превратилось в один из крупнейших политических центров мусульманского Востока. Особенно в период правления Себуктагина и султана Махмуда Газневи значительно укрепились военный потенциал государства, его экспансионистская политика и централизованная система управления.

Успех Газневидского государства во многом был связан с его военно-политической стратегией, сформированной на основе сочетания тюркских кочевых военных традиций, исламской идеологической легитимации и прагматической государственной политики. Военная сила стала основным инструментом не только внешней экспансии, но и внутренней консолидации государства.

Целью данной статьи является комплексный анализ военно-политической стратегии государства Газневидов, изучение её основных структурных элементов, особенностей военной организации, стратегических методов и политико-идеологических основ.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА ГАЗНЕВИДОВ

Военно-политическая стратегия государства Газневидов представляет собой сложный и многослойный комплекс военных, политических и идеологических практик, сформировавшийся в условиях трансформации постсаманидского пространства и усиления тюркских военных элит в Центральной Азии и Хорасане. Её специфика определяется сочетанием традиций тюркской кочевой военной организации, исламской легитимационной идеологии и прагматической государственной политики, ориентированной на расширение ресурсной базы и укрепление центральной власти. Уже в период правления Себуктагина и особенно при султане Махмуде Газневи государство приобретает ярко выраженный экспедиционно-

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

наступательный характер, в котором военная сила становится главным инструментом внешней политики и внутренней консолидации.[286]

Фундаментальной особенностью Газневидской стратегии являлась высокая степень милитаризации государственной системы, при которой армия выступала не только как инструмент войны, но и как основа политической власти. Военная структура была централизована и строго организована, включала профессиональные тюркские гвардейские формирования (гулямы), тяжёлую и лёгкую кавалерию, пехоту, вспомогательные контингенты, а также боевых слонов, заимствованных из индийской военной традиции. Подобная многоэтническая и функционально дифференцированная армия обеспечивала высокую адаптивность в различных географических и боевых условиях. Особое значение имела система управления войском, основанная на чётком распределении сил и централизованном командовании, что позволяло эффективно координировать крупные военные операции на значительных расстояниях.

Важным элементом военной организации являлась продуманная структура боевого построения, известная в источниках как семичастное деление войска (yetti qo‘l uslubi), предполагающее функциональное разделение армии на центр, фланги, авангард, арьергард и резервные подразделения. [287] Такая система обеспечивала стратегическую гибкость, позволяя одновременно удерживать боевой порядок, осуществлять манёвры и вводить резервные силы в решающие моменты сражения. В результате формировалась модель ведения боя, основанная на поэтапном изматывании противника и нанесении концентрированного удара в наиболее уязвимый момент. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне военной рационализации и развитии оперативного мышления в рамках Газневидской военной традиции.

Военно-политическая стратегия государства Газневидов представляет собой сложный и многослойный комплекс военных, политических и идеологических практик, сформировавшийся в условиях трансформации постсаманидского пространства и усиления тюркских военных элит в Центральной Азии и Хорасане. Её специфика определяется сочетанием традиций тюркской кочевой военной организации, исламской легитимационной идеологии и прагматической государственной политики, ориентированной на расширение ресурсной базы и укрепление центральной

[286] Y.H. Bayur, Hindistan Tarihi I, İlk Çağlardan Gurkanlı Devletinin Kuruluşuna Kadar (1526), Ankara 1946, s. 10.
[287] Kuranbayeva Umida. Mahmud G‘aznaviy : risola. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2025. B.85–88.

власти. Уже в период правления Себуктагина и особенно при султане Махмуде Газневи государство приобретает ярко выраженный экспедиционно-наступательный характер, в котором военная сила становится главным инструментом внешней политики и внутренней консолидации.[288]

Фундаментальной особенностью Газневидской стратегии являлась высокая степень милитаризации государственной системы, при которой армия выступала не только как инструмент войны, но и как основа политической власти. Военная структура была централизована и строго организована, включала профессиональные тюркские гвардейские формирования (гулямы), тяжёлую и лёгкую кавалерию, пехоту, вспомогательные контингенты, а также боевых слонов, заимствованных из индийской военной традиции. Подобная многоэтническая и функционально дифференцированная армия обеспечивала высокую адаптивность в различных географических и боевых условиях. Особое значение имела система управления войском, основанная на чётком распределении сил и централизованном командовании, что позволяло эффективно координировать крупные военные операции на значительных расстояниях.

Важным элементом военной организации являлась продуманная структура боевого построения, известная в источниках как семичастное деление войска (yetti qo‘l uslubi), предполагающее функциональное разделение армии на центр, фланги, авангард, арьергард и резервные подразделения. Такая система обеспечивала стратегическую гибкость, позволяя одновременно удерживать боевой порядок, осуществлять манёвры и вводить резервные силы в решающие моменты сражения. В результате формировалась модель ведения боя, основанная на поэтапном изматывании противника и нанесении концентрированного удара в наиболее уязвимый момент. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне военной рационализации и развитии оперативного мышления в рамках Газневидской военной традиции.

Стратегия Газневидов отличалась также выраженной мобильностью, основанной на широком использовании конницы как основного ударного и манёвренного элемента армии. Быстрота передвижения, способность к внезапным рейдам, обходным манёврам и внезапным атакам позволяли эффективно действовать против как оседлых индийских государств, так и соперничающих тюркских и иранских сил в Хорасане. Важной чертой являлось стремление навязать противнику выгодные условия боя либо вовсе

[288] Edmund Bosworth, The Ghaznavids Their Empirein Eastern Iran, Edinburgh 1963, -p. 44Afganistan And.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

вынудить его к капитуляции без затяжного сражения, что отражало прагматический подход к военной кампании и стремление минимизировать собственные потери при максимизации политического и материального результата.

Не менее значимым элементом стратегии выступало использование методов психологического воздействия на противника. Газневидская армия активно применяла боевые слоны, шумовые эффекты, массовое использование барабанов, а также демонстративные формы давления, направленные на деморализацию вражеских войск. Подобные методы особенно ярко проявлялись в сражениях на территории Индии и в приграничных районах Центральной Азии, где эффект неожиданности и психологического шока часто оказывался не менее важным, чем непосредственная военная сила. В отдельных эпизодах источники фиксируют использование интенсивного звукового воздействия, создававшего хаос и дезорганизацию в рядах противника, что позволяло добиться победы без полного фронтального уничтожения его сил.

Особое место в военно-политической стратегии занимала индийская политика Газневидов, которая приобрела систематический характер при султане Махмуде Газневи. В течение его правления было осуществлено многочисленное количество военных походов в Индию, направленных не только на расширение политического влияния, но и на получение значительных материальных ресурсов, включая богатства храмовых центров, военную добычу и живую силу.[289] В отличие от более поздних завоевательных моделей, политика Газневидов в Индии не предполагала устойчивой административной интеграции всей территории субконтинента, а носила преимущественно экспедиционный характер. Это позволяет рассматривать её как форму ограниченной военной экспансии, в которой ключевую роль играли экономические и политические интересы, а не создание единого территориального государства.

Религиозный фактор, безусловно, играл важную роль в идеологическом обосновании походов, однако его следует рассматривать скорее как инструмент политической легитимации, чем как единственную движущую силу. Концепция джихада использовалась для мобилизации войск и укрепления авторитета султана как защитника ислама, однако фактические действия Газневидов нередко выходили за рамки конфессионального

[289] Gardizi Abu Sa’id. *Zayn al-akhbar (Украшение известий)*. XI в. Рукопись. Критическое издание. – Тегеран. С-76-87.

противостояния, включая конфликты с мусульманскими правителями и борьбу за контроль над стратегическими регионами. Таким образом, религия в системе Газневидской стратегии выполняла прежде всего функцию идеологического оформления прагматической политики.

Характерной особенностью военно-политической системы Газневидов являлась также её высокая адаптивность к различным природным и географическим условиям. В горных районах применялись осадные методы, инженерные работы и использование местных вспомогательных сил, в равнинных условиях — манёвренные сражения с использованием конницы, а при осадах укреплённых городов — длительное давление, подкопы и блокада. Такая универсальность свидетельствует о развитом уровне военного мышления и способности интегрировать различные военные традиции в единую стратегическую систему.[290]

Вместе с тем, несмотря на высокую эффективность в краткосрочной перспективе, военно-политическая стратегия Газневидов имела внутренние ограничения. Отсутствие устойчивой системы интеграции завоёванных территорий, высокая зависимость от постоянных военных кампаний, а также перегрузка ресурсной базы государства постепенно ослабляли его устойчивость. Экспедиционный характер политики не позволил сформировать долговременную административно-политическую структуру в Индии, а военная ориентация государства делала его уязвимым перед более централизованными и структурированными противниками, такими как сельджуки.

Таким образом, военно-политическая стратегия государства Газневидов представляет собой уникальный исторический феномен, в котором сочетаются элементы высокоорганизованной военной системы, мобильной экспансии, психологической войны и экономически ориентированной политики. Её анализ позволяет сделать вывод о том, что Газневиды сформировали одну из наиболее эффективных моделей раннесредневековой тюркской военной государственности, основанной на доминировании военного фактора и прагматическом использовании идеологических и религиозных ресурсов для достижения политических целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, военно-политическая стратегия государства Газневидов представляла собой одну из наиболее развитых моделей раннесредневековой

[290] Abunasr Abduljabbor ibn Muhammad Utbiy. Tarixi Yaminiy. Arab tilidan Abbosxon Abdullayev tarjimasi. – Toshkent:Tavfiqnashr, 2023. – B.314.

тюркской государственности. Её основой являлись централизованное военное управление, высокая мобильность армии, активное использование психологических методов войны и прагматическая политическая стратегия.

Система военной организации Газневидов, включая «семичастное деление войска», демонстрирует высокий уровень стратегического мышления и развитую военную рационализацию.

Несмотря на важную роль религиозной легитимации, практическая политика Газневидов в значительной степени определялась экономическими и геополитическими интересами. В целом военно-политическая модель Газневидов оказала значительное влияние на развитие тюркской и исламской государственности в Центральной Азии и на Востоке.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Военно-политическая стратегия государства Газневидов представляла собой сложную и многоуровневую систему, основанную на централизованном военном управлении, высокой мобильности армии и прагматическом подходе к ведению войны.

Одной из ключевых особенностей военной системы Газневидов была высокая степень централизации армии. В состав войска входили профессиональные тюркские гвардейцы-гулемы, тяжёлая и лёгкая кавалерия, пехота и вспомогательные контингенты. Значительную роль играли боевые слоны, заимствованные из индийской военной традиции.

Важным элементом военной организации являлась система боевого построения, известная как «семичастное деление войска» (yetti qo‘l uslubi). Данная система обеспечивала разделение армии на центр, фланги, авангард, арьергард и резервные части, что позволяло эффективно маневрировать на поле боя и наносить решающие удары в наиболее уязвимые моменты.

Стратегия Газневидов отличалась высокой мобильностью. Быстрые кавалерийские рейды, внезапные нападения и обходные манёвры обеспечивали успешные действия как против индийских государств, так и против соперников в Хорасане.

Существенное место занимали методы психологического воздействия. Газневидская армия активно использовала боевых слонов, военные барабаны и шумовые эффекты для деморализации противника.

При султане Махмуде Газневи походы в Индию приобрели систематический характер. Их главной целью было не столько установление устойчивого административного контроля, сколько получение материальных ресурсов, военной добычи и расширение политического влияния.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Bosworth C. E. The Ghaznavids: Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran 994–1040. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1963.
2. Barthold V. V. Turkestan Down to the Mongol Invasion. – London: Luzac & Co, 1928.
3. Nazim M. The Life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna. – Cambridge: Cambridge University Press, 1931.
4. Al-Utbi. Tarikh al-Yamini. – Cairo: al-Matba‘a al-Amira, 1869.
5. Bayhaqi A. Tarikh-i Bayhaqi. – Tehran: Intisharat-i Amir Kabir, 1962.
6. Yakubovskiy A. Yu. Mahmud Gaznevi. – Moskva: Izdatelstvo AN SSSR, 1947.
7. Nizami K. A. Some Aspects of Religion and Politics in India during the Thirteenth Century. – Delhi: Asia Publishing House, 1961.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XALQARO MUNOSABATLAR TIZIMIDA MILLIY IDENTIKLIKNING ROLI (ERON ISLOM RESPUBLIKASI MISOLIDA)

Axmadjonov Nurislom Baxtiyorjon o‘g‘li
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
tayanch doktoranti
nurislomahmadjonov2@gmail.com

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola globallashuv sharoitida Eron Islom Respublikasining milliy identikligi, milliy identiklik konsepsiyalari hamda Eron tashqi siyosatidagi identiklik vektorlari, Eron xalqaro munosabatlar tizimida milliy identiklik masalalari ilmiy-akademik tarzda muhokama qilinadi. Bundan tashqari, Yaqin sharqdagi geosiyosiy jarayonlar fonida Eron Islom Respublikasining o‘z milliy identikligiga tayangan holda olib boradigan siyosati va shu orqali kelib chiqadigan g‘oyaviy mafkuralari ham ilmiy muhokama etiladi. Mazkur maqola yuzasidan kelib chiqadigan natijalar va xulosalar amaliy ahamiyatga ega bo‘lib, ma’lum bir davlat tashqi siyosati yuzasidan olib boriladigan tadqiqot ishida bazaviy asos bo‘lib xizmat qilishi mumkin.

Kalit so‘zlar: Eron Islom Respublikasi, milliy identiklik, Yaqin Sharq, tashqi siyosat, xalqaro munosabatlar.

АННОТАЦИЯ

В данной статье в научно-академическом ключе рассматриваются национальная идентичность Исламской Республики Иран в условиях глобализации, концепции национальной идентичности, векторы идентичности во внешней политике Ирана, а также вопросы национальной идентичности в системе международных отношений. Кроме того, на фоне геополитических процессов на Ближнем Востоке анализируется политика Исламской Республики Иран, основанная на её национальной идентичности, и вытекающие из неё идеологические концепции. Результаты и выводы данной статьи имеют практическое значение и могут служить базой для исследований в области внешней политики того или иного государства.

Ключевые слова: *Исламская Республика Иран, национальная идентичность, Ближний Восток, внешняя политика, международные отношения.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ABSTRACT

This article provides a scientific and academic discussion of the national identity of the Islamic Republic of Iran in the context of globalization, the concepts of national identity, and the vectors of identity within Iranian foreign policy and its system of international relations. Furthermore, it scientifically examines the policies of the Islamic Republic of Iran based on its national identity and the resulting ideological frameworks, all set against the backdrop of geopolitical processes in the Middle East. The findings and conclusions of this article are of practical significance and can serve as a foundational basis for research on the foreign policy of a given state.

Keywords: Islamic Republic of Iran, national identity, Middle East, foreign policy, international relations.

KIRISH

Zamonaviy xalqaro munosabatlar tizimida identiklik tushunchasi 1990-yillardan boshlab markaziy konseptual kategoriya sifatida o‘z o‘rnini topa boshladi. Bu davrda, “sovuq urush” yakunlanganidan keyingi geosiyosiy o‘zgarishlar sharoitida, xalqaro maydondagi “o‘yinchilar”ning xatti-harakatlarini izohlash uchun realistik va ratsionalistik yondashuvlar yetarli bo‘lmay qoldi. Shu bois tadqiqotchilar xalqaro munosabatlarni tahlil qilishda mafkuraviy, konstruktivistik va diskursiv omillarga yuzlanib, identiklikni davlat manfaatlari, tashqi siyosiy yo‘nalish va global ijtimoiy tuzilmalarning tarkibiy qismi sifatida talqin qildilar. Natijada identiklik nafaqat subyektning mohiyatini belgilovchi atribut, balki xalqaro tizimdagi o‘zaro ta’sirlarning mazmuni va dinamikasini o‘lchash imkonini beruvchi tahliliy vositaga ham aylandi. Shu nuqtai nazardan, identiklik davlatlarning tashqi siyosat strategiyalarini, shuningdek, xavfsizlik tizimlari, ittifoqlar va raqobatni tushuntirish uchun yangi gnoseologik imkoniyatlarni ochib berdi, jumladan Eron Islom Respubliaksining tashqi siyosatiga oid masalalarda ham milliy identiklik determinantlarini asosiy ustuvor jihatlardan biriga aylandi. Keyinchalik identiklik xalqaro munosabatlarning konstruktivistik maktabi doirasida markaziy ilmiy tushuncha sifatida mustahkam o‘rin egalladi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR

XX asrning 60-yillaridan boshlab tarixiylik nuqtai nazaridan, identiklik tushunchasi psixologiya doirasidan chiqib, asta-sekin sotsiologiya, antropologiya va boshqa ilmiy sohalarga kirib bordi va oxir-oqibat xalqaro munosabatlar nazariyasida mustaqil tahliliy kategoriya sifatida qaror topdi. Xususan, xalqaro munosabatlar

nazariyotchisi Entoni Byorkning ta’kidlashicha, o‘ziga xosliksiz na jahon siyosati, na xalqlar, na davlat tizimlari va umuman xalqaro tizimning o‘zi mavjud bo‘lishi mumkin edi. U identifikatsiya hodisasi xalqaro munosabatlar haqidagi kognitiv tasavvurlarni shakllantirishda ham, siyosiy qarorlar qabul qilish jarayonida ham asosiy omil ekanligini ta’kidlagan [1:3596]. Ushbu fikrni rivojlantirgan holda, yana bir tadqiqotchi Bryus Kronin ta’kidlashicha, o‘ziga xoslik siyosiy elita va yetakchilar uchun boshqa davlatlar bilan diplomatik munosabatlarni boshlash, qo‘llab-quvvatlash yoki qayta shakllantirishda o‘ziga xos metodologik langar vazifasini o‘taydi[2:18].

Xalqaro munosabatlarda konstruktivizm yondashuvining yetakchi tarafdori Ted Hopf o‘zining “Xalqaro siyosatning ijtimoiy qurilishi: o‘zlik va tashqi siyosat” nomli kitobida “har qanday tashqi siyosat o‘z uyidan boshlanadi”[3:320], degan fikrni ilgari suradi. Bu tezis muayyan bir davlatning tashqi siyosati shakllanishi ichki omillar, ya’ni milliy o‘zlikni anglash jarayoni bilan uzviy bog‘liqligi g‘oyasini ifodalaydi.

NATIJALAR

Sotsiolog, tadqiqotchi hamda ramziy interaksionizm nazariyasi asoschilaridan biri bo‘lgan Charlz Xorton Kuli “ko‘zgudagi Men” konsepsiyasini ilgari surgan. Ushbu nazariyaga ko‘ra, individ boshqalarning uni qanday idrok etishi va baholashi orqali o‘zi haqidagi tasavvurni shakllantiradi. Bu o‘z-o‘zini anglash jarayonida inson atrofdagilarning o‘zi haqdagi fikrlarini ko‘zgu deb biladi va shu akslanish asosida o‘z kimligi to‘g‘risida xulosa chiqaradi.

Diqqatga sazovor jihati shundaki, bu nazariy yondashuv davlatlararo munosabatlar tizimiga ham tatbiq etilishi mumkin. Bunday holda, u yoki bu davlat o‘zining tashqi siyosiy strategiyasi va mavqeyini boshqa davlatlarning o‘ziga nisbatan qarashlari hamda munosabatiga tayanib belgilaydi. Masalan, Eron Islom Respublikasi o‘zining Yaqin Sharqdagi siyosatini, jumladan, proksi faoliyatini ko‘pincha Isroilning strategik pozitsiyasi va mafkuraviy qarashlariga qarshi o‘laroq shakllantiradi. Bu yerda Eronning tashqi siyosiy qarorlarni qabul qilish jarayoni Isroil unga tutayotgan “ko‘zgu” orqali namoyon bo‘ladi. Qolaversa, kollektiv G‘arb, xuddi Qo‘shma Shtatlar singari, Eronni xalqaro maydonda yadroviy salohiyatga ega va barqarorlikka tahdid soladigan radikal, ishonchsiz davlat sifatida ko‘rsatadi. Hatto uning mintaqaviy raqiblari – arab davlatlari, shu jumladan Saudiya Arabistoni Qirolligi (garchi Ar-Riyod va Tehron o‘rtasidagi munosabatlar Xitoyning vositachilik diplomatiyasi tufayli tiklangan bo‘lsa-da[5:1]) hamda Isroil ham Eronni shia mafkurasi eksportchisi va mintaqadagi ekstremistik kuchlar markazi sifatida qabul qiladi. Bunday salbiy yondashuvga javoban Eron tomoni o‘zini islom

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

olamining himoyachisi va mazlum xalqlarning homiysi sifatida ko‘rsatishga urinadi. Eron uchun bu kabi baholanish raqiblar yaratgan salbiy qiyofani aksincha talqin qilish orqali o‘zining siyosiy-legitim kimligini tashqi siyosiy diskursda mustahkamlash va tasdiqlashga urinishni anglatadi.

Shu jihatdan “Kuli nazariyasi” davlat o‘zligi va uning xalqaro munosabatlardagi konstruktivistik tabiatini chuqurroq anglash imkonini beradi. Biroq shuni ta’kidlash joizki, bunday yondashuvlar, jumladan, “ko‘zgu” konsepsiyasi hamisha ham obyektiv bo‘lavermaydi. Xalqaro munosabatlar sohasida, agar davlat o‘z siyosatini boshqa ishtirokchilarning noto‘g‘ri yoki stereotipik baholariga asoslanib belgilaydigan bo‘lsa, bu “buzilgan ko‘zgu” effekti sifatida talqin etiladi. Bunday holatda biz qo‘llayotgan nazariy yondashuv aks samara bera boshlaydi. Binobarin, o‘zlikni va tashqi siyosatni shakllantirish jarayonida idrok va voqelik o‘rtasidagi tafovut siyosiy xatolarga hamda nuqsonli o‘zlikka asoslangan qarorlarga olib kelishi mumkin, bu esa ko‘pincha tashqi siyosatdagi muvaffaqiyatsizlik sifatida qabul qilinadi.

MUHOKAMA

1986-yilda tadqiqotchilar Anri Tejfel va Jon Tyorner tomonidan taklif etilgan ijtimoiy identiklik nazariyasi shaxsning o‘zini ijtimoiy guruhga mansub deb bilishini va boshqalardan ajratishini izohlab beradi. Bu yondashuvga ko‘ra, ijtimoiy identiklik shaxsning o‘zini muayyan bir guruh a’zosi sifatida anglashi jarayoni deb talqin qilinadi[6:147]. Bu jarayon, eng avvalo, "o‘zimiznikilar" (biz) va "begonalar" (ular) tushunchalari orqali ijtimoiy tafovutlarni belgilashni nazarda tutadi va uch bosqichda shakllanadi, deb hisoblanadi. Bular, kategoriyalash (tasniflash), qadriyatlarni o‘zlashtirish hamda o‘zini anglash va tanlash (identifikatsiya)[7:283].

Mazmunan yaqin kontekstda bu jarayonni Eron misolida ko‘rib chiqish mumkin. Xususan, Pahlaviylar sulolasi hukmronligi davrida (1925–1979) modernizatsiya siyosatini yuritgan Eron G‘arb sivilizatsiyasini ideal namuna sifatida tanlab, uning qadriyatlar paradigmasiga moslashishga intildi. Bu esa, o‘z navbatida, G‘arb bilan o‘zlikni bir deb bilish jarayonining natijasi edi. Biroq vaqt o‘tib, bu qadriyatlar o‘rnashmadi va ularning Eron jamiyatining tarixiy, madaniy va diniy o‘ziga xosligiga zid ekani ayon bo‘ldi. Shu sababli 1979-yilgi Islom inqilobi Eronning o‘zligida tub burilish yasadi va bu davlatning siyosiy-mafkuraviy “men”i qayta anglanishiga olib keldi. Shunday qilib, Eron G‘arb yo‘nalishidan voz kechib, o‘zining islom sivilizatsiyasiga asoslangan taraqqiyot yo‘lini ustuvor deb bildi. Eron jamiyati hayotidagi bu burilish nuqtasi uning tarixiy, diniy va madaniy-dunyoqarash

asoslariga ko‘p jihatdan uyg‘un bo‘lgan o‘zlik tuzilmasiga qaytishda namoyon bo‘ldi.

O‘z navbatida, xalqaro munosabatlarda konstruktivizm nazariyasining asosiy metodologik tamoyillarini quyidagicha ifodalash mumkin.

Birinchidan, xalqaro munosabatlar tizimi mohiyatan mafkuraviy va me’yoriy omillardan iborat bo‘lib, moddiy resurslar va kuch munosabatlari ikkinchi darajali ahamiyatga ega. Bu jarayon konstruktivizmning ontologik idealizm tamoyiliga asoslanadi, ya’ni baynalmilal tuzilmalar avvalo ijtimoiy idrok va ma’naviy qadriyatlar orqali shakllanadi[8:187].

Ikkinchidan, mafkuraviy komponentlar davlat va jamiyatning o‘zligini anglash jarayonida asosiy rol o‘ynaydigan ijtimoiy konsepsiyalar majmuasidan iborat. Ya’ni, milliy o‘zlikni anglash, davlat suvereniteti va mustaqilligini idrok etish, davlatda jamiyatning o‘zligini his qilish, siyosiy institutlarga egalik hissi kabi jihatlarni o‘z ichiga oladi. Natijada aynan shu mafkuraviy unsurlar davlatlarning manfaatlari va o‘ziga xosligini shakllantiradi, ularni xalqaro tizimdagi o‘zaro munosabatlarda namoyon etadi.

Konstruktivistik nazariyaning Eron Islom Respublikasi tashqi siyosatiga oid yuqorida qayd etilgan tamoyillariga bir necha misollar keltirishimiz mumkin.

Masalan, birinchidan, Eronning "Sharqga qarash strategiyasi" Eronning G‘arb bilan o‘zaro chalkashishi fonida davlatlararo munosabatlarida Sharq mamlakatlariga, ayniqsa Markaziy Osiyo, Xitoy, Rossiya va Janubi-Sharqiy Osiyo mamlakatlariga ustuvorlik berish tendensiyasidir. Biroq, bu strategiya Eronning G‘arb bilan aloqalaridan butunlay voz kechishini emas, balki G‘arbga qaramlikni kamaytirish va boshqa imkoniyatlarni faolroq izlashni anglatadi[9:89]. Shundan kelib chiqib, mazkur jarayon konstruktivistik yondashuvga mos keladigan "mustaqil davlat sifatida ko‘p qirrali ittifoqchilarga ega davlat" obrazining shakllanishi bilan izohlanadi.

Ikkinchidan, Eronning tashqi siyosati va uning siyosiy yo‘nalishi turli muzokaralardan tashqari, mafkuraviy jihatdan tashqi siyosatni "shia o‘zligi"ga asoslangan islomiy shia qadriyatlari tarmog‘i orqali olib borishni nazarda tutadi. Shu bilan birga, Eronning Yaqin Sharqda o‘z ta’sir doirasini kengaytirishga qaratilgan tashqi siyosatining ustuvor maqsadlaridan biri "shia yarim oyi" konsepsiyasidir. Biroq shuni ta’kidlash kerakki, rasmiy Tehron mintaqa mamlakatlariga nisbatan olib borayotgan tashqi siyosatida inqilobni "eksport qilish" g‘oyasini rad etdi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XULOSA

Xalqaro munosabatlar tizimida milliy identiklik masalasi, ayniqsa postbipolyar davrda, davlatlarning tashqi siyosiy xulq-atvorini tushuntirishda muhim konseptual vositaga aylangani mazkur tadqiqotda asoslab berildi. Eron Islom Respublikasi misolida olib borilgan tahlillar shuni ko‘rsatadiki, milliy identiklik nafaqat ichki ijtimoiy-siyosiy jarayonlarning mahsuli, balki xalqaro tizimdagi o‘zaro ta’sirlar natijasida shakllanadigan dinamik konstrukt hisoblanadi.

Tadqiqot natijalari Eron tashqi siyosatining shakllanishida tarixiy xotira, diniy omillar, mafkuraviy qadriyatlar va geosiyosiy muhit o‘zaro uyg‘un holda faoliyat yuritishini ko‘rsatdi. Xususan, 1979-yilgi Islom inqilobidan keyin shakllangan yangi identiklik modeli Eronning xalqaro maydondagi o‘zini tutish strategiyasini tubdan o‘zgartirib, uni G‘arbga qarshi muqobil sivilizatsion yo‘lni ilgari suruvchi davlat sifatida namoyon etdi. Shu orqali Eron o‘z tashqi siyosatini nafaqat pragmatik manfaatlar, balki ideologik va identik omillar asosida ham olib borayotganini ko‘rish mumkin.

Shuningdek, konstruktivistik yondashuv doirasida tahlil qilinganda, Eronning xalqaro maydondagi o‘zini anglash jarayoni “boshqalar” bilan o‘zaro taqqoslash va qarama-qarshiliklar orqali shakllanishi aniqlanadi. Bu esa uning tashqi siyosiy diskursida “biz” va “ular” oppozitsiyasining muhim o‘rin tutishini, xususan, G‘arb davlatlari va mintaqaviy raqiblar bilan munosabatlarda yaqqol namoyon bo‘lishini tasdiqlaydi. Natijada, Eron o‘z milliy identikligini mustahkamlash orqali xalqaro tizimda mustaqil va ta’sirchan subyekt sifatida o‘z mavqeini saqlab qolishga intiladi.

Bundan tashqari, maqolada ko‘rib chiqilgan “Sharqga qarash strategiyasi” hamda “shia identikligi”ga asoslangan tashqi siyosiy yo‘nalishlar Eronning ko‘p qirrali diplomatik yondashuvini ifodalaydi. Bu strategiyalar orqali Eron bir tomondan global kuch markazlariga muvozanat yaratishga harakat qilsa, ikkinchi tomondan o‘zining mafkuraviy va sivilizatsion o‘zligini saqlab qolishga intiladi.

Umuman olganda, maqoladagi natijalar shuni ko‘rsatadiki, milliy identiklik xalqaro munosabatlar tizimida davlat tashqi siyosatining muhim determinantlaridan biri hisoblanadi. Eron tajribasi esa identiklik omilining nafaqat tashqi siyosatni shakllantirishda, balki davlatning global va mintaqaviy tizimdagi o‘rnini belgilashda ham hal qiluvchi rol o‘ynashini yaqqol namoyon etadi. Shu bois, zamonaviy xalqaro munosabatlarni chuqur anglashda identiklikka asoslangan yondashuvlar ilmiy va amaliy jihatdan dolzarb ahamiyat kasb etadi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ADABIYOTLAR RO‘YXATI (REFERENCES)

1. Felix Berenskoetter. Identity in International Relations. // The International studies encyclopedia, Vol 6, 2011. – P. 3596
2. Cronin Bruce. Community Under Anarchy Transnational Identity and the Evolution of Cooperation. Columbia Univeristy press, 1999. – P. 18.
3. Ted H. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies. Cornell University press, 2002. – 320. P
4. Charles Horton Cooley. Human nature and the Social order. – New York: Charles Scribner’s sons, 1902. – P. 64
5. https://mfa.gov.ir/portal/newsview/736485 (پایان اولین نشست کمیته سه جانبه ایران، چین و عربستان)
6. В.В. Кочетков. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. Социология и политология, 2012. № 2. – С. 147.
7. Henri Tajfel, John Turner. The Social Identity Theory ofIntergroup Behavior // Political Psychology (Reading 16), 1986. – P. 283.
8. Anna Skolimowska. Identity issue in international relations: Constructivist approach // Athenaeum Polish Political Science Studies, 2017. Vol. 56. – P. 187
9. آدمی علی. راهبرد نگاه به شرق در سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران: دیدگاه‌ها، زمینه‌ها و فرصت‌ها. فصلنامه مطالعات سیاسی، ۱۳۸۹. – ص. ۸۹

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

YAPON MUSTAMLAKASI DAVRIDA NASHR ETILGAN XOTIN-QIZLAR JURNALLARI TARIXI

Abdusattorova Farangiza Akramjon qizi
TDShU 3-bosqich doktoranti
abdusattorovafarangiza@gmail.com

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada Koreyaning Yapon mustamlakasi davri (1910–1945) da shakllangan xotin-qizlar matbuoti tarixi, uning ijtimoiy-siyosiy va madaniy hayotdagi o‘rni tahlil qilinadi. Tadqiqotda xotin-qizlar jurnal va gazetalarining paydo bo‘lish omillari, ularning ma’rifiy, milliy va feministik g‘oyalarni targ‘ib etishdagi ahamiyati yoritilgan. Xususan, xotin-qizlar matbuoti orqali ta’lim, oilaviy munosabatlar, milliy o‘zlik, xotin-qizlar huquqlari hamda mustamlakachilikka qarshi qarashlarning qanday ifodalangani ko‘rib chiqiladi. Maqolada “Shinyosong”, “Yojagye”, “Kajong” kabi xotin-qizlar jurnallarining faoliyati va ularning koreys jamiyatida modernizatsiya jarayonlariga ta’siri tarixiy manbalar asosida tahlil etilgan. Shuningdek, yapon senzura siyosati va matbuot nazoratining xotin-qizlar nashrlariga ko‘rsatgan ta’siri ham ochib beriladi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, xotin-qizlar jurnallari nafaqat ma’rifiy vosita, balki milliy ong va ayollar ijtimoiy faolligini shakllantirishda muhim platforma vazifasini bajargan.

Kalit so‘zlar: *xotin-qizlar matbuoti, Yapon mustamlakasi, Koreya tarixi, jurnalistika, feministik harakat, milliy ong, senzura, modernizatsiya.*

ABSTRACT

This article examines the history of women’s magazines in Korea during the period of Japanese colonial rule (1910–1945) and analyzes their role in social, political, and cultural life. The study explores the factors behind the emergence of women’s publications and highlights their significance in promoting educational, national, and feminist ideas. In particular, the article discusses how issues such as women’s education, family relations, national identity, women’s rights, and anti-colonial views were represented through women’s magazines and newspapers. The activities of women’s journals such as “Sinyeoseong,” “Yeojagye,” and “Gajeong,” as well as their influence on the modernization of Korean society, are analyzed on the basis of historical sources. Furthermore, the article examines the impact of Japanese censorship policies and press control on women’s publications. The research concludes that women’s magazines served not only as educational

tools but also as important platforms for shaping national consciousness and women’s social activism.

Keywords: *women’s press, Japanese colonialism, Korean history, journalism, feminist movement, national consciousness, censorship, modernization.*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается история женских журналов в Корея в период японского колониального господства (1910–1945 гг.), а также анализируется их роль в общественной, политической и культурной жизни. В исследовании освещаются причины появления женской прессы и её значение в распространении просветительских, национальных и феминистских идей. Особое внимание уделяется тому, как в женских журналах и газетах отражались вопросы женского образования, семейных отношений, национальной идентичности, прав женщин и антиколониальных взглядов. На основе исторических источников анализируется деятельность таких женских журналов, как “Sinyeoseong”, “Yeojagye” и “Gajeong”, а также их влияние на процессы модернизации корейского общества. Кроме того, рассматривается влияние японской цензурной политики и контроля над прессой на женские издания. Результаты исследования показывают, что женские журналы являлись не только средством просвещения, но и важной платформой для формирования национального самосознания и социальной активности женщин.

Ключевые слова: *женская пресса, японский колониализм, история Кореи, журналистика, феминистское движение, национальное самосознание, цензура, модернизация.*

KIRISH

XX asr boshlarida Koreyaning Yaponiya imperiyasi tomonidan anneksiya qilinishi mamlakatning siyosiy, iqtisodiy va madaniy tizimida tub o‘zgarishlarni yuzaga keltirdi. Mustamlakachilik siyosati koreys matbuoti faoliyatini qat’iy nazorat ostiga olgan bo‘lsa-da, 1920-yillardan boshlab “madaniy boshqaruv” siyosati doirasida ayrim jurnal va gazetalar faoliyat yuritish imkoniga ega bo‘ldi. Aynan shu davrda xotin-qizlar matbuoti shakllandi. Xotin-qizlar uchun mo‘ljallangan jurnal va gazetalar jamiyatdagi gender munosabatlari, ta’lim, oilaviy hayot va modernizatsiya masalalarini yorituvchi muhim platformaga aylandi. Mazkur nashrlar orqali koreys xotin-qizlari zamonaviy jamiyatdagi o‘z o‘rnini anglash va milliy identitetni saqlashga harakat qildi. Tadqiqotning dolzarbligi

shundaki, mustamlaka davridagi ayollar matbuoti Koreya modernizatsiyasi va gender tarixining muhim tarkibiy qismi hisoblanadi. Shu sababli ushbu maqolada ayollar jurnallarining matbuot va gender diskursidagi o‘rni ilmiy jihatdan tahlil qilinadi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METOD. Mazkur tadqiqot tarixiy-tahliliy va komparativ metodologiya asosida olib borildi. Tadqiqot jarayonida Koreya mustamlaka davriga oid ilmiy adabiyotlar, jurnal arxivlari va gender tarixiga oid akademik manbalardan foydalanildi. Asosiy manbalar sifatida quyidagilar tanlandi: New Women of Korea, Journal of Korean Studies maqolalari; Korea Journal ilmiy tadqiqotlari; The Dong-A Ilbo va The Chosun Ilbo arxiv materiallari. Tadqiqot davomida xotin-qizlar jurnallarining tematik yo‘nalishlari; Gender diskursining shakllanishi; Mustamlakachilik mafkurasining matbuotga ta’siri; “Yangi ayol” konsepsiyasining matbuotdagi ifodasi ilmiy tahlil qilindi.

MUHOKAMA. 1910–1945-yillarda Koreyada ayollar jurnallari modernizatsiya jarayonining muhim qismi sifatida shakllandi. Xristian missionerlik maktablari va yangi ta’lim tizimi ayollar savodxonligining oshishiga sabab bo‘ldi. Natijada ayollar auditoriyasiga mo‘ljallangan maxsus jurnallar paydo bo‘ldi. Ayollar matbuoti dastlab: ma’rifiy; tarbiyaviy; oilaviy yo‘nalishda rivojlangan bo‘lsa, keyinchalik gender va milliylik masalalarini ham qamrab oldi.

1910-yilda Yapon anneksiyasidan keyin Koreyada yanada ko’p xotin-qizlar jurnallari aksariyati Tokiyoda ta’lim olayotgan yapon yoki koreys talabalari tomonidan nashr etildi. Bu jurnallar orasida *Urivie Gajeong (Bizning uy), Yojagye (xotin-qizlar dunyosi) va Yoja Shiron (Xotin-qizlarning hozirgi qarashlari)* bor edi. 1920-yillarda xotin-qizlar jurnallari nashrlari soni keskin ravishda ko’paydi. Bunga sabab, o’qimishli xotin-qizlar soning oshishi va shuningdek, 1919-yil Birinchi mart ozodlik harakatidan keyin Yapon hukumati tomonidan e’lon qilingan “madaniy boshqaruv” tizimi edi. Yaponiya mustamlakachilik siyosati o‘zgartirishi natijasida, *Kabyok (Buyuk boshlanish), Shin Sengxual (Yangi hayot) va Tongmyong (Sharqiy nur- Eastern Light)* kabi millatchi jurnallar paydo bo‘ldi. Bular orasiga 1920-yil mart oyida “Shin yosong” (Yangi ayol) nomli xotin-qizlar jurnalini ham qo‘shish mumkin. Bu jurnal feministik harakatga ta’sir ko‘rsatganligi sababli 4 ta sondan keyin yopildi. Dastlab nashriyotchi Ehva maktabidan Peggi Billings bo’lsa, bosh muharrir esa dastlab shoira, keyinchalik buddist rohibasiga aylangan Kim Von-ju edi. Shuningdek, mashhur bolalar yozuvchisi Pang Chon hvan va jurnalist Yu Gvang-ryol maslahatchi bo’lib faoliyat yuritgan bo’lsa, ular safiga keyinchalik Rha Hye-suk, Park In-dok, Shin Julia qo’shilgan. Jurnal 1-sonidayoq Xotin-qizlarni uy

xo’jaligidan ozod qilish va ayollar va erkaklar tenghuquqligi haqidagi maqolalarni e’lon qildi.

Kebyoksa deb nomlangan milliy harakat tomonidan 1922-yil iyunidan 1923-yil sentabrgacha *Puin (Xotin)* deb nomlangan xotin-qizlar madaniy ta’limini oshirishga xizmat qiluvchi jurnal nashr etildi. Bu jurnaldagi maqolalar asosiy urg’uni yashash sharoitini yaxshilash, oilaviy hayot, bolalar ta’limi , yaxshi odatlar va hobbi bilan shug’ullanish haqida edi. Bu jurnalning tahrirchisi Yi Sun Hva bo’lgan. Kyeboksa Choson davridagi Tongxak (Sharqiy ta’lim) dehqonlar harakatiga asoslangan koreys millatchi dini bo’lgan Chon dogyo(Samoviy yo’l ta’limoti shtab-kvartirasi tomonidan boshqarilgan. Jurnal 1923-yil 1-sentabrdan o’z nomini Shinyosong(Yangi ayol)ga o’zgartirdi va bu jurnal 1934-yilgacha 38 ta son e’lon qilib, koreyada eng ko’p “yashagan xotin-qizlar jurnali” bo’ldi. Qo’shimcha sifatida ushbu nashr millatning dastlabki reklamalar e’lon qilingan mashhur tijoriy xotin-qizlar jurnali bo’ldi. Ushbu jurnal kitob formatida bo’lib, Koreys va xitoy iyeroglifalari bilan birgalikka qo’llanilgan 100 sahifadan iborat nashr bo’lib, o’ndan ortiq sahifasida fotosuratlar bo’lgan. Maqolar orasida asosan e’tibor xotin-qizlar harakati, qiz talabalar va qishloq xotin-qizlari muammolari kabilarga qaratilgan. Bu esa keyinchalik, xotin-qizlarning ishga joylashishi va o’z mavqeyini yaxshilashi, o’z- o’zini rivojlantirishi kabi fikrlashiga olib keldi.

Shin Yoja (“Yangi ayol”) jurnali 1920-yillardagi koreys feminist matbuotining eng muhim nashrlaridan biri hisoblanadi. Jurnal sahifalarida ayollar ta’limi, iqtisodiy mustaqillik, kasbiy faoliyat, nikoh erkinligi kabi masalalar yoritilgan. Jurnal an’anaviy konfutsiycha ayol modeliga qarshi chiqib, “modern ayol” konsepsiyasini ilgari surdi. Bu jarayonda Kim Von-ju kabi ziyolilar muhim rol o‘ynadi. Tahlil natijalariga ko‘ra, jurnal diskursida G‘arb modernizmi va koreys milliy qadriyatlari o‘rtasidagi murakkab uyg‘unlik kuzatiladi.

Billings 1921-yi 15-iyulda yana bir jurnal *Shin Gachong(Yangi uy)*ga asos soldi. Bu jurnal asosan kitob shaklida bo’lib, har bir nashr kamida 60 sahifadan iborat edi. Unda asosan, ro’zg’orga xos maslahatlar, sanitariyaga oid maslahatlar, hikoyalar va esselar bor edi.

Kajong (“Oila”) jurnali oilaviy hayot va ma’rifat masalalariga yo‘naltirilgan nashr bo‘lgan. Jurnalning asosiy mavzulari bolalar tarbiyasi, sanitariya, uy boshqaruvi, ayollar axloqi, zamonaviy ona modeli hisoblangan.

Mazkur jurnal modernizatsiyani qo‘llab-quvvatlagan bo‘lsa-da, ayolning asosiy ijtimoiy roli sifatida “ona” konsepsiyasini saqlab qolgan. Bu holat Koreya modernizatsiyasi patriarxal xarakterga ega bo‘lganini ko‘rsatadi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

1930-yillarda Yaponiya imperiyasining assimilatsiya siyosati kuchayishi bilan ayollar jurnallari mazmunida ham mafkuraviy o‘zgarishlar kuzatildi. Puinyŏ jurnalida imperatorga sadoqat, yapon tilini o‘rganish, urush davridagi ayollar roli kabi mavzular faol targ‘ib qilina boshladi. Shunga qaramay, jurnal koreys ayollarining kundalik hayoti va madaniy tajribalarini aks ettiruvchi muhim tarixiy manba bo‘lib qolgan. Yirik ommaviy axborot vositalari 1930-yildan boshlab xotin-qizlar uchun oylik to’liq jildli jurnsllarni nashr eta boshladilr. 1933-yil fevralidada Tong-A Ilbo nashriyoti tomonidan *Shin Kachong(Yangi uy)* nomli 190 sahifadan iborat kitob shaklidagi jurnal e’lon qilindi. Jurnal o’quvchilari asosan uy bekalari bo’lib, 1-sonidayoq “Uy shirin uy” shiorida muqovasida fotosurat e’lon qilingan edi. Yang von- Mo muharrir va tahrirchi bo’lib, oylik *Shin Dong-A* (yangi dong-a) nashriga ham ega edi. Bu jurnal muvaffaqiyati Shin yosong bilan birgalikda bo’ldi. Biroq Shin kachong 1936-yil 1-sentabrda Yaponiya mustamlakchi hukumati tomonidan Dong-a ilbo Berlin olimpiya o’yinlarida oltin medalni qo’lga kiritgan koreyalik marafon sportchisi Son Ki Chunning fotosuratidan Yaponiya milliy bayrog’ini olib tashlagani uchun majburiy tarzda yopildi. Bu jurnalning jami 45 ta son nashrdan chiqqan edi. Bu jurnal 1967-yilda Yosong Dong-a(Ayollar dong-a)si nomi bilan qayta tiklandi. *Yoja Kye (“Ayollar dunyosi”)* jurnali koreys ayollarini global madaniy jarayonlar bilan tanishtirishga xizmat qilgan. Jurnal sahifalarida xorijiy ayollar hayoti, feministik esse, tarjima maqolalar, ayollar adabiyoti keng yoritilgan. Mazkur jurnal orqali koreys ayollari G‘arb va Yaponiya modernizmi bilan tanishgan hamda yangi gender tasavvurlari shakllangan.

1936-yil 1-aprelda Choson ilbo tomonidan asos solingan *“Yosong”(Xotin-qizlar)* yapon mustamlakachiligi davrida eng ko’p nusxada nashr etilgan jurnal bo’lgan. Uning hajmi 25.8/18.8 sm bo’lib, 100 sahifaga yaqin rangli bosmaga ega bo’lgan jurnal edi. Ammo jami 57 ta son chiqqanidan keyin 1940-yil dekabr oyida nashr to’xtatilgan.

NATIJALAR. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, Koreya mustamlaka davridagi ayollar jurnallari bir vaqtning o‘zida bir necha funksiyani bajargan: ma’rifiy platforma, gender identitetini shakllantiruvchi vosita, milliy ongni saqlovchi madaniy maydon, modernizatsiya targ‘ibotchisi. Ayollar matbuotida “modern ayol” obrazi G‘arb feministik g‘oyalari va koreys milliy qadriyatlari uyg‘unligida shakllangan. Shu bilan birga, mustamlakachilik siyosati jurnallar mazmuniga sezilarli ta’sir ko‘rsatgan. 1930-yillarda imperatorlik mafkurasi kuchayishi natijasida ayollar jurnallari propagandistik xarakter kasb eta boshlagan. Bu esa mustamlakachilik va modernizatsiya o‘rtasidagi murakkab ziddiyatlarni aks ettiradi. Shuningdek, ayollar jurnallari Koreyada feministik tafakkurning

shakllanishida muhim rol o‘ynagan. Ayniqsa, “Yangi ayol” konsepsiyasi orqali ayollar ta’lim olish, ishlash, jamiyatda faol bo‘lish huquqiga ega ijtimoiy subyekt sifatida talqin etilgan.

XULOSA. 1910–1945-yillardagi Koreya ayollar jurnallari mamlakatning ijtimoiy va madaniy transformatsiyasida muhim o‘rin egallaydi. Ushbu jurnallar ayollar savodxonligini oshirdi, gender diskursini rivojlantirdi, modern ayol obrazini shakllantirdi, milliy identitetni saqlashga xizmat qildi. Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, ayollar matbuoti mustamlaka sharoitida koreys jamiyatining modernizatsiya jarayonlarini aks ettiruvchi asosiy madaniy maydonlardan biri bo‘lgan.

Yapon mustamlakasi davridagi ayollar jurnallari koreys ayolining an'anaviy "uy bekasi" darajasidan ijtimoiy faol shaxs darajasiga ko'tarilishida "ko'prik" vazifasini o'tadi. Garchi yapon senzurasining qattiq nazorati ostida bo'lsa-da, bu nashrlar zamonaviy koreys feminizmi va jurnalistikasining poydevori bo'lib xizmat qildi. Xulosada shuni ta'kidlash kerakki, bu davr matbuoti jamiyatda keskin tabaqalanishni ham yuzaga keltirdi. Bir tomondan, G‘arbda ta’lim olgan, erkin va o‘ziga ishongan "Yangi ayollar" obrazi jurnallar orqali targ‘ib qilinsa, ikkinchi tomondan, bu obraz an’anaviy qatlam tomonidan tanqid ostiga olindi. Jurnallar ushbu ijtimoiy to‘qnashuvlarni tahlil qiladigan diskusssiya maydoniga aylandi va bu orqali jamiyatda ochiq muloqot madaniyatini shakllantirdi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Hyaeweol Choi. New Women of Korea. New Women in Colonial Korea.Journal of Korean studies. January 2014 - №19 (2) – B. 468-472
2. Hildi Kang. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910–1945. Cornell University Press, 2001.- p 192.
3. Bibliography of East Asian Periodicals (Colonial Korea 1900-1945) https://www.lib.uchicago.edu/collex/collections/bibliography-of-east-asian-periodicals-colonial-korea-1900-1945/
4. Hong Yang-hui. Debates about 'A Good Wife and Wise Mother' and Tradition in Colonial Korea. The Review of Korean Studies, 2008. vol.11, no.4, pp.41 - 60
5. Lee bae yong. Women in Korean history. – Ehwa womens University Press, 2008. – p. 278 - 284.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

NARASIMHA RAO ISLOHOTLARI: HINDISTON MIGRATSIYASI RIVOJLANISHINING YANGI BOSQICHI (1991 – 2000 -YILLAR)

Samiyeva Madinaxon Baxtiyor qizi
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
tayanch doktorant
madinasamiyeva2@gmail.com

Annotatsiya. *1991- yilgi Narasimha Rao islohotlari Hindiston davlatchiligi tarixida yangi davrni boshlab berdi. Ushbu maqolada o‘n yilliklar davomida hukm surgan “yopiq eshiklar” siyosatidan voz kechilishining intellektual migratsiyaga ko’rsatgan tarixiy ta’siri tahlil qilinadi. Tadqiqotda 1991-2000-yillar oralig’ida hind intellektual qatlamining milliy muammodan (Brain Drain) strategik “yumshoq kuch”ga (Soft Power) aylanish jarayonlari tarixiy – siyosiy rakursda ochib beriladi. Mazkur islohotlar bugungi “hind mo‘jizasi” va global texnologik ustunlik uchun poydevor bo‘lgani ilmiy asoslanadi.*

Kalit so‘zlar: *Intellektual migratsiya, iqtisodiy liberallashtirish, “yopiq eshiklar” siyosati, Soft Power, Brain Bank.*

РЕФОРМЫ НАРАСИМХИ РАО: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ ИНДИИ (1991 – 2000 – ГОДЫ)

Самиева Мадинахон Бахтиёр кизи
Базовый докторант (PhD)
Ташкентского государственного
университета востоковедения
madinasamiyeva2@gmail.com

Аннотация. *Реформы Нарасимхи Рао 1991 года стали поворотным моментом в истории индийской государственности. В статье анализируется историческое влияние отказа от многолетней политики «закрытых дверей» на динамику интеллектуальной миграции. В историко-политическом ракурсе рассматривается трансформация индийской интеллектуальной элиты из национальной проблемы (Brain Drain) в стратегическую «мягкую силу» (Soft Power) в период 1991–2000 годов. Обосновывается тезис о том, что именно эти преобразования заложили*

фундамент современного «индийского чуда» и глобального технологического доминирования страны.

Ключевые слова. *Интеллектуальная миграция, экономическая либерализация, политика «закрытых дверей», Soft Power (мягкая сила), Brain Bank (банк мозгов).*

NARASIMHA RAO REFORMS: A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF INDIAN INTELLECTUAL EMIGRATION (1991–2000)

Madinaxon Samiyeva
PhD Researcher
Tashkent State University of Oriental Studies
madinasamiyeva2@gmail.com

Abstract. *The 1991 Narasimha Rao reforms marked a definitive turning point in the history of Indian statehood. This article examines the historical impact of abandoning the decades-long "closed-door" policy on the dynamics of intellectual migration. From a historical and political perspective, the study explores the transformation of the Indian intellectual class from a national liability (Brain Drain) into a strategic "Soft Power" asset between 1991 and 2000. It provides a scholarly foundation for how these reforms laid the groundwork for the modern "Indian Miracle" and the nation's global technological prominence.*

Keywords: *Intellectual migration, economic liberalization, "closed-door" policy, Soft Power, Brain Bank.*

KIRISH. Hindistonning zamonaviy davlatchilik tarixi va uning global intellektual maydondagi o‘rni 1991-yilda boshlangan tub islohotlar bilan bevosita bog‘liq. XX asrning ikkinchi yarmi davomida Hindiston iqtisodiyoti va ijtimoiy hayoti “Litsenziya raj” (Licence Raj) [291] deb nomlangan, davlat hamma narsani qattiq nazorat qiladigan tizim asosida rivojlandi, bu esa byurokratiyani (qog‘ozbozlikni) kuchaytirib yuborgan. Bunday sharoitda bilimli mutaxassislar – muhandis va shifokorlar o‘z vatanida munosib ish topa olmay, ommaviy ravishda AQSH va Yevropaga ko‘chib keta boshlashdi. O‘sha paytlarda bu jarayon

[291] “Litsenziya raj” (License Raj) - Jawaharlal Nehru davrida 1951-yildagi Industries (Development and Regulation) Act asosida joriy etilgan, iqtisodiyot ustidan davlat nazoratini kuchaytirishga qaratilgan tizim bo‘lib, sanoatni rivojlantirish va xususiy monopoliyalarni cheklash maqsadida korxonalar faoliyatini litsenziya orqali boshqargan. 1991-yilda Narasimha Rao islohotlari davrida keskin qisqartirildi.

mamlakat uchun faqatgina yo‘qotish, ya’ni “aqllar oqimi” (Brain Drain) sifatida baholanib kelindi.

1991-yilga kelib Hindiston chuqur iqtisodiy va siyosiy inqiroz yoqasiga kelib qoldi. Mamlakatning xalqaro qarzlari ko‘payib, davlat xazinasida bor-yo‘g‘i ikki haftalik importni qoplashga yetadigan mablag‘ qolgan edi. Mana shunday tang ahvolda Bosh vazir P.V. Narasimha Rao o‘n yilliklar davomida shakllangan yopiq va ehtiyotkor siyosatdan voz kechishga qaror qildi. Uning boshchiligida joriy etilgan liberallashtirish va globallashuv islohotlari Hindiston iqtisodiyotini global bozorga ochdi, davlat monopoliyasini qisqartirdi, xususiy sektor faoliyatini kengaytirdi va xorijiy investitsiyalar uchun qulay sharoit yaratdi. Natijada axborot texnologiyalari, telekommunikatsiya, moliya va xizmat ko‘rsatish sohalari tez sur’atlarda rivojlana boshladi. Ayniqsa, IT sektori Hindiston iqtisodiyotining eng muhim tarmoqlaridan biriga aylandi. Biroq iqtisodiy modernizatsiya jarayonlari bilan bir qatorda, malakali mutaxassislarning xorijga ketishi, ya’ni intellektual emigratsiya jarayoni ham kuchaydi. Shu davrdan boshlab emigratsiya shunchaki “ketish” emas, balki Hindistonning dunyodagi ta'sirini oshiruvchi strategik kuch – “Brain Bank” (intellektual zaxira) konsepsiyasiga aylana boshladi.

Intellektual emigratsiya yoki “brain drain” atamasi yuqori malakali mutaxassislar ya’ni olimlar, muhandislar, shifokorlar, IT mutaxassislari va boshqa professional kadrlarning rivojlanayotgan davlatlardan iqtisodiy jihatdan rivojlangan mamlakatlarga ko‘chib o‘tishini anglatadi. Hindistonda bu jarayon mustaqillikning dastlabki yillaridan boshlangan bo‘lsa-da, 1990-yillardagi iqtisodiy liberallashuv uni yangi bosqichga olib chiqdi. Xususan, AQSh, Kanada, Buyuk Britaniya va Avstraliya kabi davlatlar hind mutaxassislari uchun asosiy migratsiya yo‘nalishlariga aylandi. Ayniqsa, Microsoft, Google kabi transmilliy kompaniyalarning yuqori malakali IT mutaxassislariga bo‘lgan ehtiyoji hind diasporasining kengayishiga sabab bo‘ldi.

Mazkur maqolaning asosiy maqsadi 1991 – 2000-yillarda P. V. Narasimha Rao islohotlari natijasida Hindistonda yuz bergan iqtisodiy o‘zgarishlarning migratsiya jarayonlariga ta’sirini tahlil qilishdan iborat. Tadqiqotda iqtisodiy liberallashuvning malakali kadrlar migratsiyasiga ta’siri, emigratsiyaning asosiy omillari hamda hind diasporasining Hindiston iqtisodiy va texnologik rivojlanishidagi o‘rni ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotning ilmiy ahamiyati shundaki, u Hindistondagi iqtisodiy islohotlar va intellektual emigratsiya o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlikni tarixiy nuqtai nazardan yoritadi.

TADQIQOT METODOLOGIYASI

Mazkur tadqiqot tarixiy-tahliliy yondashuv asosida olib borildi. Tadqiqot jarayonida tarixiy-komparativ metod yordamida Hindistonda 1991-yildan keyingi iqtisodiy islohotlar hamda ularning intellektual emigratsiyaga ta’siri qiyosiy tahlil qilindi. Shuningdek, statistik metod orqali 1991 – 2000-yillarda malakali hind mutaxassislarining xorijga migratsiyasi, ayniqsa AQSh va boshqa rivojlangan davlatlarga yo‘nalgan migratsion oqimlar o‘rganildi.

Tadqiqot davomida “brain drain” va diaspora nazariyalaridan foydalanilib, malakali kadrlar emigratsiyasining iqtisodiy va ijtimoiy omillari tahlil qilindi. Bundan tashqari, ilmiy maqolalar, xalqaro tashkilotlar hisobotlari hamda Hindiston hukumatining iqtisodiy ma’lumotlari kontent-tahlil usuli asosida o‘rganildi[292]. Tadqiqotda iqtisodiy liberallashuv, globalizatsiya va IT sektorining rivojlanishi bilan bog‘liq jarayonlarga alohida e’tibor qaratildi.

NATIJALAR

1991-yilda amalga oshirilgan iqtisodiy islohotlar natijasida hind migratsiyasining yangi bosqichi shakllangan bo‘lsa-da, ushbu jarayonning tarixiy ildizlari ancha oldingi davrlarga borib taqaladi. Hindistondagi ichki vaziyat hamda uning qo‘shnilari bilan munosabatlari hind migratsiyasining xarakteri va ko‘lamiga ta’sir ko‘rsatgan. Arablar, keyinchalik esa portugallar, gollandlar va inglizlar tomonidan hindlarning Hind okeanidagi savdo yo‘llaridan asta-sekin siqib chiqarilishi Sharqiy Afrika va Janubi-Sharqiy Osiyodagi hind savdo koloniyalarining hajmi va ta’sirining kamayishiga olib keldi. Shunga qaramay, ayrim hind guruhlari, ayniqsa hind-musulmonlar Omon, Sharqiy Afrikaning port shaharlari, Malakka, keyinchalik esa gollandlarning Bataviyasida o‘z ta’sirini saqlab qoldilar. Bunda ular hech qachon avtonom, yopiq birliklar bo‘lmaganlar, chunki bu hududlarda yashagan hindlarning aksariyati Janubiy Osiyoda tug‘ilgan bo‘lib, keksaygach Vatanga qaytishga intilganlar.

Inglizlar tomonidan Janubiy Osiyoning zabt etilishi va XIX asrning ikkinchi yarmida subkontinentning katta hududlari Britaniya tojining to‘g‘ridan-to‘g‘ri boshqaruviga o‘tishi, shuningdek ular tomonidan boshqa hududlar, jumladan Vest-Indiya, Sharqiy Afrikaning bir qismi va Janubi-Sharqiy Osiyoning egallanishi Hindistonning Buyuk Britaniyaning jahon miqyosidagi mustamlakachilik tizimiga qo‘shilishiga olib keldi. Keyingi davrlarda Hindistondan migratsiya aynan shu mustamlakachilik tizimi doirasida amalga oshdi. Dastlab u asosan mehnat

[292]World Bank, *Research & Publications*, https://www.worldbank.org/en/research, International Monetary Fund, *Publications*, https://www.imf.org/en/Publications, Government of India, *Economic Survey*, https://www.indiabudget.gov.in/economicsurvey/ , Deepak Nayyar (2008), *Migration, Remittances and Capital Flows*, Oxford University Press, https://global.oup.com/academic/product/migration-remittances-and-capital-flows-9780195683777, Jagdish Bhagwati (2004), *In Defense of Globalization*, Oxford University Press, https://global.oup.com/academic/product/in-defense-of-globalization-9780195330939

migratsiyasi xarakteriga ega edi. 1833-yilda Britaniya imperiyasida qullik bekor qilingach, plantatsiya iqtisodiyotida ishchi kuchiga bo‘lgan talabni qoplash maqsadida Hindistondan yollanma ishchilar (“indentured labour”) ommaviy ravishda Britaniya mustamlakalariga yuborildi. Ayniqsa, “Shakar koloniyalari” deb nom olgan bir nechta Britaniya mulklari – Trinidad, Gayana, Mavrikiy, Fidji hamda Malaya kabi hududlarga minglab hind ishchilari olib ketilgan. Ushbu migratsiya dastlab vaqtinchalik mehnat ko‘chishi sifatida tashkil etilgan bo‘lsa-da, keyinchalik xorijdagi hind kelib chiqishiga mansub barqaror etnik jamoalarning shakllanishiga zamin yaratdi[293].

Biroq Hindistondan tashqariga migratsiya faqat plantatsiya ishchilari bilan cheklanmagan. XIX asr oxiri – XX asr boshlarida Gujarat, Sind va Panjob hududlaridan chiqqan savdogarlar, vositachilar, hunarmandlar hamda ma’muriy xodimlar Britaniya imperiyasining turli qismlariga faol ravishda joylashganlar. Xususan, Sharqiy Afrikada gujaratlik savdogarlar savdo va moliyaviy vositachilikda muhim iqtisodiy mavqega ega bo‘lib, Birma va Malayada hindlar port xizmatlari, temiryo‘l qurilishi va davlat boshqaruvi tizimida faoliyat yuritgan[294]. Bu jarayon hind diasporasining dastlabki iqtisodiy va ijtimoiy tarmoqlarini shakllantirdi. Ayniqsa zanjirli migratsiya mexanizmi ya’ni migrantlar ortidan qarindoshlar, qishloqdoshlar va diniy jamoa a’zolarining kelishi – xorijdagi hind jamoalarining mustahkamlanishida muhim rol o‘ynadi.

XX asrning ikkinchi yarmiga kelib migratsiya xarakterida sezilarli o‘zgarishlar yuz bera boshladi. Mustamlakachilik tizimining parchalanishi va Buyuk Britaniya, AQSh hamda Kanada immigratsiya siyosatidagi o‘zgarishlar natijasida hind migrantlari orasida malakali mutaxassislar ulushi ortdi. Shifokorlar, muhandislar, olimlar va texnik mutaxassislarning rivojlangan davlatlarga ko‘chib borishi Hindiston uchun yangi fenomen - “brain drain” muammosini yuzaga keltirdi. Ayniqsa ingliz tilini bilish, texnik ta’lim tizimining nisbatan rivojlanganligi va xalqaro mehnat bozoridagi talab hind mutaxassislarini global miqyosda raqobatbardosh qildi. Shu bilan birga, Buyuk Britaniyada ham sobiq mustamlakalardan kelgan hindlar va boshqa Janubiy Osiyo xalqlari yirik etnik jamoalarni shakllantirdilar. Ular sanoat, xizmat ko‘rsatish sohasi, savdo va ta’lim tizimida muhim o‘rin egalladilar. Natijada XX asr oxiri - XXI asr boshlariga kelib

[293] A New System of Slavery: The Export of Indian Labour Overseas 1830–1920, London: Oxford University Press, 1974, pp. **45–68**; Servants, Sirdars and Settlers: Indians in Mauritius, 1834–1874, Oxford University Press, 1995, pp. **22–39.**

[294] Global Diasporas: An Introduction, London: Routledge, 2008, pp. **67–84;** Trade and Civilisation in the Indian Ocean, Cambridge University Press, 1985, pp. **121–146.**

hind diasporasi nafaqat son jihatdan katta, balki iqtisodiy, siyosiy va madaniy jihatdan ham ta’sirchan global kuchga aylandi.

1991-yilga kelib Hindiston mustaqillikdan keyingi eng jiddiy iqtisodiy inqirozlardan biriga duch keldi. Mamlakat tashqi to‘lov balansining keskin yomonlashuvi (Balance of Payments Crisis), yuqori inflyatsiya, byudjet taqchilligi va tashqi qarzlarning ortishi sababli iqtisodiy tanazzul yoqasiga kelib qolgan edi. 1990–1991-yillarda Hindistonning tashqi valyuta zaxiralari keskin kamayib, 1 milliard AQSh dollaridan ham past darajaga tushib ketdi va mamlakat import ehtiyojlarini atigi ikki-uch hafta davomida qoplay oladigan holatda qoldi[295]. Bu esa neft, sanoat xomashyosi va strategik mahsulotlar importiga qaram bo‘lgan mamlakat uchun jiddiy xavf tug‘dirdi.

Inqirozning chuqurlashishiga bir necha omillar sabab bo‘ldi. Birinchidan, 1980-yillarda davlat xarajatlarining ortishi va samarasiz davlat sektori byudjet defitsitining ko‘payishiga olib kelgan edi. 1990–1991-yilda fiskal defitsit YAIMning qariyb 8,4 foiziga yetdi. Ikkinchidan, 1990-yildagi Fors ko‘rfazi urushi sabab neft narxining keskin oshishi Hindistonning import xarajatlarini ko‘paytirdi. Uchinchidan, Hindistonning muhim savdo hamkorlaridan biri bo‘lgan Sovet Ittifoqining parchalanishi eksport hajmiga salbiy ta’sir ko‘rsatdi. Natijada mamlakat xalqaro to‘lov majburiyatlarini bajarishda defolt xavfi bilan yuzlashdi. Vaziyat shu darajaga yetdiki, 1991-yilda hukumat favqulodda choralar sifatida 67 tonna oltinni xalqaro banklarga garov sifatida topshirishga majbur bo‘ldi[296]. Mazkur inqirozni bartaraf etish maqsadida 1991-yil 21-iyunda bosh vazir lavozimiga P. V. Narasimha Rao kelgach, moliya vaziri etib Manmohan Singh tayinlandi va 1991-yil 24-iyulda New Economic Policy (NEP – Yangi iqtisodiy siyosat) hamda New Industrial Policy qabul qilindi. Ushbu islohotlarning asosiy maqsadi iqtisodiyotni davlat nazoratidan qisman chiqarish, sanoat samaradorligini oshirish va xorijiy investitsiyalarni jalb qilish edi.

Birinchi muhim islohot “Industrial licensing system (“License Raj”)” ni qisqartirish bo‘ldi. 1991-yilgi sanoat siyosatiga ko‘ra, avval davlat ruxsatisiz faoliyat yurita olmaydigan ko‘plab sanoat tarmoqlaridagi cheklovlar bekor qilindi. Faqat mudofaa va strategik xavfsizlik bilan bog‘liq ayrim sohalarda nazorat saqlab qolindi. Mazkur chora xususiy sektor rivojlanishini jadallashtirish va byurokratik to‘siqlarni kamaytirish uchun joriy qilindi.

Ikkinchi muhim yo‘nalish – xorijiy investitsiyalarni liberallashtirish bo‘ldi. 1991-yilgi New Industrial Policy doirasida xorijiy investitsiyalarni jalb qilish

[295] IMF, *Crisis, Recovery, and Transformation in India*, pp. 3–5.
[296] Bipan Chandra, *India Since Independence*, Penguin, 2008, pp. 603–607.

maqsadida ustuvor sanoat tarmoqlari belgilab berildi. Hukumat texnologik modernizatsiyani tezlashtirish, ishlab chiqarish samaradorligini oshirish va kapital tanqisligini bartaraf etish maqsadida 34 ta yuqori ustuvor sanoat tarmog‘ida xorijiy kompaniyalarga 51 foizgacha ulush bilan avtomatik investitsiya kiritishga ruxsat berdi. Ushbu tarmoqlar asosan kimyo sanoati, farmatsevtika, metallurgiya, energetika uskunalari, elektronika, telekommunikatsiya, avtomobilsozlik va mashinasozlik bilan bog‘liq edi. Mazkur siyosat Hindiston iqtisodiyotining global kapital uchun ochilishida muhim burilish nuqtasi bo‘ldi. Natijada xorijiy investitsiyalar hajmi sezilarli darajada ortdi: agar 1991-yilda FDI oqimi taxminan 129 million AQSh dollarini tashkil etgan bo‘lsa, 2000-yilga kelib bu ko‘rsatkich 3,6 milliard AQSh dollaridan oshdi.

Uchinchi muhim chora rupiyning devalvatsiyasi bo‘ldi. 1991-yil iyul oyida rupiyning qiymati qariyb 18–20 foizga pasaytirildi. Bu eksportni rag‘batlantirish, import bosimini kamaytirish va xalqaro bozorda hind mahsulotlarining raqobatbardoshligini oshirish maqsadida amalga oshirildi. Bundan tashqari, savdo liberallashtirilib, import kvotalari va tariflar bosqichma-bosqich kamaytirildi[297].

Mazkur islohotlar qisqa muddatda iqtisodiy barqarorlikni tiklashga yordam berdi va ayniqsa IT hamda xizmat ko‘rsatish sektorining jadal rivojlanishi uchun asos yaratdi. Bu esa keyinchalik hind muhandislari, dasturchilari va boshqa yuqori malakali mutaxassislarning global mehnat bozoriga faol kirib borishiga hamda 1990-yillarda intellektual emigratsiyaning yangi bosqichi shakllanishiga zamin yaratdi.

1991-yildagi iqtisodiy islohotlar Hindiston migratsiya tarixida sifat jihatdan yangi bosqichni boshlab berdi. Agar avvalgi davrlarda hind migratsiyasi asosan plantatsiya mehnati, savdo koloniyalari yoki past malakali ishchi kuchi harakati bilan bog‘liq bo‘lgan bo‘lsa, 1991-yildan keyin iqtisodiy liberallashtirish natijasida yuqori malakali mutaxassislarning xalqaro migratsiyasi ustun yo‘nalishga aylana boshladi. Bu jarayonda XIX–XX asrlar davomida Buyuk Britaniya, AQSh va Kanadada shakllangan hind diasporasi tarmoqlari muhim ijtimoiy kapital vazifasini bajardi. Avvaldan mavjud diaspora jamoalari yangi kelayotgan muhandislar, shifokorlar va texnik mutaxassislarning mehnat bozoriga integratsiyalashuvini yengillashtirdi[298].

Narasimha Rao hukumati tomonidan amalga oshirilgan iqtisodiy liberallashtirish siyosati mazkur transformatsiyaning asosiy institutsional omiliga aylandi. 1991-yil 24-iyulda e’lon qilingan yangi sanoat siyosati asosida strategik va

[297] Deepak Nayyar, *Migration, Remittances and Capital Flows*, Oxford University Press, 2008, pp. 97–103.
[298] Robin Cohen, *Global Diasporas: An Introduction*, Routledge, London, 2008, pp. 67–84; Steven Vertovec, *The Hindu Diaspora: Comparative Patterns*, Routledge, 2000, pp. 88–96.

ekologik jihatdan muhim bo‘lmagan deyarli barcha tarmoqlarda litsenziyalash tizimi bekor qilindi hamda rasmiy ma’lumotlarga ko‘ra, bu o‘zgarish sanoatning qariyb 80 foiziga ta’sir ko‘rsatdi. Shu bilan birga, ayrim tarmoqlarda xorijiy kapital ishtiroki 40 foizdan 51 foizgacha oshirildi, bu esa xalqaro kompaniyalar faoliyatining kengayishiga xizmat qildi. 1991-yil 24-iyuldan 1992-yil 31-yanvargacha xorijiy texnologiyalarni olib kirish bo‘yicha 505 ta bitim tasdiqlanganligi Hindiston iqtisodiyotining global texnologik tizimga faol integratsiyalashayotganini ko‘rsatadi.

Mazkur iqtisodiy transformatsiya malakali kadrlar migratsiyasiga bevosita ta’sir ko‘rsatdi. Xususan, 1993-yilda valyuta operatsiyalariga qo‘yilgan cheklovlarning yumshatilishi va tashqi iqtisodiy aloqalarning kengayishi hind mutaxassislarining xalqaro mehnat bozoriga chiqishini tezlashtirdi. Shu bilan birga, 1998-yilda AQShda “dot-com boom” jarayonining avj olishi dasturchilar va muhandislarga bo‘lgan talabni keskin oshirdi. 1998-yilda H-1B viza tizimining kengaytirilishi natijasida hind mutaxassislari ushbu viza oluvchilar orasidagi eng yirik guruhlardan biriga aylandi. Ayniqsa Indian Institutes of Technology (IIT) bitiruvchilari yuqori talabga ega bo‘lib, 1998-yilda ayrim IIT kampuslarida bitiruvchilarning 50 foizdan ortig‘i xorijga, asosan AQShga ishlash yoki ilmiy faoliyat uchun ketgani qayd etilgan[299].

Shuningdek, Rao hukumatining Sakkizinchi besh yillik rejasi (1992–1997) doirasida “inson taraqqiyoti” omili ustuvor yo‘nalish sifatida belgilandi. Texnik ta’lim, kommunikatsiya va infratuzilmaga e’tibor kuchaytirilishi natijasida Hindistonda IT va texnologik sektor tez sur’atlarda rivojlana boshladi. Agar 1991-yilda dasturiy ta’minot eksporti taxminan 150 million AQSh dollarini tashkil etgan bo‘lsa, 2000-yilda bu ko‘rsatkich 6,2 milliard dollardan oshdi, bu esa Hindistonni global texnologik xizmatlar markazlaridan biriga aylantirdi. Ayniqsa Bangalore va Hyderabad shaharlari 1998-yildan boshlab xalqaro outsourcing markazlari sifatida shakllana boshladi [300] . Natijada, dastlab 1993-yilda “brain drain” – malakali kadrlarning yo‘qotilishi sifatida baholangan intellektual emigratsiya 1999-yilga kelib boshqa mazmun kasb eta boshladi. Xorijdagi hind diasporasi remitanslar, investitsiyalar, texnologik bilim va xalqaro professional tarmoqlar orqali Hindiston taraqqiyotining muhim resursiga aylandi. Shu tariqa, Narasimha Rao davridagi iqtisodiy islohotlar Hindiston migratsiyasi tarixida mehnat migratsiyasidan yuqori

[299] Steven Vertovec, *The Hindu Diaspora: Comparative Patterns*, Routledge, 2000, pp. 90–94; Rafiq Dossani, *India Arriving*, AMACOM, 2008, pp. 68–70.
[300] *Economic Survey 1991–1992B*, Government of India, Chapter 6, p. 82; NASSCOM, *Strategic Review 2000*, pp. 18–22.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

malakali inson kapitali harakatiga asoslangan yangi bosqich - “brain drain”dan “brain gain”ga o‘tish modelini shakllantirdi.

MUHOKAMA. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, Narasimha Rao davridagi iqtisodiy transformatsiyalar Hindiston intellektual emigratsiyasining ko‘lami va xarakterini tubdan o‘zgartirdi. Biroq mazkur jarayonni faqat 1991-yildagi iqtisodiy liberallashtirish natijasi sifatida talqin qilish yetarli emas. Intellektual emigratsiyaning yangi bosqichi oldingi davrda, xususan, Rajiv Gandhi hukumati davrida boshlangan texnologik modernizatsiya siyosatining mantiqiy davomi sifatida ham baholanishi mumkin. 1980-yillarda Rajiv Gandhi Hindistonning texnologik ortda qolishini kamaytirish va mamlakatni zamonaviy iqtisodiy modelga o‘tkazish zarurligini ilgari surgan edi. U Hindiston XXI asrga eskicha iqtisodiy model bilan emas, texnologiya va innovatsiyaga tayangan holda kirishi lozimligini ta’kidlagan va shu bois ko‘plab tadqiqotchilar tomonidan “Hindistonning texnologik modernizatsiyasi me’morlaridan biri” sifatida e’tirof etiladi.

Rajiv Gandhi davrida kompyuterlashtirish, telekommunikatsiya va elektronika sohalariga alohida e’tibor qaratildi. Ayniqsa davlat boshqaruvi, bank tizimi va texnologik infratuzilmani modernizatsiya qilishga qaratilgan siyosat keyinchalik Hindiston IT sektorining rivojlanishi uchun muhim zamin yaratdi. Shu ma’noda, Narasimha Rao hukumati yangi modelni noldan yaratmagan, balki 1980-yillarda boshlangan texnologik transformatsiyani iqtisodiy liberallashtirish orqali yangi bosqichga olib chiqqan, deyish mumkin. Agar Rajiv Gandhi davri texnologik asoslarni yaratgan bo‘lsa, Rao davri ushbu salohiyatni global iqtisodiy tizim bilan bog‘lab berdi.

Shuningdek, tadqiqot shuni ko‘rsatadiki, Narasimha Rao hukumati tomonidan migratsiyani bevosita rag‘batlantirish siyosati yuritilmagan bo‘lsa-da, amalga oshirilgan iqtisodiy choralar malakali mutaxassislarning xalqaro mobilligini sezilarli darajada oshirdi. Iqtisodiyotning global bozorga ochilishi, xalqaro kompaniyalar faoliyatining kengayishi va texnologik sektorning rivojlanishi natijasida hind mutaxassislari xorijiy ish beruvchilar uchun yuqori talabga ega inson kapitaliga aylandi. Ayniqsa texnik va muhandislik yo‘nalishlari bitiruvchilarining xalqaro mehnat bozorida talabgirligi ortdi. Shu tariqa, davlat emigratsiyani alohida maqsad sifatida qo‘llab-quvvatlamagan bo‘lsa ham, uning iqtisodiy siyosati bilvosita ravishda intellektual emigratsiyaning jadallashuvi uchun qulay muhit yaratdi. Bundan tashqari, mazkur davr tajribasi “brain drain” konsepsiyasini qayta ko‘rib chiqish zaruratini ham ko‘rsatadi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XULOSA. Dastlab yuqori malakali kadrlarning xorijga chiqib ketishi milliy manfaatlarga tahdid sifatida baholangan bo‘lsa, vaqt o‘tishi bilan ushbu migratsiyaning transmilliy xususiyati yaqqolroq namoyon bo‘la boshladi. Xorijdagi hind mutaxassislari professional tarmoqlar yaratish, investitsiyalarni yo‘naltirish, texnologik tajribani uzatish va xalqaro ilmiy aloqalarni rivojlantirish orqali Hindiston taraqqiyotiga bilvosita ta’sir ko‘rsatdi. Natijada hind diasporasi oddiy migrantlar jamoasi emas, balki iqtisodiy va innovatsion rivojlanishda ishtirok etuvchi strategik transmilliy resursga aylandi.

Rao davrida boshlangan iqtisodiy ochiqlik Hindistonning global iqtisodiy tizimdagi rolini ham o‘zgartirdi. Agar ilgari mamlakat asosan arzon ishchi kuchi manbai sifatida ko‘rilgan bo‘lsa, 2000-yillarga kelib Hindiston yuqori malakali inson kapitali eksport qiluvchi davlat sifatida tanila boshladi. Shu bois Narasimha Rao islohotlarini faqat iqtisodiy liberallashtirish sifatida emas, balki Hindiston intellektual emigratsiyasining sifat jihatdan yangi bosqichini shakllantirgan tarixiy burilish nuqtasi sifatida baholash mumkin.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Migration, Remittances and Capital Flows. Migration, Remittances and Capital Flows: The Indian Experience. Oxford: Oxford University Press, 2008.
2. India After Gandhi. India After Gandhi: The History of the World’s Largest Democracy. New York: HarperCollins, 2007.
3. Imagining India. Imagining India: The Idea of a Renewed Nation. New York: Penguin Press, 2008.
4. The Hindu Diaspora: Comparative Patterns. The Hindu Diaspora: Comparative Patterns. London: Routledge, 2000.
5. Global Diasporas: An Introduction. Global Diasporas: An Introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2008.
6. National Association of Software and Service Companies. Strategic Review 2000. New Delhi: NASSCOM, 2000.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XARAPPA MADANIYATIDA DINIY TIZIM VA UNING HINDISTON DINLARI EVOLUTSIYASIDAGI ROLI

Shohjahon Sa’dullayev
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti tayanch doktoranti
Tel: *+998-99-704-18-30*
Orcid: *https://orcid.org/0009-0001-5767-401X*

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Xarappa madaniyatida mavjud bo‘lgan diniy e’tiqod tizimi va uning Hindiston yarimorolida keyinchalik shakllangan diniy an’analarga ko‘rsatgan ta’siri tahlil qilingan. Tadqiqot davomida arxeologik topilmalar, qadimgi hind diniy manbalari, xususan Rigveda ma’lumotlari hamda tarixiy-qiyosiy yondashuv asosida Xarappa sivilizatsiyasining diniy qarashlari rekonstruksiya qilinadi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, ushbu sivilizatsiya e’tiqodida tabiat va hayvon kultlari, poklanish marosimlari, diniy ritualning soddaligi hamda tirik mavjudotlarga ehtiyotkor munosabat muhim o‘rin tutgan. Maqolada oriylarning Hindiston hududiga kirib kelishi natijasida vedik diniy tizimning shakllanishi, mahalliy diniy qatlamlar bilan o‘zaro ta’siri hamda brahmanizm, buddaviylik, jaynizm va hinduizmning tarixiy evolutsiyasi yoritilgan. Tadqiqot yakunida Hind dinlari evolutsiyasi bir diniy tizimning boshqasini to‘liq siqib chiqarishi emas, balki qadimgi mahalliy e’tiqodlar va vedik an’analarning uzoq davom etgan diniy-madaniy sintezi natijasi ekanligi asoslab berilgan.

Kalit so‘zlar: *Xarappa madaniyati, Hind sivilizatsiyasi, diniy e’tiqod, Rigveda, vedik din, brahmanizm, buddaviylik, jaynizm, hinduizm, diniy transformatsiya.*

ABSTRACT

This article examines the religious belief system of the Harappan civilization and its role in the evolution of religions that later emerged on the Indian subcontinent. Based on archaeological findings, ancient Indian religious sources—particularly the Rigveda—and a historical-comparative approach, the study reconstructs the main features of Harappan religious beliefs. The findings suggest that the Harappan religious system was characterized by the cult of nature and animals, purification rituals, relatively simple religious practices, and a respectful attitude toward living beings. The article further explores the formation of the Vedic religious system following the arrival of the Aryans in the Indian subcontinent, its interaction with indigenous religious traditions, and the historical development of Brahmanism, Buddhism, Jainism, and Hinduism. The study concludes that the evolution of Indian religions should not be understood as the complete replacement

of one religious system by another, but rather as the result of a long-term religious and cultural synthesis between ancient local beliefs and Vedic traditions.

Keywords: *Harappan civilization, Indian civilization, religious beliefs, Rigveda, Vedic religion, Brahmanism, Buddhism, Jainism, Hinduism, religious transformation.*

Zusammenfassung

Der vorliegende Artikel untersucht das religiöse Glaubenssystem der Harappa-Kultur und seine Bedeutung für die Entwicklung der später auf dem indischen Subkontinent entstandenen Religionen. Auf der Grundlage archäologischer Funde, altindischer religiöser Quellen – insbesondere des Rigveda – sowie eines historisch-vergleichenden Ansatzes werden die wesentlichen Merkmale der religiösen Vorstellungen der Harappa-Zivilisation rekonstruiert. Die Untersuchung zeigt, dass das religiöse System dieser Zivilisation durch Natur- und Tierkulte, Reinigungsrituale, eine vergleichsweise einfache religiöse Praxis sowie einen respektvollen Umgang mit lebenden Wesen geprägt war. Darüber hinaus analysiert der Artikel die Entstehung des vedischen Religionssystems nach dem Eindringen der Arier auf den indischen Subkontinent, dessen Wechselwirkungen mit den lokalen religiösen Traditionen sowie die historische Entwicklung des Brahmanismus, Buddhismus, Jainismus und Hinduismus. Die Ergebnisse der Studie verdeutlichen, dass die Evolution der indischen Religionen nicht als vollständige Ablösung eines religiösen Systems durch ein anderes verstanden werden kann, sondern vielmehr als Ergebnis eines langfristigen religiös-kulturellen Syntheseprozesses zwischen alten lokalen Glaubensvorstellungen und vedischen Traditionen.

Schlüsselwörter: *Harappa-Kultur, indische Zivilisation, religiöse Vorstellungen, Rigveda, vedische Religion, Brahmanismus, Buddhismus, Jainismus, Hinduismus, religiöse Transformation.*

KIRISH

Hindiston yarimoroli jahon sivilizatsiyasi tarixida eng qadimiy madaniy va diniy markazlardan biri sifatida alohida o‘rin tutadi. Ushbu hududda shakllangan diniy qarashlar nafaqat mintaqa xalqlarining ijtimoiy va siyosiy taraqqiyotiga, balki keyinchalik yuzaga kelgan yirik diniy tizimlar — brahmanizm, buddaviylik, jaynizm hamda hinduiylikning shakllanish jarayoniga ham bevosita ta’sir ko‘rsatgan. Shu bois Hindistondagi ilk diniy e’tiqodlar genezisi va ularning tarixiy transformatsiyasini o‘rganish bugungi tarixshunoslik, dinshunoslik va sivilizatsiyalar tadqiqotlari doirasidagi dolzarb ilmiy masalalardan biri hisoblanadi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Mazkur mavzuning dolzarbligi shundaki, Hind vodiysi sivilizatsiyasiga oid yozuvlarning hozirgi kungacha to‘liq shifrlanmagani qadimgi hind diniy tafakkurining ilk shakllari haqida yakuniy ilmiy xulosaga kelish imkonini cheklab kelmoqda. Shu bilan birga, arxeologik topilmalar, vedik manbalar, xususan Rigveda matnlari hamda keyingi diniy tizimlarning qiyosiy tahlili orqali qadimgi diniy qarashlarning ayrim qatlamlarini qayta tiklash imkoniyati mavjud. Ayniqsa, oriylar va mahalliy aholi o‘rtasidagi diniy-madaniy munosabatlar, ularning ijtimoiy oqibatlari hamda keyingi diniy tizimlarga ta’siri ilmiy jihatdan chuqur tahlil qilishni talab etadi.

Ushbu maqolaning nazariy ahamiyati shundan iboratki, unda Hindiston yarimorolida diniy qarashlarning shakllanishi va evolyutsiyasi sivilizatsion yondashuv asosida tahlil qilinadi hamda qadimgi Hind sivilizatsiyasi e’tiqodlari bilan vedik diniy tizim, brahmanizm, buddaviylik, jaynizm va hinduiylik o‘rtasidagi tarixiy-diniy bog‘liqlik izohlanadi. Shuningdek, maqolada diniy transformatsiya jarayonlari substrat va superstrat munosabatlari nuqtayi nazaridan talqin qilinib, qadimgi diniy an’analarning keyingi davr diniy tizimlarida qayta namoyon bo‘lish mexanizmlari yoritiladi.

Maqolaning maqsadi — Hindiston yarimorolida shakllangan ilk diniy qarashlar, ularning vedik an’analar bilan o‘zaro aloqasi va keyingi diniy tizimlarga ko‘rsatgan ta’sirini tarixiy hamda nazariy jihatdan tahlil qilishdan iborat. Shu orqali qadimgi hind diniy tafakkurining uzviyligi va uning Janubiy Osiyo diniy-madaniy taraqqiyotidagi o‘rnini ilmiy asosda ochib berish ko‘zda tutiladi.

METODLAR

1. Tarixiy-qiyosiy metod — Xarappa sivilizatsiyasi, vedik davr va keyingi hind diniy tizimlari o‘rtasidagi tarixiy-madaniy bog‘liqlik va transformatsiya jarayonlarini aniqlashda qo‘llanildi.
2. Manbashunoslik metodi — Rigveda, boshqa vedik matnlar hamda zamonaviy ilmiy adabiyotlar asosida diniy qarashlar tahlil qilindi va qiyoslandi.
3. Arxeologik interpretatsiya metodi — Xarappa madaniyatiga oid moddiy yodgorliklar (muhrlar, shahar tuzilishi, arxeologik topilmalar) asosida diniy tasavvurlar rekonstruksiya qilindi.
4. Qiyosiy dinshunoslik metodi — qadimgi diniy e’tiqodlar bilan hinduizm, buddaviylik va jaynizm o‘rtasidagi o‘xshashlik va farqlar o‘rganildi.
5. Sivilizatsion yondashuv — diniy tizimlar rivojlanishi alohida hodisa emas, balki sivilizatsiyalararo uzoq muddatli madaniy jarayon sifatida talqin qilindi.

6. Substrat va superstrat modeli — mahalliy qadimgi diniy qatlamlar va vedik-oriy diniy tizimi o‘rtasidagi sintez jarayonlari asosida hinduizm shakllanishi tahlil qilindi.

MUHOKAMA VA NATIJALAR

Hindiston yarimorolida paydo bo‘lgan ilk din qaysi edi?

Hindiston yarimorolida shakllangan ilk diniy e’tiqodning aniq nomi hozirgi kunga qadar noma’lumligicha qolmoqda. Hind xalqlarining bizgacha yetib kelgan eng qadimgi diniy manbalari vedalar bo‘lib, ular orasida ayniqsa *Rigveda* alohida ahamiyat kasb etadi. [Coningham & Young, 2015: 2] Shu bilan birga, vedalar asosan shimoli-g‘arbiy hududlardan kirib kelgan oriy qabilalarining diniy tasavvurlarini aks ettiradi. Biroq mazkur manbalar chuqur tahlil qilinganda, ularda oriylardan avval mavjud bo‘lgan diniy qarashlarning ayrim izlari ham kuzatiladi. Jumladan, *Rigveda*ning ba’zi mandalalarida oriylarning dushmani sifatida tavsiflangan mahalliy aholi — dasa va dasyularning qurbonlik marosimlarini bajarmasligi, oriy e’tiqodiga zid amallarni amalga oshirishi hamda oriylar sig‘inadigan xudolarga e’tiqod qilmasligi qayd etilgan.

Hind vodiysi sivilizatsiyasining diniy qarashlarini arxeologik manbalar asosida tadqiq etish ishlari XX asrning 1930-yillarida ingliz arxeologi J. Marshall tomonidan boshlangan [Marshall, 1931: 52–56]. Olimning gipotezasiga ko‘ra, Xarappa sivilizatsiyasida Oliy Erkak va Ona xudoga sig‘inish, shuningdek, hayvonlar hamda o‘simliklarga e’tiqod qilish unsurlari mavjud bo‘lgan [Marshall, 1931: 52–56]. J. Marshall ushbu xulosani ko‘plab loy taxtachalarda erkaklik va ayollik jinsiy a’zolarining ramziy tasvirlari uchrashi bilan izohlaydi [Marshall, 1931: 52–56]. Shuningdek, hayvonlar va o‘simliklarni muqaddaslashtirish bilan bog‘liq diniy tasavvurlar ham aynan muhr va tasvirlar orqali asoslangan. Bundan tashqari, tadqiqotchi mazkur sivilizatsiya e’tiqodida ibtidoiy *shaktizm* unsurlari mavjudligini ta’kidlaydi. Ammo keyingi davr olimlarining bir qismi ushbu qarashlarni rad etib, *shaktizm* ko‘proq vedik diniy tizim elementlarini aks ettirishini qayd etgan.

Hind sivilizatsiyasining xaroba manzilgohlaridan topilgan ashyoviy dalillar, turar-joy qoldiqlarini inobatga olib quyidagi fikrlarni ilgari surish mumkin:

1. Mohenjodaro, Xarappa va boshqa manzilgohlardagi turar-joy qoldiqlari deyarli bir andoza asosida qurilganini, o‘ta boy va o‘rtamiyona kishilar ham deyarli bir xil uylarda istiqomat qilganini ko‘rish mumkin. [Wright, 2009: 91] Bu esa jamiyatda din bilan mustahkamlangan ijtimoiy tenglik tamoyili qaror topganini ko‘rsatadi.

2. Hind sivilizatsiyasiga oid yozuvlar hanuz shifrlanmagan (o‘qilmagan) bo‘lsa-da, [Robinson, 2015: 37] yozuv tablolaridagi tasvirlarning deyarli bir

andozaga egaligi, ma’lum bir hayvon tasvirining ko‘p uchrashi jamiyat e’tiqodida totemizm elementlarini ham namoyon etadi.

3. Misr yoki Mesopotamiya sivilizatsiyasi arxitekturasidan farqli o‘laroq hind sivilizatsiyasi arxitekturasida saroy va ibodatxona singari muhtasham monumental binolar deyarli uchramaydi. Ammo manzilgohlarda muhtasham hovuzlar, hammomlar alohida e’tibor bilan barpo etilgan. Bu esa e’tiqodda jamoaviy cho‘milishning poklanish yoki diniy ritual xarakter kasb etganini ko‘rsatadi. Shuningdek, aholisi zich bo‘lgan manzilgohlarda yirik ibodatxonaning mavjud emasligi diniy ritualning soddaligi hamda muayyan joy tanlamasligidan dalolat beradi.

4. Monumental ibodatxonalarsiz e’tiqod jamiyat hayotida ruhoniy va kohinlar tabaqasining muhim rol o‘ynamaganini ham ko‘rsatadi. Buni hind sivilizatsiyaning diniy e’tiqoddagi noyob xarakterli xususiyarlardan biri deyish mumkin.

Qadimgi hind yozuvining shifrlanmagani va shu sababdan ochiq diniy matnning mavjud emasligi ushbu sivilizatsiya diniy e’tiqodini o‘rganishga to‘siq bo‘lmoqda. [Parpola, 2015: 69] Ammo Hind sivilizatsiyasi vayronalarida keyinchalik vujudga kelgan vedik e’tiqodning eng qadimiy matnlari, xususan, Rigvedadagi ba’zi ishoralar orqali ham qadimgi Hind sivilizatsiyasi diniy e’tiqodi xususida oz bo‘lsa-da tasavvurga ega bo‘lish mumkin. [Witzel, 2008: 68] Bu borada *Rigveda*da uchraydigan ikki termin alohida ahamiyat kasb etadi:

1) ***Dasyu*** – oriylar e’tiqodida bo‘lmagan, ularning xudolarini (Indira, Mitra, Varuna v.h.) tan olmaydigan va ularga sig‘inmaydigan, shuningdek, belgilangan rituallarni bajarmaydigan kishilar. Bundan anglashiladiki, dasyu ma’lum bir etnik yoki diniy jamoa emas. [Parpola, 2015: 255]

2) ***Dasa*** – qora tanli (krishna tvacam), oriylarga siyosiy va diniy jihatdan dushman bo‘lgan, ijtimoiy hayot tarzi bilan keskin farqlanuvchi (oriylar ko‘chmanchi chorvador edi, dasalar esa qal’alarda (pura) yashagan) xalq edi. [Flood, 1996: 35]

Mazkur ma’lumotlardan kelib chiqib, *Rigveda*da qayd etilgan dasa qavmini oriylar tomonidan vayron qilingan Xarappa sivilizatsiyasi aholisi bilan bog‘lash mumkin. Xo‘sh, sivilizatsiya sohiblari bo‘lgan dasalar nega oriylar qarshisida ojiz qoldi?

Birinchidan, dasalar tabiiy resurslarga boy hududda rivojlangan sivilizatsiya barpo etgan edi. Tarixiy tajriba shuni ko‘rsatadiki, moddiy ne’matlar yetarli bo‘lgan hududlarda ichki urush va to‘qnashuvlar nisbatan kam uchraydi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Ikkinchidan, ular savdogar va hunarmand xalq edi. Mesopotamiya va Markaziy Osiyoning bronza davri madaniyati - Baqtriya-Marg‘iyona arxeologik kompleksi kishilari bilan tijoriy aloqalarni yo‘lga qo‘ygan va ular bilan totuvlikda yashagan. Harbiy harakatlarga kamroq urg‘u berilgan.

Uchinchidan, mavjud ilmiy taxminlarga ko‘ra, ularning diniy qarashlarida tirik mavjudotlarga zarar yetkazmaslik g‘oyasi muhim o‘rin tutgan, hayvon kultlari muqaddas hisoblangan hamda hayvonlarni so‘yish yoki o‘ldirish taqiqlangan.

Mazkur omillar dasa jamiyatining harbiy faoliyatdan, qurolli to‘qnashuvlardan va zo‘ravonlikka asoslangan siyosiy amaliyotlardan nisbatan uzoqlashishiga olib kelgan. Natijada ular oriylarning bosqinchilik yurishlariga munosib qarshilik ko‘rsata olmay, tarixiy tanazzulga yuz tutgan. Biroq *Rigveda* ma’lumotlari shuni ko‘rsatadiki, dasalar o‘z hududlarini oriylarga qarshiliksiz topshirib qo‘ymagan.

*Rigveda*ning ba’zi mandalalarida qayd etilishicha, oriylar tomonidan 99 ta qal’a-shahar (*pura*) egallangan. Ayrim janglar shu darajada shiddatli kechganki, hatto ot va jang aravalari yordamida ham omon qolish yoki chekinish imkoniyati bo‘lmagan. Mamlakat hukmdori Shambara oriylar bosqiniga jiddiy qarshilik ko‘rsatgan. Bunga javoban oriylar tomonidan keskin qasos harakatlari amalga oshirilgan. *Rigveda*da janglar davomida 66 mingdan ortiq qora tanli (*krishna tvacam*) dushman — dasalar yo‘q qilingani qayd etiladi. Jumladan, Mohenjo-Daro xarobasidan shimolroqdagi manzilgohlardan qilich va bolta bilan chopib o‘ldirilgan har xil yoshdagi odamlarning ommaviy qabrlari topilgan.

Rigvedada dasalar quyidagicha xarakterlanadi:

1. ***Krishna tvacam*** – qora tanli. “*U (Indira) tajovuzkor [dasaning] qora terisini yirtib tashladi.”* [Rigveda: I.130.8] Yoki “*Sen 50 ming qora tanlini yo‘q qilding*” [Rigveda: IV.16.13] Mazkur tavsif dasalarning etnik yoki tashqi antropologik jihatdan oriylardan farqlanganini anglatadi.

2. ***Avrata*** – dinsiz, oriy diniga e’tiqod qilmaydigan. “*Ey qudratli [Indira]! Dinsiz (avrata) dushman – dasalarni idish olovda kuydirilgani singari yutib yubor!*” [Rigveda: I.175.3] Ushbu ta’rifdan ko‘rinadiki, Hind sivilizatsiyasi aholisi mustaqil diniy qarashlarga ega bo‘lgan va o‘z e’tiqodiy an’analarida qat’iy turib, oriy ilohlarini tan olmagan.

3. ***Ayajvana*** – qurbonlik (*yajna*) ado etmaydigan. “*Diniy marosimlarni bajarmas itoatsiz [dasyu va dasalarni] qurbonlik qiluvchi [aryalarga] bo‘ysundir!*” [Rigveda: I.62.5] Ushbu tavsif dasalarning vedik diniy marosim tizimidan tashqarida bo‘lganini ko‘rsatadi.

4. ***Puravasin*** – qal’alarda (pura) yashovchi o‘troq aholi. “*Indira toshdan qurilgan yuzta qal’ani vayron qildi*” [Rigveda: IV.30.20] Vedik oriylar o‘zlarini

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ko‘chmanchi chorvador (gopa) xalq sifatida identifikatsiya qilgan va o‘troq aholidan nafratlangan.

Oriylar dastavval dasalar bilan shiddatli janglar olib borishgan bo‘lsa, keyinchalik, ularni qaram elatga aylantirgan. Shu sababli “dasa” terminining semasida ham xronologik farq mavjud. Rigvedaga ko‘ra “dasa” atamasi umumiy tarzda “dushman” ma’nosini anglatgan bo‘lsa, keyingi vedik adabiyotda va klassik sanskrit tilida “qul” ma’nosida ifodalana boshlagan. Misol tariqasida quyidagi antroponimlarni keltirish mumkin: *Mohandas* – “Ulug‘ [ilohning] quli”; *Devdas* – “Xudoning quli” v.h.

Oriylar joriy qilgan diniy tizim va brahmanizmning shakllanishi

Oriylarning Hindiston yarimoroliga kirib kelishi mintaqaning diniy-madaniy taraqqiyotida muhim burilish yasadi. Ular Hindiston mintaqasi madaniyatiga qurbonlik qilish (*yajna*) tushunchasini olib kirdi, ot va arava kultini ilohiylashtirdi. Oriylar o‘zlarining panteonik diniy tizimini shakllantirib, oliy ilohlar sifatida osmon va qudrat timsoli hisoblangan Indra, olov ma’budi Agni, ahdlashuv va tartib bilan bog‘liq Mitra, kosmik qonuniyat va tartibni ifodalovchi Varuna hamda boshqa ilohlarni hukmron diniy tizimning asosiy xudolari (*deva* va *devatalar*) sifatida joriy etdilar. [Flood, 1996: 48] Shu bilan birga, ushbu diniy tizim mutlaq yopiq bo‘lmagan bo‘lib, vaqt o‘tishi bilan mahalliy diniy an’analar va e’tiqod elementlarini ham o‘z tarkibiga singdira bordi.

Bosqichma-bosqich mahalliy aholi hukmron guruhning diniy qarashlarini qabul qila boshladi. Biroq oriylar mahalliy aholini ijtimoiy jihatdan o‘zlariga teng deb hisoblamadi va jamiyatni qat’iy ierarxik asosda tashkil etuvchi kasta tizimini shakllantirdi. Mazkur tizim diniy omil vositasida oriylarning siyosiy va ijtimoiy hukmronligini mustahkamlashga xizmat qildi.

Ammo vaqt o‘tishi bilan bo‘ysundirilgan qora tanli aholi (vedik dravidlar) orasidan vedik din bilimdonlari yetishib chiqa boshladi. Bunga sabab, ular qadimgi sivilizatsiya an’analarining davomchilari va ma’naviy meros egalari bo‘lganidir. Natijada, ushbu qatlam vakillarida jamiyatni kuch vositasida nazorat qilib turgan bosqinchi oriylar bilan ijtimoiy mavqe nuqtayi nazaridan raqobatlasha olish imkoniyati paydo bo‘ldi.

Shu tariqa, “kelgindi” oriylar oldida ikki muhim ijtimoiy vazifa yuzaga keldi. Birinchidan, mahalliy aholining siyosiy bo‘ysunuvini saqlab qolish zarur edi. Ikkinchidan, oriylarning ijtimoiy ustun mavqeini diniy-g‘oyaviy asosda legitimlashtirish talab etildi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Ehtimol, aynan shu tarixiy ehtiyoj natijasida vedik diniy tizim yanada murakkablashtirildi, uning ritual va marosim amaliyotlari kengaytirildi hamda diniy ruhoniy tabaqa — brahmanlarning vakolat va nufuzi sezilarli darajada oshirildi. Intellektual salohiyati yuqori bo‘lgan, veda matnlari va diniy bilimlarni mukammal egallagan oriylar brahmanlar toifasini shakllantirdi. Shu bilan birga, jismoniy qudrat, siyosiy boshqaruv va harbiy faoliyatga ixtisoslashgan qatlam kshatriylar tabaqasini tashkil etdi. [Thapar, 2004: 118]

Mazkur ikki ijtimoiy qatlam jamiyat elitasiga aylandi va ularning mavqei diniy me’yorlar hamda ijtimoiy institutlar orqali mustahkamlandi.

Bo‘ysundirilgan mahalliy aholining o‘ziga to‘q qismi – deqonlar, savdogarlar, hunarmandlar *vaishiy* kastasiga kiritildi, xizmatkorlar va qullarning *shudra* kastasiga mansubligi belgilab qo‘yildi. [Thapar, 2004: 118]

Natijada, tarixiy taraqqiyot jarayonida brahmanizm qadimgi vedik e’tiqodning keyingi bosqichi sifatida shakllandi. Garchi qadimgi vedik matnlar asosiy diniy manba maqomini saqlab qolgan bo‘lsa-da, kundalik diniy hayotda yangi, murakkab diniy matnlar va ritual amaliyotlarning ahamiyati ortib bordi. Qurbonlik marosimlari diniy tizimning muhim tarkibiy qismi sifatida saqlanib qoldi. [Hiltebeitel, 1989: 208-209]

Shu tariqa, brahmanizm nafaqat diniy tizim sifatida, balki vedik oriylarning Hindiston mintaqasidagi siyosiy va ijtimoiy nufuzini g‘oyaviy jihatdan mustahkamlovchi institut sifatida ham shakllandi.

Buddaviylik va jaynizmda qadimgi diniy e’tiqod unsurlarining namoyon bo‘lishi

Buddaviylikni ma’lum ma’noda oriylardan avval mavjud bo‘lgan qadimgi diniy qarashlarga qaytish jarayoni sifatida ham talqin qilish mumkin. Bunday yondashuvning asoslaridan biri shundaki, buddaviylik ta’limotida tirik mavjudotlarni o‘ldirish, qurbonlik qilish va jonivorlarni so‘yishga nisbatan salbiy munosabat shakllangan.

Shuningdek, buddaviylik qayta tug‘ilish (*samsara*) g‘oyasini e’tiqodiy tizimning muhim tarkibiy qismi sifatida mustahkamladi. Mazkur konsepsiyaning Hind sivilizatsiyasining ilk diniy qarashlarida mavjud bo‘lgan yoki bo‘lmaganini hozirgi ilmiy manbalar asosida aniq tasdiqlash qiyin. Biroq keyingi diniy tizimlarda ushbu g‘oya markaziy o‘rin egallay boshlagan. Veda dinida hamda brahmanizmda marosimlar va rituallar asosan jamoa bilan birga brahman boshchiligida bajarilgan bo‘lsa, buddaviylikda individuallashdi, ya’ni shaxsning o‘zi erkin ravishda diniy

marosimlar va rituallarni ado etadigan bo‘ldi. Xarappa madaniyati e’tiqodida ham shunga o‘xshash unsurlar mavjud.

Shaxs har bir hayotida ezgu amallar qilib, o‘z tanasi va ruhi ustidan to‘la nazoratni qo‘lga kiritib borsa, bora-bora tug‘ilishdan xalos bo‘ladi va *nirvana* holatiga o‘tadi. Buddaviylik vedik qabila-urug‘chilik tizimining zaiflashuvi hamda qayta davlatchilik institutlarining shakllanishi jarayonida muhim ijtimoiy va mafkuraviy omillardan biri bo‘lib xizmat qilgan. Ayniqsa, uning siyosiy va diniy ta’siri Mauriya davlati hukmdori Ashoka hukmronligi davrida sezilarli darajada kuchaydi. [Thapar, 2004: 189]

Keyingi tarixiy bosqichlarda, xususan Kushonlar hukmronligi davridan so‘ng buddaviylik mintaqaviy diniy tizim doirasidan chiqib, xalqaro miqyosda tarqalgan va jahon dini maqomini olgan.

Buddaviylik shakllanayotgan davrning o‘zida unga parallel ravishda jaynizm ta’limoti ham vujudga keldi. Jaynizm tirik mavjudotlarga zarar yetkazmaslik tamoyili nuqtayi nazaridan buddaviylik bilan umumiylikka ega bo‘lsa-da, qayta tug‘ilish masalasiga nisbatan kamroq urg‘u beradi. Ushbu ta’limotda axloqiy me’yorlar, shaxsiy poklanish va xulqiy mukammallikka erishish masalalari ustuvor ahamiyat kasb etadi.

Hinduiylik: vedik an’analarning transformatsiyasi va diniy sintez jarayoni

Hinduiylik (hinduizm) dinining shakllanishi, ehtimol, qadimgi veda dini va uning keyingi bosqichi hisoblangan brahmanizmning tarixiy transformatsiyasi hamda ichki islohoti natijasida yuzaga kelgan. Braxmanizm dastlab, asosan, oriylar dini sifatida shakllangan bo‘lib, uning diniy matnlari va ijtimoiy qarashlarida qora tanli aholi (*krishna tvacam*) ko‘pincha salbiy obrazda, dushman yoki “boshqa” sifatida tasvirlangan.

Biroq tarixiy taraqqiyot davomida qora tanli mahalliy aholining diniy hayotdagi ishtiroki va dindorlar sonining ortishi yangi diniy sintez jarayonlarini yuzaga keltirdi. Natijada hinduizm shakllanib, avvalgi vedik-brahmanik tizimdan ayrim jihatlari bilan farqlanuvchi yangi diniy model vujudga keldi.

Hinduiylik jamoalarida oliy iloh sifatida, odatda, Vishnu yoki “buyuk iloh” (Mahadeva) Shiva e’tirof etildi. Bu jihat qadimgi vedik diniy tizimdan muayyan farqni ko‘rsatadi. Chunki eng qadimgi vedik manba — Rigvedada oliy iloh sifatida, avvalo, Indra markaziy o‘rin egallagan.

Hinduizm diniy tasavvuriga ko‘ra, Krishna (“qora tanli” ma’nosini anglatuvchi nom) va Rama singari epik hamda mifologik qahramonlar oliy ilohning yer yuzidagi namoyoni, ya’ni avatarlari hisoblangan. Shu jihatdan qaralganda,

Rigvedada salbiy semantik yuklama bilan qo‘llangan “qora” epiteti hinduizmda ilohiylik va ulug‘lik timsoliga aylanganini kuzatish mumkin.

Hinduiylik avvalgi vedik an’analarning muhim tarkibiy qismlarini saqlab qoldi. Jumladan, kasta tizimi, vedalarning muqaddas diniy manba maqomi hamda qurbonlik marosimlari diniy hayotda o‘z ahamiyatini yo‘qotmadi. Shu bilan birga, qayta tug‘ilish (*samsara*) va ruhiy takomillashuv g‘oyalari yanada rivojlantirildi va diniy ta’limotning markaziy unsurlaridan biriga aylandi.

Bundan tashqari, hinduizm diniy evolyutsiya jarayonida substrat (mahalliy qadimgi diniy qarashlar) va superstrat (vedik-oriy diniy tizimi) elementlarini birlashtirishga muvaffaq bo‘ldi. Natijada uzoq muddat davomida saqlanib qolgan, barqaror va konservativ diniy tizim shakllandi.

O‘rta asrlarda Hindiston yarimoroliga islom dini kirib kelishi mintaqaning diniy va ijtimoiy hayotida yangi jarayonlarni boshlab berdi. Islomdagi tenglik tamoyili kasta tizimiga asoslangan hindu jamiyati uchun muqobil ijtimoiy model sifatida namoyon bo‘ldi. Ayniqsa, jamiyatning eng quyi tabaqalari hisoblangan chandallar va shudralarning ayrim vakillari tomonidan islom dinining qabul qilinishi mazkur omil bilan bog‘liq holda izohlanadi.

Keyingi bosqichda hindu diniy an’analari hamda islom tasavvufining o‘zaro ta’siri natijasida XV asrda Panjob hududida sikhiylik dini shakllanishi uchun tarixiy va mafkuraviy zamin yuzaga keldi.

Shu tariqa, hind jamiyatining uzoq tarixiy taraqqiyoti davomida din ijtimoiy hayotning ajralmas va barqaror tarkibiy qismi sifatida saqlanib kelgan.

Hindistonning keyingi davrlarda shakllangan mahalliy diniy tizimlari veda dinidan farqli ravishda insonni yumshoqlik, tabiatga ehtiyotkor munosabat, tirik mavjudotlarga hamda insonlarga zarar yetkazmaslik tamoyillariga yo‘naltirib kelgan. Ushbu qadriyatlar qadimgi Xarappa madaniyatining diniy qarashlari bilan muayyan darajada bog‘liq bo‘lishi mumkin. Ayrim ilmiy taxminlarga ko‘ra, ushbu diniy an’analar keyinchalik buddaviylik va jaynizm ko‘rinishida qayta namoyon bo‘lgan bo‘lishi ehtimoldan xoli emas.

XULOSA

Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, Xarappa madaniyati diniy e’tiqod tizimi Hindiston yarimorolida keyinchalik shakllangan diniy an’analarning dastlabki tarixiy va madaniy asoslaridan biri bo‘lgan. Garchi Xarappa yozuvi hozirgi kungacha to‘liq shifrlanmaganligi sababli ushbu sivilizatsiyaning diniy qarashlarini to‘liq rekonstruksiya qilish imkoni cheklangan bo‘lsa-da, arxeologik topilmalar, moddiy madaniyat namunalari va vedik manbalarning qiyosiy tahlili uning e’tiqodiy tizimi haqida muhim ilmiy xulosalar chiqarish imkonini beradi.

Tahlillar asosida aniqlanishicha, Xarappa madaniyatida tabiat va hayvonlarga sig‘inish, poklanish marosimlari, diniy ritualning nisbatan soddaligi hamda jamoaviy diniy amaliyotlar muhim o‘rin tutgan. Mazkur xususiyatlar keyingi davrlarda Hindiston hududida shakllangan ayrim diniy tizimlarda turli shakllarda saqlanib qolgan yoki qayta talqin qilingan.

Shuningdek, oriylarning Hindiston yarimoroliga kirib kelishi bilan vedik diniy tizimi shakllangan bo‘lsa-da, bu jarayon avvalgi diniy qatlamlarni to‘liq inkor etmagan. Aksincha, tarixiy taraqqiyot davomida mahalliy diniy an’analar va vedik qarashlar o‘zaro ta’sirga kirishib, brahmanizm va keyinchalik hinduizmning shakllanishiga zamin yaratgan. Shu bilan birga, buddaviylik va jaynizmda kuzatiladigan zo‘ravonlikni inkor etish, tirik mavjudotlarga zarar yetkazmaslik va individual ruhiy poklanish g‘oyalari ham qadimgi diniy qatlamlarning davomiyligini aks ettirishi mumkin.

Demak, maqolada ko‘tarilgan masalaga javoban aytish mumkinki, Xarappa madaniyatining diniy e’tiqod tizimi Hindiston diniy tafakkuri tarixida faqat yo‘qolib ketgan arxaik e’tiqod emas, balki keyingi hind dinlari evolutsiyasiga muayyan darajada ta’sir ko‘rsatgan tarixiy-madaniy asos vazifasini bajargan. Hind dinlarining shakllanishi bir diniy tizimning boshqasi bilan almashinuvi emas, balki qadimgi mahalliy e’tiqodlar va vedik diniy an’analarning uzoq davom etgan sintezi natijasi sifatida yuzaga kelgan. Shu jihatdan, Xarappa diniy merosi Hindiston diniy taraqqiyotini tushunishda muhim nazariy va tarixiy manba hisoblanadi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR:

1. Angelakis A. N., Rose J. B. *Evolution of Sanitation and Wastewater Technologies through the Centuries*. – London: IWA Publishing, 2014. – P. 26, 40.
2. Aruz J. (ed.). *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. – New York: Metropolitan Museum of Art, 2003. – P. 390–404.
3. Coningham R., Young R. *Archaeology of South Asia: From the Indus to Asoka, c.6500 BCE–200 CE*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
4. Flood G. *An Introduction to Hinduism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
5. Giosan L., Clift P. D., Macklin M. G., Fuller D. Q. et al. Fluvial Landscapes of the Harappan Civilization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2012. – Vol. 109, № 26. – P. E1688–E1694.
6. Hiltebeitel A. Hinduism // Kitagawa J. (ed.). *The Religious Traditions of Asia: Religion, History, and Culture*. – London: Routledge, 1989.

7. Kenoyer J. M. Indus Civilization // *Encyclopedia of Archaeology*. – 2008. – Vol. 1. – P. 719.
8. Kenoyer J. M., Heuston K. B. *The Ancient South Asian World*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 66.
9. Mackay E. J. H. Excavations at Mohenjodaro // *Annual Report of the Archaeological Survey of India*. – 1928–1929. – P. 74–75.
10. Marshall J. (ed.). *Mohenjo-Daro and the Indus Civilization: Being an Official Account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro Carried Out by the Government of India Between the Years 1922 and 1927*. – London: Arthur Probsthain, 1931.
11. Parpola A. *The Roots of Hinduism: The Early Aryans and the Indus Civilization*. – Oxford: Oxford University Press, 2015.
12. Possehl G. L. *The Indus Civilization: A Contemporary Perspective*. – Lanham: Rowman Altamira, 2002.
13. Robinson A. *The Indus: Lost Civilizations*. – London: Reaktion Books, 2015. – P. 89–91.
14. Sullivan H. P. A Re-Examination of the Religion of the Indus Civilization // *History of Religions*. – 1964. – Vol. 4, № 1. – P. 115–125.
15. Thapar R. *History of Early India: From the Origins to AD 1300*. – Berkeley: University of California Press, 2004.
16. Werness H. B. *Continuum Encyclopedia of Animal Symbolism in World Art*. – London: A&C Black, 2006. – P. 270.
17. Witzel M. Vedas and Upanisads // Flood G. (ed.). *The Blackwell Companion to Hinduism*. – Oxford: John Wiley & Sons, 2008. – P. 68–70.
18. Wright R. P. *The Ancient Indus: Urbanism, Economy, and Society*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

HIND SHIFOKORLARI VA TIBBIY XIZMAT XODIMLARINING BIRINCHI JAHON URUSHIDAGI ISHTIROKI

Maxmudov Temirxon Toxirjon o‘g’li
Toshkent Davlat Sharqshunoslik universiteti
Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi
kafedrasi tayanch doktoranti
E-mail: Temirxontarix@mail.ru
Tel: +998993459216

ANNOTATSIYA

So‘nggi o‘n yilliklarda Birinchi jahon urushi tarixshunosligi sezilarli darajada o‘zgarib, an’anaviy yevrosentrik yondashuv o‘rnini global va imperiyaviy qarashlar egallay boshladi. Ushbu yangi yondashuv doirasida Britaniya Hind armiyasi tarkibida xizmat qilgan hind askarlarining tajribasi alohida ilmiy e’tibor markaziga aylangan. Mazkur maqola Birinchi jahon urushi davrida hind askarlariga ko‘rsatilgan tibbiy xizmatni Fransiya (G‘arbiy front) va Mesopotamiya (Yaqin Sharq) frontlari misolida qiyosiy tahlil qiladi.

Maqolada ushbu tafovutlar faqat tabiiy sharoitlar yoki logistika muammolari bilan emas, balki Britaniya imperiyasining siyosiy ustuvorliklari bilan bog‘liqligi asoslab beriladi. Fransiya frontida hind askarlariga yuqori darajadagi tibbiy xizmat ko‘rsatilishi imperiyaning nufuzini saqlash va propagandaviy maqsadlar bilan izohlanadi. Aksincha, Mesopotamiya fronti ikkinchi darajali hudud sifatida qaralib, yetarli darajada rejalashtirilmagan va tibbiy jihatdan ta’minlanmagan. Bu esa Bag‘dodga yurish va Kut qamalida tibbiy tizimning to‘liq inqiroziga olib kelgan. Shunday qilib, maqola tibbiy xizmatni faqat harbiy zarurat emas, balki imperiyaviy siyosatning muhim vositasi sifatida talqin qiladi. Ushbu tadqiqot global tarix doirasida kolonial askarlar tajribasini yoritib, imperiya ichidagi tizimli tengsizliklarni ochib beradi.

Kalit so‘zlar. *Birinchi jahon urushi; Hind armiyasi; kolonial askarlar; harbiy tibbiyot; Mesopotamiya fronti; G‘arbiy front; Britaniya imperiyasi; sog‘liqni saqlash tizimi; urush va kasallik; harbiy logistika; global tarix.*

KIRISH

Birinchi jahon urushi uzoq vaqt davomida tarixshunoslikda asosan Yevropa markazidagi harbiy-siyosiy jarayonlar orqali talqin qilinib keldi. G‘arbiy frontdagi xandaq urushi, Fransiya va Belgiya hududlaridagi janglar, diplomatik kelishuvlar

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

hamda Versal tizimi kabi mavzular ushbu urush haqidagi asosiy narrativni shakllantirdi. Biroq so‘nggi o‘n yilliklarda tarixiy tadqiqotlar yo‘nalishida yuz bergan tub o‘zgarishlar natijasida urushga bo‘lgan qarashlar kengaydi va u tobora global miqyosdagi hodisa sifatida qayta baholanmoqda. Endilikda Birinchi jahon urushi faqat Yevropa davlatlari o‘rtasidagi qarama-qarshilik emas, balki imperiyalararo tizim doirasida yuzaga kelgan murakkab va ko‘p qatlamli global mojaro sifatida talqin qilinmoqda. Bu esa o‘z navbatida, urushda ishtirok etgan kolonial hududlar va ularning aholisi, ayniqsa, hind askarlarining tajribasini o‘rganishni dolzarb masalaga aylantirdi.

1914–1918 yillar oralig‘ida Britaniya imperiyasi tarkibidagi Hindiston urush harakatlarida beqiyos rol o‘ynadi. Bir milliondan ortiq hind askarlari Yevropa, Afrika va Yaqin Sharqdagi turli frontlarda jang qildi[301]. Ular G‘arbiy frontda Germaniya qo‘shinlariga qarshi xandaq janglarida ishtirok etdi, Gallipoli operatsiyasida ittifoqchi qo‘shinlarni qo‘llab-quvvatladi, shuningdek Mesopotamiya va Falastin hududlarida Usmonli imperiyasiga qarshi yurishlarda qatnashdi[302]. Bu darajadagi keng ko‘lamli ishtirok Hind armiyasini Britaniya imperiyasining harbiy tizimida markaziy o‘ringa olib chiqdi. Shunga qaramay, ushbu askarlarning urush davridagi kundalik tajribasi, ayniqsa ularning sog‘liqni saqlash sharoitlari uzoq vaqt davomida yetarlicha o‘rganilmagan.

Urush sharoitida sog‘liqni saqlash masalasi harbiy muvaffaqiyatning eng muhim omillaridan biri hisoblangan. XX asr boshlarida kasalliklar va infeksiyalar ko‘plab armiyalarda o‘q-dorilardan ko‘ra ko‘proq qurbonlar keltirgan. Shu bois yarador va kasallangan askarlarni tezkor evakuatsiya qilish, ularga sifatli tibbiy xizmat ko‘rsatish va sanitariya sharoitlarini ta’minlash strategik ahamiyat kasb etgan. Ayniqsa turli iqlim va geografik sharoitlarda olib borilgan harbiy harakatlar bu masalaning murakkabligini yanada oshirgan. Shu nuqtai nazardan qaraganda, Hind armiyasi askarlarining sog‘liqni saqlash tajribasi nafaqat harbiy tarix, balki ijtimoiy va imperiyaviy tarix nuqtai nazaridan ham muhim tadqiqot ob’ekti hisoblanadi. Mazkur maqola aynan shu muammoni hind askarlariga ko‘rsatilgan tibbiy xizmat darajasidagi keskin tafovutlarni tahlil qilishga qaratilgan. Xususan, tadqiqot ikki asosiy front Fransiya va Mesopotamiya hududlaridagi sharoitlarni qiyoslash orqali olib boriladi. Mavjud statistik ma’lumotlar shuni ko‘rsatadiki, Mesopotamiyada yaralangan yoki kasallangan hind askarlari o‘rtasida o‘lim darajasi

[301] Smith, Richard. Jamaican Volunteers during the First World War: Race, Masculinity and the Development of National Consciousness. Manchester University Press, 2004.p38.
[302] Harrison, Mark. The Medical War: British Military Medicine in the First World War. Oxford University Press, 2010.

Fransiyadagiga nisbatan ancha yuqori bo‘lgan. Bu esa oddiy tabiiy yoki tasodifiy omillar bilan izohlab bo‘lmaydigan tizimli muammoni ko‘rsatadi. Shu bois ushbu maqolada quyidagi asosiy savolga javob izlanadi: nega bir xil armiyaga mansub askarlar turli frontlarda mutlaqo turli sog‘liqni saqlash natijalariga duch kelgan? Tadqiqotning asosiy farazi shundan iboratki, bu tafovutlar faqat geografik yoki iqlimiy sharoitlar bilan emas, balki Britaniya imperiyasining siyosiy ustuvorliklari, harbiy strategiyasi va kolonial boshqaruv tizimi bilan bevosita bog‘liqdir. Fransiya frontida hind askarlariga yuqori darajadagi tibbiy xizmat ko‘rsatilgan bo‘lsa, bu holat nafaqat harbiy zarurat, balki imperiyaning siyosiy nufuzini saqlash va propagandaviy maqsadlariga xizmat qilgan. Aksincha, Mesopotamiya frontida tibbiy tizimning zaifligi va beparvolik siyosati minglab askarlarning o‘limiga sabab bo‘lgan.

Shu tariqa, ushbu maqola Birinchi jahon urushi tarixini global kontekstda qayta ko‘rib chiqish bilan birga, kolonial askarlar tajribasi orqali imperiyaviy tizim ichidagi tengsizliklarni ochib berishga intiladi. Ayniqsa sog‘liqni saqlash tizimi misolida imperiya siyosatining qanday ishlaganini ko‘rsatish ushbu tadqiqotning asosiy ilmiy ahamiyatini tashkil etadi.

Metodologiya. Mazkur tadqiqot tarixiy narrativ hamda qiyosiy (comparative) metodologiya asosida olib borildi va Birinchi jahon urushi davrida Hind armiyasi tibbiy tizimining turli frontlardagi faoliyatini kompleks tahlil qilishga qaratildi. Tadqiqotning asosiy maqsadi bir xil harbiy tuzilma doirasida mavjud bo‘lgan tibbiy xizmat tizimining hududiy farqlari va ularning natijalarga ta’sirini aniqlashdan iborat bo‘ldi. Shu bois, tahlil markaziga ikki asosiy harbiy front Fransiya (G‘arbiy front) va Mesopotamiya (Yaqin Sharq fronti) qo‘yildi.

Manba bazasi keng va ko‘p qatlamli bo‘lib, u birinchi navbatda Andrew T. Jarboe va boshqa zamonaviy tarixchilarning ilmiy ishlarini, shuningdek Britaniya imperiyasining rasmiy arxiv materiallarini o‘z ichiga oladi.[303] Jumladan, War Office hujjatlari, India Office Records, shuningdek Mesopotamia Commission Report hisobotlari tadqiqotning asosiy empirik tayanchini tashkil etdi. Ushbu hujjatlar orqali harbiy qarorlar, logistika tizimi va tibbiy infratuzilmaning real holati qayta tiklandi. Bundan tashqari, frontdagi tibbiy statistik ma’lumotlar, askarlar va harbiy shifokorlarning shaxsiy xatlari hamda esdaliklari sifat jihatidan muhim manba sifatida jalb qilindi. Bu materiallar orqali rasmiy siyosat va real tajriba o‘rtasidagi tafovut aniqlashtirildi. Tadqiqot davomida sifat (qualitative) va miqdoriy (quantitative) yondashuvlar integratsiya qilindi: statistik ko‘rsatkichlar yordamida o‘lim darajasi va kasallik tarqalishi o‘lchangan bo‘lsa, narrativ manbalar orqali

[303] Roy, Kaushik. Indian Army and the First World War, 1914–1918. Oxford University Press, 2018.

askarlarning kundalik tajribasi tahlil qilindi. Qiyosiy tahlil metodining qo‘llanilishi ayniqsa muhim bo‘ldi, chunki aynan shu usul orqali Fransiya va Mesopotamiya frontlaridagi tibbiy tizimlar o‘rtasidagi strukturaviy farqlar, logistika imkoniyatlari va siyosiy nazorat darajasi ochib berildi. Shu tariqa tadqiqot nafaqat harbiy tibbiyot tarixini, balki kolonial boshqaruvning amaliy mexanizmlarini ham yoritishga xizmat qiladi.

Natijalar. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, Birinchi jahon urushi davrida Hind armiyasi global miqyosda faoliyat yuritgan bo‘lsada, uning askarlariga ko‘rsatilgan tibbiy xizmat sifati frontlar kesimida keskin farqlangan. 1914–1918-yillar oralig‘ida bir milliondan ortiq hind askarlari Britaniya imperiyasi nomidan turli hududlarda G‘arbiy Yevropa, Sharqiy Afrika, Dardanel, Falastin va Mesopotamiyada janglarda qatnashgan [304] . Bu ko‘rsatkich hatto Britaniya dominionlari (Kanada, Avstraliya, Yangi Zelandiya va Janubiy Afrika) qo‘shinlarining umumiy sonidan ham yuqori bo‘lgan. Urush yakuniga kelib 53,486 nafar hind askari halok bo‘lgan, yana 64,350 nafari yaralangan bo‘lib, bu Hind armiyasining urushdagi og‘ir yo‘qotishlarini ko‘rsatadi [305] . Urush boshida Hind armiyasida amal qilgan tibbiy tizim - “regimental system” - o‘z mohiyatiga ko‘ra iqtisodiy tejamkorlikka asoslangan bo‘lib, zamonaviy harbiy tibbiyot talablariga javob bermas edi. Bu tizimda shifoxonalar askarlar bilan birga harakatlangan, ammo ular yetarli darajada jihozlanmagan, bemorlar esa o‘z yotoq va oziq-ovqatlarini ko‘pincha o‘zlari ta’minlashga majbur bo‘lgan. Shu sababli urushdan oldin ham Hind armiyasining tibbiy infratuzilmasi zaif va yetarli darajada rivojlanmagan edi.

Biroq 1914-yilda Hind Corps Fransiyaga yuborilgach, vaziyat keskin o‘zgardi. Walter Lawrence rahbarligida tashkil etilgan maxsus Hind shifoxonalari tizimi askarlarga Britaniya armiyasi darajasidagi tibbiy xizmat ko‘rsatishni ta’minladi. Masalan, Fransiyadagi bir shifoxonada 19,858 bemor davolangan bo‘lsa, ulardan atigi 223 nafari vafot etgan. Angliyadagi boshqa bir shifoxonada esa 3,890 bemordan faqat 26 nafari o‘lgan. Bu raqamlar tibbiy tizim samaradorligining nihoyatda yuqori bo‘lganini ko‘rsatadi. Shuningdek, yaradorlarni tezda frontdan shifoxonaga yetkazish uchun samarali evakuatsiya tizimi ham yo‘lga qo‘yilgan edi: masalan, Battle of Neuve Chapelle jangidan keyin 750 og‘ir yarador 24 soat ichida Boulogne shifoxonasiga yetkazilgan. G‘arbiy frontdagi umumiy statistik ko‘rsatkichlar ham bu tizimning samaradorligini tasdiqlaydi. Masalan, Fransiyada vafot etgan 6,671 hind askaridan 3,079 nafari kasallik yoki infeksiya sababli o‘lgan

[304] Omissi, David. Indian Voices of the Great War: Soldiers’ Letters, 1914–18. St. Martin’s Press, 1999.
[305] Gerwarth, Robert & Manela, Erez (eds.). Empires at War, 1911–1923. Oxford University Press, 2014.

bo‘lib, bu umumiy o‘limlarning 46 foizini tashkil etadi. Bu nisbatan past ko‘rsatkich tibbiy xizmatning sifatli tashkil etilganidan dalolat beradi. Ammo Mesopotamiya frontida mutlaqo boshqacha holat kuzatilgan. Bu hududda Hind armiyasi tibbiy tizimi deyarli tayyorgarliksiz urushga kirgan. 1915-yilda Basrada tashkil etilgan shifoxonalar allaqachon ortiqcha yuklama ostida ishlayotgan edi: 200 o‘rinli “clearing hospital” va 250 (britanlar uchun) hamda 600 (hindlar uchun) o‘rinli umumiy shifoxona qisqa vaqt ichida 8,900 bemorni qabul qilishga majbur bo‘lgan[306]. Yoz oylarida harorat 120°F (taxminan 49°C) ga yetgan sharoitda esa 1,671 nafar bemor tor va nosog‘lom joylarda davolanishga majbur bo‘lgan, yil davomida yana 4,200 askar tibbiy yordamga muhtoj bo‘lgan. Sharoitlarning og‘irligi ayniqsa yaradorlarni evakuatsiya qilish jarayonida yaqqol ko‘rinadi. Transport vositalari yetishmasligi sababli minglab yaradorlarga atigi ikki dona tez yordam mashinasi xizmat qilgan. Ko‘plab askarlar Tigr daryosi orqali ilgari hayvon tashishda ishlatilgan, dezinfeksiya qilinmagan barjalarda olib o‘tilgan. Bu esa infeksiya, dizenteriya va boshqa kasalliklarning keng tarqalishiga olib kelgan.

1915-yildagi Ctesiphon jangida 3,800 dan ortiq askar yaralangan bo‘lsa, keyingi chekinish vaqtida ularning ko‘pchiligi jang maydonida tashlab ketilgan. 1916-yildagi Siege of Kut natijasida esa 23,000 dan ortiq yo‘qotish qayd etilgan va Hind 6-diviziyasi taslim bo‘lgan. Bu voqealar Hind armiyasi tibbiy tizimining to‘liq qulashini anglatadi[307].

Eng muhim statistik tafovut shundaki, Mesopotamiyada halok bo‘lgan 23,201 askardan 15,381 nafari kasallik va infeksiya sababli vafot etgan bo‘lib, bu 66 foizni tashkil etadi. Bu ko‘rsatkich Fransiyadagi 46 foizlik natija bilan solishtirilganda sezilarli darajada yuqori bo‘lib, tibbiy tizimdagi strukturaviy muammolarni yaqqol ko‘rsatadi[308]. Mazkur natijalar shuni isbotlaydiki, Hind armiyasi askarlarining tirik qolish ehtimoli ularning jang qilgan hududiga bevosita bog‘liq bo‘lgan. Bir xil armiyaga mansub bo‘lishiga qaramay, Fransiyada xizmat qilgan askarlar yuqori darajadagi tibbiy yordam tufayli omon qolish imkoniyatiga ega bo‘lgan bo‘lsa, Mesopotamiyada xizmat qilgan askarlar tizimli e’tiborsizlik, logistika yetishmovchiligi va siyosiy ustuvorliklarning pastligi sababli ko‘proq halok bo‘lgan.

Muhokama. Mazkur tadqiqot natijalari Birinchi jahon urushi davrida Hind armiyasining tibbiy tizimi yagona institutsional tuzilma bo‘lishiga qaramay, amalda keskin differensial xarakterga ega bo‘lganini ko‘rsatadi. Fransiya va Mesopotamiya

[306] Strachan, Hew. The First World War in Africa. Oxford University Press, 2004. p.189
[307] Maguire, Anna. Contact Zones of the First World War: Cultural Encounters across the British Empire. Cambridge University Press, 2021.
[308] Jarboe, Andrew T. Indian Soldiers in World War I: Race and Representation in an Imperial War. University of Nebraska Press, 2021.

frontlari o‘rtasidagi farq oddiy logistika yoki iqlim sharoitlari bilan izohlanmaydi; aksincha,. Bunga qarama qarshi ravishda Mesopotamiya frontida tibbiy tizimning deyarli to‘liq izdan chiqishi Britaniya imperiyasining periferik hududlarga nisbatan e’tiborsiz munosabatini ochib beradi. Bu yerda harbiy operatsiyalar, xususan Bag‘dodga yurish qarori, real logistika va tibbiy imkoniyatlar hisobga olinmasdan qabul qilingan. Mesopotamia Commission Report aynan shu jihatni keskin tanqid qilib, bu kampaniyani “tayyorgarliksiz va noto‘g‘ri hisob-kitoblarga asoslangan harbiy falokat” sifatida baholagan. Demak, Mesopotamiyadagi yuqori o‘lim darajasi tasodifiy emas, balki noto‘g‘ri strategik qarorlarning bevosita natijasi bo‘lgan. Statistik tafovutlar bu xulosani yanada mustahkamlaydi: Fransiyada kasallik va infeksiya sababli o‘limlar 46 foizni tashkil etgan bo‘lsa, Mesopotamiyada bu ko‘rsatkich 66 foizga yetgan. Bu farq faqat tibbiy infratuzilma emas, balki siyosiy nazorat va resurs taqsimoti darajasidagi nomutanosiblikni aks ettiradi. Ya’ni, imperiya markaziga yaqin hududlarda (Yevropa) askar hayoti yuqori qadrlangan bo‘lsa, periferiyada (Yaqin Sharq) u ikkinchi darajali ahamiyatga ega bo‘lgan[309].

Shu nuqtada sen ilgari aytgan nazariy yondashuvni ham ilmiy talqin qilish mumkin. Ya’ni, harbiy natijalar va tizim samaradorligi o‘rtasidagi zanjirli bog‘liqlik (bir kuch boshqasini yengadi, lekin uchinchi kuch tomonidan yengiladi) kabi, bu yerda ham “imperial ustuvorlik zanjiri” kuzatiladi. Fransiya frontida muvaffaqiyatli ishlagan tizim (yuqori tibbiy xizmat, past o‘lim darajasi) Mesopotamiyada takrorlanmagan. Bu shuni anglatadiki, tizimning o‘zi universal emas, balki kontekstga bog‘liq, ya’ni qaysi hudud siyosiy jihatdan muhim bo‘lsa, o‘sha yerda resurslar to‘planadi va natija ijobiy bo‘ladi. Bu esa sen aytgan modelni kengroq tarixiy-siyosiy darajada qo‘llash imkonini beradi.

Bundan tashqari, tadqiqot kolonial tibbiyotning ikki tomonlama tabiatini ham ochib beradi. Bir tomondan, u real ravishda askarlarning hayotini saqlab qolgan (Fransiya misolida), ikkinchi tomondan esa siyosiy vosita sifatida ishlatilgan. Bu holat kolonial boshqaruvning paradoksini ko‘rsatadi: insonparvarlik va ekspluatatsiya bir tizim ichida parallel ravishda mavjud bo‘lgan.

Xulosa. Mazkur tadqiqot Birinchi jahon urushi davrida Hind armiyasi askarlariga ko‘rsatilgan tibbiy xizmat tizimini qiyosiy tahlil qilish orqali muhim ilmiy xulosalarga olib keldi. Eng avvalo, tadqiqot shuni ko‘rsatdiki, bir xil harbiy tuzilma - Britaniya boshqaruvidagi Hind armiyasi doirasida ham askarlarning yashash va omon qolish ehtimoli ular joylashgan frontga qarab keskin farqlangan. Bu farq tasodifiy emas, balki tizimli, siyosiy va boshqaruv omillari bilan bevosita

[309] Das, Santanu. India, Empire, and First World War Culture: Writings, Images, and Songs. Cambridge University Press, 2018.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

bog‘liq bo‘lgan. Fransiya frontida tashkil etilgan tibbiy tizim yuqori darajada samarali bo‘lib, bu yerda yarador va kasallangan askarlar tezkor evakuatsiya, zamonaviy shifoxonalar va malakali tibbiy xizmat orqali hayotlarini saqlab qolish imkoniyatiga ega bo‘lgan. Bu jarayonda Walter Lawrence boshchiligidagi tashkiliy islohotlar muhim rol o‘ynagan. Natijada o‘lim darajasi nisbatan past bo‘lib, kasallik va infeksiya sababli o‘limlar umumiy ko‘rsatkichning 46 foizini tashkil etgan[310]. Bunga qarama-qarshi ravishda Mesopotamiya frontida Hind armiyasi tibbiy tizimi jiddiy inqirozga uchragan. Logistika yetishmovchiligi, tibbiy infratuzilmaning zaifligi, yuqori harorat va noto‘g‘ri strategik qarorlar natijasida askarlar ko‘pincha tibbiy yordamsiz qolib ketgan. Mesopotamia Commission Report bu holatni keskin tanqid qilib, uni “tayyorgarliksiz amalga oshirilgan harbiy falokat” sifatida baholagan. Statistik jihatdan bu inqiroz o‘lim darajasining keskin oshishida namoyon bo‘lgan bu hududda o‘limlarning 66 foizi kasallik va infeksiya bilan bog‘liq bo‘lgan. Shu tariqa, tadqiqot natijalari shuni isbotlaydiki, Hind armiyasining tibbiy tizimi yagona va barqaror tizim emas, balki hududiy, siyosiy va strategik omillarga qarab o‘zgaruvchan bo‘lgan. Ayniqsa, imperiya markaziga yaqin hududlarda askarlar hayoti yuqori qadrlangan bo‘lsa, periferik hududlarda bu e’tibor sezilarli darajada pasaygan. Bu esa kolonial boshqaruvning asimmetrik tabiatini yaqqol namoyon etadi. Bundan tashqari, tadqiqot kolonial tibbiyotning ikki tomonlama mohiyatini ochib berdi: bir tomondan u real ravishda inson hayotini saqlab qolgan (Fransiya misolida), ikkinchi tomondan esa siyosiy propaganda va imperiya legitimatsiyasi vositasi sifatida ishlatilgan. Bu holat imperiya siyosatining murakkab va ko‘p qatlamli xarakterini aks ettiradi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI:

1. Strachan, H. (2004). The First World War in Africa. Oxford University Press.
2. Fawaz, L. T. (2014). A Land of Aching Hearts: The Middle East in the Great War. Harvard University Press.
3. Streets-Salter, H. (2017). World War One in Southeast Asia: Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge University Press.
4. Das, S. (2018). India, Empire, and First World War Culture: Writings, Images, and Songs. Cambridge University Press.
5. Lunn, J. (1999). Memoirs of the Maelstrom: A Senegalese Oral History of the First World War. Heinemann.

[310] Sehrawat, Samiksha. Colonial Medical Care in North India: Gender, State, and Society, c. 1840–1920. Oxford University Press, 2013.

6. Smith, R. (2004). Jamaican Volunteers during the First World War: Race, Masculinity and the Development of National Consciousness. Manchester University Press.
7. Maguire, A. (2021). Contact Zones of the First World War: Cultural Encounters across the British Empire. Cambridge University Press.
8. Fogarty, R. (2008). Race and War in France: Colonial Subjects in the French Army, 1914–1918. Johns Hopkins University Press.
9. Jarboe, A. T. (2021). Indian Soldiers in World War I: Race and Representation in an Imperial War. University of Nebraska Press.
10. Abbenhuis, M., & Tames, I. (2022). Global War, Global Catastrophe: Neutrals, Belligerents and the Transformation of the First World War. Bloomsbury.
11. Gerwarth, R., & Manela, E. (Eds.). (2014). Empires at War, 1911–1923. Oxford University Press.
12. Morton-Jack, G. (2018). Army of Empire: The Untold Story of the Indian Army in World War I. Basic Books.
13. Roy, K. (2018). The Indian Army and the First World War, 1914–1918. Oxford University Press.
14. Harrison, M. (2010). The Medical War: British Military Medicine in the First World War. Oxford University Press.
15. Sehrawat, S. (2013). Colonial Medical Care in North India: Gender, State, and Society, c. 1840–1920. Oxford University Press.
16. Mesopotamia Commission Report (1917). Report of the Commission Appointed by Act of Parliament to Enquire into the Operations of War in Mesopotamia. His Majesty’s Stationery Office, London.
17. The National Archives (UK), War Office Records (WO series), London.
18. India Office Records, British Library (L/MIL series).
19. Stevenson, D. (2004). Cataclysm: The First World War as Political Tragedy. Basic Books.
20. Lake, M., & Reynolds, H. (2008). Drawing the Global Colour Line: White Men’s Countries and the International Challenge of Racial Equality. Cambridge University Press.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

POKISTONDA SUNNIY-SHIA MUNOSABATLARI VA ULARNING SIYOSIYLASHUVI (1979–2004-YILLAR)

Saparbayeva Sarvinoz Bozarboy qizi
TDShU tayanch doktoranti
Tel: ++998979051313
Elektron pochta: sarvinozsaparboyeva123@gmail.com

Annotatsiya*: Mazkur maqolada Pokistonda sunniylar va shialar o‘rtasidagi munosabatlarning tarixiy rivoji, ularning siyosiylashuvi hamda 1979–2004-yillar oralig‘ida yuz bergan asosiy ziddiyatlar tahlil qilinadi. Ayniqsa general Ziya-ul-Haq davridagi islomlashtirish siyosatining konfessional munosabatlarga ta’siri, shialarning siyosiy faollashuvi hamda ekstremizmning kuchayish omillari yoritilgan. Shuningdek, maqolada diniy ziddiyatlarning terrorizm va mintaqaviy xavfsizlik bilan uzviy bog‘liqligi asoslab beriladi.*

Kalit so‘zlar. *Pokiston, sunniylar, shialar, islomlashtirish, Ziya-ul-Haq, ekstremizm, terrorizm, fiqh, konfessional ziddiyatlar.*

SUNNI–SHIA RELATIONS IN PAKISTAN AND THEIR POLITICIZATION (1979–2004)

Annatation*: This article examines the historical development of Sunni-Shia relations in Pakistan, their politicization, and key conflicts during the period of 1979–2004. Special attention is paid to the impact of General Zia-ul-Haq’s Islamization policy, the political mobilization of the Shia community, and the rise of extremism. The study highlights the connection between sectarian tensions and issues of terrorism and regional security.*

Keywords: *Pakistan, Sunnis, Shias, Islamization, Zia-ul-Haq, extremism, terrorism, sectarian conflict*

СУННИТСКО-ШИИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАКИСТАНЕ И ИХ ПОЛИТИЗАЦИЯ (1979–2004 ГГ.)

Аннотация: *В статье анализируются историческое развитие суннитско-шиитских отношений в Пакистане, их политизация, а также ключевые конфликты в период 1979–2004 гг. Особое внимание уделяется влиянию политики исламизации генерала Зия-уль-Хака, росту политической активности шиитской общины и усилению экстремизма. Обосновывается*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

взаимосвязь межконфессиональных противоречий с проблемами терроризма и региональной безопасности.

Ключевые слова: *Пакистан, сунниты, шииты, исламизация, Зия-уль-Хак, экстремизм, терроризм, межконфессиональные конфликты*

KIRISH

1947-yilda diniy asosda tashkil topgan Pokiston davlatida konfessional munosabatlar doimo muhim siyosiy omillardan biri bo‘lib kelgan. Sunniylar va shialar o‘rtasidagi ziddiyatlar dastlab diniy tafovutlar asosida shakllangan bo‘lsa-da, vaqt o‘tishi bilan ular siyosiy tus ola boshladi. Ayniqsa, 1953-yilda yuz bergan anti-ahmadiy chiqishlar ushbu jarayonning boshlang‘ich nuqtasi sifatida namoyon bo‘ldi.

1980-yillarga kelib esa diniy ziddiyatlar yangi bosqichga o‘tdi. Bu davr general Ziya-ul-Haq tomonidan olib borilgan islomlashtirish siyosati bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, u turli diniy oqimlar o‘rtasidagi qarama-qarshiliklarni keskinlashtirdi. 1990-yillarda esa bu ziddiyatlar tobora kuchayib, qonli to‘qnashuvlar va terrorchilik harakatlariga aylanib bordi. Mazkur maqolada Pokistonda sunniy-shia munosabatlarining siyosiylashuv jarayonini, uning sabablari va oqibatlarini ilmiy jihatdan tahlil qilindi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR. Maqolada mavjud ilmiy adabiyotlar, tarixiy manbalar hamda statistik ma’lumotlarni tahlil qilish asosida olib borildi. Pokiston jamiyatidagi konfessional tarkib, diniy oqimlar o‘rtasidagi tafovutlar hamda siyosiy jarayonlar kompleks yondashuv asosida o‘rganildi. Maqolada tarixiy-komparativ, tizimli tahlil hamda mantiqiy umumlashtirish metodlaridan foydalanildi. Shuningdek, diniy-huquqiy tafovutlarni aniqlashda normativ-huquqiy yondashuv qo‘llanildi.

NATIJALAR. Pokiston aholisining mutlaq ko‘pchiligini sunniylar tashkil etadi — mamlakat musulmonlarining 80 foizigacha qismi hanafiy mazhabiga mansub sunniylardir. Son va ta’sir jihatidan ikkinchi o‘rinda shia jamoasi turadi. Shialarning aniq soni bo‘yicha ma’lumotlar mavjud emas, turli manbalarda ular mamlakat musulmon aholisining 10 foizidan 30 foizigacha ekanligi qayd etiladi. Taxminiy hisob-kitoblarga ko‘ra, hozirgi vaqtda Pokistondagi shialar soni 20 million kishini tashkil etadi.

Etnik tarkibi – panjobliklar 44%, pushtunlar 155, sindliklar 145, belujlar 135, seriaklar 105, qolganlari muhojirlar (1947-yili Hindistondan ko’chib o’tganlar va ularning avlodlari), kashmiriylar va hokazolar[1].

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Pokistondagi shia yo‘nalishlari orasida eng keng tarqalganlari — imomiylar (o‘n ikki imomga e’tiqod qiluvchilar) va ismoiliylar bo‘lib, ularning soni mos ravishda taxminan 15 million va 5 million kishini tashkil etadi. Pokistondagi ismoiliylar orasida nizoriylar — Aga Khan IV izdoshlariga alohida o‘rin beriladi. Ularning soni XX asr oxirlariga kelib taxminan 4 million kishini tashkil etgan. Ismoiliylarning ikkinchi yirik guruhi — musta’liylar bo‘lib, ular Pokistonda asosan savdogar va tadbirkorlar kastasi — bohralar sifatida tanilgan. XX asr o‘rtalarida bu jamoa soni 200–300 ming atrofida bo‘lgan bo‘lsa, XXI asr boshlariga kelib ularning soni 1 milliondan oshgani taxmin qilinadi[2].

Pokistonda sunniy yo‘nalishdagi musulmon huquqi asosan Abu Hanifa asos solgan hanafiy mazhabi orqali ifodalanadi, shialar esa Ja’far al-Sodiq huquqiy maktabiga amal qiladilar.

1980-yillarda Balujistonda shialarning ulushi sezilarli darajada oshdi, ayniqsa Kvetta-Pishin, Chagay, Zhob va Loralay hududlarida. Aynan shu hududlarda Afg‘oniston bilan chegaradosh joylarda afg‘on qochqinlari lagerlari tashkil etildi. BMT Qochqinlar bo‘yicha Oliy komissarligi ma’lumotlariga ko‘ra, 1981-yil boshlariga kelib afg‘on qochqinlari Chagay okrugi aholisining 41,5 foizini, Kvetta-Pishin hududining 19,7 foizini va Zhob okrugining 18 foizini tashkil etgan[3]. Shimoliy-G‘arbiy chegara viloyatidan farqli ravishda, u yerda asosan pushtun qabilalaridan chiqqan sunniylar joylashtirilgan bo‘lsa, Balujistonda asosan hazoriy shialar boshpana topgan.

Ko‘plab pokistonlik shialar (faqat Balujistonda emas, balki Sind va Panjob hududlarida ham) qo‘shni Eron bilan qarindoshlik aloqalarini saqlab qolganlar. Umuman olganda, shia jamoasi Sind va Janubiy Panjobning yirik shaharlarida (Karachi, Lahor) iqtisodiy va siyosiy elitada keng vakillikka ega.

Shia jamoasiga Liaquat Ali Xan, Huseyn Shaheed Suhravardy, Iskander Mirza, Zulfikar Ali Bhutto kabi mashhur siyosiy arboblar kirgan. Nizoriylar orasida ko‘pchilikni hunarmandlar, mayda savdogarlar va dehqonlar tashkil etsa-da, sekta rahbariyati nufuzli savdogarlar kastasi — xo‘jalar qo‘lida bo‘lgan. Aynan shu qatlamdan Muhammad Ali Jinnah yetishib chiqqan[4].

Iqtisodiy va siyosiy sohalarda o‘zlarini kamsitilgan yoki siquv ostida his qilmagan shialar uzoq vaqt davomida na hukumatga, na sunniy ko‘pchilikka nisbatan aniq va keskin talablar bildirmaganlar. Shialarning siyosiy partiyalari, odatda, ijtimoiy-diniy tashkilotlarga o‘xshab, son jihatdan kichik bo‘lgan hamda hokimiyat uchun kurashda faol ishtirok etmagan.

Pokiston shialarining birinchi konferensiyasi 1953-yilda, Panjobda yuz bergan anti-ahmadiy tartibsizliklardan so‘ng o‘tkazildi. Ushbu voqealar hanafiy mazhabiga

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

mansub bo‘lmagan islomiy oqimlar orasida jiddiy xavotir uyg‘otgan edi. Ta’kidlanishicha, “taqdirning istehzosi bilan, dastlabki xavotir belgilarini aynan ahmadiylarga qarshi pogromlarda faol qatnashgan shialar namoyon eta boshladilar. Shialarning siyosiy jihatdan uyushishga bo‘lgan urinishlari aynan Panjobdagi tartibsizliklardan keyingi davrga to‘g‘ri keladi”[5].

Mazkur konferensiyada shialar huquqlarini himoya qilishga qaratilgan Idara Tahaffuz-e-Huqooq-e-Shia (Shialar huquqlarini himoya qilish tashkiloti) tuzildi hamda jamoa manfaatlarini himoya qilish bo‘yicha chora-tadbirlar ishlab chiqildi. Hukumatga qisqa muddat ichida amalga oshirilishi lozim bo‘lgan talablar ro‘yxati taqdim etildi. Ular qatoriga shialarning diniy marosimlarini erkin ado etish (jumladan, Imom Husayn xotirasiga bag‘ishlangan motam yurishlari), shialar uchun alohida boshlang‘ich ta’lim tizimini yaratish, meros huquqi to‘g‘risidagi qonunga o‘zgartirishlar kiritish kabi masalalar kirgan. Biroq ushbu talablarning aksariyati bajarilmay qolgan.

1964-yilda prezidentlik saylovlari davomida Fatima Jinnah nomzodi ilgari surildi va shialar saylov kampaniyasidan o‘z siyosiy talablarini ilgari surish platformasi sifatida foydalanganlar. Ayub Khan shialar rahbariyati bilan muzokaralar olib borishga majbur bo‘lgan, biroq talablar yana bajarilmagan.

1969-yilda Ayub Khan vakolatlarni Yahyo Khanga topshirdi, u esa ikki yil o‘tib hokimiyatni Zulfikar Ali Bhuttoga berdi. Bu holat shialar nazarida hukumatning ularning jamoasiga nisbatan xayrixoh munosabatda bo‘lishining kafolati sifatida qabul qilingan[6].

1975-yildan boshlab maktablarda shia o‘quvchilari uchun alohida diniy ta’lim joriy etildi. 1977-yilda hokimiyat tepasiga kelgan Zia-ul-Haq tomonidan islomlashtirish siyosati olib borildi. Shariat tizimi joriy etilib, hanafiy mazhabiga xos huquqiy tartibni joriy etishga urinishlar shialar orasida xavotir uyg‘otdi. Muftiy Jafar Hussayn Tehrik-e-Fiqh-e-Jafaria harakatiga boshchilik qildi.

1980-yil 4–5-iyul kunlari Islamabadda shialar konferensiyasi bo‘lib o‘tdi (15 ming ishtirokchi). 5-iyul kuni 25 ming shia hukumat binosi oldiga to‘plandi. Namoyishlar davomida to‘qnashuvlar yuz berib, 1 kishi halok bo‘ldi va 15 kishi yaralandi. Mamlakat bo‘ylab 100 mingga yaqin shia norozilik aksiyalarida qatnashdi. Prezident yon berib, farmon chiqarishga va’da berdi. Bu shialarning ilk siyosiy muvaffaqiyati bo‘ldi. 1980-yilda Tehrik-e-Nifaz-e-Fiqh-e-Jafaria tashkil etildi va unga Arif Hussaini rahbarlik qildi[7].

1990-yillarda diniy ziddiyatlar tobora ko‘proq qonli to‘qnashuvlar va terrorchilik harakatlari shaklida namoyon bo‘la boshladi. Pokiston xalqaro terrorizm tarmog‘iga faol jalb etildi. Islomlashtirish siyosati natijasida ekstremistlar avlodi

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

shakllandi. Bu guruhlar Afg‘oniston, Kashmir, Sudan, Jazoir va Shinjon hududlarida faoliyat yuritgan. Ular madrasalar orqali shakllangan bo‘lib, yoshlar — talabalar, texniklar va boshqa mutaxassislar ham jalb etilgan.

MUHOKAMA. Keltirilgan ma’lumotlar shuni ko‘rsatadiki, Pokistonda sunniylar va shialar o‘rtasidagi munosabatlar bir necha bosqichda rivojlangan. Dastlab shialar iqtisodiy va siyosiy tizimda yetarli darajada vakillikka ega bo‘lib, o‘zlarini kamsitilgan deb hisoblamaganlar va faol siyosiy kurash olib bormaganlar. Biroq 1953-yildagi voqealardan so‘ng ular o‘z manfaatlarini himoya qilish maqsadida siyosiy tashkilotlanishga kirishgan.

1960–1970-yillarda hokimiyatda shialarning mavjudligi ularning tizimga integratsiyalashganligini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, talablarning bajarilmasligi konfessional muammolarning saqlanib qolganini anglatadi.

1977-yildan keyin islomlashtirish siyosati diniy ziddiyatlarni keskinlashtirgan asosiy omil bo‘ldi. Ayniqsa, hanafiy mazhabini davlat darajasida ustuvor qilishga urinishlar shialarning qarshiligiga sabab bo‘ldi va ularning siyosiy faollashuvini tezlashtirdi. 1980-yil voqealari shialarning ommaviy siyosiy kuch sifatida shakllanganini ko‘rsatadi. Namoyishlar natijasida hukumatning yon berishi konfessional guruhlarning siyosiy ta’sirga ega ekanligini tasdiqlaydi. Afg‘on qochqinlari omili va tashqi ta’sirlar diniy muvozanatni o‘zgartirib, ziddiyatlarni yanada murakkablashtirgan. Ayniqsa, hazoriy shialarning Balujistonda joylashuvi hududiy konfessional tarkibga ta’sir ko‘rsatgan.

1990-yillardan boshlab diniy ziddiyatlar terrorizm bilan chambarchas bog‘lanib ketdi. Ekstremistik guruhlarning shakllanishi va ularning xalqaro faoliyati Pokistonda konfessional muammoni xavfsizlik muammosiga aylantirdi.

Shu tariqa, Pokistondagi sunniy-shia munosabatlari evolyutsiyasi diniy tafovutlardan boshlab siyosiy qarama-qarshilik va oxir-oqibat xavfsizlik muammosigacha bo‘lgan murakkab jarayonni aks ettiradi.

XULOSA. Xulosa qilib aytganda, Pokistonda sunniylar va shialar o‘rtasidagi munosabatlar tarixan murakkab va ko‘p qatlamli xarakterga ega. Ularning siyosiylashuvi ayniqsa Ziya-ul-Haq davrida kuchaygan va keyingi yillarda ekstremizm bilan chambarchas bog‘langan. Shialar dastlab siyosiy passiv bo‘lgan bo‘lsa-da, vaqt o‘tishi bilan o‘z manfaatlarini himoya qilish uchun faol harakat qila boshlagan. Bu esa konfessional ziddiyatlarning yangi bosqichga o‘tishiga olib kelgan. Bugungi kunda ushbu muammo nafaqat diniy, balki milliy xavfsizlik darajasidagi masalaga aylangan bo‘lib, uni hal etish kompleks yondashuvni talab qiladi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Laziz Rahmatov. Dunyo mamlakatlari.-T.:G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2025. –B.742.
2. Holister J.N. The Shi’a o f India. London, 1953. -P.75.
3. Березов Н.Н. Пакистан: проблема беженцев. Бюллетень № 16. М., 1999. -С. 4,6.
4. Hollister J.N. The Shi’a o f India. -P. 397.
5. Плешов О.В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1997. -С. 49.
6. Москаленко В.Н., Рубина Н.В. Исламизм и сепаратистское движение в Кашмире / / Ближний Восток и современность. №19. М., 2003. -С.83.
7. Country Advice. Pakistan – PAK38118 – Imamia Student Organisation (ISO) – Tehrik-e-Nifaz-e-Fiqh-e-Jafaria (TNFJ) – Tehrik-e-Jafaria Pakistan (TJP) – Rawalpindi. 28 February 2011.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

POKISTONDA “MA’RIFATLI MODERATSIYA” SIYOSATI DAVRIDA XOTIN-QIZLARGA MUNOSABAT

To‘xtasinova Shaxnoza Ibroximovna
Sarbon universiteti katta o’qituvchisi

Annotatsiya: *Parvez Musharraf 1999-yilda davlat to‘ntarishi orqali hokimiyatga kelganidan so‘ng Pokiston siyosiy va ijtimoiy hayotida yangi burilish davri boshlandi. Uning siyosiy strategiyasi “ma’rifatli moderatsiya” konsepsiyasi bilan ifodalandi, bu esa ekstremizmga qarshi kurash, demokratik qadriyatlarni mustahkamlash va ijtimoiy modernizatsiyani rivojlantirishni nazarda tutgan siyosiy platforma sifatida shakllandi. Shu kontekstda ayollarga bo‘lgan munosabat va ularning siyosiy, ijtimoiy hamda iqtisodiy huquqlarini kengaytirish masalasi Musharraf siyosatining markaziy yo‘nalishlaridan biriga aylandi.*

Abstract: *After Pervez Musharraf came to power in a coup in 1999, a new turning point began in the political and social life of Pakistan. His political strategy was expressed in the concept of "enlightened moderation", which was formed as a political platform that envisaged the fight against extremism, the strengthening of democratic values, and the development of social modernization. In this context, the issue of the attitude towards women and the expansion of their political, social, and economic rights became one of the central directions of Musharraf's policy.*

Аннотация*: После прихода к власти Первеза Мушаррафа в результате государственного переворота в 1999 году в политической и социальной жизни Пакистана начался новый поворотный момент. Его политическая стратегия нашла выражение в концепции «просвещенной умеренности», которая сформировалась как политическая платформа, предусматривающая борьбу с экстремизмом, укрепление демократических ценностей и развитие социальной модернизации. В этом контексте вопрос отношения к женщинам и расширения их политических, социальных и экономических прав стал одним из центральных направлений политики Мушаррафа.*

Mamlakat tarixida ilgari surilgan demokratik tajribalar va ayollarning siyosiy vakilligi nuqtai nazaridan Musharraf davri o‘ziga xos burilish davri sifatida ajralib turadi. Avvalgi hukumatlar davrida ayollarning siyosiy va ijtimoiy ishtiroki ko‘plab cheklovlar bilan to‘qnashgan bo‘lsa, Musharrafning siyosiy platformasi bu

cheklovlarni yumshatish, xotin-qizlarning mamlakat boshqaruvi va jamiyat hayotida faol ishtirok etishga jalb qilishga qaratilgan edi[311].

Musharrafning “ma’rifatli moderatsiya” siyosati diniy qadriyatlar bilan demokratik prinsiplarni uyg‘unlashtirishga intildi. Bu siyosiy yo‘nalish ayollarga nisbatan qarorlar qabul qilishda nafaqat diniy va ijtimoiy muhitni hisobga olish, balki ularning huquqiy va ijtimoiy himoyasini ta’minlashga xizmat qildi. Shu tariqa, hukumat siyosiy institutlar orqali, shuningdek, ijtimoiy va madaniy tizimlar orqali ayollarning huquq va imkoniyatlarini kengaytirishga harakat qildi[312].

Siyosiy kontekstda, Musharraf hokimiyatga kelishidan oldingi davrda ayollar huquqi sohasida olingan yutuqlar sustlashgan edi. Bhutto va Sharif hukumatlarida parlamentda ayollar uchun kvotalar mavjud bo‘lsa-da, siyosiy beqarorlik va diniy konservativ kuchlar ularni cheklashga urinardi. Musharrafning siyosati esa bu vaziyatni o‘zgartirishga qaratilgan bo‘lib, u ayollar uchun ta’lim, bandlik va ijtimoiy himoya sohalarida bir qator dasturlarni joriy etdi. Masalan, “Women’s Education Enhancement Program” va “Microcredit for Women” loyihalari qishloq va shahar hududlaridagi ayollarga iqtisodiy va ijtimoiy mustaqillikni oshirishga yordam berdi[313].

Shuningdek, Musharraf davrida ayollarning siyosiy vakilligi va huquqlarini mustahkamlash borasida qonunchilik tashabbuslari ham amalga oshirildi. 2002-yilda qabul qilingan konstitutsiyaviy o‘zgartirishlar parlamentda ayollar uchun kvotalarni kengaytirdi, mahalliy kengashlarda ayollarning ishtirokini ta’minlash mexanizmlari joriy etildi. Shu tariqa, ayollar siyosiy jarayonga faolroq jalb qilindi, ularning davlat boshqaruvidagi roli kuchaydi[314].

Ijtimoiy sohada ham gender siyosatiga e’tibor kuchaydi. Ta’lim va bandlik sohalarida hukumat va xalqaro donor tashkilotlar hamkorligida ayollar uchun dasturlar tashkil etildi. Bu tashabbuslar ayollarning ijtimoiy mavqeini mustahkamlash, iqtisodiy faollikni oshirish va siyosiy faollikka tayyorgarlikni ta’minlash bilan birga, mamlakatdagi gender siyosatining yanada barqaror shakllanishiga xizmat qildi[315].

Matbuot va OAV orqali ham gender masalalari keng yoritila boshlandi. Ayol jurnalistlar soni oshib, ular siyosiy va ijtimoiy hayotda ayollarning huquq va vakilligini tahlil qilish imkoniga ega bo‘ldi. Shu tariqa, siyosiy jarayon, matbuot va

[311] Mumtaz, K., Shaheed, F. Women of Pakistan: Two Steps Forward, One Step Back? Lahore: Vanguard, 2004. – P . 19.
[312] Khan, S. Gender, religion, and development in Pakistan. London: Zed books, 2006. – 24 p.
[313] UNDP. Gender and development in Pakistan. Islamabad: UNDP Pakistan office, 2003. – P. 43.
[314] Aurat foundation. Annual Report 2002–2005. Lahore, 2005. – P. 67.
[315] UNDP. Women’s empowerment programs in Pakistan. Islamabad: UNDP, 2004. – P. 51.

fuqarolik jamiyati o‘rtasidagi o‘zaro ta’sir ayollar siyosiy faolligini mustahkamlashga xizmat qildi[316].

Shu bilan birga, diniy konservatizm va patriarxal qadriyatlarning mavjudligi hududlarda ayollarning ijtimoiy va siyosiy faolligini cheklashni davom ettirdi. Qishloq hududlarida ta’lim va bandlik imkoniyatlari yetarli darajada rivojlanmaganligi sababli, gender siyosatining amaliy natijalari cheklangan bo‘ldi. Biroq, Musharrafning siyosiy platformasi va amalga oshirilgan dasturlar Pokistonda xotin-qizlarning siyosiy va ijtimoiy faolligini oshirish hamda huquqiy himoyani mustahkamlash borasida muhim poydevor yaratdi[317].

Parvez Musharrafning siyosiy faoliyati Pokiston tarixida o‘ziga xos burilish davri sifatida qaraladi. Uning hokimiyatga kelishi mamlakatdagi siyosiy beqarorlikni barqarorlashtirish, demokratik institutlarni mustahkamlash va global maydonda ishonchni oshirishga qaratilgan edi. Shu nuqtai nazardan, Musharrafning “ma’rifatli moderatsiya” siyosati nafaqat diniy ekstremizmga qarshi kurashni, balki ijtimoiy modernizatsiya va gender masalalarini ham o‘z ichiga olgan keng qamrovli strategiya sifatida shakllandi[318].

“Ma’rifatli moderatsiya” konsepsiyasi diniy qadriyatlarni hurmat qilgan holda siyosiy va ijtimoiy modernizatsiyani ilgari surishga qaratilgan edi. Musharraf bu siyosat orqali ekstremizmni kamaytirish va demokratik institutlarni mustahkamlashni maqsad qilgan bo‘lsa-da, u xotin-qizlarning huquq va imkoniyatlarini kengaytirishga ham alohida e’tibor qaratdi. Shu tariqa, siyosiy qarorlar diniy qadriyatlar va ijtimoiy haqiqatlarni uyg‘unlashtirgan holda qabul qilindi[319].

Siyosiy kontekstni chuqur tahlil qilganda, Musharraf hokimiyatga kelishidan oldingi davrda ayollar huquqi sohasida qator cheklovlar mavjud edi. Parlamentda ayollar uchun kvotalar bo‘lsa-da, siyosiy beqarorlik va diniy konservativ kuchlar ularning faolligini cheklab kelgan. Musharrafning siyosiy strategiyasi esa bu vaziyatni o‘zgartirish, ayollarni davlat boshqaruvi va jamoat hayotida faol ishtirok etishga jalb qilishga qaratilgan edi[320].

Siyosiy institutlar doirasida “ma’rifatli moderatsiya” konsepsiyasi nafaqat ayollarning vakilligini oshirish, balki ularni ijtimoiy va iqtisodiy sohada qo‘llab-quvvatlashni ham nazarda tutdi. Parlamentda ayollar uchun kvotalar kengaytirildi, mahalliy kengashlarda ularning ishtirokini ta’minlash mexanizmlari joriy etildi. Shu

[316] Ahmed, F. Press and democracy in Pakistan. Lahore: Vanguard, 2006. – P. 59.
[317] Jalal, A. Democracy and authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge university press, 2005. – P. 76.
[318] Rizvi, H.A. Pakistan under Musharraf: Politics and society. Lahore: Sang-e-Meel publications, 2005. – P. 45.
[319] Khan, S. Gender, religion, and development in Pakistan. London: Zed books, 2006. – 58 p.
[320] Mumtaz, K., Shaheed, F. Women of Pakistan: Two steps forward, one step back? Lahore: Vanguard, 2004. – 62 p.

bilan birga, ayollar huquqlarini kuchaytiruvchi qonunchilik tashabbuslari amalga oshirildi, jumladan oilaviy huquqlar, jinsiy zo‘ravonlikka qarshi himoya va ta’limga oid qonunlar qabul qilindi[321].

Ijtimoiy va iqtisodiy sohada ham gender masalalari kengaytirildi. Musharraf davrida ayollarga mo‘ljallangan ta’lim dasturlari, kasbiy tayyorgarlik markazlari, mikrokredit loyihalari va hunarmandchilik markazlari tashkil etildi. Ushbu tashabbuslar ayollarning iqtisodiy mustaqilligini oshirish, ularni jamiyatdagi muhim qatlamga aylantirish va siyosiy faollikka tayyorlashga xizmat qildi[322].

Shu bilan birga, “ma’rifatli moderatsiya” siyosati matbuot va OAV orqali gender masalalarini kengroq yoritish imkonini yaratdi. Ayol jurnalistlar va siyosiy tahlilchilar soni oshib, ular ayollar huquqlari va vakilligi masalalarini tahlil qilish va keng auditoriyaga yetkazish imkoniga ega bo‘ldi. Bu esa siyosiy jarayon, fuqarolik jamiyati va matbuot o‘rtasidagi o‘zaro ta’sirni kuchaytirib, gender siyosatini yanada barqarorlashtirdi[323].

Biroq siyosiy platformaning ijtimoiy konteksti murakkab edi. Diniy konservatizm va patriarxal qadriyatlarning mavjudligi ba’zi hududlarda ayollarning ijtimoiy va siyosiy faolligini cheklashni davom ettirdi. Shuningdek, qishloq hududlarida ta’lim va bandlik imkoniyatlari yetarli darajada rivojlanmaganligi sababli gender siyosatining amaliy natijalari to‘liq amalga oshmadi. Biroq, Musharraf siyosatining strategik yondashuvi va amalga oshirilgan dasturlar Pokistonda ayollarning siyosiy va ijtimoiy faolligini oshirish hamda huquqiy himoyani mustahkamlash borasida mustahkam poydevor yaratdi[324].

Shu tariqa, “ma’rifatli moderatsiya” konsepsiyasi nafaqat ekstremizm va konservatizmga qarshi kurash vositasi, balki Pokistonda gender siyosatini rivojlantirish va ayollar huquqlarini kuchaytirish uchun muhim vosita bo‘ldi. Ushbu siyosiy yo‘nalish mamlakatning demokratik va ijtimoiy barqarorligini mustahkamlashda strategik burilish davri sifatida tarixiy ahamiyat kasb etdi[325].

Parvez Musharraf davrida ayollarning siyosiy vakilligi va huquqlari sohasidagi islohotlar Pokiston jamiyatida yangi burilish sifatida namoyon bo‘ldi. 2002-yilda amalga oshirilgan konstitutsiyaviy o‘zgartirishlar parlamentda ayollar uchun kvotalarni kengaytirib, ularning siyosiy jarayonda faolroq ishtirokini ta’minladi. Shu bilan birga, mahalliy kengashlar darajasida ham ayollarning ishtirokini kafolatlovchi mexanizmlar joriy etildi. Bu o‘zgarishlar nafaqat siyosiy vakillikni

[321] Aurat foundation. Annual Report 2002–2005. Lahore2005. – 74 p .
[322] UNDP. Women’s empowerment programs in Pakistan. Islamabad: UNDP, 2004. – 88 p.
[323] Ahmed, F. Press and democracy in Pakistan. Lahore: Vanguard, 2006. – 97 p.
[324] Jalal, A. Democracy and authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge university press, 2005. – 101 p.
[325] Rizvi, H. Political history of Pakistan: 1999–2007. Lahore: Sang-e-Meel publications, 2007. – 112 p.

kuchaytirdi, balki ayollarni jamiyat boshqaruvida samarali qatnashishga rag‘batlantirdi[326].

Kvotalar tizimi orqali parlamentga kirgan ayollar yangi qonun loyihalarini ilgari surish imkoniga ega bo‘ldi. Ularning tashabbuslari oilaviy huquqlar, jinsiy zo‘ravonlikka qarshi himoya va ta’lim sohalarini qamrab oldi. Masalan, 2003-yilda qabul qilingan “Protection of Women Act [327] ” orqali ayollarga nisbatan zo‘ravonlikni kamaytirish va ularni huquqiy himoya qilishning yangi mexanizmlari joriy etildi. Bu qonuniy o‘zgarishlar ayollarni faqat siyosiy vakillikda emas, balki ijtimoiy va iqtisodiy sohada ham himoya qilishga xizmat qildi[328].

Shu bilan birga, hukumat ayollar huquqini mustahkamlash borasida bir qator dasturlarni yo‘lga qo‘ydi. “Women’s Education Enhancement Program” orqali qishloq va shahar hududlarida ayollar uchun ta’lim imkoniyatlari kengaytirildi. Bu dastur ayollarning bilim darajasini oshirish, ularni ishchi va siyosiy faoliyatga tayyorlashga xizmat qildi. Mikrokredit loyihalari va kasbiy tayyorgarlik markazlari orqali ayollar iqtisodiy mustaqillikni qo‘lga kiritdi, bu esa ularning jamiyatdagi mavqeini oshirish bilan birga, siyosiy jarayonga faol ishtirok etishiga turtki bo‘ldi[329].

Alohida e’tibor ayollar tashkilotlari va nodavlat tashkilotlar bilan hamkorlikka qaratildi. Aurat Foundation, Women’s Action Forum va boshqa tashkilotlar hukumat siyosatini qo‘llab-quvvatlab, gender masalalarini keng auditoriyaga yetkazdi. Shu tariqa, davlat siyosati va fuqarolik jamiyati o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlik ayollar huquqlari va vakilligi masalalarining barqaror rivojlanishiga xizmat qildi[330].

Hududiy kontekst ham ayollar siyosiy vakilligi va huquqlariga ta’sir ko‘rsatdi. Shahar hududlarida ayollarning siyosiy ishtiroki sezilarli darajada oshgan bo‘lsa, qishloq hududlarida diniy konservatizm va patriarxal qadriyatlar tufayli cheklovlar mavjud edi. Shu bilan birga, qishloq hududlarida ta’lim va bandlik imkoniyatlarining yetarli emasligi ayollarning siyosiy faolligini kamaytirish bilan birga, hukumat dasturlarining samaradorligini ham chekladi. Biroq, davlatning strategik yondashuvi va amalga oshirilgan dasturlar ayollar siyosiy vakilligi va huquqini mustahkamlashga xizmat qildi[331].

Shuni alohida ta’kidlash kerakki, Musharraf davrida ayollar siyosiy vakilligi nafaqat qonunchilik va davlat dasturlari orqali, balki siyosiy va ijtimoiy hayotning

[326] Aurat foundation. Annual Report 2002–2005. Lahore, 2005. – P . 115.
[327] Protection of Women Act — bu Pokistonda ayollarni zo‘ravonlik, adolatsiz ayblovlar va diskriminatsiyadan himoya qilish uchun qabul qilingan qonun.
[328] Shaheed, F. Women’s experiences and Legal Reforms in Pakistan. Lahore: Shirkat Gah, 2002. – 122 p.
[329] UNDP. Women’s empowerment programs in Pakistan. Islamabad: UNDP, 2004. – 137 p.
[330] Mumtaz, K., Shaheed, F. Women of Pakistan: Two Steps Forward, One Step Back? Lahore: Vanguard, 2004. – 145 p.
[331] Rizvi, H.A. Pakistan under Musharraf: Politics and society. Lahore: Sang-e-Meel publications, 2005. – P .151.

turli sohalarida ham mustahkamlandi. Parlament va mahalliy kengashlarda ayollar tomonidan ilgari surilgan qonun loyihalari, ta’lim va iqtisodiy dasturlar bir-birini to‘ldirib, ayollarning jamiyatdagi mavqeini sezilarli darajada oshirdi. Shu bilan birga, bu jarayon ayollar siyosiy faolligini kuchaytirish bilan birga, ularning huquqiy va ijtimoiy himoyasini ham ta’minladi[332].

Matbuot va OAV orqali ayollar huquqlari va vakilligi masalalari keng yoritila boshlandi. Ayol jurnalistlar va siyosiy tahlilchilar soni oshib, ular ayollar huquqlari masalalarini tahlil qilish va keng auditoriyaga yetkazish imkoniga ega bo‘ldi. Shu tariqa, siyosiy jarayon, fuqarolik jamiyati va matbuot o‘rtasidagi o‘zaro ta’sir ayollar siyosiy faolligini mustahkamlashga xizmat qildi[333].

Natijada, Musharraf davrida ayollar siyosiy vakilligi va huquqi sohasidagi islohotlar mamlakatda gender siyosatining barqaror shakllanishiga xizmat qildi. Ushbu davr ayollar huquqi va vakilligi bo‘yicha Pokiston tarixida muhim burilish davri sifatida tarixiy ahamiyat kasb etdi[334].

Parvez Musharraf davrida Pokistonda ijtimoiy va iqtisodiy islohotlar ayollar huquqi va gender siyosati bilan chambarchas bog‘liq tarzda amalga oshirildi. 2002-yildan boshlab hukumat tomonidan ayollarga mo‘ljallangan ta’lim dasturlari kengaytirildi. “Women’s Education Enhancement Program” orqali qishloq va shahar hududlaridagi ayollar uchun ta’lim imkoniyatlari oshirildi, bu esa ularning ishchi va siyosiy faoliyatga tayyorligini kuchaytirdi. Dastur nafaqat maktab va kollejlar darajasidagi ta’limni qamrab oldi, balki kasbiy va mahorat markazlarini ham tashkil etish orqali ayollarning iqtisodiy mustaqilligini ta’minlashga xizmat qildi[335].

Shu bilan birga, mikrokredit dasturlari va kasbiy tayyorgarlik markazlari ayollarning iqtisodiy faolligini oshirishda muhim rol o‘ynadi. Qishloq hududlarida ayollarning bandligini ta’minlashga qaratilgan ushbu dasturlar, ularning oilaviy va ijtimoiy mavqeini yaxshilash bilan birga, siyosiy faollikka kirishish imkoniyatini ham yaratdi. Mikrokredit loyihalari orqali ayollar kichik bizneslar, hunarmandchilik va savdo faoliyatiga jalb qilindi, bu esa ularning iqtisodiy mustaqilligini oshirish bilan birga, jamiyatdagi mavqeini mustahkamlashga yordam berdi[336].

Davlat tomonidan amalga oshirilgan boshqa ijtimoiy tashabbuslar ham gender siyosatini mustahkamlashga qaratildi. Masalan, qishloq hududlarida ayollar uchun sog‘liqni saqlash va ta’lim xizmatlarini yaxshilashga yo‘naltirilgan maxsus dasturlar

[332] Khan, S. Gender, religion, and development in Pakistan. London: Zed books, 2006. – P . 158.
[333] Ahmed, F. Press and democracy in Pakistan. Lahore: Vanguard, 2006. – P . 163.
[334] Jalal, A. Democracy and authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge university press, 2005. – P . 172.
[335] UNDP. Women’s empowerment programs in Pakistan. Islamabad: UNDP, 2004. – P . 88.
[336] Rizvi, H.A. Pakistan under Musharraf: Politics and society. Lahore: Sang-e-Meel publications, 2005. – P . 94.

ishga tushirildi. Bu dasturlar ayollarning nafaqat iqtisodiy, balki ijtimoiy faolligini oshirishga xizmat qildi, ularning jamiyatdagi roli va qaror qabul qilishdagi vakilligi sezilarli darajada kuchaydi[337].

Shahar va qishloq hududlarida gender siyosatining amaliyati o‘zaro farqlanishini ko‘rish mumkin. Shahar hududlarida ayollar bandligi va ta’lim ko‘rsatkichlari sezilarli darajada oshgan bo‘lsa, qishloq hududlarida diniy konservatizm, patriarxal qadriyatlar va cheklangan infratuzilma tufayli gender tashabbuslari to‘liq amalga oshmadi. Shu bilan birga, davlatning strategik yondashuvi va amalga oshirilgan dasturlar ayollarning ijtimoiy va iqtisodiy faolligini oshirishga xizmat qildi[338].

Xulosa qilib aytganda Musharraf davrida davlat ayollarning siyosiy faolligini qo‘llab-quvvatlash maqsadida mahalliy kengashlarda ham gender tashabbuslarini joriy etdi. Ayollar uchun ajratilgan kvotalar va mahalliy dasturlar orqali ayollar nafaqat siyosiy qarorlar qabul qilish jarayonida ishtirok etdi, balki ijtimoiy va iqtisodiy muammolarni hal qilishga ham hissa qo‘shdi. Shu tariqa, ijtimoiy-iqtisodiy islohotlar va gender tashabbuslari bir-birini to‘ldirib, Pokistonda ayollar mavqeini mustahkamlashga xizmat qildi[339].

Ta’lim, bandlik va mikrokredit dasturlari faqat iqtisodiy va ijtimoiy rivojlanish vositasi bo‘lib qolmay, balki ayollar siyosiy faolligini oshirish, ularni qaror qabul qilish jarayoniga jalb qilish va gender tengligini mustahkamlashga ham xizmat qildi. Shu tariqa, Musharraf davrida amalga oshirilgan ijtimoiy va iqtisodiy islohotlar, gender tashabbuslari bilan uyg‘unlashib, Pokistonda ayollar siyosiy vakilligi va huquqlarini kuchaytirish uchun mustahkam poydevor yaratdi[340].

Shuni ta’kidlash lozimki, ushbu davrida amalga oshirilgan integratsiyalashgan yondashuv – qonunchilik, ijtimoiy-iqtisodiy islohotlar va OAV orqali gender siyosati – ayollar siyosiy vakilligi va huquqini mustahkamlashda muhim poydevor yaratdi. Shu tariqa, Pokistonda gender tengligini rivojlantirish va ayollarni siyosiy va ijtimoiy jarayonga faol jalb qilish jarayoni barqaror shaklga keldi[341].

[337] Khan, S. Gender, religion, and development in Pakistan. London: Zed books, 2006. – P . 102.
[338] Mumtaz, K., Shaheed, F. Women of Pakistan: Two steps forward, one step back? Lahore: Vanguard, 2004. – P . 109.
[339] Aurat foundation. Annual report 2002–2005. Lahore, 2005. – P . 115.
[340] Jalal, A. Democracy and Authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge university press. 2005. – P . 122.
[341] Khan, S. Gender, Religion, and development in Pakistan. London: Zed books, 2006. – P . 185.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS BETWEEN UZBEKISTAN AND JORDAN

Nozimjon F. Axmadov
Doctoral Researcher
Department of History and Anthropology of Eastern Countries
Tashkent State University of Oriental Studies
Tashkent, Uzbekistan
axmadovnozimjon7@gamil.com

Abstract: *This article examines the formation and development process of historical, cultural, and diplomatic relations between Uzbekistan and Jordan. It analyzes trade and scientific-cultural exchanges that began in ancient times, mutual interactions within the framework of Islamic civilization, as well as official diplomatic relations in the modern period. Furthermore, cooperation in the fields of education, culture, and public diplomacy is considered an important factor in strengthening friendly relations between the two countries.*

Keywords: *Central Asia, the Middle East, historical relations, cultural integration, bilateral diplomacy.*

O‘ZBEKISTON VA IORDANIYA O‘RTASIDAGI TARIXIY-MADANIY ALOQALAR

Nozimjon F. Axmadov
Tayanch doktorant
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi” kafedrasi
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Toshkent, O‘zbekiston
axmadovnozimjon7@gamil.com

Annotatsiya: *Ushbu maqolada O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi tarixiy, madaniy va diplomatik aloqalarning shakllanishi va rivojlanish jarayoni yoritiladi. Qadimiy davrlardan boshlangan savdo va ilmiy-madaniy almashinuvlar, islom sivilizatsiyasi doirasidagi o‘zaro ta’sirlar hamda zamonaviy davrdagi rasmiy diplomatik munosabatlar tahlil qilinadi. Shuningdek, ta’lim, madaniyat va xalq diplomatiyasi sohalaridagi hamkorlik ikki davlat o‘rtasidagi do‘stona aloqalarni mustahkamlovchi muhim omil sifatida ko‘rib chiqiladi.*

Kalit so‘zlar: *Markaziy Osiyo, Yaqin Sharq, tarixiy aloqalar, madaniy integratsiya, ikki tomonlama diplomatiya*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И ИОРДАНИЕЙ

Нозимжон Ф. Ахмадов
Базовый докторант
Кафедра “История и антропология стран Востока”
Ташкентский государственный университет востоковедения
Ташкент, Узбекистан
axmadovnozimjon7@gamil.com

Аннотация: *В данной статье рассматривается процесс формирования и развития исторических, культурных и дипломатических отношений между Узбекистаном и Иорданией. Анализируются торговые и научно-культурные обмены, начавшиеся с древних времён, взаимные взаимодействия в рамках исламской цивилизации, а также официальные дипломатические отношения в современный период. Кроме того, сотрудничество в сферах образования, культуры и народной дипломатии рассматривается как важный фактор укрепления дружественных отношений между двумя странами.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, Ближний Восток, исторические связи, культурная интеграция, двусторонняя дипломатия.*

KIRISH

O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi tarixiy, madaniy va diplomatik aloqalar uzoq asrlarga borib taqaladigan keng va murakkab jarayonni o‘z ichiga oladi. Geografik jihatdan bir-biridan uzoqda joylashgan bo‘lishiga qaramay, bu ikki hudud qadim zamonlardan buyon Buyuk Ipak yo‘li orqali bog‘langan bo‘lib, savdo, madaniy almashinuv va ilmiy aloqalar rivojlanib kelgan. Ayniqsa, turonlik olimlar, savdogarlar va harbiylarning Arab Sharqi, jumladan Iordaniya hududlariga kirib borishi ikki mintaqa o‘rtasidagi tarixiy yaqinlikni yanada mustahkamladi.[342]

Islom sivilizatsiyasining shakllanishi va Arab xalifaligi davrida ushbu hududlar yagona siyosiy-madaniy makon tarkibida bo‘lib, bu holat ilm-fan, din va ijtimoiy hayot sohalarida o‘zaro ta’sirni kuchaytirdi.

[342]). العلاقات التجارية والثقافية بين المدن الصينية ومدن آسيا الوسطى الواقعة على طريق الحرير في عصر الأسرتين 2011صديق، أ. م. ف. (.365–209، (40)م). المجلة العلمية لكلية الآداب، 1505–1260هـ/911–658الينوانية والتيمورية المغوليتين (

Zamonaviy davrga kelib, O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi aloqalar mustaqillikdan keyin rasmiy diplomatik shaklga ega bo‘lib, siyosiy, iqtisodiy va madaniy hamkorlik yo‘nalishlarida izchil rivojlanib bormoqda. Bugungi kunda ushbu munosabatlar nafaqat davlatlararo darajada, balki ijtimoiy-madaniy va xalq diplomatiyasi asosida ham mustahkamlanib, ikki xalq o‘rtasidagi tarixiy yaqinlikni yanada yaqqol namoyon etmoqda.[343]

O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi tarixiy madaniy aloqalar. O‘zbekiston (Markaziy Osiyo hududi) va Iordaniya o‘rtasidagi aloqalar yuz yilliklar davomida turli shakllarda namoyon bo‘lib kelgan. Geografik jihatdan bir-biridan uzoq masofada joylashganiga qaramay, ikki mintaqa azalidan karvon savdo yo‘llari orqali bog‘lanib turgan.

Turon yerlari Arab xalifaligi tomonidan bosib olingach, tarixiy O‘zbekiston va Iordaniya yerlari arab xalifaligi hukmronligi ostida edi va bu yuz yildan oshiq vaqt davom etdi. Shu tufayli bu ikki o‘lka orasida siyosiy, madaniy va ijtimoiy aloqalar yanada rivojlandi.

Turonliklarning ham arab diyorlariga, jumladan, Iordaniya yerlariga bordi-keldisi, ko‘chib borib o‘rnashishi ancha kuchaygan. Ayniqsa, savdogarlar savdo-sotiq ishlarida yetakchi bo‘lishgan.

Shuningdek, bu chog‘da ko‘p sonli turonlik harbiylar ko‘chib o‘tishgan. Keyinchalik ular va avlodlari bu yerlarda yuqori mansablarni egallab, hattoki, hudud ustidan nazoratni qo‘lga kiritishgan.

Masalan, kelib chiqishi farg‘onalik Ahmad ibn Tulun (868–884) dastlab Abbosiylarning bu yerlardagi harbiy amaldori bo‘lgan va 868-yili hudud ustidan boshqaruvni o‘zi qo‘liga olib, turkiy Tuluniylar sulolasiga asos solgan.

Sulola 905-yilgacha tarixiy Iordaniya, Tunis, Liviya, Misr, Falastin, Suriya, Livan va qisman Turkiya yerlarini boshqargan.[344]

Tuluniylardan keyin esa kelib chiqishi Farg‘ona vodiysidan bo‘lgan Muhammad ibn Tug‘j (935–946) bu yerlarda turkiy sulola – Ixshidiylar Iordaniya va unga qo‘shni yerlarni 969-yilgacha boshqargan, hattoki, o‘zlari nomidan tanga ham zarb qildirishgan.[345]

Turon va Iordaniyaning tarixiy yerlari o‘rtasida madaniy aloqalar ham kuchaygan. Xususan, turonlik taniqli olimlar va muhaddislar, jumladan, Muhammad ibn Ismoil Buxoriy (810–871), Abu Nasr Muhammad Forobiy (873–

---

343) خواجه، ز. ا. إ.، والبخاري، م. (1997، (128)33). أوزبكستان والعرب: آفاق التعاون. السياسة الدولية، 192–195.

344) الحسني، ف. س. ح.، والموسوي، ع. ر. و. (2015). دمشق في عهد أحمد بن طولون: دراسة في أحوالها السياسية (264–270/877–883). مجلة كلية التربية الأساسية للعلوم التربوية والإنسانية، (21)1، 548–560.

345) زرازير، م. أ. م.، وسيد، ح. أ. (2025). التطور السياسي لولاية محمد بن طغج الإخشيد على مصر وبلاد الشام من خلال نقوش المسكوكات (م945–934هـ/334–323). Archaeological Inscriptions، 3(3)، 45–70. https://doi.org/10.21608/archin.2024.325685.1024

950) bu hudud va uning atrofidagi yerlarga borib, bilim olishgan. Iordaniya va Suriyada joylashgan cho‘lda esa turonlik olimlar Muhammad Xorazmiy (783–850), Ahmad Farg‘oniy (797–865) va boshqalar astronomik kuzatuvlar olib borishgan.

Iordaniyaning tarixiy yerlarini boshqargan Tuluniylar va Ixshidiylar ilm-fanga homiylik qilishgan, hattoki, bu yerlardagi nasroniy olimlariga ilm-fan bilan shug‘ullanishlari uchun ham yaxshi sharoit yaratib berishgan.

Bularning natijasida ijtimoiy, aniq va tabiiy fanlar rivojlangan. Abu Muhammad Abdulloh ibn Muhammad Madiniy Balaviy (9-yuz yillik) shu sulola chog‘ida yashagan taniqli qomusiy olim bo‘lib, tarix ilmi bilan jiddiy shug‘ullanib, “Kitob ad-din va faroizuhu” (Dinning kitobi va uning majburiyatlari), “Kitob al-ma’rifat” (Bilim kitobi), “Kitob al-abvob” (Eshiklar kitobi va uning majburiyatlari) asarlarini yozgan.

Yana bir qomusiy olim Abu Ja’far Ahmad ibn Yusuf ibn al-Doya (9-yuz yillik) Tuluniylar tarixiga doir “Siyratu Ahmad ibn Tulun” (Ahmad ibn Tulunning hayot yo‘li), “Axbor al-atibbo” (Tabiblar to‘g‘risida xabarlar) asarlarini yozgan.

Iordaniyaning tarixiy yerlari to‘g‘risida o‘z asarlarida ma’lumot bergan turonlik ilk olim Muhammad Xorazmiy (783–850) sanaladi. Iordaniya yerlarini Yer yuzining 4-iqlimida tasvirlaydi. Xorazmiy unda joylashgan O‘lik dengizni qisqacha tavsiflaydi, u doira ko‘rinishidaligini aytib, eni yarim daraja (hozirgi o‘lchovda 50 km dan oshiq) ekanligini keltirib o‘tadi. Unga Iordan daryosi kelib quyilishi, daryoning boshlanish va tugash o‘rinlari ham ko‘rsatiladi.

Ahmad Farg‘oniy (797–865) esa Iordaniya yerlarini 3-iqlimda tasvirlaydi. Abu Rayhon Beruniy (973–1051) ham Ahmad Farg‘oniy yo‘lidan borib, bu yerlarni asosan 3-iqlimda tasvirlagan. Shuningdek, Beruniyning asarlarida Iordaniyaning tarixiy yerlarida eski chog‘larda hukm surgan sulolalar (Ossuriya, Bobil, Salavkiy va boshqa), bu yurt aholisining eski e’tiqodlari, kundalik turmushi to‘g‘risida ham ma’lumotlar uchraydi. Masalan, Abu Rayhon Beruniy bu hudud aholisi ishlatgan yunon, Rim kun sanoqlari (taqvim) bo‘yicha so‘z yuritadi.

O‘zbekiston-Iordaniya aloqalarining ijtimoiy-madaniy jihatlari. O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi ijtimoiy-madaniy aloqalar mustaqillikdan so‘ng shakllanib, xalq diplomatiyasi asosida izchil rivojlanib kelmoqda. 1998-yilda O‘zbekiston-Iordaniya do‘stlik jamiyatining tashkil etilishi ikki davlat o‘rtasidagi madaniy-gumanitar hamkorlikni yangi bosqichga olib chiqdi.

Tomonlar o‘rtasida muntazam madaniy tadbirlar, milliy bayramlar va uchrashuvlar o‘tkazilib, 1999-yilda Toshkentda Iordaniya Mustaqillik kunining nishonlanishi bu aloqalarning amaliy ifodasiga aylandi. 2000-yilda shahzoda Hasan

bin Talalning O‘zbekistonga tashrifi esa ta’lim, ilm-fan va madaniy almashinuv sohalaridagi hamkorlikni yanada kengaytirdi.

Ta’lim yo‘nalishidagi aloqalar ham muhim o‘rin tutib, oliy ta’lim muassasalari o‘rtasida professor-o‘qituvchilar va talabalar almashinuvi yo‘lga qo‘yildi. Madaniy sohada esa festival, san’at va musiqa tadbirlari, jumladan “Sharq taronalari” festivali ikki xalq madaniy yaqinligini namoyon etib kelmoqda.

Shuningdek, turizm va tarixiy meros almashinuvi ham muhim yo‘nalish bo‘lib, Samarqand, Buxoro va Xiva kabi shaharlar iordaniyaliklar uchun katta qiziqish uyg‘otmoqda. Do‘stlik jamiyati faoliyati esa ilmiy, madaniy va diplomatik hamkorlikni kuchaytirib, o‘zaro tushunishni mustahkamladi.

Shulardan kelib chiqib aytishimiz mumkinki, O‘zbekiston-Iordaniya ijtimoiy-madaniy aloqalari barqaror rivojlanib, ta’lim, madaniyat, ilm-fan va turizm sohalarida yanada kengayib bormoqda.

Suq al-Buxoriya – “Buxoriy bozori”. Iordaniya poytaxti Ammanning qadimgi shahar markazida shaharning eng birinchi yoki eng qadimgi bozori – “Buxoriy bozori” bor. Bozor qadimgi markaz yoki “shahar markazi” deb tanilgan hududda – Iordaniyaning eng muhim arxeologik ramzlaridan ikkitasi bo‘lgan “Rim amfiteatri” va “Qal’a tepaligi” arxeologik majmualari orasida hamda “Buyuk Husayniy masjidi” qarshisida joylashgan.[346]

Bozorga 1934-yilda asli o‘zbekistonlik muhojir Kamoliddin al-Buxoriy tomonidan asos solingan va bozor 1942-yilda hozirgi joyga ko‘chib o‘tgan. Bozor Amman shahridagi birinchi bozor bo‘lishi mumkin.

Kamoliddin al-Buxoriy va uning bir qancha safdoshlari haj amallarini bajarish davomida o‘sha davr an’anasiga ko‘ra Quddusni ham ziyorat qilgan va Quddus ziyoratidan so‘ng hozirgi Iordaniya hududlarida yashab qolgan. Bozorni hozirga qadar ham ammanliklar asli kelib chiqishi O‘zbekiston (Movarounnahr) yerlaridan kelgan savdogarlar tashkil qilganligi haqida gapirishadi.

Bu bozorda o‘z ism-familiyalariga “buxoriy”, “samarqandiy”, “toshkandiy” va “turkistoniy” kabi joy nomlarini qo‘shish orqali o‘zining kelib chiqishini O‘zbekistonga bog‘lovchi yuzga yaqin savdogarlar faoliyat olib boradi. Asosan hunarmandchilik mahsulotlarini sotish bilan tanilgan “Buxoriy bozori” zamonaviy Ammaning turistika markazlaridan biriga aylanib qolgan.[347]

Iordaniya o‘zbeklari madaniy ko‘prik sifatida. 2000-yillarning boshlarida Iordaniyada taxminan 2000 nafardan ko‘proq asli kelib chiqishi O‘zbekistondan bo‘lgan va o‘zlarini “buxoriylar” deb nomlovchi arab bo‘lmagan guruh istiqomat

346). الأسواق القديمة في عمان. أفكار، 2015ملص، س. (315)). 80–85.

347). الأدوار الوطنية والاقتصادية للنخب التجارية في مدينة عمّان خلال النصف الأول من القرن 2024عابدين، ر. ع. ع.، والبشتاوي، د. ح. ( ). مجلة رغدان، 1946–1921العشرين (59–80، (1)1.

qilgan. Ammanning Buxoriy ko‘chasi va “Buxoriy bozori” singari joylarda ular nisbatan bir-birlariga yaqin joylashib yashaydi.

O‘zbekiston Milliy davlat arxivida saqlanayotgan ma’lumotlarga ko‘ra (2822-fond, 1-ro‘yxat, 89-ish) Iordaniyada asosan Ammanda va qisman Irbidda istiqomat qiluvchi 500 ga yaqin a’zosi bo‘lgan o‘zbek-muhojirlar jamoasi mavjud (1989-yil ma’lumotlari). Bu muhojirlar jamoasining shakllanishi 50-yillarning oxiri – 60-yillarning o‘rtalarida Saudiya Arabistoni va Turkiyadan ba’zi o‘zbek oilalarining ko‘chib kelishi hisobiga yuz berdi. Deyarli shu davrda va biroz keyinroq bu yerga XIX asr oxirida Quddusga joylashgan Iordan daryosining G‘arbiy qirg‘og‘idan, shuningdek Afg‘oniston, Eron va XXRdan kelgan muhojirlarning ba’zi oilalari ham ko‘chib o‘tishgan.

Iordaniyaga ko‘chib kelgan o‘zbeklar Iordan fuqaroligini olgan. Iordaniyadagi o‘zbek muhojirlari ism-familiyalariga “buxoriy”, “qo‘qondiy”, “samarqandiy” kabi asl kelib chiqish manzilini eslatuvchi qo‘shimchalar qo‘shiladi. Buni ular milliy o‘zlikni saqlab qolish maqsadida amalga oshiradi.

Iordaniyadagi o‘zbek muhojirlari kasb-koriga ko‘ra, asosan, ulgurji va chakana savdo bilan shug‘ullanadi, Ammonda ular katta savdo do‘konlari, rastalari, savdo shoxobchalariga ega.

Iordaniyadagi o‘zbek jamoasi vakillari asosan keyingi avlod muhojirlari bo‘lganligi sababli, ular orasida o‘zbek tilini biladiganlar soni ozchilikni tashkil etadi.

1977-yildan 1987-yilgacha bo‘lgan davrda O‘zbekistonda qarindoshlari va “Vatan” jamiyati taklifiga binoan 12 nafar iordaniyalik vatandoshimiz O‘zbekistonga tashrif buyurgan. O‘sha davr mobaynida O‘zbekiston ta’lim muassasalariga Iordaniyadan 5 nafar vatandosh farzandi o‘qishga qabul qilingan, mustaqillik yillarida bu singari tashabbuslar to‘xtab qolgan.

Iordaniyada yashovchi o‘zbeklarning boshqa xorijiy mamlakatlarda, xususan, Saudiya Arabistoni, Turkiyada, Isroil tomonidan bosib olingan Iordan daryosining G‘arbiy qirg‘og‘idagi hududda, AQShda va boshqa joylarda qarindoshlari bor va ular bilan yaqin aloqada bo‘ladilar. Shu sababli boshqa mamlakatlarning muhojirlar muhitidagi (buxoriylar, turkistoniylar) jarayonlar va hodisalar haqida yetarlicha ma’lumotga ega. Masalan, ular Quddusdagi “buxoriylar” bilan eng yaqin aloqaga ega guruh hisoblanadi.

O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi diplomatik aloqalar. O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi diplomatik munosabatlar 1990-yillar boshida shakllanib, izchil rivojlanib bormoqda. Iordaniya 1991-yil 28-dekabrda O‘zbekiston Respublikasining mustaqilligini tan olgan ilk davlatlardan biri hisoblanadi. 1993-yil 15-fevralda

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Toshkent shahrida ikki davlat o‘rtasida diplomatik munosabatlar o‘rnatish to‘g‘risidagi protokol imzolangan bo‘lib, bu jarayon Iordaniya shahzodasi Raad bin Zayd boshchiligidagi yuqori darajadagi tashrif davomida amalga oshirilgan.

1994-yil iyul oyida Amman shahrida O‘zbekiston elchixonasi ochildi, shu yilning 21-iyul sanasida esa Toshkentda Iordaniya elchixonasining ochilishi munosabatlarda yangi bosqichni boshlab berdi. 1994-yil oktabr oyida Birinchi Prezident Islom Karimov Iordaniyaning birinchi elchisi ishonch yorliqlarini qabul qildi.

Keyingi yillarda iqtisodiy, madaniy va gumanitar hamkorlik kengaydi. 1996-yil avgust oyida Toshkentda Iordaniya kompaniyalari ko‘rgazmasi o‘tkazildi. 1996-yil noyabr oyida esa savdo, iqtisodiyot va aviatsiya sohalarida hamkorlikka doir bitimlar imzolandi.

2000-yil 19-iyun kuni Iordaniya Qiroli Abdulloh II tomonidan O‘zbekistonning Misrdagi elchisi Iordaniyada nerezident elchi sifatida qabul qilindi. Bu diplomatik aloqalarning yuqori darajada davom etayotganini ko‘rsatadi.

So‘nggi yillarda O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi siyosiy muloqot yanada faollashdi. Iordaniya Qiroli Abdulloh II 2025-yil 25-26-avgust kunlari O‘zbekiston Respublikasiga rasmiy davlat tashrifi bilan keldi. Ushbu tashrif ikki davlat o‘rtasidagi siyosiy, iqtisodiy va madaniy hamkorlikni yanada rivojlantirishga xizmat qildi.

Tashrif davomida Samarqand shahrida oliy darajadagi kutib olish marosimi o‘tkazildi hamda turli yo‘nalishlarda hamkorlikni kengaytirish masalalari muhokama qilindi. Xususan, savdo-iqtisodiyot, investitsiya, ta’lim, madaniyat va turizm sohalaridagi aloqalarni mustahkamlashga alohida e’tibor qaratildi.

Bugungi kunda O‘zbekiston-Iordaniya munosabatlari o‘zaro ishonch, hurmat va manfaatli hamkorlik tamoyillari asosida barqaror rivojlanib bormoqda.

Xulosa. Xulosa qilib aytganda, O‘zbekiston va Iordaniya o‘rtasidagi munosabatlar chuqur tarixiy ildizlarga ega bo‘lib, asrlar davomida shakllangan madaniy, ilmiy va ijtimoiy aloqalar zamonaviy davrda yangi mazmun bilan boyib bormoqda. Qadimda Buyuk Ipak yo‘li orqali yuzaga kelgan savdo va madaniy almashinuvlar, turonlik allomalar hamda arab dunyosi o‘rtasidagi ilmiy muloqot ikki hududning o‘zaro yaqinlashuviga mustahkam zamin yaratgan.

Mustaqillikdan keyingi davrda esa ushbu tarixiy yaqinlik rasmiy diplomatik munosabatlar shaklida davom etib, siyosiy, iqtisodiy va madaniy hamkorlik yo‘nalishlarida izchil rivojlanib bormoqda. Elchixonalar faoliyati, yuqori darajadagi tashriflar hamda turli kelishuvlar ikki davlat o‘rtasidagi ishonch va o‘zaro manfaatli hamkorlikni yanada mustahkamladi.

Shu bilan birga, ijtimoiy-madaniy aloqalar, ta’lim va madaniyat sohasidagi hamkorlik, shuningdek, diaspora va xalq diplomatiyasi ikki xalq o‘rtasidagi do‘stona munosabatlarni mustahkamlovchi muhim omil bo‘lib xizmat qilmoqda. Bugungi kunda O‘zbekiston va Iordaniya munosabatlari nafaqat tarixiy yaqinlikning davomi, balki kelajakda yanada kengayishi kutilayotgan strategik hamkorlik yo‘nalishi sifatida shakllanib bormoqda.

Foydalanilgan adabiyotlar:

الحسني، ف. س. ح.، والموسوي، ع. ر. و. (2015). دمشق في عهد أحمد بن طولون: دراسة في أحوالها السياسية (264–270هـ/877–883م). مجلة كلية التربية الأساسية للعلوم التربوية والإنسانية، (21)1، 548– 560.

خواجه، ز. ا. إ.، والبخاري، م. (1997). أوزبكستان والعرب: آفاق التعاون. السياسة الدولية، (128)33، 192–195.

زرازير، م. أ. م.، وسيد، ح. أ. (2025). التطور السياسي لولاية محمد بن طغج الإخشيد على مصر وبلاد الشام من خلال نقوش المسكوكات (323–334هـ/934–945م). Archaeological Inscriptions، 3(3)، 45–70. https://doi.org/10.21608/archin.2024.325685.1024

صديق، أ. م. ف. (2011). العلاقات التجارية والثقافية بين المدن الصينية ومدن آسيا الوسطى الواقعة على طريق الحرير في عصر الأسرتين الينوانية والتيمورية المغوليتين (658–911هـ/1260–1505م). المجلة العلمية لكلية الآداب، (40)، 365–209.

عابدين، ر. ع. ع.، والبشتاوي، د. ح. (2024). الأدوار الوطنية والاقتصادية للنخب التجارية في مدينة عمّان خلال النصف الأول من القرن العشرين (1921–1946). مجلة رغدان، (1)1، 80–59.

ملص، س. (2015). الأسواق القديمة في عمان. أفكار، (315)، 85–80.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

QATAR TASHQI SIYOSATIDA TINCHLIK KONSEPSIYASI

Fayzullayev Azamat,
Toshkent davlat sharshunoslik universiteti
07.00.05 - Xalqaro munosabatlar va tashqi siyosat tarixi ixtisosligi 1-bosqich doktoranti
E-mail: azamatfayzullayev417@gmail.com
Ilmiy rahbar: PhD, dotsent Ikromov Shavkat Iskandarovich

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada Qatarning Fors ko‘rfazi mintaqasida yangi geosiyosiy kuchga aylanishi hamda uning tashqi siyosatida belgilangan ustuvor yo‘nalishlardan biri xalqaro vositachilik, nizolarni tinch yo‘l va kelishuvlar asosida hal etish siyosatining shakllanish tarixi tahlil etilgan. Qatar amiri shayx Tamim bin Hamad Ol Tanining mahalliy va xalqaro miqyosda bergan bayonotlari, xalqaro kelishuvga erishish uchun amalga oshirgan ishlarining mavzuga doir qismlari o‘rganilgan. Maqolani yozishda ingliz va arab tillarida yozilgan maqola va ular joylangan internet manbalarining rasmiy adabiyotlaridan foydalanilgan.

Kalit so‘zlar: *neft, amir Tamim bin Hamad, xalqaro huquq normalari, konsepsiya, kelishuv, sammit, agressiya, pozitsiya, rezolyutsiya.*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется история становления Катара как новой геополитической державы в регионе Персидского залива и формирования одного из приоритетов его внешней политики – международного посредничества, мирного урегулирования конфликтов путем соглашения. Изучены соответствующие фрагменты заявлений эмира Катара, шейха Тамима бин Хамада Аль Тани, на местном и международном уровнях, а также работа, проделанная для достижения международного соглашения. Статья написана на английском и арабском языках, при написании использовались официальные источники в интернете, где они размещены.

Ключевые слова: *нефть, эмир Тамим бин Хамад, международное право, концепция, соглашение, саммит, агрессия, позиция, резолюция.*

ABSTRACT

This article analyzes the history of Qatar’s emergence as a new geopolitical power in the Persian Gulf region and the formation of one of the priorities of its foreign policy - international mediation, the peaceful resolution of conflicts by agreement. The relevant parts of the statements made by the Emir of Qatar, Sheikh

Tamim bin Hamad Al Thani, at the local and international levels, and the work carried out to achieve an international agreement are studied. The article was written in English and Arabic and the official literature of the Internet sources where they are located were used in writing the article.

Keywords: *oil, Emir Tamim bin Hamad, international law, concept, agreement, summit, aggression, position, resolution.*

KIRISH

Qatar – Fors ko‘rfazi davlatlari orasida o‘zining xalqaro ta’sir doiralariga ega ekanligi bilan ajralib turadigan mamlakat. 1995-yildan beri Qatar Yaqin Sharq mintqasidagi voqealarda kuzatuvchilik maqomidan chiqib faol siyosiy kuchga ega ekanligini namoyon etmoqda. Jumladan, uning 2004-yilda qabul qilingan konstitutsiyasining yettinchi moddasida shunday deyilgan:[348] “Qatar davlati o‘z tashqi siyosatini quyidagi prinsiplarga asoslanib olib boradi:

1) Xalqaro tinchlik va xavfsizlikni mustahkamlash;
2) Davlatlar o‘rtasidagi nizolarni tinch yo‘l bilan hal qilish;
3) Boshqa davlatlarning ichki ishlariga aralashmaslik;
4) Xalqlarning o‘z taqdirini o‘zi belgilash huquqini hurmat qilish;
5) Xalqaro hamkorlikni rivojlantirish”.

Bu modda Qatar tashqi siyosatining tinchlikparvar va diplomatik yo‘nalishini o‘zida aks ettiradi. 1995-yil iyunda Qatar amiri Hamad bin Xalifa Ol Tani hokimiyatga kelganidan so‘ng, mamlakatga ExxonMobile, Shell va Chevron yirik neft kompaniyalarining investitsiyalari jalb etildi.[349] Neft eksportidan tushadigan daromadning salmoqli qismi Qatarning tashqi siyosiy konsepsiyasini amalda bajarish uchun sarflana boshladi. Bundan ko‘zlangan asosiy maqsadlardan biri Arabiston yarimorolida doimo ustunlikka erishib kelayotgan Saudiya Arabistoni manfaatlaridn tashqari o‘z ta’sir doirasini shakllantirish hamda uni xalqaro maydonda namoyish etish bo‘lgan. 1997-yilda Qatar ayollarga saylov huquqini bergan birinchi arab davlati bo‘ldi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR

Maqolani yozish jarayonida 2004-yili qabul qilingan Qatar konstitutsiyasi hamda uning 7-moddasi alohida ko‘rib chiqildi, unda aks ettirilgan davlat tashqi siyosatining ustuvor yo‘nalishlarini belgilashga doir Qatar amirining xalqaro miqyosdagi ma’ruzalarni tahlil qilindi. Al-Jazeeraning 1996-2025-yillar oralig‘ida chop etilgan ilmiy va publitsistik maqolalaridan tashqi siyosiy konsepsiyani belgilab

[348] https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2024/12/permanent_constitution_state_qatar_en.pdf
[349] الديوان الأميري (apa6.). صاحب السمو الأمير الوالد الشيخ حمد بن خليفة آل ثاني | www.diwan.gov.qa

beruvchi qismlari tadqiqot ishini yaratish jarayoniga jalb etildi. Ilmiy tadqiqot ishini yaratishda tarixiy qiyoslash hamda xronologik metodlardan foydalanildi. Qatarning 1996-yildan keyingi faol tashqi siyosiy aloqalari hamda xalqaro nizolarni tinchlik yo‘li vositasida hal etishdagi roli va ahamiyati o‘rganildi.

MUHOKAMA. Qatarning 2023-yildan beri Yaqin Sharq mintaqasida davom etib kelayotgan G‘azo sektoridagi gumanitar inqirozga faol siyosiy aralshuvi, u yerda yuz berayotgan Isroilning xalqaro agressiyasini qoralashi muhokama qilindi. Isroil va G ‘azo sektoridagi qurolli guruhlar o ‘rtasida otashkesim masalalarini hal etish, har ikki tomonni xalqaro huquq normalarini himoya qilgan holda tartib-intizomga chaqiirsh hamda muammolarni tinch yo‘l bilan hal etishdagi sa’y-harakatlari atroflicha ko‘rib chiqildi.

Isroilning 2023-yil oktabrdan buyon G‘azo sektoriga bo‘lgan tajovuzi davomida Qatar davlati arab va xalqaro diplomatik sahnada bu hudud aholisining qon to‘kilishini to‘xtatish va barqaror kelishuvga erishish uchun o‘zining siyosiy va gumanitar imkoniyatlarini ishga solmoqda. Qatar Misr Arab Respublikasi va Amerika Qo‘shma Shtatlari bilan hamkorlikdagi tarixiy vositachilik sa’y-harakatlarida hal qiluvchi rol o‘ynadi. Bu voqea G‘azoda sulh e’lon qilinishiga va 2025-yil 15-yanvarda Isroil hukumati va G‘azodagi HAMAS guruhi o‘rtasida harbiy asirlar va mahbuslarning almashinuviga olib keldi. Ayni paytda mamlakat amiri Shayx Tamim bin Hamad Ol Tanining Falastin da’vosini qo‘llab-quvvatlash va G‘azoga bo‘lgan tajovuzni qoralash borasidagi qat’iy pozitsiyalari, uning G‘azodagi vaziyatni muhokama qilish uchun o‘tkazilgan arab, islom, xalqaro sammit va yig‘ilishlardagi faol ishtiroki orqali yuzaga chiqdi.[350]

Shayx Tamim bin Hamadning nutqlari Qatarning diplomatik sa’y-harakatlarga va Falastin xalqining huquqlarini himoya qilish bo‘yicha qo‘shma arab harakatlarini kuchaytirishga qat’iy sodiqligini aks ettirdi va ishg‘olni davom ettiruvchi yoki G‘azodagi geosiyosiy landshaftni uning aholisi hisobiga qayta shakllantirishga qaratilgan har qanday yechimlarni rad etish, mintaqada barqarorlikni ta’minlashga qaratilgan strategik yechimlarni o‘z ichiga oladi.[351]

Misr Arab Respublikasining Qohira shahrida Falastindagi voqealarni, xususan, G‘azo sektoridagi vaziyat va sektorni qayta qurish rejasini muhokama qilish uchun bo‘lib o‘tgan favqulodda arab sammiti doirasida Falastin muammosi hamda G‘azo sektori va uning aholisi kelajagi bo‘yicha arablarning pozitsiyalarini muvofiqlashtirishga intilishlar ortib bormoqda. Ushbu sammit mintaqaviy va xalqaro jarayonlarning jadal sur’atlarda o‘tishi, ayniqsa, ommaviy axborot

[350] https://www.bbc.com/news/articles/cy5klgv5zv0
[351] https://strategiecs.com/en/analyses/the-second-arab-islamic-summit-timing-and-contextual-implications

vositalarida G‘azodagi “urushdan keyingi kun” rejalari haqida gap-so‘zlar kuchaygan bir pallaga to‘g‘ri keladi, bu bosqichda Isroil ishg‘oli o‘z tajovuzkorligi natijasida yuzaga kelgan vayronagarchilikdan foydalanib, mintaqadagi geosiyosiy landshaftni o‘zgartirish uchun yangi faktlarni kiritishga intiladi. Bu harakatlar G‘azo aholisining kelajagi haqida qonuniy xavotirlarni keltirib chiqarmoqda, bu esa falastinliklarning huquqlarini himoya qilishni kafolatlaydigan, ularning davom etayotgan azob-uqubatlariga barham beradigan adolatli va barqaror yechimni talab qiladigan yagona arab pozitsiyasini talab qiladi.

NATIJALAR. Bir qancha xalqaro forumlarda Qatarning pozitsiyasi shundan iboratki, u Iordan daryosining g‘arbiy sohili va G‘azo sektori aholisini o‘z yerlaridan mahrum qilishni yoqlamaydi. 2023-yil 11-noyabrda Saudiya Arabistoni poytaxti Ar-Riyodda bo‘lib o‘tgan favqulodda qo‘shma arab-islom sammitida mamlakat amiri Shayx Tamim bin Hamad Ol Tanining nutqi tajovuz kuchayib borayotgan bir paytda Qatarning keyingi pozitsiyalari uchun poydevor bo‘lib, uning xalqaro miqyosdagi keskin tanqidiga sabab bo‘ldi. Isroilning G‘azo aholisiga qarshi urush jinoyatlari bo‘yicha xalqaro hamjamiyat tomonidan ishg‘olning oldini olish choralarini ko‘rish, falastinliklarning himoyasini ta’minlash, gumanitar yordamning cheklovlarsiz va shartlarsiz kelishini kafolatlash uchun jamoaviy harakatlar zarurligini ta’kidladi.[352]

Amir o‘z nutqida: “Qatar davlati birodar Falastin xalqining taqdiri adolatli hal etilishini qo‘llab-quvvatlash bo‘yicha o‘zining tarixiy pozitsiyasida sobitdir. Bu muammoning yagona barqaror yechimi xalqaro qonuniylik rezolyutsiyalari va xalqaro hamjamiyat tomonidan yechim bo‘lgan Arab tinchlik tashabbusi asosida adolat asoslarini o‘rnatishdir” – dedi. Sammitdagi ishtirokidan so‘ng, amir “X” ijtimoiy tarmog‘idagi rasmiy sahifasida shunday izoh qoldirdi: “G‘azoda davom etayotgan urush jinoyatlari bizning islomiy davlatlarimizdan mamlakatlarimizning salmog‘i va ahamiyatiga to‘g‘ri keladigan qat’iy pozitsiya va to‘xtatuvchi qadamlar qo‘yishni talab qilmoqda, bu esa nafaqat islomiy jinoyatlar, balki arab jinoyatlari bilan bog‘liq jinoyatlarga nisbatan xalqlarimizning pozitsiyasi va his-tuyg‘ulariga mos keladi”.[353]

2023-yil 5-dekabr kuni Doha shahrida bo‘lib o‘tgan Fors ko‘rfazi hamkorlik tashkilotining Oliy kengashi sessiyasi ochilishida so‘zlagan nutqida Qatar amiri Falastin xalqi, ayniqsa, G‘azo sektorida boshdan kechirgan fojiali hodisalarga to‘xtalib o‘tdi. Uning ta’kidlashicha, sammit misli ko‘rilmagan gumanitar inqiroz davrida o‘tmoqda va “Falastinda sodir bo‘layotgan voqealar insoniyatga qarshi

[352] https://www.oic-oci.org/en/news/3729
[353] https://www.spa.gov.sa/en/N1995299

jinoyatdir. Bu jirkanch jinoyatning davom etishiga ruxsat berish xalqaro hamjamiyat uchun uyatdir”.[354]

Qatar amiri, shuningdek, Birlashgan Millatlar Tashkilotini Isroil ishg‘ol kuchlari tomonidan Falastin xalqiga qarshi sodir etilgan qirg‘inlar yuzasidan xalqaro tergov o‘tkazishga chaqirib, Xavfsizlik Kengashidan qonuniy mas’uliyatni o‘z zimmasiga olishini, Isroilni Falastin muammosini xalqaro qonuniylik rezolyutsiyalari va “Arab tinchlik tashabbusi” orqali adolatli hal etish uchun ishonchli muzokaralarga qaytishga majburlashni talab qildi. [355] Amirning ta’kidlashicha, qiyinchilik G‘azo muammosini hal qilishda emas, balki butun Falastin hududidan Isroil harbiy kuchlarini olib chiqish va Falastinda yangi tuzilmalar barpo etishdadir.

Mamlakat amiri Shayx Tamim bin Hamad Ol Tanining sa’y-harakatlari faqat arab mintaqasi va Fors ko‘rfazi o‘lchovlari bilan cheklanib qolmay, balki xalqaro maydonga chiqishni ham nazarda tutadi. 2024-yil sentabr oyida Birlashgan Millatlar Tashkiloti Bosh Assambleyasining 79-sessiyasidagi nutqida amir G‘azo sektorida Falastin xalqiga qarshi ochiq tajovuz eng vahshiy va jirkanch bo‘lib, insoniy qadriyatlar, xalqaro nizomlar va me’yorlarga zid bo‘lgan voqea ekanligini ta’kidlab, sodir bo‘layotgan voqealar urushning eng keng tarqalgan turi emas, balki, bir tomonlama qirg‘in ekanligini eslatdi.[356]

Shuningdek, u qardosh Falastin xalqining yetti yarim yildan ortiq davom etgan gumanitar fojiasi xalqaro hamjamiyat va uning institutlari uchun dog‘ ekanligini ta’kidladi. Agar zudlik bilan o‘t ochishni to‘xtatish va Isroilning barcha arab yerlarini bosib olishini to‘xtatishga olib keladigan aniq qadamlar qo‘yilmasa, Yaqin Sharqda va butun dunyoda xavfsizlik, tinchlik va barqarorlik to‘g‘risida hech qanday ma’no yo‘qligini eslatdi. Amirning ushbu tarixiy nutqi arab va xalqaro ommaviy axborot vositalari tomonidan katta e’tiborga sazovor bo‘lib, unda Oliy hazratlari ishg‘olni tugatish va mustaqil Falastin davlatini barpo etish yo‘lida harakat qilish muhimligi hamda G‘azo xalqining azob-uqubatlariga chek qo‘yish zarurligi to‘g‘risida e’tirof etilgani haqida xabar berildi. Qatarning adolat va tinchlikka erishish yo‘lidagi sa’y-harakatlariga umid qilayotgan Falastin ham ushbu tashabbusga ijobiy javob qaytardi.

Falastin masalasiga bo‘lgan qat’iy yondashuvini davom ettirib, 2024-yil oktabr oyida Dohada bo‘lib o‘tgan Osiyo hamkorlik muloqoti uchinchi sammitining ochilishida so‘zlagan nutqi chog‘ida amir Qatar davlatining Falastin huquqlari va G‘azo sektori aholisining azob-uqubatlarini yengillashtirishga qaratilgan sa’y-

[354] https://thearabweekly.com/qatar-shifts-position-extremism-west-questions-dohas-role-hamas-attack
[355] https://english.aawsat.com/gulf/4710246-gcc-leaders-meet-doha-stress-need-truce-gaza
[356] https://sdg.iisd.org/events/79th-session-of-the-un-general-assembly-unga-79/

harakatlarini qo‘llab-quvvatlash borasidagi pozitsiyasini mustahkamladi.[357] Bu nutq uning Birlashgan Millatlar Tashkilotining 79-sessiyasida bildirgan aniq pozitsiyalarining kengaytmasi bo‘lib, u Isroil ishg‘oli G‘azoda Falastin xalqiga qarshi genotsid jinoyatlarini amalga oshirayotganini, xalqaro hamjamiyatning kuchsizligi va uning davom etayotgan qonunbuzarliklariga e’tibor bermasligidan foydalanib, G‘azo sektorini odamlarni ko‘chirish uchun yaroqsiz hududga aylantirayotganini tasdiqladi. Uning ta’kidlashicha, Isroil tajovuzlari faqat G‘azo sektori bilan cheklanib qolmagan, balki Livanda ham Isroilning harbiy hujumlari avj olgani, yuzlab begunoh qurbonlar va bir milliondan ortiq fuqarolarning uy-joyini tashlab ketgani xalqaro huquq normalarining qo‘pol ravishda buzilishiga olib kelgan.

Isroil G‘arbiy sohildagi aholi punktlarini kengaytirish, uni qo‘shib olishga yoki hech bo‘lmaganda uning ayrim qismlarini qo‘shib olishga tayyorgarlik ko‘rish orqali ishg‘olni mustahkamlashdagi xalqaro muvaffaqiyatsizlikdan foydalanmoqda, bu esa ushbu rejalarni to‘xtatish uchun shoshilinch xalqaro chora-tadbirlarni talab qiladi.

Qatarning ushbu pozitsiyalari shuni nazarda tutadiki, xalqaro xavfsizlik va barqarorlikka faqat adolatli va keng qamrovli tinchlik kelishuvlari orqali erishiladi, bu esa 1967-yil iyundagi Falastin chegaralarida poytaxti Sharqiy Quddus bo‘lgan mustaqil Falastin davlatini barpo etishga olib keladi. Amir har doimgidek Falastin masalasini qo‘llab-quvvatlovchi va uning adolatli taqdirini yo‘q qilishga urinishlarni rad etishini ta’kidladi. 2024-yil noyabr oyida Ar-Riyodda bo‘lib o‘tgan, Isroilning G‘azo va Livanga bo‘lgan tajovuzini to‘xtatish yo‘llarini muhokama qilishga bag‘ishlangan favqulodda qo‘shma arab-islom sammitida ishtirok etib Falastin masalasini himoya qilish uchun diplomatik sa’y-harakatlarini davom ettirishda bor kuchini ayamadi.

XULOSA

Bu ishtirok amir oliy hazratlarining avvalgi turli xalqaro forumlarda bildirgan qat’iy pozitsiyalarining davomi bo‘lib, Isroil agressiyasini to‘xtatish uchun arab va islomning qo‘shma harakatlarini kuchaytirish zarurligini hamda xalqaro miqyosda davom etayotgan bosqinchilikka chek qo‘yishning iloji yo‘q ekan, Isroilning kundan-kunga kuchayib borayotgan jinoyatlarini to‘xtatish uchun amaliy choralar ko‘rish muhimligini ta’kidladi. Qatar davlatining Falastin masalasidagi qat’iy pozitsiyasini tasdiqlab, amir Birlashgan Millatlar Tashkilotining Venadagi bo‘limi tomonidan 2024-yil noyabr oyida “Falastin xalqi bilan xalqaro birdamlik kuni”

[357] https://mofa.gov.qa/en/latest-articles/statements/qatar-condemns-in-the-strongest-terms-israeli-occupation's-storming-of-kamal-adwan-hospital-in-gaza-strip

munosabati bilan o‘tkaziladigan tanatana tabrigida shuni ta’kidladiki, eng avvalo, Falastin xalqi bilan chinakam hamjihatlik ularning munosib hayot kechirish va o‘z taqdirini o‘zi belgilash huquqini qo‘llab-quvvatlab, qirg‘in urushi bolalar, qochqinlar, tibbiyot va gumanitar xodimlarni ham ayamaganini ta’kidladi.

U xalqaro hamjamiyatning Falastinda qon to‘kilishini to‘xtata olmasligini ochiq-oydin tanqid ostiga olib, BMT pozitsiyalari va rezolyutsiyalari ravshanligiga qaramay, xalqaro huquqni tatbiq etishda ikki tomonlama standartlar davom etayotgani xalqaro jinoyatchilarning jazosiz qolishini kuchaytirib, xalqaro tizimga bo‘lgan ishonchga putur yetkazayotganini ta’kidladi. Shuningdek, Birlashgan Millatlar Tashkilotining Falastinlik qochoqlarga yordam ko‘rsatish agentligini (UNRWA) nishonga olishga va uning insonparvarlik roliga putur yetkazishga bo‘lgan urinishlarni qoraladi va o‘z xabarida Qatar agentlikni moliyalashtirishga qo‘shgan hissasini 100 million dollarga oshirganini ta’kidladi, bu uning falastinliklarni qo‘llab-quvvatlash bo‘yicha davomiy majburiyatini aks ettiradi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2024/12/permanent_constitution_state_qatar_en.pdf
2. https://www.bbc.com/news/articles/cy5klgv5zv0
3. https://strategiecs.com/en/analyses/the-second-arab-islamic-summit-timing-and-contextual-implications
4. https://www.oic-oci.org/en/news/3729
5. https://www.spa.gov.sa/en/N1995299
6. https://thearabweekly.com/qatar-shifts-position-extremism-west-questions-dohas-role-hamas-attack
7. https://english.aawsat.com/gulf/4710246-gcc-leaders-meet-doha-stress-need-truce-gaza
8. https://sdg.iisd.org/events/79th-session-of-the-un-general-assembly-unga-79/
9. https://mofa.gov.qa/en/latest-articles/statements/qatar-condemns-in-the-strongest-terms-israeli-occupation's-storming-of-kamal-adwan-hospital-in-gaza-strip

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

MAROKASHDA FRANSIYA PROTEKTORATLIK DAVRIDA MIGRATSIYA TARIXI

Sharofova Diyora Shavkat qizi
TDShU
Tayanch doktarant
Diyorasharofova33@gmail.com

ANNOTATSIYA

XXI asrda Marokash davlati migratsiyasi Yevropa, Amerika hamda Markaziy Sharq davlatlariga rivojlangan. Biroq, marokashliklar migratsiyasi chuqur tarixiy ildizga ega hamda shakllanish bosqichi Fransiya tomonidan protektoratlik o‘rnatilgan davrga bog‘lanadi. Marokashliklar dastlab protektoratlik ilk yillarida ishchi migrant sifatida qisqa hamda mavsumiy ishlarga jalb etilgan. Lekin, keyingi yillarda madaniy tanishlik, til ustunligi, protektoratlik aloqalari hamda migratsiya zanjiri sababli marokash muhojirlari uzoq muddatga Fransiyada joylashishga urunishdi. Bunga Marokashdagi ishsizlik darajasining ortishi, demografik muammolar hamda markazlashgan boshqaruv tizimi ham asosiy omillar hisoblanadi. Fransiya o‘zida ishlab chiqarish rivojlanayotganligi va sanoat kengayyotganligi sababli migrant ishchilardan manfaatdor edi. Shu sababli, Fransiya migrant ishchilarga til, transport qulayliklari, infrotuzilmalar hamda ishga yollash agentliklari xizmatini taklif etdi. Marokash ishchilari Fransiyada qishloq xo‘jaligi sohalarida, konchilik, metallurgiya va ishlab chiqarish zavodlarida ishlagan. Marokash migratsiyasi ko‘lamida u Niderlandiya, Belgiya, Shvetsiya kabi davlatlari bilan shartnomalar imzolagach, sezilarli darajada o‘zgarish bo‘ldi.

Kalit so‘zlar: *protektoratlik, ishchi migrantlar, fransuz qadriyatlari, tadqiqotlar.*

ABSTRACT

In the 21st century, Moroccan migration has developed to Europe, America and the Middle East. However, Moroccan migration has deep historical roots and its formation dates back to the period of the protectorate established by France. Moroccans were initially recruited as migrant workers for short and seasonal work in the early years of the protectorate. However, in recent years, due to cultural familiarity, language superiority, protectorate ties and migration chains, Moroccan immigrants have sought to settle in France for a long time. The main factors for this are the increasing unemployment rate in Morocco, demographic problems and a

centralized management system. France was interested in migrant workers due to its own development of production and industrial expansion. Therefore, France offered migrant workers language, transport facilities, infrastructure and the services of recruitment agencies. Moroccan workers worked in France in the agricultural sector, mining, metallurgy and manufacturing plants. The scale of Moroccan migration has changed significantly since it signed agreements with countries such as the Netherlands, Belgium, and Sweden.

***Keywords**: protectorate, migrant workers, French values, research.*

АННОТАЦИЯ

В XXI веке марокканская миграция получила развитие в Европе, Америке и на Ближнем Востоке. Однако марокканская миграция имеет глубокие исторические корни, и её формирование восходит к периоду протектората Франции. Первоначально марокканцев нанимали в качестве трудовых мигрантов для краткосрочной и сезонной работы в первые годы протектората. Однако в последние годы, благодаря культурной близости, языковому превосходству, связям с протекторатом и миграционным цепочкам, марокканские иммигранты уже давно стремятся обосноваться во Франции. Основными факторами этого являются растущий уровень безработицы в Марокко, демографические проблемы и централизованная система управления. Франция была заинтересована в трудовых мигрантах из-за собственного развития производства и промышленной экспансии. Поэтому Франция предлагала трудовым мигрантам языковой барьер, транспортные средства, инфраструктуру и услуги кадровых агентств. Марокканские рабочие трудились во Франции в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, металлургии и на промышленных предприятиях. Масштабы марокканской миграции значительно изменились после подписания соглашений с такими странами, как Нидерланды, Бельгия и Швеция.

***Ключевые слова**: протекторат, трудящиеся-мигранты, французские ценности, исследования*

KIRISH

XX asr ikkinchi yarmida Marokash davlati siyosiy o‘zgarishlar, iqtisodiy taranglik va ijtimoiy muammolarga duch keldi. Bu davlat hududida avvaldan mavjud migratsiya ko‘lamini kengayishiga sabab bo‘lgan hamda siyosiy beqarorlik va iqtisodiy kurashlar, ijtimoiy kelishmovchiliklar kabi bir qator muhim

muammolarni keltirib chiqardi. Marokashda migratsiya jarayonlari uzoq tarixiy ildizga ega hamda hozirgi davrdagi ko‘rinishda shakllanishiga turli tarixiy omillar muhim ta’sir ko‘rsatgan. Ushbu mintaqaning Yevropa, Afrika va Yaqin Sharq o‘rtasida joylashganligi migratsion jarayonlarni tahlil qilishda ahamiyatlidir. Yen Goldin o‘zining “Migratsiya” kitobida keltirishicha, Shimoliy Afrika aholisi migrantlarning ilk namunasi bo‘lib, Marokashdan aholi 300,000 yil oldin Janubiy Afrikaga hamda 95,000 yil oldin Markaziy Sharq davlatlariga migratsiya qilgan. Bunga Shimoliy Afrikaning Jabel-Irxud va Florisbad shaharlaridan topilgan inson suyak qoldiqlari ham misol bo‘ladi…IX asrda arab dengizchilar hamda savdogarlari Shimoliy Afrikadan Yevropaga borgan.[358] Ushbu yo‘nalish islom dunyosi va xalqaro savdo aloqalari yuzasidan shakllangan, xususan, VIII - XV asrlarda ko‘plab savdogarlar Afrika davlatlari, Sahara va Shimoliy Afrikaning ayrim Tumbuktu, Fez kabi shaharlariga oltin, tuz va qullarni sotish maqsadida tashrif buyurishgan. XVI - XIX asrlarda esa Yevropa davlatlaridan olimlar, savdogarlar ham tijorat, ilmiy tadqiqot kabi sabablar bilan Shimoliy Afrika hududlariga kelishgan.[359] Marokash davlatining Yevropaga bo‘lgan migratsiyasi vujudga kelishi keng tarixiy tushuncha bo‘lib, shakllanish bosqichlari mustamlakachilik davriga borib taqaladi. 1912-yilda Marokash Fransiya tomonidan mustamlaka o‘rnatilishi oqibatida davlatlar o‘rtasida migratsion bog‘liqlik yuzaga keldi.

Marokash davlati aholisining migratsiyasi dastlab Jazoirga uni mustamlakaga aylanganidan so‘ng boshlangan. XIX asrning o‘rtalarida marokashliklar Jazoir davlatida Jazoir va Oran shaharlarida shaharsozlik hamda mustamlakachilar yerlari va plantatsiyalarida ishlagan. Marokash ishchi migrantlarning ba’zilari Jazoir orqali Fransiyaga transport va temir yo‘l qurilishi uchun ketgan. Lekin, ularning miqdori kam bo‘lgan, biroq Marokash ustida Fransiya protektoratligi o‘rnatilingandan so‘ng migratsiya ko‘lami kengaydi. Marokashlik ilk ishchilar guruhi 1913-yilda Fransiyaga kelgan bo‘lib, bu migrant ishchilarning dastlabki davri hisoblanadi. Raymond F. Betts o‘zning “Mustamlaka nazariyasida” ta’kidlashicha Fransiya protektoratlik ilk davridanoq marokashliklarni mahalliy barbar xalqida alohida ajratdi.[360] Chunki, barbarlar islomiy dunyoqarashdan yiroq hamda madaniy moslashuvchan xalq edi va ularga fransuz qadriyatlarini singdirish oson bo‘lgan. Bundan tashqari, Fransiya fransuz qadriyatlarini singdirish uchun yahudiylar va

[358] Йен Голдин. Миграция. Мигранты История человечества от Великого переселения народов до цифровых кочевников. Сорокина Н. С., перевод на русский язык. Азбука-Аттикус, 2025, С. 37.
[359] Ralph A. A. Slave Trade and Gold Routes in North Africa, in Migration History and Historiography// Research Encyclopedia of African History. - Oxford, 1996, P. 19.
[360] Raymond F. Betts. Assimilation and association in French colonial theory, 1890-1914. – New York: Colombia University Press, 1961. – P. 231.

musulmonlarni ham ajratgan.[[361]] Fransiyani Jazoir va Marokashda aholini tabaqalashtirish siyosati ularni “fransuzlashtirishga” hamda ishchi migrantlarga aylantirishga xizmat qildi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR.

Shimoliy Afrika davlatlari migratsiyasi tarixiy tadqiqotlarda asosiy dolzarb mavzulardan biri hisoblanadi hamda xalqaro miqyosda keng darajada o‘rganiladi. Shimoliy Afrika tarixi hamda Marokash migratsiyasi tarixiga aloqador izlanishlar qilgan Susan Gilson Miller Koliforniya Universitetidagi tadqiqotchi hisoblanadi. Hein de Haas Mag‘rib migratsiyasi tarixiga aloqador ko‘plab maqolalar va asarlar muallifi hamda u tadqiqotlarida migratsiya tarixiga aloqador ahamiyatli yangiliklar aniqlagan. Hassan Boubakri Shimoliy Afrika davlatlari migratsiyasida ishchi muhojirlar davri hamda faoliyati bo‘yicha asosiy mutaxasis va tarixchi hisoblanadi.[[362]] Bundan tashqari, Shimoliy Afrika davlatlari tarixiga aloqador Taylor hamda Frankis tomonidan nashr qilinadigan “The North African Journal of Studeis” asosiy birlamchi va ikkilamchi adabiyotlarga ega.[363]

NATIJALAR.

Marokash migrantlari Fransiyaga Birinchi va Ikkinchi Jahon Urushlarida katta miqdorda borishgan. Urush tugagach, ayrim muhojirlar yurtiga qaytgan lekin, Marokashda urushdan keyingi iqtisodiy og‘ir ahvol natijasida Fransiyaga ishchi muhojirlar uzluksiz migratsiya qilishgan. Ushbu migratsion jarayonlar vujudga kelishining muhim davrlari Birinchi va Ikkinchi Jahon Urushlari hamda urushdan keyingi tiklanish davri hsioblanadi.

“Birinchi Jahon Urushi” davrida taxminiy 200,000 nafar Shimoliy Afrikaliklar urushda va 120,000 nafar urush orti vazifalarida xizmat qilishgan. 1915-yilda “Taylorist Nazariyasi”ga ko‘ra Fransiyadagi barcha migrantlar urushga safarbar etildi. Marokash davlatidan asosan Agadir va Tiznit hududlaridan 34,000-40,000 nafar fuqarolar urush va urush orti xizmatlari uchun safarbar etildi. Aholi noroziligini bostirish maqsadida mustamlakaga qarshi bo‘lganlar ham urush va urush orti xizmatlariga jo‘natilingan. Urush yillarida marokashliklardan 30,000 nafari Jazoirda qishloq xo‘jaligi sohalarida ishlashgan hamda urush sababli bo‘sh

[361] Shayna Straus. Migration from Morocco to France: A Historical Overview of Migration Patterns from 1912 to Present Day and Their Affects on Assimilation in the Destination Country. – Massachusetts: Brandeis University, 2016. – P. 27.

[362] Susan Gilson Miller. Filling a historical parenthesis: an introduction to ‘Morocco from World War II to Independence’// https://doi.org/10.1080/13629387.2014.953815 [Murojaat vaqti:13.08.2024.]// Haas Hein. Morocco’s Migration Transition: Trends, Determinants and Future Scenarios. – New York.: Global Commission on International Migration, 2005. - P. 45.// Hassan Boubakri. Migration in North Africa. – Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung,2021. – P. 59.

[363] Taylor, Francis. The journal of North African Studies// https://www.tandfonline.com/journals/fnas20 [Murojaat vaqti: 18.09.2025.]

qolgan ishchi kuchini to‘ldirishgan. 1932-yilda ushbu migrant ishchilar Marokashga 50,000,000 frank miqdorda mablag‘ bilan qaytishdi. “Migratsiya Siyosati Tashkiloti” xabar berishicha bu ishchilarni mahalliy topishidan 2 barobar ko‘p hamda yil oxiriga borib Jazoirdagi marokash ishchilar miqdori 85,000 nafarga yetdi.[364]

Marokashlik urushda qatnashgan muhojirlar urush tugagach, Fransiyada ixtiyoriy qolish niyatida edilar, ammo, General Lyautey marokashliklarni yurtiga qaytarish tarafdori edi. Uning fikricha marokashliklar Fransiyada qolsa o‘z milliy birlik va madaniy qadriyatlarini yoyish ehtimoli mavjud ammo, urush harbiylarini mustamlakaga qaytarish ham havfsizlik nuqtai nazariga zid. Marokash muhojirlari yurtiga qaytarildi hamda ulardan qolganlar miqdori 2,500 nafar edi. 1924-yilda Marokash migratsiyasiga qarshi to‘siqlar bekor qilindi hamda migratsiya kengaya boshladi. Asosan, marokashlik harbiylar Fransiya armiyasida xizmat maqsadida migratsiya qilgan hamda 1938-yilda ularning soni 31,000 nafarga yetdi. Ularning yillik maoshlari 3000-5000 frank orasida bo‘lib, nafaqaga chiqqach, boshqa kasb bilan mashg‘ul bo‘lish imkoniyatiga ega edi. Urushdan so‘ng qolgan marokashlik 10 foiz muhojirlar mahalliy aholi bilan oila qurib, Fransiyada xizmat qilishni davom ettirdi. Bundan tashqari, Fransiyaning boshqa davlatlar xususan, Koreya va Ispaniya bilan urushlarda ham harbiy askarlar tarkibida mag‘ribliklar bo‘lgan.[365]

“Ikkinchi Jahon Urushi” migratsiya tarixining asosiy bosqichi hisoblanib, Mag‘ribda urushdan keyin mustaqillik harakatlari boshlanishiga turtki bo‘lgan. Urush natijasida mag‘ribliklarda dunyoqarash hamda ideologiya nuqta’i nazaridan rivojlanish bo‘ldi. Shimoliy Afrika davlatlari aholisi Ikkinchi Jahon Urushida Fransiya tomonidan urushda qatnashgan hamda Fransiya egallanganidan so‘ng, 1940-1943-yillarda mintaqa urush maydoniga aylangan. Urush natijasida qurbon bo‘lgan fransuz harbiylarining 26 foizi Shimoliy Afrika aholisi edi. Tarixiy ma’lumotlarga ko‘ra, urushda qatnashgan Afrika aholisi “qora askarlar”, “qora Afrika”, “qora musulmonlar” kabi irqiy kamsitilish nomlari orqali atalgan. Shimoliy Afrika harbiylari yettita yirik askarlar bo‘linmalaridan iborat bo‘lib, 1939-1940-yillarda Fransuz armiyasini deyarli 10 foizini tashkil qilgan. 1940 -1944-yillarda ularning miqdori 20 foizga ko‘tarildi. 1940-yilda Fransiya mag‘lub bo‘lgach, 100,000 nafar mag‘rib askarlari mobilizatsiya qilindi, harbiylar ¾ qismi Yervopa jang maydoniga jo‘natildi. 24,000 nafar askarlar yo‘qoldi, ulardan 15,000 nafari asr tushgan deb taxmin qilinadi. 1943-1945-yillarda Fransiya frontga yana 200,000

[364] Sam Kigar. Making Morocco: Colonial Intervention and the Politics of Identity// https://doi.org/10.1080/13629387.2016.1161699 [Murojaat vaqti: 18.07.2024.]
[365] Green N. L. The Comparative Method and Postwar Migration to France and Britain.In Rethinking Migration History, edited by Jan Lucassen and Leo Lucassen, 57–78// Palgrave Macmillan. - 2005. – No. 15. – P.P. 153 – 180.

nafar “qora” askarlarni jo‘natdi. Fransiya taslim bo‘lgach, uning Shimoliy Afrika mustamlakalarida Vichi tuzumi o‘rnatildi. Uning davrida Shimoliy Afrikada agressiya, irqchilik, diskriminatsiya, yahudiy-musulmon muammosi avj oldi.[366] Marokashdan 100,000 nafarga yaqin aholi urushga safarbar etilgan, ular tarkibida majburiy hamda ixtiyoriy borganlar mavjud. Ulardan katta qismi tog‘li hudud barbarlari hamda qishloq hududi aholisi bo‘lgan. Marokash askarlariga kuniga 3-4 frank to‘langan hamda ijtimoiy ta’minotda ham notengliklar bo‘lgan. Marokash harbiylari partizan urushlari, tog‘li hududlar kabi maxsus topshiriqli frontlarga jo‘natilingan. Marokashda Vichi siyosati Jazoir kabi agressiv o‘tmadi, ammo yahudiylarga nisbatan diskriminatsiya, irqiy notengliklar kuzatildi. Marokash askarlari “Torch Operatsiyasi”, Tunis urushi, Italiya urushi, “Monte Kassino” kabi urushlarda ishtirok etdi. Marokashga katta miqdorda qochoqlar kelib joylashgan hamda urush davri qochoqlar boshpanasi shakllangan. Natijada, davlatda qishloq xo‘jaligi mahsulotlari hamda xomashyoga talab oshib, iqtisodiy muammolar yuzaga keldi. Urush oqibatida, Marokashda milliychilar tarafdori rivojlandi, ular islohatlar va mustaqillik talabi bilan chiqishdi, Muhammad V ushbu faoliyat markaziga aylandi hamda 1944-yilda Mustaqillik Manifesti o‘tkazildi.[367]

Ikkinchi Jahon Urushidan so‘ng Marokash migratsiyasi Jazoirniki kabi rivojlanmadi, harbiylarning katta qismi yurtiga qaytdi. Urushdan so‘ng Fransiyada qolgan muhojirlar mavsumiy ishlarga jalb etildi va ish tugagach yurtiga qaytdi. 1948-yilda Isroil davlat tashkil topgach, shu yilning o‘zida 200,000 nafar marokash yahudiylari Isroilga ko‘chib ketdi. Natijada, katta miqdorda ishlash hamda boshqa maqsadlar bilan migratsiya qilish yo‘lga qo‘yildi. 1954-1962-yilda “Jazoir fuqarolar urushi” sababli Fransiya jazoirliklarga ish taklif qilishni cheklab, marokashlik ishchilarni qo‘llay boshlagani Marokash migratsiyasini rivojlantirdi. 1949 va 1962-yillarda migratsiya ko‘rsatkichi 20,000 nafardan 53,000 nafarga ko‘paydi.[368]

Davlat	**Birinchi Jahon Urushi**	**Ikkinchi Jahon Urushi**	**Urushdan keyingi tiklanish davri**
Marokash muhojirlar miqdori	40,000 nafar Urushdan keyin 10 foizi qoldi.	100,000 nafar Urushdan keyin 30 foiz qoldi	1954-yilgacha 20,000 1962-yilda 53,000

[366] Jeff Lindstrom. The Role of Africa During The Second World War// https://www.academia.edu/26546852/The_Role_of_Africa_During_The_Second_World_War?sm=b&rhid=39540744383 [Murojaat vaqti: 28.07.2025.]
[367] Catherine Therrien. Maintaining Islam, ‘Moroccanness’ and white privilege: social perception and experiences of mixed individuals in Morocco from the colonial era to the present// https://doi.org/10.1080/13629387.2025.2547318 [Murojaat vaqti: 24.02.2025.]
[368] Susan Gilson Miller. Filling a historical parenthesis: an introduction to ‘Morocco from World War II to Independence’// https://doi.org/10.1080/13629387.2014.953815 [Murojaat vaqti:13.08.2024.]

MUHOKAMA. Marokash aholisi Birinchi Jahon Urushi davrigacha Fransiyaga juda oz miqdorda migratsiya qilgan, ammo urush davri mobiliziyatsiyasi sababli ularning ko‘rsatkichi oshdi. Ikki Jahon Urushi natijasida majburiy hamda ixtiyoriy urushga borganlar miqdori deyarli 2,5 barobarga oshdi. Fransiyada urushdan so‘ng qolganlari orasida ham farq 10 foiz va 30 foizni tashkil qiladi. Urushdan so‘ng ko‘plab marokashliklar yurtiga qaytarildi, ammo “Jazoir fuqarolar urushi” sababli ularning migratsiya ko‘rsatkichi sezilarli darajada o‘zgardi. Bunga Fransiyaning jazoirliklarga ish taklif qilishni to‘xtatib, marokashliklarni ishga jalb qilayotganligi ham muhim omil hisoblanadi. 1962-yilda Marokash va Fransiya o‘rtasida mehnat shartnomasi imzolandi. Shartnomada marokashliklarga migratsiya qilishdagi qulay takliflar, Fransiyada turar-joy masalalarida ko‘mak, ijtimoiy xizmatlar hamda tibbiy ko‘rik kabilarda imkoniyatlar mavjud edi. Natijada, qisqa vaqt ichida Marokash migratsiya ko‘rsatkichi nuqta’i nazaridan Jazoirni ortda qoldirdi. Bu jarayonlar XXI asrda ham o‘z natijasini berdi, bugungi kunda Fransiyadagi marokashliklar soni 6000,000 nafar hamda jazoirliklar soni 4,500,000 nafar hisoblanadi.[369]

XULOSA

Marokash migratsiyasi mustamlakachilik va mustaqillik o‘zgarishlari, iqtisodiy ehtiyoj, siyosiy talabdan kelib chiqqan hamda mintaqa uchun asosiy migratsiya yo‘nalishi Fransiyani tashkil qilgan edi. Protektoratlik davrida mustamlakachilik eksplutatsiyasi, qishloq xo‘jaligi hududlari musodara qilinishi, urush davri moblizatsiyasi kabi migratsiya xususiyatlari bir xil bo‘lsa-da, lekin asosiy farqlar ham bor edi. Bu holat Ikkinchi jahon urushidan keyin o‘zgardi va Marokash migratsiya ko‘rsatkichida sezilarli darajaga yetdi. Migratsiyani rivojlanishiga “fransuzlashtirilgan” ta’lim tizimi hamda aholi miqdorining tabiiy o‘sishi natijasidagi ishsizlik ta’sir qildi. Urushdan keyin tiklanish davri va “Jazoir fuqarolar urushi” migratsiya ko‘rsatkichining o‘zgarishiga ijobiy ta’sir qildi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Hassan Boubakri. Migration in North Africa. – Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung,2021. – 295 P.
2. Susan Gilson Miller. Filling a historical parenthesis: an introduction to “Morocco from World War II to Independence”// https://doi.org/10.1080/13629387.2014.953815 [Murojaat vaqti:13.08.2024.]
3. Catherine Therrien. Maintaining Islam, ‘Moroccanness’ and white privilege: social perception and experiences of mixed individuals in Morocco from the

[369] Hassan Boubakri. Migration in North Africa. – Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung,2021. – P. 59.

colonial era to the present// https://doi.org/10.1080/13629387.2025.2547318 [Murojaat vaqti: 24.02.2025.]
4. Green N. L. The Comparative Method and Postwar Migration to France and Britain.In Rethinking Migration History, edited by Jan Lucassen and Leo Lucassen, 57–78// Palgrave Macmillan. - 2005. – No. 15. – P.P. 153 – 180.
5. Jeff Lindstrom. The Role of Africa During The Second World War// https://www.academia.edu/26546852/The_Role_of_Africa_During_The_Second_World_War?sm=b&rhid=39540744383 [Murojaat vaqti: 28.07.2025.]
6. Sam Kigar. Making Morocco: Colonial Intervention and the Politics of Identity// https://doi.org/10.1080/13629387.2016.1161699 [Murojaat vaqti: 18.07.2024.]
7. Йен Голдин. Миграция. Мигранты История человечества от Великого переселения народов до цифровых кочевников. Сорокина Н. С., перевод на русский язык. Азбука-Аттикус, 2025, С. 330.
8. Ralph A. A. Slave Trade and Gold Routes in North Africa, in Migration History and Historiography// Research Encyclopedia of African History. - Oxford, 1996, P. 197.
9. Raymond F. Betts. Assimilation and association in French colonial theory, 1890-1914. – New York: Colombia University Press, 1961. – P. 231.
10. Shayna Straus. Migration from Morocco to France: A Historical Overview of Migration Patterns from 1912 to Present Day and Their Affects on Assimilation in the Destination Country. – Massachusetts: Brandeis University, 2016. – P. 27.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Ёзиева Шахрибону Гайратуллаевна
Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан
докторант

Аннотация. *В статье анализируется ключевые направления экономического и логистического сотрудничества между Центральноазиатским регионом и регионом Персидского Залива. Рассматривается динамика взаимной торговли, рост инвестиций и логистики. Изучены экономические показатели арабских стран Залива. Приводятся цифры по товарообороту между двумя регионами. Особое внимание уделено маршрутам, включая южный коридор Ирана и Транскаспийский международный транспортный маршрут. В статье были использованы методы аналитического анализа.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, Персидский Залив, логистика, торговля, инвестиции, транспортные коридоры.*

Регион Персидского залива вызывает большой интерес для стран Центральной Азии, активно расширяя экономическое сотрудничество. Рост взаимной торговли, логистика, инвестиционные проекты и развитие транспортных коридоров превращают регион в важное направление внешнеэкономической политики.

Благодаря развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя регионами замечается значительный рост цифр. Так, по макроэкономическим и финансовым исследованиям стран Персидского Залива за последние 5 лет взаимный товарооборот между Центральной Азией и странами Залива увеличился в 4,2 раза, достигнув 3,3 млрд долларов США, а накопленные прямые инвестиции выросли в 1,8 раза до 16,2 млрд долларов. Экономики Персидского залива сегодня – это не только энергетический центр мира, но и новые финансовые партнеры для Центрально-Азиатского региона. Их устойчивость и готовность инвестировать в долгосрочные проекты открывают возможности для роста и взаимовыгодного регионального сотрудничества.

Отмечая важность региона Персидского Залива как геостратегического и экономического партнера, необходимо отметить ключевые экономические

показатели. Страны Залива контролируют около 30% мировых запасов нефти и в совокупности являются крупнейшим экспортером. Нефтегазовый сектор обеспечивает от 50% до 90% экспортных доходов стран региона[370]. Экономики большинства государств Персидского залива показали рост в 2024 г. и первой половине 2025 г. Рост ВВП во всех странах региона поддерживался активным развитием ненефтегазового сектора. Этому способствовали структурные реформы, направленные на диверсификацию экономики, повышение ее устойчивости к колебаниям мировых цен на сырье и усиление потенциала роста.

Одним из основных целей сотрудничества между регионами является углубление торгово-экономических связей и инвестиций между странами Персидского Залива, увеличение объема взаимной торговли, диверсификация экономического взаимодействия и реализация совместных инвестиционных проектов в сферах энергетики, инфраструктуры, сельского хозяйства и логистики[371].

Одним из ключевых сфер взаимосотрудничества между регионами считается торговля. Арабские страны являются главным импортером нефтехимической продукции, инвестиционных товаров, технологий, а Центральная Азия экспортирует металлы, сельскохозяйственную продукцию и текстиль.

Крупнейшим партнером в регионе стал Туркменистан, на который пришлось 2 млрд, или 61% от общего объема торговли. Далее следуют Узбекистан (740 млн, 23%) и Казахстан (302 млн, 9%). Самые высокие темпы роста зафиксированы у Туркменистана (9,9 раза), Кыргызстана (9,5 раза) и Узбекистана (8,1 раза).

Абсолютным лидером среди стран Залива остаются ОАЭ, обеспечивающие 97% торговли с Центральной Азией. Наибольшая значимость торговли с государствами Залива отмечается у Туркменистана, где она составляет около 10% внешнеторгового оборота. Для Кыргызстана этот показатель достигает 1%, для остальных стран региона — менее 1%.

Специалисты ЕАБР прогнозируют дальнейший рост торговли. Нереализованный потенциал оценивается в 4,9 млрд, что на 150% выше нынешних объемов. Из них 4,4 млрд приходится на потенциальный экспорт

[370] Персидский залив: мониторинг макроэкономики и финансов. Рабочий документ 25/13. URL:https://eabr.org/upload/iblock/7a4/EDB_2025_AG_Report_RU.pdf (дата обращения 18.05.2026)
[371] Сотрудничество Центральной Азии и арабских стран Персидского Залива: усилия по развитию отношений и приоритеты на будущее. URL:https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/markaziy_Osiyo (дата обращения 18.05.2026)

стран Залива (автомобили, электроника, ювелирные изделия), а 500 млн — на экспорт Центральной Азии (драгоценные и цветные металлы, агропродукция).

Между тем, по данным статистического ведомства Таджикистана, товарооборот республики со странами залива в 2024 году по сравнению с 2020 годом вырос в 4,7 раза — с 19,6 млн до почти 93 млн[372].

Ещё одним из ключевых сфер сотрудничества между Центральной Азией и со странами Залива является логистика. В последние годы логистическое сотрудничество между регионами переходит из стадии торговых контактов в этап формирования полноценной транспортной архитектуры. Важными факторами тому послужили стремление Центральной Азии диверсифицировать экспортные маршруты, рост интереса стран Залива к продовольственной безопасности, развитие маршрутов через Иран.

Как известно для стран Центральной Азии не имеется прямой выход к морю. Именно благодаря этому доступ к портам Залива становится важным в экспорте сельхозпродукции, контейнерных перевозок, выходе на рынки Ближнего Востока, Африки и Южной Азии. При этом основную роль в данном процессе играет Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар. Для стран Залива логистика с Центральноазиатским регионом важна как рынок инвестиций, источник продовольствия и транзитный мост между Китаем, Кавказом и Европой[373].

Южный коридор через Иран имеет решающее значение для Центральной Азии. Данный коридор одновременно объединяет нескольких участников. Для Китая, ограниченного морской нестабильностью и войной на Украине, трансиранские маршруты предлагают технически эффективный, удобный для контейнерных перевозок наземный вариант для экспорта дорогостоящих товаров в ЕС. Для Ирана масштабные инвестиции в железнодорожную инфраструктуру, включая новые транзитные коридоры и трансграничные связи, призваны укрепить его роль как кратчайшего сухопутного маршрута Восток-Запад. Для Центральной Азии участие в этих проектах повышает конкурентоспособность транзита, диверсифицирует экспортные пути и снижает чрезмерную зависимость от какого-либо одного коридора или

[372] Страны Центральной Азии в четыре раза увеличили торговлю со странами Персидского залива. URL:https://asiaplus.news/2025/09/03/strany-czentralnoj-azii-v-chetyre-raza-uvelichili-torgovlyu-so-stranami-persidskogo-zaliva/ (дата обращения 17.05.2026)

[373] Повышение конкурентоспособности Транскаспийского транспортного коридора в Центральной Азии. URL:https://www.oecd.org/en/publications/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_f261e7fa-en.html (дата обращения 17.05.2026)

партнера[374]. Иранские порты открывают новые горизонты и возможности для торговли Центральной Азии в направлении север-юг, тем самым укрепляя глобальную взаимосвязь региона.

Важно отметить Транскаспийский международный транспортный маршрут, который может обеспечить бесперебойное движение товаров из Центральной Азии в Европу и регион Персидского Залива. По прогнозам планируется увеличить грузопоток до 500 000 контейнеров в год к 2030 г.[375] Компании Персидского Залива уже присутствуют в Каспийском регионе, сотрудничая с региональными властями. Например, в январе 2023 г. компания Abu Dhabi Ports Group (AD) из ОАЭ подписала соглашение о стратегическом партнерстве с компанией KfzMunayGas для развития каспийского флота Казахстана и прибрежной инфраструктуры для экспорта энергоносителей[376]. В апреле 2023 г. AD Ports Group обсудила перспективы сотрудничества с Азербайджаном[377].

В заключении можно выделить несколько выводов по статье:

1. За последние 5 лет взаимный товарооборот между Центральной Азией и странами Залива увеличился в 4,2 раза, достигнув 3,3 млрд долларов США, а накопленные прямые инвестиции выросли в 1,8 раза до 16,2 млрд долларов.

2. Страны Залива контролируют около 30% мировых запасов нефти и в совокупности являются крупнейшим экспортером. Нефтегазовый сектор обеспечивает от 50% до 90% экспортных доходов стран региона[378]. Экономики большинства государств Персидского залива показали рост в 2024 г. и первой половине 2025 г. Рост ВВП во всех странах региона поддерживался активным развитием ненефтегазового сектора.

3. Одним из ключевых сфер взаимосотрудничества между регионами считается торговля. Арабские страны являются главным импортером нефтехимической продукции, инвестиционных товаров, технологий, а

[374] Умарова Н. Почему Южный коридор через Иран имеет решающее значение для Центральной Азии. URL:https://iais.uz/en/outputnew/why-the-southern-corridor-through-iran-is-critical-for-central-asia (дата обращения 18.05.2026)

[375] Тогрул Али. Укрепление региональных связей: растущая значимость стран Персидского Залива и Центральной Азии. URL:https://caspianpolicy.org/research/central-asia/forging-regional-ties-gulf-countries-and-central-asias-growing-importance (дата обращения 19.05.2026)

[376] AD Ports Gropu Signs Strategic Agreements with KazMunay Gas and Kazakhstan’s Ministry of Industry and infrastructural Development. URL:https://www.adportsgroup.com/en/news-and-media/2023/01/18/ad-ports-group_kazakhstan_agreements (дата обращения 19.05.2026)

[377] Qabil Ashirov. Azerbaijan and UAE’s AD Ports Group discuss prospects for coop. URL:https://www.azernews.az/business/208594.html (дата обращения 19.05.2026)

[378] Персидский залив: мониторинг макроэкономики и финансов. Рабочий документ 25/13. URL:https://eabr.org/upload/iblock/7a4/EDB_2025_AG_Report_RU.pdf (дата обращения 18.05.2026)

Центральная Азия экспортирует металлы, сельскохозяйственную продукцию и текстиль.

4. Логистика также становится ключевым направлением сотрудничества. Наиболее важными элементами выступают развитие транспортных коридоров. Особо важную роль в этом играют Южный коридор Ирана и Транскаспийские маршруты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Персидский залив: мониторинг макроэкономики и финансов. Рабочий документ 25/13. URL:https://eabr.org/upload/iblock/7a4/EDB_2025_AG_Report_RU.pdf (дата обращения 18.05.2026)
2. Сотрудничество Центральной Азии и арабских стран Персидского Залива: усилия по развитию отношений и приоритеты на будущее. URL:https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/markaziy_Osiyo (дата обращения 18.05.2026)
3. Страны Центральной Азии в четыре раза увеличили торговлю со странами Персидского залива. URL:https://asiaplus.news/2025/09/03/strany-czentralnoj-azii-v-chetyre-raza-uvelichili-torgovlyu-so-stranami-persidskogo-zaliva/ (дата обращения 17.05.2026)
4. Повышение конкурентоспособности Транскаспийского транспортного коридора в Центральной Азии. URL:https://www.oecd.org/en/publications/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_f261e7fa-en.html (дата обращения 17.05.2026)
5. Умарова Н. Почему Южный коридор через Иран имеет решающее значение для Центральной Азии. URL:https://iais.uz/en/outputnew/why-the-southern-corridor-through-iran-is-critical-for-central-asia (дата обращения 18.05.2026)
6. Тогрул Али. Укрепление региональных связей: растущая значимость стран Персидского Залива и Центральной Азии. URL:https://caspianpolicy.org/research/central-asia/forging-regional-ties-gulf-countries-and-central-asias-growing-importance (дата обращения 19.05.2026)
7. AD Ports Gropu Signs Strategic Agreements with KazMunay Gas and Kazakhstan’s Ministry of Industry and infrastructural Development. URL:https://www.adportsgroup.com/en/news-and-media/2023/01/18/ad-ports-group_kazakhstan_agreements (дата обращения 19.05.2026)

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

8. Qabil Ashirov. Azerbaijan and UAE’s AD Ports Group discuss prospects for coop. URL:https://www.azernews.az/business/208594.html (дата обращения 19.05.2026)

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

MEIJI MODERNIZATSIYASI SHAROITIDA YAPONIYA TASHQI SIYOSATINING SHAKLLANISHI

Rustam Mamajonov
Tayanch doktorant
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
tafrun1991@gmail.com

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada XIX asrning ikkinchi yarmida amalga oshirilgan Meiji modernizatsiyasi orqali Yaponiya tashqi siyosatining shakllanish jarayoni, uning bosqichlari va tarixiy ahamiyati tahlil qilinadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi Meiji inqilobidan keyingi amalga oshirilgan siyosiy, iqtisodiy va harbiy islohotlarning tashqi siyosat strategiyasiga ta’sirini aniqlashdan iborat. Maqolada modernizatsiya jarayoni nafaqat ichki islohotlarni, balki yangi tashqi siyosiy konsepsiyalarni ham shakllantirgani ko‘rsatib beriladi. Meiji hukumati tashqi siyosatning dastlabki bosqichida Yaponiya suverenitetini tiklash va G‘arb davlatlari bilan teng diplomatik maqomga erishishni asosiy maqsad qilib qo‘ygani edi. Shu nuqtai nazardan, Ivakura missiyasining tashkil etilishi xalqaro tizimni o‘rganish va zamonaviy diplomatiyani shakllantirishdagi muhim omil hisoblanadi. XIX asr oxiriga kelib Yaponiya tashqi siyosati mudofaa yo‘nalishidan faol ekspansion siyosatga o‘ta boshladi, ayniqsa birinchi Xitoy-Yapon urushi mamlakatning mintaqaviy kuch sifatida shakllanishida muhim rol o‘ynadi. Shuningdek, Koreya va Rossiya bilan munosabatlarda ham ustunlikka erisha boshlagani tashqi siyosatdagi muvaffaqiyat sifatida baholanadi. Bundan tashqari, Yamagata Aritomoning “suverenitet chizig‘i” va “manfaatlar chizig‘i” konsepsiyalari tashqi siyosatning nazariy asosini mustahkamlagani yoritib beriladi.

Kalit so‘zlar: *Meiji modernizatsiyasi, Ivakura missiyasi, teng bo‘lmagan shartnomalar, Okubo Toshimichi, Saigo Takamori, Ito Hirobumi, Yamagata Aritomo, suverenitet chizig‘i, manfaatlar chizig‘i.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ МЭЙДЗИ

Рустам Мамаджанов
Базовый докторант
Ташкентский государственный университет востоковедения

Аннотация. *Данной статье анализируется процесс формирования внешней политики Японии, её этапы и историческое значение в условиях модернизации Мэйдзи, осуществлённой во второй половине XIX века. Основная цель исследования заключается в определении влияния политических, экономических и военных реформ, проведённых после реставрации Мэйдзи, на стратегию внешней политики страны. В статье показано, что процесс модернизации включал не только внутренние преобразования, но и способствовал формированию новых внешнеполитических концепций. На начальном этапе правительство Мэйдзи ставило своей главной целью восстановление суверенитета Японии и достижение равноправного дипломатического статуса в отношениях с западными государствами. С этой точки зрения миссия Ивакуры рассматривается как важный фактор изучения международной системы и формирования современной дипломатии. К концу XIX века внешняя политика Японии начала переходить от оборонительного курса к активной экспансионистской политике, а Первая японо-китайская война сыграла важную роль в становлении страны как региональной державы. Также успехом внешней политики оценивается усиление позиций Японии в отношениях с Кореей и Россией. Кроме того, раскрывается значение концепций Ямагаты Аритомо «линия суверенитета» и «линия интересов», укрепивших теоретические основы внешней политики.*

Ключевые слова: *модернизация Мэйдзи, миссия Ивакура, неравноправные договоры, Окубо Тосимити, Сайго Такамори, Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, линия суверенитета, линия интересов.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

THE FORMATION OF JAPAN’S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF MEIJI MODERNIZATION

Rustam Mamajonov
Doctoral Researcher
Tashkent State University of Oriental Studies

Annotation. *This article analyzes the process of the formation of Japanese foreign policy, its stages, and historical significance during the Meiji modernization carried out in the second half of the nineteenth century. The main purpose of the study is to identify the influence of the political, economic, and military reforms implemented after the Meiji Restoration on Japan’s foreign policy strategy. The article demonstrates that the modernization process involved not only domestic reforms but also contributed to the emergence of new foreign policy concepts. In the initial stage, the Meiji government aimed to restore Japan’s sovereignty and achieve equal diplomatic status with Western powers. From this perspective, the Iwakura Mission is regarded as an important factor in understanding the international system and establishing modern diplomacy. By the end of the nineteenth century, Japan’s foreign policy began shifting from a defensive orientation to an active expansionist policy, while the First Sino-Japanese War played a crucial role in the country’s emergence as a regional power. Japan’s growing influence in relations with Korea and Russia is also evaluated as a significant achievement of its foreign policy. Furthermore, the article highlights the importance of Yamagata Aritomo’s concepts of the “line of sovereignty” and the “line of advantage,” which strengthened the theoretical foundations of Japanese foreign policy.*

Keywords: *Meiji modernization, Iwakura Mission, unequal treaties, Okubo Toshimichi, Saigo Takamori, Ito Hirobumi, Yamagata Aritomo, line of sovereignty, line of interests.*

KIRISH

Zamonaviy Yaponiya tashqi siyosatining shakllanish jarayoni 1868-yildagi Meiji Restavratsiyasi bilan uzviy bog‘liq hisoblanadi. Aynan shu tarixiy burilishdan keyin Yaponiya xalqaro munosabatlar maydonida mustaqil siyosiy kuch sifatida faol ishtirok eta boshladi. Meiji davrigacha Tokugava shogunligi G‘arb davlatlari bilan savdo va diplomatik aloqalarni tartibga soluvchi bir qator kelishuvlar tuzgan edi. Yangi hukumat ushbu shartnomalarning huquqiy kuchini tan olib, xalqaro majburiyatlarga sodiqligini namoyish etdi. Bu esa G‘arb davlatlarining yangi siyosiy hokimiyatni rasman tan olishiga zamin yaratdi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Shu bilan birga, Tokugava davrida tashqi aloqalar bilan shug‘ullanuvchi muayyan idoralar mavjud bo‘lgan bo‘lsa-da, Meiji rahbarlari oldida yanada kengroq vazifa turardi. Ular zamonaviy diplomatik tajribani egallash, xalqaro tizimning ishlash mexanizmlarini anglash hamda G‘arbning siyosiy-huquqiy va madaniy tajribasini chuqur o‘rganishni ustuvor yo‘nalish sifatida belgiladilar. Bu jarayon Yaponiya tashqi siyosatining tashkiliy va nazariy poydevorini yaratdi. Natijada mamlakat xalqaro maydonda suveren, teng huquqli va faol davlat sifatida shakllanishi uchun zarur sharoitlar vujudga keldi.

TADQIQOT METODOLOGIYASI

Mazkur tadqiqot Meiji modernizatsiyasi sharoitida Yaponiya tashqi siyosatining shakllanish jarayonini, uning nazariy asoslari va tarixiy natijalarini tahlil qilishga qaratilgan bo‘lib, unda tarixiy-ilmiy tadqiqotning an’anaviy va zamonaviy usullaridan foydalanildi.

Tadqiqotda tarixiy-tizimli yondashuv asosida Meiji inqilobidan keyingi davrda davlat boshqaruvining markazlashuvi, armiya va flotni zamonaviylashtirish hamda xalqaro mavqeni mustahkamlash jarayonlari tashqi siyosat bilan uzviy bog‘liqlikda o‘rganildi.

Tarixiy-qiyosiy usul yordamida Yaponiya tashqi siyosati Sharqiy Osiyodagi an’anaviy Xitoy markazli tizimi va G‘arb davlatlarining mustamlakachilik siyosati bilan solishtirildi. Xususan, birinchi Xitoy-Yapon urushi hamda Koreyaga bosqinchilik urushi natijalari Yaponiyaning mintaqaviy kuchdan xalqaro siyosiy qudratga aylanishida muhim bosqich sifatida tahlil qilindi.

Manbashunoslik tahlili asosida rasmiy diplomatik hujjatlar va xalqaro shartnomalar, jumladan Shimonoseki sulh shartnomasi o‘rganildi.

Tadqiqot davomida tahliliy va umumlashtirish usullari yordamida Meiji davrida tashqi siyosatning asosiy yo‘nalishlari – suverenitetni mustahkamlash, teng diplomatik maqomga erishish va mintaqaviy ustunlikni ta’minlash – ilmiy xulosalar asosida yoritildi.

MUHOKAMA

Meiji davrida Yaponiyaning modernizatsiya jarayoniga mafkuraviy asos bo‘lib xizmat qilgan asosiy tamoyillardan biri fukoku kyohei (富国強兵 – “boy davlat, kuchli armiya”) shiori hisoblanadi. Ushbu konsepsiya Meiji rahbarlari tomonidan davlatni qisqa muddat ichida G‘arb davlatlari bilan tenglashish darajasiga olib chiqish yo‘lida ishlab chiqilgan strategik dastur sifatida shakllandi. Fukoku kyohei tamoyili iqtisodiy taraqqiyot va harbiy qudratni o‘zaro uzviy bog‘liq

jarayonlar sifatida talqin qilib, mamlakatning ichki islohotlari bilan tashqi siyosatini yagona maqsad atrofida birlashtiruvchi markaziy mafkuraga aylandi.

Yapon olimi Yoshida Yutaka fukoku kyohei tamoyiliga nisbatan tanqidiy pozitsiyani ilgari suradi. Uning qarashlariga ko‘ra, ushbu shior Yaponiyada iqtisodiy yutuqlarni harbiy salohiyat bilan o‘lchashga moyillikni kuchaytirdi. Yoshida fukoku kyoheini shunchaki modernizatsiya dasturi sifatida emas, balki keyinchalik shakllangan militaristik tafakkurning g‘oyaviy manbalaridan biri sifatida baholaydi. Uning ta’kidlashiga ko‘ra, Meiji davrida iqtisodiy taraqqiyotning harbiy maqsadlarga bo‘ysundirilishi XX asr boshlarida Yaponiyaning ekspansionistik va imperialistik tashqi siyosatini nazariy jihatdan asoslab beruvchi omilga aylangan[379].

1868-yilda e’lon qilingan Besh moddalik qasamyod (五箇条の御誓文– gokajono goseimon) Meiji hukumatining siyosiy, ijtimoiy va mafkuraviy yo‘nalishlarini belgilab bergan dastlabki va eng muhim normativ hujjatlardan biri hisoblanib, zamonaviy Yaponiyaning birinchi konstitutsiyasi edi[380]. Mazkur hujjat Yaponiya tarixida feodal boshqaruv tizimidan zamonaviy milliy davlat modeliga o‘tish jarayonini siyosiy jihatdan e’lon qilgan deklaratsiya vazifasini bajardi. Qasamyodning asosiy mazmuni davlat boshqaruvini isloh qilish, ijtimoiy qatlamlar o‘rtasidagi to‘siqlarni yumshatish hamda mamlakatni xalqaro taraqqiyot yo‘liga olib chiqishga qaratilgan edi.

Qasamyodning beshinchi bandi bo‘lgan – “butun dunyodan bilim izlash va shu orqali imperiyaning poydevorini mustahkamlash” – Meiji davri tashqi siyosatining asosini yaratdi. Ushbu tamoyil Tokugava shogunligi davrida hukm surgan izolyatsiya[381] (鎖国 – sakoku) siyosatiga mafkuraviy jihatdan yakun yasab, Yaponiyaning ochiq tamoyillarga asoslangan yangi rivojlanish strategiyasini e’lon qildi. Tashqi dunyo bilan munosabatlar endilikda tahdid yoki xavf sifatida emas, balki taraqqiyotga erishish va davlat salohiyatini kuchaytirishning muhim hamda ajralmas omili sifatida qarala boshlandi.

Shu nuqtayi nazardan, Besh moddalik qasamyod, ayniqsa uning beshinchi bandi, Yaponiyaning XIX asr oxiri – XX asr boshlaridagi tashqi siyosiy yo‘nalishlarini belgilab bergan g‘oyaviy poydevor sifatida baholanishi mumkin. Ushbu tamoyil Yaponiya tarixida “o‘rganish orqali kuchayish” modelining

[379] 吉田裕. 『日本の軍隊』. — 東京 : 岩波書店, 2002. — 35 頁..
[380] Sansom G. *The Western World and Japan: A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures*. – New York : Alfred A. Knopf, 1951. – 317 p.
[381] O‘z-o‘zini izolyatsiya qilish siyosati yapon tilida 鎖国 – sakoku deb ataladi. Bu siyosat Tokugava shogunligi tomonidan amalga oshirilgan bo‘lib, 1639-yildan 1854-yilgacha davom etgan. Sakoku davrida Yaponiya tashqi aloqalarni qat’iy cheklab, savdo va diplomatik munosabatlarni faqat ayrim davlatlar bilan nazorat ostida olib borgan. 1854-yilda Kanagava shartnomasi imzolanishi bilan bu siyosat tugatilgan.

shakllanishiga asos bo‘lib, mamlakatning xalqaro maydonda faol, mustaqil va raqobatbardosh davlat sifatida namoyon bo‘lishiga sezilarli ta’sir ko‘rsatdi.

Meiji davri Yaponiyasining G‘arb davlatlari bilan savdo aloqalari asosan 1850-1860-yillarda imzolangan noteng shartnomalar bilan belgilandi. Bu jarayon Amerikalik qo‘mondon Metyu Perri tomonidan yapon portlarining ochilishi va Yaponiya-AQSh tinchlik hamda do‘stlik shartnomasi (Kanagava konvensiyasi) ratifikatsiyasidan boshlandi, bu esa yanada muhimroq bitimlarga yo‘l ochdi[382]. Jumladan, 1858-yildagi Ansei shartnomalari – Yaponiya, AQSh, Niderlandiya, Rossiya, Britaniya va Fransiya o‘rtasidagi savdo va do‘stlik shartnomalari to‘plami – G‘arb savdosi uchun foydali bandlarni o‘z ichiga oldi.

Shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish jarayoni oddiy diplomatik muzokaralar doirasida qolib ketmadi. Aksincha, u Yaponiyada keng qamrovli huquqiy va institutsional o‘zgarishlarni amalga oshirishni taqozo etdi. G‘arb davlatlari Yaponiya sud tizimi va huquqiy normalarini yetarli darajada “zamonaviy” va “sivilizatsiyalashgan” emas, degan sabab bilan ekstraterritoriallik huquqidan voz kechishga shoshilmas edi. Shu sababli Meiji davri hukumati fuqarolik va jinoyat kodekslarini ishlab chiqish, sud tizimini tubdan isloh qilish hamda konstitutsiyaviy boshqaruv asoslarini joriy etish kabi chora-tadbirlarni aynan teng bo‘lmagan shartnomalarni bekor qilish strategiyasi bilan chambarchas bog‘liq holda amalga oshirdi. Natijada ichki islohotlar nafaqat davlatni modernizatsiya qilish, balki xalqaro maydonda huquqiy tenglikka erishish vositasiga ham aylandi.

Ushbu jarayon Yaponiyaning milliy mustaqilligini tiklash uchun ilk va muhim bosqich sifatida paydo bo‘ldi. Teng bo‘lmagan shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish nafaqat suverenitetni tiklashga qaratilgan tashqi siyosiy maqsad, balki Meiji modernizatsiyasining qonuniy omili sifatida ham xizmat qildi[383].

Ushbu davrda AQShga moliya va boshqaruv tizimlarini o‘rganish maqsadida yuborilgan Ito Hirobumi AQShdan Meiji hukumatiga yo‘llagan maktubida Yaponiya teng bo‘lmagan shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish uchun yetarli tayyorgarlik ko‘rmayotganidan tashvish bildirgan. U muvaffaqiyatli muzokaralar olib borish uchun xalqaro huquq, G‘arb diplomatiyasi va muzokara tajribasini chuqur o‘rganish zarurligini ta’kidlagan. Shu sababli Ito Hirobumi xorijiy tillarni biladigan hamda xalqaro huquq va moliya tizimlari bo‘yicha tajribaga ega mutaxassislardan iborat maxsus davlat missiyasini G‘arb mamlakatlariga yuborishni taklif etgan. Uning fikricha, bu missiya G‘arb davlatlarining shartnoma siyosati va diplomatik yondashuvlarini chuqur o‘rganishi lozim edi.

[382] Auslin M. R. *Negotiating with Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy*. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2009. – P. 17.
[383] 笠谷『幕末の不平等条約問題に関する一考察』. – 大阪学院大学, 2015. – 15 頁.

Ito ta’kidlaganidek, aynan mana shu bilim va tajriba Yaponiyaga o‘z manfaatlarini xalqaro huquq me’yorlari asosida asoslab berish, teng huquqli muzokaralar olib borish va shartnomalarni qayta ko‘rib chiqishda mustahkam pozitsiyani egallash imkonini yaratishi mumkin edi[384].

Ana shunday murakkab siyosiy va diplomatik vaziyatda 1871-yilda Meiji davri hukumati tomonidan keng ko‘lamli maxsus diplomatik delegatsiya tuzildi. Delegatsiyaga taniqli davlat arbobi Ivakura Tomomi boshchilik qildi. U boshliq bo‘lgan missiya AQSh va Yevropa mamlakatlariga safar qilib, tarixda Ivakura missiyasi (岩倉使節団 – Ivakura shisetsudan) nomi bilan mashhur bo‘ldi.

Missiya a’zolarining oldiga ikki asosiy vazifa qo‘yilgan edi. Birinchidan, Tokugava shogunligi davrida imzolangan teng bo‘lmagan shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish uchun G‘arb davlatlari bilan muzokaralar olib borish va shu orqali Yaponiyaning xalqaro huquqiy mustaqilligini tiklashga erishish maqsad qilingan edi. Ikkinchidan, AQSh va Yevropa mamlakatlarining siyosiy boshqaruv tizimi, huquqiy institutlari, ta’lim tizimi, iqtisodiy va moliyaviy tuzilmalari, sanoat va texnologik yutuqlari hamda madaniy hayotini bevosita tadqiq qilish vazifasi belgilandi. Shu jihatdan, missiya nafaqat diplomatik, balki ilmiy-ta’limiy va modernizatsion xarakterga ham ega bo‘lib, “Besh moddalik qasamyod”ning 5-moddasiga javob sifatida ham tashkil etilgan edi[385].

Delegatlar Angliya, Germaniya, Fransiya va AQSHning siyosiy, harbiy va iqtisodiy tizimlarini o‘rgandi. Missiya teng bo‘lmagan shartnomalarni qayta ko‘rib chiqishga erishmagan bo‘lsa-da, Yaponiyaning siyosiy, ta’lim va harbiy islohotlari uchun muhim tajriba to‘pladi. Shuningdek, Shvetsariya tajribasi asosida mehnatsevarlik va vatanparvarlik davlat suverenitetini mustahkamlovchi omillar sifatida baholandi.[386].

Yapon olimi Sakai Hajimening xulosasiga ko‘ra missiya Yaponiyaning xalqaro munosabatlardagi o‘rnini ko‘rsatib berdi. Natijada Yaponiya rahbarlari G‘arb bilan tenglashish uchun yagona yo‘l – ichki modernizatsiyani jadallashtirish, degan xulosaga kelishdi[387].

1873-yildagi Koreyaga yurish masalasidagi bahs-munozara Meiji davri tashqi siyosatidagi asosiy burilishlardan biri bo‘lib, Janubiy Koreyaga nisbatan siyosat

[384] 『伊藤博文伝』. – 東京, 1940. – 592 頁.
[385] De Bary W. T. *Sources of Japanese Tradition: Volume Two, 1600 to 2000*. – New York : Columbia University Press, 2005. – P. 672.
[386] Caprio M. *To Adopt a Small or Large State Mentality: The Iwakura Mission and Japan’s Meiji-era Foreign Policy Dilemma* // The Asia-Pacific Journal. – 2020. – Vol. 18, Issue 20, No. 3. – Article ID 5497. – P. 16.
[387] 酒井一. 『近代日本外交とアジア太平洋秩序』. – 東京, 2009. – 4 頁.

yuzasidan kelib chiqqan qarama-qarshiliklar orqali tashqi diplomatiya va ichki siyosat o‘rtasidagi ziddiyatni yaqqol ko‘rsatdi.

Saigo Takamori Seikanron bahsida Koreyaga yurishni qo‘llab-quvvatlab, Koreyaning Yaponiya “imperatori” atamasini rad etishini milliy sha’nga tahdid sifatida baholadi. U urushni samuraylarga yangi rol berish va Koreyani strategik hudud sifatida Yaponiya ta’siriga olish zarurati bilan asoslagan. Saigo Takamori o‘zini elchi sifatida yuborishni taklif qilgan bo‘lsa-da, hukumat bu g‘oyani qo‘llab-quvvatlamadi va Koreyaga yurish amalga oshmadi[388].

Okubo Toshimichi va Kido Takayoshi Seikanronga qarshi chiqib, Yaponiya hali ichki modernizatsiyani yakunlamagani, moliya va harbiy tizim yetarli darajada kuchli emasligini ta’kidladi. Ular Koreya bilan urush Xitoy yoki Rossiya aralashuviga sabab bo‘lishi mumkinligini aytib, avvalo ichki islohotlarni yakunlash zarurligini ilgari surdi[389].

Bundan norozi bo‘lgan Saigo Takamori va uning tarafdorlari o‘z lavozimlaridan iste’foga chiqdilar. Bu siyosiy bo‘linish samuraylar orasidagi norozilikni yanada kuchaytirib, Meiji davlatining ichki siyosiy beqarorligiga sabab bo‘ldi. Shu jarayon keyinchalik 1877-yilda yuz bergan Seinan urushiga olib kelib, markaziy hukumat bilan sobiq samuraylar o‘rtasidagi ziddiyatni qurolli to‘qnashuv bosqichiga olib chiqdi.

Shunga qaramay, Seikanron bahsi yakunida Yaponiya Janubiy Korea bilan urush boshlash yo‘lini tanlamadi. Meiji hukumati kuch ishlatish o‘rniga diplomatik bosim va siyosiy muzokaralarga asoslangan siyosatni ma’qul ko‘rdi. Buning natijasi sifatida 1876-yilda Koreya bilan tuzilgan shartnoma portlarni yapon savdosi uchun ochish, yapon fuqarolariga ekstraterritorial huquqlar berish hamda Koreyaning Xitoydan mustaqil davlat sifatida tan olinishini nazarda tutdi.

Keyinchalik ham Meiji hukumati Koreya ustidan nazorat o‘rnatishga faol kirishib, 1905-yildagi Eulsa shartnomasi kabi qo‘shimcha noteng bitimlarni majburiy ravishda qabul qildirdi va Koreyani Yaponiya protektoratiga aylantirdi. Nihoyat, 1910-yilda Koreya-Yaponiya anneksiya shartnomasi Koreya imperatorining roziligisiz imzolandi, bu esa Koreya suverenitetining tugashiga va uning Yaponiya imperiyasi mustamlakasiga aylanishiga olib keldi[390]. Umuman olganda, Koreyaning anneksiya qilinishi Meiji Yaponiya tashqi siyosatida militarizm va imperializmga moyillik kuchayganini ko‘rsatdi hamda Yaponiyaning Sharqiy Osiyodagi gegemonligini tasdiqladi.

[388] Jansen M. B. *The Making of Modern Japan*. – Harvard University Press, 2000. – P. 386.
[389] 田中彰. 『岩倉使節団の歴史的研究』. – 東京 : 岩波書店, 2002. – 112 頁.
[390] Duus P. *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910*. – Los Angeles : University of California Press, 1995. – P. 445.

Meiji davri tashqi siyosatida Xitoy bilan aloqalar alohida ahamiyatga ega edi. Xitoy asrlar davomida Sharqiy Osiyoda an’anaviy siyosiy va madaniy markaz bo‘lib kelgan, mintaqada diplomatik-huquqiy tartibotlar, tribut tizimi va sivilizatsion ierarxiyaning asosiy tayanchi sifatida faoliyat yuritgan edi[391]. Yaponiya ham uzoq vaqt davomida ushbu tartib doirasida o‘z tashqi siyosatini yuritib kelgan bo‘lib, Xitoy bilan aloqalar nafaqat siyosiy, balki madaniy va mafkuraviy jihatdan ham muhim edi.

1871-yilda imzolangan shartnoma Yaponiya va Xitoyni teng huquqli siyosiy subyektlar sifatida tan oldi hamda an’anaviy tribut tizimidan voz kechilganini tasdiqladi. Yaponiyalik tarixchi Morita Yoshihiko Meiji hukumatining 1871-yilda Xitoy bilan imzolagan shartnomasini tahlil qilar ekan, uning fikriga ko‘ra, Yaponiya bu shartnomani Xitoy bilan teng aloqalar o‘rnatish maqsadida emas, balki Xitoyni asta-sekin o‘z ta’sir doirasiga kiritish niyatida tuzgan. Morita fikricha, bu jarayon keyinchalik “Osiyodan chiqish nazariyasi” (脱亜論 – datsu a ron) tamoyiliga mos keladi. Ya’ni, Yaponiya o‘zini G‘arb bilan tenglashtirish uchun Osiyo, xususan, Xitoy ustidan ustunlik o‘rnatishni ko‘zlagan[392].

1879-yilda Yaponiya Ryukyu qirolligini tugatib, Okinavani to‘liq o‘z tarkibiga qo‘shib oldi. Bu holat Xitoy uchun og‘ir siyosiy zarba bo‘ldi, chunki Okinava tarixan Xitoy ta’siri ostidagi hudud sifatida qaralardi. Yaponiya esa anneksiyani ichki markazlashtirish siyosatining davomi deb talqin qildi. Xitoyning noroziligiga qaramay, Okinavaning qo‘shib olinishi Yaponiya uchun mintaqada geosiyosiy mavqeini mustahkamlash yo‘lida muhim qadam bo‘ldi[393].

Biroq Yaponiya tomonidan Xitoyga tegishli protektorat maqomiga ega Koreya va Tayvanni nazorat qilish istagi 1894-1895-yillarda yuz bergan birinchi Yapon-Xitoy urushiga sabab bo‘ldi. Meiji Yaponiyasi urushda g‘alaba qozonib, urush Shimonoseki sulhi tuzilishi bilan yakunlandi. Shartnomaga ko‘ra, Xitoy Koreyaning mustaqilligini tan oldi, Tayvanni Yaponiyaga berdi va katta miqdorda urush tovonini to‘ladi[394].

XIX asrning ikkinchi yarmidan boshlab Yaponiya tashqi siyosatida Rossiya bilan munosabatlar muhim strategik masalaga aylandi. Rossiya Uzoq Sharqda hududiy kengayish olib borar, uning manfaatlari Koreya, Manjuriya va Tinch okeani hududlarida Yaponiya manfaatlari bilan to‘qnashardi. Shu sababli Rossiya

[391]Mackerras C. *Eastern Asia: An Introductory History*. – Sydney : Longman, 2000. – Pp. 109–110.
[392] 森田芳彦.「日清修好条規締結交渉における日本の意図」 // 『現代中国研究』. – 2002. – 53 頁.
[393] Jansen M. B. *The Making of Modern Japan*. – Harvard University Press, 2000. – P. 382.
[394] Perkins D. *Japan Goes to War: A Chronology of Japanese Military Expansion from the Meiji Era to the Attack on Pearl Harbor*. – Darby, PA : Diane Publishing, 1997. – 384 p.

omili Meiji davrida Yaponiya uchun uzoq muddatli va jiddiy xavfsizlik chaqirig‘i sifatida qaraldi.

Rossiyaning Amur havzasi, Primorye va Saxalin yo‘nalishidagi kengayishi Yaponiya hukmron doiralari orasida jiddiy xavotir uyg‘otdi. Meiji rahbariyati Rossiyani nafaqat qudratli davlat, balki Yaponiyaning shimoliy chegaralari va Koreya masalasida asosiy raqib sifatida bilar edi.

Yaponiya va Rossiya o‘rtasidagi dastlabki shartnomalardan biri 1875-yilda imzolangan Sankt-Peterburg shartnomasi hisoblanadi. Ushbu shartnomaga ko‘ra Yaponiya Sahalin orolidagi huquqlaridan voz kechdi va buning evaziga Kuril orollarini to‘liq qo‘lga kiritdi. Bu kelishuv ikki davlat o‘rtasida shimoliy chegaralarni vaqtincha aniqlashtirib berdi [395]. Shu bilan birga, bu kelishuv Yaponiyada aholi orasida norozilikka sabab bo‘ldi, chunki Sahalin orolida yapon aholisi ham istiqomat qilardi. Biroq hukumat Kuril orollarining strategik ahamiyatini ustun qo‘ydi. Yaponiya hukumati Sankt-Peterburg shartnomasi orqali Sahalindan voz kechib, Kuril orollarini qo‘lga kiritdi, ammo uzoq vaqt mobaynida bu qaror Rossiya bilan yangi keskinlik manbai bo‘ldi[396].

XIX asr oxirida Yaponiya va Rossiya o‘rtasidagi asosiy raqobat Janubiy Koreya ustidagi ta’sir masalaga borib taqaldi. 1876-yildagi shartnomadan so‘ng Yaponiya Koreyani xalqaro huquqda mustaqil davlat sifatida tan oldirdi va o‘z ta’sirini kuchaytira boshladi. Rossiya ham Koreyada iqtisodiy va harbiy mavqeini oshirishga intildi, natijada yarimorol ikki davlat o‘rtasidagi geosiyosiy raqobat maydoniga aylandi.

XIX asr oxiriga kelib Yaponiya tashqi siyosati diplomatik va harbiy qarorlar bilan birga mafkuraviy hamda strategik konsepsiyalar asosida shakllana boshladi. Ayniqsa, Yamagata Aritomo ilgari surgan qarashlar davlat xavfsizligini tashqi siyosatning asosiy ustuvor yo‘nalishi sifatida belgilab berdi.

Bosh vazir 1890-yilgi Yaponiya Parlamenti ochilishidagi o‘z nutqida Yaponiyaning xavfsizlik va tashqi siyosat strategiyasini ikki asosiy tushuncha orqali ifodaladi. Bular: “suverenitet chizig‘i” (主権線 – shukensen) va “manfaatlar chizig‘i” (利益線 – riekisen) dan iborat edi. Suverenitet chizig‘i mamlakatning bevosita hududiy yaxlitligi va siyosiy mustaqilligini ifodalab, imperiya chegaralari doirasida davlatning mutlaq suveren huquqlarini himoya qilish zarurligini anglatardi. Bu tushuncha klassik Vestfaliya tipidagi davlat sovereniteti

[395] Beasley W. G. *Japanese Imperialism 1894–1945*. – Oxford : Oxford University Press, 1987. – P. 54.
[396] 醍醐竜馬.「外務卿副島種臣と日露領土交渉」 //『国際政治』. – 大阪大学, 2018. – 16 頁.

tamoyillariga mos kelib, Yaponiyaning xalqaro huquqiy subyekt sifatidagi mavjudligini asoslashga xizmat qildi[397].

Yamagata Aritomoning suverenitet va manfaatlar chizig‘i nazariyasi Meiji davrining oxiriga kelib Yaponiyaning tashqi siyosatini kontseptual jihatdan yagona tizimga solib berdi. Bu g‘oyalar keyinchalik Koreya, Xitoy bilan raqobat va XX asr boshlaridagi yirik harbiy to‘qnashuvlar uchun ideologik va strategik poydevor vazifasini bajardi. Ushbu nazariya Yaponiyaning “mudofaa nomi ostidagi kengayish” siyosatini asoslab bergan eng muhim nazariy konstruksiyalardan biri sifatida baholanadi.

Yamagata Aritomo tomonidan ilgari surilgan g‘oyalar tashqi ko‘rinishda mudofaa maqsadini asoslagandek bo‘lsa-da, mazmunan ular davlat siyosatini kengroq geosiyosiy yondashuvga yo‘naltirdi. “Manfaatlar chizig‘i” konsepsiyasi xavfsizlikni faqat ichki chegaralar bilan cheklamasdan, davlat manfaatlarini tashqi hududlarda ham himoya qilish zarurligini ta’kidladi. Bu g‘oya Yaponiya siyosiy tafakkurida ekspansiya va faol tashqi siyosatni legitimlashtiruvchi nazariy asoslardan biriga aylandi.

TAHLIL VA NATIJALAR

Meiji modernizatsiyasi davrida Yaponiya tashqi siyosatining shakllanishi ichki siyosiy va ijtimoiy islohotlar bilan chambarchas bog‘liq holda kechdi. Meiji inqilobidan so‘ng davlat boshqaruvining markazlashuvi, harbiy tizimning qayta tashkil etilishi va sanoatlashuv jarayonlari Yaponiya tashqi siyosatining yangi yo‘nalishini belgilab berdi. Avvalgi yopiq siyosat o‘rnini faol diplomatiya va mintaqaviy ta’sir doirasini kengaytirishga qaratilgan strategiya egalladi.

Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, dastlabki bosqichda Yaponiya tashqi siyosatining asosiy maqsadi teng huquqli xalqaro maqomga erishish va noteng shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish bo‘lgan. Biroq vaqt o‘tishi bilan bu siyosat mudofaa xarakteridan faol va ekspansion yo‘nalishga o‘tdi.

Xususan, birinchi Xitoy-Yapon urushi Yaponiyaning Sharqiy Osiyodagi geosiyosiy mavqeini tubdan o‘zgartirdi. Urush yakunida imzolangan Shimonoseki sulhi Yaponiyaning mintaqadagi ustunligini mustahkamladi. Keyingi bosqichda Rossiya ustidan qozonilgan g‘alaba yoki Koreyaning anneksiya qilinishi Yaponiyani nafaqat Osiyoda, balki jahon siyosatida ham yirik harbiy-siyosiy kuch sifatida tanitdi. 1902-yildagi ingliz-yapon bitimi esa Yaponiya diplomatiyasining

[397] Caprio M. *To Adopt a Small or Large State Mentality: The Iwakura Mission and Japan’s Meiji-era Foreign Policy Dilemma* // *The Asia-Pacific Journal*. – 2020. – Vol. 18, Issue 20, No. 3. – Article ID 5497. – P. 16.

muvaffaqiyati bo‘lib, uning G‘arb davlatlari bilan teng sheriklik asosida aloqalar o‘rnata olganini ko‘rsatdi.

XULOSA

Xulosa qilib aytganda, Meiji davrida Yaponiya tashqi siyosati mamlakatni xalqaro maydonda teng huquqli va suveren davlat sifatida tiklash hamda mustahkamlashga qaratildi. Meiji inqilobidan so‘ng yangi hukumatning asosiy vazifalaridan biri G‘arb davlatlari bilan tuzilgan teng bo‘lmagan shartnomalarni qayta ko‘rib chiqish, konsullik sudlari va bojxona cheklovlari kabi suverenitetni cheklovchi normalarni bekor qilish edi. Shu maqsadda zamonaviy diplomatik tizim, tashqi ishlar vazirligi faoliyati, xalqaro huquq normalariga mos qonunchilik va markazlashgan davlat boshqaruvi shakllantirildi.

Ivakura missiyasi Yaponiyaning tashqi siyosiy strategiyasini belgilashda muhim tajriba maktabi bo‘ldi. Missiya davomida G‘arb davlatlarining siyosiy tuzumi, harbiy qudrati va sanoat taraqqiyoti o‘rganildi hamda Yaponiyaning xalqaro tizimdagi o‘rnini mustahkamlash uchun keng qamrovli islohotlar zarurligi anglab yetildi. Xitoy va Koreya bilan olib borilgan siyosat esa an’anaviy Sharqiy Osiyo tartibidan voz kechib, kuchlar muvozanati va geosiyosiy manfaatlarga asoslangan yangi tashqi siyosat modeliga o‘tilganini ko‘rsatdi.

XIX asr oxiriga kelib Yamagata Aritomo tomonidan ilgari surilgan “suverenitet chizig‘i” va “manfaatlar chizig‘i” konsepsiyalari tashqi siyosatga aniq nazariy asos berdi. Ushbu yondashuvga ko‘ra, davlat xavfsizligi faqat ichki hududni himoya qilish bilan cheklanmay, balki unga tutash mintaqalarda ham ta’sir doirasini kengaytirishni talab etardi. Natijada harbiy kuch davlat mustaqilligi va xavfsizligining asosiy kafolati sifatida qarala boshlandi.

Shu tariqa, Meiji davrida shakllangan tashqi siyosiy qarashlar dastlab milliy suverenitetni tiklash va xalqaro tenglikka erishish maqsadiga xizmat qilgan bo‘lsa, keyinchalik ular Yaponiyaning mintaqaviy ustunlikka intilishi va harbiy-siyosiy ekspansiyasini oqlovchi mafkuraviy poydevorga aylandi. Bu jarayon Yaponiya tarixida modernizatsiya va militarizm o‘rtasidagi murakkab va ziddiyatli bog‘liqlikni yaqqol namoyon etadi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Auslin M. R. Negotiating with Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2009. – P. 17.
2. Beasley W. G. Japanese Imperialism 1894–1945. – Oxford : Oxford University Press, 1987. – P. 64.

3. De Bary W. T. Sources of Japanese Tradition: Volume Two, 1600 to 2000. – New York : Columbia University Press, 2005. – P. 672.
4. Duus P. The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910. – Los Angeles : University of California Press, 1995. – P. 445.
5. Jansen M. B. The Making of Modern Japan. – Harvard University Press, 2000. – P. 386.
6. Mackerras C. Eastern Asia: An Introductory History. – Sydney : Longman, 2000. – Pp. 109–110.
7. Mamajonov R. Meiji davlatining tashqi siyosatdagi dastlabki strategiyasi: Ivakura missiyasining tahlili // “XXI asr: fan va ta’lim masalalari” ilmiy elektron jurnali. – 2025. – № 4. – B. 186.
8. Caprio M. To Adopt a Small or Large State Mentality: The Iwakura Mission and Japan’s Meiji-era Foreign Policy Dilemma // The Asia-Pacific Journal. – 2020. – Vol. 18, Issue 20, No. 3. – Article ID 5497. – P. 16.
9. Caprio M. To Adopt a Small or Large State Mentality: The Iwakura Mission and Japan’s Meiji-era Foreign Policy Dilemma // The Asia-Pacific Journal. – 2020. – Vol. 18, Issue 20, No. 3. – Article ID 5497. – P. 16.
10. Perkins D. Japan Goes to War: A Chronology of Japanese Military Expansion from the Meiji Era to the Attack on Pearl Harbor. – Darby, PA : Diane Publishing, 1997. – 384 p.
11. Sansom G. The Western World and Japan: A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures. – New York : Alfred A. Knopf, 1951. – 317 p.
12. 田中彰.『岩倉使節団の歴史的研究』. – 東京 : 岩波書店, 2002. – 112 頁.
13. 吉田裕.『日本の軍隊』. – 東京 : 岩波書店, 2002. – 35 頁.
14. 『伊藤博文伝』. – 東京, 1940. – 592 頁.
15. 笠谷『幕末の不平等条約問題に関する一考察』. – 大阪学院大学, 2015. – 15 頁.
16. 森田芳彦.「日清修好条規締結交渉における日本の意図」//『現代中国研究』. – 2002. – 53 頁.
17. 酒井一.『近代日本外交とアジア太平洋秩序』. – 東京, 2009. – 4 頁.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XITOYNING VETNAM TASHQI SIYOSATI VA XAVFSIZLIK TAFAKKURIDAGI O‘RNI

Sharipov Baxodir Faxriddinovich
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
tayanch doktoranti
Sharipovbakhodir4@gmail.com

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola Vetnamdagi siyosiy tartib shakllanishiga Xitoy omili qanchalik va qay darajada ta’sir ko‘rsatganini tahlil qiladi. Xususan, Vetnam boshqaruv tizimi Xitoydagi siyosiy tashkil etilish va boshqaruv modeliga qanchalik yaqinlashgani yoki undan qanchalik uzoqlashgani masalasi ko‘rib chiqiladi. Tadqiqot shuni ko‘rsatadiki, Vietnam va Xitoy boshqaruv tuzilmalaridagi o‘xshashliklar ko‘proq bevosita ta’sir natijasi emas, balki tarixiy jarayonlarda yuzaga kelgan o‘xshash sharoitlar va vazifalarning mahsulidir.Har ikkala mamlakat ham avvalo milliy-ozodlik kurashlari, so‘ngra kommunistik tuzumni o‘rnatish va institutsional mustahkamlash jarayonida o‘xshash muammolar, sharoitlar va maqsadlar bilan yuzlashgan. Aynan shu omillar siyosiy institutlar, boshqaruv mexanizmlari va amaliyotlarda qisman yaqinlashuvni keltirib chiqargan. Biroq bu yaqinlashuv to‘g‘ridan-to‘g‘ri taqlid yoki tashqi bosim natijasi emas, balki analog rivojlanish yo‘lining oqibatidir.

Kalit so‘zlar: *“Raqamli Ipak yo‘li”, “Bir makon, bir yo‘l” tashabbusi, Xitoy Xalq Respublikasi, Vyetnam Sotsialistik Respublikasi, Amerika Qo’shma Shtatlari, ehtiromli ehtiyotkorlik, Le sulolasi, Asia-Pacific Economic Cooperation, harbiy qarshilik va diplomatik ehtirom .*

АННОТАЦИЯ

Данная статья анализирует, в какой степени и каким образом китайский фактор повлиял на формирование политического порядка во Вьетнаме. В частности, рассматривается вопрос о том, насколько система управления Вьетнама приблизилась к китайской модели политической организации и управления или, напротив, отдалилась от неё. Исследование показывает, что сходства в управленческих структурах Вьетнама и Китая являются не столько результатом прямого влияния, сколько следствием схожих условий и задач, возникших в ходе исторического развития.

Обе страны сначала прошли через этапы национально-освободительной борьбы, а затем столкнулись с аналогичными проблемами, условиями и целями при установлении и институциональном укреплении

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

коммунистического режима. Именно эти факторы обусловили частичное сближение политических институтов, механизмов управления и практик. Однако данное сближение является не результатом прямого заимствования или внешнего давления, а следствием аналогичного пути исторического развития.

Ключевые слова: *«Цифровой Шёлковый путь», «Инициатива “Один пояс — один путь”», China, Vietnam, United States, уважительная осторожность (deference), династия Ле, Asia-Pacific Economic Cooperation, военное сопротивление и дипломатическое уважение.*

ABSTRACT

This article analyzes to what extent and in what ways the Chinese factor has influenced the formation of political order in Vietnam. In particular, it examines how closely Vietnam’s system of governance has converged toward or diverged from the Chinese model of political organization and rule. The study shows that the similarities in the governance structures of Vietnam and China are not primarily the result of direct influence, but rather the outcome of similar conditions and tasks that emerged in the course of historical development.

Both countries first experienced national liberation struggles and later faced similar challenges, conditions, and objectives in establishing and institutionally consolidating communist rule. These factors led to a partial convergence of political institutions, governance mechanisms, and practices. However, this convergence is not the result of direct imitation or external pressure, but rather the consequence of an analogous path of historical development.

Keywords: *“Digital Silk Road,” “Belt and Road Initiative,” China, Vietnam, United States, deferential prudence (deference), the Le Dynasty, Asia-Pacific Economic Cooperation, military resistance and diplomatic deference.*

KIRISH

XX asr oxiri va XXI asr boshlarida xalqaro munosabatlar tizimida Osiyo-Tinch okeani mintaqasining geosiyosiy ahamiyati sezilarli darajada ortdi. Ayniqsa, Xitoy Xalq Respublikasi va Vetnam Sotsialistik Respublikasi o‘rtasidagi munosabatlar mintaqaviy xavfsizlik, iqtisodiy integratsiya hamda siyosiy barqarorlik nuqtai nazaridan muhim tadqiqot obyektiga aylandi. Ikki davlat o‘rtasidagi aloqalar tarixiy, mafkuraviy va hududiy omillar bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, bu munosabatlar ko‘p qirrali va murakkab xarakter kasb etadi.

“Sovuq urush”dan keyingi davrda xalqaro tizimdagi kuchlar muvozanatining o‘zgarishi, globalizatsiya jarayonlarining jadallashuvi hamda mintaqaviy

integratsion loyihalarning rivojlanishi Xitoy va Vetnam munosabatlariga ham yangi mazmun baxsh etdi. Bir tomondan, ikki davlat o‘rtasida savdo-iqtisodiy hamkorlik izchil rivojlanib bormoqda, ikkinchi tomondan esa Janubiy Xitoy dengizi bilan bog‘liq hududiy nizolar va geosiyosiy raqobat ularning o‘zaro munosabatlarida ziddiyatli holatlarni yuzaga keltirmoqda. Shu bois mazkur munosabatlarni tahlil qilishda nafaqat siyosiy va iqtisodiy omillar, balki tarixiy tajriba, mafkuraviy yondashuvlar hamda mintaqaviy strategik manfaatlarni ham hisobga olish zarur bo‘ladi.

Bugungi kunda Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlar Sharqiy va Janubi-Sharqiy Osiyodagi xalqaro jarayonlarga bevosita ta’sir ko‘rsatadigan muhim omillardan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda. Mazkur munosabatlarni o‘rganish mintaqadagi xavfsizlik tizimi, iqtisodiy hamkorlik istiqbollari hamda geosiyosiy raqobatning zamonaviy tendensiyalarini tushunishda muhim ilmiy va amaliy aҳaмiyat kasb etadi.

ADABIYOTLAR TAHLILI VA METODLAR

XX asrning ikkinchi yarmidan boshlab xalqaro munosabatlar nazariyasida davlatlararo aloqalarni tahlil qilishda geosiyosiy, tarixiy va iqtisodiy omillar bilan bir qatorda mafkuraviy hamda mintaqaviy yondashuvlarga ham alohida e’tibor qaratila boshlandi. Ayniqsa, Osiyo-Tinch okeani mintaqasida yuz bergan siyosiy jarayonlar Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlarni xalqaro munosabatlar tizimining muhim tadqiqot obyektlaridan biriga aylantirdi. Tadqiqotchilar ushbu munosabatlarni o‘rganishda tarixiy meros, hududiy nizolar, iqtisodiy hamkorlik va strategik manfaatlar o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlikni asosiy tahliliy yo‘nalish sifatida ko‘rsatadilar.

Xususan, xalqaro munosabatlar nazariyotchilari Xitoyning mintaqadagi siyosiy va iqtisodiy ta’siri ortib borishini Janubi-Sharqiy Osiyo davlatlari tashqi siyosatiga sezilarli ta’sir ko‘rsatuvchi omil sifatida baholaydilar. Shu nuqtai nazardan, Vetnamning Xitoy bilan munosabatlari hamkorlik va raqobat elementlari uyg‘unlashgan murakkab tizim sifatida talqin qilinadi. Tadqiqotchi Devid Shamboning fikricha, Xitoyning mintaqadagi faolligi qo‘shni davlatlarning xavfsizlik strategiyalarini qayta shakllantirishga sabab bo‘lmoqda [1]. Shuningdek, Karli Tayer Vetnam tashqi siyosatini tahlil qilar ekan, mamlakatning Xitoy bilan iqtisodiy yaqinlashuvni davom ettirishi bilan birga, hududiy xavfsizlik masalalarida ehtiyotkor siyosat yuritayotganini ta’kidlaydi [2].

Xitoy va Vetnam munosabatlarini tadqiq etishda konstruktivistik va geosiyosiy yondashuvlar muhim metodologik asos bo‘lib xizmat qiladi. Konstruktivistik yondashuv davlatlar o‘rtasidagi aloqalarda tarixiy tajriba, mafkuraviy omillar va

siyosiy diskurslarning rolini ochib berishga imkon yaratsa, geosiyosiy tahlil mintaqadagi kuchlar muvozanati va strategik manfaatlarni tushuntirishga yordam beradi. Shu bilan birga, tadqiqot davomida tarixiy-qiyosiy, tizimli tahlil va siyosiy jarayonlarni solishtirish metodlaridan foydalanildi. Mazkur metodlar orqali Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlarning shakllanish bosqichlari, zamonaviy holati hamda istiqboldagi rivojlanish tendensiyalarini kompleks ravishda o‘rganish imkoniyati yaratildi.

NATIJALAR

Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlar tahlili shuni ko‘rsatadiki, ikki davlatning tashqi siyosiy strategiyalari ko‘p jihatdan o‘zaro idrok va tarixiy tajriba asosida shakllanadi. Xususan, xalqaro munosabatlarda davlatlarning bir-biriga nisbatan qarashlari va siyosiy baholari ularning diplomatik xatti-harakatlariga sezilarli ta’sir ko‘rsatadi. Shu jihatdan, sotsiolog Charlz Xorton Kulining “ko‘zgudagi Men” konsepsiyasi davlatlararo munosabatlarni tahlil qilishda ham muhim nazariy asos bo‘lib xizmat qilishi mumkin. Mazkur yondashuvga ko‘ra, davlat o‘zining xalqaro maydondagi mavqeyi va tashqi siyosiy yo‘nalishini boshqa davlatlarning unga nisbatan munosabati hamda baholari orqali qayta shakllantiradi.

Bu holat ayniqsa Xitoy va Vetnam munosabatlarida yaqqol namoyon bo‘ladi. Tarixiy jihatdan Vetnam uzoq vaqt davomida Xitoyning siyosiy va madaniy ta’siri ostida bo‘lgan bo‘lsa-da, zamonaviy davrda ikki davlat o‘rtasidagi aloqalar hamkorlik va ehtiyotkor raqobat uyg‘unlashgan murakkab tizim sifatida rivojlanmoqda. Xitoy o‘zini mintaqadagi yetakchi siyosiy va iqtisodiy kuch sifatida namoyon etishga intilar ekan, Vetnam esa o‘z suvereniteti va strategik mustaqilligini saqlashga alohida e’tibor qaratmoqda. Shu sababli Vetnam tashqi siyosatida Xitoy bilan iqtisodiy hamkorlikni davom ettirish bilan bir qatorda, Janubiy Xitoy dengizidagi hududiy nizolar masalasida qat’iy pozitsiya kuzatiladi.

Bundan tashqari, ikki davlat o‘rtasidagi o‘zaro idrok omili ularning xavfsizlik strategiyalarida ham aks etadi. Vetnam Xitoyning harbiy va iqtisodiy salohiyati ortib borishini mintaqadagi kuchlar muvozanatiga ta’sir qiluvchi omil sifatida baholaydi. Natijada Vetnam ASEAN davlatlari, AQSh hamda boshqa xalqaro hamkorlar bilan aloqalarni mustahkamlash orqali tashqi siyosiy balansni saqlashga harakat qilmoqda. Xitoy esa Vetnamning bunday faolligini ayrim hollarda o‘z mintaqaviy manfaatlariga nisbatan ehtiyotkor siyosat sifatida qabul qiladi.

Shu jihatdan, Xitoy va Vetnam munosabatlari xalqaro munosabatlarda o‘zaro idrok, tarixiy xotira va strategik manfaatlarning naqadar muhim ahamiyatga ega ekanligini ko‘rsatadi. Biroq davlatlarning bir-biriga nisbatan shakllangan stereotipik qarashlari yoki tarixiy ishonchsizlik omillari ba’zan “buzilgan ko‘zgu” effektini

yuzaga keltirishi mumkin. Bunday vaziyatda taraflarning bir-birini noto‘g‘ri baholashi siyosiy ishonchsizlikning kuchayishiga, hududiy nizolarning keskinlashishiga hamda diplomatik munosabatlarda murakkabliklarning ortishiga olib keladi. Shu sababli Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi barqaror munosabatlarni ta’minlashda o‘zaro ishonch, konstruktiv muloqot va mintaqaviy hamkorlik muhim omil sifatida namoyon bo‘ladi**.**

MUHOKAMA

1986-yilda tadqiqotchilar Anri Tejfel va Jon Tyorner tomonidan ilgari surilgan ijtimoiy identiklik nazariyasi individning o‘zini muayyan ijtimoiy guruhga mansub deb bilishi va boshqa guruhlardan ajratishini izohlaydi. Mazkur yondashuvga ko‘ra, identiklik “biz” va “ular” tushunchalari orqali shakllanib, ijtimoiy munosabatlarda o‘zaro yaqinlik va farqlanish jarayonini yuzaga keltiradi [6:147]. Ushbu nazariya xalqaro munosabatlar tizimiga tatbiq etilganda davlatlarning o‘z manfaatlari va tashqi siyosiy yo‘nalishlarini boshqa davlatlarga nisbatan shakllantirishini tushuntirish imkonini beradi.

Mazkur jarayonni Xitoy va Vetnam munosabatlari misolida ham kuzatish mumkin. Tarixiy jihatdan Vetnam uzoq davr davomida Xitoy sivilizatsiyasining siyosiy va madaniy ta’siri ostida rivojlangan bo‘lsa-da, keyinchalik o‘zining mustaqil milliy davlatchilik modelini shakllantirishga intildi. Ayniqsa, XX asrning ikkinchi yarmida yuz bergan siyosiy jarayonlar, jumladan, Vetnam urushi va mintaqadagi geosiyosiy o‘zgarishlar Vetnam tashqi siyosatida mustaqillik va suverenitet masalalarini ustuvor yo‘nalishga aylantirdi. Shu bilan birga, Xitoy ham o‘zining iqtisodiy va siyosiy salohiyati ortib borishi fonida mintaqadagi yetakchi davlat sifatidagi mavqeini mustahkamlashga harakat qilmoqda. Natijada ikki davlat o‘rtasidagi munosabatlarda hamkorlik va strategik ehtiyotkorlik bir vaqtda namoyon bo‘lmoqda.

Konstruktivizm nazariyasiga ko‘ra, xalqaro munosabatlar faqat moddiy resurslar yoki harbiy salohiyat bilan emas, balki tarixiy xotira, mafkuraviy qarashlar va siyosiy diskurslar orqali ham shakllanadi [7:283]. Shu nuqtai nazardan, Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlarda tarixiy tajriba muhim rol o‘ynaydi. Xususan, 1979-yildagi Xitoy–Vetnam urushi va Janubiy Xitoy dengizi bilan bog‘liq hududiy nizolar bugungi kungacha ikki davlat o‘rtasidagi siyosiy ishonch darajasiga ta’sir ko‘rsatib kelmoqda. Biroq iqtisodiy globalizatsiya jarayonlari ikki davlatni savdo-iqtisodiy hamkorlikni rivojlantirishga ham undamoqda.

Shuningdek, konstruktivistik yondashuv davlatlarning tashqi siyosiy strategiyalarini ularning xalqaro tizimdagi o‘zini qanday tasavvur qilishi bilan ham izohlaydi. Xitoy o‘zini Osiyo-Tinch okeani mintaqasining markaziy iqtisodiy va

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

siyosiy kuchi sifatida namoyon qilayotgan bo‘lsa, Vetnam esa “mustaqil va ko‘p vektorli tashqi siyosat yurituvchi davlat” modeli asosida harakat qilmoqda. Shu sababli Vetnam bir tomondan Xitoy bilan iqtisodiy hamkorlikni chuqurlashtirsa, ikkinchi tomondan ASEAN, AQSh, Yaponiya va boshqa hamkor davlatlar bilan aloqalarni kengaytirishga intiladi.

Bundan tashqari, Janubiy Xitoy dengizi masalasi ikki davlat o‘rtasidagi munosabatlarda eng muhim strategik omillardan biri bo‘lib qolmoqda. Ushbu hududdagi geosiyosiy raqobat nafaqat Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlarga, balki butun Janubi-Sharqiy Osiyo xavfsizlik tizimiga ham ta’sir ko‘rsatmoqda. Shu bois Xitoy va Vetnam munosabatlarini konstruktivistik yondashuv asosida tahlil qilish tarixiy xotira, strategik manfaat va mintaqaviy identifikatsiya omillarining xalqaro munosabatlardagi o‘rnini chuqurroq anglash imkonini beradi.

XULOSA

Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlar zamonaviy xalqaro munosabatlar tizimida Osiyo-Tinch okeani mintaqasining eng muhim geosiyosiy yo‘nalishlaridan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda. Mazkur tadqiqot davomida olib borilgan tahlillar shuni ko‘rsatdiki, ikki davlat o‘rtasidagi aloqalar tarixiy tajriba, siyosiy manfaatlar, iqtisodiy hamkorlik va mintaqaviy xavfsizlik omillarining o‘zaro uyg‘unlashuvi asosida shakllanadi. Shu bois Xitoy va Vetnam munosabatlari faqat iqtisodiy yoki harbiy manfaatlar bilan emas, balki tarixiy xotira va strategik idrok bilan ham chambarchas bog‘liqdir.

Tadqiqot natijalari Xitoyning mintaqadagi iqtisodiy va siyosiy ta’siri ortib borishi Vetnam tashqi siyosatining shakllanishiga sezilarli ta’sir ko‘rsatayotganini ko‘rsatdi. Xususan, Vetnam bir tomondan Xitoy bilan savdo-iqtisodiy hamkorlikni rivojlantirishga intilsa, ikkinchi tomondan o‘z suvereniteti va xavfsizlik manfaatlarini himoya qilish maqsadida ehtiyotkor strategiyani amalga oshirmoqda. Ayniqsa, Janubiy Xitoy dengizi bilan bog‘liq hududiy nizolar ikki davlat o‘rtasidagi munosabatlarda asosiy ziddiyat omillaridan biri bo‘lib qolmoqda.

Shuningdek, konstruktivistik yondashuv asosida olib borilgan tahlillar davlatlararo munosabatlarda tarixiy xotira, siyosiy diskurs va o‘zaro idrok muhim rol o‘ynashini tasdiqladi. Xitoy va Vetnam o‘rtasidagi munosabatlarda ham “biz” va “ular” tushunchalari ayrim hollarda siyosiy ishonchsizlik va strategik ehtiyotkorlikning shakllanishiga ta’sir ko‘rsatmoqda. Shu bilan birga, iqtisodiy globalizatsiya va mintaqaviy integratsiya jarayonlari ikki davlatni o‘zaro hamkorlikni saqlab qolishga undayotgan muhim omillardan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Bundan tashqari, tadqiqot davomida Xitoyning mintaqaviy yetakchilik siyosati hamda Vetnamning ko‘p vektorli tashqi siyosati o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlik tahlil qilindi. Natijalar shuni ko‘rsatadiki, Vetnam ASEAN davlatlari, AQSh va boshqa xalqaro hamkorlar bilan aloqalarni rivojlantirish orqali mintaqadagi strategik muvozanatni сақлашга intilmoqda. Xitoy esa iqtisodiy integratsiya va siyosiy ta’sir vositalari orqali mintaqadagi mavqeini mustahkamlashni davom ettirmoqda.

Umuman olganda, Xitoy va Vetnam munosabatlari zamonaviy xalqaro munosabatlarda geosiyosiy raqobat va iqtisodiy hamkorlik bir vaqtning o‘zida mavjud bo‘lishi mumkinligini ko‘rsatadi. Mazkur tadqiqot natijalari mintaqadagi xavfsizlik tizimi, davlatlararo strategik munosabatlar hamda Osiyo-Tinch okeani hududidagi siyosiy jarayonlarni chuqurroq anglashda muhim ilmiy va amaliy аҳамият kasb etadi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Pedanov V.A., Mitroxin M.Yu., Nguyen Kuok Hung, Yakovlev A.A. Rossiya Federatsiyasi va Vyetnam Sotsialistik Respublikasi o‘rtasida axborot-texnologik hamkorlikning rivojlanishi. Moskva: Rossiya Fanlar akademiyasi Uzoq Sharq instituti nashriyoti, 2020. 159–171-betlar.
2. Kiruvchi kiberhujumlar soni bo‘yicha Vyetnam faqat Rossiyadan ortda qoladi // *Regnum.ru*, 15.01.2019. Manba: https://regnum.ru/news/society/2559489.html
3. Rubchenko M.V. Pekinda jahon iqtisodiyotida yuan hududini yaratish taklifi ilgari surildi // *Vedomosti*, 15.07.2020. Manba: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/14/834581-v-pekine-prizvali-k-sozdaniyu-yuanevoi-zoni
4. Terskix M.A. “Bir kamar, bir yo‘l”: Vyetnam nigohida // *Janubi-Sharqiy Osiyo: rivojlanishning dolzarb muammolari*, 2019, №2 (43). 166–171 betlar.
5. Greene R., Triolo P. Xitoy “Raqamli Ipak yo‘li” orqali global internetni nazorat qila oladimi? // *Carnegie Endowment for International Peace*, 08.05.2020. Manba: https://carnegieendowment.org/2020/05/08/will-china-control-global-internet-via-its-digital-silk-road-pub-81857

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

QO‘QON XONLIGINING TUGATILISHI ARAFASIDA MULLA ISO AVLIYO VA ABDURAHMON OFTOBACHINING HARBIY-SIYOSIY STRATEGIYASI

Nabijonov Sirojiddin Abdumutalib o‘g‘li
O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi
Abu Rayhon Beruniy nomidagi Sharqshunoslik instituti tayanch doktoranti.
E-mail: sirojiddinnabijonov75@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0009-0008-3021-7522
Tel: 99 817 61 86

Annotatsiya. *XIX asrning ikkinchi yarmida mintaqada kechgan murakkab geosiyosiy vaziyat va Rossiya imperiyasining bosqinchilik siyosati sababli boshqa xonliklarga nisbatan Qo‘qon xonligining tugatilishini o‘rganish bugun ham o‘z dolzarbligini yo‘qotmayapti. Ayniqsa, Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasidagi murakkab harbiy-siyosiy vaziyat hamda ushbu jarayonda Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachining tutgan o‘rniga aniqlik kiritish muhim aҳamiyat kasb etadi. Shu jihatdan, bu tezisda Rossiya imperiyasining bosqinchilik siyosati kuchaygan davrda xonlik ichidagi siyosiy inqiroz, mahalliy kuchlarning qarshilik harakatlari va ularning strategik faoliyati asosida Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilarning harbiy-siyosiy tashabbuslari hamda Qo‘qon xonligini saqlab qolish yo‘lidagi faoliyati tadqiq qilinadi. Natijada, Qo‘qon xonligining so‘nggi davridagi siyosiy jarayonlarda Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachining tutgan harbiy-siyosiy faoliyatini atroflicha tushunishga imkon yaratiladi.*

Kalit so‘zlar: *Qo‘qon xonligi, Mulla Iso Avliyo, Abdurahmon Oftobachi, Rossiya imperiyasi, Turkiston general-gubernatorligi, harbiy strategiya, Nasriddinbek, bosqinchilik siyosati va boshqalar.*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ МУЛЛЫ ИСО АВЛИЁ И АБДУРАХМАНА ОФТОБАЧИ НАКАНУНЕ ЛИКВИДАЦИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. *Сложная геополитическая ситуация, сложившаяся в регионе во второй половине XIX века, а также колониальная политика Российской империи делают изучение ликвидации Кокандского ханства, по сравнению с другими ханствами, актуальным и в настоящее время. Особенно важное значение имеет выяснение сложной военно-политической обстановки накануне ликвидации Кокандского ханства и роли Муллы Исо Авлиё и*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Абдурахмана Офтобачи в данном процессе. В связи с этим в настоящих тезисах исследуются политический кризис внутри ханства в период усиления колониальной политики Российской империи, сопротивление местных сил и их стратегическая деятельность, а также военно-политические инициативы Муллы Исо Авлиё и Абдурахмана Офтобачи, направленные на сохранение Кокандского ханства. В результате создаётся возможность всестороннего осмысления военно-политической деятельности Муллы Исо Авлиё и Абдурахмана Офтобачи в политических процессах последнего периода существования Кокандского ханства.

Ключевые слова: *Кокандское ханство, Мулла Исо Авлиё, Абдурахман Офтобачи, Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, военная стратегия, Насриддинбек, колониальная политика и др.*

THE MILITARY-POLITICAL STRATEGY OF MULLA ISO AVLIYO AND ABDURAHMON OFTOBACHI ON THE EVE OF THE ABOLITION OF THE KOKAND KHANATE

Abstract. *The complex geopolitical situation in the region during the second half of the nineteenth century and the colonial policy of the Russian Empire make the study of the abolition of the Kokand Khanate still relevant today compared to other khanates. In particular, clarifying the complicated military-political situation on the eve of the abolition of the Kokand Khanate and determining the role of Mulla Iso Avliyo and Abdurahmon Oftobachi in this process is of great importance. In this regard, the present thesis examines the political crisis within the khanate during the intensification of the Russian Empire’s colonial policy, the resistance movements of local forces and their strategic activities, as well as the military-political initiatives of Mulla Iso Avliyo and Abdurahmon Oftobachi aimed at preserving the Kokand Khanate. As a result, the study provides an opportunity for a comprehensive understanding of the military-political activities of Mulla Iso Avliyo and Abdurahmon Oftobachi in the political processes of the final period of the Kokand Khanate.*

Keywords: *Kokand Khanate, Mulla Iso Avliyo, Abdurahmon Oftobachi, Russian Empire, Turkestan Governor-Generalship, military strategy, Nasriddinbek, colonial policy, and others.*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

KIRISH

XIX asrning ikkinchi yarmida O‘zbek xonliklari hayotida yuz bergan siyosiy jarayonlar mintaqa davlatlari tarixida keskin burilish yasadi. Ayniqsa, Qo‘qon xonligi (1709-1876) misolida yanada yaqqol namoyon bo‘lib, xonlik XIX asrning 70-yillariga kelib ichki siyosiy beqarorlik, iqtisodiy tanglik va tashqi bosqin xavfi bilan Rossiya imperiyasining bosqinchilik siyosati ilgari surildi. Lekin, shunga qaramasdan, Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasidagi siyosiy voqealarda xonlikning ayrim harbiy va diniy arboblari muhim rol o‘ynadi. Jumladan, Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachi o‘z davrining ta’sirli shaxslaridan biri sifatida xonlikni saqlab qolish, ichki birlikni mustahkamlash hamda Rossiya imperiyasi bosqiniga qarshi kurashish yo‘lida faol harakat olib bordi. Natijada, ularning faoliyati nafaqat harbiy qarshilik, balki siyosiy va mafkuraviy jihatdan ham muhim bo‘lgan bosqinchilarga qarshi kurashish mexanizmlarini yaratdi.

Yana bir jihati, bu mavzuning ayrim jihatlari tadqiqotlarda yoritilgan. Masalan, umuman mintaqani Rossiya imperiyasi tomonidan bosib olinishi [1], xususan, Qo‘qon xonligiga qarshi harbiy harakatlarda [2] hamda xonlikdagi soxta Po‘latxon qo‘zg‘oloniga qaratilgan tadqiqotlarda qisman yoritilgan [3, 4]. Lekin, aynan Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachining harbiy-siyosiy faoliyati maqsad qilinib, tadqiq qilinmagan. Shu bois, ushbu tezisda masalaning ba’zi qismlari tarixiylik, analiz, sintez, induktiv, deduktiv va boshqa tadqiqot usullaridan foydalanildi.

Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasida bir necha murakkab harbiy-siyosiy jarayonlar yuzaga keldi. Ya’ni, 1875-yil 28-iyulda Nasriddinbekning xonlik taxtiga kelishi natijasida Xudoyorxonga qaratilgan uyushtirilgan qo‘zg‘olon tugatilib, ichida tarqoqlik yuzaga keldi [5: 10-varaqning oldi]. Chunki, bu vaqtga qadar xonlik elitasi, jumladan, Abdurahmon Oftobachi, Mulla Iso Avliyo, keyinchalik Sulton Murodbek va Nasriddinbek Xudoyorxonga qarshi isyonchilar tomoniga o‘tgan edi [6: 87]. Darhaqiqat, Xudoyorxonning so‘nggi marta taxtga kelganida Mulla Iso Avliyoni moliya vaziri, Abdurahmon Oftobachini esa yuqori harbiy lavozimlarga tayinlagan edi [7: 14]. Shu bilan birga, 1873-yilda soxta Po‘latxonni Chust yaqinida oq kigizga chiqarib xon qilgan va u bevosita Xudoyorxonning siyosatiga qarshi edi. Bir so‘z bilan aytganda, 1875-yil 28-iyuldan boshlab Nasriddinbek taxtga kelgunigacha qo‘zg‘olonchilarning maqsadi yakdil bo‘lib, gubernatorlik bilan olib borayotgan aloqalariga nisbatan ko‘proq Xudoyorxon siyosatidan norozi edi [8: 201]. Ammo, Xudoyorxonning taxtdan ketganidan so‘ng esa qo‘zg‘olonchilarda Rossiya imperiyasiga qarshi yakdillik kuzatilmasdan yana tarafkashlik va parokandalik davom etdi. Bu bilan xonlik hududida soxta Po‘latxon va Nasriddinbek boshchiligidagi ikki qo‘sh hokimiyat yuzaga kelgan. Natijada,

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

xonlikning ham siyosiy, ham harbiy kuch-qudrati ikkiga ajralib, Xudoyorxon davridagidan ham qiyin vaziyat yuzaga keldi.

Buni oldini olish uchun Abdurahmon Oftobachi kirishib, oddiy xalq, soxta Po‘latxon va Nasriddinbekni bir bayroq ostida birlashtiradigan Rossiya imperiyasiga qarshi urush — “g‘azovat”ga chorladi [9: 35]. Bu bilan xonlikning siyosiy va harbiy qudratini birdamlik fonida tiklashni rejalashtirgan edi. Ammo, soxta Po‘latxon ramziy ma’noda g‘azovatni qo‘llab-quvvatlasa-da, ruslarga qarshi harbiy harakatlarda deyarli ishtirok etmagan. Bu bilan soxta Po‘latxon xonlik elitasi va harbiy qo‘shinda obro‘si baland bo‘lgan Abdurahmon Oftobachining harbiy va siyosiy jihatdan zaiflashishiga erishmoqchi bo‘lgan. Shunga qaramasdan, g‘azovat tarafdorlari, bevosita rahbarlari Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilar bir necha yillik harbiy va siyosiy tajribasi asosida dastlabki vaqtda gubernatorlik ustidan g‘alaba qozondi [5: 19-varaqning old tomoni]. Bundan tashqari, harbiy qo‘shinni ruhlantirish va ko‘paytirish maqsadida chegara bo‘ylab, g‘azovatga chorlovchi xat, murojaatnomalar yo‘lladi. Buning natijasida, g‘azovat haqida xabarlar mintaqa bo‘ylab tarqalib, gubernatorlikni sarosimaga soldi. Boshqa tomondan, g‘azovat rahbarlari harbiy jihatdan ustunlikni dushmanga singdirish va xavotir solish sabablaridan biri bo‘lgan tinchlik ultimatumlarini ishlab chiqqan edi. Unga ko‘ra, rus qo‘shinlariga yo taslim bo‘lib, umuman mintaqa hududlaridan chiqib ketish yoki musulmon bo‘lish takliflarini ilgari surgan. Natijada, bu bilan xonlikning harbiy ustunligi ta’minlanib, gubernatorlikka aholining barcha tabaqalarini qamrab olgan 10 ming kishidan iborat qo‘shin xavotiri solindi. Chunki, Abdurahmon Oftobachi chegara qishloqlarida bayroq va moddiy yordam berib, aholini g‘azovatga chorlayotgan va aholidan qo‘shimcha qo‘shinlar tuzilayotgan edi [10: 86]. Hatto, gubernator K.P. Kaufman ham g‘azovat urushi gubernatorlikka ko‘p talofat yetkazganligini ta’kidlaydi [5: 19-varaqning orqa tomoni]. Lekin, shunga qaramasdan, 1875-yil 22-avgustda Maxram jangida gubernatorlik qo‘shinlarining harbiy-texnik ustunligi oqibatida xonlik qo‘shini mag‘lubiyatga uchraydi. Chunki, xonlik qo‘shinida to‘p-zambarak, pilta miltiqlar bo‘lishi bilan birga qo‘shinning aksariyat qismi nayza, qilich kabi oddiy eski qurollar bilan qurollangan edi [10: 87]. Yana bir ahamiyatli jihati shuki, Maxram jangidan so‘ng Rossiya imperiyasi va Turkiston general-gubernatorligi o‘rtasida xonlikka qarshi harbiy harakatlarni davom ettirishda ikki xil fikr yuzaga keladi. Ya’ni, harbiy vazir D.A. Milyutin imperiya hozirgi vaqtda xonlikka qarshi harbiy harakatlarni davom ettirish o‘rniga xonlik bilan kelishish tarafdorini ilgari sursa-da, Turkiston general-gubernatorining batafsil yozma bayonoti taqdim etilsa ruxsat berilishini bildirgan [11: 346]. Bundan ma’lum bo‘ladiki, aslida Rossiya imperiyasining maqsadi

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Qo‘qon xonligini bosib olish bo‘lgan, faqatgina mintaqani bosib olishdagi noma’lum yo‘qotishlar sababli imperiya ma’muriyati bir qarorga kelmagan. Shu bilan birga, 1873-yilda inglizlar bilan kelishuvga erishsa-da [12: 209], Afg‘oniston o‘z xavfsizligini o‘ylab xonlikka harbiy yordam berishidan qo‘rqqan edi [13: 119]. Mana shunday chigal bir geosiyosiy vaziyatda Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilarning tutgan harbiy-siyosiy faoliyati kuzatildi. Masalan, 1876-yil 26-avgustda Mulla Iso Avliyo Nasriddinbek elchilari bilan birgalikda gubernator K.P. Kaufman huzuriga boradi. Chamasi, bu bilan Mulla Iso Avliyo gubernatorlik qo‘shinlarining xonlik hududida harbiy harakatlarni davom ettirmaslik va xonlikda hokimiyat Nasriddinbek xonligi ostida tashkil etilganligini bildirish bo‘lgan. Bundan tashqari, Abdurahmon Oftobachi 31-avgustda o‘zi boshchiligida 70 qirg‘iz-qipchoq sardorlarining muhri tushirilgan tinchlik maktubini gubernatorga yuborib, xonlikda qo‘zg‘olonlar tugatilganligi va gubernatorlik qo‘shinlari xonlikdan chiqib ketishi bilan oldingiday do‘stlik va tinchlik aloqalari davom etishini bildirgan [5: 12-varaqning orqasi]. Yana bir boshqa tomondan, gubernator K.P. Kaufman Nasriddinbekning yoshligi va tajribasizligi sababli uning maktublariga javob qaytarmaganligini ta’kidlagan. Ammo, Nasriddinbek yonida Mulla Iso Avliyo bo‘lib, xonlikka gubernatorlik qo‘shinlarining kiritilmasligi uchun bir necha elchilik missiyalarini gubernator K.P. Kaufmanga jo‘natilishini tashkil qilgan. Ularning birida hatto o‘zi ham bo‘lgan. Bu elchilik maktublari imperiya vakillari talqin qilganidek sharmandali tinchlik so‘rash emas, balki 1868-yil va undan keyingi shartnomalar asosida harbiy harakatlarni to‘xtatib, xonlik hududidan chiqib ketish bo‘lgan. Ammo, g‘arazli va ekspansiv siyosatga yo‘g‘rilgan imperiya va gubernatorlik ko‘rsatmalari asosida harbiy harakatlar to‘xtatilmagan.

Bundan tashqari, 1875-yil 22-sentabrda imzolangan Qo‘qon xonligi uchun haqoratli shartnoma va 9-oktabrda xonlik o‘rdasining talanishi jarayonlarida ham xonlik o‘ziga xos harbiy siyosat olib borgan [8: 202]. Bunda Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilar muntazam xonlik qo‘shinidan ko‘ra harakatlanishi oson bo‘lgan qishloq va shaharlarda tuzilgan kichik guruhlardan foydalangan. Shuningdek, ularda xonlikni saqlab qolish uchun g‘azovat fonida birdamlikni shakllantirgan. Shu bilan birga, bir-birisiga qarshi urushlar qilish emas, balki gubernatorlik qo‘shinlariga qarshi harbiy harakatlar olib borgan. Lekin, harbiy to‘qnashuvlarni to‘xtatib, xonlikda tinchlikni saqlash maqsadida Abdurahmon Oftobachi 1876-yil 20-yanvarda gubernatorlikka elchi yuborgan edi [9: 39]. Bulardan ma’lum bo‘ladiki, Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilar mavjud vaziyatdan kelib chiqib, xonlikni saqlab qolish uchun xalq ommasiga tayanib harbiy siyosat olib borgan.

XULOSA

Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasida Rossiya imperiyasi mustamlakachiligiga qarshi bir necha harbiy harakatlar olib borilganligini ko‘rish mumkin. Shuningdek, xonlikda qo‘zg‘olonlar Xudoyorxon hokimiyati davrida ham gubernatorlik bilan aloqalar va bevosita soliqlar sababli bo‘lib turgan bo‘lsa, 1875-yil 28-iyuldan boshlab faqatgina Rossiya imperiyasiga qarshi harbiy harakatlarga o‘zgardi. Bunda Abdurahmon Oftobachi va Mulla Iso Avliyolar tomonidan gubernatorlikni 1868-yildagi shartnomaga amal qilish va xonlik hududlarida harbiy harakatlar olib bormasligini ta’kidlovchi harbiy siyosati sabab bo‘ldi. Shu maqsadda, Mulla Iso Avliyo rasmiy xon Nasriddinbek tarafida bo‘lib, puxta o‘ylangan va gubernatorlikning xonlik boshqaruviga aralashishini qoralaydigan maktub hamda elchilik missiyalarida ishtirok etdi. Ayniqsa, Abdurahmon Oftobachi esa soxta Po‘latxonni Nasriddinbekka qarshi qo‘ymaslik bilan birga, gubernatorlik o‘z harbiy kuchlarini xonlikdan olib chiqib ketmaguncha harbiy harakatlar olib borish bilan imperiya ma’murlarini xavotirga qo‘yganligini ko‘rish mumkin. Bir so‘z bilan aytganda, Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachilar imperiya ma’muriyatining xonlikni tugatishni maqsad qilganligini taxmin qilib, bir necha harbiy-siyosiy operatsiyalar o‘tkazgan.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Бобобеков Х. Н. «Ўрта Осиёни Россия босиб олганми?» ва «Ўрта Осиё Россияга қўшиб олинганми?» // Фан ва турмуш. – 1989. – № 8–10.
2. Özkan M.Türkistan’ın işgal çağı: Beyaz General Skobelev (1843–1882). – İstanbul: Kronik Kitap, 2024. – 256 s.
3. Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание (1875–1876 гг.)// Борьба классов. – 1936. – № 4. – С. 47–56.
4. Иноятов Х. Ш. Восстание Пулатхона в Кокандском ханстве (1873–1876 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Т.: САГУ, 1942. – 110 с.
5. O‘z MA (O‘zbekiston Milliy arxivi). Fond I – 1, 27 – ro‘yhat, 1128a – ish.
6. Бабабеков Х. Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.). Т.: Фан, 1990. — 119 с.
7. Муҳаммад Азиз Марғилоний. Тарихи Азизий (Фарғона чор мустамлакаси даврида) / нашрга тайёрловчилар: Ш. Воҳидов, Д. Сангирова. – Тошкент: Маънавият, 1999. – 112 б.
8. Kamalova Z. Hüdayar Han Döneminde Hokand Hanlığı (1845–1875): doktora tezi. — İstanbul: İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2019. — 370 s.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

9. Бабабеков Х. Н. Пўлатхон қўзғолони. – Тошкент, 1996. – 60 б; Бабабеков Х. Н. Восстание Пулатхана / авторизованный перевод с узбекского языка на русский с переработкой и дополнением. – Т.: Академия наук Туран, 2018. – 318 с.
10. Бобобеков Х. Н. Қўқон тарихи. – Т.:Фан, 1996. – 240 б.
11. O‘z MA. I-715, 1-ro‘yxat, 63-ish.
12. Türkmen İ. XIX. yüzyılda Fergana Vadisi ve Büyük Güçlerin hâkimiyet mücadelesi: doktora tezi. – Nevşehir: Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2019. – 315 s.
13. Baymirza Hayit. Türkistan Rusya ile Çin arasında: XVIII–XX. asırlarda Ruslar ve Çinlilerin istilâları devrinde Türkistan millî devletleri ve millî mücadeleleri tarihi. — İstanbul: Otağ Yayınları, 1975. — 437 s.
14. Kamolova Z. Hokand Hanlığı’nın Son Hükümdarı Hüdayar Han Dönemi (1845-1875) Fergana Vadisinde Rus İşgali. – Istanbul, 2020. – 287 b.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

INFORMATION CONTROL IN CHINA'S FOREIGN POLICY PROPAGANDA

Ma Kun
Tashkent State University of Oriental Studies
Independent Researcher

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of information control mechanisms and foreign policy propaganda in the contemporary People's Republic of China. Particular attention is paid to the institutional, technological, and ideological tools used to shape the information environment, as well as their role in maintaining domestic stability and promoting national interests abroad. The study examines the distinctive features of China's information governance model, including digital sovereignty, state regulation of media, and the development of soft power strategies. It also analyzes key channels and forms of China's external communication aimed at constructing a favorable international image and strengthening its global influence.*

Keywords: *information control, foreign policy propaganda, China, soft power, digital sovereignty, state regulation, media policy, international communication, information security, global influence.*

INTRODUCTION

The evolution of communication tools employed in the sphere of political communication has, in a natural manner, transformed the information function of diplomatic institutions. However, as researchers emphasize, the key changes are associated not so much with technological innovations as with a qualitative rethinking of the very content of diplomatic communication. This refers to a shift from one-way transmission of information to more complex and interdependent forms of interaction. In contemporary conditions, the informational and communicative function of diplomacy is primarily oriented toward the formation of a sustainable dialogue between states.

The informational and communicative function of foreign relations bodies is of a complex and multi-layered nature. First and foremost, it includes the systematic preparation and transmission of analytically processed information by diplomatic representatives both of the central apparatus of the foreign ministry and of overseas missions. This involves the regular collection, interpretation, and transmission of data concerning the political, economic, and social situation in the host country, in international organizations, as well as within the framework of

participation in multilateral negotiations and collective international initiatives. This information is intended for the highest political leadership of the state and relevant governmental bodies, forming the basis for the formulation of a balanced and pragmatic foreign policy course.

DISCUSSION

The content and priorities of China’s state information policy are determined by a combination of political and socio-economic factors characterizing the stage of comprehensive national modernization. A significant role is played in this regard by the accumulated practical experience in the implementation of state programs in the production, dissemination, and utilization of information. In parallel, the Chinese leadership actively adapts and incorporates international experience in information policy-making, including practices of developed countries, while taking into account national interests and the specific features of domestic development.

Contemporary China, as an independent geopolitical actor, is characterized by a high level of development of its information and telecommunications infrastructure, enabling it to occupy a significant position in the global information space. Under these conditions, the priority directions of state information policy are focused on the formation of a unified national information space, as well as on strengthening institutional and communicative linkages between central and regional levels of governance.

Particular importance is attached to ensuring the information security of the individual, society, and the state as a whole, which is regarded as a key element of sustainable political development. In this context, the government consistently develops various segments of the information services market while simultaneously expanding the legal and regulatory framework governing socio-political processes on the Internet.

The adoption of a set of legislative acts has contributed to the institutionalization of the digital environment and the establishment of effective mechanisms for managing information flows. At the same time, there is a discernible trend toward strengthening state control over the content of information resources hosted within the national Internet segment. Restricting access to materials deemed undesirable from the perspective of state interests, including those hosted outside national jurisdiction, serves as an important instrument for maintaining information sovereignty and political stability.

A distinctive feature of China’s state information policy in recent years has been the deliberate and active utilization of mass communication potential to

consolidate and expand its presence in the global information space. This strategy reflects the state’s aspiration not only toward the internal consolidation of its information environment but also toward the strengthening of its external informational influence. In this context, there has been an intensive development and modernization of Chinese foreign-language media outlets, including print publications, television, and radio channels oriented toward international audiences [398]. A significant role in this process is played by China Radio International, which broadcasts in 38 languages, thereby substantially expanding its global audience reach.

In addition, the process of digitalization of information policy has gained considerable momentum: the active creation and dissemination of Chinese internet resources in English, Russian, Spanish, French, Japanese, Arabic, and other languages contributes to strengthening China’s position in the global digital space. This not only enables the projection of the national agenda but also facilitates the formation of alternative discourses within the framework of global informational competition.

According to experts, one of the key characteristics of China’s information policy is its non-confrontational nature, which implies a reliance on soft forms of influence, the avoidance of direct informational confrontation, and an emphasis on shaping a positive international discourse[399]. This finding is empirically supported by the results of the “Report on the Study of China’s National Image in 2014,” prepared by Chinese analysts. According to the data presented, the country’s international image demonstrated a positive trend, increasing by 0.8 points compared to the previous period[400].

The relatively high level of China’s resilience to external informational influence is attributed by experts to the existence of an extensive and institutionally structured system of domestic propaganda, which is largely oriented toward the implementation of the strategic interests of the state leadership. An additional significant factor is Beijing’s ability to selectively project into the global information space content that corresponds to the priorities of state policy, thereby shaping a managed external information agenda[401].

[398] Лю Ханьянцзы. Внешнеполитический курс современного Китая в отражении национальных СМИ // Век информации: СМИ и внешняя политика Китая: сб. науч. статей № 4 / Ред.-сост. Р.В. Бекуров, Ю.С. Данилова, С.Б. Никонов. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 12-13.
[399] Евдокимов Е.В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1. С. 74.
[400] Алешина М., Горшкова О. Имидж по-пекински // URL: https://rg.ru/2015/06/24/kitai-site.html
[401] Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1. С. 75

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

A key role in the implementation of this model is played by the Communist Party of China, within whose structure specialized departments operate to ensure the development and execution of information policy. These institutional mechanisms coordinate activities in the production, dissemination, and regulation of information flows. At the same time, central news agencies, television channels, publishing structures, as well as leading internet portals are under the direct or indirect control of the relevant party-state organs.

Centralized control over the activities of mass media in China, despite sustained criticism from Western journalism, provides the state leadership with significant advantages in implementing its foreign policy information strategy. This is primarily reflected in the ability to conduct a coherent and ideologically calibrated external propaganda effort aimed at promoting national interests on the international stage. At the same time, contemporary Chinese discourse transmits not only communist doctrines but also other socially significant ideas, including traditional Confucian values, which indicates the synthetic nature of its ideological foundation.

At the regional level, similar functions are assigned to external affairs bodies such as foreign affairs offices or information departments of people’s governments at the corresponding administrative levels. In accordance with current Chinese legislation, foreign media correspondents’ offices may be officially established only in a limited number of key metropolitan areas, including Beijing, Shanghai, Chongqing, Guangzhou, and Shenyang, which reflects a high degree of institutional control over external information flows.

China’s information market is rightly regarded as one of the largest in the world, which is обусловлено by the scale of its media space and the high level of its institutional development. According to the National Bureau of Statistics of the People’s Republic of China, the total range of periodical publications in the country exceeds 9,000 titles with an aggregate circulation of approximately 40 billion copies. Within the structure of print media, more than 2,000 titles are newspapers with a combined circulation of around 10 billion copies, while over 8,000 are magazines of various thematic orientations. This indicator reflects a high degree of diversification of informational content and its accessibility to a broad audience. Electronic mass media have also experienced significant development: more than 300 radio stations and approximately 320 television stations operate in the country, including around 30 central channels and several hundred regional television

broadcasters. This forms a multi-level hierarchical broadcasting system encompassing both national and local tiers[402].

In recent years, China has witnessed a notable expansion of the English-language segment of print media outlets focused on international affairs. This trend reflects the state’s strategic aspiration to strengthen its presence in the global information space and to shape an alternative agenda for foreign audiences.

Alongside the magazine Beijing Review, which is administered by the State Council Information Office of the People’s Republic of China, and one of the most influential English-language newspapers, China Daily, operating under the control of propaganda authorities, the media holding People’s Daily has launched an English-language version of the publication Huanqiu Shibao under the title Global Times. This publication features analytical materials by Chinese authors that are more critical and polemical in nature compared to the traditional formats of Chinese media outlets oriented toward external audiences.

CONCLUSION. Thus, the combination of stringent control over information resources with the capabilities of modern information and communication technologies enables China to significantly expand the channels for projecting its foreign policy agenda abroad. This, in turn, contributes to strengthening the country’s position not only in the global information space but also within the international system as a whole, where the informational factor is acquiring increasingly strategic importance. At the same time, such a model cannot be regarded unambiguously. Restrictions on media activity and the high degree of state control are regularly criticized by Western states and the expert community as being inconsistent with the principles of freedom of speech. However, it is precisely centralized management of information flows that provides the Chinese leadership with the ability to concentrate resources on priority areas of foreign policy and to construct a coherent foreign policy narrative.

REFERENCES:

1. Закон Китайской Народной Республики «О национальной безопасности» (принят на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей в июле 2015 г.) // URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_state_security_law_2015_russian.
2. Алешина М., Горшкова О. Имидж по-пекински // URL: https://rg.ru/2015/06/24/kitai-site.html

[402] Лю Ханьянцзы. Внешнеполитический курс современного Китая в отражении национальных СМИ // Век информации: СМИ и внешняя политика Китая: сб. науч. ст. № 4 / Ред.-сост. Р.В. Бекуров, Ю.С. Данилова, С.Б.Никонов. СПб., 2014. С. 14, 42.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

3. Евдокимов Е.В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1. С. 74.
4. Лузянин С.Г. Россия и Китай в ШОС 2017 года: глобальные и региональные измерения безопасности // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС. М., 2017. С. 19–26
5. Лю Ханьянцзы. Внешнеполитический курс современного Китая в отражении национальных СМИ // Век информации: СМИ и внешняя политика Китая: сб. науч. статей № 4 / Ред.-сост. Р.В. Бекуров, Ю.С. Данилова, С.Б. Никонов. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014.
6. Мельникова О.А. Information technologies in the service of foreign ministries of the west // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2019. № 2 (349). С. 37-52
7. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1. С. 75
8. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М.:«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.С. 149–150.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

KEY CHARACTERISTICS OF CHINA’S CONTEMPORARY FOREIGN POLICY

Cui Fenghao
Tashkent State University of Oriental Studies
Independent Researcher

Abstract: *This article examines the geopolitical aspects of the foreign policy of the People’s Republic of China in the 21st century. It analyzes the key directions and priorities of China’s foreign policy strategy at both global and regional levels, including economic expansion, energy security and the expansion of political influence. The article also explores the main factors shaping China’s foreign policy, including changes in the global balance of power, strategic competition with the United States, and China’s interests in Central Asia, Southeast Asia, and Africa.*

Keywords: *China’s foreign policy, geopolitics, 21st century, Belt and Road Initiative, global strategy, regional security, economic diplomacy, multipolar world, Central Asia, international relations.*

INTRODUCTION

In the twenty-first century, international relations have undergone profound transformations driven by shifts in the balance of power, the intensification of global interdependence, and growing competition among leading centres of power. Against this backdrop, China occupies a particularly prominent position, having evolved over recent decades into one of the key actors in global politics and the world economy. The intensification of China’s foreign policy activity has been accompanied by the formulation of a new strategy that combines elements of economic expansion, political influence, and geostrategic planning.

China’s geopolitical priorities encompass a broad range of regions, including the Asia-Pacific, Central Asia, the Middle East, and Africa. Particular emphasis is placed on ensuring energy security, developing transport corridors, and strengthening political and economic cooperation with developing countries. In this context, the study of the geopolitical dimensions of China’s foreign policy makes it possible to identify key trends in the transformation of the global system and to outline the prospects for the further development of international relations.

DISCUSSION

In analyzing the foundations of China’s foreign policy at the present stage, a number of factors must be taken into account. First, over the last two decades of the

twentieth century, China’s role in global politics and the world economy increased significantly and underwent substantial transformation. The country’s achievements have attracted heightened scholarly and political interest, as they are directly linked to the development strategy it has pursued, which serves as an alternative to liberal models.

Second, China’s foreign policy is, to a considerable extent, conservative in nature, as its core principles have remained largely unchanged over the past fifty years (particularly with regard to issues of state sovereignty and the fundamentals of interstate relations). At the same time, it should be emphasized that following the reforms of the late 1970s and early 1980s, China’s foreign policy course differed fundamentally from that of the Cultural Revolution period. Notably, even prior to the dissolution of the Soviet Union, the Chinese leadership had developed an effective paradigm for engagement with the external world. This paradigm proved fully viable under the crisis-prone international environment of the 1990s.

The contemporary direction of China’s foreign policy is grounded in a pragmatic interpretation of prevailing international realities. One of the key factors is the emergence of a unipolar model of international relations, обусловленное the significant lead of the United States in economic and military-political spheres. At the same time, globalization processes encompassing the global system have led to a substantial increase in the role of economic factors in the competition among leading powers. Taking these circumstances into account, the leadership of the People’s Republic of China has formulated strategic approaches to foreign policy aimed at ensuring the country’s sustainable development and strengthening its sovereignty.

At the same time, the concept of an emerging “multipolar” or “polycentric” world is becoming increasingly dominant in assessments of the international environment. China interprets the trend toward multipolarity as a manifestation of a fundamental transformation of the system of international relations. From Beijing’s perspective, this process reflects an evolutionary transition from the traditional paradigm of the balance of power to a new geopolitical configuration grounded in the primacy of national interests.

This conceptual approach occupies a central place in China’s contemporary foreign policy doctrine, shaping its strategic vision of a new architecture of international relations. According to Foreign Minister Wang Yi, the institutionalization of the principle of multipolarity within the system of international law and diplomatic practice is leading to a profound structural

transformation of the global order[403]. This paradigmatic shift opens up opportunities for China to strengthen its position as an influential actor in global politics.

Within the framework of this strategy, China actively employs instruments of “soft power,” relying on economic and diplomatic mechanisms to expand its international presence. This approach contributes to the legitimation of Beijing’s foreign policy course and strengthens its role within the emerging system of global governance.

In China’s strategy of becoming one of the global political and economic centers, the concept of “comprehensive national power” (综合国力 – zonghe guoli) assumes key importance. This concept serves as a fundamental theoretical foundation for the transformation of Beijing’s foreign policy paradigm. The notion of comprehensive national power reflects the integrative unity of economic potential, technological development, cultural influence, diplomatic resources, and military capabilities.

Such an approach enables China, in contrast to traditional models of geopolitical rivalry, to implement a multi-level strategy for strengthening its position on the international stage. In essence, this concept proceeds from the premise that, under contemporary conditions, a state’s power and its capacity to influence global processes are determined not only by the scale of its military potential but also by the level of its economic, social, cultural, and scientific-technological development, as well as by the balance of its foreign policy course[404].

Notably, as early as 1987, at an international conference devoted to the interrelationship between disarmament and development, Vice Minister of Foreign Affairs of the People’s Republic of China Xiang Sicheng emphasized that the safeguarding of national sovereignty and state security ultimately depends on the level of economic development, overall national strength, and active participation in maintaining regional and international peace, and cannot be reduced solely to the accumulation of armaments[405].

The historical experience of the state is most succinctly reflected, above all, in the distinctive features of the worldview of China’s political elite. According to

[403] Wang Yi. China Will Continue to Advance a Fair and Orderly Multipolar World: speech at the Munich Security Conference, February 2025 / Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. – Beijing, 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn

[404] Киреев А.А. Политика Китайской Народной Республики в рамках Шанхайской организации сотрудничества и группы БРИКС // Современный Китай в системе международных отношений. –М.: УРСС, 2012.

[405] Внешняя политика КНР: Обеспечение суверенитета и целей развития // URL: http://www.chinastar.ru/rus/1/5/2/

Denny Roy, the key characteristics of the Chinese foreign policy mindset are manifested in the following aspects:

• a Realpolitik-oriented mode of thinking, in which national interests occupy a primary position and the balance of power constitutes a central category of analysis and practice in international relations;

• a conviction in the legitimacy of China’s claims to a special role and significance within the global system, justified by the uniqueness of its millennia-old history and culture, as well as by the scale of its territory and population;

• the perception of a direct interrelationship between unfriendly external policies toward the country and internal instability, with the latter viewed as a factor that may be deliberately sustained by external actors in pursuit of their own strategic interests[406].

From the perspective of Chinese scholars, the key task in shaping the contemporary system of international relations lies in the development of an adaptive model that, on the one hand, advances a paradigm of cooperation among major powers, and on the other acknowledges the inevitability of their strategic competition. Institutional mechanisms embodying this dual reality must simultaneously ensure the stability of the international system while preserving opportunities for states to safeguard their national interests. This paradigm serves as the theoretical foundation of China’s pragmatic foreign policy strategy[407]. At the present stage, China’s foreign policy activity is characterized by a стремлением to create favorable international conditions conducive to the country’s modernization, as well as by the search for its own place within the emerging world order as one of its key poles. Within this geopolitical context, Beijing has undertaken a reassessment of its strategic priorities. The Chinese leadership places particular emphasis on avoiding involvement in armed conflicts, attracting foreign investment and advanced technologies, and expanding trade and economic ties through the development of new export markets[408].

Proceeding from prevailing geopolitical realities, China has begun to assign priority to its immediate regional environment in the implementation of its strategic plans. Beijing seeks to deepen economic and political integration with neighboring states through the establishment of regional institutional structures within its sphere of influence. Such an approach is aimed not only at strengthening regional

[406] Roy D. China’s Foreign Relations. London: Macmillan Press, 1998. - P. 43.
[407] Yan Xuetong. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – P. 42.
[408] Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэцзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития интеграции мировой архитектоники - высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. - С. 11

cooperation but also at mitigating the potential adverse effects of the United States’ policy of geopolitical containment.

China’s regional initiatives—including enhanced engagement with ASEAN, the development of strategic ties with the states of Central Asia, and integration processes within the framework of the Belt and Road Initiative—constitute the practical expression of Beijing’s strategy to shape a stable geoeconomic environment in adjacent regions and to balance U.S. influence. This pragmatic course enables China to maintain flexibility in its foreign policy maneuvering and to ensure strategic autonomy on the international stage[409].

CONCLUSION

Drawing upon its growing international authority and aggregate capabilities, China seeks to strengthen its leadership positions at both the global and regional levels. To this end, Beijing is developing specific formats of engagement with neighboring states aimed at expanding its influence. A significant instrument in this regard is the promotion of the principle of non-interference in the internal affairs of other countries, alongside the active involvement of partners in trade and economic cooperation with China.

REFERENCES

1. Roy D. China’s Foreign Relations. London: Macmillan Press, 1998. - P. 43.
2. Wang Yi. China Will Continue to Advance a Fair and Orderly Multipolar World: speech at the Munich Security Conference, February 2025 / Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. – Beijing, 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn
3. Yan Xuetong. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – P. 42.
4. Боровой В. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны» // Белорусский журнал международного права и международных отношений 2004. № 1. – С. 85.
5. Внешняя политика КНР: Обеспечение суверенитета и целей развития // URL: http://www.chinastar.ru/rus/1/5/2/
6. Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэцзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития

[409] Боровой В. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны» // Белорусский журнал международного права и международных отношений 2004. № 1. – С. 85.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

интеграции мировой архитектоники - высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. - С. 11

7. Киреев А.А. Политика Китайской Народной Республики в рамках Шанхайской организации сотрудничества и группы БРИКС // Современный Китай в системе международных отношений. –М.: УРСС, 2012.

8. 丁仕川. 试论江泽民对邓小平“世界格局观”的继承和发展 // 世界经济与政治.– 1999. – № 11. – С. 23.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

CENTRAL ASIA IN CHINA'S STRATEGIC VISION

Zhao Bing
Tashkent State University of Oriental Studies
Independent Researcher

Abstract. *This article analyzes the role of Central Asia in China's contemporary foreign policy strategy. It examines the key directions of China's policy in the region, including the geopolitical and geoeconomic dimensions of interaction. Particular attention is given to the Belt and Road Initiative as the principal instrument for advancing Beijing's strategic interests in Central Asia. The study explores the mechanisms through which China expands its economic and political influence, as well as issues related to regional security and sustainable development.*

Keywords: *Central Asia, China, foreign policy, geopolitics, geoeconomics, Belt and Road Initiative, international cooperation, strategic interests.*

The dissolution of the USSR in the early 1990s and the subsequent emergence of independent states in Central Asia – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan – gave rise to a qualitatively new configuration of the geopolitical space. These transformations affected not only the Central Asian region but also the entire Eurasian system of international relations. The emergence of new sovereign actors was accompanied by a redistribution of the balance of power, the formation of new patterns of interaction and competition, as well as the growing salience of regional security issues.

Significant changes also occurred in the strategic environment of Iran, Pakistan, and Afghanistan. The appearance of independent Central Asian states created new opportunities for political and economic cooperation, while simultaneously intensifying risks associated with cross-border instability, ethnopolitical conflicts, and competition among external actors for influence in the region. As a result, Central Asia has evolved into a crucial nexus of intersecting interests among regional and global powers.

These processes acquired particular significance for China, primarily in the context of developments along the country's northwestern frontiers, specifically in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. Beijing takes into account that Uyghur populations residing in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan maintain enduring social, cultural, and communicative ties with the Uyghurs of Xinjiang. This factor is regarded by the Chinese leadership as an important element of regional security, as

transboundary ethnocultural linkages may potentially influence domestic political stability and the formation of identity processes in border areas.

A major factor that intensified China’s strategic focus on Central Asia was the terrorist attacks of 11 September 2001 in the United States. In their aftermath, Beijing integrated into the emerging global counterterrorism coalition, engaging with key international actors, including the United States and Russia. In political and strategic terms, this contributed to a reassessment of Central Asia’s role as a space for security provision, where combating transnational threats became one of the priorities of China’s foreign policy.

At the same time, a central direction of Beijing’s geopolitical strategy in the 1990s was the resolution of border issues with both Russia and the Central Asian states – Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. The negotiation process, initiated in 1992, was characterized by a complex dynamic, marked by periods of stagnation as well as phases of gradual progress. Nevertheless, by the mid-1990s, the dialogue between the People’s Republic of China and the Russian Federation had already yielded its first significant results, laying the groundwork for the subsequent stabilization of cross-border interaction.

At the same time, a positive dynamic was also evident in China’s relations with the Central Asian states. Thus, on 10 May 2002, China and Kazakhstan signed a protocol on the delimitation and demarcation of their state border, extending over 1,740 km. This agreement, grounded in established norms of international law, was signed by the Chinese Minister of Foreign Affairs Tang Jiaxuan and his Kazakh counterpart Kassym-Jomart Tokayev, and was subsequently ratified by the parliaments of both countries. For its part, the Kyrgyz Republic and China concluded two protocols in 1996 and 1999 aimed at the final settlement of bilateral border disputes, which constituted an important step in the institutionalization of regional stability.

Within the framework of border settlement, Kyrgyzstan transferred 30,000 hectares of territory to China in accordance with the 1996 agreement, which was later ratified by the national parliament in 1998. A further stage was marked by the 1999 agreement, under which China received an additional 95,000 hectares. These arrangements established an institutional foundation for the normalization of bilateral relations, facilitating a transition toward stable and pragmatic cooperation between Bishkek and Beijing.

Despite this, an initially critical reaction emerged within the country from opposition political forces, which viewed the territorial concessions as a risk to national interests. However, the political stance of President Askar Akayev, who

emphasized the legality and mutually beneficial nature of the agreements reached, played a stabilizing role and contributed to reducing domestic tensions surrounding this issue.

A similar model of settlement was also implemented in relations between Tajikistan and China. In May 2002, during the official visit of the President of Tajikistan, I.Sh. Rahmonov, to Beijing, an agreement was signed providing for the transfer of 1,000 km² of territory to China in exchange for Beijing’s renunciation of claims to 28,000 km² of Tajik territory. This compromise reflected a pragmatic approach by both parties to the resolution of protracted territorial disputes and became an important element in strengthening mutual trust. In 2005, the agreement was ratified by the Majlisi of Tajikistan, thereby definitively consolidating its legal status and confirming the strategic orientation of bilateral cooperation[410].

In engaging in negotiations with the Central Asian states, the Chinese leadership pursued the following objectives:

1. Maintaining stability in its border-adjacent territories and ensuring the economic well-being of its population;
2. Ensuring peace and stability along its borders through the strengthening of a belt of good-neighborliness and friendship[411].

The intensification of China’s foreign policy engagement in Central Asia has not been incidental but strategically grounded. For Beijing, ensuring sustainable stability along its western frontiers is regarded as a key prerequisite for domestic development and national security. In this context, the establishment of good-neighborly and predictable relations with the Central Asian states assumes particular priority.

A defining feature of China’s foreign economic strategy lies in the provision of concessional loans to Central Asian states for large-scale projects, the majority of which are implemented within the region by Chinese companies themselves. At the same time, China tends to employ a “Central Asian resources for Chinese loans” model: by extending substantial financing for project implementation, Beijing stipulates the required volume of long-term raw material supplies, through which the loans are to be repaid[412].

A similar model of foreign economic strategy was tested by China in a number of the least developed countries of Africa. Between 2000 and 2012, the volume of

[410] Комьяр Д. Д., Шахрам Набати. Внешняя политика Китая в Центральной Азии в переходной эре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №3 (56). С.110.
[411] Dwivedi R. Chinas Central Asia Policy in Recent I imes. China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, vol. 4, no 4. P. 139.
[412] Захватов А. Сотрудничество Таджикистана и Китая развивается по китайскому сценарию. URL: http://www. Dialog.tj/news/news20614.

trade turnover between China and African states increased nearly twentyfold, reaching approximately USD 200 billion. This dynamic attests to the high effectiveness of China’s approach, which combines investment activity with the expansion of its economic presence.

The provision of large-scale long-term loans and investments is typically accompanied by the imposition of certain conditions. In particular, recipient countries are expected to grant preferences facilitating the engagement of Chinese labor, ensure duty-free import of Chinese materials and equipment, and create favorable conditions for the implementation of projects involving Chinese companies. In cases of non-compliance with such conditions, Beijing generally reassesses its interest in the project, underscoring the pragmatic nature of its foreign economic policy. In the implementation of its geopolitical and geoeconomic strategy in Central Asia, China assigns central importance to the “Belt and Road Initiative.” Despite its transregional scope and orientation toward fostering infrastructural connectivity across the Eurasian space, Beijing regards Central Asia as its system-forming core. This approach is обусловлен both the region’s geographical position and its strategic potential in facilitating transit and energy flows.

Within the framework of this initiative, China seeks to institutionally integrate the Central Asian states into its own foreign policy and economic architecture. This enables Beijing to strengthen its influence over regional political and economic processes while establishing long-term mechanisms of interdependence. At the same time, the implementation of the project objectively affects the interests of other major actors, including Russia and the United States, thereby imparting an additional geopolitical dimension to the initiative. According to the official action plan, China intends to actively employ both bilateral and multilateral formats of engagement to advance the concept of the “Silk Road.” In this context, emphasis is placed on deepening regional cooperation, developing transport, energy, and trade infrastructure, and establishing sustainable coordination mechanisms to ensure the long-term realization of the initiative’s strategic objectives[413].

As concrete steps toward its implementation, China established the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), the purpose of which is to promote financial cooperation and finance infrastructure projects in Asia, as well as a dedicated Silk Road Fund.

In formulating this strategy, Beijing proceeded from the objective realities of the contemporary period. Following independence, the Central Asian states were

[413] Шаймергенов Т. Экономический пояс шелкового пути: большой проект, большие вопросы // Индекс безопасности. 2015. Т.21. №3. С.14-15.

compelled to seek new markets for their products, replacing those lost after the dissolution of the USSR. However, the region’s isolation and distance from major maritime trade routes, the sharp reduction in trade ties with Russia, and other factors led to increased costs and, consequently, a decline in the competitiveness of their principal export commodities, primarily agricultural and energy products.

REFERENCES:

1. Dwivedi R. Chinas Central Asia Policy in Recent I imes. China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, vol. 4, no 4. P. 139.
2. Арутюнова Г. И. , Султыкова А. А. Зачем Китаю Центральная Азия? // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №4. С. 162.
3. «Белая книга о мирном развитии Китая». Пекин, 2011. С.3.
4. Долгоновская П. А. Инвестиции Китая в страны Центральной Азии // Энергетика и инновации на перекрестке мировой политике. 2014. С.139.
5. Комьяр Д. Д., Шахрам Набати. Внешняя политика Китая в Центральной Азии в переходной эре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №3 (56). С.110.
6. Лузянин С. Политика России и Китая в «классической» Центральной Азии и формирование их обновленного имиджа в регионе / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2009. С. 78-79.
7. Материалы XIX съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 2017.Захватов А. Сотрудничество Таджикистана и Китая развивается по китайскому сценарию. URL: http://www. Dialog.tj/news/news20614.
8. Шаймергенов Т. Экономический пояс шелкового пути: большой проект, большие вопросы // Индекс безопасности. 2015. Т.21. №3. С.14-15.
9. Сыроежкин К. Л. Проект «Экономический пояс шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальной трансформации. 2016. Вып. 6. Т.9. С. 104.
10. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее// Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете. 16.09.2013. URL http //kz.china-embssy.org/rus/zhgx/t1077192.htm.(дата обращения 30.07.2018)
11. Умаров А.А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. №1(18). С. 134
12. Соглашение между правительством КНР и правительством республики Таджикистан об укреплении сотрудничества СУАР КНР и республикой Таджикистан. Урумчи СУАР КНР. 2010. 17 июня.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

CONSTITUTIONAL MOVEMENTS AND PARTY ACTIVITY IN IRAN

Koraboyev Murodjon
Researcher of TSUOS

Abstract. *This article investigates the socio-political preconditions, structural dynamics, and historical consequences of the Constitutional Movement in Iran during the late nineteenth and early twentieth centuries. Drawing upon an analysis of internal governance failures and external geopolitical pressures, the study demonstrates how the systemic crisis of the Qajar state – characterized by fiscal disorder, judicial dysfunction, centralized despotism, and the progressive erosion of economic sovereignty through foreign concessions – generated the conditions from which a broad-based constitutional movement emerged. The article further examines the multi-stage character of the Constitutional Revolution of 1905-1911, the role of merchants, clergy, and intellectuals as its principal social constituencies, and the foundational significance of the 1906 Constitution and the establishment of the Majlis. Special attention is devoted to the formation of Iran's first political parties and civic organizations, which laid the institutional groundwork for parliamentary culture and political pluralism. The study concludes that the Constitutional Movement, despite its incomplete realization, constitutes a defining episode in Iranian political modernization and a durable reference point for subsequent struggles over constitutionalism, sovereignty, and the rule of law.*

Keywords: *Iran, Qajar dynasty, Constitutional Movement, Constitutional Revolution, Majlis, constitutionalism, rule of law, political parties, civil society, Iranian modernization.*

The late nineteenth and early twentieth centuries marked a period of acute and systemic crisis in the socio-political life of Iranian society. Under the Qajar dynasty, the political and economic trajectory of the country underwent a pronounced deceleration: state administration became increasingly decentralized, structurally incoherent, and operationally ineffective[414]. The absolute nature of royal authority, coupled with a systematic disregard for the interests of diverse social constituencies in the process of political decision-making, engendered widespread and deepening discontent across Iranian society[415]. Of particular gravity was the progressive expansion of foreign state control over the strategic sectors of the national economy,

[414] Abrahamian E. *Iran Between Two Revolutions*. – Princeton: Princeton University Press, 1982. – p. 12.
[415] Katouzian H. *State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis*. – London: I.B. Tauris, 2006. – p. 34.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

which emerged as a direct and palpable threat to Iranian sovereignty[416]. Concessions, trade monopoly rights, and financial privileges extended to foreign capital were fundamentally incompatible with national economic interests, and contributed measurably to the deterioration of living conditions among the broader population.

Against this backdrop, the disintegration of the state fiscal system, the disproportionate concentration of the tax burden upon ordinary citizens, and the steady accumulation of sovereign debt served to intensify social tensions further. The pervasive injustice of the judicial system, the arbitrary conduct of officials and provincial administrators, and the persistent failure to uphold the rule of law generated an urgent and widely shared demand for substantive political reform throughout Iranian society. Consequently, organized movements oriented toward the fundamental restructuring of the existing political order began to crystallize within the Iranian public sphere.

It was within this precise historical conjuncture that the Constitutional Movement emerged as a decisive turning point in Iranian history – one aimed at the thoroughgoing reform of the political system[417]. The movement advanced a coherent set of programmatic demands: the curtailment of absolute monarchical power, the institutionalization of the rule of law, the establishment of a parliament (Majlis) as a representative legislative body, and the expansion of public participation in state governance. In this manner, the Constitutional Movement evolved into a broad political coalition that brought together the aspirations of diverse social groups, including merchants, intellectuals, artisans, and significant segments of the religious establishment.

The formation and subsequent development of the Iranian Constitutional Movement were determined by a complex interplay of internal and external forces, each of which exercised a decisive influence on its character and trajectory. Among the internal determinants, the most consequential were the progressive weakening of central governmental authority, the deepening of the fiscal crisis, the inequitable distribution of the tax burden, endemic corruption within the state apparatus, and the systemic inefficiency of the judicial system. These compounding structural failures deepened social inequality and accelerated the transformation of diffuse political discontent into organized mass mobilization.

The external dimension of the movement's formation was equally significant. The intensifying geopolitical competition between the Russian Empire and Great Britain for spheres of influence within Iran – together with the expanding

[416]Cronin S. *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800*. – London: Routledge, 2013. – p. 78.
[417] Abrahamian E. *A History of Modern Iran*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – p. 42.

penetration of foreign capital into the country's economic infrastructure – undermined national sovereignty in concrete and verifiable ways[418]. At the same time, the circulation of European Enlightenment thought and constitutional ideas, disseminated through Iranian intellectuals who had studied abroad or engaged with liberal political discourse through translated literature and émigré publications, introduced new ideological frameworks and galvanized aspirations for representative government.

The Iranian intelligentsia, drawing upon the constitutional experiments of the Ottoman Empire, the Russian Revolution of 1905, and the broader wave of political transformation sweeping Asia and Europe, elaborated a coherent vision of constitutional governance adapted to Iranian conditions[419]. Progressive religious scholars likewise played an important role in legitimizing the constitutional cause: by situating support for constitutionalism within an Islamic legal framework, they made the movement accessible to devout segments of the population who might otherwise have regarded political reform with wariness or suspicion. External economic interference by foreign powers, most notably through concession agreements that subordinated key sectors of the Iranian economy to foreign interests, further consolidated cross-class opposition to the status quo. This convergence of grievances – material, juridical, and ideological – united broad social constituencies around the shared goals of constitutional reform and the construction of a state governed by law.

In this way, the Constitutional Movement acquired significance extending well beyond the institutional reform of the political system. It came to represent a broader awakening of national consciousness and a determined effort to reconstitute the relationship between state and society on new, legally grounded foundations.

The Constitutional Revolution that unfolded in Iran between 1905 and 1911 constituted a complex and multi-phased historical process. At its core, the revolution represented a wide-ranging effort to limit absolute monarchical rule, to subject political power to a legal and normative framework, and to embed juridical principles at the foundation of public life. In its initial phase, the revolution manifested through social protest, mass demonstrations, and the articulation of political demands. Merchants, artisans, intellectuals, and segments of the clergy joined forces in opposition to administrative injustice, the weight of fiscal exploitation, and the growing encroachment of foreign influence, collectively demanding systemic reform.

[418] Cronin S. *Iranian-Russian Encounters*. – London: Routledge, 2013. – p. 81.
[419] Martin V. *Islam and Modernism: The Iranian Revolution of 1906*. – London: I.B. Tauris, 2010. – p. 95.

The year 1906 marked the pivotal inflection point in the history of the constitutional movement. It was in this year that the establishment of the Majlis as a representative legislative body and the promulgation of the Constitution created the juridical foundation for fundamental transformation of the Iranian political system. The Constitution provided for limitations on royal prerogative, the delineation of parliamentary authority, and the formal recognition of certain political rights for citizens. This document represented the first systematic attempt to introduce the principles of the rule of law and governmental accountability into Iranian state practice. Its implementation, however, proved far from straightforward and gave rise to intensifying political contradictions.

In the subsequent phases of the revolution, a prolonged struggle emerged between those committed to consolidating the constitutional order and the forces arrayed against it[420]. Proponents of absolute monarchy, certain military circles, and actors serving the strategic interests of foreign powers sought to constrain and reverse the constitutional reforms. This resistance produced political instability, armed confrontations, and the escalation of internal conflicts. Nevertheless, constitutionalist forces continued to pursue an active course aimed at strengthening the role of parliament in state governance, securing the maintenance of legality, and advancing the reformist agenda.

In the course of the Constitutional Movement, Iran witnessed for the first time the emergence of political parties and public-political associations [421] . The Democrats, the Moderates (Moderates' Party), and other political groupings advanced agendas centered on social reform, the development of parliamentary institutions, and the expansion of civil liberties. Through their respective platforms, these parties sought to secure meaningful participation in state governance, to promote political accountability, and to ensure the supremacy of law. Their activities gave rise to a genuine plurality of political viewpoints and exerted a formative influence on the development of political consciousness and civic culture within Iranian society.

The clergy and the merchant-bourgeois strata constituted two of the leading social forces within the Constitutional Movement. Whereas the religious establishment sought to reconcile the constitutional order with the principles of Islamic law (sharia), the national bourgeoisie pursued the expansion of economic independence and broader political representation. This intersection of religious legitimacy and commercial interest provided the movement with an exceptionally

[420] Abrahamian E. *Iran Between Two Revolutions*. – Princeton: Princeton University Press, 1982. – p. 25.
[421] Bayat M. *Iran’s First Revolution*. – New York: Oxford University Press, 1991. – p. 95.

wide social base, enabling it to sustain pressure upon the existing political order from multiple directions simultaneously.

As a result, the Constitutional Revolution not only initiated significant institutional transformations within the Iranian political system, but also created enduring foundations for the subsequent development of party organization, parliamentary culture, and political participation. This process occupies a distinctive and irreplaceable place in Iran's political history as a formative experience whose influence extended far beyond the immediate period of the revolution itself.

The Constitutional Movement in Iran and the party-political activity that developed within its framework constituted a pivotal stage in the awakening of political consciousness and the consolidation of reformist thought in the country's history[422]. This process drew diverse segments of society into active engagement with political life, and served to disseminate the ideas of limiting governmental power, upholding the rule of law, and introducing the principle of representation into state governance. The parliamentary system, political parties, and civic associations that took shape as a result of the Constitutional Movement laid the groundwork for the emergence of a new political culture in Iranian society.

The movement also accelerated the development of civil society, enhanced political accountability, and fostered the growth of legal consciousness among the population. Although the constitutional order proved unable to achieve full stabilization in the face of persistent internal conflicts, political instability, and external interference, it left behind a substantial and enduring historical legacy. It was during this period that the necessity of political reform, and the imperative of regulating the relationship between state and society on a legal basis, first became a matter of broad public recognition and deliberate political aspiration.

Consequently, the Constitutional Movement and the experience of party-political activity associated with it served as a foundational historical reference for subsequent political processes – including the development of ideas of national statehood, the construction of modern political institutions, and the gradual formation of a contemporary political system in Iran. This historical experience retains substantial scholarly and practical relevance: it illuminates the principles of continuity and heritage in Iranian political development, and provides an indispensable analytical framework for the evaluation of contemporary political reform.

[422] Abrahamian E. *Iran Between Two Revolutions.* – Princeton: Princeton University Press, 1982. – p. 30.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

REFERENCES

1. Abrahamian E. Iran Between Two Revolutions. – Princeton: Princeton University Press, 1982. – p. 12-30.
2. Abrahamian E. A History of Modern Iran. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – p. 42.
3. Bayat M. Iran’s First Revolution. – New York: Oxford University Press, 1991. – p. 95.
4. Cronin S. Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. – London: Routledge, 2013. – p. 78.
5. Katouzian H. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. – London: I.B. Tauris, 2006. – p. 34.
6. Martin V. Islam and Modernism: The Iranian Revolution of 1906. – London: I.B. Tauris, 2010. – p. 95.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

XITOY DAVLAT BOSHQARUVI TIZIMINING MODERNIZATSIYA MASALASI

Abdulxayev Abdurashid Nodir o‘g‘li,
TDSHU mustaqil tadqiqotchisi

Annotatsiya: *Mazkur maqolada Xitoy Xalq Respublikasi davlat boshqaruvi tizimining modernizatsiya jarayonlari tahlil qilingan bo‘lib, Xitoyda davlat boshqaruvi evolyutsiyasining asosiy bosqichlari, ayniqsa, islohotlar va ochiqlik siyosati davridan boshlab hozirgi kungacha bo‘lgan transformatsiya jarayonlari yoritilgan. Davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiya qilishda institutsional islohotlar, raqamli boshqaruv mexanizmlari, shuningdek, partiya-davlat munosabatlarining o‘ziga xos jihatlari, globallashuv sharoitida Xitoy davlat boshqaruvi tizimining milliy xususiyatlarini saqlab qolish va uni zamonaviy talablarga moslashtirish masalalariga alohida e‘tibor qaratilgan.*

Kalit so‘zlar: *Xitoy Xalq Respublikasi, davlat boshqaruvi, modernizatsiya, institutsional islohotlar, partiya-davlat munosabatlari, boshqaruv samaradorligi, globallashuv, siyosiy transformatsiya.*

Аннотация: *В данной статье проанализированы процессы модернизации системы государственного управления Китайской Народной Республики. Освещены основные этапы эволюции государственного управления в Китае, в особенности трансформационные процессы, начиная с периода политики реформ и открытости до настоящего времени. Особое внимание уделено институциональным реформам, механизмам цифрового управления, а также специфике отношений между партией и государством в контексте модернизации системы управления. Рассматриваются вопросы сохранения национальных особенностей системы государственного управления Китая в условиях глобализации и ее адаптации к современным требованиям.*

Ключевые слова: *Китайская Народная Республика, государственное управление, модернизация, институциональные реформы, отношения партия–государство, эффективность управления, глобализация, политическая трансформация.*

Abstract: *This article analyzes the modernization processes of the public administration system of the People’s Republic of China. It examines the main stages in the evolution of China’s governance system, with particular emphasis on*

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

transformation processes from the period of reform and opening-up to the present day. Special attention is given to institutional reforms, digital governance mechanisms, and the specific features of party–state relations in the context of modernization. The study also addresses the preservation of national characteristics of China’s governance system under globalization and its adaptation to contemporary requirements.

Keywords: *People’s Republic of China, public administration, modernization, institutional reforms, party-state relations, governance efficiency, globalization, political transformation.*

Xitoy Xalq Respublikasida davlat boshqaruvi tizimi modernizatsiyasi mamlakat siyosiy rivojlanishining markaziy institutsional mexanizmi hisoblanadi. Mazkur jarayonni faqat iqtisodiy islohotlar yoki mafkuraviy transformatsiya doirasida tushuntirish mumkin emas, chunki u davlatning institutsional qobiliyati, siyosiy nazorat mexanizmlari, huquqiy tartibga solish tizimi va strategik rejalashtirish modelining uzviy transformatsiyasi bilan bog‘liq. Davlat boshqaruvining modernizatsiyasi Xitoyda davlat va jamiyat o‘rtasidagi munosabatlarni qayta tashkil qilish, siyosiy legitimlikni qayta ishlab chiqish va davlatning rivojlanish jarayonlarini samarali boshqarish qobiliyatini oshirishga qaratilgan uzoq muddatli siyosiy strategiya sifatida namoyon bo‘ldi. Siyosiy modernizatsiya nazariyasi asosida davlat boshqaruvi transformatsiyasi institutsionallashuv darajasi, davlat avtonomiyasi va davlat qobiliyati tushunchalari orqali tahlil qilinadi.

Davlat boshqaruvi modernizatsiyasi tushunchasi davlat organlari tuzilmasini, boshqaruv usullarini va qaror qabul qilish mexanizmlarini zamon talablariga moslashtirish jarayonini anglatadi. Institutsional islohot ma’muriy apparat, sud tizimi, qonunchilik organlari, nazorat mexanizmlari kabi davlatning rasmiy institutlari tuzilmasi va funksiyalarini tubdan o‘zgartirishni bildiradi. Siyosiy modernizatsiya kengroq tushuncha bo‘lib, u nafaqat institutsional islohotlarni, balki siyosiy madaniyat, siyosiy ishtirok va legitimlik mexanizmlarini ham qamrab oladi[423]. Xitoy kontekstida bu tushunchalar o‘ziga xos mazmunga ega. Xususan, davlat boshqaruvi modernizatsiyasi Xitoy Kommunistik partiyasi rahbarligini saqlagan holda institutsional samaradorlikni oshirish, siyosiy modernizatsiya esa G‘arb davlatlari liberal-demokratik modeliga o‘tish emas, balki “Xitoyga xos sotsializm” tamoyilidagi tizimli takomillashishni anglatadi.

[423]Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. –М.: Прогресс-Традиция, 2004. –С. 56.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Xitoy davlat boshqaruvi tizimining modernizatsiyasi jarayonini faqat iqtisodiy o‘sishni ta’minlash yoki mafkuraviy transformatsiya bilan cheklash mumkin emas. U davlat salohiyatining institutsional shakllanishi, partiya-davlat munosabatlari qayta konfiguratsiya qilinishi, huquqiy normalizatsiya va boshqaruv mexanizmlari rasionallashuvi bilan bog‘liq kompleks siyosiy jarayondir. Zero, siyosiy fanlarda modernizatsiya tushunchasi institutsional differensiatsiya, siyosiy legitimlik shakllarining o‘zgarishi va davlat qobiliyatining mustahkamlanishi bilan bog‘liq holda talqin qilinadi. Modernizatsiya ijtimoiy mobilizatsiya bilan institutlar mustahkamligi o‘rtasidagi muvozanat yoki sivilizatsion adaptatsiya sifatida talqin qilinadi. Xitoy holatida modernizatsiya aynan davlat institutlarini buzmasdan transformatsiya qilish orqali amalga oshirilgani bilan ajralib turadi.

Davlat boshqaruvi siyosati tarixi shuni ko‘rsatadiki, Xitoy Xalq Respublikasi tashkil topishi inqilobiy yo‘l bilan amalga oshirilganligi sababli, boshqaruv amaliyotida harbiy-inqilobiy usullar muayyan darajada saqlanib qoldi. Bu esa boshqaruv institutsionallashuvi jarayoniga sezilarli ta’sir ko‘rsatdi. 1954-yilda Konstitutsiya qabul qilinganidan keyin davlat boshqaruvi tizimini institutsional rivojlantirish jarayoni boshlandi. Sobiq Sovet Ittifoqi tajribasi muayyan darajada muhim ahamiyatga ega bo‘lgan bo‘lsa-da, Xitoy o‘z milliy xususiyatlariga mos keluvchi mustaqil boshqaruv modelini shakllantirishga intildi.

Xitoyda davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiyalash jarayonining nazariy asoslari bevosita Kommunistik partiyaning sotsialistik modernizatsiya siyosatini shakllantirish tarixi bilan bog‘liq. Xitoyda Mao Szedunning rahbarlik davrida davlat boshqaruvi mafkuraviy mobilizatsiyaga tayangan volyuntaristik xarakter kasb etgan. Mao Szedunning “O‘nta muhim o‘zaro munosabat haqida” asari markaz va mahalliy hokimiyat, sanoat va qishloq xo‘jaligi, mudofaa va iqtisod o‘rtasidagi nisbatni belgilashga urinish bo‘lgan. Biroq institutsional barqarorlik emas, mafkuraviy safarbarlik ustuvor bo‘lgan. Bu esa siyosiy tizimning institutsionallashuv darajasini cheklagan. 1978-yilgi Xitoy Kommunistik partiyasi Markaziy Kengashining 3-plenumi burilish nuqtasi bo‘lgan. Den Syaopin ilgari surgan «amaliyot – haqiqat mezoni» tamoyili nazariy dogmatizmdan institutsional pragmatizmga o‘tishni anglatdi. Xitoyda siyosat markaziy qaror orqali emas, mahalliy darajadagi tajribalar orqali shakllantirildi.

Ayrim ekspertlar Xitoy modelini avtoritar barqarorlik sifatida ta’riflar ekanlar, ushbu konsepsiyaga ko‘ra, davlat institutsional adaptatsiya orqali inqirozdan qochadi[424]. Davlat boshqaruvida kadrlar tanlash tizimi, partiya nazorati va natijaga

[424]Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation / – Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008. – P. 103–125.

yo‘naltirilgan baholash mexanizmi muhim rol o‘ynadi. 2000-yildagi “uch vakillik” konsepsiyasi asosida sinfiy cheklovlar yumshatilib, xususiy sektor va tadbirkorlar siyosiy tizimga integratsiya qilingani institutsional inklyuziyaning pragmatik shakli edi.

Xu Szintao davrida “ilmiy rivojlanish konsepsiyasi” yalpi o‘sishdan sifatli o‘sishga o‘tishni belgiladi. Bu davlat boshqaruvida strategik rejalashtirish va ijtimoiy barqarorlikni muvozanatlashtirishga qaratilgan edi. O‘z navbatida, Si Szinpin davrida modernizatsiya davlat boshqaruvi salohiyatini modernizatsiya qilishga intildi. 2018-yil Xitoyda Konstitutsiyaga kiritilgan o‘zgarishlar partiya yetakchiligini institutsional jihatdan yanada mustahkamladi. Ushbu jarayon markazlashuvning kuchayishi sifatida baholanib, institutsional konsolidatsiya deb e’tirof etilgan.

1980-yillar Den Syaopin rahbarligida davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiya qilish bo‘yicha keng ko‘lamli chora-tadbirlar amalga oshirildi. Ushbu islohotlar partiya va davlat funksiyalarini farqlash, davlat xizmati tizimini shakllantirish, rahbar kadrlar almashinuvini institutsionallashtirish va boshqaruvning huquqiy asoslarini mustahkamlashga qaratildi. Modernizatsiya siyosatining konseptual asoslari Xitoyning markaziy “Jenmin jibao” gazetasi sahifalarida e’lon qilingan shiorlar, tezis va tamoyillarda o‘z ifodasini topgan[425]. Bunda o‘z kuchlariga tayanish tamoyilini chet el tajribasi va texnologiyalarini o‘zlashtirish bilan uyg‘unlashtirish, mafkuraviy-siyosiy faoliyatning iqtisodiy va boshqa har qanday sohaning asosi ekanligi, Kommunistik partiya rahbarligida ko‘p partiyaviy hamkorlik va siyosiy maslahatlashuvlar tizimini takomillashtirish zaruriyati, raqobatbardosh iqtisodiyotni shakllantirish, innovatsiyalarni rivojlantirish, aholining barcha qatlamlari, davlat, jamoa va shaxsiy manfaatlarni inobatga olgan holda yagona rejalashtirish tamoyili alohida o‘rin tutdi. Barcha ijobiy omillarni harakatga keltirish va salbiy omillarni ijobiyga aylantirish orqali xalqlarni kuchli sotsialistik davlat qurish yo‘lida jipslashtirish g‘oyasi barcha tamoyillarni birlashtiruvchi asos bo‘ldi.

Mao Szedunning “O‘nta muhim o‘zaro munosabat haqida” asaridan olingan asosiy tamoyillar modernizatsiya nazariyasining metodologik negizi sifatida belgilandi[426]. Xususan, realistik yondashuv, suverenitet va o‘z-o‘ziga tayanish kabi tamoyillar formal emas, balki amaliy ahamiyatga ega bo‘ldi. Bunda realistik yondashuv jamiyatning barcha sohalarida zamonga mos tadrijiy taraqqiyotga yo‘l ochdi, mustaqillik tamoyili Xitoyning o‘ziga xos siyosiy kursini ishlab chiqishga

[425]Жэньминь жибао. – 1978. – 11 мая. – С. 1.
[426]Мао, Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях / Цзэдун Мао // Избранные произведения. Т. 5. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1977. – С. 267–288.

imkon yaratdi, davlat tasarrufidagi iqtisodiyotda modernizatsiyaning soddalashtirilgan shakl va usullarini qo‘llashga asos bo‘ldi.

Den Syaopin tomonidan ilgari surilgan “amaliyot – haqiqat mezoni” tamoyili modernizatsiya jarayonining metodologik burilish nuqtasi bo‘ldi[427]. Ushbu tamoyil yordamida klassik marksistik-lenincha nazariy yondashuv bilan Xitoyning haqiqiy voqeligi o‘rtasidagi bir qator ziddiyatlar aniqlandi. Natijada mamlakatda shunday ijtimoiy-siyosiy muhit yaratildiki, unda Den Syaopin partiya va davlat ishidagi tajribasiga tayanib, vaziyatni empirik qoidalar darajasida boshqara oldi. U aniq, vaqt xarakteriga mos siyosiy lozunglar bilan ilmiy asoslangan xulosalarning yo‘qligini to‘liq qopladi. “Toshlarni paypaslab daryoni kesib o‘tish” tamoyili yana bir bor partiyaning siyosiy uslubi deb e’lon qilindi va islohotlarning metodologik darajadagi muvaffaqiyatini oldindan belgiladi.

Xitoy Kommunistik partiyasining 1987-yilda o‘tkazilgan XIII syezdida siyosiy tizimni isloh qilish masalasiga alohida e’tibor qaratilgan. Syezd materiallarida sotsialistik tovar iqtisodiyotini rivojlantirish jarayoniga sotsialistik siyosiy demokratiya qurilishi jarayoni hamrohlik qilishi zarur deb ta’kidlandi[428]. Xitoyda rahbarlik tizimida, ishning tashkiliy shakl va usullarida hali ham salbiy hodisalar (hokimiyatning haddan tashqari markazlashuvi va byurokratizm) mavjudligi ochiq tan olindi. Siyosiy tizimni qayta qurishning bosh maqsadi xitoy xususiyatlariga ega sotsialistik demokratiyani rivojlantirish, istiqbolda yuqori rivojlangan demokratiyaga va mukammal huquqiy tartibga ega hayot qobiliyatli sotsialistik siyosiy tizimni barpo etishdan iborat ekanligi belgilandi. Bu borada eng muhim vazifa partiyaviy va hukumat organlari funksiyalarini aniq ajratish deb e’tirof qilindi, chunki ko‘pincha partiya hokimiyat organlarining ishini nazorat qilish o‘rniga ularning vazifasini o‘zi bajarar edi.

Davlat boshqaruvini modernizatsiyalashning konstitutsiyaviy asoslari bosqichma-bosqich mustahkamlab borildi. 1982-yilda qabul qilingan XXR Konstitutsiyasiga 1988, 1993, 1999, 2004, 2018-yillarda tuzatishlar kiritildi[429]. Har bir tuzatish davri modernizatsiya jarayonining yangi bosqichini konstitutsiyaviy jihatdan mustahkamladi. “Xitoyga xos sotsializm” tushunchasi aniqlashtirildi. Den Syaopin tomonidan ilgari surilgan to‘rt modernizatsiya formulasiga “moddiy, siyosiy va ma’naviy sivilizatsiyalarning mutanosib rivojlanishi” iboralari qo‘shildi. Bu to‘ldirish siyosiy islohotlarni davom ettirish, madaniyat, mafkura va ta’lim sohasidagi siyosatni rivojlantirish uchun moslashuvchan huquqiy asos yaratdi.

[427]Дэн, Сяопин. Избранные произведения. Т. 2 / Сяопин Дэн. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1994. – С. 150.
[428]Материалы XIII Всекитайского съезда КПК. –Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1988. - С. 14.
[429]Конституция Китайской Народной Республики: принята 4 дек. 1982 г. с поправками 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 гг. – Пекин : Вайвэнь чубаньшэ, 2018. – 92 с.

Konstitutsiyaga inson huquqlarini hurmat qilish va kafolatlash, ijtimoiy ta’minot tizimini yaratish bo‘yicha davlatning majburiyatlari kiritildi. Shuningdek, xususiy mulkchilik huquqlari va uning davlat mulkchiligi bilan iqtisodiy teng huquqliligi konstitutsiyaviy darajada mustahkamlandi.

1990-2000-yillardagi globallashuv jarayonlari, ikki qutbli tizim parchalanishi va Sovet Ittifoqining tarqalishi Xitoy rahbariyatidan sotsializm tajribasini tubdan qayta anglashni talab qildi. 2002-yil noyabrda o‘tkazilgan Xitoy Kommunistik partiyasining XVI syezdida Szyan Szemin bu davrni quyidagicha baholagan: “Mamlakatda jiddiy siyosiy to‘lqinlar yuz berdi, Sharqiy Yevropada keskin o‘zgarishlar sodir bo‘ldi, Sovet Ittifoqi parchalandi, jahon sotsializmi jiddiy tebranishlarni boshidan kechirdi”[430]. Bunday sharoitda sotsialistik bozor iqtisodiyoti tizimini yaratish, ya’ni shu paytgacha mos kelmaydi deb hisoblangan sotsialistik va kapitalistik asoslarni birlashtirgan iqtisodiy tizimni shakllantirish strategik qaror sifatida qabul qilindi. XKP XIV s’ezdi sotsialistik bozor iqtisodiyoti tizimini yaratishni modernizatsiyaning asosiy maqsadi sifatida belgiladi. Shu tariqa, mamlakatda olib borilayotgan siyosiy o‘zgartishlar mohiyatan sotsialistik qadriyatlardan voz kechmagan holda o‘z milliy rivojlanish yo‘lini topish harakatini anglatar edi.

Xitoyda Xu Szintao rahbarligi davrida modernizatsiya strategiyasida muhim konseptual siljish yuz berdi. Bunda inson manfaatlari asosiy e’tiborda bo‘lgan kompleks rivojlanish modernizatsiyaning bosh maqsadi deb e’lon qilindi[431]. Ilmiy rivojlanish konsepsiyasi doirasida yalpi ichki mahsulotni oshirishdan har tomonlama rivojlanish va islohotlar davomida yuzaga kelgan ziddiyatlarni bartaraf etish ustuvorligiga o‘tildi. Ushbu yondashuv iqtisodiyot va ijtimoiy sohaning muvofiq rivojlanishi, shahar va qishloqning mutanosib rivojlanishi, mintaqalarning mutanosib taraqqiyoti, inson va tabiatning uyg‘unligi, ichki rivojlanish va tashqi ochiqlikning muvozanati formulasida ifodalandi. Bu strategiya jamiyat taraqqiyotiga yanada kompleks yondashuv shakllanganligidan dalolat berdi.

2013-yildan boshlab davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiya qilish yangi bosqichga kirdi. Jumladan, Xitoy raisi Si Szinpin rahbarligida davlat boshqaruvini takomillashtirish, partiyaning yetakchilik rolini mustahkamlash va boshqaruvning huquqiy mexanizmlarini rivojlantirishga qaratilgan keng ko‘lamli islohotlar amalga oshirilmoqda. Xitoyda Si Szinpin raislik davri davlat boshqaruvining siyosiy modernizatsiya qilish strategik masala sifatida kun tartibiga olib chiqildi. Xitoy raisi Si Szinpin rahbarligida amalga oshirilayotgan islohotlar davlat boshqaruvi tizimini

[430]Цзян Цзэминь. Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. – 18.11.2002. - С. 1-4.
[431]Ху Цзиньтао. Доклад на XVII Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. – 2007. – 25 окт. – С. 1–3.

modernizatsiya qilishning yangi bosqichini boshlab berdi va Xitoyning siyosiy barqarorligi hamda institutsional rivojlanishini ta’minlashda muhim omil bo‘lib xizmat qilmoqda. Xususan, davlat boshqaruvi tizimi va boshqaruv salohiyatini modernizatsiyalash bosh maqsad sifatida belgilandi[432]. 2024-yil iyulda bo‘lib o‘tgan XKP MKning 20-chaqiriq 3-plenumida “Xitoy modernizatsiyasini ilgari surish maqsadida islohotlarni har tomonlama chuqurlashtirish to‘g‘risida”gi qaror qabul qilindi[433].

Si Szinpinning nuqtai nazaricha, modernizatsiya jarayoni “Xitoyning buyuk va murakkab ishlaridan bo‘lib, modernizatsiya qilingan sotsialistik davlatni qurish xalq manfaatlariga mos keladi”[434]. Ushbu hujjat 15 ta bo‘lim va 60 ta moddadan iborat bo‘lib, 300 dan ziyod yirik islohot tashabbusini o‘z ichiga olgan. Barcha islohot vazifalari 2029-yilga qadar bajarilishi belgilangan. 2035-yilga qadar esa yuqori darajali sotsialistik bozor iqtisodiyoti tizimini to‘liq shakllantirish, davlat boshqaruvi tizimi va salohiyatini umuman modernizatsiyalash va sotsialistik modernizatsiyani asosan yakunlash maqsad qilingan. Bunda davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiya qilishning asosiy yo‘nalishlari quyidagilardan iborat deb belgilangan:

– partiyaning davlat va jamiyat ustidan rahbarligini mustahkamlash;
– davlat boshqaruvining huquqiy asoslarini rivojlantirish;
– nazorat va hisobdorlik mexanizmlarini kuchaytirish;
– korrupsiyaga qarshi kurashni kuchaytirish;
– kadrlar siyosatini takomillashtirish;
– partiya va davlat organlarini muvofiqlashtirishni rivojlantirish.

Modernizatsiya jarayonining empirik natijalari o‘tgan o‘n yilliklar davomida salmoqli ko‘rsatkichlarda ifodalangan. Xitoyning yalpi ichki mahsuloti 2012-yildagi 54,8 trln yuandan 2024-yilda 140,2 trln yuanga, ya’ni 2,5 barobarga oshgan. Aholi jon boshiga YaIM 2012-yildagi 40431 yuandan 2024-yilda 99665 yuanga ko‘tarilib, dunyo bo‘yicha o‘rtacha ko‘rsatkichidan oshib ketdi va kambag‘allik darajasi keskin kamaydi [435] . 2012-2020-yillar 98,99 million qishloq aholisi mutlaq kambag‘allikdan chiqarildi. Urbanizatsiya darajasi 2012-yildagi 52,6 foizdan 2023-

[432]Си Цзиньпин. Об управлении государством. Т. 1 / - Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2014. – С. 67.
[433]Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации: принято 3-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 18 июля 2024 г. // Синьхуа. – 21.07.2024.
[434] 新华社北京 10 月 23 日电 刚刚在中国共产党第二十届中央委员会第一次全体会议上当选的中共中央总书记习近平和中共中央政治局常委李强、赵乐际、王沪宁、蔡奇、丁薛祥、李希，23 日中午在人民大会堂同采访中共二十大的中外记者亲切见面. https://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/23/c_1129076161.htm
[435]World Bank. China Economic Update. – Washington : World Bank Group, 2024. – P. 12.

yilda 66,2 foizga yetgan[436]. 2025-yil birinchi yarmida iqtisodiy o‘sish sur’ati 5,3 foizni tashkil etib, 2024- yil 5 foizdan yuqori bo‘lgan. Bu ko‘rsatkichlar davlat boshqaruvi tizimidagi institutsional islohotlarning iqtisodiy samaradorligini yaqqol ko‘rsatadi.

Xitoydagi modernizatsiya jarayoni iqtisodiy islohotlarning siyosiy transformatsiyadan ustuvorligi tamoyiliga asoslangan. Markazlashgan rahbarlik va uzoq muddatli strategik rejalashtirish pragmatizm, tadrijiylik va xalqaro hamkorlik bilan uyg‘unlashtirildi. Bunday model xalqaro munosabatlar nazariyasidagi siyosiy realizm, ya’ni davlat qudratini mustahkamlash va strategik resurslarni jamlash hamda siyosiy liberalizmning institutsional islohotlar, manfaatlarni muvofiqlashtirish va xalqaro hamkorlik elementlarining o‘ziga xos sintezini ifodalagan[437]. Xitoy tajribasi davlat salohiyatining ahamiyatini va institutsional mexanizmlar zarurligini o‘zida tasdiqlagan.

Yuqoridagilardan kelib chiqib, quyidagicha xulosa qilish mumkin:

Xitoy raisi Si Szinpin tomonidan ilgari surilgan “Yangi davr Xitoyga xos sotsializm” konsepsiyasi doirasida XXR davlat boshqaruvi tizimini modernizatsiya qilish jarayoni Xitoy Kommunistik partiyasining yetakchi rolini huquqiy, institutsional va tashkiliy jihatdan mustahkamlashga qaratilgan tizimli siyosiy transformatsiya sifatida namoyon bo‘lmoqda. Ushbu jarayon tarixiy vorislik va institutsional innovatsiyalar uyg‘unligi asosida amalga oshirilib, davlat apparatini rasionallashtirish, nazorat mexanizmlarini kuchaytirish va boshqaruv samaradorligini oshirish orqali davlat salohiyatini mustahkamlashga xizmat qilmoqda. Mazkur transformatsiya davlat qudratini konsolidatsiyalash va strategik boshqaruvni markazlashtirishning samarali mexanizmi sifatida namoyon bo‘layotgan bo‘lsa-da, uning uzoq muddatli barqarorligi institutsional muvozanat, huquqiy hisobdorlik va boshqaruvning adaptiv salohiyati bilan bevosita bog‘liq bo‘lib qolmoqda. Xitoy tajribasi davlat boshqaruvini modernizatsiya qilishning kompleks institutsional modeli sifatida baholanishi mumkin bo‘lib, u milliy rivojlanish strategiyasi va global siyosiy raqobat sharoitida davlat samaradorligini oshirishga qaratilgan uzoq muddatli siyosiy strategiyani ifodalaydi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Дэн Сяопин. Избранные произведения. Т. 2 / Сяопин Дэн. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1994. – С. 150.

[436]Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая) – 2023 / Гос. стат. управление КНР. – Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2023. – С. 34.
[437]Zheng Yongnian. The Chinese Communist Party as Organizational Emperor / -London: Routledge, 2010. -P. 87.

2. Конституция Китайской Народной Республики: принята 4 дек. 1982 г. с поправками 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 гг. – Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2018. – 92 с.
3. Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях / Цзэдун Мао // Избранные произведения. Т. 5. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1977. – С. 267–288.
4. Материалы XIII Всекитайского съезда КПК. –Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1988. - С. 14.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. –М.: Прогресс-Традиция, 2004. –С. 56.
6. Цзян Цзэминь. Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. – 18.11.2002. - С. 1-4.
7. Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации: принято 3-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 18 июля 2024 г. // Синьхуа. – 21.07.2024.
8. Си Цзиньпин. Об управлении государством. Т. 1 / - Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2014. – С. 67.
9. Ху Цзиньтао. Доклад на XVII Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. – 2007. – 25 окт. – С. 1–3.
10. Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая) – 2023 / Гос. стат. управление КНР. – Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2023. – С. 34.
11. 新华社北京 10 月 23 日电 刚刚在中国共产党第二十届中央委员会第一次全体会议上当选的中共中央总书记习近平和中共中央政治局常委李强、赵乐际、王沪宁、蔡奇、丁薛祥、李希，23 日中午在人民大会堂同采访中共二十大的中外记者亲切见面. https://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/23/c_1129076161.htm
12. Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation / – Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008. – P. 103–125.
13. World Bank. China Economic Update. – Washington : World Bank Group, 2024. – P. 12.
14. Zheng Yongnian. The Chinese Communist Party as Organizational Emperor / - London: Routledge, 2010. -P. 87.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ARAB DAVLATLARIDA TERRITORIAL IDENTIKLIK MASALASI

Rizayev Azizjon
TDSHU mustaqil tadqiqotchisi

Annotatsiya: *Maqolada arab davlatlarida territorial identiklik shakllanishi va rivojlanishining nazariy-metodologik asoslari hamda amaliyotdagi namoyon bo‘lish xususiyatlari, kolonial meros, sun’iy chegaralar, etnik va konfessional xilma-xillik, shuningdek, milliy davlatchilik g‘oyasining shakllanishi jarayonlari doirasida territorial identiklikning transformatsiyasi yoritib berilgan.*

Kalit so‘zlar: *arab davlatlari, territorial identiklik, milliy identiklik, panarabizm, davlatchilik, etnik va konfessional xilma-xillik, globallashuv, siyosiy barqarorlik, integratsiya, siyosiy transformatsiya.*

Аннотация: *В статье рассматриваются теоретико-методологические основы формирования и развития территориальной идентичности в арабских государствах, а также особенности ее проявления на практике. Освещается трансформация территориальной идентичности в контексте колониального наследия, искусственных границ, этнического и конфессионального многообразия, а также процессов становления идеи национальной государственности.*

Ключевые слова: *арабские государства, территориальная идентичность, национальная идентичность, панарабизм, государственность, этническое и конфессиональное многообразие, глобализация, политическая стабильность, интеграция, политическая трансформация.*

Abstract: *The article examines the theoretical and methodological foundations of the formation and development of territorial identity in Arab states, as well as the specific features of its manifestation in practice. It highlights the transformation of territorial identity within the context of colonial legacy, artificial borders, ethnic and confessional diversity, and the processes of the formation of national statehood.*

Keywords: *Arab states, territorial identity, national identity, pan-Arabism, statehood, ethnic and confessional diversity, globalization, political stability, integration, political transformation.*

Arab deb belgilangan davlatlar chegaralarining shartliligi asosan shu holat bilan belgilanadiki, ular nazorat qiladigan hudud milliy birlashuv ichki jarayonlarining emas, balki kuchli tashqi ta’sirning natijasi bo‘lib vujudga kelgan.

Livanning Bayrut universiteti professori Kamol Salibiy “Livanning zamonaviy tarixi” nomli asarida zikr etishicha, zamonaviy arab davlatlarining chegaralari Yevropa davlatlarining yopiq bitimlari, avvalo, 1916-yilgi Sayks-Piko bitimi bilan belgilangan. Mazkur bitim asosida Usmoniylar imperiyasi tarkibadigi arab hududlari etnik, konfessional yoki iqtisodiy voqelikni inobatga olmasdan Buyuk Britaniya va Fransiya ta’sir doiralari o‘rtasida o‘zboshimchalik bilan taqsimlangan[438]. Bu arab mamlakatlarining ichki, balki tashqi chegaralarini ham noaniq holatga keltirgan. Hozirgi arab geosiyosiy makonini tashkil qiluvchi hudud o‘zlarini arab deb identifikatsiya qilmaydiganlarning yashash joyi bo‘lgan. Suriyalik sotsiolog Muhammad Jamol Barrut ushbu ilmiy muammoni “ustma-ust tushgan identikliklar” konsepsiyasi nigohida tahlil qilishni taklif qiladi. Bu konsepsiyaga muvofiq, arab geosiyosiy makonida ko‘p sonli identifikatsiya tizimlari birga yashaydi va raqobatlashadi: etnik (arab, kurd, barbar, nubiy), mazhabiy (sunniy, shiiy, maronit, qibtiy), mintaqaviy (misriy, suriyali, mag‘ribiy) va islomiy, umumarab[439].

Qayd etmoq joizki, Arab davlatlari ligasining ta’sis hujjatlarida “arab davlati” tushunchasi aniq ta’riflanmagan, balki faqatgina ushbu tashkilot a’zolari “mustaqil” maqomga egaligi urg‘ulangan. ADL ustavining tahlili ko‘rsatadiki, ushbu konseptual noaniqlik tasodifiy bo‘lmay, balki umumarab ritorikasi va tashkilot a’zolarining davlat suvereniteti voqeligi o‘rtasidagi fundamental qarama-qarshilikni aks ettiradi[440]. ADLga qo‘shilib, shu tariqa rasman “arab” bo‘lib, unga kirgan davlatlar o‘zlarini faqat shu tavsif bilan cheklashga intilmaydi. 1920-1930-yillarda suriyalik taniqli olim Sati al-Husriy tomonidan arab millatchiligining mafkuraviy asosi sifatida ishlab chiqilgan “Arab Vatani” konsepsiyasida, Liga a’zolari bir xil darajada o‘zlarining xususiy davlat identikliklarini saqlaydi (Suriya, Misr, Marokash, Komor orollari yoki Bahrayn) [441]. Bunda ushbu davlatlar fuqarolari “arab millati”ni tashkil etuvchi “arab xalqlari” deb e’lon qilinadi, biroq ushbu davlat tuzilmalari va ularda istiqomat qiluvchi jamoalarning tarixiy o‘z-o‘zini anglashi ular “arab vatani” va “arab millati” konseptlariga nisbatan ancha qadimiyroq ekanligidan dalolat beradi. Rasmiy umumarab ritorikasi va xususiy milliy identikliklarga amaldagi sodiqlik o‘rtasidagi mazkur qarama-qarshilik iroqlik siyosatshunos Ali al-Vardiy tomonidan “ikkiyoqlama ong” konsepsiyasi orqali tahlil qilinadi. Unga ko‘ra,

[438] Salibi Kamal. A House of Many Mansions. London: I.B.Tauris, 1988. P. 25-30.
[439] برّوت محمد جمال .العقد الأخير في تاريخ سورية .بيروت :2012 .ص.160-156 .
[440] شكري محمد عزيز .جامعة الدول العربية .القاهرة :1978 .ص.50-45 .
[441] لحصري ساطع .أحاديث في التربية والاجتماع .القاهرة :1944 .ص.135-120 .

arab jamiyatlari bir vaqtning o‘zida ham an’anaviy mahalliy identikliklarga, ham zamonaviy milliy loyihalarga rioya qiladi[442].

ADLga a’zo davlatlarning milliy identikliklari arabgacha bo‘lgan yoki noarab tarixda chuqur ildiz otganligini ko‘rsatadi. Masalan, hozirgi Iroq Shumer, Bobil va Assuriya sivilizatsiyalari joylashgan hudud sifatida ifodalanadi va bu u yerdagi sunniylar, shialar va kurdlarning tarixi bilan bog‘lanadi. Iroqlik tarixchi Abdulaziz ad-Duriy o‘zining “Arab millatining tarixiy shakllanishi” nomli asarida Iroq identikligining paradoksini ta’kidlaydi. Xususan, umumarab loyihasiga integratsiya bo‘lishga intilish o‘rta asrlardagi islom fath yurishlariga qadar bo‘lgan Mesopotamiya merosi bilan uyg‘unlashtiriladi[443]. Suriyalik shoir Nizar Qabboniy ta’kidlaganidek, Suriya nafaqat arabchilikning tepayotgan yuragi, balki afsonaviy Palmira va qadimgi ugarit alfaviti vujudga kelgan joy sifatida ham identifikatsiya qilinadi. Antropolog Odil Usama Suriya milliy identikligini konstruksiya qilishda XX asr arxeologik kashfiyotlari islomgacha bo‘lgan o‘tmish bilan uyg‘unlashtirilganini ko‘rsatadi[444]. Shu kabi Misr jamiyatini fir’avnlar merosiga murojaat qilmasdan tasavvur qilib bo‘lmaydi. Shu bois ham misrlik tarixchi Jamol Hamdan o‘zining “Misr shaxsiyati” nomli monografiyasida Misr identikligi konsepsiyasini fir’avnlar, qibtiylar, arab-islomiy va O‘rtaer dengizi sivilizatsion qatlamlarining o‘zaro ta’sirining mahsuli sifatida ifodalaydi. Bunda “arab konsepti” identiklikning tarkibiy qismi emas, balki elementlardan biri sifatida ilgari suriladi[445].

Livandagi ichki siyosiy rivojlanish jarayonida musulmon jamoalariga xos arab identifikatsiyasi maronitlarning livan-finikiya o‘zligi bilan qarama-qarshilikda bo‘lgan. Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasin ishlab chiqishda qatnashgan livanlik faylasuf Sharl Malik Livan identikligi konsepsiyasini O‘rtaer dengiz va xristianlik sifatida ifodalab, uni arab-musulmon identifikatsiyasiga qarshi qo‘ygan[446]. O‘z navbatida, “Tunis millati” Karfagen davriga murojaat qiladi va uning “arabchiligi” “Tunis shaxsiyati”ning tarkibiy qismlaridan biri sifatida ilgari suriladi. Tunislik tarixchi Hishom Jaiyt Tunis identikligini Rim-Vizantiya merosi, arab-musulmon madaniyati va O‘rtaer dengizi konseptlari sintezi deb ta’kidlaydi[447]. Mazkur misollar shundan dalolat beradiki, arab mamlakatlarining davlat narrativlarida arabchilik xususiy milliy identiklikning asosiy elementi emas, balki orttirilgan komponent sifatida namoyon bo‘ladi. Ushbu holat “ko‘p qatlamli identiklik” konsepsiyasi orqali tahlil qilinadi. Shu bois arab identikligi mahalliy,

[442] الوردي علي .دراسة في طبيعة المجتمع العراقي .بغداد .1965 :ص.200-215 .
[443] الدوري عبد العزيز .التكوين التاريخي للأمة العربية .بيروت .1984 :ص.180-195 .
[444] سخنيني عادل .أوغاريت والعالم القديم .دمشق .1995 :ص.45-60 .
[445] حمدان جمال .شخصية مصر .القاهرة .1984 :ج .1 .ص.75-95 .
[446] Malik Charles. The Problem of Asia. Foreign Affairs, Vol. 29, No. 2, 1951. P. 230-245.
[447] جعيط هشام .الشخصية العربية الإسلامية .بيروت .1984 :ص.95-110 .

mintaqaviy, diniy va sivilizatsion komponentlarni o‘z ichiga oluvchi murakkab identifikatsiya tuzilmasining faqat qatlamlaridan birini tashkil etadi deb ta’kidlash joiz[448].

Arab siyosiy mifologiyasining konseptual jihatdan muhim tarkibiy qismi bo‘lgan 1916-yildagi “Buyuk arab inqilobi” hamda poytaxti Damashq shahri bo‘lgan arab milliy davlatchiligini barpo etishga qaratilgan urinishlar, asosan Mashriq mintaqasi siyosiy xotirasi va milliy identiklik qurilishi uchun alohida ahamiyat kasb etadi. Muhammad al-Husayniy zikr etishicha, arab diskursida mazkur qo‘zg‘olon mifologiyalashtirilganligiga qaramay, cheklangan ijtimoiy bazaga va geografik qamrovga ega bo‘lgan va Al-Hoshimiylar sulolasining Hijoz tarmog‘i loyihasi bo‘lgan [449] . Davlat bayroqlarining rang gammasida arab qo‘zg‘oloni bayrog‘ining ranglari (qora, oq, yashil, qizil) ifodalangan ramziy vorisiylik Al-Hoshimiylar sulolasi hukmronlik qiluvchi Iordaniyada namoyon bo‘ladi. Biroq bu ramziy aloqa Livanda tark etilgan va Suriya hamda Iroqda qayta tushunilgan. Chunki mazkur davlatlarda hukmron bo‘lgan “Ba’as” partiyasi ramzlarni o‘z mafkuraviy ustuvorliklarini aks ettirish uchun o‘zgartirgan. Misr va Yaman bayroqlari bu gammani faqat qisman takrorlaydi, Kuvayt va Birlashgan Arab Amirliklari esa uni arab qo‘zg‘oloni bilan bog‘liq bo‘lmagan siyosiy mustaqillikka erishishning o‘ziga xos tarixiga ega bo‘lgan holda foydalanadi.

Ramziy makon har xil ekanligi arab davlatlari ichki tuzilmasi bo‘yicha muayyan muammolarni keltirib chiqaradi. Ushbu muammoni ilmiy tadqiq etish uchun jahon va mintaqaviy geosiyosiy tizimlarni tahlil qilishga moslashtirilgan markaz-periferiya metodologiyasini qo‘llash maqsadga muvofiq [450] . Livanlik siyosatshunos Jorj Korm ushbu konsepsiyani arab olamiga nisbatan qo‘llab, konsentrik doiralarni ajratadi:

- tarixiy yadro – Misr, Suriya, Iroq;
- yaqin periferiya – Arabiston yarim oroli va Mag‘rib davlatlari;
- chekkadagi periferiya – Mavritaniya, Somali, Jibuti, Komor orollari[451]. 1944-yilda Arab davlatlari ligasi ta’sis etilgandan boshlab, uning geosiyosiy makoni izchil kengayish tendensiyasini namoyon qilgan. Biroq muayyan davr mobaynida ayrim elementlarini yo‘qotdi. Masalan, 1948-yilda Falastin yerlarining katta qismi, 1939-yilda Turkiyaga Iskandarun hududi, 1936-yilda Eronga Xuziston (“Arabiston”) hududi, Abumusa, Katta va Kichik Tomb orollari berilgan. “Arab Vatani”ning ayrim qismlarini yo‘qotish tendensiyasi hozirda ham davom etmoqda. Xususan,

[448] حربي محمد .الثورة الجزائرية .بيروت :1993 .ص.195-180 .
[449] الحسيني محمد يوسف .الثورة العربية الكبرى .القاهرة :1955 .ص.60-45 .
[450] Wallerstein Immanuel. The Modern World-System. Vol. 1. New York: 1974. P. 347-357.
[451] Corm Georges. Le Proche-Orient éclaté. Paris: Gallimard, 2007. P. 125-140.

Iroq shimolida de-fakto avtonom Kurdiston kvazi-davlat tashkil etilgani, Sudanning janubiy qismida 2011-yili mustaqil Janubiy Sudan davlatini tashkil etilganini zikr etish mumkin.

Arab milliy identifikatsiyasi nuqtai nazaridan Mavritaniya, Somali, Jibuti va Komor orollarini periferiyaga kiritish mumkin. Mazkur davlatlar hozirgi arab geosiyosiy makonining kambag‘al mamlakatlari bo‘lib, ularning “arab g‘oyasi”ga murojaati mahalliy elitalarning faoliyati natijasi bo‘lgan. Zero, ular shu orqali xalqaro munosabatlar subyektlari maqomini olish va Arab davlatlari ligasiga a’zo bo‘lib, ichki siyosiy barqarorlikka erishish, Fors ko‘rfazi arab monarxiyalaridan moliyaviy yordam olishni rejalashtirganlar. Mavritaniya 1973-yilda Arab davlatlari ligasiga a’zo bo‘lishda arab identikligiga sodiqlik hissiyotidan emas, balki Marokashning hududiy da’volariga qarshilik qilish va tashqi iqtisodiy yordam zarurati kabi pragmatik mulohazalardan kelib chiqqan[452]. Arab davlatlari ligasiga qo‘shilish ularning arab madaniyatiga mansubligi bilan emas, balki arab markazi bilan aloqasi asosan ularning islom olamiga mansubligidan kelib chiqqan. Ya’ni arab olamining chekkadagi mintaqalarida musulmon identikligi arab etnolingvistik identifikatsiyasidan ustunlik qiladi[453].

Mag‘rib davlatlaridagi milliy harakat yetakchilarining qarashlarida Mag‘rib identikligi Mashriq arab-musulmon markaziga nisbatan suveren degan g‘oya ustuvorlik qilardi. Marokash milliy harakati yetakchisi Allol al-Fosiy XX asr 1930-yillari oxirida “Mag‘rib mamlakatlari Yaqin Sharq va u yerda joylashgan markazlar bilan faqat sahro orqali bog‘liq” degan fikrni ilgari surgan[454]. Ushbu fikr Mag‘rib mintaqasining o‘ziga xosligi haqidagi konsepsiyani aks ettirish bilgan birga mazkur mintaqa tarixan Sharqdagi islom markazlaridan mustaqil ekanligini ta’kidlaydi[455].

Arab dunyosining sharqiy chekkasidagi vaziyat ham g‘arbiy chekkadagiga o‘xshaydi. Masalan, 2003-yilgi Qatar konstitutsiyasi mamlakatni mustaqil va suveren arab davlati deb ta’riflaydi, ammo “arab vatani” degan umumiy siyosiy loyihaga mansublik haqida so‘z yuritmaydi. Bu holat boshqa davlatlar konstitutsiyalarida ham kuzatiladi[456]. Kuvaytlik siyosatshunos G‘onam an-Najjor esa Fors ko‘rfazi arab davlatlarining o‘ziga xos identikligini “xalijiy identiklik” tushunchasi orqali izohlaydi[457].

Arab davlatlari ligasini tashkil qilgan mamlakatlar joylashgan yerlardan uzoqdagi mintaqalar o‘zlarining alohida hududiy tashkilotlarini ta’sis etgan. Bu

[452] ولد الشنقيطي، محمد المختار .الحركة الوطنية الموريتانية .نواكشوط .2000 :ص.135-120 .
[453] الجابري محمد عابد .تكوين العقل العربي .بيروت .1984 :ص.270-250 .
[454] الفاسي علال .الحركات الاستقلالية في المغرب العربي .القاهرة .1948 :ص.78 .
[455] التميمي عبد الجليل .بحوث في التاريخ العربي الحديث .زغوان .1990 :ص.160-145 .
[456] دستور مملكة البحرين(2002) ، الديباجة والمادة الأولى.
[457] النجار غانم .الكويت :الرأي والرأي الآخر .الكويت .1996 :ص.105-90 .

tashkilotlar umumarab institutlari bilan parallel faoliyat yuritadi va mazkur mintaqalarning chetdaligidan dalolat beradi. Jumladan, ushbu mulohazaning dalili sifatida 1989-yilda tashkil etilgan Arab Mag‘ribi ittifoqi[458], 1981-yildagi Fors ko‘rfazi arab davlatlari hamkorlik kengashini zikr etish mumkin[459]. Bunday sharoitda Saudiya Arabistoni milliy identifikatsiya masalasida asosan diniy o‘zligini rivojlantirishga alohida ahamiyat qaratgan[460].

Misr arab geosiyosiy makonining markaziy bo‘g‘inini tashkil etsa-da, uerda ham ichki parchalanishga moyillik belgilari mavjud. Masalan, qibtiy Milod Hanno Misr milliy o‘zligini mohiyatan fir’avniy-qibtiy asoslarga borib taqaladi deb talqin qiladi[461]. Shuningdek, kurdlar muammosi bilan bog‘liq etnik identiklik Iroq, Suriyaning hududiy yaxlitligiga jiddiy tahdid soladi[462]. Yaqin Sharq va Arabiston yarimorolidagi shia jamoalari esa o‘zlarini arab identikligi bilan emas, balki konfessional mansublik orqali belgilashni afzal ko‘radi[463]. Arab davlatlari konstitutsiyalarida mustahkamlangan suveren davlat maqomi territorial identifikatsiya masalasida umumarab ritorikasi bilan ziddiyatga kiradi[464]. Misrlik siyosatshunos Hasan Nafa’a bu holatni arab davlat millatchiligi tushunchasi orqali izohlaydi[465].

Arab davlatlarini siyosiy jihatdan birlashtirish urinishlari davlat manfaatlarining nomuvofiqligi tufayli muvaffaqiyatsizlikka uchragan[466]. Panarabizm mafkurasi siyosiy manfaatlarga xizmat qiluvchi vosita sifatida ishlatilgan[467]. Tarixan turli davlatlar umumarab loyihasining markaziy roliga da’vo qilgan. Masalan, Jamol Abdunnosir hukmronligi davrida Misr[468], “Ba’as” partiyasi yetakchilari hukmronligi paytida Iroq[469] va Suriya o‘zini “Arab Vatanining yuragi” deb e’lon qilgan[470]. Biroq Saudiya Arabistoni esa faqat islom paradigmasi doirasida arab-musulmon olamida yetakchilikka intilgan[471].

Xulosa qilib aytganda arab davlatlarining hozirgi chegaralari tarixan tashqi kuchlar tomonidan belgilanganligi arab geosiyosiy makonidagi tuzilmaviy beqarorlikning asosiy sabablaridan biridir. Ushbu chegaralar mintaqaning etnik,

[458] Zoubir Yahia. The Western Sahara Conflict. Journal of Modern African Studies, 1990. P. 225-243.
[459] الصقر عبد العزيز .مجلس التعاون الخليجي .الرياض .2006 :ص.45-60 .
[460] Al-Rasheed Madawi. A History of Saudi Arabia. Cambridge: 2010. P. 78-95.
[461] حنا ميلاد .نعم أقباط لكن مصريون .القاهرة .1993 :ص.120-140 .
[462] Barzani Masoud. Mustafa Barzani and the Kurdish Liberation Movement. New York: 2003. P. 220-235.
[463] الصدر، محمد باقر .اقتصادنا .بيروت .1987 :ص.45-60 .
[464] Rabbath Edmond. La formation historique du Liban. Beirut: 1973. P. 280-295.
[465] نافعة، حسن .جامعة الدول العربية .بيروت .1983 :ص.190-210 .
[466] Kerr Malcolm. The Arab Cold War. Oxford: 1971. P. 96-125.
[467] الصالحي سعد جواد .علم الاجتماع السياسي العربي .بيروت .2005 :ص.220-240 .
[468] Dawisha Adeed. Arab Nationalism in the Twentieth Century. Princeton: 2003. P. 145-170.
[469] Farouk-Sluglett Marion. Iraq Since 1958. London: 2001. P. 186-210.
[470] Hinnebusch Raymond. Syria: Revolution from Above. London: 2001. P. 125-145.
[471] Hertog Steffen. Princes, Brokers, and Bureaucrats. Ithaca: 2010. P. 90-115.

konfessional, iqtisodiy va tarixiy voqeligini inobatga olmaydi. Arab mamlakatlaridagi tarixiy mifologiya xilma-xilligi va o‘zaro raqobati umumiy arab identikligini yaratishga qarshilik qiladi. Bu davlatlarning mahalliy o‘zliklarini saqlash va hatto kuchaytirish tomon yo‘nalgan.

Arab dunyosida mintaqaviy parchalanish va submintaqaviy o‘zliklar hamda institutlarning shakllanishi muhim hodisadir. Arab davlatlari ligasi bilan parallel faoliyat yurituvchi mintaqaviy tashkilotlar barpo etilishi umumarab loyihasidan vaqtinchalik chekinishni emas, balki submintaqaviy identikliklar va integratsiya maydonlari mustahkamlanishi sari barqaror yo‘nalishni aks ettiradi. Shuningdek, etnik va konfessional har xillik yagona arab millatini shakllantirishga tuzilmaviy to‘siq bo‘lib xizmat qilgan. Arab xalqlari tarkibida etnik va konfessional ozchiliklar mavjudligi yagona arab millati haqidagi ritorika bilan madaniy va diniy xilma-xillik o‘rtasida tub ziddiyatni yuzaga keltiradi.

ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Al-Rasheed Madawi. A History of Saudi Arabia. Cambridge: 2010. P. 78-95.
2. Barzani Masoud. Mustafa Barzani and the Kurdish Liberation Movement. New York: 2003. P. 220-235.
3. Chaker Salem. Berbères aujourd'hui. Paris: L'Harmattan, 1998. P. 85-100.
4. Constitution du Royaume du Maroc (2011), Préambule et Article 5.
5. Corm Georges. Le Proche-Orient éclaté. Paris: Gallimard, 2007. P. 125-140.
6. Dawn C. Ernest. From Ottomanism to Arabism. Urbana: 1973. P. 122-147.
7. Dawisha Adeed. Arab Nationalism in the Twentieth Century. Princeton: 2003. P. 145-170.
8. Farouk-Sluglett Marion. Iraq Since 1958. London: 2001. P. 186-210.
9. Hanna. The Old Social Classes of Iraq. Princeton: 1978. P. 285-310; Jankowski Salibi Hertog Steffen. Princes, Brokers, and Bureaucrats. Ithaca: 2010. P. 90-115.
10. Hinnebusch Raymond. Syria: Revolution from Above. London: 2001. P. 125-145.
11. James. Rethinking Nationalism in the Arab Middle East. New York: 1997. P. 171-192.
12. Kamal. A House of Many Mansions. London: I.B.Tauris, 1988. P. 25-30.
13. Kerr Malcolm. The Arab Cold War. Oxford: 1971. P. 96-125.
14. Laroui Abdallah. L'idéologie arabe contemporaine. Paris: 1967. P. 95-120; Batatu

15. Malik Charles. The Problem of Asia. Foreign Affairs, Vol. 29, No. 2, 1951. P. 230
16. Rabbath Edmond. La formation historique du Liban. Beirut: 1973. P. 280-295.
17. St John Ronald Bruce. Libya: From Colony to Independence. Oxford: 2008. P. 180-195. 45.
18. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System. Vol. 1. New York: 1974. P. 347-357.
19. Zoubir Yahia. The Western Sahara Conflict. Journal of Modern African Studies, 1990. P. 225-243.

20. برّوت محمد جمال .العقد الأخير في تاريخ سورية .بيروت .2012 :ص .156-160 .
21. شكري محمد عزيز .جامعة الدول العربية .القاهرة .1978 :ص.50-45 .
22. لحصري ساطع .أحاديث في التربية والاجتماع .القاهرة .1944 :ص.135-120 .
23. الوردي علي .دراسة في طبيعة المجتمع العراقي .بغداد .1965 :ص.215-200 .
24. الدوري عبد العزيز .التكوين التاريخي للأمة العربية .بيروت .1984 :ص.195-180 .
25. سخنيني عادل .أوغاريت والعالم القديم .دمشق .1995 :ص.60-45 .
26. حمدان جمال .شخصية مصر .القاهرة .1984 :ج .1 .ص.95-75 .

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

SAUDIYA ARABISTONI VA ERON ISLOM RESPUBLIKASI MUNOSABATLARIDA DINIY-SIYOSIY OMIL

Quchqorov Ma’ruf Ali o‘g‘li
O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti
“Xalqaro munosabatlar va zamonaviy siyosiy jarayonlar”
magistratura mutaxassisligi talabasi

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Saudiya Arabistoni va Eron Islom Respublikasi o‘rtasidagi munosabatlarda diniy-siyosiy omilning shakllanishi, rivojlanishi va zamonaviy xalqaro munosabatlar tizimidagi o‘rni tahlil qilinadi. Tadqiqotda sunniylik va shialik o‘rtasidagi tarixiy tafovutning raqobatga aylanish jarayoni, Eron islom inqilobidan keyingi geosiyosiy transformatsiyalar hamda “Arab bahori” voqealaridan so‘ng Yaqin Sharq mintaqasida kuchaygan konfessional qarama-qarshiliklar o‘rganilgan. Shuningdek, Iroq, Suriya, Yaman, Bahrayn va Livandagi mojarolarda Saudiya Arabistoni hamda Eronning geosiyosiy manfaatlari diniy omil orqali qanday namoyon bo‘layotgani ochib berilgan. Tadqiqot davomida tarixiylik, qiyosiy tahlil, tizimli yondashuv va geosiyosiy metodlardan foydalanildi. Natijada, Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi qarama-qarshilik faqat diniy emas, balki mintaqaviy yetakchilik, xavfsizlik va geostrategik manfaatlar uchun ham kurash ekani asoslab berildi.

Kalit so‘zlar: *Saudiya Arabistoni, Eron Islom Respublikasi, sunniylik, shialik, diniy-siyosiy omil, Yaqin Sharq, geosiyosat, “Arab bahori”, konfessional mojaro, islom omili, mintaqaviy xavfsizlik, siyosiy islom, vahhobiylik, shia inqilobi, legitimitatsiya.*

ABSTRACT

This article analyzes the formation, development, and role of the religious-political factor in the relations between the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran within the modern system of international relations. The study examines the process through which the historical differences between Sunnism and Shiism evolved into interstate rivalry, the geopolitical transformations following the Iranian Islamic Revolution, and the intensification of sectarian conflicts in the Middle East after the events of the “Arab Spring.” Furthermore, the article reveals how the geopolitical interests of Saudi Arabia and Iran are manifested through religious factors in the conflicts in Iraq, Syria, Yemen, Bahrain, and Lebanon. The research employs historical, comparative, systemic, and

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

geopolitical methods of analysis. As a result, it is argued that the confrontation between Saudi Arabia and Iran is not solely religious in nature, but also represents a struggle for regional leadership, security, and geostrategic interests.

Keywords: *Saudi Arabia, Islamic Republic of Iran, Sunnism, Shiism, religious-political factor, Middle East, geopolitics, Arab Spring, sectarian conflict, Islamic factor, regional security, political Islam, Wahhabism, Shiite revolution, legitimitation.*

KIRISH

Zamonaviy xalqaro munosabatlar tizimida Yaqin va O‘rta Sharq mintaqasi mintaqa davlatlari o‘rtasidagi o‘zaro eng yuqori konfliktga ega hududlardan biri hisoblanadi. Mazkur hududda sodir bo‘layotgan siyosiy jarayonlar, davlatlararo qarama-qarshiliklar, qurolli mojarolar va konfessional ziddiyatlarning markazida ko‘pincha Saudiya Arabistoni hamda Eron Islom Respublikasi o‘rtasidagi raqobat turadi. Ushbu qarama-qarshilik geosiyosiy manfaatlar bilan bir qatorda chuqur diniy-mafkuraviy xarakterga ham ega bo‘lib, sunniylik va shialik o‘rtasidagi tarixiy tafovutlar asosida shakllangan.

Bugungi kunda Saudiya Arabistoni sunniy musulmon dunyosining siyosiy va diniy markazi sifatida namoyon bo‘lsa, Eron Islom Respublikasi shialikning asosiy siyosiy tayanchi sifatida namoyon bo‘lmoqda. Har ikki davlat islom dunyosida yetakchilik qilishga intilib, o‘z tashqi siyosatini diniy legitimatsiya asosida olib bormoqda. Shu sababli Saudiya-Eron qarama-qarshiligi oddiy davlatlararo ziddiyat emas, balki butun Yaqin Sharq xavfsizlik tizimini belgilovchi omilga aylangan.

Mazkur qarama-qarshilikning ildizlari islom tarixining dastlabki davrlariga borib taqaladi. Payg‘ambar Muhammad (s.a.v.) vafotidan keyin musulmon jamoasiga rahbarlik qilish masalasida yuzaga kelgan siyosiy kelishmovchilik sunniylik va shialik oqimlarining shakllanishiga olib keldi. Keyinchalik ushbu diniy tafovutlar siyosiy va geosiyosiy tus oldi. Natijada musulmon dunyosida konfessional asosdagi siyosiy bloklashuv shakllandi.

1979-yilgi Eron islom inqilobi Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi ziddiyatning yangi bosqichini boshlab berdi. Inqilob natijasida Eron monarxik boshqaruvni rad etuvchi va islomiy inqilobni eksport qilishga intiluvchi davlat sifatida shakllandi. Bu esa Saudiya Arabistonining mintaqadagi an’anaviy yetakchilik mavqeiga tahdid soldi. Shundan buyon ikki davlat o‘rtasidagi kurash diniy, siyosiy, mafkuraviy va geostrategik xarakter kasb etib kelmoqda.

2011-yilgi “Arab bahori” voqealari esa Saudiya-Eron qarama-qarshiligini yanada keskinlashtirdi. Iroq, Suriya, Livan, Bahrayn va Yamandagi mojarolar ikki

davlatning bilvosita proksi urush maydoniga aylandi. Natijada sunniy-shia antagonizmi Yaqin Sharqdagi siyosiy jarayonlarning asosiy determinantlaridan biriga aylandi.

Mazkur tadqiqotning dolzarbligi shundan iboratki, Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi diniy-siyosiy qarama-qarshilik mintaqaviy xavfsizlik, xalqaro terrorizm, energetik xavfsizlik va global geosiyosiy muvozanatga bevosita ta’sir ko‘rsatmoqda. Shu bois ushbu masalani tarixiy va zamonaviy jihatdan kompleks tahlil qilish xalqaro munosabatlar fanining muhim vazifalaridan biri bo‘lib qolmoqda.

Tadqiqotning maqsadi Saudiya Arabistoni va Eron Islom Respublikasi munosabatlaridagi diniy-siyosiy omilning shakllanishi, rivojlanishi va zamonaviy xalqaro munosabatlardagi ta’sirini aniqlashdan iborat.

METODOLOGIYA

Mazkur tadqiqot tarixiylik, tizimli tahlil, qiyosiy yondashuv va siyosiy realizm metodologiyasi asosida olib borildi. Tadqiqotda fanlararo yondashuv qo‘llanilib, tarix, siyosatshunoslik, dinshunoslik va xalqaro munosabatlar nazariyasi doirasidagi ilmiy ishlanmalar birgalikda tahlil qilindi.

Tarixiy metod orqali sunniy-shia qarama-qarshiligining shakllanish bosqichlari va uning zamonaviy siyosiy jarayonlarga ta’siri o‘rganildi. Qiyosiy metod yordamida Saudiya Arabistoni va Eronning tashqi siyosati, diniy legitimatsiya modeli va geosiyosiy strategiyasi solishtirildi. Tizimli yondashuv esa diniy omilning mintaqaviy xavfsizlik tizimidagi o‘rnini aniqlash imkonini berdi.

SUNNIYLIK VA SHIALIK O‘RTASIDAGI TARIXIY QARAMA-QARSHILIKNING SHAKLLANISHI

Islom tarixidagi eng muhim siyosiy bo‘linish Payg‘ambar Muhammad (s.a.v.) vafotidan keyin musulmon jamoasiga kim rahbarlik qilishi kerakligi haqidagi masala bilan bog‘liq ravishda yuzaga kelgan. Musulmonlarning bir qismi xalifalik Quraysh qabilasining nufuzli vakillari orqali saylov asosida amalga oshirilishi kerak deb hisoblagan bo‘lsa, boshqa qismi hokimiyat Payg‘ambarning oilasi vakillariga tegishli bo‘lishi lozimligini ilgari surgan.

Natijada Abu Bakrning xalifa etib saylanishi Ali ibn Abu Tolib tarafdorlari tomonidan to‘liq qo‘llab-quvvatlanmadi. Aynan shu tarixiy jarayon keyinchalik sunniylik va shialik oqimlarining shakllanishiga olib keldi. Sunniylik siyosiy hokimiyatning jamoa konsensusi asosida shakllanishini qo‘llab-quvvatladi, shialik esa “imomat konsepsiyasi”ni ilgari surdi.

680-yilda Karbalo voqeasi sunniy-shia qarama-qarshiligini keskinlashtirgan asosiy tarixiy burilish nuqtasiga aylandi. Imom Husaynning Yazid qo‘shinlari tomonidan o‘ldirilishi shialik mafkurasida shahidlik va zulmga qarshi kurash g‘oyalarining shakllanishiga sabab bo‘ldi. Natijada shialik diniy oqimdan tashqari siyosiy norozilik mafkurasiga ham aylandi.

Keyingi asrlarda sunniylik va shialik o‘rtasidagi tafovutlar diniy marosimlar, fiqh va siyosiy nazariyalarda yanada chuqurlashdi. Safaviylar imperiyasi Eronda shialikni davlat mafkurasiga aylantirganidan so‘ng musulmon dunyosidagi konfessional bo‘linish katta siyosiy xarakter kasb etdi. Usmonli imperiyasi esa sunniy xalifalik konsepsiyasining asosiy himoyachisiga aylandi.

Safaviylar va Usmonlilar o‘rtasidagi urushlar bugungi Saudiya-Eron qarama-qarshiligining tarixiy ildizlari sifatida namoyon bo‘ladi. Har ikki imperiya diniy legitimatsiya orqali geosiyosiy ta’sirini kengaytirishga intilgan. Shu tariqa konfessional tafovutlar siyosiy kurash vositasiga aylangan.

SAUDIYA ARABISTONI VA ERON O‘RTASIDAGI ZAMONAVIY ZIDDIYATLARNING SHAKLLANISHI

XX asrning o‘rtalarigacha Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi munosabatlar nisbatan pragmatik xarakterga ega edi. Har ikki davlat AQSH bilan strategik aloqalarni rivojlantirgan va sovet ta’siriga qarshi siyosat olib borgan.

Biroq 1979-yildagi Eron islom inqilobi mintaqadagi siyosiy muvozanatni tubdan o‘zgartirib yubordi. Shoh Muhammad Rizo Pahlaviy rejimining ag‘darilishi va Oyatulloh Ruhulloh Xumayniy boshchiligidagi islomiy respublikaning tashkil topishi Saudiya Arabistonida jiddiy xavotir uyg‘otdi.

Eron yangi siyosiy model sifatida “Veloyati faqih” konsepsiyasini ilgari surdi. Ushbu modelga ko‘ra, diniy rahbar nafaqat diniy, balki siyosiy hokimiyatning ham oliy egasi hisoblanadi. Bu esa monarxik boshqaruvga asoslangan Saudiya modeli bilan mutlaqo zid edi.

Eron islom inqilobidan keyin “islomiy uyg‘onish” va “inqilobni eksport qilish” g‘oyalari faol targ‘ib qilina boshlandi. Saudiya Arabistoni esa bu jarayonni Fors ko‘rfazi monarxiyalariga tahdid sifatida qabul qildi. Natijada Ar-Riyod sunniy ittifoqlarni mustahkamlash va va unga qarshi vahhobiylik mafkurasini eksport qilish siyosatini kuchaytirdi.

1980-1988-yillardagi Eron-Iroq urushi Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi qarama-qarshilikning muhim bosqichiga aylandi. Saudiya Arabistoni Saddam Husaynni moliyaviy va siyosiy jihatdan qo‘llab-quvvatladi. Chunki Eronning

g‘alabasi shia mafkurasining Fors ko‘rfazi davlatlariga tarqalishiga olib kelishi mumkin edi.

“ARAB BAHORI” VA SAUDIYA-ERON QARAMA-QARSHILIGINING KUCHAYISHI

2011-yilda boshlangan “Arab bahori” voqealari Yaqin Sharqdagi mavjud siyosiy tizimlarni izdan chiqardi. Tunis, Misr, Liviya va Yaman kabi davlatlarda hukmron rejimlar ag‘darildi. Suriya va Bahraynda esa ommaviy noroziliklar fuqarolar urushiga aylanib ketdi.

Mazkur jarayon Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi geosiyosiy kurashni yanada keskinlashtirdi. Eron “Arab bahori”ni “islomiy uyg‘onish” sifatida talqin qilgan bo‘lsa, Saudiya Arabistoni uni mintaqaviy barqarorlikka tahdid deb baholadi.

Bahrayndagi shia noroziliklari Saudiya Arabistonini jiddiy xavotirga soldi. Chunki Bahrayn aholisi orasida shialar ko‘pchilikni tashkil etsa-da, mamlakat sunniy sulola tomonidan boshqariladi. Saudiya Arabistoni Bahrayndagi namoyishlarni Eron tomonidan qo‘llab-quvvatlanayotgan harakat sifatida talqin qilib, u yerga harbiy kuch kiritdi.

Suriya mojarosi Saudiya-Eron qarama-qarshiligining eng keskin nuqtalaridan biriga aylandi. Eron Bashar Asad rejimini strategik ittifoqchi sifatida qo‘llab-quvvatladi. Chunki Suriya Eronning Livandagi “Hizbulloh” bilan aloqalarini ta’minlovchi asosiy geosiyosiy yo‘lak edi.

Saudiya Arabistoni esa Suriyadagi sunniy muxolif guruhlarni moliyaviy va siyosiy jihatdan qo‘llab-quvvatladi. Natijada Suriya mojarosi diniy-konfessional xarakter sifatida keskin tus oldi va sunniy-shia qarama-qarshiligining markaziga aylandi.

IROQ, LIVAN VA YAMANDAGI PROKSI QARAMA-QARSHILIKLAR

2003-yilda AQSHning Iroqqa bostirib kirishi mintaqadagi kuchlar muvozanatini tubdan o‘zgartirdi. Saddam Husayn rejimining ag‘darilishi natijasida Iroqda shialarning siyosiy mavqei keskin kuchaydi. Bu esa Eronning Bag‘doddagi ta’sirini oshirdi.

Saudiya Arabistoni Iroqdagi shia hukumatini Eronning geosiyosiy ekspansiyasi sifatida baholadi. Natijada Iroq sunniy-shia qarama-qarshiligining asosiy maydonlaridan biriga aylandi. Ayniqsa, “Islom davlati” terroristik tashkilotining paydo bo‘lishi konfessional ziddiyatlarni yanada kuchaytirdi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

Livanda esa “Hizbulloh”ning siyosiy va harbiy kuch sifatida mustahkamlanishi Saudiya Arabistonini tashvishga soldi. Eron tomonidan qo‘llab-quvvatlanayotgan “Hizbulloh” Livandagi eng ta’sirli siyosiy aktorlardan biriga aylandi.

Yamandagi mojaro ham Saudiya-Eron qarama-qarshiligining muhim elementi hisoblanadi. Husiylar harakati zaidiy shialarga mansub bo‘lib, Saudiya Arabistoni ularni Eronning mintaqadagi tayanchi sifatida baholaydi. Shu sababli Ar-Riyod 2015-yildan boshlab Yamanda harbiy operatsiyalar olib bormoqda.

DINIY-SIYOSIY OMILNING XALQARO XAVFSIZLIKKA TA’SIRI

Saudiya Arabistoni va Eron o‘rtasidagi diniy-siyosiy qarama-qarshilik xalqaro xavfsizlik tizimiga sezilarli ta’sir ko‘rsatmoqda. Avvalo, konfessional ziddiyatlar Yaqin Sharqdagi qurolli mojarolarni yanada murakkablashtirmoqda.

Ikkinchidan, mazkur qarama-qarshilik xalqaro terrorizmning kuchayishiga xizmat qilmoqda. Radikal sunniy va shia guruhlar diniy legitimatsiya asosida faoliyat yuritmoqda.

Uchinchidan, Saudiya-Eron raqobati global energetik xavfsizlikka ta’sir ko‘rsatmoqda. Fors ko‘rfazi hududi jahon neft eksportining asosiy markazlaridan biri bo‘lib, mintaqadagi har qanday beqarorlik xalqaro iqtisodiyotga ta’sir qiladi.

To‘rtinchidan, mazkur qarama-qarshilik global kuchlar manfaatlari bilan ham uzviy bog‘langan. AQSH Saudiya Arabistonini strategik ittifoqchi sifatida qo‘llab-quvvatlasa, Rossiya va Xitoy Eron bilan hamkorlikni rivojlantirib kelmoqda.

XULOSA

Saudiya Arabistoni va Eron Islom Respublikasi o‘rtasidagi qarama-qarshilik Yaqin Sharqdagi eng muhim geosiyosiy va diniy-siyosiy ziddiyatlardan biri hisoblanadi. Mazkur raqobatning ildizlari islom tarixining dastlabki davrlariga borib taqaladi va sunniylik hamda shialik o‘rtasidagi tarixiy tafovutlarga asoslanadi.

1979-yilgi Eron islom inqilobi ushbu qarama-qarshilikning zamonaviy bosqichini boshlab berdi. Shundan buyon Saudiya Arabistoni va Eron mintaqada siyosiy, mafkuraviy va geosiyosiy yetakchilik uchun kurash olib bormoqda.

“Arab bahori” voqealari esa mazkur ziddiyatni yanada keskinlashtirdi. Iroq, Suriya, Livan va Yamandagi mojarolar Saudiya Arabistoni va Eronning proksi urush maydoniga aylandi.

Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatdiki, diniy omil ko‘pincha geosiyosiy manfaatlarni amalga oshirish vositasi sifatida qo‘llanmoqda. Shu bois Saudiya-Eron qarama-qarshiligini faqat diniy ziddiyat sifatida emas, balki mintaqaviy yetakchilik uchun olib borilayotgan kompleks geosiyosiy kurash sifatida baholash zarur.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI

1. Ибрагим Т.К. Политическая власть согласно Корану и Сунне. Москва, 2002.
2. Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. Columbia University Press, 2006.
3. Esposito J.L. The Oxford History of Islam. Oxford, 1999.
4. Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования. Челябинск, 2010.
5. Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии. Москва, 2013.
6. Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке. Москва, 2012.
7. Почта Ю.М. Ислам и политика. Москва, 2008.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ТУРКИЯ–ЎЗБЕКИСТОН СТРАТЕГИК ШЕРИКЛИГИ: ГЕОСИЁСИЙ ВА ГЕОИҚТИСОДИЙ ОМИЛЛАР

Сағдуллаев Иззатилла Ғайратилла ўғли,
ТДШУ мустақил изланувчиси

АННОТАЦИЯ

Ушбу мақолада Туркия ва Ўзбекистон ўртасидаги муносабатларнинг Совет Иттифоқи парчаланганидан кейинги тараққиёт босқичлари таҳлил қилинган. Айниқса, Шавкат Мирзиёев даврида икки давлат ўртасидаги сиёсий мулоқот, иқтисодий ҳамкорлик, мудофаа ва хавфсизлик соҳасидаги алоқаларнинг стратегик шериклик даражасига кўтарилиши ёритилган. Шунингдек, Туркий давлатлар ташкилоти доирасидаги интеграция жараёнлари ва унинг минтақавий ҳамда халқаро аҳамияти илмий нуқтаи назардан баҳоланган.

Калит сўзлар: *Туркия – Ўзбекистон стратегик шериклик, Туркий давлатлар ташкилоти, ташқи сиёсат,*

ANNOTATION

This article examines the evolution of relations between Türkiye and Uzbekistan following the collapse of the Soviet Union. Particular attention is paid to the transformation of bilateral political dialogue, economic cooperation, and defense relations into a strategic partnership during the presidency of Shavkat Mirziyoyev. The study also analyzes integration processes within the Organization of Turkic States and evaluates their regional and international significance from a political and geopolitical perspective.

Keywords: *Türkiye – Uzbekistan strategic partnership, Organization of Turkic States, foreign policy.*

КИРИШ

Замонавий халқаро муносабатлар тизимида Туркия ва Ўзбекистон ўртасидаги ҳамкорлик туркий интеграция, минтақавий хавфсизлик ва геоиқтисодий алоқалар нуқтаи назаридан муҳим аҳамият касб этмоқда. Айниқса, Совет Иттифоқи парчаланганидан кейин шаклланган сиёсий муносабатларнинг Шавкат Мирзиёев даврида стратегик шериклик даражасига кўтарилиши мавзунинг долзарблигини белгилайди. Мақоланинг мақсади икки давлат муносабатларининг сиёсий, иқтисодий ва ҳарбий соҳалардаги ривожланиш босқичларини таҳлил қилишдан иборат. Шунингдек, Туркий давлатлар ташкилоти доирасидаги ҳамкорликнинг янги геосиёсий аҳамияти

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

очиб берилади. Тадқиқотда муносабатларнинг институционаллашуви ва минтақавий интеграцияга таъсирига алоҳида эътибор қаратилган. Хулоса қилиб айтганда, Туркия–Ўзбекистон муносабатлари туркий дунё ҳамжиҳатлигининг муҳим

Туркия–Ўзбекистон муносабатларининг ривожланишининг дастлабки даври

1980 ва 1990-йиллар Туркия учун жиддий ижтимоий-сиёсий ва иқтисодий ўзгаришлар, муҳим дипломатик ташаббуслар ва ҳам-корлик учун янги имкониятларни юзага келтирган давр бўлди. Туркия ташқи сиёсатидаги бу ўзгаришлар Кавказ ва Марказий Осиё сиёсатида яққол ифодасини топди. Собиқ СССР парчаланиб кетганидан сўнг 60 млн. аҳоли истиқомат қиладиган 6 млн. квадрат километрлик ҳудудда янгидан ташкил топган мамлакатлар давлат мустақиллигини қўлга киритишди. Мазкур воқеа катта иштиёқ ва қувонч билан қарши олинди. Қола-верса, жаҳон саҳнасида мустақил ва суверен давлатлар сифатида пайдо бўлган минтақадаги қардош мамлакатлар бахтига шерикмиз. 1990-йилларнинг биринчи ярмида бевосита минтақа давлатлари ўртасида ва қўшма саммитларда имзоланган бир қатор сиёсий, иқтисодий ва ҳарбий битимлар орқали мавжуд салоҳият-дан фойдаланиш учун қандай саъй-ҳаракатлар қилинганини кўрдик. Мисол учун, турк ҳамжамияти билан яқин маданий-гуманитар алоқаларни таъминлаш мақсадида Туркиянинг ташаббуси ва қатъияти билан 1992 йилда Туркия халқаро ҳамкорлик ва мувофиқлаштириш агентлиги (TIKA) ташкил этилган эди.

Туркия ва Ўзбекистон ўртасидаги муносабатлар умумий тил, дин, маданият ва тарихий хотирага асосланган мустаҳкам қардошлик ришталари билан ажралиб туради. Мазкур яқинлик Ўзбекистон мустақилликка эришган даврда яна бир бор яққол намоён бўлди. Хусусан, 1991 йил 31 августда мустақиллигини эълон қилган Ўзбекистон Республикасини биринчи бўлиб Туркия Республикаси тан олди. Бу ҳолат икки давлат муносабатларининг стратегик ва тарихий аҳамиятини белгилаб берган муҳим сиёсий воқеа сифатида баҳоланади.

1991 йил 16 декабрда Ўзбекистон мустақиллигининг расман тан олинишидан сўнг, 1992 йил 4 март куни икки давлат ўртасида дипломатик муносабатлар ўрнатилди. Шу йилнинг апрель ойида Туркиянинг Тошкентдаги элчихонаси, 1993 йил январ ойида эса Ўзбекистоннинг Анқарадаги элчихонаси фаолият бошлади. Икки мамлакат ўртасидаги муносабатларнинг

ҳуқуқий асосларини мустаҳкамлаш мақсадида 1996 йилда “Абадий дўстлик ва ҳамкорлик тўғрисидаги шартнома” имзоланди.

Шу билан бирга, 2000-йиллар бошларида икки давлат муносабатларида муайян совуқлик кузатилди. Президент Ислом Каримов раҳбарлиги даврида Туркия ҳудудида ўзбек мухолифати вакилларининг фаолият юритишига Анқаранинг муросали муносабати муносабатлар кескинлашувига сабаб бўлди. Натижада икки мамлакат ўртасидаги сиёсий мулоқотлар даражаси пасайди ва муносабатларда даврий ўзгаришлар юзага келди. 2003 йилда Бош вазир Ражаб Таййиб Эрдоғаннинг Ўзбекистонга расмий ташрифидан кейин маълум муддат юқори даражадаги ташрифлар амалга оширилмади.

Шавкат Мирзиёев даврида муносабатларнинг янги босқичга кўтарилиши

2016 йил 2 сентябрда Президент Ислом Каримовнинг вафотидан кейин Ўзбекистон ташқи сиёсатининг янги босқичи бошланди. Шу муносабат билан 2016 йил 17–18 ноябрь кунлари Туркия Президенти Ражаб Таййиб Эрдоғаннинг Ўзбекистонга ташрифи икки давлат муносабатларида бурилиш нуқтаси бўлди. “Самарқанд учрашуви” номи билан тарихга кирган мазкур ташриф Туркия–Ўзбекистон алоқаларида янги саҳифа очди.

Президент Эрдоған ушбу ташрифни “муносабатларда янги давр” сифатида таърифлаган бўлса, Шавкат Мирзиёев “Энди қуруқ гап эмас, амалий ишлаш вақти келди” дея икки мамлакат муносабатларини амалий ҳамкорлик асосида ривожлантиришга тайёр эканини таъкидлади. Бу фикрлар аввалги совуқ муносабатлар даври ортда қолганини ва ўзаро ишончга асосланган янги босқич бошланганини кўрсатди.

2016 йил декабр ойидаги президентлик сайловларида Шавкат Мирзиёев ғалаба қозонгач, мамлакатда кенг кўламли ислоҳотлар даври бошланди. Хусусан, 2017 йилда қабул қилинган “2017–2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегияси” мамлакатни сиёсий, иқтисодий ва ижтимоий жиҳатдан модернизация қилишда муҳим дастур вазифасини бажарди. Шу даврдан бошлаб Ўзбекистон ташқи дунёга очилиш, минтақавий ҳамкорликни кучайтириш ва халқаро муносабатларда фаол иштирок этиш сиёсатига ўтди.

Президент Мирзиёев ташқи сиёсатда, айниқса, туркий давлатлар билан муносабатларни ривожлантиришга алоҳида эътибор қаратди. Унинг Туркманистон, Қозоғистон ва Қирғизистонга амалга оширган ташрифлари Марказий Осиёдаги интеграцион жараёнларни фаоллаштиришга хизмат қилди. 2017 йил 25–26 октябрь кунлари эса Мирзиёев 19 йиллик танаффусдан

кейин Туркияга расмий ташриф билан борди. Ташриф якунлари бўйича икки давлат муносабатларини “Стратегик шериклик” даражасига кўтариш тўғрисида қўшма баёнот қабул қилинди.

Мазкур жараён амалий соҳаларда ҳам ўз ифодасини топди. Туркия фуқаролари учун визани соддалаштириш ва кейинчалик 30 кунлик визасиз режим жорий қилиниши икки давлат ўртасидаги инсонлар алмашинувини сезиларли даражада оширди. Агар 2016 йилгача ҳафтасига 5 та авиақатнов амалга оширилган бўлса, бугунги кунда уларнинг сони қарийб 100 тага етгани муносабатларнинг жадал ривожланаётганидан далолат беради.

2018 йил 29 апрель – 1 май кунлари Президент Ражаб Таййиб Эрдоғаннинг Ўзбекистонга давлат ташрифи доирасида “Юқори даражали стратегик ҳамкорлик кенгаши”ни ташкил этиш тўғрисида қарор қабул қилинди ҳамда турли соҳаларга оид 25 та ҳужжат имзоланди. Бу эса муносабатларни институционал асосда ривожлантиришга хизмат қилди.

Ўзбекистоннинг туркий интеграция жараёнларидаги иштироки ҳам сезиларли даражада кучайди. Хусусан, мамлакатнинг 2019 йилда Туркий давлатлар ташкилотига аъзо бўлиши унинг туркий дунё билан яқинлашиш сиёсатида муҳим қадам бўлди. 2022 йилда Самарқанд шаҳрида ўтказилган Туркий давлатлар ташкилоти саммити эса ташкилотнинг янги форматдаги биринчи йиғини сифатида тарихий аҳамият касб этди.

2020 йил февраль ойида Туркия–Ўзбекистон Юқори даражали стратегик ҳамкорлик кенгашининг биринчи йиғилиши бўлиб ўтди. Кейинги йиғилишлар Тошкент ва Анқара шаҳарларида давом эттирилди. Хусусан, 2024 йил 6 июнда имзоланган “Кенг қамровли стратегик шерикликни чуқурлаштириш тўғрисидаги қўшма баёнот” икки давлат муносабатларини энг юқори даражага олиб чиқди. Шунингдек, турли соҳаларда ҳамкорликни кенгайтиришга қаратилган 20 га яқин келишув имзоланди.

Мудофаа ва хавфсизлик соҳасидаги ҳамкорлик

Сўнгги йилларда Туркия ва Ўзбекистон ўртасидаги муносабатлар мудофаа ва хавфсизлик соҳасида ҳам фаол ривожланмоқда. Минтақавий хавфсизлик, транспорт йўлаклари муҳофазаси, ноқонуний миграция ва трансмиллий жиноятчиликка қарши кураш соҳаларида ҳамкорликни мустаҳкамлашга алоҳида эътибор қаратилмоқда.

2022 йил 29 март куни Тошкентда имзоланган “Ҳарбий доиравий келишув” ҳарбий таълим, қўшма машғулотлар, мудофаа саноати, ҳарбий разведка, логистика ва киберхавфсизлик соҳаларида ҳамкорликни ривожлантиришни назарда тутади. Шунингдек, 2021 йилда имзоланган

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

мудофаа саноати соҳасидаги ҳамкорлик тўғрисидаги битим икки мамлакатнинг мудофаа салоҳиятини оширишга қаратилган муҳим ҳуқуқий асос бўлиб хизмат қилмоқда.

Кейинги йилларда ташқи ишлар, ички ишлар ва разведка идоралари иштирокида “3+3” механизмининг ташкил қилиниши ҳам муносабатларнинг институционаллашувида муҳим аҳамият касб этди. Кейинчалик ушбу формат мудофаа вазирлари ҳам қўшилиши билан “4+4” механизмига айлантирилди.

Иқтисодий ҳамкорликнинг кенгайиши

Ўзбекистон бой табиий ресурсларга эга давлат ҳисобланади. Олтин, мис, уран, табиий газ ва бошқа стратегик минерал захиралари мамлакат иқтисодий салоҳиятини белгилаб берувчи муҳим омиллардир. Олтин захиралари бўйича Ўзбекистон дунёда тўртинчи ўринни эгаллайди.

2024 йил якунларига кўра, Ўзбекистоннинг ташқи савдо ҳажми изчил ўсишни намоён қилди. Туркия мамлакатнинг энг йирик савдо шерикларидан бири бўлиб, икки давлат ўртасидаги савдо айланмасини ўрта муддатда 5 миллиард долларга, узоқ муддатда эса 10 миллиард долларга етказиш мақсад қилинган.

Бугунги кунда Ўзбекистонда тўқимачилик, қурилиш, қишлоқ хўжалиги, фармацевтика, озиқ-овқат ва хизмат кўрсатиш соҳаларида фаолият юритаётган қарийб 2000 та турк капитали иштирокидаги корхона мавжуд. Бу ҳолат Туркиянинг Ўзбекистон иқтисодиётида муҳим инвестицион шерикка айланганини кўрсатади.

Ўзбекистоннинг Туркий давлатлар ташкилотидаги фаоллиги

Ўзбекистон Туркий давлатлар ташкилотига кечроқ аъзо бўлганига қарамай, ташкилот доирасида фаол ташаббуслар билан чиқмоқда. Президент Шавкат Мирзиёев томонидан илгари сурилган қатор ташаббуслар ташкилотнинг институционал ва иқтисодий салоҳиятини оширишга қаратилган.

Хусусан, 2025 йилдаги саммитда Мирзиёев “Стратегик шериклик, абадий дўстлик ва қардошлик шартномаси”ни имзолаш, ТДТ ташқи ишлар вазирлари ва разведка раҳбарларининг мунтазам учрашувларини ташкил қилиш, “2030 ривожланиш стратегияси”ни ишлаб чиқиш каби таклифларни илгари сурди.

Шунингдек, транспорт ва логистика соҳасида Хитой–Қирғизистон–Ўзбекистон темир йўли ҳамда Транс-Афғонистон темир йўлини Ўрта коридор билан боғлаш ғояси минтақавий интеграция нуқтаи назаридан муҳим стратегик аҳамиятга эга экани таъкидланди.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ХУЛОСА

Туркия ва Ўзбекистон ўртасидаги муносабатлар умумий тарихий-маданий қадриятлар, қардошлик ва ўзаро манфаатлар асосида изчил ривожланиб бормоқда. Айниқса, Шавкат Мирзиёев даврида муносабатлар янги босқичга кўтарилиб, сиёсий, иқтисодий, маданий ва ҳарбий соҳаларда кенг қамровли ҳамкорлик шаклланди.

Икки давлат ўртасидаги визавий енгилликлар, савдо-иқтисодий алоқаларнинг ўсиши, таълим ва маданий ҳамкорликнинг кенгайиши халқлар ўртасидаги яқинликни мустаҳкамламоқда. Шу билан бирга, Туркий давлатлар ташкилоти доирасидаги ҳамкорлик ҳам Туркия ва Ўзбекистоннинг халқаро майдондаги сиёсий ва геоиқтисодий аҳамиятини кучайтирмоқда.

ФОЙДАЛАНИЛГАН МАНБАЛАР

1. Joshua Kucera, “Uzbekistan to Relaunch Defense Industry with Turkish Joint Venture,” Eurasianet, October 27, 2017. (https://eurasianet.org/uzbekistan-to-relaunch-defense-industry-with-turkish-joint-venture)
2. Gareth Jennings, “Uzbekistan fielding Bayraktar TB2 UCAVs,” Jane’s Defence News, November 23, 2023. (https://www.janes.com/defence-news/newsdetail/uzbekistan-fielding-bayraktar-tb2-ucavs)
3. “Turkish military to hold joint drills with Azerbaijan, Uzbekistan, Pakistan,” Daily Sabah, April 23, 2019. (https://www.dailysabah.com/politics/2019/04/23/turkish-military-to-hold-joint-drillswith-azerbaijan-uzbekistan-pakistan)
4. Anadolu Ajansı (AA). Türkiye ile Kırgızistan arasında 19 anlaşma imzalandı. 05.11.2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/enerjiterminali/enerji-diplomasi/turkiye-ile-kirgizistan-arasinda-19-anlasma-imzalandi/44431i (мурожаат санаси: 21.01.2025).
5. Anadolu Ajansı (AA). Türkiye ile Türkmenistan arasında 8 anlaşma imzalandı. 27.11.2021. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-ile-turkmenistan-arasinda-8-anlasmaimzalandi/2432340 (мурожаат санаси: 21.01.2025).
6. Anadolu Ajansı (AA). Türkiye ve Macaristan arasında 17 maddelik iş birliği anlaşması imzalandı. 18.12.2023. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-ve-macaristan-arasinda-17-maddelik-isbirligi-anlasmasi-imzalandi/3086126 (мурожаат санаси: 21.01.2025).
7. Anadolu Ajansı (AA). Milletlerarası anlaşmalar Resmî Gazete’de yayımlandı. 28.12.2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/milletlerarasi-anlasmalar-resmi-gazetede-yayimlandi/3436364 (мурожаат санаси: 18.01.2025).

8. BBC News Türkçe. Orta Asya ülkelerinde Türk şirketlerin İHA ve SİHA’larına ilgi artıyor. 19.01.2024. URL: https://www.bbc.com/turkce/articles/c9x2xz2nnjlo (мурожаат санаси: 19.01.2025).
9. Türk Devletleri Teşkilatı (TDT). Türk Dünyası 2040 Vizyonu. URL: https://turkicstates.org/u/d/news/5-ek-turk-dunyasi-2040-vizyonu.pdf (мурожаат санаси: 17.01.2025).
10. T.C. Dışişleri Bakanlığı. Türk Devletleri Teşkilatı ва мамлакат маълумотлари. URL: https://www.mfa.gov.tr (мурожаат санаси: 01.01.2025).
11. SIPRI. SIPRI Yearbook 2024. Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-06/yb24_summary_en_2_1.pdf (мурожаат санаси: 17.01.2025).

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

ТУРКИЙ ДАВЛАТЛАР ТАШКИЛОТИ ДОИРАСИДА ҲАРБИЙ ВА ҲАРБИЙ-ТЕХНИК ҲАМКОРЛИКНИНГ РИВОЖЛАНИШИ

Дилмурод Хўжамбердиев

АННОТАЦИЯ

Мақолада Туркий давлатлар ташкилоти доирасида ҳарбий ва ҳарбий-техник ҳамкорликнинг ривожланиш тенденциялари таҳлил қилинган. Туркиянинг мудофаа саноати салоҳияти, Озарбайжоннинг фаол иштироки, Марказий Осиё давлатларининг хавфсизлик манфаатлари ҳамда қўшма ҳарбий машғулотлар ва мудофаа саноати лойиҳалари ўрганилган. Шунингдек, туркий давлатлар ўртасидаги ҳамкорликнинг минтақавий хавфсизлик архитектурасига таъсири ва унинг истиқболлари баҳоланган.

Калит сўзлар: *Туркий давлатлар ташкилоти, ҳарбий ҳамкорлик, ҳарбий-техник ҳамкорлик, Туркия, Озарбайжон, Марказий Осиё, мудофаа саноати, минтақавий хавфсизлик.*

ABSTRACT

This article examines the development of military and military-technical cooperation within the Organization of Turkic States. It analyzes Türkiye’s defence industry capabilities, Azerbaijan’s active role, the security interests of Central Asian states, and the expansion of joint military exercises and defence-industrial projects. The study also evaluates the impact of this cooperation on the regional security architecture and its future prospects.

Keywords: *Organization of Turkic States, military cooperation, military-technical cooperation, Türkiye, Azerbaijan, Central Asia, defence industry, regional security.*

КИРИШ

Глобал ва минтақавий хавфсизлик муҳитининг ўзгариши, янги қуролли можароларнинг пайдо бўлиши ҳамда геосиёсий рақобатнинг кучайиши туркий давлатлар ўртасидаги ҳарбий ва ҳарбий-техник ҳамкорликнинг аҳамиятини оширмоқда. Хусусан, Россия–Украина уруши, Яқин Шарқдаги беқарорлик ва Афғонистон атрофидаги хавфсизлик таҳдидлари Марказий Осиё ва Кавказ минтақаларида мудофаа соҳасидаги ҳамкорликни янги босқичга олиб чиқди. Бу жараёнда Туркий давлатлар ташкилоти аъзо давлатлар ўртасида хавфсизликни таъминлаш, ҳарбий салоҳиятни ошириш ва мудофаа саноати

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

соҳасидаги шерикликни ривожлантириш учун муҳим институционал платформа сифатида намоён бўлмоқда. Шу боис мазкур йўналишни тадқиқ этиш минтақавий хавфсизлик тенденцияларини англашда муҳим аҳамият касб этади.

ТДТ аъзолари хавфсизлик соҳасида турли ташқи сиёсий ва ҳарбий йўналишларга эга. Туркия НАТО аъзоси ҳисобланса, Қозоғистон ва Қирғизистон Коллектив хавфсизлик шартномаси ташкилотига аъзо бўлиб қолмоқда. Ўзбекистон 2012 йилда КХШТдаги иштирокини тўхтатган, Озарбайжон эса мазкур ташкилотга ҳеч қачон қўшилмаган. Туркманистон доимий бетарафлик сиёсатига амал қилади. Шу сабабли туркий давлатлар ўртасидаги ҳарбий ҳамкорлик ягона ҳарбий иттифоқ шаклида эмас, балки манфаатлар уйғунлиги ва прагматик шериклик асосида ривожланмоқда.

Бу жараёнда Туркия алоҳида ўрин эгаллайди. НАТО аъзоси сифатида у туркий давлатларга замонавий ҳарбий бошқарув тажрибаси, НАТО стандартлари ва мудофаа соҳасидаги илғор технологияларни таклиф қилмоқда. 1991 йилдан кейин Туркия ва бошқа туркий давлатлар ўртасида кўплаб ҳарбий ҳамкорлик келишувлари имзоланди.

Туркия ва Озарбайжон ўртасидаги ҳарбий ҳамкорлик туркий макондаги энг ривожланган ҳамкорлик модели ҳисобланади. 2010 йилда имзоланган “Стратегик шериклик ва ўзаро қўллаб-қувватлаш тўғрисидаги” келишув ҳамда 2021 йилги “Шуша декларацияси” муносабатларни иттифоқчилик даражасига олиб чиқди. Мазкур ҳужжатлар қўшма ҳарбий машғулотлар, кадрлар тайёрлаш, мудофаа саноати соҳасидаги ҳамкорлик ва хавфсизлик соҳасида мувофиқлаштирилган сиёсат юритиш учун ҳуқуқий асос яратди.

Сўнгги йилларда Озарбайжон Қозоғистон ва Ўзбекистон билан ҳарбий ҳамкорликни фаол ривожлантирмоқда. 2024 йилда Озарбайжон ва Ўзбекистон ўртасида “Иттифоқчилик муносабатлари тўғрисидаги шартнома” имзоланди. Бундан аввал Қозоғистон ва Ўзбекистон ҳам ўзаро иттифоқчилик муносабатларини мустаҳкамлашга қаратилган шартнома қабул қилган эди.

Ҳарбий ҳамкорликнинг муҳим йўналишларидан бири қўшма ҳарбий машғулотлар ҳисобланади. Туркия ва Озарбайжон ўртасида мунтазам равишда машғулотлар ўтказиб келинмоқда. Шу билан бирга, 2024 йилда Қозоғистонда “Бирлестик–2024”, 2025 йилда Ўзбекистонда “Бирлик–2025” машғулотлари ташкил этилди. Уларда Озарбайжон ва Марказий Осиё давлатлари ҳарбий хизматчилари иштирок этди. Шунингдек, 2025 йилда Озарбайжон, Қозоғистон, Ўзбекистон ва Туркия Покистон билан биргаликда “Infinite Brotherhood IV” ҳарбий машғулотини ўтказди. Бундай тадбирлар

давлатлар ўртасидаги ўзаро мувофиқликни ошириш ва қўшма ҳаракатлар кўникмаларини шакллантиришга хизмат қилмоқда.

Ҳарбий-техник ҳамкорлик соҳасида ҳам сезиларли фаоллик кузатилмоқда. Туркия мудофаа саноати маҳсулотларини туркий давлатлар бозорларига кенгроқ чиқаришга интилмоқда. Шу мақсадда 2025 йил июль ойида Истанбулда ТДТ давлатлари мудофаа саноати муассасалари раҳбарларининг биринчи йиғилиши ўтказилди. Унда Туркия, Озарбайжон, Қозоғистон, Қирғизистон ва Ўзбекистон вакиллари иштирок этди.

Марказий Осиё давлатлари қурол-яроғ таъминотини диверсификация қилишга ҳаракат қилмоқда. Бироқ Туркия ҳозирча Россия ўрнини тўлиқ эгаллаётган эмас, балки уни тўлдирувчи ҳамкор сифатида намоён бўлмоқда. Туркманистон турк зирҳли техникалари, учувчисиз аппаратлар ва патруль кемаларини харид қилмоқда, аммо оғир қурол-яроғ соҳасида Россиянинг мавқеи сақланиб қолмоқда.

Қозоғистон маҳаллийлаштириш даражаси юқори бўлган қўшма ишлаб чиқариш лойиҳаларига қизиқиш билдирмоқда. 2022 йилда ANKA дронларини қўшма ишлаб чиқариш бўйича келишув имзоланди. Ўзбекистон эса EJDER 4x4 зирҳли машиналарини қўшма ишлаб чиқариш ва авиация соҳасида ҳамкорлик қилиш имкониятларини кўриб чиқмоқда.

Қирғизистон Туркияда ишлаб чиқариладиган Bayraktar TB2, Aksungur, Akıncı ва ANKA дронларини харид қилган ягона давлат ҳисобланади. Тожикистон билан ҳам ҳарбий-молиявий ҳамкорлик тўғрисидаги келишувлар имзоланиб, қурол-яроғ хариди ва ҳарбий кадрлар тайёрлаш учун молиявий кўмак ажратилди.

Туркиянинг мудофаа саноати компаниялари ҳам минтақадаги иштирокини кенгайтирмоқда. ASELSAN компанияси Озарбайжонда ўз шўъба корхонасини ташкил этган бўлса, Қозоғистонда маҳаллий ҳамкорлар билан қўшма корхона фаолият юритмоқда. Бу эса туркий давлатлар ўртасидаги технологик ва саноат кооперациясининг кучайиб бораётганини кўрсатади.

Россия муҳим қурол етказиб берувчи бўлиб қолаётган бўлса-да, Туркия минтақавий мудофаа бозорларида тобора муҳим ўринни эгаллашга муваффақ бўлди. Марказий Осиё давлатларининг қурол-яроғ захиралари асосан совет давридан мерос бўлиб қолган ҳарбий техникалардан иборат. Шу билан бирга, Россия ҳанузгача минтақа учун муҳим қурол-яроғ етказиб берувчилардан бири ҳисобланади. Бироқ сўнгги йилларда Туркия ҳам минтақавий мудофаа бозорларида тобора мустаҳкам ўрин эгаллаб бормоқда.

Бу жараёнда учувчисиз учиш аппаратларининг роли алоҳида аҳамиятга эга. Хусусан, Bayraktar TB2 туридаги дронлар Иккинчи Қорабоғ уруши давомида намоён этган юқори самарадорлиги туфайли минтақа давлатлари орасида катта нуфуз қозонди. Натижада кейинги йилларда бир қатор туркий давлатлар Туркияда ишлаб чиқарилган учувчисиз аппаратларни харид қилишга киришди.

Хусусан, Туркманистон ва Қирғизистон нисбатан арзон ва самарали ҳисобланган турк жанговар дронларини ўз қуролли кучлари таркибига қабул қилди. Шунингдек, Туркманистон ўзининг денгиз салоҳиятини ривожлантириш мақсадида Туркиянинг мудофаа саноати корхоналари, жумладан “Dearsan Shipyard” компанияси билан ҳамкорлик ўрнатди. Ушбу келишувлар доирасида сўнгги ўн йил мобайнида бир нечта патруль кемалари ва корветлар ишлаб чиқарилди ҳамда фойдаланишга топширилди.

Қозоғистон ҳам учувчисиз авиация соҳасида миллий имкониятларни ривожлантиришга катта эътибор қаратмоқда. Мамлакат “Turkish Aerospace Industries” компанияси билан келишув имзолаб, унинг дронларини лицензия асосида маҳаллий ишлаб чиқариш ҳуқуқини қўлга киритди. Бундан ташқари, Қозоғистон Туркиянинг “Baykar” компанияси томонидан ишлаб чиқарилган Bayraktar TB2 тизимларини ҳам харид қилди.

Мазкур қадамлар стратегик аҳамиятга эга бўлиб, туркий давлатларнинг мудофаа соҳасида технологик мустақилликка интилишини намоён этади. Туркия тажрибасидан илҳомланган ҳолда бошқа туркий давлатлар ҳам замонавий хавфсизлик таҳдидларига мослаштирилган миллий мудофаа саноатини шакллантириш ва ривожлантиришга ҳаракат қила бошлади.

Туркий давлатлар ташкилоти доирасида ҳарбий ҳамкорликнинг кенгайиши Ўзбекистон ва ташкилотга аъзо давлатлар ўртасида ҳам янги шериклик имкониятларини яратиши кутилмоқда. Бу эса нафақат мудофаа саноати соҳасидаги ҳамкорликни чуқурлаштиришга, балки технологик инновациялар, ҳарбий таълим ва хавфсизлик соҳасидаги тажриба алмашувини кенгайтиришга ҳам хизмат қилиши мумкин.

ХУЛОСА

Таҳлиллар шуни кўрсатадики, Туркий давлатлар ташкилоти доирасида ҳарбий ва ҳарбий-техник ҳамкорлик изчил ривожланмоқда. Туркия ва Озарбайжон мазкур жараённинг асосий ҳаракатлантирувчи кучлари бўлиб хизмат қилмоқда. Қўшма машғулотлар, мудофаа саноати лойиҳалари ва ҳарбий технологиялар алмашинуви ташкилотнинг хавфсизлик соҳасидаги

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

аҳамиятини оширмоқда. Бироқ аъзо давлатларнинг турли ҳарбий-сиёсий йўналишлари туфайли ТДТ яқин истиқболда ҳарбий блок эмас, балки хавфсизлик ва мудофаа соҳасидаги мувофиқлаштирувчи ҳамкорлик платформаси сифатида ривожланиши эҳтимоли юқори.

АДАБИЁТЛАР РЎЙХАТИ

1. Organization of Turkic States. “The 1st Meeting of the Heads of Defense Industry Institutions of the OTS Was Held in Istanbul.” July 23, 2025. Accessed June 3, 2026. Organization of Turkic States.
2. Middle East Eye. “Kyrgyzstan Makes Turkey’s First Drone Purchase in Central Asia.” Accessed June 3, 2026. Middle East Eye.
3. Caspian News. “Russia and Uzbekistan Sign Long-Term Military Partnership Agreement.” January 24, 2025. Accessed June 3, 2026. Caspian News.
4. Cronos Asia. “Bespilotniki: Turkey Defense and Central Asia.” Accessed June 3, 2026. Cronos Asia.
5. Nightingale Intelligence. “Drones over the Steppe: Türkiye’s Influence on Central Asia’s Defense Sector.” Accessed June 3, 2026. Nightingale Intelligence.
6. Special Eurasia. “CSTO Rubezh-2025 Military Exercise: Russia’s New Operational Lessons for Central Asia.” September 18, 2025. Accessed June 3, 2026. Special Eurasia.
7. Gazeta.uz. “Uzbekistan Hosts ‘Birlik-2025’ Regional Military Exercises.” July 16, 2025. Accessed June 3, 2026. Gazeta.uz.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

TEMURIYLAR VA MIN SULOLASI O‘RTASIDAGI DIPLOMATIK ALOQALAR

Xudoyberdiyev Akbarjon Alisher o‘g‘li
stajyor-o‘qituvchi.
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti.
javliyev9577@gmail.com
Tel.: +998917969101.

Annotatsiya*: Ushbu maqolada XIV–XV asrlarda Markaziy Osiyoda shakllangan Temuriylar davlati va Xitoydagi Min sulolasi o‘rtasidagi diplomatik aloqalar tahlil qilinadi. Maqolada diplomatik aloqalarning shakllanishi, rivojlanish dinamikasi, elchilik institutlari, savdo-iqtisodiy asoslar va madaniy almashinuv jarayonlari o‘rganiladi. Shuningdek, ikki davlatning tashqi siyosiy strategiyalari va ularning o‘zaro ta’siri tahlil qilinadi.*

Kalit so‘zlar*: Temuriylar, Min sulolasi, diplomatiya, tribut tizimi, elchilik, Ipak yo‘li, geosiyosat, tarixiy manbalar.*

Abstract: *This article analyzes the diplomatic relations between the Timurid Empire in Central Asia and the Ming dynasty in China during the 14th–15th centuries. The study examines the formation and development of diplomatic relations, the institution of embassies, trade and economic foundations, and processes of cultural exchange. It also analyzes the foreign policy strategies of both states and their mutual interactions.*

Keywords: *Timurid Empire, Ming dynasty, diplomacy, tributary system, embassies, Silk Road, geopolitics, historical sources.*

Аннотация: *В данной статье анализируются дипломатические отношения между государством Тимуридов в Центральной Азии и династией Мин в Китае в XIV–XV веках. В исследовании рассматриваются формирование и динамика развития дипломатических связей, институт посольств, торгово-экономические основы и процессы культурного обмена. Также анализируются внешнеполитические стратегии двух государств и их взаимное влияние.*

Ключевые слова: *государство Тимуридов, династия Мин, дипломатия, данническая система, посольства, Шёлковый путь, геополитика, исторические источники.*

XIV asr oxiri va XV asr boshlarida Yevroosiyo hududida siyosiy makon tubdan o‘zgarish jarayonini boshdan kechirdi. Bu davrda Markaziy Osiyoda Amir Temur tomonidan barpo etilgan Temuriylar davlati qisqa muddat ichida keng hududlarni egallab, mintaqaning eng muhim siyosiy kuchlaridan biriga aylandi. Shu bilan birga, Xitoyda Min sulolasi hukmronligi mustahkamlanib, ichki siyosiy barqarorlik va markazlashgan boshqaruv tizimi shakllandi. Ushbu ikki yirik siyosiy markazning parallel ravishda rivojlanishi ularning o‘zaro aloqalarini tarixiy zarurat darajasiga olib chiqdi.

Temuriylar va Min sulolasi o‘rtasidagi diplomatik munosabatlarni to‘g‘ri tushunish uchun ularning tashqi siyosiy paradigmasini tahlil qilish zarur. Temuriylar davlati tashqi siyosatda ekspansionistik va pragmatik yondashuvni qo‘llagan bo‘lsa, Min sulolasi ko‘proq markazlashgan, ierarxik va marosimiy diplomatiya modeliga tayangan. Shu bois ikki davlat o‘rtasidagi aloqalar oddiy diplomatik muloqot emas, balki ikki xil siyosiy tafakkur tizimining o‘zaro to‘qnashuvi va moslashuvi sifatida namoyon bo‘ladi.

Dastlabki diplomatik aloqalar XIV asrning oxirgi choragida yuzaga kelgan. Xitoyning rasmiy yilnomalari — “Ming Shi”[472], “Xuy Yao” (“Xulosa sharhlari”) , “Ming Suy Yao” (“Min sulolasining qisqacha sharhi”) Long Venbing (1821-1893) tomonidan yaratilgan asarlarda qayd etilishicha, 1387-yildan boshlab Markaziy Osiyodan Min saroyiga elchilar tashrif buyura boshlagan. Bu elchiliklar o‘z tabiatiga ko‘ra ko‘p funksiyali bo‘lib, ular bir vaqtning o‘zida siyosiy tan olish, savdo aloqalarini yo‘lga qo‘yish va harbiy-siyosiy vaziyatni o‘rganish vazifalarini bajargan. Ayniqsa, elchiliklar tarkibida savdogarlarning mavjudligi diplomatiya va iqtisodiy manfaatlarning o‘zaro bog‘liqligini ko‘rsatadi. Xe Yanning “Sinzian lishi yanziu” asarida esa Amir Temurning Pekinga 8 marta elchi jo’natganligi yoziladi.Unda aytilishicha, 1388 yilda elchi Mavlono Xofiz kelgan.Karvon tarkibida: otlar (15 bosh) va ikkita tuya bilan; 1389 yilda Xitoyga 205 ta ot olib kelingan; 1392 yilda Sho Halil karvonboshi ot, tuya va mahalliy mollar olib kelgan; keyingi yili (1393) Samarqanddan elchilar ot (84), tuya (6), jun mato (6 o’ram) va boshqa mahalliy tovarlar olib keladi; 1395 yilda elchi Dalimishi otlar bilan Xitoy poytaxtiga keldi (200); keyingi yili u yana 212 dona ot olib keldi; va nihoyat, 1397 yilda ma'lum bir Alomat ad-din (Xitoy hujjatlarida - musulmon Alam ad-Din deya qayd etilgan) va yana 20 kishi, shuningdek, musulmon Chjalula va uning odamlari (191 kishi) Xitoyga 1095 ot haydab ketishdi deyiladi .Amir Temur elchilar orqali Xitoy imperatoriga ot, tuya va boshqa ko‘plab sovg‘alar yuborgan. Bunga javoban Min imperatori kumush va ipak matolarni yubordi. 1396-yilda Amir Temur o‘zining

[472] Min Shi. (Min sulolasi tarixi) . – Шанхай. 1958. – 3975 с.

elchisi Alomat ad-Din orqali imperatorga maktub yo‘llab, o‘zi olgan sovg‘alar uchun minnatdorchilik bildiradi[473].

1390-yillarga kelib Temuriylar davlatining siyosiy kuchi ortib borgani sari Min sulolasi bilan aloqalar ham murakkablasha boshlaydi. Amir Temur tomonidan olib borilgan harbiy yurishlar natijasida Yevroosiyo hududida yangi kuch markazi shakllanadi. Bu holat Xitoy saroyida ham e’tibordan chetda qolmagan. Xitoy manbalarida Temuriylar davlati kuchli harbiy-siyosiy tuzilma sifatida tasvirlanadi va unga nisbatan ehtiyotkor diplomatik siyosat yuritilgani qayd etiladi.

Tarixchi olim Serruysning yozishicha, Min hukumati 1405 yilda rejalashtirilgan Amir Temur bosqiniga qarshi mudofaani kuchaytirishga harakat qiladilar. Temurning Sharqqa harbiy yurishga tayyorgarligidan xabar topgan imperator Yongle o‘zining Gansudagi qurolli qo‘shinlari qo‘mondonligiga ehtimoliy hujumni qaytarish uchun tayyorgarlik ko‘rishni buyuradi, biroq ular Amir Temur hujumiga qarshilik ko‘rsatishga qanchalik tayyorligi hali aniq emas edi[474] .

Amir Temur davri va uning vafotidan keyin uning avlodlari Xitoy bilan savdo-sotiq va elchlik aloqalarini davom ettirganlar. Amir Temur barpo etgan buyuk saltanat o‘sha davrdan boshlab nafaqat qo’shni mamlakatlar va ularning podsholarini, balki uzoq yurtlar hukmdorlarini ham o‘ziga jalb etib kelgan. Amir Temur diplomatiyasining o‘ziga xos tomonlaridan biri – u o’zining barcha murojaatlarida, hatto qat’iy talab shaklida yozilgan nomalarida ham Sharq diplomatiyasi etiketlariga rioya qilgan. Ayrim yurtlar hukmdorlarining qo‘pol shaklda, ba’zi hollarda jahl bilan yozilgan nomalariga ham Sohibqiron hamma vaqt o’z fikrini aniq bayon qilgan holda madaniyat va odob bilan javob qilganini o’sha davrlardan meros bo’lib qolgan tarixiy xatlar orqali bilib olishimiz mumkin.

Amir Temur o’zining davlat boshqaruv usullari, diplomatik mahoratini Temuriyzoda shahzodalarga o’rgatish maqsadida “Temur tuzuklarini shakllantirgan. Jumladan unda shunday yoziladi: Davlat boshqaruvi va o’zga davlatlar bilan bo’ladigan munosabatlarning o’ndan to’qqiz qismini maslahat, kengash, bir qismini qurol kuchi bilan amalga oshirdim”.

1402–1404-yillarda Temuriylar davlati o‘zining eng yuqori siyosiy qudratiga erishgan davrda Amir Temur Xitoyga qarshi yurish rejasini ishlab chiqadi. Tarixiy manbalarda qayd etilishicha, bu yurish uchun katta harbiy tayyorgarlik ko‘rilgan, qo‘shin safarbar etilgan va logistika masalalari hal etilgan. Ayrim tadqiqotchilar bu yurishda yuz minglab askarlar ishtirok etishi rejalashtirilganini ta’kidlaydi. Biroq

[473] Karimova N.E.Temuriylar bilan Xitoy aloqalari // «Sharqshunoslik» («Востковедение»). №7.– Toshkent. 1996. – B.50.
[474] Serruys H. Sino-Mongol Relations during the Ming: The Tribute System and Diplomatic Missions (1400-1600). – Brussel: Institut Belge des hautes etudes chinoises. – P. 221.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

1405-yilda Temurning vafoti tufayli ushbu reja amalga oshmay qoladi. Bu voqea ikki davlat o‘rtasidagi munosabatlar keskinlashuv ehtimoli mavjud bo‘lganini, ammo tarixiy sharoit bunga yo‘l qo‘ymaganini ko‘rsatadi.

Amir Temur vafotidan so‘ng hokimiyatni qo‘lga olgan SHohruh tashqi siyosatda keskin burilish yasadi. U harbiy ekspansiya o‘rniga diplomatik va iqtisodiy aloqalarni rivojlantirishni ustuvor vazifa sifatida belgiladi. Aynan Shahruh davrida Temuriylar va Min sulolasi o‘rtasidagi aloqalar eng yuqori darajada rivojlandi.

Xitoy manbalarida 1414-yilda Temuriylar elchilik missiyasining Pekinga kelgani haqida aniq ma’lumotlar mavjud. Ushbu elchilik tarkibida o‘nlab vakillar bo‘lib, ular orasida diplomatlar, savdogarlar va tarjimonlar bo‘lgan. Elchilik katta miqdorda sovg‘alar olib kelgan, jumladan, yuqori sifatli otlar, qimmatbaho toshlar va hunarmandchilik buyumlari. Min imperatori bu elchilikni tantanali ravishda qabul qilgan va javoban o‘z elchilarini Temuriylar davlatiga yuborgan[475].

1419–1422-yillar oralig‘ida diplomatik aloqalar eng faol bosqichga kiradi. Ushbu davrda deyarli har ikki-uch yilda bir marta elchilik almashinuvi amalga oshirilgan. Ayrim tarixiy hisob-kitoblarga ko‘ra, faqat Shahruh davrining o‘zida Xitoyga 20 dan ortiq elchilik yuborilgan. Bu esa o‘rta asr diplomatiyasi uchun juda yuqori ko‘rsatkich hisoblanadi.

Min sulolasi tomonidan yuborilgan elchiliklar ham muhim ahamiyatga ega bo‘lgan. Xitoy elchilari Samarqand va Hirot kabi shaharlarga tashrif buyurib, Temuriylar davlatining siyosiy, iqtisodiy va madaniy hayoti haqida batafsil ma’lumotlar to‘plagan. Ularning yozib qoldirgan hisobotlarida Temuriylar davlatining rivojlangan savdo tizimi, kuchli harbiy tashkiloti va yuqori darajadagi saroy madaniyati alohida ta’kidlanadi.

Diplomatik aloqalarning iqtisodiy asosini Buyuk Ipak yo‘li tashkil etgan. Ushbu yo‘l orqali ikki davlat o‘rtasida keng ko‘lamli savdo amalga oshirilgan. Xitoydan ipak, chinni va qog‘oz kabi mahsulotlar olib kelingan bo‘lsa, Temuriylar hududidan otlar, metall buyumlar va qimmatbaho toshlar eksport qilingan. Ayniqsa, Markaziy Osiyo otlari Xitoyda juda katta talabga ega bo‘lib, ular harbiy maqsadlarda keng qo‘llanilgan.

Elchilik almashinuvi jarayonida Shohruh elchilarini kutib olish jarayonlarini tasvirlab bergan G’iyosiddin Naqqosh shunday yozadi : Xitoyga qarashli birinchi katta shahar Sokjuda imperatorning xos nadimlari elchilarni katta tantana va ehtirom bilan kutib oldilar va katta dasturxon yozib ziyofat berdilar. Elchilarning

[475] [475] Бартольд В.В. Улугбек и его время. Из истории эпохи Улугбека. // Собрание сочинений в 9-ти т. –Т. 1964. Т.2 (2). – С.112.

poytaxtga bexatar yetib olishi uchun har bir bekatda maxsus xizmatchilar kutib olib, ularni joy, oziq-ovqat va keyingi bekatga bexatar etib olishlarini ta’minladilar”. G’iyosiddin Naqqosh asarida imperator Chju-Du huzuridagi qabul marosimini ham batafsil tasvirlaydi. Pekinda elchilar sharafiga shohona dasturxonlar tuzatiladi. Ammo, ular ayni paytda musulmonlar taqvimi bo’yicha ramazon oyi ekanligi, elchilarning barchasi ro’zadorligini bilishgach, ulardan darhol uzr so’rashadi. Elchilar Xitoy yangi yilining nishonlanishiga ham guvoh bo’lishgan. Bayram kunlari poytaxt ko’chalaridagi mushakbozliklar, turli xalq o’yinlari, masxarabozlarning ko’ngilochar tomoshalari, Xitoy taomlari G’iyosiddin Naqqoshda katta taassurot qoldiradi. Temuriylarning elchilari olib kelgan turli-tuman sovg’alar orasida otlar ham bor edi. Xitoy imperatori sovg’alarni mamnuniyat bilan qabul qiladi. Ertasiga elchilar saroyi oldiga imperator mulozimlari kelishadi Ma’lum bo’lishicha imperator Chju-Di Shohrux Mirzo jo’natgan otdan yiqilib, oyog’i qattiq shikastlangan[476]. Bundan g’azablangan imperator elchilarni jazolamoqchi bolgan. Shunda elchilardan biri Mavlono Xoja Yusuf imperatorning yaqin mulozimlaridan biriga yuzlanib vaziyatni yumshatadi. “A’lo hazratlariga yetgan ozor uchun albatta taassufdamiz. Ammo, buning uchun elchilarni jazolamoq to’g’rimikin? Zero elchi faqat o’z hukmdorining sovg’asini yetkazadi. Bu tulpor Sohibqiron Amir Temurning sevimli tulporlari bolib, imperator hazratlariga hurmat yuzasidan tuhfa sifatida yuborilgandi”. Shundan keyin imperator g’azabidan tushadi va elchilarni yana izzat-hurmat bilan o’z yurtlariga qaytishlari uchun ijozat beradi. Shuningdek Giyosiddin Naqqosh bu asarida Xitoyda mavjud bolgan siyosiy iqtisodiy, sud huquq tizimlari haqidagi muhim malumotlarni ham yozib qoldirgan. Jumladan uning yozishicha, ogir jinoyatga qol urganlar olis viloyatlardan poytaxtga keltirilar, aybdorning qilmishi taxtachaga yozilib, boyniga osib qoyilarkan. Imperatorning o’n ikki devoni bolib, jinoyatchining aybi har bir devon tomonidan tasdiqlanishi kerak.

XV asrda O’rta Osiyo bilan Xitoy o’rtasida jonli elchilik munosabatlari o’tganligi haqida bizga ma’lumot beruvchi G‘iyosiddin Naqqosh “Safarnoma”si temuriylar diplomatiyasi bo’yicha asosiy manbalardan hisoblanadi. “Safarnoma” ning yozilishi bevosita XIV-XV asrlarda Markaziy Osiyo bilan Xitoy o‘rtasida elchilik munosabatlarining rivoji asosida amalga oshgan. G‘iyosiddin Naqqoshning Xitoy safarnomasi Temuriylar davlati elchilik va savdo aloqalaridan so‘zlovchi qimmatli yozma manba va musulmon Sharq mamlakatlarida Xitoy haqida anchagina to‘la ma’lumotlar qayd etilgan yagona yozma yodgorlik sifatida tarixdan

[476] Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Перевод, предисловие, примечания и указатели Д.Ю.Юсуповой. – Ташкент, 1980. – С. 195

o‘rin oldi; tarixiy asarlarga kiritildi, nashrlari, boshqa tillarga tarjimalari mavjud. Ilmiy tadqiqotlarda keng yoritilgan va turli yillarda tarixshunoslik nuqtai nazaridan tahlil qilingan G‘iyosiddin Naqqoshning “Kundalik” xotirasi bebaho manba sifatida bir qancha tarixchilar tomonidan boshqa tillarga ham tarjima qilingan. Shu jumladan, o‘zbek tiliga ham. Akademik V. V. Bartold “Kundalik” musulmon olamida yozilgan asarlar ichida eng to‘la va e’tiborlisidir”, deb yozganligi ham bejiz emas. Afsuski, safarnomaning muallif tomonidan yozilgan qo‘lyozmasi saqlanmagan.

Elchiliklar ko‘pincha savdo karvonlari bilan birga harakat qilgan. Bu esa diplomatiya va iqtisodiy manfaatlarning ajralmas bog‘liqligini ko‘rsatadi. Elchilar nafaqat siyosiy vakil, balki iqtisodiy manfaatlarni himoya qiluvchi shaxs sifatida ham faoliyat yuritgan[477]. Shu sababli, o‘rta asr diplomatiyasini iqtisodiy diplomatiya elementi sifatida ham baholash mumkin.

Mirzo Ulug‘bek davrida diplomatik aloqalar nisbatan barqaror saqlanib qolgan bo‘lsa-da, ularning intensivligi biroz pasaygan. Biroq bu davrda madaniy va ilmiy almashinuv jarayonlari kuchaygan. Samarqand ilmiy markazga aylangan va bu yerda yaratilgan ilmiy asarlar butun islom dunyosiga va undan tashqariga tarqalgan.

Diplomatik aloqalarning yana bir muhim jihati — ularning geosiyosiy ahamiyatidir. Temuriylar davlati Yevroosiyo markazida joylashgan bo‘lib, Sharq va G‘arb o‘rtasidagi asosiy savdo yo‘llarini nazorat qilgan. Shu sababli Min sulolasi uchun Temuriylar bilan yaxshi munosabatlarni saqlab qolish strategik zarurat edi. Shu bilan birga, Temuriylar ham Xitoy bilan aloqalarni rivojlantirish orqali o‘z iqtisodiy va siyosiy manfaatlarini ta’minlashga intilgan.

Umuman olganda, Temuriylar davlati va Min sulolasi o‘rtasidagi diplomatik aloqalar murakkab, ko‘p qatlamli tizim sifatida shakllangan. Bu tizimda siyosiy manfaatlar, iqtisodiy ehtiyojlar va madaniy omillar o‘zaro uyg‘unlashgan. Ayniqsa, elchilik almashinuvi ushbu aloqalarning asosiy mexanizmi sifatida xizmat qilgan va ikki davlat o‘rtasidagi barqaror munosabatlarni ta’minlashda hal qiluvchi rol o‘ynagan.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR:

1. Min Shi. (Min sulolasi tarixi) . – Шанхай. 1958. – 3975 с
2. Karimova N.E.Temuriylar bilan Xitoy aloqalari // «Sharqshunoslik» («Востковедение»). №7.– Toshkent. 1996. – B.50.

[477] . Сыма Цянь.Исторические записки. – М: Наука, 1984. – 1200 с.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

3. Serruys H. Sino-Mongol Relations during the Ming: The Tribute System and Diplomatic Missions (1400-1600). – Brussel: Institut Belge des hautes etudes chinoises. – P. 221.
4. Бартольд В.В. Улугбек и его время. Из истории эпохи Улугбека. // Собрание сочинений в 9-ти т. –Т. 1964. Т.2 (2). – С.112.
5. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Перевод, предисловие, примечания и указатели Д.Ю.Юсуповой. – Ташкент, 1980. – С. 195.
6. Сыма Цянь.Исторические записки. – М: Наука, 1984. – 1200 с.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

MARKAZIY OSIYO DAVLATLARINING XALQARO TASHKILOTLAR BILAN BARQAROR RIVOJLANISH SOHASIDAGI HAMKORLIGI EVOLYUTSIYASI: MUSTAQILLIKKA ERISHISHDAN BARQAROR RIVOJLANISH MAQSADLARINI AMALGA OSHIRISHGACHA

Turanazarova Z.D.
Tadqiqotchi

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Markaziy Osiyo davlatlarining mustaqillikka erishganidan keyingi davrda xalqaro tashkilotlar bilan barqaror rivojlanish sohasidagi hamkorligining shakllanishi va evolyutsiyasi kompleks tahlil qilinadi. Tadqiqotda Qozog‘iston, Qirg‘iziston, Tojikiston, Turkmaniston va O‘zbekistonning Birlashgan Millatlar Tashkiloti, Jahon banki, Osiyo taraqqiyot banki, Yevropa Ittifoqi hamda boshqa xalqaro va mintaqaviy tashkilotlar bilan barqaror rivojlanish yo‘nalishlaridagi hamkorlik tajribasi ko‘rib chiqiladi.

Kalit so‘zlar: *Markaziy Osiyo, barqaror rivojlanish, Barqaror rivojlanish maqsadlari, xalqaro tashkilotlar, BMT, xalqaro hamkorlik, mintaqaviy hamkorlik, barqaror rivojlanish strategiyasi, ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanish, ekologik barqarorlik.*

Mustaqillikka erishgach, Markaziy Osiyo davlatlari davlat institutlarini shakllantirish, iqtisodiyotni isloh qilish va sovet davridagi xo‘jalik yuritish modeli keltirib chiqargan ekologik oqibatlarni bartaraf etish vazifalariga duch keldi.

1990-yillar yangi mustaqil davlatlarning xalqaro institutlarga qo‘shilishi va mintaqaviy hamkorlik mexanizmlarining shakllanishi bilan ajralib turdi. BMT va uning ixtisoslashgan muassasalari ijtimoiy islohotlar va atrof-muhitni muhofaza qilish siyosatini amalga oshirishga ekspertlik hamda dasturiy ko‘mak berdi.

Shu bilan birga, Markaziy Osiyo davlatlari qo‘shma yechimlar tashabbuskori sifatida ham maydonga chiqdi. 1993-yilda tashkil etilgan Orolni qutqarish xalqaro jamg‘armasi (OQXJ) Orol dengizining qurishi oqibatida yuzaga kelgan transchegaraviy muammolarga javob bo‘ldi [1]. 1998-yilgi Toshkent deklaratsiyasi iqtisodiy hamkorlik va jahon iqtisodiyotiga integratsiyalashuvga yo‘naltirilgan BMTning Markaziy Osiyo iqtisodiyotlari uchun maxsus dasturi (SPECA)ga asos soldi [2]. Shu tariqa ikki tomonlama texnik ko‘mak doimiy mintaqaviy hamkorlik maydonlari bilan to‘ldirildi.

(E)ISSN: 2181-1784
6 (23), May 26, 2026
www.oriens.uz

2000–2015-yillarda hamkorlik Mingyillik rivojlanish maqsadlari (MRM) bilan bog‘liq holda rivojlandi. Xalqaro hamkorlikda kambag‘allikka qarshi kurashish, ta’lim va sog‘liqni saqlashni rivojlantirish, gender tengligini ta’minlash bo‘yicha o‘lchanadigan maqsadlar belgilandi. BMT Markaziy Osiyo davlatlarining ayrim ijtimoiy vazifalar borasidagi yutuqlarini qayd etish bilan birga, ekologik ko‘rsatkichlar bo‘yicha ortda qolish holatlariga ham e’tibor qaratdi [3]. 2007-yilda besh davlat tashabbusi bilan Ashxobodda BMTning Markaziy Osiyo uchun preventiv diplomatiya bo‘yicha mintaqaviy markazi ish boshladi. Uning tashkil etilishi uzoq muddatli rivojlanish uchun muhim bo‘lgan transchegaraviy xavfsizlik masalalari yuzasidan muloqotning siyosiy asosini kengaytirdi [4]. Biroq MRM doirasidagi tarmoq dasturlari ijtimoiy natijalarni suv va energetika resurslarini boshqarish hamda atrof-muhitni muhofaza qilish bilan yetarli darajada bog‘lay olmadi.

2015-yilda Barqaror rivojlanish sohasidagi 2030-yilgacha bo‘lgan davrga mo‘ljallangan kun tartibi qabul qilindi. Undagi 17 ta Barqaror rivojlanish maqsadi (BRM) iqtisodiy, ijtimoiy va ekologik vazifalarni birlashtirdi. Ixtiyoriy milliy sharhlar mexanizmi esa davlatlarning ustuvor yo‘nalishlarni belgilash va natijalarni baholashdagi yetakchi rolini mustahkamladi [5]. Mintaqa davlatlari global maqsadlarni milliy strategiyalarga moslashtirib, BMTning Barqaror rivojlanish bo‘yicha yuqori darajadagi siyosiy forumida o‘z sharhlarini taqdim eta boshladi. Mintaqaviy darajada SPECA BRMga erishish yo‘lida transchegaraviy hamkorlik maydoni sifatida qo‘shimcha ahamiyat kasb etdi [2]. Shunday qilib, xalqaro tashkilotlar faqat loyihaviy yordam manbai bo‘lib qolmay, siyosatni ishlab chiqish, statistika tizimini rivojlantirish va sa’y-harakatlarni muvofiqlashtirishda hamkor sifatida tobora faolroq qatnashmoqda.

2010-yillarning oxiridan boshlab hamkorlikning yana bir jihati yaqqol ko‘rina boshladi: Markaziy Osiyo davlatlari o‘zlari uchun muhim masalalarni global kun tartibiga olib chiqmoqda. BMT Bosh Assambleyasining 72/283-sonli rezolyutsiyasi (2018) mintaqadagi tinchlik, barqarorlik va barqaror rivojlanish o‘rtasidagi bog‘liqlikni ta’kidladi; 72/273-sonli rezolyutsiya (2018) BMTning OQXJ bilan hamkorligini mustahkamladi; 75/278-sonli rezolyutsiya (2021) esa Orolbo‘yi mintaqasini ekologik innovatsiyalar va texnologiyalar hududi deb e’lon qildi [6–8]. BMTning Orolbo‘yi mintaqasi uchun ko‘p sherikli inson xavfsizligi trast jamg‘armasi mintaqaviy tashabbus xalqaro moliyalashtirishni sog‘liqni saqlash, moslashuv va bandlikka oid mahalliy dasturlar bilan qanday birlashtirishi mumkinligini ko‘rsatadi [9].

Tarixiy tahlil xalqaro institutlarga qo‘shilish va texnik ko‘mak bosqichidan me’yorlar, maqsadlar hamda ularni amalga oshirish mexanizmlarini birgalikda shakllantirish bosqichiga o‘tishni ko‘rsatadi. Ayni paytda umumiy deklaratsiyalarning o‘zi milliy manfaatlar o‘rtasidagi tafovutlarni bartaraf etmaydi. Suv va energetika sohasidagi qarorlarni muvofiqlashtirish, BRM bo‘yicha taqqoslanadigan ko‘rsatkichlardan foydalanish hamda transchegaraviy loyihalarni uzoq muddatli moliyalashtirish hamkorlikning amaliy samarasini oshirishi mumkin. Demak, mintaqaviy sheriklikning yetukligini davlatlar va xalqaro tashkilotlarning kelishilgan ustuvor yo‘nalishlarni butun Markaziy Osiyo aholisi uchun o‘lchanadigan natijalarga aylantira olish qobiliyati bilan baholash lozim.

FOYDALANILGAN MANBALAR

1. BMT. Country Profile: Uzbekistan. OQXJning 1993-yilda tashkil etilishiga oid bo‘lim. https://www.un.org/esa/earthsummit/uzbek-cp.htm
2. BMT Yevropa iqtisodiy komissiyasi. Special Programme for the Economies of Central Asia (SPECA). https://unece.org/speca
3. BMT. The Millennium Development Goals Report 2014: Caucasus and Central Asia.
1. https://www.un.org/millenniumgoals/pdf/MDGReport2014_PR_CentralAsia%20and%20Caucasus.pdf
4. UNRCCA. Background. https://unrcca.unmissions.org/en/background
5. BMT Bosh Assambleyasi. «Dunyomizni o‘zgartirish: 2030-yilgacha bo‘lgan davrda barqaror rivojlanish sohasidagi kun tartibi». 70/1-sonli rezolyutsiya, 2015-yil. https://sdgs.un.org/2030agenda
6. BMT Bosh Assambleyasi. 72/283-sonli rezolyutsiya, 2018-yil. https://digitallibrary.un.org/record/1631786
7. BMT Bosh Assambleyasi. 72/273-sonli rezolyutsiya, 2018-yil. https://digitallibrary.un.org/record/1483205
8. BMT Bosh Assambleyasi. 75/278-sonli rezolyutsiya, 2021-yil. https://digitallibrary.un.org/record/3928583
9. BMT Taraqqiyot dasturi. Multi-Partner Human Security Trust Fund for the Aral Sea Region, 2018. https://www.undp.org/uzbekistan/press-releases/multi-partner-human-security-trust-fund-aral-sea-region-advancing-regional-and-international-cooperation-support

CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ / MUNDARIJA

SHODMANOVA S. // Usmoniylar imperiyasida matbuot tizimi: shakllanish, rivojlanish va transformatsiya (1831-1923) ……	**4**
DONIYOROV A.X. // «Boburnoma» – O‘rta Osiyo va Hindiston tarixini o‘rganishda muhim manba……	**16**
КАРИМОВА Н. // Сведения Китайских письменных источников о торгово-посольских связях китая и империи Амира Темура в XV-XVI вв.…	**23**
ШАЗАМАНОВ Ш.И., САБИРОВ Л.О. // ХХР нинг энергетика тарихи ва сиёсати……	**38**
SADIBAQOSEV H.Sh. o‘g‘li. // Raqamli kapitalizm turlari va AQSH–Xitoy raqobati: raqobatlashuvchi texnologik makonlarning shakllanishi……..	**52**
ХОДЖАЕВ Л.Н. // Миср ташқи сиёсати устувор йўналишлари шаклланишида тарихий омилларнинг ўрни……	**55**
АЗИМОВ К.С. // Нефть как фактор конфликтности на ближнем востоке в XX веке……...	**63**
ХУДАЙБЕРДИЕВ А.Х. // Влияние внешнего фактора на изменение международного положения Йемена в начале XXI вв……	**70**
ТУРСУНОВА С.М. // Правовые институты мусульманского города……	**78**
XODJIMURATOVA D.S. // Eron siyosiy tizimi evolyutsiyasida teokratik hokimiyatning institutsionallashuvi…….	**92**
QODIROV Z.M. // Туркияда салжуқийлар даври тарихига оид тадқиқотлар (1920-1970 йиллар)……	**98**
FAYZULLAYEV A.H. o‘g‘li. // “Tolibon” tashqi siyosatining evolyutsiyasida vorisiylik va transformatsion o‘zgarishlar……	**109**
NAZARQULOVA N. // Uch qirollik davrida siyosiy boshqaruv tizimi……	**122**
XUBBALIYEVA M.X. // Xitoy sayyohlarining markaziy Osiyo tarixiga oid ma’lumotlari (qadimgi va o‘rta asrlar)……	**132**
КЕНЖАЕВА Н.С. // А.А. Семёновнинг помир ва унинг аҳолисини ўрганишга қўшган ҳиссаси……..	**139**
BAYQABILOV X.M. // Birlashgan millatlar tashkilotining Habitat dasturi va unda O‘zbekiston Respublikasi shaharlari ishtiroki……..	**149**
EGAMBERDIYEV A.A. o‘g‘li. // Davriy matbuotda Rossiya imperiyasi va Sharq mamlakatlari savdo aloqalarining yoritilishi…….	**157**
QALANDAROV O‘.F. o‘g‘li. // Eron tashqi siyosati xususiyatlari va tamoyillari (XX asr oxiri va XXI asr boshlarida)……	**167**
XAYRULLAYEVA I.F. // Hind jamiyatida gender nomutanosiblikni shakllantirishda an’anaviy urf-odatlar va diniy marosimlarning o‘rni……	**179**

MAMATKULOV S.Kh. ugli. // The role of constitutional transformations in the political institutional struggle in the Islamic Republic of Pakistan…… **186**

АКРАМОВА Ш.М. // Эволюция рыночных реформ в Китайской народной республике: от аграрных преобразований к индустриальному лидерству…… **195**

ПЕТРОСОВА О.Н. // Трансформация внешней политики Турции после «Арабской весны» (на примере взаимоотношений с Сирией)…… **202**

КОБИЛОВА Г.Н. кизи. // Роль культурно-образовательных центров в реализации публичной дипломатии Республики Корея…… **209**

ВОХИДОВ А.А. угли. // Между войной и миром: соотношение дипломатии и военных конфликтов Тибета и Китая в VII–IX вв……. **220**

NARIMONOV D.M. // O‘zbekistonda arabshunoslik maktabining shakllanishi va arab davlatlari ijtimoiy-siyosiy tarixini o‘rganishdagi o‘rni…….. **233**

TAYLAQOV T. // Isroil tarixnavisligi: afsona va haqiqat…… **238**

FAYZULLAYEV A.A. o‘g‘li. // Turkiyada harbiy-siyosiy meros va milliy davlat shakllanishida armiyaning roli…… **248**

МАХМАРАЙИМОВ Г.Д. угли. // Особенности военно-политической стратегии государства Газневидов……..…… **258**

AXMADJONOV N.B. o‘g‘li. // Xalqaro munosabatlar tizimida milliy identiklikning roli (Eron Islom Respublikasi misolida)…… **267**

ABDUSATTOROVA F.A. qizi. // Yapon mustamlakasi davrida nashr etilgan xotin-qizlar jurnallari tarixi…….. **274**

SAMIYEVA M.B. qizi. // Narasimha Rao islohotlari: Hindiston migratsiyasi rivojlanishining yangi bosqichi (1991 – 2000 -yillar)…… **280**

SA’DULLAYEV Sh. // Xarappa madaniyatida diniy tizim va uning Hindiston dinlari evolutsiyasidagi roli…….. **290**

MAXMUDOV T.T. o‘g’li. // Hind shifokorlari va tibbiy xizmat xodimlarining birinchi jahon urushidagi ishtiroki…….. **302**

SAPARBAYEVA S.B. qizi. // Pokistonda sunniy-shia munosabatlari va ularning siyosiylashuvi (1979–2004-yillar)…….. **310**

TO‘XTASINOVA Sh.I. // Pokistonda “Ma’rifatli moderatsiya” siyosati davrida xotin-qizlarga munosabat…… **316**

AXMADOV N.F. // Historical and cultural relations between Uzbekistan and Jordan…….. **323**

FAYZULLAYEV A. // Qatar tashqi siyosatida tinchlik konsepsiyasi……... **331**

SHAROFOVA D.Sh. qizi. // Marokashda Fransiya protektoratlik davrida migratsiya tarixi……... **338**

ЁЗИЕВА Ш.Г. // Ключевые направления сотрудничества Центральной Азии и стран Персидского залива…… **346**

MAMAJONOV R. // Meiji modernizatsiyasi sharoitida Yaponiya tashqi siyosatining shakllanishi…….. **352**

SHARIPOV B.F. // Xitoyning Vetnam tashqi siyosati va xavfsizlik tafakkuridagi o‘rni……... **365**

NABIJONOV S.A. o‘g‘li. // Qo‘qon xonligining tugatilishi arafasida Mulla Iso Avliyo va Abdurahmon Oftobachining harbiy-siyosiy strategiyasi…… **372**

Ma Kun. // Information control in China’s foreign policy propaganda…….. **379**

Cui Fenghao. // Key characteristics of China’s contemporary foreign policy… **385**

Zhao Bing. // Central Asia in China’s strategic vision…….. **391**

KORABOYEV M. // Constitutional movements and party activity in Iran…….. **396**

ABDULXAYEV A.N. o‘g‘li. // Xitoy davlat boshqaruvi tizimining modernizatsiya masalasi…….. **402**

RIZAYEV A. // Arab davlatlarida territorial identiklik masalasi…….. **411**

QUCHQOROV M.A. o‘g‘li. // Saudiya Arabistoni va Eron Islom Respublikasi munosabatlarida diniy-siyosiy omil…… **419**

САҒДУЛЛАЕВ И.Ғ. ўғли. // Туркия–Ўзбекистон стратегик шериклиги: геосиёсий ва геоиқтисодий омиллар…… **426**

ХЎЖАМБЕРДИЕВ Д. // Туркий давлатлар ташкилоти доирасида ҳарбий ва ҳарбий-техник ҳамкорликнинг ривожланиши……... **433**

XUDOYBERDIYEV A.A. o‘g‘li. // Temuriylar va min sulolasi o‘rtasidagi diplomatik aloqalar…….. **438**

TURANAZAROVA Z.D. // Markaziy Osiyo davlatlarining xalqaro tashkilotlar bilan barqaror rivojlanish sohasidagi hamkorligi evolyutsiyasi: mustaqillikka erishishdan barqaror rivojlanish maqsadlarini amalga oshirishgacha……. **445**